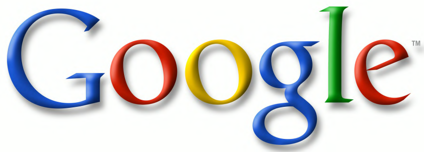

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

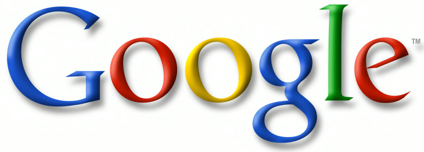
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Фун...
Нижегородская
ИМПЕРАТОРА А
Хронологический к
Шкафъ . . 13
Полка . . . 5
1825

Kojalovič, M. I.

ИСТОРІЯ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ ЗАПАДНОРУССКИХЪ УНІАТОВЪ

СТАРЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Кояловича.

«Чада возлюбленіи, православніи! вѣруйте, истинно бо есть, что и нынѣ и вы вашими святими и благочестивыми и ревностными поступленіи и таковыми о вѣрѣ неисповѣдимыми терпѣніями и страданіями предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ славу есте нажили и исторію, вѣками нестеряемую.» Изъ посланія Гервасія 1767 г. Арх. Кіевск. Ком. ч. I. т. 3, стр. 250.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1873.

ся шагъ за шагомъ за уніатскою пропагандою въ средѣ православныхъ съ своею пропагандою въ средѣ уніатовъ. То и другое направленіе, т. е. съ одной стороны, ожесточеніе противъ уніи и желаніе ее бросить насильно обращенныхъ въ нее и, съ другой, переходъ въ латинство уніатовъ, повидимому, свыкшихся съ уніей, уніатская западно-русская церковь сама усиливала своими внутренними преобразованіями.

Почти съ самаго начала западно-русской уніи, въ уніатской церкви этой страны завязалась борьба между ревнителями греко-восточныхъ обрядовъ и ревнителями латинскихъ нововведеній. Борьба эта разрѣшилась въ 1720 году торжествомъ послѣднихъ и произвела въ уніатской западно-русской церкви жестокую смуту, конца которой невозможно было предвидѣть въ тѣ старыя времена, какъ невозможно его предвидѣть, въ смыслѣ благопріятномъ для уніи, и въ настоящее время. Ревнители греко-восточныхъ обрядовъ видѣли, что въ уніи разрушается вѣроисповѣдный, родной имъ строй, и, стремясь возстановить его, естественно приходили къ православію. Ревнители латинскихъ нововведеній не знали, на чемъ остановиться, теряли подъ собою вѣроисповѣдную почву и еще сильнѣе переходили въ латинство.

Въ настоящемъ трудѣ мы представляемъ исторію возсоединенія съ православною, русскою церковію тѣхъ западно-русскихъ уніатовъ, которые прямо возвращались въ православіе, потому ли, что сохраняли въ душѣ православныя убѣжденія, или потому, что подчинялись вліянію на нихъ людей православныхъ и шли за ними. Исторія этого (прямого) возсоединенія уніатовъ, начинаясь со времени самаго появленія уніи, явно ослабѣ-

ВВЕДЕНІЕ.

Уніатская церковь, существовавшая въ предѣлахъ бывшаго польскаго королевства и сохранившаяся въ своихъ остаткахъ до настоящаго времени въ холмской области и въ Галиціи, никогда не имѣла самостоятельнаго и прочнаго положенія, какъ особое вѣроисповѣданіе, способное удовлетворять религіознымъ потребностямъ своихъ послѣдователей. Вся ея исторія есть напряженный трудъ, неотвратимымъ послѣдствіемъ котораго было разрушеніе уніи и разсѣяніе уніатской паствы. Воодушевившись латинскимъ фанатизмомъ къ православнымъ членамъ западно-русской церкви и вооружившись латинскими пріемами для обращенія ихъ въ свое ученіе, уніатская западно-русская церковь съ поразительною настойчивостію подвигалась на востокъ отъ чистой Польши, и путемъ насилій и хитростей пріобрѣтала себѣ въ предѣлахъ православной западно-русской церкви большее и большее число уніатовъ, ненавидѣвшихъ ее всею душою и готовыхъ бросить ее при первой возможности; но въ тоже самое время позади этихъ непрочныхъ завоеваній, въ своихъ собственныхъ предѣлахъ на западѣ къ Польшѣ, она теряла собственныхъ своихъ чадъ, повидимому, привыкавшихъ къ ней и роднившихся съ нею. Эти, повидимому, надежныя чада то и дѣло переходили въ латинство, потому ли что разочаровывались въ уніи, или потому, что уступали интригамъ или насиліямъ польскаго латинскаго духовенства, подвигавшаго-

ся шагъ за шагомъ за уніатскою пропагандою въ средѣ православныхъ съ своею пропагандою въ средѣ уніатовъ. То и другое направленіе, т. е. съ одной стороны, ожесточеніе противъ уніи и желаніе ее бросить насильно обращенныхъ въ нее и, съ другой, переходъ въ латинство уніатовъ, повидимому, свыкшихся съ уніей, уніатская западно-русская церковь сама усиливала своими внутренними преобразованіями.

Почти съ самаго начала западно-русской уніи, въ уніатской церкви этой страны завязалась борьба между ревнителями греко-восточныхъ обрядовъ и ревнителями латинскихъ нововведеній. Борьба эта разрѣшилась въ 1720 году торжествомъ послѣднихъ и произвела въ уніатской западно-русской церкви жестокую смуту, конца которой невозможно было предвидѣть въ тѣ старыя времена, какъ невозможно его предвидѣть, въ смыслѣ благопріятномъ для уніи, и въ настоящее время. Ревнители греко-восточныхъ обрядовъ видѣли, что въ уніи разрушается вѣроисповѣдный, родной имъ строй, и, стремясь возстановить его, естественно приходили къ православію. Ревнители латинскихъ нововведеній не знали, на чемъ остановиться, теряли подъ собою вѣроисповѣдную почву и еще сильнѣе переходили въ латинство.

Въ настоящемъ трудѣ мы представляемъ исторію возсоединенія съ православною, русскою церковію тѣхъ западно-русскихъ уніатовъ, которые прямо возвращались въ православіе, потому ли, что сохраняли въ душѣ православныя убѣжденія, или потому, что подчинялись вліянію на нихъ людей православныхъ и шли за ними. Исторія этого (прямого) возсоединенія уніатовъ, начинаясь со времени самаго появленія уніи, явно ослабѣ-

ваетъ къ началу настоящаго столѣтія, уступая мѣсто другому направленію возсоединенія, — постепенному сближенію уніатской церкви съ православною, которое явно обозначилось въ половинѣ XVIII столѣтія и завершилось въ западной Россіи возсоединеніемъ уніатовъ въ 1839 году.

Въ нашей русской литературѣ есть разъясненіе собственно двухъ моментовъ исторіи прямого обращенія западно-русскихъ уніатовъ къ православію: исторіи возстановленія православія въ началѣ второй половины прошедшаго столѣтія—до уманской смуты (1768 г.), и исторіи возсоединенія уніатовъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ царствованіе Павла I. О событіяхъ возсоединенія между этими двумя моментами, а также о возсоединеніи уніатовъ до половины XVIII столѣтія въ нашей литературѣ или попадаются немногія, отрывочныя извѣстія, или вовсе не встрѣчаются.

Самыя раннія, по времени обнародованія, извѣстія о возсоединеніи западно-русскихъ уніатовъ находятся въ Историч. извѣстіи о возникшей въ Польшѣ уніи, соч. Бантыша-Каменскаго, изд. 1805 г., новое изд. 1866 г. Доходятъ эти извѣстія до 1795 года.

О временахъ, предшествовавшихъ уманской смутѣ,— о дѣятельности мотренинскаго игумена Мельхиседека Яворскаго и епископа переяславскаго Гервасія памятники и изслѣдованія изданы въ Кіевѣ,—въ Кіевскихъ Еп. Вѣдомостяхъ, съ 1861 г., и въ Архивѣ Кіевской Археографической Коммиссіи. Второй и третій томы первой части Архива юго-западной Россіи (изд. 1864 г.) посвящены исключительно времени Мельхиседека и заключаютъ въ себѣ драгоцѣнные памятники. Допол-

неніемъ и поясненіемъ ихъ служатъ: Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго, изд. прот. Григоровичемъ (два изд.: первое 1835 г., послѣднее 1861 г.) и Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края, изданіе Арх. Коммиссіи 1865 года.

О возсоединеніи уніатовъ въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія изданы нѣкоторые памятники въ Кіевск. Еп. Вѣдомостяхъ (особенно важны матеріалы для исторіи пинской конгрегаціи 1791 г., изд. 1861 г.). Изслѣдованія объ этихъ временахъ: а) въ сочиненіи графа Д. А. Толстаго: Le catholicisme romain en Russie, изд. 1864 г., т. 2, гл. VII и VIII; б) въ Историко-статистическомъ описаніи минской епархіи — архимандрита Николая, 1864 г. (основано на дѣлахъ архива минской консисторіи); в) въ соч. Іезуиты въ Россіи, свящ. М. Морошкина, ч. I, изд. 1867 г. (вторая часть — позднѣйшія дѣла).

О политическихъ дѣлахъ тѣхъ временъ: а) Исторія паденія Польши, С. М. Соловьева, изд. 1863 г. б) Послѣдніе годы рѣчи-посполитой польской, Н. И. Костомарова, 1870 г. (Въ обоихъ сочиненіяхъ есть извѣстія о дѣятельности Георгія Конисскаго, Мельхиседека, Виктора Садковскаго). в) Гродненскій сеймъ 1793 г., соч. Д. И. Иловайскаго, 1870 года.

Наше сочиненіе основано, кромѣ печатныхъ памятниковъ, указанныхъ выше и разсѣянныхъ по другимъ изданіямъ, на дѣлахъ: а) Арх. св. синода; б) Архива уніатскихъ митрополитовъ (хранящихся въ св. синодѣ); в) Арх. греко-уніатской коллегіи; г) Арх. канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, и д) на памятникахъ, доставленныхъ намъ частными лицами.

ОБЪЯСНЕНІЕ

СОКРАЩЕНІЙ ВЪ ЦИТАТАХЪ.

Annexa—Annexa do części pierwszey relacyi w materyi o buntach na seymie 1790 roku uczynioney. W Warszawie.

Арх. канц. обр. прок. св. с.—Архивъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода.

Арх. к.—Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ, высочайше утвержденною при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ.

Археогр. сборн.—Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи виленскаго учебнаго округа.

Арх. св. с.—Архивъ святейшаго правительствующаго синода.

Арх. ун. к.—Архивъ бывшей грекоуніатской коллегіи, хранящійся при архивѣ св. синода.

Арх. ун. м.—Архивъ уніатскихъ митрополитовъ, хранящійся при архивѣ св. синода. Дѣла этого архива раздѣляются на слѣдующіе главные отдѣлы, имѣющіе каждый особую нумерацію: 1) отдѣльныя дѣла; 2) связки; 3) рукописныя книги, въ которыхъ памятники тоже имѣютъ свою нумерацію, и 4) печатныя брошюры.

Док.—Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ. С.-Петербургъ 1865. Изданы С.-П. Археографическою Коммисіей, подъ моей редакціей.

Истор. ун. Бант.-Кам.—Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи... Николаемъ Бантышемъ-Каменскимъ 1795 года собранное. Первое изданіе 1805 г., второе 1866 г.

Relacya—Relacya deputacyi do examinowania sprawy o bunty oskarzonych na seymie 1790 roku uczyniona. Część pierwsza. W Warszawie.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	7	стр.	6 сверху	*напечатано:*	югозападъ	*нужно:*	юговостокъ
—	30	—	9 снизу	—	что а они	—	что они
—	110	—	1 снизу	—	отъ лянскаго	—	смилянскаго
—	122	—	6 сверху	—	они	—	уніаты
—	159	—	15 снизу	—	Гарамтій	—	Гарампій
—	—	—	17 сверху	—	оставляющія	—	оставлявшія
—	207	—	4 снизу	—	радстью	—	радостію
—	211	—	3 сверху	—	присоедине-ніи всѣ	—	присоедине-ніи,—всѣ
—	223	—	16 сверху	—	прибывша	—	прибывши
—	224	—	13 снизу	—	налагаемы и взыщутъ по-боръ	—	налагаемыи взыщутъ по-боры
—	226	—	4 сверху	—	рескрипта	—	рескрипта Екатерины
—	230	—	6 сверху	—	какъ бы во-просъ	—	какъ бы этотъ вопросъ
—	246	—	11 снизу	—	не перетяги-вать	—	перетягивать
—	269	—	2 сверху	—	(10 января)	—	(10 января 1783 г.)
—	288	—	15 снизу	—	извѣ-	—	извѣщенія о полу-
—	291	—	11 сверху	—	латинство	—	латинскаго
—	300	—	1 сверху	—	извѣттіе	—	извѣстіе
—	305	—	6 сверху	—	хлопоталъ	—	хлопотахъ
—	321	—	16 снизу	—	не навидѣла	—	ненавидѣла
—	325	—	13 снизу	—	требованіе	—	пребываніе
—	333	—	18 сверху	—	можно боять-ся—	—	можно было бояться
—	344	—	4 сверху	—	15 4	—	15 (4)
—	354	—	16 снизу	—	уздамъ	—	уѣздамъ
—	357	—	4 сверху	—	увѣдомиться	—	увѣдомився
—	361	—	20 сверху	—	П. ревскаго	—	Перевровскаго
—	395	—	14 сверху	—	вызвало	—	вызвала

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Попытки къ возсоединенію съ самаго начала уніи. Ослабленіе ихъ въ XVIII столѣтіи. Бѣдственное положеніе въ западной Россіи православія. Торжество надъ православіемъ уніи. Торжество надъ уніей латинства. Вопросъ объ уничтоженіи уніи въ Польшѣ. Колонизація Украины съ восточной стороны Днѣпра; возстановленіе здѣсь православія. Смута въ средѣ уніатовъ, произведенная замойскимъ соборомъ. Вліяніе на уніатскій народъ православныхъ Украины и восточной стороны Днѣпра. Георгій Конисскій и Гервасій Линцевскій. Чигиринская Украина. Мотренинскій игуменъ Мельхиседекъ. Первыя достовѣрныя присоединенія уніатовъ къ православію. Противодѣйствіе уніатскихъ властей. Рѣшеніе Мельхиседека ѣхать въ Петербургъ.

Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковію начинается съ того самаго времени, какъ введена въ польскомъ государствѣ унія; можно даже сказать, что она началась еще до объявленія уніи. Еще до утвержденія уніи папою Климентомъ VIII и до обнародованія ея на брестскомъ соборѣ 1596 г., два епископа, согласившіеся было на унію,—львовскій Гедеонъ Балабанъ и перемышльскій Михаилъ Копыстенскій, отказались отъ нея [1]. О времени перваго уніатскаго митрополита, Михаила Рогозы сами уніаты говорятъ, что къ концу его жизни едва нѣсколько человѣкъ были дѣйствительными уніатами [2], а православные писатели, современники началу уніи, утверждаютъ, что и самъ митрополитъ Михаилъ, умирая, раскаивался въ ней [3]. При второмъ уніатскомъ митрополитѣ, Ипатіѣ Поцѣѣ, въ 1608—9 г., по поводу основанія базиліанскаго ордена, заволновались не толь-

[1] Лит. церк. унія т. I, стр. 95, 99, 121, 127—129.

[2] Арх. ун. м. рукописн. книга А. I, № 17—донесеніе папѣ Якова Суши 1664 г.

[3] Лит. церк. ун., т. 2, стр. 52 и прим. 45.

ко православные, никогда не признававшіе себя уніатами, но и весьма многіе уніаты, дѣйствительно повиновавшіеся до того времени уніатской іерархіи [1]. Въ 1620 году, когда въ Кіевѣ возстановлена была высшая православная іерархія для всѣхъ западнорусскихъ епархій, давно уже объявленныхъ уніатскими, то во всѣхъ этихъ епархіяхъ православіе такъ могущественно возстановлялось, что уніатскія власти приходили въ отчаяніе, и польское правительство вынуждено было въ 1632—3 г. признать православнаго кіевскаго митрополита и четырехъ православныхъ епископовъ—львовскаго, перемышльскаго, луцкаго и могилевскаго, законными іерархами этихъ епархій [2]. Во времена казацкихъ войнъ и особенно, во времена войнъ съ Польшей Богдана Хмѣльницкаго и царя Алексѣя Михайловича, унія быстро исчезала во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ падала польская власть, и возстановленное православіе являлось въ такомъ могуществѣ, что гетманъ Хмѣльницкій прямо заговорилъ объ уничтоженіи уніи вообще въ Польшѣ и заставилъ польское правительство внести это рѣшеніе въ договоръ съ нимъ [3]. Рѣшеніе это не было исполнено Польшей, но замѣчательно, что оно сохраняло полную силу во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили и боролись съ Польшей казаки. Такъ, именно было въ западной малороссійской Украинѣ до двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія. Въ ней исчезли всѣ остатки уніи, и не разъ это стремленіе возстановить русскую жизнь въ гражданскомъ и религіозномъ смыслѣ обхватывало всю западную Малороссію отъ Украины до предѣловъ Галиціи и холмской области, въ одну сторону, и до лѣсовъ и болотъ babприпетскихъ—въ другую. Такъ бывало не только во времена Хмѣльницкаго, но и позднѣе—во времена Палія (1693—1711 года) [4].

Уніатская церковь была тогда въ великомъ уничиженіи и даже страхѣ за свое существованіе. Западная Малороссія

---

[1] Тамъ же, стр. 63—76, а также позже изданные документы—Археогр. Сборн., т. 6, №№ 58—78.

[2] Лит. церк. ун., т. 2, стр. 108—115, 169—178.

[3] Зборовскій договоръ (1649 г.). Истор. ун. Бант. Каменск., стр. 100, по изд. 1866 г.; Лит. церк. ун., т. 2, стр. 209—221.

[4] Арх. кіевск., ч. 3, т. 2—весь о временахъ казачества этого времени.

была тогда независимою отъ Польши и много разъ заявляла Петру 1 желаніе принять ее въ русское подданство. Петръ, какъ извѣстно, распоряжался не только Украиной, но и всей Польшей; онъ даже самъ расправлялся съ уніатами и наводилъ на нихъ ужасъ [1]. Но съ этихъ то именно временъ начинается быстрое ослабленіе возсоединенія уніатовъ. Въ интересахъ Петра было въ дѣйствительности оберегать Польшу, и онъ не находилъ возможнымъ взяться за дѣйствительное разрѣшеніе уніатскаго вопроса. Мало того, Петръ 1 не только не принялъ въ подданство западной Малороссіи, но самъ приказалъ ей (1711 г.) возвратиться подъ власть Польши [2]. Это повело къ тому, что народъ украинскій громадными массами сталъ переселяться на восточную сторону Днѣпра, Украина почти совсѣмъ обезлюдѣла, и въ ней уничтожена народная и религіозная опора—казачество [3]. Въ Украинѣ надолго утвердилось тяжкое убѣжденіе, что Петръ отдалъ ее Польшѣ [4], и одно уже это убѣжденіе не могло не приносить горькихъ плодовъ. Русскія дѣла послѣ Петра 1 до Елисаветы Петровны, конечно, не могли ободрять западной Россіи. Правда, въ эти времена православные западно-русскіе часто и иногда чаще, чѣмъ въ другія времена, обращались къ русскому правительству съ просьбою о защитѣ, и Россія заступалась за нихъ своими представленіями польскому правительству; но дѣйствительной пользы отъ этого не было и не могло быть. Господство иноземцевъ въ самой Россіи, униженіе въ ней народныхъ началъ жизни не могли внушать Польшѣ опасеній за подобный же образъ дѣйствій по отношенію къ русскому же народу польскаго государства. Поляки въ эти времена и даже въ первое время Елисаветы Петровны просто не уважали ходатайствъ Россіи за православныхъ польскаго государства [5].

---

[1] Извѣстное столкновеніе Петра съ уніатами въ Полоцкѣ (1705 г.) и ссылка луцкаго уніатскаго епископа Жабокрицкаго. Истор. ун. Бант. Каменск., стр. 137—9, 141; Лит. церк. ун., т. 2, стр. 242 и 237.

[2] Арх. к. ч. 3, т. 2, № CCLXXXVII. Петръ вынужденъ былъ это сдѣлать на основаніи прутскаго договора съ Турціей. См. ист. Росс. Солов., т. XVI, стр. 92 и 127—130.

[3] Арх. к. ч. 3, т. 2, предисл. стр. 102—103 и 193—197.

[4] Арх. кіевск., ч. 1, т. 2, стр. 92; т. 3, стр. 86, 400.

[5] Истор. ун. Бант. Кам. стр. 125 по изд. 1866 г.

Положеніе православныхъ западной Россіи во всѣ эти времена—петровскія и ближайшія къ нимъ становилось болѣе и болѣе бѣдственнымъ и опаснымъ. Изъ четырехъ православныхъ епархій, признанныхъ польскимъ правительствомъ (1632—3) и даже трактатомъ вѣчнаго мира между Россіей и Польшей (1686 г.), осталась къ половинѣ XVIII столѣтія только одна—могилевская или бѣлорусская. Въ западной Малороссіи не осталось ни одной православной епархіи. Ко времени перехода Украины, по приказу Петра, подъ власть Польши, прекратила свое православное существованіе, сохранявшаяся дольше другихъ луцкая епископія [1]. Епископъ ея Кириллъ Шумлянскій, желавшій оставаться православнымъ, принужденъ былъ вслѣдъ за выселявшимся народомъ переселиться на восточную сторону Днѣпра въ Кіевъ, затѣмъ утвердился въ Переяславлѣ (южномъ), и оттуда уже онъ [2] и его преемники [3] управляли духовными дѣлами западной Малороссіи въ качествѣ коадъюторовъ (викарныхъ) кіевскаго митрополита, которому по трактату 1686 года сохранено право духовной власти надъ всѣми православными польскаго государства [4]. Православныя братства, такъ могущественно защищавшія родную вѣру въ прежнія времена, падали почти повсемѣстно и отъ усилившагося латинскаго и уніатскаго фанатизма, и отъ жестокаго разоренія во времена шведской войны [5]. Православное западно-русское иночество, которое обыкновенно тверже и дольше другихъ удерживало свою вѣру и около котораго группировались болѣе дѣятельныя братства, тоже сильно ослабѣло въ эти бѣдственныя времена. Оно то собирало свои подорванныя силы и образовывало корпораціи монастырей, какъ, напримѣръ: виленская корпорація, слуцкая [6], то

[1] Арх. кіевск. ч. 1, т. 4, стр. 295, 297; ч. 3, т. 2, стр. 113.

[2] Тамъ же, ч. 1, т. 4, стр. 325, 340, 344, 405.

[3] Арх. св. с. дѣло 1757, № 166.

[4] Истор. ун. Бант. Кам., стр. 125—6 по изд. 1866 г.

[5] Картина этого разоренія въ могилевской области, гдѣ была опора бѣлорусскаго православія, хорошо очерчена въ запискахъ игумена Ореста. Археогр. Сборн., т. 2, стр. XL—LXVI.

[6] Около виленскаго святодухова монастыря группировались монастыри: кронскій, кейданскій, сурдекскій, друйскій, минскій-петропавловскій, грозовскій, вилейскій, и женскіе: виленскій-благовѣщенскій и мин-

скрывалось въ глухіе лѣса, поближе къ Россіи, какъ напримѣръ, украинскіе приднѣпровскіе монастыри, о которыхъ не разъ еще будемъ говорить, или наконецъ оставалось въ уединенныхъ, безнадежныхъ пунктахъ среди озлобленныхъ иновѣрцевъ и въ постоянномъ страхѣ за свое существованіе, какъ напримѣръ, монастыри: бѣльскій, дрогичинскій, яблочинскій.

Уніатская церковь готова была въ эти времена довершить свою побѣду надъ западнорусскимъ православіемъ. Бѣлоруссія, повидимому, не представляла ей уже никакого затрудненія. Уніаты не только сами высылали туда свои миссіи съ проповѣдью объ уніи, съ орудіями казни за непослушаніе и обращали въ унію цѣлые деревни, села, приходы, но вызвали на то же дѣло и латинскія миссіи и польскихъ помѣщиковъ [1]. Къ началу второй половины XVIII столѣтія, въ могилевской епархіи оставалось лишь 130 приходовъ [2], и положеніе ихъ было такъ тягостно, что, по свидѣтельству русскаго посланника въ Варшавѣ (1752 г.), весь народъ (бѣлорусскій) по нестерпимому гоненію уже преклонялся на унію [3]. Уніаты собрались было уже закрывать могилевскую епископію [4].

Труднѣе было уніатамъ достигнуть такого успѣха въ западной Малороссіи. Такъ какъ здѣсь всегда было опасно вводить унію прямо, потому что изъ за этого народъ поднималъ возстаніе, то поляки еще во второй половинѣ XVIII столѣтія придумали особенную мѣру. Они тайно увлекли въ унію епископовъ этой области—львовскаго и луцкаго и заставляли народъ подчиняться имъ по прежнему [5]. Въ началѣ XVIII стол.

скій-петропавловскій. Около слуцкаго троицкаго монастыря группировались: слуцкій-преображенскій, мороцкій, старчицкій, грозовскій, заблудовскій и слуцкій женскій св. Иліи. Арх. св. с. д. 1785 № 98.

[1] Собр. соч. Георг. Конисск., ч. I, VI, XXI; Докум. стр. 372—418.

[2] Ист. ун. Бант. Кам., стр. 299 и 300.

[3] Тамъ же, стр. 278. Даже въ слуцкой области, въ которой православіе было въ сравнительно лучшемъ положеніи, въ православныхъ церквахъ трудно было служить, потому что не было книгъ и не на что было купить церковнаго вина. Русск. Арх. за 1864 г., стр. 279—3.

[4] Собр. соч. Георг. Конисск., т. I, стр. VI, прим. 13.

[5] Лит. церк. ун., т. 2, стр. 236—7. Новые, богатые документы касательно этого дѣла, изданы кіевскою арх. коммиссіею. Арх. к. ч. 1, т. 4, стр. 141, 149, 203, 205, 207, 214, 229, 230.

львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій и луцкій Діонисій Жабокрицкій сняли маску и объявили себя уніатами [1]. Польскіе паны, не обращая вниманія на эту перемѣну, по прежнему настаивали, чтобы народъ подчинялся имъ [2]. Мало того, когда въ 1711 году, оказалось труднымъ держать въ Луцкѣ особаго епископа [3], то волынскіе паны приказали луцкой паствѣ обращаться къ холмскому уніатскому епископу [4]. Благодаря этимъ хитростямъ и панскому гнету на народъ, многіе православные на Волыни и въ Подоліи привыкали къ духовной уніатской власти и къ названію себя уніатами. Въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія уніатскихъ приходовъ въ западной Малороссіи считалось 150 [5]. Съ этого времени унія начинаетъ быстрѣе и быстрѣе подвигаться на юговостокъ, въ глубь Украины. Тогда особенно успѣшно заселялись пустынныя мѣста этой страны. За переселенцами изъ уніатскихъ областей подвигалась уніатская іерархія; польскіе паны основывали приходы; уніатскія власти утверждали это (такъ называемыя эрекціи), освящали церкви, назначали священниковъ. Въ 1747 г. въ западной Малороссіи считалось уже около 800 уніатскихъ приходовъ [6], а около 1764 до 2,000 [7]. Около половины же XVIII ст. въ западную Малороссію, именно въ Радомысль, перенесена была и митрополичья уніатская каѳедра, соединявшаяся передъ тѣмъ обыкновенно съ полоцкою архіепископскою каѳедрою. Сами уніаты называли это время цвѣтущимъ временемъ уніи [8], и это мнѣніе вполнѣ подтверждается тогдашними взглядами на унію латинянъ. Они считали дѣло уніи поконченнымъ, стали обращать въ латинство сотни уніатскихъ приходовъ [9], обсуждали, какъ бы совсѣмъ уничто-

1 Лит. церк. ун., т. 2, стр. 236—271.

2 Арх. к. ч. 1, т. 4, стр. 295, 297, 314.

3 Уніатскій епископъ Жабокрицкій былъ сосланъ въ Россію по приказанію Петра, Кириллъ Шумлянскій не хотѣлъ быть уніатомъ.

4 Арх. к. ч. 1, т. 4, стр. 344.

5 Арх. ун. м. книга Г. IV, № 142.

6 Тамъ же, кн. А. I, № 36.

7 Тамъ же, кн. Г. IV, № 142.

8 Тамъ же.

9 Тамъ же, кн. Ж. VII, № 486.

жить унію и даже склоняли уже на это правительство папы [1]. Но въ это-то именно время западнорусское православіе ожило и въ средѣ уніатовъ обнаружилось такое стремленіе къ нему, что съ нимъ не могли справиться всѣ силы уніи и латинства до самаго паденія Польши.

Движеніе уніи на югозападъ, въ Украину, встрѣтилось съ другимъ, противоположнымъ,—съ движеніемъ православнымъ. Польскіе паны, заселяя пустыни малороссійскія, имѣли обыкновеніе давать сначала поселявшемуся народу значительныя льготы [2]. Въ числѣ этихъ льготъ важнѣйшею въ глазахъ народа было дозволеніе исповѣдывать православную вѣру [3]. Такого обыкновенія держались знатнѣйшіе паны Украины, какъ Яблоновскіе, Любомірскіе, Потоцкіе [4]. Эта льгота побуждала, съ одной стороны, многихъ изъ переселившихся съ запада уніатовъ сбрасывать иго уніи и объявлять себя православными, съ другой, она располагала многихъ малороссовъ, выселившихся на восточную сторону Днѣпра, возвращаться назадъ [5]. Переселенцы эти тоже основывали приходы, строили церкви и добывали себѣ священниковъ то изъ Валахіи [6], то еще чаще изъ Кіева и Переяславля южнаго.

Столкновенія этихъ двухъ противоположныхъ направленій религіозной жизни западной Малороссіи, уніатскаго и православнаго, въ первые годы послѣ Палія не особенно давали себя чувствовать. Православіе и унія въ тѣ времена въ Малороссіи, по наружности, отличались весьма немногимъ. И у православныхъ, и у уніатовъ были одни и тѣ же обряды, однѣ и тѣ же книги церковныя. Но съ 1720 года дѣло измѣнилось. Уніатскій замойскій соборъ узаконилъ многія латинскія нововведенія въ уніи, выработанныя главнымъ образомъ въ Литвѣ

[1] Тамъ же, №№ 462, 467, 471, 477.

[2] Арх. кіевск., ч. 6, т. 2, см. инвентари имѣній до половины XVIII стол. наприм. №№ 21, 27, 37, 39, 40, 42 и друг.

[3] Арх. кіевск., ч. 1, т. 3, стр. 402; т. 2, стр. 1, 2, 9, 18.

[4] Тамъ же.

[5] Арх. ун. м., кн. А. I, № 36; кн. Г. IV, № 129.

[6] Нѣкоторыя изъ свидѣтельствъ о рукоположеніи укр. священниковъ въ Валахіи съ 1741 по 1764 г., Арх. к., ч. 1, т. 3, стр. 367, 137, 361; т. 2, стр. 57, 100; т. 3, стр. 175; т. 2, стр. 67.

базиліанскимъ орденомъ. Узаконено было, между прочимъ отмѣнить многіе православные обряды, издать новыя церковныя книги [1]. Дальнѣйшее развитіе замойскаго собора повело къ распоряженіямъ стричь священникамъ волосы, брить бороды, носить одежду латинскихъ ксендзовъ [2]. Въ 1726 году уніатскій митрополитъ Левъ Кишка собиралъ въ Житомірѣ волынское духовенство и предъявилъ ему для руководства постановленія замойскаго собора [3]. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія уніатскія власти разъѣзжали по Малороссіи, собирали священниковъ, учили ихъ новымъ обрядамъ и непокорныхъ подвергали наказаніямъ, даже тѣлеснымъ [4]. Народъ малороссійскій, бросавшій унію на новыхъ мѣстахъ поселеній или возвращавшійся на эти мѣста изъ-за Днѣпра съ чистымъ православіемъ, видѣлъ, что ему опять предлагають унію и притомъ какую-то новую, съ новыми обрядами, по новымъ книгамъ и при новой одеждѣ духовенства, по образцу польскому, латинскому, и какъ бы нарочно для того, чтобы убѣдить его, что его дѣйствительно тянутъ къ Польшѣ и латинству, вслѣдъ за уніатами подвигались латинскіе ксендзы, строили костелы для ничтожнаго числа польскихъ колонистовъ и всякими неправдами увеличивали свои приходы уніатами, обращая ихъ въ латинство [5]. Наконецъ за уніатскими и латинскими священниками подвигались уніатскіе и латинскіе монахи, основывали монастыри, устрояли миссіи для поученія народа, который при этомъ терялъ уже всякую возможность различать унію и латинство и могъ понимать между ними развѣ одно различіе, что уніаты и латиняне спорили за власть надъ русскимъ народомъ, желавшимъ бытъ православнымъ, укоряли другъ друга за совращенія и заводили много-

---

[1] Подробное изслѣдованіе этого можно читать въ сочиненіи А. Ѳ. Хойнацкаго: Западнорусская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ. Кіевъ 1871 г.

[2] Съ фактами этого рода будемъ не разъ встрѣчаться.

[3] Арх. ун. митр. кн. Г. IV, № 142; арх. св. с. д. 1774 г., № 327, прошеніе малороссовъ § 8.

[4] Арх. ун. м. кн. Г. IV, № 215; Арх. кіевск. ч. 1, т. 2, стр. 120; т. 3, стр. 368, 369, 403—404, 413, 415, 418, 420, 478—479; т. 4, № CCI.

[5] См. выше стр. 6, прим. 9.

численныя тяжбы у своихъ ближайшихъ властей, у короля и папы [1]. Эти-то обстоятельства и вызвали главнымъ образомъ движенiе народа западной Малороссiи къ возсоединенiю съ православною церковью.

Признаки стремленiя унiатовъ къ возсоединенiю или, точнѣе говоря, къ сохраненiю православiя подъ покровомъ унiи обнаруживаются по памятникамъ даже гораздо раньше замойскаго собора. Такъ еще въ 1700 г. унiатскимъ визитаторомъ замѣчено было на Волыни, что одинъ унiатскiй священникъ держитъ викарнымъ православнаго священника [2]; о другомъ въ 1712 году визитаторъ замѣчаетъ, что онъ только въ праздничные дни совершаетъ унiатское богослуженiе, т. е. поминаетъ папу, а въ остальные дни совершаетъ богослуженiе православное [3]. Послѣ замойскаго собора, когда унiя состояла уже не въ одномъ признанiи и поминанiи папы, а во множествѣ латинскихъ особенностей, подобныхъ случаевъ было гораздо больше, хотя они не заносились въ визиты. Унiаты,— священники и мiряне—ревнители восточныхъ т. е. православныхъ обрядовъ, обыкновенно откупались отъ унiатскихъ визитаторовъ, инструкторовъ и другихъ властей [4]. Это отчужденiе отъ унiи поддерживалось и оживлялось въ народѣ западной Малороссiи посѣщенiемъ православныхъ святыхъ мѣстъ и до такой степени, что переходили въ православiе даже латиняне, переселившiеся въ Малороссiю изъ Польши [5]. Въ особенности могущественно дѣйствовалъ и на народъ и на унiатское духовенство Кiевъ. На пространствѣ большей половины XVIII столѣтiя раздавались многочисленные и нерѣдко отчаянные вопли, что Кiевъ губитъ унiю, что ничего нельзя сдѣлать съ привязанностiю малороссовъ къ Кiеву и съ тѣми впечатлѣнiями, которыя они оттуда выносятъ, и, что̀ особенно возмущало унiатскiя власти, многiе унiатскiе священники посылали своихъ дѣтей воспитываться въ Кiевъ. Извѣстенъ

---

1 См. выше стр. 7 прим. 1.

2 Арх. кiевск., ч. 1, т. 4, стр. 141.

3 Тамъ же, стр. 354.

4 Арх. к., ч. 1, т. 2, стр. 89, 130, 143—4, 121; т. 3, стр. 89, 91, 282—283, 369—370, 416, 481, 498, 560.

5 Арх. ун. м., кн. Ж. VII, 462, § 9; Арх. к.; ч. 1, т. 4, стр. 583.

случай, впрочемъ изъ нѣсколько позднѣйшаго времени (1762г.), что даже изъ Галиціи дѣти уніатскихъ священниковъ ѣздили воспитываться въ Кіевъ [1]. По жалобамъ уніатовъ поляки затрудняли пропускъ православныхъ, отправлявшихся за Днѣпръ [2], но эта мѣра не могла быть дѣйствительною. У Польши было слишкомъ мало средствъ устроить хорошую стражу на такой длинной границѣ; притомъ Кіевъ и вообще восточная Малороссія не только оживляли православіе въ приходившихъ къ нимъ изъ западной Малороссіи, но и отъ себя постоянно высылали туда людей. Многіе изъ переселившихся на восточную сторону Днѣпра возвращались назадъ и поселялись, гдѣ было больше льготы. Многіе изъ духовныхъ православныхъ тоже шли за ними. Въ концѣ первой половины XVIII в. и въ началѣ второй уніаты сильно жаловались, что выходцы изъ Россіи губятъ унію [3]. Выходцы эти, можно сказать, устроили по западной сторонѣ Днѣпра свою сторожевую линію для охраны и оживленія православія. По этому берегу южнѣе Кіева, особенно противъ Переяславля, въ лѣсахъ былъ рядъ монастырей, въ которыхъ народъ западной Малороссіи находилъ удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ, когда не могъ идти за Днѣпръ, и въ которыхъ утверждались прежде всего проповѣдники православія и переселенцы, выходившіе въ западную Малороссію изъ-за Днѣпра [4]. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ было такое сильное оживленіе православія въ западной Малороссіи, что предъ нимъ преклонилось обычное противодѣйствіе православію польскихъ пановъ Украины, а уніаты пришли въ отчаяніе.

Весьма вѣроятно, что народное, русское направленіе Елисаветы Петровны, большое значеніе при ея дворѣ малороссовъ и наконецъ ея путешествія въ Кіевъ имѣли могущественное вліяніе на оживленіе народной силы въ западной Малорос-

---

1 Арх. к., тамъ же.

2 Тамъ же, ч. 1, т. 3, 415; т. 4, 581.

3 Арх. ун. м. кн. А. I, № 36; кн. Ж. VII, № 462, кн. Г. IV, № 137.

4 Особенно важное значеніе имѣли: мотренинскій монастырь (его исторія—Арх. кіевск., ч. 1, т. 2, № XXXV), мошенскій (тамъ же, № XXXVI), корсунскій (т. 3, № LXXXIII) и жаботинскій (тамъ же, стр. 302—308).

сіи; по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что въ ея время и подъ ея покровительствомъ началось возсоединеніе уніатовъ, какъ дѣло правильно устроенное и веденное какъ бы по установленному плану.

Въ 1755 году на могилевскую православную каѳедру избранъ былъ въ Кіевѣ «по единодушному духовному и всенародному избранію» ректоръ кіевской академіи, малороссъ родомъ, Георгій Конисскій [1] и получилъ отъ русскаго правительства средства благоустроить свою бѣдную каѳедру и, между прочимъ, основать въ Могилевѣ семинарію [2]. За Георгіемъ Конисскимъ стали двигаться въ Бѣлоруссію многіе малороссы и размѣщались при его каѳедрѣ и по монастырямъ. Объ нихъ сохранилось извѣстіе, что они происходили изъ казацкаго рода и отличались энергіей въ своихъ дѣйствіяхъ [3]. Дѣйствительно нужна была малороссійская энергія, чтобы вынести тѣ страшныя трудности, съ которыми соединено было тогда въ Бѣлоруссіи оживленіе православія. Довольно указать на то, что въ этой странѣ однажды народъ, принуждаемый къ уніи, бѣжалъ на могилы своихъ отцовъ и дѣдовъ и взывалъ къ нимъ: «блаженни вы, умершіе въ благочестіи (православіи)!» [4] Жизнь самаго Георгія Конисскаго два раза подвергалась явной опасности,—разъ онъ былъ увезенъ отъ ярости латинянъ и уніатовъ въ навозѣ [5], другой разъ спасся въ подвалѣ своей новоустроенной семинаріи, которую тѣ же враги пришли разбивать и разрушать [6]. Но христіанское величіе духа дало средства этому необыкновенному іерарху вынести всѣ трудности и стать во главѣ всего движенія къ возсоединенію, и Бѣлоруссіи, и Малороссіи отъ самаго начала и до самаго полнаго его развитія при Екатеринѣ II.

---

[1] Собр. сочин. Георг. Конисск., ч. 1, стр. III; Ист. ун. Бант. Кам., стр. 291—3, по изд. 1866 г.

[2] Собр. сочин. Георг. Конисск., ч. 1, стр. XIII и прим. 32.

[3] Арх. ун. митр., № 1005, письмо Михаила Зеновича отъ 2 мая 1763 года.

[4] Это было въ 1761 г. въ Костюковичахъ. Собр. сочин. Георг. Конисск. т. 1, стр. XXI.

[5] Собр. сочин. Георг. Конисск., ч. 1, стр. XIX; Бант. Каменск., стр. 302—304.

[6] Собр. сочин. Георг. Конисск., ч. 1, стр. XXIV.

Черезъ два года послѣ рукоположенія Георгія Коннисскаго поставленъ былъ и для руководства западной Малороссіи человѣкъ, пылавшій пламенною любовью къ этой странѣ и великою ревностью къ ея православному оживленію. Это—архимандритъ, возвратившійся изъ пекинской миссіи, Гервасій Линцевскій. Въ 1757 году онъ рукоположенъ въ Петербургѣ во епископа переяславскаго, коадъютора кіевскаго митрополита. Участіе малороссовъ въ его избраніи довольно ясно. Гервасій назначенъ на переяславскую каѳедру по указанію духовника Елисаветы Петровны, Ѳеодора Дубянскаго, и передъ его рукоположеніемъ поднятъ былъ вопросъ, не слѣдуетъ ли его рукополагать въ Кіевѣ, безъ сомнѣнія, изъ уваженія къ особенному его назначенію вѣдать духовныя дѣла православныхъ польскаго государства [1].

Оба эти іерарха—Георгій и Гервасій были въ тѣсной дружбѣ, часто сносились между собою, и вскорѣ мы увидимъ, какъ заодно они дѣйствуютъ, опираясь на могущественное содѣйствіе Россіи. Такимъ образомъ, къ тому времени, когда въ народѣ западной Россіи стало оживляться православіе и привлекать къ себѣ уніатовъ, мы видимъ весьма важныя благопріятныя обстоятельства: заботливость о западной Россіи въ русскомъ правительствѣ и счастливый выборъ лицъ на бѣлорусскую и переяславскую каѳедры. Но несправедливо было бы изъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ выводить начало возсоединенія уніатовъ. Уніатскія власти, внимательнѣе всѣхъ слѣдившія за этимъ дѣломъ, и неоспоримые памятники уніатскаго и православнаго происхожденія свидѣтельствуютъ, что возсоединеніе уніатовъ началось независимо и отъ вліянія русскаго правительства и отъ внушеній Георгія и Гервасія.

Движеніе народа западной Россіи къ православію началось съ самыхъ крайнихъ южныхъ предѣловъ этой страны, съ того угла Украины, который нынѣ составляетъ чигиринскій уѣздъ кіевской губерніи и врѣзывается въ херсонскую и полтавскую губерніи. Этотъ уголъ Украины занималъ исключительное положеніе въ ряду другихъ поселеній въ запустѣвшей

---

[1] Арх. св. син. д. 1757, № 166.

Украинѣ. Польскіе паны, заселяя новыя мѣста, обыкновенно слѣдовали такому правилу: давали народу значительныя льготы, не опредѣляя ихъ срока и, когда населеніе упрочивалось и не предстояло опасности, что поселенцы уйдутъ дальше на пустынныя мѣста, то постепенно отнимали эти льготы [1]. Въ числѣ этихъ льготъ важнѣйшею было, какъ мы уже говорили, дозволеніе исповѣдывать православную вѣру, которое иногда давалось даже на бумагѣ и въ послѣдствіи подъ разными предлогами отнималось у народа. Въ упомянутомъ углу Украины не безопасно было слѣдовать такому правилу. Страна эта находилась на границахъ двухъ государствъ; народонаселеніе ея легко приходило въ движеніе и могло направляться въ сосѣднія государства или затѣвать смуту у себя, поднимать бунтъ [2]. Поэтому, здѣсь установилось какъ бы неизмѣнное правило и дѣлалось преданіемъ, что нужно ладить съ народомъ. Этого правила и держался владѣлецъ этой страны—князь Яблоновскій и, какъ видно, внушилъ своему управляющему Потоцкому держаться его. Унія въ этой странѣ была лишь въ нѣсколькихъ приходахъ [3]; въ остальныхъ вездѣ сохранялось православіе, и въ народѣ существовало преданіе, что онъ здѣсь никогда не подвергался гоненію за вѣру [4].—Духовныя дѣла этой страны носили на себѣ отпечатокъ безпорядочности и шаткости украиннаго, пограничнаго населенія. Народъ добывалъ себѣ священниковъ, гдѣ могъ,—то въ Кіевѣ, то въ Переяславлѣ, то въ Волошинѣ [5]. Такое положеніе духовенства было выгодно для помѣщичьей власти, потому что священники, неимѣвшіе надъ собою постоянной духовной власти, не были требовательны касательно своего обезпеченія, ихъ можно было надѣлять малымъ клочкомъ земли, можно бы-

---

[1] Со всею обстоятельностію, на основаніи многочисленныхъ документовъ, доказано это въ Кіевск. Арх. ч. 6 т. 2.

[2] Арх. к., ч. 1, т. 2, стр. 20, 525.

[3] Уніатскіе оффиціалы боялись сюда ѣздить «ради украинныхъ мѣстъ, за опасность гайдамацкую». Арх. к., ч. 1, т. 2, стр. 9; слич. тамъ же, т. 4, стр. 584.

[4] Тамъ же, т. 3, стр. 402. Есть впрочемъ извѣстіе, что и въ этой странѣ уніаты неистовствовали около половины XVIII стол. Тамъ же, стр. 86—89.

[5] См. выше, стр. 7 примѣч. 6.

ло вовсе не надѣлять землею и во всякомъ случаѣ брать деньги за право занять приходъ, и это право дѣлалось тѣмъ прибыльнѣе, чѣмъ чаще смѣнялись священники [1]. Народъ конечно иначе смотрѣлъ на это дѣло. Случайно добываемые имъ священники, особенно изъ Волошины, пріобрѣли у него очень дурное мнѣніе, какъ люди, нерадѣвшіе о церковномъ строеніи. Народъ сталъ обращаться къ коммиссару Потоцкому съ просьбой дозволить ему возстановить его давнюю духовную связь съ переяславскою каѳедрою, посылать туда ставленниковъ для рукоположенія. Это было около 1758 года. Потоцкій въ это время особенно былъ расположенъ исполнить желаніе народа: тогда въ Чигиринщинѣ только что усмирено было какое-то гайдамацкое волненіе. Онъ согласился на просьбу народа и написалъ къ новому переяславскому епископу Гервасію письмо, въ которомъ просилъ рукоположить въ Старый Крыловъ священника [2]. За этимъ письмомъ послѣдовали потомъ другія, подобныя же письма отъ того же Потоцкаго и отъ другихъ управителей [3], и съ этихъ то, повидимому, маловажныхъ и случайныхъ событій началось то великое движеніе, которое извѣстно подъ именемъ возсоединенія уніатовъ. Сохранившіеся отъ того времени акты и особенно свидѣтельства уніатовъ открываютъ намъ, что подъ этими, видимо, неважными и, видимо, случайными событіями скрывалось давно уже и твердо установившееся направленіе, которое оберегалъ и оживлялъ человѣкъ необыкновеннаго практическаго ума и необыкновенной энергіи.

По правому побережью Днѣпра отъ Кіева и до угла чигиринскаго на высокихъ холмахъ и особенно среди густыхъ лѣсовъ расположены были, какъ мы уже говорили, православные монастыри. Въ тяжкія времена гоненій народъ Украины устремлялся въ эти монастыри и отводилъ въ нихъ душу отъ уніатскихъ и латинскихъ неистовствъ. Между этими мона-

---

[1] Эту систему дѣйствій съ особенною убѣдительностію раскрылъ въ 1788 г. еп. Викторъ Садковскій. Арх. св. с. д. 1785 № 98 л. 454—5. Это же подтверждается и уніатскими свидѣтельствами. Арх. ун. митр. Г. IV № 129; Докум. стр. 438.

[2] Арх. к. ч. 1, т. 2, № I.

[3] Тамъ же, №№ V, XII, XV.

стырями, въ описываемое нами время, имѣлъ особенное значеніе мотренинскій монастырь въ чигиринской области, недалеко отъ Жаботина. Во главѣ братіи этого монастыря стоялъ съ 1753 года человѣкъ, соединявшій въ себѣ и народный закалъ малороссійскаго казака, и высшее образованіе, полученное въ кіевской академіи, и могущественное орудіе благотворенія—знаніе медицины, Мельхиседекъ Яворскій [1]. Онъ единогласно избранъ былъ братіею въ игумены, народъ берегъ его, какъ зѣницу ока, и онъ умѣлъ снискать вниманіе и уваженіе всѣхъ пановъ, ладившихъ съ народомъ. Съ нимъ былъ близокъ упомянутый коммисаръ Потоцкій и, безъ всякаго сомнѣнія, уніаты говорятъ правду, приписывая ему все зло, по ихъ мнѣнію, все начало возсоединенія [2]. Весьма вѣроятно, что и народъ, по указанію Мельхиседека, просилъ Потоцкаго обратиться къ переяславскому епископу, и Потоцкій писалъ свои письма къ Гервасію, по внушенію же Мельхиседека. Справедливость этихъ предположеній подтверждается ближайшими событіями.

Духовная связь Украины съ Переяславлемъ не ограничилась тѣмъ, что переяславскій епископъ рукополагалъ для нея ставленниковъ. Вмѣстѣ съ ставленниками стали обращаться къ Гервасію рукоположенные уже священники и просили усыновить ихъ, какъ тогда выражались, т. е. принять въ составъ переяславской епархіи. Къ сентябрю 1761 года такихъ священниковъ съ приходами оказалось около 20. Прошенія ихъ объ этомъ представлялъ въ это время мотренинскій игуменъ Мельхиседекъ [3], которому 26 августа того же 1761 года переяславскій епископъ Гервасій поручилъ устроить эти приходы и вообще далъ власть управлять духовными дѣлами Украины [4]. Въ этомъ полномочіи, данномъ Мельхиседеку, останавливаютъ вниманіе двѣ особенности: Гервасій даетъ Мельхиседеку право, въ случаѣ надобности, посылать въ приходы иноковъ для священнослуженія и требъ, и приглашаетъ народъ «по прежнему его обыкновенію церкви свои

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3 № I и CLXX; Докум. стр. 434—436, 462.
[2] Тамъ же, Докум. стр. 436, 462.
[3] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 25, 146.
[4] Тамъ же; т. 2 стр. 198, 201, т. 3 стр. 3 § 5 стр. 861.

защищать, въ бунты же на своя власти и кровопролитіе никакъ бы не дерзалъ вступати, но великодушно обстояти [1].»
Этотъ пастырскій призывъ и духовныхъ лицъ, и малороссійской громады къ единодушной, мирной дѣятельности на пользу православія, конечно, не могъ остаться безъ благотворнѣйшихъ послѣдствій. Мотренинскій монастырь сдѣлался средоточіемъ украинскаго православія, и вліяніе его на страну съ поразительною быстротою распространялось и укрѣплялось.

Въ 1762 году въ вѣдѣніи переяславскаго епископа было въ углу Украины, по свидѣтельству православныхъ, слишкомъ 20 приходовъ [2], по свидѣтельству уніатскихъ писателей, почти всѣ приходы Чигиринщины [3], а съ 1763 года, когда умеръ губернаторъ сосѣдняго смилянскаго имѣнія Любомірскаго Добрянскій, сдерживавшій распространеніе православія въ этой области, и когда его мѣсто занялъ расположенный къ защитѣ православія Дворжанскій, то власть Гервасія стала распространяться и въ смилянской области [4].

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ мы видимъ собственно лишь благоустройство православныхъ приходовъ, въ которыхъ священники были православнаго рукоположенія, антиминсы православные и уніи не было [5]. Возсоединенія уніатовъ здѣсь не видно. Приходы эти лишь убѣгали отъ уніи и потому примыкали къ переяславской епископіи [6]. Уніатскіе писатели говорятъ однако, что все это было завоеваніе православія въ средѣ уніатовъ. Конечно, однимъ этимъ свидѣтельствамъ мы не имѣли бы права дать значеніе, потому что уніаты обыкновенно считали принадлежащими имъ всѣ православные приходы западной Россіи; но въ настоящемъ случаѣ уніатскія свидѣтельства подтверждаются другими данными. Въ 1765 году Мельхиседекъ на запросъ переяславской консисторіи, по жалобѣ уніатскаго оффиціала Любинскаго, почему онъ вторгается въ область уніатскую, почему его иноки глумятся публично надъ уніей и совершаютъ требы уніатамъ, отвѣчалъ,

---

[1] Арх. кіевск. ч. 1, т. 2, стр. 25.
[2] Тамъ же, стр. 146.
[3] Докум. стр. 436.
[4] Тамъ же, стр. 438.
[5] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 147.
[6] Тамъ же, стр. 22.

что его иноки не глумятся надъ уніей, а если совершаютъ требы, то потому, что уніатскіе священники берутъ съ народа деньги и даютъ право совершать требы, гдѣ угодно, почему народъ и обращается къ православнымъ инокамъ [1]. Показаніе Мельхиседека подтверждается актами. Въ 1764 году жители одного изъ самыхъ дальнихъ украинскихъ поселеній Адамовки, недалеко отъ Крылова—перваго пункта, съ котораго началось движеніе къ православію, удалили отъ себя уніатскаго священника, собравъ для него сорокъ руб. откупнаго [2]. Это первый, достовѣрно извѣстный случай возсоединенія уніатовъ, имѣвшій неоспоримую связь съ возстановленіемъ въ Украинѣ духовной власти переяславскаго епископа. Безъ сомнѣнія, подобныхъ случаевъ было тогда много; но еще больше было такихъ, которые не такъ прямо затрогивали уніатовъ. Оживленіе православія въ Украинѣ, увѣренность народа, что онъ можетъ теперь правильными путями получать священниковъ, усилили его усердіе къ постройкѣ церквей. Освящать эти церкви народъ приглашалъ Мельхиседека. Обычная при этомъ церковная торжественность, собраніе народа, необходимость панамъ заявлять при этомъ свое согласіе и оказывать вниманіе Мельхиседеку производили на народъ сильное вліяніе и еще болѣе укрѣпляли въ немъ преданность къ православію [3]. Иногда народъ приглашалъ Мельхиседека освящать и такія церкви, которыя были заложены по благословенію уніат. митрополита [4].

Уніатскія власти сильно поражены были этими успѣхами православія. Они не видѣли никакой возможности опереться на народъ. Уніатскіе памятники того времени наполнены жалобами на покровительство, оказываемое православію панами, и сожалѣніемъ, что они не поддерживаютъ уніи [5]. Въ этомъ смыслѣ написаны были донесенія и къ папскому нунцію [6].

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 89; показаніе Мельхиседека подтверждается и другими показаніями. Тамъ же, т. 3, стр. 498 и 89; т. 2, стр. 143—4; т. 3 стр. 560.

[2] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 60 и 28.

[3] Арх. к. ч. 1, т. 2, №№ IX—XVII.

[4] Докум. стр. 440.

[5] Докум. стр: 436, 438, 450, 454; Арх. ун. м., кн. Г., IV, №№ 129, 137.

[6] Тамъ же, №№ 129 и 137.

Покамѣсть эти жалобы и донесенія возъимѣли дѣйствіе, украинскіе уніаты прибѣгли къ собственнымъ средствамъ, но избрали такія мѣры, которыя должны были привести къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ. Понимая совершенно вѣрно, что направленіе дѣламъ православія въ Украинѣ дается изъ мотренинскаго монастыря, они на него направили свои удары. Въ началѣ 1765 г. (28 февраля) оффиціалъ Любинскій, какъ мы уже замѣчали, обратился къ Гервасію съ жалобой на этотъ монастырь и требовалъ, чтобы Гервасій запретилъ мотренинскимъ инокамъ вторгаться въ уніатскую паству [1], указывая при этомъ, что подобное запрещеніе дано другимъ монастырямъ кіевскимъ митрополитомъ [2], а когда эта жалоба не принесла пользы, то уніатскія власти прислали (15 марта) въ мотренинскій монастырь объявленіе, что онъ имъ принадлежитъ и имъ долженъ повиноваться [3], т. е. почти въ одно и тоже время, онѣ то признавали надъ мотренинскимъ монастыремъ законную его власть—православную, то присвоивали ее себѣ. Это безразсудство уніатовъ вызвало послѣдствіе, котораго они, конечно, не ожидали. Въ мартѣ же мѣсяцѣ Мельхиседекъ подалъ Гервасію прошеніе—отпустить его въ Петербургъ для исходатайствованія защиты своему монастырю отъ такихъ беззаконныхъ притязаній уніатовъ [4]. Вѣсть объ этомъ распространилась по Украинѣ и дѣло Мельхиседека приняло широкій размѣръ. Мошногорскій монастырь, на который уніаты тоже заявили притязаніе [5], прислалъ Мельхиседеку полномочіе ходатайствовать за него [6]. Чигиринское духовное правленіе прислало Гервасію просьбу въ подобномъ же смыслѣ отъ имени духовенства и народа этой области [7]. Такимъ образомъ, Мельхиседекъ получилъ значеніе ходатая передъ русскимъ правительствомъ за Украину вообще. Какъ

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, №№ XXVI—XXX.

[2] Тамъ же, стр. 79.

[3] Тамъ же, стр. 111.

[4] Тамъ же, стр. 111—112.

[5] Тамъ же, стр. 117.

[6] Тамъ же, стр. 117—118, № XXXVIII.

[7] Тамъ же, № XXXVII. Просьба писана до отъѣзда Мельхиседека въ Петербургъ.

широко развернулось затѣмъ это ходатайство и къ какимъ повело важнымъ, дальнѣйшимъ послѣдствіямъ, это можно видѣть изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА II.

Вліяніе Екатерины на православныхъ западной Россіи въ первое время ея правленія. Состояніе православія въ Бѣлоруссіи. Положеніе Георгія Конисскаго. Георгій—ходатай за всю западную Россію. Диссидентское дѣло. Дѣйствія Георгія въ Варшавѣ. Дѣйствія Гервасія въ Украинѣ послѣ отъѣзда въ Петербургъ Мельхиседека. Посѣщеніе имъ украинской паствы. Торжество украинскаго православія. Открытая борьба народа съ уніатами. Мельхиседекъ получаетъ въ Варшавѣ королевскія привилегіи о правахъ православныхъ и королевскія письма къ уніатскимъ властямъ и панамъ. Новое оживленіе православія въ Украинѣ, узнавшей объ этомъ. Тревога уніатовъ и пановъ. Возвращеніе въ Украину Мельхиседека, обнародованіе королевскихъ привилегій и писемъ, ихъ вліяніе на народъ и уніатовъ.

Въ то время, когда Мельхиседекъ собрался ѣхать въ Петербургъ, на русскомъ престолѣ была уже имератрица Екатерина и манифестъ ея о вступленіи на престолъ, заявлявшій, что главнѣйшею задачею ея будетъ—защищать русское православіе и русскій народъ отъ иноземныхъ злоумышленій, по всей вѣроятности, хорошо былъ извѣстенъ въ западной Россіи, потому что уніаты списали его и сберегли въ своемъ митрополичьемъ архивѣ [1]. Что этотъ манифестъ хорошо понимали въ западной Россіи, показалъ сейчасъ же Георгій Конисскій. Онъ былъ въ Москвѣ на коронаціи Екатерины, принесъ ей всепедданнѣйшее поздравленіе отъ Бѣлоруссіи и выразилъ надежду народа Бѣлоруссіи на избавленіе его отъ бѣдствій [2]. Кромѣ того, Екатерина вскорѣ (1764 г.) возвела на польскій престолъ новаго короля, Станислава Понятовскаго [3], и это усиленіе власти Екатерины надъ Польшей не могло не отразиться въ западной России и особенно въ

---

[1] Арх. ун. м., кн. Г., IV, № 239.

[2] Собр. соч. Конисск. ч. 1, стр. 283—285; Ист. ун. Бант. Кам. стр. 313—315.

[3] Истор. пад. Польши С. М. Соловьева, стр. 14—22.

Украинѣ. Здѣсь были люди, не только преданные Екатеринѣ, но и признававшіе ее своею государыней. Кромѣ Георгія и Мельхиседека, о которыхъ несомнѣнно извѣстно, что они были русскими подданными [1], не мало было и другихъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, преданныхъ русской государынѣ и даже считавшихъ себя членами русскаго государства. Извѣстенъ случай, изъ временъ еще Елисаветы Петровны (1758 г.), что одинъ изъ священниковъ, рукоположенныхъ для Украины Гервасіемъ, приносилъ при рукоположеніи присягу на вѣрность не только свят. синоду, но и русской государынѣ [2]. Вѣроятно, это былъ не единственный случай [3].

Никто изъ уніатовъ, безъ сомнѣнія, не предвидѣлъ, что ихъ притязаніе на власть надъ мотренинскимъ монастыремъ вызоветъ Украину, въ такія критическія для Польши времена, на заявленіе своихъ чувствъ къ русской государынѣ и своихъ надеждъ на нее, какъ прекрасно выразился Георгій Конисскій. Но этого мало. Дѣло, поднятое уніатами, разрослось еще больше. 5 мая 1765 года Мельхиседекъ получилъ отпускъ въ Петербургъ [4], и 24 августа извѣщалъ Гервасія, что дѣло его передано бѣлорусскому епископу, Георгію Конисскому, «которому поручена грамота отъ ея императорскаго величества къ королю польскому о всѣхъ православныхъ церквахъ и монастыряхъ» [5]. Порученіе это вызвано было не однимъ дѣломъ Мельхиседека. Много уже лѣтъ до этого времени Георгій Конисскій хлопоталъ у русскаго правительства—защитить его паству отъ конечной гибели. Эта несчастная паства около времени вступленія на престолъ Екатерины переживала, казалось, послѣднія времена жизни. Иновѣрцы торопились ускорить ея гибель. Уніаты были отодвинуты назадъ, выступили на первый планъ латиняне и дѣлали заразъ два дѣла—распространяли и латинство, и унію. Отличались въ этомъ дѣлѣ особенными пріемами пропаганды

---

[1] О Георгіѣ см. выше, стр. 19, 3—прим. рѣчь Георгія Конисск. О Мельхиседекѣ см. Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 301, 347, 348.

[2] Арх. к. ч. 1, т. 2, ст. 6.

[3] Арх. ун. м., кн. Г., IV, № 274—5.

[4] Арх. кіевск. ч. 1, т. 2, стр. 112.

[5] Арх. кіевск. ч. 1, т. 2, стр. 126—7.

два ксендза — могилевскій плебанъ, Михаилъ Зеновичъ и странствовавшій по Бѣлоруссіи миссіонеръ, доминиканецъ Овлочинскій. Въ своей проповѣднической дѣятельности они соединяли самыя жестокія физическія насилія, — насильно сгоняли народъ на проповѣдь, сѣкли розгами, жгли огнемъ, угрожали распинать на крестахъ, — и нравственное терзаніе, глумленіе надъ всѣмъ святымъ, какъ напр. раздѣляли въ костелахъ народъ на овецъ и козлищъ, сыпали съ церковной каѳедры баранки, издѣвались надъ православною вѣрою, православными святыми, православными людьми вообще и въ томъ числѣ надъ русскою государыней [1]. Латиняне и уніаты въ Бѣлоруссіи были даже сначала увѣрены, что время Екатерины весьма благопріятно для нихъ. Георгій Конисскій, отправившись на коронацію Екатерины, долго время не возвращался назадъ въ свою епархію. Фанатикъ, плебанъ Зеновичъ и его друзья распускали въ 1763 г. слухи, что въ Россіи смута, что Георгій ничего не можетъ добиться и даже не возвратится назадъ [2]. Дѣйствительно, Георгія предполагали уже перемѣстить во Псковъ, и онъ, видно, переживалъ тяжелыя минуты [3]. Между русскими правительственными лицами были противники такъ называемаго диссидентскаго вопроса [4]. Поляки старались ихъ поддержать, уговаривались между собою уже и тогда, что стремленіе западнорусскаго народа къ православію нужно представлять русскимъ властямъ, какъ страсть поднимать бунты [5], и вѣроятно ихъ внушенія были опасны, потому что Георгій писалъ въ Бѣлоруссію, чтобы паства его жила мирно [6].

---

[1] Соч. Георг. т. 1, стр. XXII—VI; Ист. ун. Бант. Кам. стр. 306—9 изд. 1866 г.; меморіалъ Георг. Конисск. Докум. стр. 394—398.

[2] Арх. ун. митр. № 1005, письмо Зеновича отъ 3 мая, 31 октября, 15 декабря 1763 г.

[3] Собр. соч. Георг. Конисск., ч. 1, стр. XXVIII.

[4] Во главѣ ихъ стоялъ русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Репнинъ. Истр. пад. Польши. Сол. стр. 35. См. также ниже дѣла Кречетникова, Воейкова.

[5] Арх. ун. м. № 1005, письмо къ ун. полоцк. арх. (Смогоржевскому) какого-то Бужинскаго отъ 8 января 1764 г.

[6] Арх. ун. м. № 1005, письмо Зеновича отъ 15 дек. 1763 г. Зеновичъ увѣряетъ, что знаетъ навѣрное о такомъ письмѣ Георгія.

Но латиняне и униаты совершенно обманывались на счетъ действительнаго положенія дѣла православныхъ. Георгій не оставилъ Бѣлоруссіи и не падалъ въ глазахъ русскаго правительства, а напротивъ возвышался и пріобрѣталъ значеніе ходатая за всю западную Русь. Необходимо думать, что еще до 1765 года Георгій Конисскій имѣлъ сношенія съ Украиной и получилъ полномочіе хлопотать за нее, потому что еще въ 1763 году Екатерина писала своему послу въ Польшѣ Кайзерлингу: «епископъ Георгій бѣлорусскій подалъ мнѣ просьбу отъ имени *всѣхъ* исповѣдующихъ греческую вѣру, съ жалобами на бѣдствія, которыя они претерпѣваютъ въ Польшѣ [1]. Дѣло Мельхиседека было лишь подкрѣпленіемъ уже занятаго Георгіемъ положенія—ходатая за всю западную Русь. За годъ до поѣздки Мельхиседека, Екатерину просили тоже о защитѣ и протестанты польскаго государства и получили отъ нея увѣреніе, что она будетъ хлопотать за нихъ [2]. Выдвинулся такимъ образомъ не только вопросъ о возстановленіи правъ вообще всѣхъ западнорусскихъ православныхъ, но и вопросъ о всѣхъ такъ называемыхъ диссидентахъ, и тѣмъ крѣпче держалось его русское правительство, что онъ упрочивалъ его вліяніе на Польшу и закрѣплялъ союзъ съ Пруссіей, хитро воспользовавшейся такимъ оборотомъ дѣлъ.

Къ концу 1764 г. Георгій возвратился изъ Москвы въ свою епархію и къ лѣту 1765 года, когда уже получена была польскимъ правительствомъ грамота русской императрицы, ввѣрявшей Георгія вниманію короля, и когда прислана была къ Георгію въ Могилевъ русская стража для защиты его на пути, отправился въ Варшаву [3].—Ближайшею его заботою было получить отъ короля подтвержденіе своей привилегіи на могилевскую епископію. По ходатайству Екатерины это подтвержденіе должно было заключать въ себѣ и нѣчто новое,—болѣе точное обозначеніе пространства бѣлорусской епархіи. Екатерина просила короля признать Георгія епископомъ бѣлорусскимъ, мстиславскимъ, оршан-

---

[1] Солов. Истор. пад. Польши, стр. 13.

[2] Собр. соч. Георг. Конисск. т. 1 ст. XXVIII—IX.

[3] Собр. соч. Георг. Конниск. ч. 1, стр. XXVIII — XXX; Истор. ун. Бант. Кам. стр. 317; Ист. пад. Польши Сол. стр. 32—33.

скимъ и могилевскимъ [1]. Но это была малая новость въ сравненіи съ тѣмъ, что необходимо долженъ былъ внести новаго Георгій, когда вступилъ въ сношенія съ польскимъ правительствомъ. Представившись королю, 27 іюля 1765 г. Георгій въ прекрасной своей рѣчи, поразившей даже поляковъ и затѣмъ переведенной на разные языки, хотя она сказана была на общедоступномъ тогда латинскомъ языкѣ, изобразилъ бѣдствія всей западной Россіи, просилъ о защитѣ и правахъ для всей западной Россіи [2]. Затѣмъ, онъ подалъ польскому правительству меморіалъ, въ которомъ не только говорилъ отъ лица всѣхъ православныхъ, но и напомнилъ польскому правительству, что по трактату 1686 г. должно быть въ Польшѣ четыре православныхъ епархій, а между тѣмъ изъ нихъ осталась только одна и та страшно бѣдствуетъ [3]. Меморіалъ Георгія Конисскаго надѣлалъ много хлопотъ и ему самому и уніатамъ. Онъ отданъ былъ уніатамъ для разсмотрѣнія; отъ нихъ послѣдовали возраженія, на которыя Георгій сталъ писать свои возраженія. Дѣло затянулось надолго [4]. Георгію поневолѣ пришлось опять жить внѣ паствы, и занимать прежде всего положеніе ученаго ходатая за всю западную Русь—изучать ея событія, памятники и доказывать польскому правительству законность правъ, требуемыхъ имъ для западнорусскаго православія. Для этого дѣла онъ нуждался въ книгахъ, памятникахъ и за этимъ обращался въ Кіевъ чрезъ Гервасія и прямо къ кіевскому митрополиту [5]. Глубокое уваженіе и благодарность поддерживали его въ этомъ тяжеломъ подвигѣ ходатайства за всю западную Русь. «Помнимъ ваши апостольскіе труды, писали ему изъ Малороссіи» [6]. Нашъ «апостольскій труд-

---

[1] Истор. ун. Бант. Кам. стр. 317, прим. 1.

[2] Рѣчь эта въ Собр. соч Георгія Конис. ч. 2, ст. 130 и у Бант. Кам. стр. 318.

[3] Докум. стр. 372—418.

[4] Истор. пад. Польши Сол. стр. 33—4. Возраженія уніатовъ и отвѣты Георгія см. меморіалъ,—тамъ же, Докум.

[5] Арх. кіевск. ч. 1, т. 2, №№XLV, XLIX.

[6] Арх. к. ч. 1, т. 2 стр. 152.

никъ» писалъ намъ изъ Варшавы, передавали тамъ же одни другимъ православные [1].

Въ Малороссіи, гдѣ такъ высоко цѣнили труды Георгія, подготовлялась ему дѣйствительно могущественная поддержка и блистательное оправданіе его заботъ. Въ то самое время, когда Георгій изнывалъ отъ томительнаго ожиданія, безконечныхъ хлопотъ въ сношеніяхъ съ польскими правительственными лицами, отъ безконечной полемики съ уніатами, Малороссія быстро подвигалась на пути возсоединенія и нерѣдко представляла картину торжествующаго православія. Когда въ августѣ 1765 года Мельхиседекъ писалъ изъ Петербурга къ Гервасію письмо, въ которомъ радость о передачѣ его дѣла Георгію смѣшивалась съ горестію, что его самого не выслушали надлежащимъ образомъ, Малороссія или, точнѣе, Украина ликовала по поводу давно уже небывалаго въ ней торжества. Вѣроятно, упомянутое уже нами притязаніе уніатовъ на подчиненіе своей власти приднѣпровскихъ православныхъ монастырей и забота успокоить встревоженныхъ иноковъ и населеніе Украины побудили Гервасія посѣтить эти монастыри, тѣмъ болѣе, что тогда не было тамъ неутомимаго оберегателя православія Украины, Мельхиседека [2]. Въ августѣ 1765 года глубокій старецъ Гервасій предпринялъ эту поѣздку, направляя свой путь по западному берегу Днѣпра отъ монастыря къ монастырю. Но ему нельзя было ограничиться этою скромною и естественною задачею. Украина не видѣла православнаго архіерея слишкомъ полстолѣтіе. Народъ со всѣхъ сторонъ сталъ сбѣгаться къ своему любимому пастырю, котораго лично знали и сердечно любили за доброту и пастырскую ревность многіе изъ этого народа, часто ѣздившіе къ нему въ Переяславль. Кромѣ того, въ мѣстахъ, близкихъ къ этому пути, были готовы церкви, ждавшія освященія. Гервасій по необходимости ѣздилъ не только по монастырямъ, но и по приходамъ и ободрялъ не однихъ иноковъ, но и паству свою вообще. На встрѣчу этому

---

[1] Тамъ же, стр. 143.

[2] Уніатскія свидѣтельства говорятъ, что Мельхиседекъ пригласилъ Гервасія посѣтить Украину. Арх. ун. митр. печ. брош. № 17; Докум. стр. 442.

необычайному гостю пошли даже многіе польскіе паны. Восторженный народъ строилъ на пути этого необычайнаго гостя тріумфальныя ворота; торжественный звонъ колоколовъ предвозвѣщалъ окрестныхъ жителей объ его прибытіи, то въ ту, то въ другую мѣстность; на встрѣчу къ нему выходили съ крестнымъ ходомъ и даже съ отрядами панскихъ, украинскихъ казаковъ [1].

Это посѣщеніе Гервасія произвело могущественное вліяніе на народъ, почему либо еще не рѣшавшійся отвергать уніи. Даже довольно отдаленные отъ мѣстъ, посѣщаемыхъ Гервасіемъ, приходы, какъ напримѣръ: Телепинъ и Оситнячка, отпадали отъ уніи [2]. Къ концу 1765 года уже вся Чигиринщина и Смилянщина, на которыя, по свидѣтельству уніатовъ, глядѣла вся Украина [3], были православными [4], и для большаго укрѣпленія себя въ православіи народъ приносилъ клятву въ томъ, что будетъ держаться православія и «всячески отвергать римское и уніатское инославіе» [5]. Присоединился въ это время даже благочинный уніатскій, Романъ Клиницкій [6]. По свидѣтельству одного уніатскаго миссіонера въ Малороссіи, къ православію въ это время вновь присоединилось въ Чигиринщинѣ 50 приходовъ, въ Смилянщинѣ 6 и многіе другіе угрожали вскорѣ тоже бросить унію [7].

Уніатскія власти, пораженныя этимъ быстрымъ распространеніемъ православія, рѣшились собрать свои силы и противодѣйствовать ему. Ближайшую уніатскую власть въ Украинѣ представляли: оффиціалъ Любинскій, пребывавшій въ Корсунѣ, инструкторъ (экзаминяторъ) Витвицкій, жившій въ Смилѣ, и затѣмъ благочинные. Любинскій созвалъ на 24 декабря 1765 года всѣхъ этихъ представителей уніи въ Телепинъ. Вѣсть объ этомъ распространилась въ народѣ, и

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3 стр. 138; Докум. стр. 442; Арх. ун. митр., к. Г., IV, № 129 и 142, § 8; тамъ же, Арх. ун. м. печ. брош. № 17.

[2] Докум. стр. 443; Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 138—9.

[3] Докум. стр. 438; Арх. ун. м., кн. Г., IV, № 129.

[4] Тамъ же, Докум. стр. 448.

[5] Тамъ же, стр. 440, а также Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 427, 498.

[6] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 130—1.

[7] Арх. ун. м., кн. Г., IV, № 137.

когда къ назначенному времени уніаты приближались къ Телепину, то узнали, что туда сбѣжался народъ изъ ближайшихъ деревень и собирается бунтовать. Любинскій убѣдилъ двухъ польскихъ солдатъ сопровождать уніатовъ и всѣ поѣхали въ Телепинъ. Православный народъ ударилъ въ колокола и встрѣтилъ уніатовъ съ ружьями, саблями, жердями и палками, избилъ многихъ изъ нихъ и всѣхъ прогналъ назадъ. Сопровождавшіе солдаты бросили уніатовъ и отправились пить вмѣстѣ съ крестьянами. Главные руководители этого уніатскаго собранія—Любинскій и Витвицкій спаслись, благодаря лишь тому, что случайно пріѣхалъ въ Телепинъ одинъ вооруженный шляхтичь и защитилъ ихъ. Уніатскій писатель, записавшій это событіе, признаетъ чудомъ это спасеніе Любинскаго и Витвицкаго, особенно потому, что, по его разсказу, вскорѣ затѣмъ прибылъ въ Телепинъ горячій ревнитель православія, сотникъ Харько и очень жалѣлъ, что не засталъ уніатовъ, съ которыми думалъ поиграть по казацки [1].

Эта прискорбная народная расправа, обнаружившая присутствіе въ Украинѣ сильныхъ элементовъ для будущей гайдаматчины, показывала ясно, какъ опасно было Украинѣ оставаться безъ такого руководителя, какъ Мельхиседекъ. Мельхиседекъ послѣ того, какъ извѣстилъ Гервасія въ концѣ августа (1765 г.), что дѣло его передано Георгію, долго еще оставался въ Петербургѣ. Ему, очевидно, хотѣлось и самому дѣлать дѣло, а не возвращаться назадъ съ одними обѣщаніями. 30 октября этого года онъ успѣлъ выхлопотать рескриптъ Екатерины и указы изъ иностранной коллегіи къ русскому послу въ Варшавѣ, которому поручалось добиваться у Польши защиты православія въ Малороссіи, и съ этими документами отправился изъ Петербурга въ Варшаву, куда прибылъ въ началѣ января слѣдующаго 1766 года [2]. Нельзя сомнѣваться, что Мельхиседекъ съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Варшавѣ сталъ пользоваться указаніями Георгія Конисскаго, хотя объ этомъ онъ не говоритъ въ своихъ донесе-

---

[1] Докум. стр. 444—448; Арх. ун. м. кн. Г. IV № 137.

[2] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 184; рескриптъ, тамъ же, стр. 128—129.

ніяхъ Гервасію [1]. Такъ думать заставляетъ не только намекъ на это Георгія въ одномъ письмѣ его къ Гервасію [2], но и самая постановка дѣла Мельхиседека передъ польскимъ правительствомъ. Въ то время не было сейма, слѣдовательно, нельзя было сдѣлать никакого постановленія. На польскіе суды, коммиссіи, администрацію тоже нельзя было надѣяться, особенно въ Украинѣ, гдѣ кромѣ панской власти, можно сказать, не существовало никакой другой. Все, чего можно было добиться, это получить отъ короля привилегію и письма. Но, безъ сомнѣнія, по указанію Георгія, Мельхиседекъ поставилъ вопросъ о привилегіи такъ широко и твердо, какъ это оказалось. Онъ сталъ добиваться утвержденія королемъ всѣхъ прежнихъ королевскихъ привилегій, дававшихъ права православнымъ, чего, какъ очевидно, нельзя было сдѣлать безъ ученыхъ справокъ, которыя въ то время и собиралъ Георгій Конисскій. Всего этого Мельхиседекъ добился при содѣйствіи русскаго посла,—получилъ утвержденіе прежнихъ привилегій, особую грамоту, утверждавшую всѣ права и привилегіи (вольности) всего народа православнаго грекороссійскаго, во всей коронѣ и Литвѣ обрѣтающагося, и наконецъ не мало писемъ отъ короля и министровъ къ уніатскимъ епископамъ и панамъ Украины [3]. Въ концѣ февраля 1766 г. Мельхиседекъ выѣхалъ изъ Варшавы

Во всякой другой, русской области Польши, кромѣ Украины, всѣ эти документы, вывезенные изъ Варшавы, остались бы бумагами, не имѣющими никакой силы; но въ Украинѣ, столь крѣпкой русскою народною силою, они имѣли громадное значеніе и обаятельную силу. Ихъ значеніе и сила стали обнаруживаться даже прежде, чѣмъ они были доставлены въ Украину и объявлены народу. Необходимо думать, что Мельхиседекъ часто давалъ знать въ Украину о ходѣ своего дѣла и что здѣсь узнали о выданныхъ ему королемъ привилегіяхъ и письмахъ весьма скоро. Мы такъ думаемъ потому, что въ ближайшее время послѣ того, когда эти бумаги выданы и

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, №№ XLII и LXI.

[2] Тамъ же, стр. 149—150.

[3] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 185 и №№ L—LIV.

когда Мельхиседекъ только что выѣхалъ изъ Варшавы, по всей Украинѣ обнаруживается самоувѣренное и неудержимое стремленіе къ православію и захватываетъ самыя отдаленныя мѣста отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ началось возсоединеніе. Многочисленные приходы бросали унію и обращались къ Гервасію съ просьбами присоединять ихъ. Громадныя толпы народа собирались въ приднѣпровскихъ монастыряхъ, особенно въ мотренинскомъ, и очищали себя отъ уніи, приносили клятву держаться православія, просили совѣта и наставленія. На мѣстахъ, по приходамъ изгонялись уніатскіе священники, очищались церкви отъ уніатскихъ особенностей. Молніей пролетѣла мысль, что къ наступающему посту, ко времени говѣнія, нужно все устроить по православному. «Сговорившись между собою», записали уніаты, «хлопы въ одинь день о вечерни, именно въ воскресеніе мясопустное 1766 года, во всей почти Смилянщинѣ поотнимали ключи отъ церквей, сейчасъ же послѣ того стали перестроивать престолы, повыбрасывали цыборіи (латинскія дарохранительницы), во многихъ мѣстахъ повыбрасывали и топтали св. дары, по мѣстамъ священниковъ, не желавшихъ ѣхать присягать (на православіе), однихъ брали силою, вязали и привозили въ мотренинскій монастырь, а другихъ изгоняли и имущество ихъ вывозили за село» [1]. «Уже не въ однихъ имѣніяхъ князя Любомірскаго и Яблоновскаго, по близости къ московскимъ границамъ, но во всей Украинѣ разливается адскій огонь этой ереси», писалъ къ папскому нунцію одинъ уніатскій миссіонеръ 1 февраля 1766 г. [2]. «Если уніатскіе благочинные не получатъ поддержки отъ управителей имѣній, то нужно бояться, что въ скоромъ времени вся Украина обратится въ схизму,» говорится въ другомъ письмѣ тогоже уніата, писанномъ около того же времени [3]. Между управителями, которые здѣсь упоминаются, были однако нѣкоторые ревностные оберегатели уніи. Иные изъ нихъ даже настроены были видѣть въ стремленіи народа къ православію начало бунта. Они имѣли съ своей точки зрѣнія

[1] Докум. стр. 450; Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 370, 431.
[2] Арх. ун. м., кн. Г., IV, № 129.
[3] Тамъ же, № 137.

основаніе усматривать въ этомъ движеніи народа къ православію что-то похожее на бунтъ, выражавшееся въ болѣе опасныхъ явленіяхъ, чѣмъ изгнаніе священниковъ, державшихся уніи, и очищеніе отъ нея церквей. Чтобы отвлечь народъ отъ насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ униатскимъ священникамъ, Гервасій предложилъ ему избирать для такихъ приходовъ, въ которыхъ священники не хотятъ быть православными, православныхъ викарныхъ священниковъ. Народъ очень полюбилъ эту мѣру. Множество ставленниковъ отправлено было имъ въ Переяславль для посвященія въ викарные и не только къ священникамъ, явно держащимся уніи, но иногда и къ такимъ, которые неугодны были ему и по другимъ причинамъ, потому, напримѣръ, что получили приходъ по согласію пановъ, тогда какъ новые викарные избирались народомъ и часто изъ среды самого же народа, безъ выкупа изъ крестьянства [1]. Въ этомъ случаѣ панская власть затрогивалась уже прямымъ и весьма опаснымъ образомъ. Народъ этимъ высказывалъ, что онъ не только воленъ въ своей вѣрѣ, но и въ своей гражданской жизни. Но паны чувствовали себя не въ силахъ сдержать этотъ порывъ народа. Въ отчаяніи они стали обращаться къ православной духовной власти съ просьбой сдержать народъ. «По великой нуждѣ нарочнаго казака къ вашей велебности съ моимъ писаніемъ посылаю,» писалъ къ намѣстнику мотренинскаго монастыря Гавріилу, 28 февраля 1766 года, черкасскій губернаторъ Пенцельскій, «хотячи увѣдомитися подостаточнѣе, каковымъ-то прельщеніемъ отъ васъ и вашего монастыря весь народъ черкасскій бунты превеликіе повзяли, которыхъ никогда-же до нынѣшняго времени не бувало, якіе они теперича дѣлаютъ, що священникомъ своимъ превеликую обиду чинятъ и гнушаются горче свѣцкихъ... Въ чомъ не помалу дивуюся, що сколько есть монастировъ, въ которыхъ часто народъ тутейшій бываетъ, то отъ жадного монастыря толикихъ бунтовъ и гайдамащины не повзяли, якъ отъ вашего монастыря. Не вѣдаю, яковая то имъ сладость состоитъ?...Спрошую я ихъ: що то вы тое дѣлаете и кто васъ на тое приводитъ?

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 178, 179.

Вся громада на тое отповѣдаетъ, що намъ отъ монастыря мотренинскаго таковой приказъ, да бисьмо такъ дѣлали.» [1] Пенцельскій писалъ объ этомъ и къ Гервасію и угрожалъ, что его панъ, къ которому онъ сейчасъ ѣдетъ, представитъ это дѣло королю, а король напишетъ къ русской государынѣ и въ святѣйшій синодъ [2].

Страхъ пановъ заразилъ власти мотренинскаго монастыря. Онѣ встревожились и обращались тоже съ запросами къ Гервасію, хотя въ ихъ дѣйствіяхъ не было ничего незаконнаго. Обращеніе народа къ мотренинскому монастырю въ дѣйствительности не было ни новостію, ни произвольнымъ дѣломъ. Мотренинскій монастырь, какъ мы знаемъ, былъ признаннымъ средоточіемъ церковнаго управленія въ Украинѣ. Кромѣ него низшимъ и подчиненнымъ ему мѣстомъ было чигиринское духовное правленіе. Гервасій и теперь признавалъ существующими оба эти мѣста [3], но такъ какъ чигиринское правленіе все еще было неустроенное [4], то главное его вниманіе обращено было на мотренинскій монастырь. Онъ не обратилъ вниманія на тревогу его властей и поручилъ его намѣстнику Гавріилу и келарю Елпидифору вѣдать духовныя дѣла Украины, присоединять священниковъ, раздавать въ присоединенныя церкви антиминсы, исполнять другія духовныя потребности народа [5]. При этомъ Гервасій поручилъ объявить украинцамъ, что «они а больше всего должны слагатись на божескій промыслъ... притомъ елико возможно, должны они склонятись панамъ своимъ и ихъ просити о свободу, а никакимъ образомъ не прогнѣвляти ихъ, и тое (присоединеніе) дѣлати не раптово (быстро), но все по малу малу. Господь вѣсть како устроити» [6]. Вотъ основное правило, предписанное Гервасіемъ народу, и, конечно, никакая панская и государственная администрація, никакое польское войско не могли такъ утверждать народъ въ этомъ правилѣ, какъ слово Гервасія, и

---

1 Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 419—28.
2 Тамъ же.
3 Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. №№ CXXIV и CXXV.
4 Тамъ же, стр. 179.
5 Тамъ же, №№ CXXIV и CVII.
6 Тамъ же, стр. 485—6.

еслибы поляки Украины понимали свои дѣла, то они же должны были бы признать Гервасія мудрѣйшимъ и первѣйшимъ умирителемъ этой, видимо, бурной Украины.

Движеніе народа къ православію, такъ напугавшее пановъ и даже власти мотренинскаго монастыря, еще болѣе усилилось, когда пріѣхалъ изъ Варшавы мотренинскій игуменъ, Мельхиседекъ Яворскій съ королевскими грамотами и письмами. Мельхиседекъ возвратился въ мотренинскій монастырь передъ пасхой 1766 г. (которая приходилась 23 апрѣля) 2 апрѣля [1], и до 24 числа онъ остается, какъ бы въ безвѣстности. Извѣстно лишь, что онъ отказался отъ приглашенія Гервасія пріѣхать въ Переяславль на пасху,—отказался, потому что много имѣлъ работы [2]. Послѣдствія этой работы обнаружились 24 апрѣля. Въ уніатскомъ архивѣ сохранилась сообщенная уніатскимъ властямъ смилянскимъ губернаторомъ Дворжанскимъ копія публичнаго заявленія православныхъ, въ которомъ они извѣщаютъ, что король вновь подтвердилъ ихъ права на свободное испоѣданіе вѣры и написалъ къ уніатскимъ властямъ письма, приглашая ихъ удержаться отъ насилій и жить мирно съ православными, что въ силу этихъ грамотъ не слѣдуетъ запрещать перехода уніатовъ въ православіе и наоборотъ, что православные желаютъ наблюдать миръ и тишину, избѣгать всякихъ ссоръ, приглашаютъ къ этому уніатовъ и потому рѣшили обнародовать всѣ эти документы, а кто не повѣритъ или будетъ сомнѣваться, существуютъ ли такіе документы, тотъ пусть пріѣзжаетъ въ ихъ духовное правленіе (чигиринское) и пусть разсмотритъ самые *подлинники*. Заявленіе это составлено въ духовномъ правленіи (чигиринскомъ) въ Медвѣдевкѣ 24 апрѣля 1766 г. и подписано членомъ его Лозинскимъ [3].

Обнародованіемъ этихъ документовъ уніаты ставились въ крайне затруднительное положеніе, тѣмъ особенно, что въ числѣ обнародованныхъ бумагъ были и письма короля къ уніатскимъ властямъ. Нарушая спокойствіе, уніаты явно

---

[1] Извѣстія о времени его возвращенія: Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 10; т. 2 стр. CXIII и 174; Арх. кн. ун. митр., Г., IV, № 140; Докум., стр. 450.

[2] Тамъ же, Арх. к. т. 2, стр. CXIII.

[3] Арх. ун. м., кн. Г., IV, № 138.

становились противъ короля. Подобный же вызовъ дѣлался и польскимъ панамъ. Въ числѣ королевскихъ писемъ были и письма къ Яблоновскому, Любомірскому, Сангушкѣ, Моравскому. Въ показаніи Мельхиседека, данномъ уніатамъ, говорится, что онъ разослалъ изъ духовнаго (чигиринскаго) правленія копіи всѣхъ привезенныхъ имъ бумагъ въ замки помѣщичьи—смилянскій, черкасскій, мошенскій и ольшанскій [1]. Вышеприведенное заявленіе чигиринскаго духовнаго правленія, доставленное уніатамъ изъ смилянскаго замка, очевидно, было однимъ изъ числа многихъ такихъ заявленій, посланныхъ въ другіе замки, и кромѣ того по церквамъ, въ которыхъ они читались народу [2]. Уніатскій историкъ уманской смуты говоритъ, что Мельхиседекъ, возвратившись изъ Варшавы, «поразбрасывалъ по селамъ и мѣстечкамъ конституціи королевства о греческой вѣрѣ съ присоединеніемъ своего пагубнаго толкованія, и этимъ еще больше возбудилъ въ хлопствѣ волненіе и поощрилъ его къ дерзости и бунту. Отъ этого пожаръ этотъ сталъ распространяться въ староства корсунское, звенигородское, лисянское и другія мѣста» [3]. «Не успѣлъ только отецъ игуменъ нашъ Мельхиседекъ привилегій къ намъ привести, многіе, и почитать всѣ мѣста съ священствомъ двигнулись о бытіи, по прежнему, въ своемъ природномъ православно-восточномъ исповѣданіи и къ здѣшнимъ православнымъ мѣстамъ надлежати», писалъ Гервасій къ Георгію Конисскому [4]. По словамъ тогоже Гервасія (въ письмѣ къ Георгію Конисскому отъ 14 іюня 1766 г.) православіе въ эти времена возстановилось доБѣлой—Церкви, т. е. обняло половину (южную) нынѣшней кіевской губерніи [5].

И это новое движеніе, при всей кажущейся нестройности и незаконности, въ дѣйствительности направлялось силой въ высшей степени разумной и сдерживавшей народъ въ предѣлахъ закона. Мельхиседекъ не выступаетъ здѣсь, какъ агитаторъ, даже вовсе не выдвигается самъ. Его занимаетъ, его

[1] Тамъ же, № 140.
[2] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 353.
[3] Докум. стр. 450—2.
[4] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 584.
[5] Арх. к., ч. 1, т. 2, стр. 224.

всего поглощаетъ законное, открытое дѣло—полученныя привилегіи. Онъ ихъ обнародываетъ открыто и въ законныхъ мѣстахъ—въ панскихъ дворахъ и церквахъ, и, замѣчательно, обнародываетъ не отъ себя, а отъ духовнаго чигиринскаго правленія. Онъ былъ уполномоченъ этимъ правленіемъ выхлопотать утвержденіе духовныхъ правъ украинскихъ православныхъ,—ему онъ и передаетъ это дѣло, возвратившись изъ Варшавы. Обнародованіе полученныхъ привилегій должно было еще больше закрѣпить мирное настроеніе народа. Оно привязывало народъ и къ королю, давшему утвержденіе его правъ, и къ панамъ, которыхъ король просилъ въ письмахъ оберегать эти права. Можно со всею рѣшительностію сказать, что нельзя было придумать болѣе законнаго образа дѣйствій и болѣе могущественнаго средства удержать народъ въ спокойствіи и повиновеніи законнымъ властямъ, и еслибы уніаты и поддерживавшіе ихъ польскіе фанатики не помѣшали Гервасію и Мельхиседеку, то миръ и тишина господствовали бы во всей Украинѣ. Но уніаты и поляки взяли въ свои руки замиреніе Украины, внесли въ нее страшное количество горючаго матеріала и зажигали его съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла.

Уніатскія власти того времени, какъ мы уже упоминали, сильно жаловались, что управители главнѣйшихъ пановъ не оказываютъ имъ поддержки. Жалоба эта выражала не одни преувеличенныя требованія уніатовъ, но и дѣйствительное невниманіе къ нимъ многихъ управителей. Невниманіе это вызвано было не только состраданіемъ къ православнымъ и заботою о спокойствіи между ними, но и многими дурными дѣлами уніатскихъ властей. Всѣ главнѣйшіе дѣятели уніатскіе того времени прославились сильнымъ корыстолюбіемъ, каковы: митрополитъ Володковичъ, главный оффиціалъ Примовичъ, второстепенные оффиціалы: Любинскій, Мокрицкій. Вотъ люди, взявшіеся умиротворить взволнованную и готовую поднять смуту Украину.

ГЛАВА III.

Уніатскій оффиціалъ Мокрицкій затрудняетъ сношенія православныхъ украинцевъ съ Переяславлемъ. Онъ призываетъ православныхъ на судъ. Уніатскій декретъ противъ православныхъ. Наѣзды на нихъ. Польское войско въ Украинѣ. Сборъ народа у Ольшаны. Ловля православныхъ священниковъ. Положеніе Мельхиседека. Арестъ его и страданіе въ плѣну у уніатовъ. Страданіе другихъ православныхъ узниковъ. Страданіе украинскаго народа за православіе, страданія: телепинцевъ, мученичество Даніила, страданія жаботинцевъ. Торжество уніатовъ. Попытка въ Украинѣ къ возстанію противъ нихъ. Силы, сдерживавшія народъ отъ возстанія. Нравственный подъемъ измученной Украины. Вліяніе Мельхиседека. Вліяніе Гервасія. Дѣйствіе ихъ помощниковъ.

Для противодѣйствія обхватившему всю Украину православію уніатскій митрополитъ выслалъ давно извѣстнаго Украинѣ фанатическаго и жаднаго оффиціала уніатской митрополіи Григорія Мокрицкаго. Въ началѣ великаго поста (1766 г.), т. е. въ самый разгаръ православнаго движенія, Мокрицкій утвердился въ Корсунѣ [1] и отсюда сталъ развертывать планъ своихъ дѣйствій [2]. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь военную государственную власть и уговорилъ пограничную польскую стражу ловить священниковъ и мірянъ, отправлявшихся въ Переяславль или возвращавшихся оттуда, отнимать у нихъ письма и деньги и доставлять пойманныхъ къ нему [3], т. е. онъ думалъ пресѣчь главный, по его мнѣнію, источникъ оживленія и благоустройства православія на Украинѣ, и показывалъ всѣмъ, что считаетъ эту Украину по прежнему принадлежащею уніатской церкви и признаетъ за собою право наказывать виновныхъ за нарушеніе обязанностей по отношенію къ ней. Всѣхъ этихъ виновныхъ, по его мнѣнію, т. е. присоединившихся къ православію, онъ призвалъ къ себѣ на судъ въ Корсунь, и, такъ какъ всѣмъ было ясно, что православные монастыри, особенно мотренинскій, участвовали въ этой винѣ, то онъ и ихъ призвалъ на судъ и послалъ имъ 3 апрѣля при-

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 638.
[2] Тамъ же, т. 2, стр. 279.
[3] Тамъ же, стр. 178, 274, § 5, 318—319, 640 § 5.

глашеніе явиться къ нему [1]. Представители православныхъ монастырей, конечно, не явились, и напротивъ погрозили самому Мокрицкому судомъ и вообще дурными послѣдствіями за присвоеніе себѣ непринадлежащей власти [2]. Неявились на судъ и приходскіе священники, возсоединившіеся, а тѣмъ менѣе міряне. Явились къ Мокрицкому лишь уніатскіе священники, непринявшіе православія и большею частію скрывавшіеся отъ народнаго негодованія. Они-то, вѣроятно, и были обвинителями и свидѣтелями при составленіи Мокрицкимъ слѣдственнаго акта для уніатской консисторіи. Нѣкоторые, однако, изъ этихъ обвинителей и свидѣтелей сами тогда-же поплатились за то, что явились къ Мокрицкому. Онъ увидѣть у нѣкоторыхъ изъ нихъ длинные волосы и бороды и вообще признаки схизмы, приказалъ ихъ стричь, брить и наказывать розгами даже публично [3]. Слѣдственное дѣло отправлено было въ Радомысль—въ уніатскую консисторію, и около 17 мая полученъ былъ Мокрицкимъ декретъ. Декретъ этотъ сохранился въ очень неисправномъ спискѣ, но и сквозь безграмотность переписчика видны слѣды того, что и въ исправномъ видѣ онъ былъ не многимъ лучше и, очевидно, писанъ лицемъ, потерявшимъ спокойствіе духа и здравомысліе. Декретъ этотъ, вышедшій изъ духовной уніатской среды, объявлялъ осадное положеніе для Украины. Православнымъ монастырямъ въ немъ дается право существованія, но они должны заплатить за свои дѣйствія страшную пеню; Мельхиседекъ долженъ явиться въ Радомысль съ надежными поручителями, съ повинною, и просить прощенія; затѣмъ, только тѣ монастыри могутъ существовать въ странѣ, которые докажутъ законныя на это права, и тѣ иноки могутъ быть терпимы, которые имѣютъ надлежащіе виды; тѣже иноки, которыхъ поймаютъ безъ видовъ и объясненій ихъ прибытія въ извѣстную мѣстность, должны быть задерживаемы и доставляемы въ Радомысль. Всѣ, принявшіе православіе священники, должны въ назначенный срокъ явиться съ повинной въ Радомысль и

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 277, 280, пунктъ 11.
[2] Тамъ же, стр. 171—3.
[3] Докум., стр. 452.

тогда получать прощеніе; туда-же должны съ тѣмъ-же прислать депутатовъ и приходы, виновные въ отступленіи отъ уніи; въ противномъ случаѣ, священники подвергаются аресту и насильной присылкѣ въ Радомысль, а прихожане—жестокому штрафу и наказанію отъ панскихъ дворовъ, а церкви ихъ запечатываются. Нѣкоторые изъ священниковъ смилянской области сразу объявлялись лишенными сана, предавались проклятію и должны были въ теченіе трехъ дней быть представленными на окончательный судъ, т. е. очевидно на расправу, къ Мокрицкому въ Корсунь. Всѣ государственныя власти и всѣ управители имѣній приглашались содѣйствовать исполненію этого декрета, и одному изъ нихъ, именно смилянскому коммисару, сейчасъ же поручалось дѣло—доставить вышеупомянутыхъ смилянскихъ священниковъ, подъ угрозою подпасть суду кіевской латинской консисторіи, очевидно, за содѣйствіе ереси. Декретъ этотъ приказывалось пересылать отъ прихода въ приходъ съ самою большею скоростію и не держать его на одномъ мѣстѣ болѣе двухъ часовъ [1].

Въ декретѣ этомъ поражаетъ насъ преувеличенное до невѣроятной степени представленіе силы уніатской власти, которой должны немедленно оказать повиновеніе и православные монастыри, и администрація страны, и панскіе управители, и возсоединенные священники, и всѣ малороссійскія громады. Съ другой стороны, въ немъ останавливаетъ вниманіе усиленное стараніе составителя или составителей налагать побольше штрафы, равносильные настоящей конфискаціи всего имущества виновныхъ. Въ дѣйствительности такъ и было. Православные того времени сохранили намъ свидѣтельство, что Мокрицкій выѣзжалъ изъ Корсуня, въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ (панскихъ) казаковъ, нападалъ разбойнически на разныя мѣста, и высылалъ своихъ уніатовъ раззорять православныя церкви, народъ и священство [2]. Уніатскій историкъ уманской смуты прямо приписываетъ Мокрицкому мысль о конфискаціи имущества украинскаго духовенства и въ поразительной картинѣ изображаетъ, какъ осуществляли эту мысль разосланные Мокрицкимъ его ин-

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, № LV; слич. стр. 275, 640 § 6.
[2] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 279, 638; т. 3, стр. 310—311.

стигаторы. Вотъ эта картина: «(Мокрицкій), написавъ декретъ, объявляющій конфискацію всего имущества священниковъ, послалъ съ казаками двоихъ, крайне безразсудныхъ и безсовѣстныхъ своихъ инстигаторовъ—Глинскаго и Соколовскаго, и довѣрилъ ихъ совѣсти забирать и грабить имущество священниковъ. Эти инстигаторы не только забирали у виновныхъ и невиновныхъ священниковъ, раздавали встрѣчному и за безцѣнокъ продавали воловъ, коровъ, овецъ, пасеки, коней, хлѣбъ изъ сараевъ и другія важнѣйшія вещи, но даже въ ихъ домахъ портили печи, били горшки и миски, выбивали окна или раздаривали кому либо, и дѣлали другія несказанныя обиды,—только что не выворачивали самыхъ домовъ» [1].

Совершенно очевидно, что Мокрицкій вызвалъ въ себѣ и въ другихъ самые дикіе, разрушительные инстинкты и нѣтъ ничего удивительнаго, что для этого истинно варварскаго нашествія на православную Украину, для этой настоящей гайдаматчины онъ нашелъ себѣ пособниковъ въ мелкой польской шляхтѣ, въ штатѣ корыстолюбивыхъ членовъ панской челяди и даже въ управителяхъ, славившихся долго и послѣ, даже въ панской средѣ, единодушіемъ съ жидами, для одного общаго дѣла—ограбленія народа [2]. Только весьма немногіе изъ польскихъ пановъ Украины остались чуждыми этой неистовой польской гайдаматчинѣ противъ русскаго народа. По свидѣтельству уніатскаго историка уманской смуты «помѣщичьи дворы, особенно (смилянскій губернаторъ) Дворжанскій, тайно внушали народу, что можно держаться, какой кто желаетъ вѣры [3]. Есть также извѣстіе, что Любомірскій и княгиня Сангушкова сожалѣли о православныхъ и были недовольны дѣйствіями уніатовъ [4]. Но это были слишкомъ слабыя заявленія человѣколюбія и правды. Въ большей части поляковъ того времени всей Польши пробужденъ былъ самый неистовый фанатизмъ противъ иновѣрцевъ.

---

[1] Докум., стр. 452—4.
[2] Арх. ун. м. № 441 (номеръ связокъ). Excerpt z manuskryptu o podróży J. O. X. Stanisława Poniatowskiego w.r. 1779 odprawioney.
[3] Докум., стр. 454.
[4] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 562.

Когда Мельхиседекъ уѣзжалъ изъ Варшавы, тамъ съ новою силою поднимался вновь вопросъ диссидентскій, поддерживаемый почти всею Европой, въ особенности, Россіей и Пруссіей. Лѣтомъ 1766 года собирались по областямъ польскіе сеймики, обсуждали этотъ вопросъ и, сообразно настроенію большинства, выбирали пословъ на сеймъ, который долженъ былъ открыться осенью—въ началѣ октября. Большинство это было настроено самымъ враждебнымъ образомъ по отношенію къ иновѣрцамъ и подготовляло, какъ увидимъ ниже, ударъ защитникамъ человѣческихъ правъ иновѣрцевъ Польши.

Уніатскія власти Украины весьма искусно воспользовались этимъ настроеніемъ поляковъ. Подъ предлогомъ усмиренія бунтовъ, вызванъ былъ въ Украину отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ такъ называемой украинской партіи, подъ начальствомъ Воронича. Православные говорили и, вѣроятно, не безъ основанія, что это войско призвано и даже нанято уніатскимъ митрополитомъ Филиппомъ Володковичемъ [1]. Войско польское шло въ Украину съ опредѣленнымъ, строго выработаннымъ планомъ дѣйствій. Въ этомъ планѣ съ поразительнымъ искусствомъ совмѣщены были задачи гражданскія и религіозныя. Неистовое варварство и неистовый фанатизмъ соединились здѣсь въ одно. Самыя низкія страсти вызваны были на полный просторъ, и все это покрыто было покровомъ испорченной цивилизаціи—кажущеюся правдою, кажущимся безпристрастіемъ и кажущеюся благовидностію.

9 іюня 1766 г. это войско вступило въ средину Украины, въ смилянскую область, остановилось у м. Ольшаны, и стало устроять прочный военный лагерь съ разнообразными приспособленіями для удобнаго и долговременнаго пребыванія. Къ этому времени изъ областей или, какъ тогда называли, губерній: мошенской, черкасской, смилянской и чигиринской, «изо всѣхъ мѣстечекъ и селъ согнано было до одинадцати тысячъ народу съ подводами и семсотъ пѣшихъ» для устройства обоза на подобіе, какъ говорили тогда православные, города, съ разнообразными строеніями, домами, амбарами, конюшнями, и четыре недѣли работалъ согнанный народъ надъ

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 558.

этимъ укрѣпленнымъ лагеремъ въ то время, когда была самая рабочая пора въ дѣлахъ хозяйственныхъ, а церковь призывала къ посту, молитвѣ и говѣнію въ Петровъ постъ [1]. Затѣмъ, лишенная рабочихъ силъ страна должна была давать и доставлять въ этотъ лагерь продовольствіе, при сборѣ котораго не было ни мѣры, ни правильности,—брали что хотѣли, когда хотѣли и съ кого хотѣли [2].

При первомъ взглядѣ на эти дѣла польской военной силы, представляется необъяснимымъ, для чего пришло это войско, гдѣ тѣ враги, которыхъ оно собирается поражать, и для чего оно такъ обременяетъ народъ собственнаго государства? Когда пришло это войско, говорятъ намъ одни изъ современныхъ свидѣтелей, то вмѣстѣ съ нимъ прибыли и уніатскія власти [3]. Между тѣмъ, какъ согнанный народъ устроялъ лагерь подъ Ольшаной, оффиціалъ Мокрицкій, говорятъ другіе изъ этихъ свидѣтелей, разослалъ, въ сопровожденіи польскихъ отрядовъ, своихъ инстигаторовъ и другихъ чиновныхъ изъ своего духовенства ловить православныхъ священниковъ [4]. Ловля эта могла затрудняться въ опустѣвшихъ поселеніяхъ развѣ плачемъ женщинъ и дѣтей, да еще тѣмъ, что православные священники съ женами и дѣтьми убѣгали въ лѣса, горы, степи, въ окрестныя страны [5]), и приходилось разставлять стражу по дорогамъ, посылать летучіе отряды для розыска по сторонамъ [6]. Пойманные священники подвергались тѣлесному наказанію, остригались и обривались, и въ колодкахъ отправлялись въ сборный пунктъ—въ Корсунь; имущество православныхъ священниковъ подвергалось разграбленію, уничтоженію; церкви запечатывались [7]. Мокрицкій съ поразительною быстротою перелеталъ съ мѣста на мѣсто, то являясь въ польскомъ станѣ, то въ разныхъ мѣстахъ производя наѣзды, то возвращаясь назадъ въ свою, такъ ска-

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 93; т. 2, стр. 281.
[2] Тамъ же.
[3] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 287.
[4] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 324—5.
[5] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 281; т. 3, стр. 371, 177, 284 и 514.
[6] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 325.
[7] Тамъ же, стр. 281—288.

зать, главную квартиру—Корсунь [1]. Здѣсь онъ устроилъ настоящую инквизицію. Пойманные священники, иноки наказывались сотнями ударовъ за православіе. Кромѣ того они насильно преображались въ уніатовъ, если не были преображены до того времени. Имъ стригли головы, брили бороды, надѣвали уніатскую одежду. При этомъ ихъ убѣждали и въ душѣ быть уніатами, сопровождая эти убѣжденія новыми побоями и всякаго рода глумленіями. Наконецъ, нераскаянные отсылались на новыя муки въ Радомысль къ уніатскому митрополиту, куда направлялось и награбленное имущество ихъ [2].

Во время этихъ разъѣздовъ и хлопотъ, Мокрицкаго занимала главнѣйшая мысль, главнѣйшая забота—поймать перваго руководителя православныхъ малороссовъ—игумена Мельхиседека. Еще на возвратномъ пути изъ Варшавы Мельхиседека стали окружать злоба и злоумышленіе поляковъ. Поляки низшаго разбора,—шляхта, мелкіе чины, не могли вынести мысли, что имъ напоминають о правѣ, о законѣ, о власти короля. Они еще на пути изъ Варшавы арестовали Мельхиседека въ Городищѣ, глумились надъ нимъ и его бумагами и ясно показывали, что его жизнь зависитъ отъ мановенія воли шляхтича [3]. Обнародованіе привезенныхъ бумагъ, новое оживленіе народа естественно еще болѣе усилили ихъ озлобленіе противъ Мельхиседека. Мотренинскій монастырь стали чаще и чаще посѣщать фанатическіе шляхтичи и уже прямо грозили Мельхиседеку смертію [4]. Страхъ напалъ на благочестивую

---

[1] Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ его разъѣздахъ: 8 іюля онъ былъ въ Корсунѣ (Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 106); около 26 іюля—въ с. Телепинѣ (т. 2, стр. 389 — 390); 26 іюля—въ Корсунѣ (т. 2, стр. 375; т. 3, стр. 16); затѣмъ ѣздилъ въ Радомысль (т. 2, стр. 377—378); 29 августа прибылъ въ Корсунь изъ подъ Ольшаны (т. 3, стр. 72—3); 25 сентября былъ въ Смилѣ (т. 3, стр. 181); въ концѣ сентября—въ Чигиринѣ (т. 3, стр. 123—4); въ первыхъ числахъ октября—въ Корсунѣ (т. 3 стр. 144).

[2] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 323—329, 374—375; т. 3, ст. 15—17, 36—37, 72—73, 106, 124—126, 142—146, 158—163, и другія жалобы священниковъ, схваченныхъ уніатами и заключенныхъ въ Радомышлѣ, помѣщенныя въ 3 т. к. Арх.

[3] Арх. к. ч. 1, т. 3, № I § 18, 19, 30.

[4] Тамъ же, § 20 и 21.

обитель. Разбѣгались слуги, писцы. Мельхиседеку трудно было писать бумаги. Тревога проникла и въ крѣпкую душу самаго Мельхиседека. «Для меня и монастыря очень худый слухъ; однако я еще въ конецъ не малодушествую», писалъ онъ Гервасію 14 іюня 1766 г. [1]. «Людямъ всѣмъ смертный страхъ мечтается и всѣ лишенія имущества и живота ожидаютъ. Правители (духовныхъ правленій) по совѣту общему выступили на границу, въ шанецъ Могилевъ. Я остаюсь въ монастырѣ за всѣхъ страдать и отвѣтствовать», писалъ Мельхиседекъ въ концѣ іюня [2]. Но расправа съ Мельхиседекомъ въ самомъ мотренинскомъ монастырѣ почему-то казалась полякамъ неудобною, вѣрнѣе всего, опасною. Они стали подстерегать его на путяхъ въ Переяславль, куда, какъ имъ хорошо было извѣстно, Мельхиседекъ долженъ теперь особенно часто ѣздить. Пограничная стража, давно уже настроенная Мокрицкимъ и давно уже ловившая и православныхъ священниковъ и православныхъ мірянъ, сдѣлалась особенно бдительною съ конца мая, когда къ Украинѣ приближалось польское войско «Шляхи (дороги) всѣ въ гору (къ Днѣпру) заперлы: анѣ человѣка, анѣ жида не пускаютъ. На Росѣ рѣкѣ всѣ човни (лодки) порубани, съ чего очень худій знакъ», писалъ Мельхиседекъ тогда же, въ концѣ іюня [3]. Но въ дѣйствительности Мельхиседекъ и въ это время не былъ одинокъ, и ѣздилъ въ Переяславль даже при этихъ, повидимому, неодолимыхъ преградахъ. Надъ нимъ бодрствовали и его провожали вѣрные друзья. Ихъ находилъ Мельхиседекъ въ ближайшемъ къ монастырю городѣ Жаботинѣ, и во главѣ этихъ друзей стоялъ доблестный ревнитель православія жаботинскій сотникъ, Харько. Онъ съ другими двумя лицами въ маѣ проводилъ Мельхиседека тайно ночью дальнимъ объѣздомъ въ новороссійскую губернію. Поляки узнали объ этомъ. Вороничъ потребовалъ Харька подъ Ольшану, и безъ суда приказалъ отрубить ему голову въ конюшнѣ и тамъ же зарыть его. Остальные товарищи Харька въ страхѣ бѣжали изъ Жаботина, оставя женъ съ дѣтьми и

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 216.
[2] Тамъ же, стр. 281—2.
[3] Тамъ же, стр. 281.

имуществомъ [1]. Но даже и послѣ этого путь для Мельхиседека между мотренинскимъ монастыремъ и Переяславлемъ оказывался открытымъ. Мельхиседекъ возвратился назадъ въ свой монастырь, и въ половинѣ іюля опять поѣхалъ въ Переяславль. Поляки гнались за нимъ, добѣжали до него, когда онъ былъ на паромѣ, еще не отчалившемъ отъ берега, но его окружало множество народа, и поляки, «опасаясь этого множества людей, не начинали болѣе ничего, да только симъ свое злоухищренное намѣреніе загладили, что якобы де только для свиданія со мною», говоритъ самъ Мельхиседекъ, «прибѣгали» [2]. Поймали поляки Мельхиседека только уже 23 іюля на возвратномъ его пути изъ Переяславля, и то благодаря шпіонству и бурной стихіи. Какая то пани изъ Переяславля дала знать польской стражѣ о выѣздѣ оттуда Мельхиседека, а дурная погода задержала его при переправѣ. Уніатскій инстигаторъ Пѣйскій, въ сопровожденіи польскихъ казаковъ, арестовалъ его на перевозѣ въ деревнѣ Секирной [3]. Даже и теперь Мельхиседекъ смущалъ собою поляковъ. Начальникъ польской, пограничной стражи, къ которому привели Мельхиседека, смутился, дрожалъ, не могъ говорить, и поспѣшилъ сдать его уніатамъ,—отправилъ въ Корсунь къ Мокрицкому [4]. Смущеніе это впрочемъ, по всей вѣроятности, выражало не одно личное малодушіе поляка при встрѣчѣ съ этою русскою, нравственною силою. Польскій королевскій чиновникъ, вѣроятно, смутился отъ того, что участвовалъ въ арестѣ русскаго подданнаго, получавшаго рескрипты отъ русской государыни и привилегіи отъ польскаго короля и признаннаго всѣми представителемъ украинскаго православія.

Нѣсколько дней Мельхиседеку пришлось ждать Мокрицкаго. 26 іюля Мокрицкій наконецъ прибылъ въ Корсунь и здѣсь встрѣтились два представителя совершенно противоположныхъ началъ религіозной и личной ихъ жизни,—спокойный и твер-

---

[1] Тамъ же, т. 3, стр. 11—12. О времени смерти Харька см. тамъ же, т. 2, стр. 383 § 1.

[2] Тамъ же, т. 3, стр. 13.

[3] Тамъ же, стр. 13 — 14; Докум., стр. 422. Секирна—недалеко отъ Мошенъ.

[4] Тамъ же, Арх. стр. 15, § 30.

дый на краю гибели, православный игуменъ, и страстный, необузданный уніатскій оффиціалъ. Злоба закипѣла въ Мокрицкомъ при видѣ Мельхиседека, сквернословіе полилось изъ устъ его. Подъ крѣпкимъ карауломъ Мокрицкій отправилъ Мельхиседека въ Радомысль, и вскорѣ самъ отправился за нимъ. Съ самаго начала этого пути обнаружилось, что Мокрицкій былъ не хуже другихъ уніатовъ, окружавшихъ его и стоявшихъ рядомъ съ нимъ у ступеней архипастырскаго престола уніатскаго митрополита. Въ нѣсколькихъ верстахъ за Корсунемъ Мельхиседекъ былъ насильно переодѣтъ въ уніатскую одежду, притомъ еще узкую и короткую для него, и въ этомъ новомъ видѣ сопровождавшій его прокураторъ привѣтствовалъ его: «нынѣ радуйся царю схизматицкій» [1]. По пріѣздѣ въ Радомысль, Мокрицкій даже явился какъ бы защитникомъ Мельхиседека,—удержалъ митрополичьяго комиссара Каменскаго отъ намѣренія наказать Мельхиседека розгами. Сейчасъ же, впрочемъ, оказалось, что это была хитрость. Мокрицкій и Каменскій стали ласковыми словами убѣждать Мельхиседека принять унію, а когда это не подѣйствовало, то подъ видомъ дружбы дали ему какого-то меду, отъ котораго онъ заболѣлъ, и подозрѣвалъ, что въ этомъ медѣ была отрава. Вскорѣ затѣмъ явились новые защитники Мельхиседека, братъ оффиціала Мокрицкаго, суррогатъ Василій и одинъ изъ прокураторовъ—Өеодоръ. Они защитили его отъ буйства митрополичьяго племянника, который, притворившись пьянымъ, сталъ ломиться въ избу, въ которой заключенъ былъ Мельхиседекъ, и дѣлалъ выстрѣлы, показывая намѣреніе убить его [2]. 2 августа Мельхиседеку было объявлено рѣшеніе ѣхать далѣе, въ митрополичій замокъ—Гродекъ. На пути къ этому новому мѣсту мукъ Мельхиседека подвергли обыску и забрали все, что можно было взять, а въ Гродкѣ засадили въ каменную избу и объявили, что приказано задѣлать его въ этомъ заключеніи. Мельхиседекъ былъ тогда жестоко боленъ отъ вышесказаннаго меду и докторъ объявилъ, что нѣтъ надежды на его выздоровленіе. Это заявленіе, казалось, смягчило сердца мучителей; приказъ задѣлать Мельхиседека былъ отмѣ-

[1] Тамъ же, §§ 31—37.
[2] Тамъ же, §§ 37—39.

ненъ [1], но, какъ оказалось, для новыхъ мукъ и злоумышленій. «Въ томъ заключеніи, отъ 6 августа до 20 сентября, я нижайшій, пишетъ Мельхиседекъ, страдая невинно, разніи неудоботерпиміи бѣды и мучительства претерпѣвалъ, гладомъ, хладомъ и другими прекращающими животъ средствами былъ угнетаемъ, которіи однимъ только божіимъ о мнѣ благоволеніемъ безъ смертнаго заключенія пройшли; при всѣхъ же тѣхъ удрученіяхъ многіи отъ онаго митрополита Володковича и изъ сторонъ пріѣздили унѣяти, и многими неправими доводами и вымыслами своими лстили пристать на унѣю, обнадежуя притомъ отъ всѣхъ злоключеній свободою» [2]. Твердость Мельхиседека вызвала вторичное покушеніе отравить его. Питомица митрополита Володковича, крещеная еврейка, жена его управителя, подъ видомъ милосердія, поднесла ему какое-то питье, отъ котораго ему сдѣлалось такъ дурно, что сторожа, видя его при послѣднемъ издыханіи, выволокли изъ заключенія на воздухъ [3]. «При ономъ моемъ страданіи множество тогда собравшагось народа будучи, ужасались, да и тѣ сами съѣхавшись (уніаты), тожъ ужаснувшись, безъ дальшаго какого произвожденія, оставивъ по прежнему мене, разъѣхались» [4]. Наконецъ, когда Мельхиседекъ немного оправился, его отправили въ новое мѣсто заключенія,—въ уніатскій монастырь дерманскій, въ которомъ онъ страдалъ еще двѣ недѣли [5].

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ уніатскихъ властей по отношенію къ Мельхиседеку поражаютъ не столько грубыя формы, въ которыхъ высказался ихъ фанатизмъ, не столько даже двукратная попытка отравить Мельхиседека, которая, по всей вѣроятности, была мгновеннымъ взрывомъ этого фанатизма, сколько строгая, выработанная и, какъ видно, привычная система терзать подсудимаго, доводить его до высшей степени тѣлеснаго и душевнаго изнуренія, и въ этомъ ужасномъ состояніи вынуждать его давать нужныя показанія и обѣщанія.

---

[1] Тамъ же, §§ 39—44.
[2] Тамъ же, § 44.
[3] Тамъ же, § 45.
[4] Тамъ же.
[5] Тамъ же, §§ 46—47.

Система эта, такъ старательно приложенная къ Мельхиседеку, ясно показываетъ, какъ далеко въ то время представители уніи ушли въ усвоеніи іезуитства и какъ они, не смотря на свое восточное по обрядамъ вѣроисповѣданіе, не смотря на одинаковое происхожденіе съ русскимъ народомъ западной Россіи и не смотря на свою русскую рѣчь, которою говорили многіе изъ нихъ, въ дѣйствительности были чужды этому народу. Сохранившіяся въ небольшомъ числѣ въ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ бумаги о Мельхиседекѣ даютъ еще большее подтвержденіе этому выводу и освѣщаютъ все мученичество Мельхиседека новымъ свѣтомъ.

Кромѣ желанія довести Мельхиседека до принятія уніи и этимъ смутить весь православный украинскій міръ, у властей уніатскихъ была забота добыть у Мельхиседека такія признанія, которыя бы, и помимо его согласія на унію, достигали той же цѣли—смущенія православныхъ и, на случай отвѣтственности за его арестъ, давали бы имъ возможность оправдаться. Интересы уніи въ этомъ случаѣ переплетались у нихъ съ домашними и даже личными счетами въ средѣ уніатской. Еще въ Радомыслѣ съ Мельхиседека снято было показаніе. Въ этомъ показаніи уніаты могли находить для себя лишь выгоднымъ показаніе Мельхиседека, что православіе поддерживали нѣкоторые изъ украинскихъ губернаторовъ и сами обращались къ Гервасію и къ нему съ просьбами—освятить такую-то церковь, назначить такого-то православнаго священника [1]). Показаніе это казалось уніатскому митрополиту Володковичу неудовлетворительнымъ. Въ первыхъ числахъ августа 1766 г. онъ написалъ къ дерманскому игумену Александру Іодкѣ письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «прошу васъ пріѣхать въ Гродекъ и съ моимъ секретаремъ узнать отъ Мельхиседека: по какому праву и по чьему внушенію онъ себѣ такъ много позволилъ и надѣлалъ столько зла (уніатамъ)... кто былъ къ нему особенно близокъ изъ числа разныхъ лицъ,—поссессоровъ, экономовъ и проч., какимъ образомъ онъ склонилъ къ этимъ дѣламъ священниковъ и кто

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 359. Самое показаніе—Арх. ун. м. кн. Г. IV, № 140.

изъ нихъ были главными. Хотя мы имѣемъ уже отъ него показаніе, но не добьетесь ли вы отъ него чего либо большаго. Не упомянетъ ли онъ кого-либо изъ благочинныхъ, миссіонеровъ (уніатскихъ), потому что всегда дѣло начинается отъ тѣхъ, которые кажутся набожными. Роза цвѣтетъ прекрасно, но въ ней бываетъ ядъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Володковичь поручаетъ Іодкѣ взять Мельхиседека въ свой дерманскій монастырь и не жалѣть для него монастырской *пассіи*, подъ которою нужно разумѣть всѣ мѣры монастырской строгости по отношенію къ виновнымъ и въ томъ числѣ даже тѣлесное истязаніе [1]. На это письмо Іодко отвѣчалъ, что онъ былъ въ Гродкѣ, но не могъ исполнить порученія митрополита по причинѣ болѣзни Мельхиседека, и затѣмъ говоритъ: «я долженъ былъ возвратиться назадъ въ Дермань, но мы условились съ его преподобіемъ ксендзомъ секретаремъ, чтобы Мельхиседекъ, какъ только, хотя немного, оправится, пріѣхалъ ко мнѣ, et quod non est factum, ut fiat, т. е. и чтобы было сдѣлано то, что̀ не сдѣлано». Эта двусмысленная фраза, вѣроятно, не даромъ написана въ польскомъ письмѣ Іодки на латинскомъ языкѣ. Она могла означать и то, что Іодко и митрополичій секретарь потребуютъ отъ Мельхиседека показать и то, чего вовсе не бывало. Въ тѣхъ же бумагахъ дѣйствительно сохранилась безграмотная копія этого втораго показанія Мельхиседека, подписаннаго будто бы имъ. По всей вѣроятности, это—копія проекта показанія, составленная Іодкой и митрополичьимъ секретаремъ. Въ этомъ показаніи не только увеличенъ списокъ пановъ, сочувствовавшихъ Мельхиседеку, но поименованы главнѣйшіе священники, присоединившіеся къ православію и приводившіе народъ къ присягѣ на православіе, и наконецъ показано, что уніатскіе миссіонеры, какъ, напримѣръ, Любинскій, брали съ православныхъ деньги и позволяли имъ исповѣдывать свою вѣру [2]. Что Мельхиседекъ не показалъ, кто изъ священниковъ принялъ православіе и особенно успѣшно дѣйствовалъ на народъ—это едвали требуетъ доказательствъ. Сомнительно также, чтобы онъ поименовалъ теперь, какъ и въ первомъ показаніи, расположенныхъ къ не-

[1] Арх. ун. м. кн. И. IX (номеровъ нѣтъ).
[2] Тамъ же.

му пановъ. Сомнительно даже, чтобы онъ теперь показывалъ что либо противъ уніатскихъ миссіонеровъ. Сомнѣніе это подкрѣпляется тѣмъ, что эти миссіонеры очень были ненавистны уніатскому митрополиту. Они были независимы отъ него. Во главѣ ихъ стоялъ львовскій главный оффиціалъ Примовичъ, уполномоченный папой, и отказавшійся, вѣроятно, не по капризу, участвовать въ допросахъ Мельхиседека, когда это ему было предложено [1].

Въ тѣхъ же уніатскихъ бумагахъ мы находимъ еще новое освѣщеніе мученичества Мельхиседека. Объ этомъ мученичествѣ зналъ польскій король, Станиславъ Понятовскій, и принималъ въ немъ участіе заодно съ уніатами. Показанія съ Мельхиседека снимались для него; по его же внушенію Мельхиседека увозили въ Дермань,—глухое, уединенное мѣсто. Это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы затерялись слѣды его похищенія и чтобы удержать его въ этой неизвѣстности до окончанія сейма, который тогда собирался [2]. Посредникомъ между Володковичемъ и королемъ былъ полоцкій уніатскій архіепископъ Ясонъ Смогоржевскій, съ которымъ мы еще часто будемъ встрѣчаться [3].

Таже іезуитская система дѣйствій, только еще съ большею смѣлостію, была употребляема и по отношенію ко всѣмъ священникамъ и инокамъ, свозимымъ въ Радомысль. Какъ только ихъ сюда доставляли, сейчасъ же подвергали наказанію, которое иногда доходило до 800 ударовъ [4]. Затѣмъ, если наказанный могъ двигаться, его приставляли къ тачкѣ и заставляли раскапывать какой-то холмъ и отвозить землю.

На ночь осужденные запирались въ тѣсное, холодное помѣщеніе, иногда въ то, которое до того времени занимали свиньи [5]. По временамъ производились допросы, увѣщанія принять унію и, въ случаѣ неудовлетворительности отвѣтовъ, а иногда даже независимо отъ нихъ, тѣлесное наказаніе воз-

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 365, 378.
[2] Тамъ же, Арх. ун. м., письмо Володковича къ Іодкѣ.
[3] Тамъ же. Письмо Смогоржевскаго къ Володковичу.
[4] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 324.
[5] Показаніе бывшихъ въ заключеніи въ Радомыслѣ Арх. к. ч. 1. т. 3, стр. 130—131, 150, и также см. ниже показаніе свящ. Морозовскаго.

обновлялось. Вотъ, напримѣръ, истязанія нѣсколькихъ священниковъ по разсказу Іосифа Морозовскаго, священника молодаго, любимаго народомъ и защищаемаго имъ уже послѣ прихода польскаго войска. Морозовскій былъ арестованъ 5 іюля при содѣйствіи военной силы и тотчасъ остриженъ, обритъ и отосланъ въ Корсунь, куда доставили и другаго священника, отца Филиппа. Здѣсь Мокрицкій приказалъ Морозовскому снять одежду, спустить съ плечъ рубашку, стать на колѣни и инстигаторъ Глѣнскій билъ его дисциплиною, «сдѣланною съ сирици (суровья), а на концахъ дротомъ (проволокою) обмотанною, и такъ нещадно и немилосердно билъ, что до самой почти кости тѣло мое, писалъ Морозовскій, точно какъ кнутомъ, тоею дисциплиною повыривалъ на плечахъ и по всей спинѣ, отъ чего я, лишившись всей мочи и не стерпѣвъ таковаго мучительства, падалъ на землю, а после мене и онаго священника Филиппа такъ же тиранско били; потомъ заковавъ обоихъ въ мѣсто (вмѣстѣ) въ единъ кандалъ по едной ноги, а въ добавку того мнѣ еще на другую ногу наложивъ колодку, а скрипици (ручныя оковы) какъ мнѣ, такъ и Филиппу на руки наложивши, при двоихъ козакахъ и единому ляху и погонщику отправлено насъ въ Радомысль». По пріѣздѣ туда съ нихъ на ночь сняли скрипицы, но на слѣдующій день избили на нихъ 12 паръ розогъ, «потомъ въ черную работу тачками землю возить опредѣлени (мы) были», пишетъ Морозовскій. «Послѣ того, спустя точію съ недѣлю, 21 іюля, виведши въ тамошнюю замковую браму», продолжаетъ тотъ же Морозовскій, «и тамъ такъ-же немилосердно розгами такъ били, что восемь паръ розогъ избили, і порознь уже обоихъ въ кандали заковавъ, по прежнему въ тюрму и к черной работѣ землю тачками возить отослали, въ которой я нижайшій горестно, разніе обиди и нужди: гладъ, холодъ, наготу и мразъ претерпѣвая, по самой отпускъ страдалъ. А между тѣмъ.... декабря уже 23 и 24 чиселъ, тамошнего уніатскаго консистору писарь, мирской еще, по ихъ названію, клирикъ, Павелъ Урбановскій, приходя къ намъ въ тюрму и сидя съ нами чрезъ не малое время, поучалъ правиламъ римскія своея западнія церкви, склоняя и насильствуя всѣхъ насъ тамо страждущихъ, монаховъ благочестивыхъ мошногор-

скихъ, а паче священниковъ исповѣдиватся въ (у) ихъ поповъ и приобщаться въ косціолѣ. Но понеже оной писарь Урбановскій монаховъ къ тому не столько принуждалъ, то они, чемъ могли, отказались и свободились отъ того, а насъ нижайшихъ священниковъ, яко то: мене, другого оного священника Филиппа, третего, православнаго чигринскаго Максима, духовнаго чигринского правленія правителя, четвертого благочестивого священника Θеодора суботовского, пятого благочестивого священника Демяна села Войтоваго, седмого благочестивого священника Андрея ташлицкаго, кои вси послѣ уже мене, сентября послѣднихъ чиселъ, тудаже въ Радомисль привезени, до тѣхъ поръ нудили и стращали опять таковимъ мученіемъ, пока мы, а особливо я, будучи по выше писанному боемъ такъ измученъ, что не осталось и силы къ терпѣнію, принуждени склонитись, по ихъ велѣнію, къ исповѣди и сообщенію ихъ унѣятскому.... По каковомъ сообщеніи однакожъ намъ никакова послабленія въ оковахъ не учинено; но въ тѣхъ же оковахъ въ тюрму отправлени, въ которой и содержались всѣ, отправляя по прежнему черную оную работу сего (1767) года до марта мѣсяца [1]». Мошногорскіе иноки, о которыхъ упоминаетъ священникъ Морозовскій, писали о себѣ, между прочимъ, слѣдующее. «...Привели насъ нижайшихъ (ихъ было 12 человѣкъ) предъ суррогата и писаря митрополичаго, кои, не произведя о насъ, какъ надлежитъ по порядку, дѣла ни письменнаго, ни словесного, но точію називая сизматиками, геретиками, гултаями (лѣнивцами) и бродягами, приказали всѣхъ розками бить и, покладая по единому, такъ немилосердно и тиранско били, что не счисляя ударовъ, примѣчали только то, сколько которой можетъ стерпѣть, и били, пока кто кричалъ, а какъ умолкнетъ, помертвѣетъ такъ, что только дрожитъ, то въ тѣ поры переставши мучить и водою обливъ отводили, а послѣ того особо каждаго въ кандали позаковувавъ въ туюжъ тюрму засадили, гдѣ уже и содержались подъ крѣпкимъ карауломъ; содержуясь же ежеденно къ черной работѣ тачками землю возить гоними были всякій

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3, № XVI; Кіевск. епарх. вѣд. за 1864 г., ч. неофиц., стр. 307—310. Морозовскій послѣ этого плѣненія не возвратился на приходъ, а умеръ въ изгнаніи въ 1778 г. Тамъ же, Кіевск. епарх. вѣдом., стр. 310.

день, до сходъ солнца безъ роздоху до захода солнца, и ночи часовъ по два и по три, въ которой работѣ мучими были безъ всякаго милосердія недѣль черезъ седмь, претерпѣвая гладъ и хладъ, ибо препитаніе намъ точію крупъ гречанихъ по два раза на день, да хлѣба по такой частоткѣ давано, что противу обыкновенной братерской порціи какъ бы третяя часть [1]». Передъ отпускомъ на волю ихъ тоже были [2].

Кромѣ этихъ, такъ сказать, общихъ описаній мученій сохранилось очень много свидѣтельствъ объ особенныхъ терзаніяхъ схваченныхъ православныхъ священниковъ и иноковъ. Такъ: придумывали иному забивать руки въ колоду столь длинную, что несчастный долженъ былъ держать руки распростертыми; иногда заключенныхъ вгоняли въ такое тѣсное помѣщеніе, что они должны были стоять плотно другъ подлѣ друга; иногда во время наказанія Мокрицкій спрашивалъ наказываемаго, какой онъ вѣры и, получивъ отвѣтъ, что греческой, кричалъ: а нутежъ, нуте, еще лучше того грека [3]; иногда тотъ же Мокрицкій дозволялъ себѣ хулить православную вѣру и православныхъ угодниковъ, даже кіево-печерскихъ, признанныхъ уже тогда самой уніатской церковью [4].

Всѣ эти свидѣтельства принадлежатъ самимъ пострадавшимъ, взяты нами изъ ихъ жалобъ, и потому очень естественно возникаетъ вопросъ, не преувеличены ли, не разукрашены ли въ нихъ эти страданія? Очень можетъ быть, что тутъ есть и преувеличенія, особенно въ частностяхъ, но въ существенномъ, главномъ они вѣрны. Жалобы эти поражаютъ своимъ согласіемъ при изложеніи однихъ и тѣхъ же событій, и едвали это можно объяснить однимъ предположеніемъ, хотя оно вѣроятно, что жалобы эти записывались въ переяславской консисторіи? Кромѣ того, онѣ высказывались не только предъ православною духовною властію, но и передъ польскимъ правительствомъ, въ видѣ публичныхъ заявленій, и въ этихъ послѣднихъ—тоже самое [5]. Уніаты имѣли возмож-

---

1 Тамъ же, Арх. к., стр. 76—77.
2 Тамъ же, стр. 81.
3 Тамъ же, стр. 144.
4 Тамъ же, стр. 74—75.
5 Манифестъ православныхъ 1767 г. Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 343; Докум. стр. 418.

ность и даже необходимость опровергать ихъ, однако ихъ опроверженій мы не знаемъ, хотя въ уніатскихъ же дѣлахъ находимъ нѣкоторыя изъ этихъ жалобъ [1]. Наконецъ, мы знаемъ, что ближайшій, главный виновникъ страданій православныхъ священниковъ и иноковъ, оффиціалъ Мокрицкій, какъ увидимъ, хлопоталъ устроить мировую съ Мельхиседекомъ.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ дѣйствій было отнятіе у православныхъ огромнаго числа церквей. Уніаты имѣли въ это время на Украинѣ 2000 церквей [2]. Но это была еще только одна часть страшной картины бѣдствій, постигшихъ Украину. Почти одновременно съ нею развертывалась другая, еще болѣе ужасная.

Когда ловля священниковъ, иноковъ зашла далеко, когда руководители народа одни были схвачены и заточены, другіе разбѣжались, кто куда могъ, а народъ былъ разоряемъ и повергаемъ въ ужасъ, уніаты выступили на новый трудъ, принялись за народъ и придумали для него новыя страданія. Они въ сопровожденіи польскихъ отрядовъ стали направляться къ тому углу Украины, откуда началось православное движеніе, обхватившее всю Украину, и, возстановляя унію,—поселяли уніатскихъ священниковъ, отпечатывали церкви и призывали народъ начать вновь уніатскую жизнь. Особенное ихъ вниманіе обращено было на тѣ мѣста, въ которыхъ когда либо происходилъ сильный взрывъ народнаго негодованія противъ уніатовъ.

Въ этихъ мѣстахъ вождь уніатовъ, Мокрицкій счелъ нужнымъ показать особеннымъ образомъ торжество уніи. Первымъ такимъ пунктомъ избрана была мѣстность, оставившая въ Мокрицкомъ самыя тяжелыя воспоминанія. Это Черкасы, лежащіе у Днѣпра, гдѣ Мокрицкій успѣлъ уже хорошо настроить и пограничную стражу, и польскихъ управителей. Мокрицкій, въ половинѣ іюля или около этого времени [3], прі-

[1] Тотъ же манифестъ 1767 г. находится въ Арх. ун. м. к. X № 595.

[2] Арх. ун. м., кн. Г. IV, № 142.

[3] Извѣстіе объ этомъ дѣлѣ находится въ донесеніи Гервасію Мельхиседека, которое не могло быть написано раньше 20 или 21 іюля, хотя въ Арх. к., гдѣ оно напечатано, показано подъ 28 іюля (см. ниже), когда Мельхиседекъ уже былъ арестованъ (23 іюля) и не могъ писать донесеній.

ѣхалъ въ Черкасы, собралъ народъ и ласково предложилъ ему принять унію. «Хочай намъ всѣмъ и житіе отберете, то не хощемъ быти въ уніи», отвѣтили черкасцы. Тогда «губернаторъ съ стражниками и войсковыми жолнерами начали людей бить, такъ что роти раздирали, ноги и руки выворачивали и къ смерти почитать троихъ человѣкъ прибили». Затѣмъ губернаторъ и Мокрицкій послали въ польскій лагерь подъ Ольшану сказать, «дабы войско пришло всю громаду до обозу брати». Мущины въ страхѣ разбѣжались по лѣсамъ и лугамъ, оставя на произволъ судьбы женъ и дѣтей. Мокрицкій запретилъ совершать въ Черкасахъ какія бы то ни было требы и въ томъ числѣ похороны, которыя естественно были чаще послѣ такой жестокой бойни. По городу трудно было ходить «изъ-за смрада», доносилъ Мельхиседекъ [1]. Это былъ первый крупный опытъ расправы уніатовъ съ народомъ, при содѣйствіи польской военной силы. Для повторенія этого опыта избрана была другая мѣстность, еще болѣе ненавистная Мокрицкому и многимъ изъ его подчиненныхъ,—Телепинъ, гдѣ, если вѣрить уніатамъ, была освящена Мельхиседекомъ первая церковь, построенная по благословенію ун. митрополита, [2] гдѣ въ концѣ прошедшаго года разогнанъ былъ съ великимъ позоромъ уніатскій съѣздъ [3] и гдѣ народъ повторилъ тоже въ началѣ 1766 г., когда уніаты вторично поѣхали туда [4]. Мокрицкій объявилъ декретъ, по которому всѣ жители села Телепина, и старые и малые, осуждались на смерть. Телепинцы сначала не вѣрили, чтобы такой безразсудный декретъ былъ приведенъ въ исполненіе; но вскорѣ они увидѣли, что это не пустая угроза. Вороничъ прислалъ къ нимъ пятьсотъ солдатъ и телепинцы секретно узнали, что эти солдаты прибыли къ нимъ для казни, и совершатъ ее 27 іюля. Народъ въ ужасѣ послалъ депутатовъ къ Вороничу съ мольбою о помилованіи и съ заявленіемъ, что принимаетъ унію, и снабдилъ своихъ депутатовъ подарками для Воронича. Польскій вождь преклонился на милость, и Мокрицкій торжественно вступилъ въ

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 286—7; т. 3, стр. 345; Докум., стр. 422—4.
[2] Арх. ун. м. печ. брош. № 17.
[3] Докум., стр. 442—448.
[4] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 317, 383; Арх. ун., № 957.

ненавистный ему Телепинъ, собралъ въ церковь телепинцевъ и надъ ихъ головами прочиталъ разрѣшительную молитву [1].

Чтобы украинцы не думали, что съ ними шутятъ, какъ съ дѣтьми, черезъ нѣсколько дней послѣ того, т. е. 29 іюля, у польскаго стана совершена была дѣйствительная казнь, напоминавшая своею лютостію времена Нерона, Діоклетіана,—казнь надъ самымъ благочестивымъ ~~жителемъ мѣстечка Мглѣева~~, старикомъ Даніиломъ Кушнѣромъ, давно уже содержавшимся подъ стражей по ложному обвиненію въ кощунствѣ, которое въ дѣйствительности заключалось въ слѣдующемъ. Еще въ мартѣ 1766 года, во время общаго стремленія народа къ православію, жители Мглѣева убѣждали своего уніатскаго священника, Василія Гдышицкаго принять православіе. Гдышицкій не только не согласился на это, но еще жестоко бранилъ ихъ, охуждалъ православныхъ архіереевъ и хулилъ православіе. Прихожане, чтобы лишить его возможности служить въ ихъ церкви, собрались всѣ въ церковь и сложили все облаченіе, книги, сосуды въ нарочно для этого сдѣланный сундукъ. При этомъ встрѣтилось затрудненіе. На престолѣ стояла дарохранительница съ запасными дарами, къ которой никто не считалъ себя въ правѣ прикоснуться, но которую опасно было оставить, потому что въ такомъ случаѣ уніатъ священникъ имѣлъ бы мозможность пріобщать больныхъ. На приходскомъ совѣщаніи мглѣевцы рѣшили избрать изъ среды себя самаго чистаго, благочестиваго прихожанина и ему поручить снять и спрятать дарохранительницу съ св. дарами. По указанію атамана (старосты) Кирика, выборъ палъ на благочестиваго старика Даніила Кушнѣра. Даніилъ повиновался волѣ прихода и съ благоговѣніемъ приступилъ къ этому дѣлу,—положилъ предъ престоломъ три поклона до земли, обернулъ свои руки церковною завѣсою, взялъ дарохранительницу, поставилъ въ сундукъ, который затѣмъ спрятанъ былъ подъ колокольней. Гдышицкій принесъ на это жалобу мошенскому уніатскому протопопу, Аѳанасію Гдышицкому—своему отцу и показалъ, будто Даніилъ, по однимъ извѣстіямъ, вырвалъ во время

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 383—4, 389—390. На этомъ торжествѣ Мокрицкій получилъ извѣстіе, что арестованъ Мельхиседекъ, и поспѣшилъ въ Корсунь. Тамъ же, 375.

службы чашу изъ рукъ Гдышицкаго [1], по другимъ, будто онъ принесъ чашу въ корчму, пилъ изъ нея водку и съ водкою съѣлъ дары [2], и по третьимъ уніатскимъ извѣстіямъ, будто бы топталъ дары ногами [3]. По настоянію Гдышицкаго—отца Даніилъ былъ арестованъ, закованъ въ кандалы и посаженъ въ смилянскій замокъ. Множество православнаго народа, по словамъ записки о мученичествѣ Даніила, видя старика безвинно-страждущаго, обращалось къ протопопу Гдышицкому съ просьбами освободить страдальца и даже собирались деньги, чтобы откупить его. Гдышицкій соглашался на это подъ однимъ условіемъ, чтобы Даніилъ принялъ унію. Православные передали это страдальцу. Даніилъ отказался, совѣтовалъ православному народу крѣпко и ненарушимо содержать православное исповѣданіе и просилъ не хлопотать объ немъ больше, говоря: «я готовъ за вѣру православную и умрети, а на унію пристать не хочу». Разъяренный этою рѣшительностью Даніила, Гдышицкій—отецъ настоялъ, чтобы Даніиладоставили въ польскій лагерь подъ Ольшаной, и тамъ съ своимъ сыномъ Василіемъ и другими сыновьями, вопреки всѣмъ законамъ, какъ замѣчается въ запискѣ, дѣлалъ судебное разбирательство, и приговорилъ Даніила къ лютой смерти,—жженію рукъ и отсѣченію головы. Лютость этого приговора поразила даже поляковъ ольшанскаго лагеря, и они просили Гдышицкаго замѣнить эту казнь обычнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Гдышицкій не согласился. Къ Даніилу посланъ былъ уніатскій священникъ, чтобы приготовить его къ смерти. «Я васъ уніатовъ отрицаюся, сказалъ Даніилъ, ученія вашего и испоѣданія слушать не хочу, я уже на то приготовился и св. таинъ пріобщился, а вы дѣлайте надомною, что хощете, и проговоривъ самъ слова исповѣданія, сколько могъ знать наизустъ, отдалъ себя на волю ихъ». На эту казнь согнанъ былъ для устрашенія народъ съ разныхъ селъ [4]. Данилу обвили руки паклей, облили ихъ смолой, и палачь зажегъ ихъ... [5]

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 385, 391; 3 т., стр. 34; Докум., стр. 427.
[2] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 393.
[3] Докум., стр. 454.
[4] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 398.
[5] Тамъ же, стр. 391, 385.

«Оній страдалецъ отъ великой болѣзни не утерпѣлъ и вопилъ болѣзненно, сказуя: Господи Боже мой! что сіе подалъ ми еси; воля твоя святая на мнѣ да будетъ; говоря притомъ: о Боже мой! пріими духъ мой! а потомъ взирая на православный народъ окрестъ его стоящій во множествѣ... говорилъ: православные христіане! не вѣруйте вы уніатамъ, они проклятіи и вѣра ихъ проклятая» [1]. Поляки вторично смутились отъ этой лютости и просили Гдышицкаго отпустить страдальца, но Гдышицкій настаивалъ, чтобы Даніилу отсѣчена была голова, говоря: «ежели ему головы не отсѣчете, то мнѣ отсѣкутъ». Чувство жалости проникло и въ душу палача. «По какому Гдышицкаго велѣнію, когда, завязываючи оному невинному мученику очи, палачъ сказалъ: не бойся старичекъ! Богъ съ тобой; то оній мученикъ, при послѣднемъ уже своемъ издыханіи, говорилъ палачу: я не боюсь, а ты дѣлай то, что тебѣ велятъ. И тако и главу ему вдругъ отсѣкъ, и, отсѣкши, встромилъ на палю (столбъ) и пригвоздилъ гвоздемъ большимъ, желѣзнымъ посреди головы до пали». Наконецъ тѣло мученика было сожжено. Православные вырыли небольшую могилу и «загребли» пепелъ и кости. «Каковое мучительство видя приходившій для исповѣди сего мученика Данила уломъ (юродивый) нѣкоторый уніатъ, много говорилъ вслухъ всѣмъ людямъ и войску, окрестъ тамо собравшемуся: напрасно сему человѣку такое мучительство причинили» [2].

Это мученичество, какъ увидимъ, было для народа Украины великою оживляющею силою; но уніаты не предвидѣли этого, а напротивъ думали, что объ немъ нужно напоминать народу почаще и посильнѣе. Для этого избрана была мѣстность, самая ненавистная уніатамъ, ближайшая къ тогдашнему средоточію украинскаго православія—мотренинскому монастырю, извѣстная самоотверженною привязанностію къ Мельхиседеку и уже принесшая за это кровавую жертву въ лицѣ доблестнаго сотника Харька. Это—м. Жаботинъ. Еще въ первое время пребыванія польскаго войска подъ Ольшаной жаботинцы были вынуждены «какъ бы въ гостинецъ» «реги-

[1] Тамъ же, стр. 398.
[2] Тамъ же, стр. 399; Кіевск. епарх. вѣд. за 1864 г., ч. неоффиц., стр. 346—363.

ментарю Вороничу сдѣлать разорительную складчину. Какой-то довѣренный отъ Воронича комендантъ собралъ для него съ жаботинцевъ: «жита сто осмухъ, пшеницы пятьсотъ, гречки пятьдесятъ, ячменю и овса по сту осмухъ, птицъ—курей, гусей, утятъ, индюковъ также до нѣсколько сотъ, скота—яловицъ десять, барановъ восемьдесятъ, масла фасокъ десять, сала пять, денегъ готовыхъ пятьдесятъ рублей» [1]. Жаботинцамъ послѣ того естественно было думать, что они задобрили Воронича и могутъ жить спокойно. Но на дѣлѣ оказалось другое. Въ первыхъ числахъ августа, ночью вступилъ въ Жаботинъ польскій отрядъ около тысячи человѣкъ «и за приходомъ (его) по квартерахъ во всякаго имущественнаго и бѣднаго хозяина поставлено по четыри человѣка, кои постоялци, нарочно предъ народомъ ругаясь з благочестія и уставленнихъ святыхъ постовъ, чрезъ ввесь тотъ постъ скверніи вимисли дѣлали, чтобъ всякаго дни достаточно было мясива и другихъ таковихъ вещей, а притомъ чрезъ всю свою бытность для себя и для лошадей таковіи въ требованіяхъ своихъ излишніи вимисли и издѣвки дѣлали, что иной бѣдный человѣкъ, не имѣя чего въ себѣ, а на сторонѣ за остатнюю копѣйку покупая, въ такое разореніе и убожество пришли, что и по нынѣ дневной пищи лишаются; не довольствуясь же и таковыми издѣвками и не имѣя въ сердце страха Божія, не боясь власти своея и не стыдясь народа, явно къ беззаконію насильствовали не только мужатихъ женъ, но и младолѣтнихъ дѣвицъ и престарѣлыхъ удо̀въ (вдовъ), такъ что многіе единственно чрезъ таковіи насильства вѣчно и здоровья лишались»... [2]. «Послѣ того ужасный понесся слухъ по всему мѣстечку Жаботину, что въ слѣдовавшій тогда праздникъ—Преображенія Господня день конечно имѣютъ всѣхъ насъ нижайшихъ, писали жаботинцы, того мѣстечка жителей смертію казнить, и всѣ постояльцы начали иніи въ квартерахъ, иніи въ ковальняхъ на точилахъ, а иніи по надъ рѣкою вездѣ на кладкахъ шпаги острить, явно притомъ и вслугъ всему народу сказуя: вотъ де вамъ утро послѣдній уже конецъ»...[3]. Весьма вѣроятно, что

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 94.
[2] Тамъ же, стр. 94—5.
[3] Тамъ же, стр. 96.

поляки дѣлали эти приготовленія въ дѣйствительности не для жаботинцевъ, а на случай появленія гайдамацкихъ шаекъ, которыя легко могли появиться въ этомъ углу Украины. Достовѣрно извѣстно, что они не посылали изъ Жаботина летучихъ отрядовъ для поисковъ въ окрестностяхъ скрывшихся священниковъ и ихъ имущества, какъ это дѣлали въ другихъ мѣстахъ, а насильно снаряжали для этого самихъ жаботинцевъ, [1] поэтому можно думать, что въ этой лѣсистой и гористой мѣстности они сами боялись нападенія; но жаботинцы не могли такъ смотрѣть на дѣло; они необходимо должны были думать, что эти приготовленія дѣлаются на нихъ. «Отъ (польскаго) командира повелѣніе строжайшее всему народу учинилось, чтобъ на самый оный праздникъ Преображенія Господня, то есть на другой день рано, къ нему въ дворъ собираться; почему отъ таковыхъ явно мечтающихся смертныхъ бѣдъ, хотя и слѣдовало уже въ конечномъ будучи отчаяніи намъ нижайшимъ устрашаться и искать помилованія, однако мы по неотмѣтной своей къ Богу ревности, вси единодушно, благодаря Бога, твердое имѣли намѣреніе за истинную, православную, грекороссійскую, святую вѣру и церковь не щадѣть и послѣдней капли крови своея, и на томъ твердо согласясь, другихъ никакихъ средствъ ко спасенію отъ таковія напасти и безвременнія смерти не сыскивали, но кои были между тѣмъ отошли въ благочестивій мотренинскій монастырь, для сообщенія святыхъ таинъ, то и тѣмъ заразъ извѣстили, и оттудова, иной причастившись святыхъ таинъ, тотчасъ настигли въ доми, и утро въ праздникъ Преображенія Господня, оставивъ едва точію жени съ дѣтьми въ домахъ, всѣ собравшись и, какъ надлежитъ, единъ съ другимъ попростились, призивая въ помощь и долготерпѣніе Создателя своего, пошли въ дворъ къ прописанному комендиру съ неотмѣннимъ тѣмъ намѣреніемъ, что хотя и смерть принять за благочестіе, а на унію не приставать» [2]. Предположеніе жаботинцевъ, что ихъ зовутъ на мученіе, подтверждалось очевидными, грозными предзнаменованіями. Они, безъ всякаго сомнѣнія, видѣли, какъ собирались и куда пошли ихъ постояльцы—польскіе

---

[1] Тамъ же, стр. 95, § 8.
[2] Тамъ же, стр. 96—7.

солдаты; видѣли они, конечно, также, какъ за солдатами отправлялась польская шляхта, вѣроятно, жаботинская или изъ окрестныхъ мѣстъ. «За приходомъ (въ дворъ) множество шляхетства и войска, пишутъ жаботинцы, во всемъ войсковомъ приборѣ, какъ надлежитъ, съ пистолями, съ оружіемъ и шпагами въ дворѣ застали» [1]. При этой грозной обстановкѣ начальникъ польскаго отряда «ласкательно и какъ будто съ доброусердіемъ», предложилъ жаботинцамъ принять унію. Жаботинцы объявили, что «на едность» (унію) не желаютъ приставать и никогда не пристанутъ, а желаютъ на основаніи объявленнаго имъ обѣщанія ихъ владѣльца князя Любомірскаго и на основаніи королевскихъ привилегій и трактата Россіи съ Польшей «свободно и безпрепятственно греческое исповѣданіе содержать» Польскій вождь пришелъ въ гнѣвъ и «разнообразно и скверно ругая, съ великимъ азартомъ и отважностію говорилъ: теперь де такъ уже не будетъ, какъ вы или князь и король вамъ желаетъ, но будетъ такъ, какъ мы рѣчь—посполитая хочемъ и издѣлаемъ» [2]. Такимъ образомъ стали другъ противъ друга, съ одной стороны, мирная, опиравщаяся на убѣжденіе совѣсти, законы и признанную власть, сила русская, съ другой, вооруженная фанатизмомъ, безправіемъ и оружіемъ рѣчь—посполитая польская, и собрались въ небольшемъ мѣстечкѣ рѣшить великій вопросъ о своемъ существованіи. Русская сторона приготовилась рѣшить этотъ вопросъ мученичествомъ, спасая силу своего народнаго духа, польская готовилась стяжать легкую, матеріальную побѣду и опозорить себя во вѣки. Поляки не рѣшились на такое крупное дѣло. Они предпочли пріобрѣтать меньшія побѣды и меньшій позоръ отдѣльными, небольшими наѣздами и мученіемъ не такого большаго числа людей и притомъ столь рѣшительныхъ. Польскій вождь погрозилъ лишь жаботинцамъ приходомъ бо́льшаго войска и прогналъ ихъ со двора [3].

Этимъ постепеннымъ движеніемъ съ войскомъ къ чигиринскому углу Украины, этой усердной ловлей священниковъ и запугиваніемъ народа уніаты открыли себѣ еще болѣе широ-

---

[1] Тамъ же, стр. 97.
[2] Тамъ же, стр. 98.
[3] Тамъ же, стр. 97—8.

кое поприще дѣятельности и въ сентябрѣ тогоже 1766 года наѣзды ихъ появлялись въ самомъ дальнемъ углу Чигиринщины, даже въ самомъ Чигиринѣ[1]. Никакой уже приходъ не былъ безопасенъ отъ уніатскаго наѣзда. Мокрицкій, вѣроятно, неимѣвшій полнаго списка украинскихъ церквей и желавшій имѣть точныя свѣдѣнія, гдѣ и когда возстановлено было православіе и кто его подерживалъ, рѣшился потребовать у Гервасія списковъ украинскихъ приходовъ, выставляя предлогъ, что ему нужны бумаги, показывающія, какія были съ Гервасіемъ сношенія украинскихъ губернаторовъ, нерасположенныхъ къ уніи. Требованіе это, конечно, не было исполнено[2]. Такъ какъ не доставало уніатскяхъ священниковъ для замѣщенія всѣхъ приходовъ, отнятыхъ у православныхъ священниковъ, то многія церкви оставались закрытыми съ лѣта и до зимы 1766 г. [3]. Православные прихожане лишены были возможности исполнять христіанскія требы. Особенно благочестивые или крайне нуждавшіеся въ требахъ уходили въ глухіе лѣса, ущелья горъ, отыскивали своихъ бѣжавшихъ пастырей и тамъ, какъ во времена гоненій первыхъ вѣковъ, приносилась Богу молитва и совершались таинства. Многіе тайно успѣвали пробираться къ православнымъ приднѣпровскимъ монастырямъ и тамъ удовлетворяли своимъ духовнымъ потребностямъ. Иные отправлялись для этого даже въ Кіевъ. Уніаты слѣдовали за православными и по этимъ путямъ. Ихъ шайки разъѣзжали по окрестностямъ и подстерегали священниковъ, прихожанъ. «Наше духовенство, уходя отъ преслѣдованій, скрывается въ лѣсахъ и пещерахъ, но и тамъ мы неможемъ принимать самыя необходимыя требы безъ того, чтобы не подвергать своего здоровья и жизни опасности, потому что оффиціалъ Мокрицкій самъ и черезъ свѣтскія команды злоумышляетъ на насъ» говорится въ универсалѣ 1767 г. отъ всей Украины[4]. Уніаты требовали опять и отъ православныхъ иноковъ, чтобы они не совершали для народа требъ, и посыла-

---

[1] Тамъ же, т. 3, стр. 123.

[2] Арх. к. ч. 1, т. 2, требов. Мокрицкаго, стр. 574, отвѣтъ, стр. 576.

[3] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 349, т. 3, стр. 295.

[4] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 347—8; Докум., стр. 428.

ли имъ свои запрещенія [1].—Тоже бѣдствіе и еще болѣе тяжелое было и въ тѣхъ приходахъ, гдѣ уніатскіе священники замѣнили православныхъ. Народъ не хотѣлъ знать уніатовъ. Уніаты призывали помѣщичье управленіе и польскіе отряды, чтобы заставить народъ ходить въ церкви и принимать требы отъ уніатскихъ священниковъ. Народъ стоялъ на своемъ и разбѣгался въ горы, лѣса. «Поповъ уніатскихъ до церквовъ нашихъ поприставляли и до церквовъ силуютъ насъ ходити и уніи слушати.... Крайне не можемъ черезъ уніатовъ....жити и всѣ разойдемся за границу, ежели не будетъ въ насъ благочестія» (православія), говорится въ донесеніи отъ 6 января 1767 года Гервасію отъ всѣхъ громадъ смилянской области [2]. «Мы нижайшіи, оставя домы со всѣмъ бѣднимъ имуществомъ, иной точію съ женою, а иной и безъ жены, принужденни расходиться и бѣжать, куда кому заспособнѣе, въ новороссійскую губернію и въ монастырѣ тамошніе благочестивіе.... и въ такое конечное разореніе пришли, что не точію чего, но уже и послѣднѣйшаго мѣста, гдѣбъ прихилиться и прожить, лишаемся и не имѣемъ»,—писали къ Гервасію 29 марта 1767 г. извѣстные уже намъ жаботинцы, которыхъ уніаты и поляки не оставляли въ покоѣ и въ этомъ году [3]. «При всѣхъ озлобленіяхъ и мучительствахъ, писалъ объ украинцахъ Гервасій къ Георгію Конисскому 14 окт. 1766 г. непоколебими пребываютъ и всячески желаютъ и просятъ отъ насъ, яко единовѣрнихъ, защищенія, коего и ожидая ежечасно стужаютъ намъ съ тѣмъ, что ежели они не получатъ отсюда онаго, то оставя здѣшнія мѣста, принужденни будутъ искати въ другихъ мѣстахъ и державахъ» [4]. Даже нѣкоторые польскіе помѣщики, какъ напр. князь Любомірскій, княгиня Сангушкова возмущены были этими дѣлами, писали къ польскому вождю Вороничу иутѣшали православный народъ [5]. По приказанію Любомірскаго одинъ изъ его управляющихъ, именно Свентуховскій, губернаторъ чигиринскаго староства, издалъ даже 1 фе-

---

[1] Тамъ же, т. 2, стр. 563—574.
[2] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 30—1.
[3] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 102.
[4] Тамъ же, т. 2, стр. 584.
[5] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 562.

враля 1767 года открытое приглашеніе православнымъ священникамъ возвращаться спокойно въ свои приходы и спокойно священнодѣйствовать [1].

Эти ужасныя времена, кажется, даютъ полное право сказать, что малороссійской Украинѣ, столь крѣпкой силами и доведенной до такого отчаяннаго положенія, трудно было оставаться мирною и не поднимать той гайдаматчины, которую уніаты и поляки такъ заботливо подготовляли и вызывали своими дѣйствіями. Обыкновенно такъ бываетъ, что когда народонаселеніе разоряется, оскорбляется въ своей вѣрѣ и семьѣ и разгоняется въ лѣса и горы, то изъ этихъ разогнанныхъ составляются шайки и выходятъ на отпоръ своимъ гонителямъ. Украина и того времени жила многочисленными воспоминаніями о своей прежней независимости и борьбѣ съ Польшей. Многочисленныя, былевыя пѣсни распѣвались въ ней и голосомъ матери надъ колыбелью дитяти и дребезжащимъ голосомъ калики перехожаго. Въ ней тогда, какъ и въ другія времена, даже вновь слагались былевыя пѣсни. Такъ сложены были, по всей вѣроятности, еще тогда же пѣсни о славномъ мученикѣ казакѣ Харькѣ [2]. Кромѣ того, мѣстность дальней Украины, изрѣзанная горами, покрытая во многихъ мѣстахъ большими лѣсами, весьма благопріятствовала гайдамацкой борьбѣ съ поляками. Наконецъ, есть свѣдѣнія, что во времена этихъ гоненій были сношенія украинцевъ не только съ запорожскою Сѣчью, по даже съ донскими казаками, и лица, отправлявшіяся туда по родственнымъ связямъ или для сбора подаяній [3], выше всякаго сомнѣнія, разсказывали о бѣдствіяхъ своей родины, и храбрые казаки не равнодушно выслушивали эти разсказы. Всѣ эти обстоятельства дѣйствительно вызвали попытку поднять возстаніе; но не нужно много вглядываться въ эту попытку, чтобы видѣть со всею ясностію, какъ мало тогда Малороссія была настроена рѣшать свое дѣло посредствомъ бунта. Завязались сношенія съ Сѣчью, оттуда прибылъ въ мотренинскій монастырь (въ началѣ 1767

---

[1] Тамъ же, т. 3, стр. 196.

[2] Сборн. укр. пѣс. изд. Максимовича; См. такъ же Записки о южной Руси—Кулиша, ч. 1, стр. 96—101.

[3] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 507, 510; т, 3, стр. 43, 62.

года) казакъ Иванъ, предложилъ нѣкоторымъ, бывшимъ тамъ священникамъ призвать казаковъ изъ Сѣчи и выгнать къ пасхѣ уніатовъ. Священники приняли предложеніе, написали письмо въ Сѣчь, но взявшій письмо для доставленія монахъ, изорвалъ его. Затѣмъ, пришли въ монастырь нѣкоторые изъ жителей Жаботина и, узнавъ эту затѣю, предложили казаку вырѣзать паповъ въ Жаботинѣ, но казакъ Иванъ отказался, сказавъ, что достаточно лишь изгнать уніатскихъ священниковъ. Далѣе, вышеупомянутые, православные священники написали въ нѣкоторыя мѣста воззваніе къ бунту и народъ устремился къ мотренинскому монастырю. Казакъ Иванъ хотѣлъ открыто вызвать охотниковъ и составить отрядъ, но намѣстникъ монастыря прогналъ его изъ монастыря. Казакъ Иванъ набралъ лишь 11 человѣкъ и съ ними по ночамъ выгонялъ уніатовъ изъ окрестныхъ приходовъ, но вскорѣ его шайка была уничтожена поляками. Объ участіи въ этомъ дѣлѣ православныхъ священниковъ донесъ, еще до ареста ихъ поляками, Гервасію чигиринскій духовный правитель. Даже польскіе паны не нашли ничего противъ нихъ, а одного изъ нихъ даже взяли подъ свою защиту. Этотъ разсказъ, взятый нами изъ показанія одного изъ участвовавшихъ въ этой попыткѣ священниковъ [1]. косвенно подверждается уніатскимъ свидѣтельствомъ. Историкъ уманской смуты, разсказывающій весь ходъ народнаго православнаго движенія съ 1760 года, не знаетъ вовсе объ этой попыткѣ поднять бунтъ, и находитъ возможнымъ сказать объ этихъ временахъ — 1766 и 1767 годахъ — лишь то, что украинцы тогда совѣщались, бросали хозяйство и тайно готовили оружіе [2].

Чѣмъ объяснить это необыкновенное явленіе? Мы думаемъ, оно объясняется прежде всего тѣмъ высокимъ подъемомъ нравственныхъ силъ православной Украины, какой тогда въ ней былъ. Украинцы защищали высшее благо человѣка—вѣру съ такою искренностію и чистотою, что мысли ихъ естественно устранялись отъ кулачнаго противодѣйствія. Жителямъ Черкасъ раздираютъ рты за исповѣданіе православія, ломаютъ руки и ноги, и однако они остаются православными. Молодой,

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3, № CXLV и слѣд за нимъ.

[2] Докум., стр. 454.

недавно, вѣроятно, женившійся и недавно рукоположенный священникъ Морозовскій послѣ троекратнаго истязанія дисциплиной и розгами и среди тяжкой работы при тачкѣ остается твердымъ въ вѣрѣ и уступаетъ передъ насиліемъ лишь тогда, когда, какъ онъ самъ выражается, природа его совсѣмъ изнемогла. На этой нравственной высотѣ православную Украину удерживали многочисленные передовые люди. Харько не колеблется защищать Мельхиседека, не смотря на явную опасность, какой онъ при этомъ подвергалъ себя. Даніилъ покоряется приговору громады спрятать дарохранительницу и выноситъ твердо жестокое мученіе. Но болѣе постоянными охранителями этого подъема народнаго, конечно, были Мельхиседекъ и Гервасій. Ихъ образъ дѣйствій — нравственный, строго законный, былъ и теперь могущественнѣйшею сдержкою для народныхъ страстей.

Мы видѣли, что Мельхиседекъ, возвратившись изъ Варшавы, сдалъ дѣло о привилегіяхъ православнаго украинскаго народа уполномочивавшему его чигиринскому правленію. До двадцатыхъ чиселъ мая, по памятникамъ, онъ не былъ виденъ. Въ это время онъ писалъ свой отчетъ о поѣздкѣ въ Варшаву [1], и сильно задумывался, какъ увидимъ, надъ положеніемъ Украины. Его не удовлетворяла дѣятельность чигиринскаго правленія, но онъ тоже не рѣшался взяться за нее самъ. Волокита варшавская, фанатизмъ къ нему поляковъ на пути въ Украину и въ монастырѣ, грозныя тучи, собиравшіяся и уже разражавшіяся теперь надъ его родиной, приводили его въ сильное раздумье. Онъ поѣхалъ въ Переяславль и 23 мая представилъ Гервасію донесеніе, въ которомъ, между прочимъ, предлагалъ устроить въ Украинѣ хорошее, дѣйствительное духрвное правленіе. Переяславская консисторія, которой Гервасій поручилъ разсмотрѣть это дѣло и въ которой при этомъ присутствовалъ и Мельхиседекъ, признала, что самой ей, при множествѣ другихъ дѣлъ, нельзя постоянно заниматься дѣлами Украины, и затѣмъ, что назначить для этого новыхъ лицъ опасно, что поэтому лучше всего поручить это дѣло по прежнему самому Мельхиседеку. Мельхиседекъ не согласился съ этимъ; но, не смотря на то, Гервасій 26 мая 1766 года возоб-

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 183.

новилъ данное въ 1761 году порученіе Мельхиседеку вѣдать духовныя дѣла Украины [1]. Такимъ образомъ мы видимъ, что, рѣшившись дѣйствовать, Мельхиседекъ прежде всего становится на законный путь. Тѣмъ же путемъ онъ пошелъ и дальше.

Первою заботой Мельхиседека было, какъ мы знаемъ, дать надлежащую силу полученнымъ имъ привилегіямъ. Онъ сталъ хлопотать, чтобы эти привилегіи были заявлены въ присутственныхъ мѣстахъ Украины и внесены въ гродскія книги Житоміра, Винницы [2]. Такъ какъ въ тѣ времена въ Польшѣ уже сильно распространенъ былъ обычай не принимать въ гродскія книги непріятныхъ почему либо актовъ и такъ какъ привилегіи, привезенныя Мельхиседекомъ, получены были по старанію русскаго правительства, притомъ самъ Мельхиседекъ былъ русскій подданный и, наконецъ, очень боялся за эти привилегіи, то онъ обратился къ русской военной власти съ просьбой дать стражу, которая бы сопровождала посылаемыхъ съ привилегіями въ эти города. Русская военная власть отказала ему въ этомъ [3]. Гервасій, по предложенію Мельхиседека, обратилься къ кіевскому губернатору Воейкову съ просьбой внести эти привилегіи въ книги кіевской губернской канцеляріи [4]. Воейковъ отказалъ и предложилъ Гервасію обратиться въ синодъ. Привилегіи сданы были въ переяславскую консисторію [5]. Эти неудачи много портили дѣло и, конечно, подрывали бодрость духа Мельхиседека, но онъ не падалъ и глубоко вѣрилъ въ силу этихъ привилегій. По его предложенію, Гервасій старался подѣйствовать ими на польскую пограничную стражу, запрещавшую сношенія Украины съ Переяславлемъ [6], и даже на предводителя польскаго войска Воронича и на Мокрицкаго [7]. Въ то же время о бѣдствіяхъ православныхъ въ Украинѣ Гервасій писалъ письма къ Георгію Конисскому, находившемуся опять въ Варшавѣ [8]. Представ-

[1] Тамъ же, №№ LXII—LXVI.
[2] Тамъ же, стр. 192, 196.
[3] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 200.
[4] Тамъ же, стр. 250 слич. стр. 191—2.
[5] Тамъ же, стр. 270, 294, 200.
[6] Тамъ же, стр. 205 и 208.
[7] Тамъ же, стр. 239, 259.
[8] Тамъ же, стр. 223.

ленія польской стражѣ, Вороничу, Мокрицкому, не дѣйствовали [1], а послѣдствій сношеній съ Георгіемъ Конисскимъ приходилось ждать долго; между тѣмъ неистовства Мокрицкаго и Воронича развертывались и обхватывали больше и мучительнѣе несчастную Украину. Самъ Мельхиседекъ былъ осужденъ самоправнымъ судомъ Мокрицкаго и подстерегаемъ. Въ этомъ ужасномъ положеніи Мельхиседекъ все еще вѣритъ въ силу добытыхъ имъ съ такимъ трудомъ привилегій и до конца идетъ законнымъ путемъ. 10 іюля 1766 года, когда въ ужасѣ заколебалась и разбѣгалась вся Украина, когда самъ Мельхиседекъ сознавалъ, что онъ одинъ остается на мѣстѣ, съ своемъ монастырѣ страдать, онъ дѣлаетъ шагъ, какой могъ сдѣлать только человѣкъ, глубоко сознававшій свою правоту и обладавшій великою силою духа. Уѣзжая въ это время, по дѣламъ, въ Переяславль, онъ издалъ окружное посланіе къ православнымъ украинцамъ, въ которомъ писалъ слѣдующее: «Довольно вы извѣстны, что никто же можетъ разорити насъ отъ любве божія: ни смерть, ни животъ, а паче всего, что мы не имѣемъ ни малѣйшей причины, чтобы намъ православнымъ бояться. Не согрѣшили мы противъ его величества государя польскаго, не согрѣшили мы противъ государства, то есть найяснѣйшей рѣчи-посполитой, но и паче отъ нѣсколько сотъ лѣтъ, какъ праотцы наши вѣрно не щадили крови своей за любезнѣйшее отечество полское, такъ и мы всѣ бѣды и смерть сладцѣ терпымо; и ежели кто за противность и за грѣхъ намъ ставытъ вѣру нашу, то неправильно, потому что вси святой памяти бывшыи короли полскіи и республика тое намъ позволили, да и теперь щастливо торжествующій велыкій король польскій намъ всѣмъ тоежъ соблаговолилъ утвердить. Была бъ наша вина и противность, ежелибъ мы безъ воли высочайшей что новое почали, ежелижъ бы мы показались противны государству: но сего ничего у насъ не знайдется. А что страшатъ, яко бы виськo (войско) пришло на насъ мучиты насъ за вѣру, не имѣйте вѣры, понеже первѣйшое дѣло войска сохранять въ спокои, къ тишинѣ отечества сохранять уставы и законы, а не разорять, какъ его ясневельможность, панъ рейментарь генеральной партіи украинской, господинъ Воронич

[1] Тамъ же, стр. 230, 289, 292.

въ своемъ листѣ, сего іюня 5 мною полученномъ, соблаговолилъ до мене писать. Оставьте вы сіи страхи и боязни, молитеся Богу, вѣру благочестивую держите твердо, нелицемѣрно, безъ которой не можете спастися. Положите все дѣло на Бога, понеже его есть дѣло, и онъ въ скорости будетъ, яко и есть, вашъ утѣшитель и покровъ, и самая невинность и истина наша избавитъ насъ отъ всѣхъ неугодныхъ намъ навѣтовъ» [1]. Этотъ призывъ Украины къ мученичеству за правду, за истину былъ въ то же время рѣшительнымъ вызовомъ на уничиженіе или позоръ той польской рѣчи-посполитой, которая уже замучила Даніила, мучила многихъ другихъ и собиралась мучить еще большее число ихъ, и въ томъ числѣ извѣстныхъ намъ жаботинцевъ. И это не былъ вызовъ фальшивый, вызовъ удаляющагося, скрывающагося человѣка. Мельхиседекъ до конца вѣрилъ въ свою правоту и въ силу добытыхъ привилегій. Черезъ десять дней онъ ѣхалъ изъ Переяславля назадъ съ посланнымъ опять отъ Гервасія къ Броничу священникомъ Гречкою [2], и какъ бы самъ предлагалъ полякамъ показать на немъ самомъ, уважаютъ ли они правду или нѣтъ? Мы знаемъ, что они показали свое крайнее беззаконіе. Мельхиседекъ былъ арестованъ, а Гречка, посланный съ вторичнымъ запросомъ къ Броничу, почему онъ нарушаетъ королевскія привилегіи и мучитъ православныхъ, привезъ лукавый отвѣтъ Воронича, что онъ лишь усмиряетъ бунты и волненія [3]. Но примѣръ поляковъ не увлекъ и теперь ни оставшихся руководителей Украины, ни народа ея. Они остались на пути правды и закона, когда кругомъ ихъ и надъ ними совершались страшныя неистовства рѣчи-посполитой польской и ея дѣтища—уніи.

Положеніе Гервасія послѣ ареста Мельхиседека сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ. Въ мотренинскомъ монастырѣ произошла великая смута въ началѣ августа: намѣстникъ, келарь просили увольненія, иноки собирались разбѣгаться [4]. Въ началѣ сентября намѣстникъ мошногорскаго монастыря началъ

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 228—9.
[2] Тамъ же, т. 2, стр. 234—249; слич. 296.
[3] Тамъ же, стр. 292.
[4] Тамъ же, стр. 305—309.

перебираться на восточную сторону Днѣпра съ монастырскимъ имуществомъ [1]. Вслѣдъ затѣмъ 12 иноковъ этого монастыря были схвачены уніатами и увезены въ Радомысль [2]. Далѣе, оба монастыря получили отъ Мокрицкаго грозное запрещеніе преподавать народу требы [3]. Два главнѣйшихъ монастыря приходили такимъ образомъ въ разстройство и теряли значеніе убѣжищъ для бѣдствующаго православнаго народа. Въ то же время изчезали и другія средства къ поддержанію и охраненію украинскаго православія. Духовные правители или разбѣжались, или схвачены были уніатами [4]. Между тѣмъ къ Гервасію въ тѣ же времена поступали жалобы на такія вопіющія дѣла, какъ мученіе Даніила, расправа Мокрицкаго съ телепинцами [5]. Гервасій въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ показалъ необычайную высоту мысли, твердость и спокойствіе духа и глубину пастырской любви. Онъ потребовалъ отъ иноковъ мотренинскихъ и мошногорскихъ, чтобы они оставались на мѣстѣ, жили спокойно [6], не смотря на запрещеніе уніатовъ—исполняли свои обязанности по отношенію къ народу [7], и всѣмъ внушилъ надѣяться на Бога, на свою правоту и на защиту Россіи. «Какъ при отцу игумену (Мельхиседекѣ) всякъ свое званіе неслъ, и теперь всѣмъ тѣмъ безъ отмѣни тіи отправлять и не ужасатся ничего и ничемъ себе не тревожить», — приказалъ онъ написать къ властямъ мотренинскаго монастыря [8]. «Россійское дѣло какъ здѣсь (въ Переяславлѣ), такъ и тамъ (въ заднѣпровскихъ монастыряхъ) никому кромѣ Россіи не подлежательно»,—приказалъ онъ написать къ намѣстнику мошногорскаго монастыря [9]. «Поступки ихъ (уніатовъ), каковіе они въ нынѣшніе времена отправляютъ, суть всѣмъ не точію вышпоказаннимъ (указамъ русскимъ, польскимъ конституціямъ, привилегіямъ и трактатамъ Россіи съ Польшей), но и всякой правой совѣсти

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 531.
[2] Тамъ же, стр. 533.
[3] Тамъ же, стр. 567 и 569.
[4] Тамъ же, стр. 281, 570.
[5] Тамъ же, стр. 382.
[6] Тамъ же, стр. 309—311, 531—532.
[7] Тамъ же, стр. 571—2.
[8] Тамъ же, стр. 310.
[9] Тамъ же, стр. 532.

и всѣмъ всего міра правамъ противніи и безчеловѣчіемъ покрашени, о чемъ Россія благоразумно поступитъ и дѣло о томъ, гдѣ надлежитъ, производится; и того ради пустихъ и недѣльнихъ угроженій не зачитая въ дѣло..... въ силу вышеявленныхъ привилегій и протчего—всѣхъ православныхъ дѣтей крестити, православныхъ таинъ божественнихъ сообщати и всякіе обряды христіанскіе требующимъ преподавати, священство православное, братію нашу, и другихъ православныхъ содержати и сохраняти и всякими мѣрами защищати», приказалъ Гервасій написать въ оба монастыря [1]. Эти распоряженія Гервасія имѣли болѣе важное значеніе, чѣмъ это можетъ казаться при первомъ взглядѣ на нихъ. Монастыри заднѣпровскіе находились подъ особеннымъ покровительствомъ Россіи. Съ другой стороны, въ эти монастыри, какъ мы уже видѣли, народъ собирался въ большомъ числѣ. Мысли Гервасія, высказанныя властямъ этихъ монастырей, дѣлались извѣстными народу, и эти, видимо, административныя бумаги были то же, что посланія Гервасія къ народу. Но, конечно, Гервасій понималъ, что все это слишкомъ мало въ сравненіи съ тѣмъ, что нужно сдѣлать для поддержанія православія, и что прежде всего нужно исправить величайшее зло уніатовъ, больше другихъ смущавшее православныхъ,—похищеніе уніатами перваго руководителя православныхъ—Мельхиседека.

Много людей и въ восточной, и въ западной Малороссіи поднялось на ноги по поводу этого ареста, и многообразныя власти, и польскія, и русскія, принуждены были заняться этимъ дѣломъ. Связи по службѣ, узы родства, дружбы, русское народное чувство—все пришло въ движеніе. Съ поразительною быстротою извѣстія объ этомъ событіи разлетались по Малороссіи, въ Кіевъ, Петербургъ, Варшаву, и самыя заботливыя усилія уніатовъ запрятать Мельхиседека не достигали цѣли. Отъ Мельхиседека приходили не только извѣстія, но даже и письма. Первыя извѣстія объ арестѣ Мельхиседека пришли отъ сопровождавшаго его священника Гречки [2] и отъ мотренинскаго намѣстника [3]. Страхъ, смущеніе отразились въ этихъ извѣстіяхъ. Но за

---

[1] Арх. к. ч., т. 2, стр. 572.
[2] Тамъ же, стр. 296.
[3] Тамъ же, стр. 305.

этимъ минутнымъ слабодушіемъ слѣдовали напряженныя усилія узнать, гдѣ находится Мельхиседекъ и что съ нимъ дѣлается? Иноки мотренинскаго монастыря разослали нарочныхъ развѣдывать про него [1]. Польское украинское войско не пропускало этихъ посланныхъ [2]. Тогда иноки мотренинскаго монастыря подали на высочайшее имя прошеніе русскому генералу Исакову, находившемуся съ войскомъ въ Кременчугѣ, съ жалобой на арестъ ихъ игумена и съ просьбой оказать содѣйствіе къ розысканію его [3]. О печальной судьбѣ Мельхиседека получилъ извѣстіе престарѣлый его отецъ, оставной эсаулъ Карпъ Значко и послалъ въ концѣ августа къ Гервасію двоихъ своихъ сыновей-братьевъ Мельхиседека, и просилъ научить ихъ, какъ розыскать узника [4]. Въ это время были уже извѣстія о Мельхиседекѣ, полученныя почти одновременно (26 и 27 августа). Одно изъ нихъ сообщилъ сопровождавшій Мельхиседека слуга его Крумченко [5], другое—шляхтичъ, служившій у Мокрицкаго, Митинскій, котораго такъ поразили бѣдствія Мельхиседека, что онъ рѣшился бросить службу у уніатовъ и идти сообщить православнымъ свѣдѣнія объ этомъ страдальцѣ [6]. Подобный же переворотъ совершился и въ одномъ изъ казаковъ, стерожившихъ Мельхиседека въ Гродкѣ,—Лещенкѣ, который далъ Мельхиседеку возможность написать письмо (писано чернилами изъ пороху) и доставилъ его въ Кіевъ [7]. Всѣ эти свѣдѣнія способны были повергнуть въ ужасъ и отчаяніе родныхъ, друзей и почитателей Мельхиседека. Одинъ вѣстникъ (Митинскій) слышалъ, что Мельхиседека въ оковахъ увезли въ Гродекъ, другой (Крумченко), что онъ тамъ тяжко заболѣлъ и его замуровываютъ; письмо Мельхиседека еще усилавало тягостное впечатлѣніе отъ этихъ извѣстій. «Бѣдно стражду, смертно боленъ, въ желѣзахъ жестокихъ»,—такъ начинаналось это письмо, заключавшее въ себѣ мольбу стараться объ его освобожденіи. Мольба эта, впрочемъ, прерывалась

---

[1] Арх. к. ч., т. 2, стр. 344.
[2] Тамъ же.
[3] Тамъ же, стр. 341, 349.
[4] Тамъ же, стр. 529.
[5] Тамъ же, стр. 350.
[6] Тамъ же, стр. 375.
[7] Тамъ же, стр. 339, слич. 545—551.

мыслію о смерти и естественнымъ въ такомъ положеніи желаніемъ повидать кого-либо изъ родныхъ [1]. Братья Мельхиседена, которыхъ онъ звалъ къ себѣ, порывались было силою вырвать его изъ заключенія въ Гродкѣ [2]; были у уніатовъ также опасенія подобныхъ покушеній и въ то время, когда Мельхиседекъ находился въ Дерманѣ [3]; но Гервасій сдерживалъ братьевъ Мельхиседека, потому что онъ чуждался всякихъ незаконныхъ дѣйствій. Онъ и теперь, какъ прежде, глубоко вѣрилъ въ правоту дѣла Мельхиседека и всѣхъ православныхъ украинцевъ. Онъ посылалъ письма къ Георгію Кониссному [4], къ русскому послу—Репнину [5], въ св. синодъ [6], и неодолимо былъ увѣренъ, что правда восторжествуетъ, что Россія заступится за гонимыхъ. Увѣренность эта въ настоящее время имѣла чрезвычайно важное значеніе. Около Гервасія, и до ареста Мельхиседека, и особенно послѣ этого ареста, собралось много духовныхъ и міранъ изъ Украины. Чувства и мысли этихъ людей постоянно освѣжались новыми извѣстіями, новыми разсказами прибывающихъ бѣглецовъ. Мрачный характеръ этихъ чувствъ и мыслей не можетъ подлежать сомнѣнію. Вскорѣ мы увидимъ, какъ подобное же озлобленіе дало отсюда толчекъ подготовлявшейся на западной сторонѣ Днѣпра смутѣ. Но теперь это озлобленіе ничѣмъ подобнымъ не выразилось. Лица, бѣжавшія изъ Украины, напротивъ нашли себѣ сдержку въ спокойномъ, самоувѣренномъ настроеніи населенія восточной стороны Днѣпра, которое и выразилъ Гервасій въ своихъ дѣлахъ и, что особенно замѣчательно, не одинъ Гервасій такъ смотрѣлъ на дѣла. Изъ актовъ того времени видно, что тогда чаще всего дѣйствовала сама переяславская консисторія,— ея члены, часто писавшіе письма въ Украину по порученію Гервасія и ѣздившіе даже къ вождю польскаго войска Вороничу. Дѣла Украины, очевидно, обсуждались теперь общимъ совѣтомъ всей Малороссіи, и западной, и восточной, и потому-

1 Тамъ же, стр. 339—340.
2 Тамъ же, предисловіе стр. CLXVIII.
3 Арх. ун. митр. кн. И, IX, письмо Іодки къ Володковичу.
4 Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 580, 583.
5 Тамъ же, стр. 299.
6 Тамъ же, стр. 311, 387.

то, безъ сомнѣнія, они носятъ на себѣ отпечатокъ спокойствія и увѣренности въ успѣхѣ. Въ нихъ сказалась, какъ сейчасъ увидимъ, высота не только религіознаго, но и политическаго пониманія.

ГЛАВА IV.

Ходатайство Россіи за диссидентовъ въ 1766 г. Безуспѣшность его. Освобожденіе Мельхиседека. Торжественное перенесеніе на восточную сторону Днѣпра главы мученика Даніила и погребеніе въ каѳедральной переяславской церкви. Диссидентская конфедерація. Вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу. Освобожденіе православныхъ узниковъ изъ Радомысля. Оживленіе православія въ Украинѣ. Дѣйствія Гервасія. Жалобы православныхъ на гоненія. Дѣйствія Георгія въ Варшавѣ. Сеймъ 1767—8 г. Вопросъ о свободѣ совѣсти. Заявленія православныхъ въ Украинѣ и Бѣлоруссіи. Уніаты падаютъ духомъ, желаютъ примиренія и высказываютъ готовность принять православіе. Барская конфедерація. Страхъ украинцевъ. Образованіе гайдамацкаго ополченія. Разборъ мнѣній о началѣ гайдамацкой смуты 1768 г. Дѣйствія гайдамаковъ. Исчезновеніе уніи въ Украинѣ. Кречетниковъ и Браницкій усмиряютъ гайдамаковъ. Страданія православныхъ украинцевъ и торжество уніатовъ. Удаленіе отъ дѣлъ украины Гервасія и Мельхиседека. Духовные малороссійскіе правители спасаютъ въ Украинѣ православіе отъ гибели. Депутація въ Петербургъ Гуранды и Переровскаго. Русская военная защита православнымъ. Торжество православныхъ надъ уніатами.

Давнія и свѣжія, многочисленныя жалобы православнаго населенія Польши возбуждали и усиливали историческую, узаконенную трактатами, заботливость объ немъ русскаго правительства. Жалобы эти больше всего накоплялись въ свят. синодѣ, переходили оттуда въ иностранную коллегію, отправлялись затѣмъ въ Варшаву къ русскому послу, къ которому нерѣдко поступали и прямо отъ представителей западно-русскаго православія. Одинъ изъ этихъ представителей, извѣстный намъ ходатай за всю западную Русь, Георгій Конисскій, теперь—къ концу лѣта 1766 г. опять былъ въ Варшавѣ [1]. Къ нему поступали всѣ жалобы и онъ ихъ формулировалъ, обставляя юридическими данными прежняго времени.

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 581.

Пока шла эта работа и собирались дополненія и болѣе точныя свѣдѣнія изъ Бѣлоруссіи и Малороссіи [1], дѣло западнорусскихъ православныхъ стало болѣе и болѣе объединяться съ дѣломъ польскихъ протестантовъ, подъ именемъ вообще дѣла диссидентскаго, и на сторонѣ его стали, въ лицѣ своихъ представителей при польскомъ дворѣ, Россія, Пруссія, Англія и Франція и представили свои требованія на сеймъ, открывшійся въ концѣ сентября 1766 г. Требованія православныхъ жителей Польши заключались въ томъ, чтобы: 1, дозволено было свободно совершать православное богослуженіе; 2, строить и поправлять церкви; 3, возстановить православныя епархіи, признанныя трактатомъ 1686 г., возвратить отнятые монастыри, церкви и дать свободу возвращаться въ православіе насильно обращеннымъ въ унію; 4, возстановить старыя православныя училища и семинаріи; 5, православныя священники и причетники съ ихъ семействами должны подлежать суду своего епископа и консисторіи, а въ случаѣ столкновеній съ уніатами — единственно королевскому суду; 6, по примѣру латинскаго духовенства, православное духовенство должно быть освобождено отъ разныхъ податей; 7, помѣщики должны представлять на приходы способныхъ кандидатовъ, не грабить ихъ и не имѣть права удалять священниковъ съ приходовъ безъ епископскаго суда; 8, дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ, исповѣдающія вѣру: сыновья—вѣру отцовъ, а дочери—вѣру матерей, не должны быть принуждаемы къ перемѣнѣ своей вѣры; 9, шляхетные православные должны быть допускаемы ко всякимъ должностямъ, низшимъ и высшимъ, а мѣщане къ городскимъ должностямъ [2].

Требованія эти, по сеймовымъ обычаямъ, переданы были въ коммиссію, которая сносилась съ представителями державъ. Въ этой ли коммиссіи или самими министрами иностранныхъ державъ сдѣланы были уступки польскимъ воззрѣніямъ. Римско-католическая вѣра объявлялась господствующею въ Польшѣ; отступничество отъ нея должно было наказываться изгнаніемъ изъ отечества; право иновѣрцевъ

[1] Тамъ же, стр. 149.

[2] Арх. к. ч. 1, т. 4, стр. 596—601. Всѣ эти пункты обставлены указаніями на законы и привилегіи прежнихъ временъ.

искать правды на римскихъ католиковъ (по дѣламъ отнятія храмовъ) ограничено 1717 годомъ, т. е. только дѣла съ этого времени можно было поднимать судебнымъ порядкомъ. Какъ бы въ вознагражденіе за это, иновѣрцамъ давались нѣкоторыя новыя права. Такъ, запрещалось называть ихъ схизматиками или еретиками, а нужно было называть православныхъ неуніатами; уничтожались всѣ конституціи, противныя иновѣрцамъ, и давалось особенно важное право—не подлежать суду римско-католическаго духовенства и разбирать свои споры въ смѣшанномъ судѣ, который для этого установлялся [1]. Противъ этого проекта правъ составлено было опроверженіе. Сущность его заключалась въ томъ, что въ прежнія времена Польша только не преслѣдовала иновѣрцевъ, но не давала имъ правъ на свободу ихъ вѣры и представительство [2]. Но вся эта работа остановлена была самымъ фанатическимъ настроеніемъ большинства членовъ сейма. Мысль о правахъ иновѣрцевъ, т. е. главнымъ образомъ русскаго простого народа, приводила поляковъ того времени сейчасъ же къ мысли о гибели шляхетства, о бунтѣ этого народа и о необходимости усилить латинское иго, тяготившее его. Это настроеніе ясно выразили послы полоцкаго воеводства, руководимые полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ Смогоржевскимъ. Они привезли въ своей инструкціи требованіе не улучшать ни подъ какимъ видомъ положенія крестьянъ и перенести въ Полоцкъ мощи мучителя православнаго бѣлорусскаго народа, Іосафата Кунцевича [3], напоминаніе о которомъ во всѣ времена служило признакомъ взрыва крайняго польскаго фанатизма противъ русскихъ. Взрывъ этотъ подготовляли особенно видные представители латинства, епископы Солтыкъ и Красинскій, своими посланіями по областямъ [4]. Въ этомъ фанатическомъ походѣ противъ иновѣрцевъ принялъ участіе и папа. Онъ прислалъ въ Польшу посланіе, въ которомъ приглашалъ вѣрныхъ латинянъ не дѣлать уступокъ иновѣрцамъ [5]. Сеймъ

---

1 Арх. к, ч. 1, т. 2, стр. 612—617.

2 Тамъ же, стр. 627—636.

3 Арх. ун. м., кн. 110, № 86.

4 Солов. Истр. пад. Польши, стр. 41; Костом. Послѣд. годы рѣчи-посп. польск., стр. 84.

5 Арх. ун. м., кн. 110, № 22; Арх. к. ч. 1, т. 2, отр. 591—4.

1766 г. рѣшительнымъ образомъ отвергъ требованіе иноземныхъ державъ касательно диссидентовъ. «На сеймѣ прошедшемъ, писалъ Георгій Конискій къ Гервасію, генеральнымъ прошеніямъ и претенсіямъ нашимъ въ подтвержденіе древнихъ правъ и вольностей нашихъ, безъ уваженія достодолжнаго на бывшее о томъ сильное и чрезвычайное ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни нашей, и другихъ монарховъ посредствованіе, отказано [что учинено подвигами не малыми тѣхъ же самыхъ озлобителей (гонителей православія) и братіи ихъ]. Надобно ожидать къ тому другихъ средствъ»[1]. Георгій испытывалъ великую скорбь отъ этой неудачи и скорбь его, безъ сомнѣнія, отозвалась во многихъ мѣстахъ; только Украина, при всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ, показала и въ эти времена, что сила ея несокрушима. Она заявила эту силу такими дѣлами, которыя способны были повергнуть въ отчаяніе самыхъ твердыхъ польскихъ фанатиковъ.

Когда оканчивался сеймъ 1766 года и поляки торжествовали побѣду старопольскаго начала—фанатизма по отношенію къ иновѣрцамъ, часть этихъ иновѣрцевъ, православные малороссы торжествовали двѣ побѣды: освобожденіе изъ заключенія живаго мученика Мельхиседека и прославленіе останковъ мученика Даніила. Посылая Мельхиседека въ Дермань, уніатскій митрополитъ Володковичъ надѣялся, какъ мы видѣли, запрятать его отъ глазъ русскихъ людей и довершить надъ нимъ фанатическое глумленіе. Дерманскій игуменъ Іодко, раздѣлявшій мысли Володковича, счелъ однако необходимымъ обратить его вниманіе на то, что новое мѣсто заключенія Мельхиседека не совсѣмъ надежно, что въ дерманскомъ монастырѣ многіе иноки держатся образа мыслей Мельхиседека, и ихъ трудно теперь разобщить съ міромъ, такъ какъ въ монастырѣ идутъ постройки, и что такимъ образомъ иноки легко могутъ сговориться съ казаками и высвободить узника. Опасенія Іодки оправдались, хотя совсѣмъ инымъ способомъ. Мельхиседека освободили и довели до границы какіе-то русскіе купцы, тайно вступившіе съ нимъ въ сношенія черезъ

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 622.

жида. Этому неожиданному освобожденію Мельхиседека, которое не сопровождалось никакими поисками со стороны уніатовъ, по крайней мѣрѣ, объ нихъ не сохранилось никакихъ извѣстій, предшествовало приказаніе польскаго правительства освободить Мельхиседека. Георгій Конисскій писалъ къ Гервасію 26 ноября, что приказаніе это давно уже дано и что объ этомъ извѣстилъ русскаго посла канцлеръ королевства отъ имени всего польскаго министерства [1]. Въ другомъ письмѣ, писанномъ еще раньше (23 ноября), Георгій прямо говоритъ: «что до отца-игумена мотронинскаго принадлежитъ, то онъ не самъ собою избавился отъ узъ уніатскихъ, но велѣно митрополиту отсюду выпустить его. Знать уніаты, получивши такое повелѣніе, не объявили о томъ ему и будто зъ ласки отпустили»[2]. Такъ ли было дѣло или иначе, нельзя рѣшить по недостатку данныхъ; но какъ бы то нибыло, люди, рѣшившіеся взять на свой страхъ Мельхиседека, исполнили принятое обязательство и доставили его въ купеческой одеждѣ въ предѣлы Россіи. Здѣсь, при переправѣ черезъ Днѣпръ—въ Межигорьѣ, случилось неожиданное затрудненіе. Идя къ русскому форпосту у Межигорья, Мельхиседекъ увидѣлъ, что русскій командиръ этого форпоста, капитанъ Мижуевъ прохаживается на горѣ съ какимъ-то полякомъ. Случайность эта оказалась зловѣщею. Мижуевъ съ бранью отнесся къ Мельхиседеку, когда узналъ, кто онъ. Мижуевъ дурно думалъ о Гервасіѣ и единомышленныхъ съ нимъ людяхъ, считалъ личною для себя обидою, что монахъ, а не онъ, офицеръ, ѣздилъ и въ Петербургъ, и въ Варшаву; онъ кидался за это бить Мельхиседека и угрожалъ, что отошлетъ его назадъ къ полякамъ. Мельхиседекъ подозрѣвалъ, что Мижуевъ имѣлъ какое-то соглашеніе съ упомянутымъ полякомъ [3]. Заступничество жены Мижуева, капрала Дружинина и участіе инока межигорскаго монастыря спасли Мельхиседека отъ гнѣва Мижуева и дальнѣйшихъ преслѣдованій [4]. Отсюда Мельхиседекъ довезенъ былъ до Кіева тѣми же хри-

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 589.
[2] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 435.
[3] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 609.
[4] Тамъ же, стр. 608—9.

столюбцами, а затѣмъ отправился пѣшкомъ въ Переяславль и прибылъ, по его словамъ, въ каѳедральный вознесенскій монастырь 31 октября 1766 г. [1].

Мельхиседекъ прибылъ въ Переяславль ко времени великаго христіанскаго торжества Малороссіи. Въ это время или нѣсколько дней прежде Переяславль торжественно встрѣчалъ и погребалъ принесенную туда главу мученика Даніила. Глава этого мученика, какъ намъ уже извѣстно, прибита была къ столбу 29-го іюля [2] и оставалась тамъ очень долго. Православные глубоко вѣрили въ святость Даніила. Въ ближайшее время уніаты уже находили нужнымъ глумиться надъ этой вѣрой [3]. 26 августа священникъ м. Ольшаны, Ѳеодоровичъ, бѣжавшій отъ преслѣдователей, въ донесеніи своемъ о бѣдствіяхъ отъ поляковъ и уніатовъ, представилъ краткое извѣстіе и о мученичествѣ Даніила [4]. Черезъ мѣсяцъ, т. е. въ послѣднихъ числахъ сентября, глава эта тайно была взята православными и принесена въ Переяславль 24 октября. Въ тотъ же день составлена была записка о мученичествѣ Даніила, и затѣмъ глава его погребена Гервасіемъ «со всѣмъ освященнымъ соборомъ» въ каѳедральной переяславской церкви за лѣвымъ клиросомъ, предъ кіотомъ Пресвятыя Богородицы [5]. Уніатскій историкъ уманской смуты сообщаетъ извѣстіе, что Гервасій встрѣтилъ главу мученика въ священныхъ ризахъ, въ сопровожденіи духовенства и народа въ нѣсколько тысячъ [6].

О впечатлѣніи, какое произвели на православную Украину возвращеніе Мельхиседека и прославленіе Гервасіемъ и жителями Переяславля останковъ мученика Даніила, не сохранилось прямыхъ, православныхъ свидѣтельствъ. Уніаты говорятъ, что все это еще больше возбуждало народъ къ бунтамъ [7]. Тогдашнія дѣла Украины показываютъ не приготов-

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 23.
[2] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 393.
[3] Тамъ же, и т. 3, стр. 179, § 8.
[4] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 385.
[5] Тамъ же, стр. 400—1.
[6] Докум., стр. 454.
[7] Тамъ же.

леніе къ бунтамъ, а совсѣмъ другое. Украинцы прежде всего стали собирать свѣдѣнія о другихъ своихъ страданіяхъ, записывали ихъ и посылали жалобы духовному и свѣтскому правительству Россіи. Обстоятельства великой важности заставляли ихъ заняться прежде всего этимъ именно дѣломъ. 26 ноября Георгій Конисскій писалъ къ Гервасію, что въ Варшавѣ всѣ дѣла въ Малороссіи объясняютъ бунтами, и совѣтовалъ противодѣйствовать этой клеветѣ и показать, что православные страдаютъ не за бунты, а за вѣру [1]. Обстоятельныя жалобы, точныя описанія гоненій нужны были и независимо отъ этого. Они нужны были для подкрѣпленія дѣла о диссидентахъ, и Георгій давно просилъ, чтобы ему доставляли изъ разныхъ мѣстъ западной Россіи документы не только стараго, но и новѣйшаго, тогдашняго времени [2]. Въ ноябрѣ, послѣ того, какъ сеймъ отвергъ требованія Россіи, Пруссіи, Англіи и Франціи касательно диссидентовъ, представитель Россіи подалъ эти требованія польскимъ министрамъ [3], и затѣмъ стали составляться диссидентскія конфедераціи—торунская и слуцкая [4]. Въ послѣдней участвовали православные и въ числѣ ихъ Георгій Конисскій [5]. Силы диссидентскихъ конфедерацій подкрѣплялись русскими войсками, которыя еще въ мартѣ 1767 г. уже подступали къ средоточію уніатскихъ неистовствъ—къ Радомыслю [6], изъ котораго сейчасъ же выѣхалъ уніатскій митрополитъ Володковичъ, а за нимъ, безъ сомнѣнія, и многія изъ уніатскихъ властей [7]. Православные иноки, священники, томившіеся въ тяжкой работѣ, были выпущены на свободу, впрочемъ, послѣ новаго тѣлеснаго наказанія [8]. Освобожденіе это неоспоримо было въ связи со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Радомысль. Бывшіе въ за-

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 590.

[2] Тамъ же, стр. 622, 624—6, 589.

[3] Арх. к. ч. 1, т. 4, стр. 596.

[4] Ист. пад. Польши. Сол., стр. 49—75.

[5] Тамъ же, стр. 49; Ист. ун. Бант.-Каменск., стр. 325; Собр. соч. Георгія Конисскаго, ч. 1, стр. XXXIV—V.

[6] Арх. к. ч. 1, т. 3, ст. 80, 111, 129, 149, 151, 169, 186—7; Журналъ Кречетникова, Чт. М. Общ. Истр. 1853, кн. 3, ч. 2, стр. 16.

[7] Тамъ же, Арх. к., стр. 80, 111, 129, 149.

[8] Тамъ же, стр. 112.

ключеніи тамъ священники и иноки сохранили намъ извѣстія, что русское войско еще до вступленія въ Радомысль знало объ нихъ [1]; что когда оно пришло въ Радомысль, то русскіе солдаты розыскивали заключенныхъ, давали имъ пищу, высказывали сожалѣніе [2], что особенное участіе въ положеніи заключенныхъ принималъ полковникъ Ратисовъ и освобождалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ [3]. Освобожденіе этихъ заключенныхъ, благодаря приходу въ Польшу русскихъ войскъ, безъ сомнѣнія, сильно ободрило украинцевъ. Вскорѣ затѣмъ они получили новую радостную вѣсть. Еще 1-го марта синодъ послалъ въ Малороссію указъ объявить православнымъ, что русская государыня старается защитить ихъ и возстановить ихъ права. Кіевскій митрополитъ объявилъ это лишь въ іюнѣ [4], но Гервасій сдѣлалъ это гораздо раньше, по всей вѣроятности, еще до мая [5]. Эти извѣстія о благопріятномъ поворотѣ дѣла православныхъ облетѣли Украину, и она опять воспрянула и устремилась возстановлять у себя православіе. Съ мая 1767 г. одно за другимъ поступали къ Гервасію прошенія простить невольный грѣхъ отступленія въ унію, принять въ православіе, дать священника [6]. Движеніе это и теперь, какъ прежде, началось съ крайняго угла Украины— Чигиринщины, и направлялось въ глубь Украины черезъ Смилянщину. Въ иныхъ мѣстахъ оно сопровождалось восторженною радостью, что возстановляется родная вѣра на мѣстѣ уніи, и въ этомъ отношеніи народъ опереживалъ своихъ священниковъ, которымъ естественно страшно было возвращаться на свои приходы, не узнавъ точно, дѣйствительно ли они могутъ возвратиться и не попасть снова въ руки уніатовъ на новыя муки [7]. Такъ, извѣстные намъ страдальцы — жаботинцы писали къ Гервасію: «Божіею помощію и вашего

[1] Арх. к. ч. 1, 3 т., стр. 151—3.

[2] Тамъ же, стр. 151—3, 189—90.

[3] Тамъ же, стр. 151, 169—170.

[4] Тамъ же, стр. 301.

[5] 21 іюня Гервасій разсылалъ объ этомъ уже второе посланіе. Тамъ же, стр. 247; Докум., стр. 454.

[6] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 115, 193, 206 и 211, 215, 252, 257.

[7] Тамъ же, стр. 193, 211,

высокопреосвященства попеченіемъ естесмо увольненніи отъ волковъ видимыхъ унѣятовъ, которіе на насъ сѣти свои закидали и хотѣли привратить ко своей погибели, толко вашими святыми молитвами освободивъ насъ Богъ, предъ воскресеніемъ, седмицею, и въ нашемъ ключѣ (округѣ) уніата жаднаго не машь [1]». Затѣмъ жаботинцы просятъ Гервасія благословить, чтобы ихъ пастыри возвратились на свои приходы, и заключаютъ эту просьбу такъ: «только жъ ваше высокопреосвященство возрѣте своимъ милостивымъ призрѣніемъ на наше озлобленіе, нужду и душевное гоненіе и благословите, дабы и въ нашихъ церквахъ служили божественную литургію, яко и чегерински священники служатъ и свои пастви исправляютъ, даби тежъ и ми тогожъ милосердія отъ вашего высокопреосвященства не отлучени були, толко желаемъ, яко драгоцѣннаго бисера, принять въ сердца своя, и святымъ молитвамъ вашего высокопреосвященства поручаемся недостойніи раби. Подписаны: атаманъ городовій, ктиторъ, пять простыхъ прихожанъ поименно и затѣмъ прибавлено: и прочіи [2].

Гервасій относился къ этимъ заявленіямъ съ великимъ вниманіемъ и истинно пастырскою любовью. «Всячески по прошенію сдѣлати», подписалъ онъ на прошеніи жаботинцевъ, «въ духовное правленіе зъ консисторіи указъ отправити, чтобъ пресвитеры приходовъ всякъ въ свой приходъ возвратилися, святія церкви принялы, где потребно чистоти, очистили, отправивъ прежде литургіи водосвятіе, внутрь вся священная и и церковь окропили: святія антиминси на престолѣхъ святыхъ положити и протчее благоговѣйно благоустроиты, что требуетъ благоустроенія. Во всякомъ приходѣ по литургіи всякому пресвитеру съ народомъ, опредѣливъ время приличное, милосердію божію благодареніе принести о утишеніи бури, отъ уніатовъ на православіе возбуреннія, молебенъ благодарній отправити, православнія утѣшати, учиты и утверждаты, твердымъ быты въ святоправославной вѣрѣ, въ законѣ господнѣ свято и безпорочно всѣмъ житы, паче же всѣмъ

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 212.
[2] Тамъ же, стр. 212—213.

презвитерамъ, по чину и званію своему предъ своими людьми, такожъ и предъ инославными, между коими жительствуютъ» [1]. . . . . Нѣкоторыя изъ резолюцій Гервасія назначались, можно думать, для всей его паствы и пересылались съ одного мѣста на другое. Къ такимъ резолюціямъ можно отнести нижеслѣдующую, данную на прошеніе о присоединеніи жителей с. Матусова: «въ доношеніи изображеннымъ, отъ зловѣрнихъ нанесеннимъ показаннимъ православнымъ напастемъ, озлобленіямъ, здирствамъ, устрашеніямъ и оболщеніямъ бывшимъ прилѣжно внушили ми, и состраждемъ и соболѣзнуемъ и умоляемъ благость и милосердіе господне, когда въ показанныхъ бѣдахъ какое бы случилося отъ немощи поползновеніе, или въ терпеніи недостатокъ, преблагій, благоутробній, и вся насъ ради страдавій и нашимъ немощемъ сострадавій Господь нашъ, Іисусъ Христосъ да проститъ и презритъ и вся во благое да сравнитъ всѣмъ прилѣпляющимся къ нему и святѣй его православной церкви, ихже зде (имена) написана, или подъ именами ихъ иныхъ всѣхъ желанія, аминь. Прочее же кротостію и любовію Духа св., умоляемъ въ таковихъ подобнихъ и большихъ искушеніяхъ, вѣры ради и святія православно восточныя церкви прилучающихся, быти твердымъ и неподвижнымъ до конца, со упованіемъ, яко не оставитъ Господь искуситися паче силы, но воискушеніяхъ паче подастъ силы и крѣпости избыточествіе» [2]. Депутаты отъ села Матусова обязывались подпискою снять у себя копію съ этой резолюціи или другой неизвѣстной намъ грамоты Гервасія, данной имъ при этомъ, и подлинникъ доставить въ м. Смилу къ тамошнему сотнику Петру Плигачу [3]. Когда нѣкоторые поляки и уніаты ободрились послѣ перепуга отъ вступленія русскихъ войскъ и стали снова преслѣдовать православныхъ, распуская при этомъ и уже не въ первый разъ, что Россія отказывается отъ защиты западно-русскихъ православныхъ, то Гервасій рѣшился на новую мѣру. 21 іюня 1767 года онъ издалъ вторую окружную грамоту, въ

---

[1] Тамъ же, стр. 213—214.

[2] Тамъ же, стр. 210.

[3] Тамъ же, стр. 251, примѣч.

которой, кромѣ возвышенныхъ религіозныхъ мыслей, останавливаютъ на себѣ вниманіе намеки на важнѣйшія преданія и упованія, какими жила Малороссія.—«Возлюбленніи!» писалъ Гервасій. «Слышимъ нынѣ и воспоминаемъ первыя дни ваши, въ няже въ многія напасти и скорби входили есте, и укрѣпляемы Духа благодатію неподвижно стоясте въ вѣрѣ.... Слышимъ же, яко подвигошася, нападающе на васъ, разоряюще, мучаще, озлобляюще и убивающе васъ человѣцы, древле предъуставлении на сіе осужденіе, оніе отчаянцы унѣяты, которіи к протчимъ неисповѣдимимъ вашимъ озлобленіямъ, хотя низринути васъ въ малодушіе, безстудно вамъ баснословятъ, яко нѣтъ вамъ уже помощи, аки бы вы отвсюду и отъ православнія Россіи, идѣже надежда всего православія, оставленни. Не слушайте сего и вѣры не имѣйте таковимъ обманщикамъ. Сами благоусмотрѣти можете, что сатана вся своя силы адскія подвигнулъ, хитрости и коварства, и слуги, которій, на васъ отъ всѣхъ сторонъ наваливаяся, понуждается вѣру вашу святую, правую, истинную обвалити, и съ нею твердость и спасеніе ваше погубити, а Господь Богъ самъ съ вами есть вашъ заступникъ, и по Бозѣ православная Россія, какъ всѣхъ православныхъ, такъ и васъ своихъ единовѣрныхъ не оставляетъ и не оставитъ, и о томъ найсильнѣйшими образы, гдѣ надлежитъ, да и силы и кошту, еще же и здравія, какъ о вѣрѣ православной, такъ и единовѣрнихъ не щадитъ, что думаемъ и въ тихъ мѣстахъ отъ слѣдствій показуется и слышно есть..... Помните древнія мужества и страданія великихъ и преславнихъ мучениковъ, которихъ нынѣ воспоминаемъ съ великимъ умиленіемъ, почуденіями и прославленіями, и вѣруемъ, что истинно за таковія ихъ богатирства во онихъ божественнихъ вышнихъ царствіяхъ самимъ царемъ царей Господемъ всѣмы благимы воздаются награжденія.... Чада возлюбленніи, православніи! вѣруйте, истинно бо есть, что и нынѣ и вы вашими святими и благочестивымы и ревностними поступленіи и таковимы о вѣрѣ неисповѣдимимы терпѣніями и страданіями предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ славу есте нажили и исторію вѣками нестеряемую. И кто же можетъ сумнѣтися о томъ, что ваша слава на небеси и воздаяніе васъ дожидается? Пущай же кто

благоразумній хотя изъ самихъ оныхъ инославнихъ и что либо чистія совѣсти имѣющій съ таковыхъ безчеловѣчныхъ отчаянцовъ унѣятовъ, или другихъ тѣмже образомъ пособляющихъ, разсудитъ, что выйшло и впредь будетъ объ нихъ. А что иное? Тое, чимъ оны нынѣ славятся; славятся же едва христіанамы, едва чимъ священнимъ, цѣлое же разбойникамы, грабителямы, мучителями и губителями. И сіе ихъ дѣло славное потечетъ повѣстмы, исторіямы вовся слѣдующія вѣки [1]»....

Время, въ которое было издано это посланіе, было весьма важно. Тогда собирались сеймики для избранія пословъ на предстоявшій осенью сеймъ, на которомъ долженъ былъ, между прочимъ, рѣшаться снова вопросъ о диссидентахъ. Большинство поляковъ, даже члены диссидентскихъ конфедерацій, по прежнему проникнуты были ненавистію къ диссидентамъ, и русскій посолъ Репнинъ съ великимъ трудомъ добивался на этихъ сеймикахъ благопріятныхъ инструкцій посламъ, отправляемымъ на главный сеймъ [2]. Посланіе Гервасія было не только ободреніемъ для православныхъ украинцевъ, но и великимъ посрамленіемъ для защитниковъ уніи. Уніаты сильно были встревожены посланіемъ этимъ и старались пріобрѣсть экземпляры его и вообще посланій Гервасія, чтобы представить ихъ на сеймъ [3].

Но въ то самое время, когда уніаты хлопотали добыть документы, казавшіеся имъ обвинительными для православныхъ, эти послѣдніе приготовили имъ новые. 17 августа отъ всѣхъ жителей Украины составлено было полномочіе Мельхиседеку ходатайствовать за нихъ въ Варшавѣ [4]. 15-го сентября жители Украины поступили еще рѣшительнѣе. Въ то время, когда польскіе послы являлись на сеймъ съ своими инструкціями, они съ своей стороны составили манифестъ о своихъ бѣдствіяхъ за вѣру и о своемъ неодолимомъ желаніи

---

[1] Тамъ же, т. 3, стр. 247—251.

[2] Журналъ Кречетникова, занимавшагося этимъ именно дѣломъ, полонъ извѣстіями объ его напряженныхъ усиліяхъ добиться благопріятныхъ инструкцій. Чт. м. общ. истор. 1863 г., т. 3, ч. 2.

[3] Арх. к. ч. 1, т. 4, стр. 602.

[4] Тамъ же, т. 3, стр. 335, 339.

быть православными, и представили его Гервасію для отсылки въ Варшаву Георгію Конисскому и внесенія въ актовыя книги [1]. Вскорѣ затѣмъ, вѣроятно, съ этимъ и другими документами отправленъ былъ въ Варшаву къ Георгію Конисскому намѣстникъ мошногорскаго монастыря Герасимъ [2], которому представлялся самый удобный случай взять на себя это дѣло, такъ какъ иноки мошногорскаго монастыря больше другихъ пострадали за православіе.

Георгій Конисскій, которому поручали украинцы свой манифестъ и къ которому ѣхалъ намѣстникъ Герасимъ, былъ по прежнему ходатаемъ за всю западную Русь и у него сосредоточивались всѣ свѣдѣнія о дѣлахъ этой Руси. На открывшемся (7 окт. 1767 г.) польскомъ сеймѣ снова представлено было дѣло диссидентовъ. Права ихъ въ томъ видѣ, какъ были проектированы и затѣмъ отвергнуты на сеймѣ 1766 года, теперь были приняты [3], только утвержденіе ихъ въ видѣ трактата съ Россіею и обнародованіе отложено до окончанія сейма, продолжавшагося и въ слѣдующемъ году до весны. Въ проектѣ этихъ правъ, какъ мы видѣли, сдѣлана была уступка тогдашнимъ воззрѣніямъ Польши на свободу совѣсти, уступка, весьма вредная православнымъ Западной Россіи.

Православные и протестанты польскаго государства добивались свободы совѣсти. Широкое понятіе объ этомъ именно, о правѣ перехода въ эти исповѣданія, было для нихъ важно не только потому, что отвѣчало ихъ понятіямъ вообще о свободѣ совѣсти, но имѣло для нихъ и великое практическое значеніе, такъ какъ многіе изъ нихъ насильно были обращены въ латинство или унію и желали возвратиться назадъ. Вопросъ о такъ называемомъ libero transitu былъ теперь жизненнымъ вопросомъ для диссидентовъ, и православные еще въ первой половинѣ 1766 года рѣшили его въ смыслѣ свободнаго перехода иновѣрцовъ въ православіе, и наоборотъ, и въ такомъ видѣ объявили его, когда публиковали королевскія привилегіи, привезенныя Мельхиседекомъ [4]. Но это широкое по-

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 343.
[2] Тамъ же, стр. 432—3.
[3] Истор. ун. Бант. Каменск., стр. 326—328.
[4] См. выше, стр. 31—32, заявленіе ихъ отъ 24 апрѣля 1766 г.

нятіе о свободѣ совѣсти не нашло себѣ мѣста въ трактатѣ о диссидентахъ. Въ немъ по прежнему латинская вѣра объявлена была господствующею въ Польшѣ и отступленіе отъ нея наказывалось изгнаніемъ изъ отечества. Георгій Конисскій ясно видѣлъ, что этотъ пунктъ поведетъ опять къ преслѣдованіямъ православныхъ, которыхъ уніаты всегда считали своими и легко могли доказывать это юридическими данными. Георгій возставалъ противъ этого пункта, просилъ русскаго посла Репнина не допускать его, писалъ объ этомъ прошеніе къ Екатеринѣ, но успѣха не было [1], и едвали онъ былъ тогда возможенъ. Независимо отъ личныхъ мнѣній Репнина и Екатерины, русскому правительству трудно было требовать отъ Польши по вопросу о вѣрѣ больше того; что было у него самого, — больше вѣротерпимости [2]. Чтобы ослабить силу этого вреднаго и опаснаго параграфа, Георгій разослалъ по западной Россіи приглашенія, чтобы до утвержденія трактата православные прислали ему заявленія, кто гдѣ уже присоединился къ православію или желаетъ, да не можетъ [3]. Эта мѣра, предложенная Георгіемъ Конисскимъ, произвела могущественное дѣйствіе на всю западную Русь. Сила этого призыва сказалась даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ православіе, повидимому, совершенно было задавлено и гдѣ цѣлыя поколѣнія выросли въ забвеніи его и напитаны были ядомъ фанатизма къ родной, отеческой вѣрѣ, какъ въ Полоцкѣ, Диснѣ и многихъ другихъ пунктахъ Бѣлоруссіи. И въ этихъ мѣстахъ оказывались православные и самоотверженно давали свои имена для оглашенія, что они православные и желаютъ быть таковыми [4]. Въ Украинѣ призывъ этотъ объхватилъ все населеніе. Мельхиседекъ составилъ и разослалъ образцы просьбъ о присоединеніи. Гервасій издалъ новое окружное посланіе, въ которомъ прославлялъ русскую императрицу

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 433—4; Истор. пад. Польши. Сол., стр. 63; Собр. соч. Георг. Кон., ч. 2, стр. 224, 234.

[2] Впрочемъ, есть извѣстіе, что Репнинъ не имѣлъ порученія принимать такого пункта и согласился на него самовольно. Арх. ун. м. № 991. Письмо Левинскаго къ Смогоржевскому отъ 17 (6) ноября 1785 г.

[3] Арх. к. тамъ же, стр. 434—5.

[4] Заявленіе Георг. Кониск. 1768 г. Арх. Св. с. д., 1772 г. № 322, л. 98.

Екатерину, какъ защитницу православія, и призывалъ народъ смѣло заявлять свое православіе [1]. Въ самое короткое время, въ какихъ нибудь два мѣсяца, съ конца ноября 1767 г. и по январь 1768 г. собрано было здѣсь около ста новыхъ заявленій о присоединеніи къ православію [2]. Съ этими новыми заявленіями отправился въ Варшаву, по призыву Георгія, главнѣйшій двигатель украинскаго православнаго оживленія и страдалецъ за него, мотренинскій игуменъ Мельхиседекъ [3]. Извлеченія изъ заявленій православныхъ внесены были Георгіемъ въ варшавскія магистратскія книги [4], туда же внесена была и жалоба Мельхиседека на испытанное имъ мученіе [5]. То и другое было поддерживаемо русскимъ посломъ у короля, въ польскомъ министерствѣ и на сеймѣ [6].

Уніаты пришли въ великое смущеніе не только отъ успѣха русской защиты западно-русскихъ православныхъ, но еще больше отъ нравственной ихъ силы, поднимавшей на ноги всю страну по слову одного человѣка, скромнаго, пренебрегаемаго поляками епископа бѣлорусскаго, и наконецъ отъ того униженія, какому уніатовъ подвергали латиняне. Самый неистовый фанатикъ, оффиціалъ Мокрицкій, первый обнаружилъ малодушіе. По его стараніямъ Мельхиседекъ приглашенъ былъ въ одинъ варшавскій монастырь на мировую съ нимъ [7]. За Мокрицкимъ стояли другіе гонители православія, почув-

---

1 Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 437—польскій текстъ; русскій текстъ Кіевск. епарх. вѣд. за 1862 г. ч. неоф., стр. 705.; касательно времени его написанія см. тамъ же., Арх. стр. 436 и 443 примѣч. изд. Писано не раньше 5 января 1767 г.

2 Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 678. Вѣроятно, къ этому времени относятся многочисленныя описанія православныхъ церквей, изданныя въ Кіевск. еп. вѣд. за 1861 г. ч. неоф., стр. 449—457; за 1862 г., стр. 109—117, 341—349, 376—384, 405—418, 443—446, 447—453, 533—536, 596—607; за 1864 г., стр. 109—117.

3 Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 654.

4 Арх. св. с. д. 1772 г. № 322; Собр. соч. Георг. Кон., ч. 2, стр. 223, 240—242.

5 Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 658—669.

6 Тамъ же, стр. 665—669.

7 Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 538, 544, 657, 670; Собр. соч. Георг. Конис., ч. 2, стр. 238.

ствовавшіе теперь страхъ за свои дѣла. Къ Гервасію послано было предложеніе предать забвенію обиды, причиненныя уніатами православнымъ [1]. Мало того, уніаты думали воспользоваться дѣломъ диссидентскимъ, чтобы добыть себѣ равноправное положеніе съ латинами; но ихъ хлопоты оказались напрасными; объ нихъ въ трактатѣ упомянуто было совершенно глухо [2]. Пораженные всѣмъ этимъ уніатскіе епископы, бывшіе тогда въ Варшавѣ, начали сближаться съ Георгіемъ Конисскимъ и заявили ему, что готовы сами съ своими паствами присоединиться къ православію [3]. Сила народной вѣры, засвидѣтельствованная невѣроятными страданіями народа Украины, самоотверженная дѣятельность руководителей этого народа и во главѣ ихъ апостольскаго «трудника» Георгія Конисскаго обѣщали завершиться полнымъ торжествомъ западно-русскаго православія и уничтоженіемъ уніи еще въ 1768 году. Но этотъ великій моментъ западнорусской, исторической жизни мелькнулъ лишь, и возсоединеніе уніатовъ затянулось опять на многіе годы и пошло длиннымъ путемъ колебаній и страданій.

Когда трактатъ 1768 года былъ утвержденъ, русскія войска, такъ напугавшія уніатовъ, стали отходить назадъ [4]. Репнинъ полагалъ, что заботы русскаго правительства о спокойствіи православныхъ могутъ теперь быть переданы обыкновеннымъ польскимъ судамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ далъ понять Мельхиседеку, когда тотъ уѣзжалъ изъ Варшавы и просилъ его о дальнѣйшей защитѣ [5]. Восторгъ православныхъ, вызванный извѣстіями о трактатѣ, естественно сталъ смѣняться разочарованіемъ. Поляки, впрочемъ, давно уже показывали имъ, что трактатъ о диссидентахъ не легко можетъ получить силу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ мошенскомъ округѣ—владѣніи Моравской, урожденной Радивило-

---

[1] Тамъ же, Арх. к., стр. 619.

[2] Арх. к. ч. 1, т. 4, стр. 601—2; Истор. пад. Польши Сол., стр. 62—3.

[3] Собр. соч. Георг. Конис., ч. 2, стр. 232—234, 250.

[4] Журн. Креч. Чт. м. общ. истор. 1863 г. кн. 3, ч. 2, стр. 44, 84; Сол. Истор. пад. Польши, стр. 75.

[5] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 672.

вой, гоненія продолжались непрерывно во весь 1767 г. [1]; въ началѣ же 1768 года, когда трактатъ о диссидентахъ ждалъ лишь окончательнаго утвержденія и обнародованія, и когда православные подписывались на православіе, гоненія усилились еще больше, и фанатикамъ снова помогала польская военная сила, бывшая въ Украинѣ [2]. Она сочла нужнымъ наказывать народъ за объявленіе себя православнымъ, разъѣзжала по приходамъ, изгоняла священниковъ, мучила ихъ и народъ и, когда ей указывали на трактатъ, она требовала печатныхъ его списковъ [3]. Особенно жестоки были гоненія въ межиричской губерніи, гдѣ губернаторъ Клячковскій, прикащикъ Качинскій и казацкій полковникъ Каменскій соединились и за-одно мучили священниковъ и народъ [4]. «Ярости и свирѣпства уніатовъ не унимаются, но паче возстаютъ за пособленіемъ губернаторовъ и придворскихъ людей и... православный украинскій народъ находится въ таковой тѣснотѣ и нуждѣ, какова была развѣ во времена апостольскія», свидѣтельствовалъ Гервасій [5]. Гервасій обращался опять къ начальнику польскаго войска Вороничу, почему онъ преслѣдуетъ православныхъ [6], посылалъ жалобы въ Петербургъ [7], умолялъ прислать русское войско [8]: успѣха не было. Напротивъ, утвержденіе трактата о диссидентахъ прибавило польскому украинскому войску новыя силы. Тогда образовалась извѣстная барская конфедерація, въ которую собирались враги этого трактата и подняли оружіе на защиту польской вѣры. Главное средоточіе ихъ было на югѣ Украины, на границахъ Турціи, въ Барѣ. Православные украинцы первые испытали на себѣ дѣйствія этой конфедераціи. Мошногорскій намѣстникъ, іеромонахъ Герасимъ, извѣщая Гервасія 19 апрѣля, что войско Воронича, стоявшее въ Бѣлой-Церкви, присоединено къ бар-

---

1 Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 451—3.
2 Тамъ же, стр. 595—599.
3 Тамъ же, стр. 550, 551, 564, 577, 578, 579.
4 Тамъ же, стр. 586, 598, 688—9, 694—5.
5 Тамъ же, т. 2, стр. CCI.
6 Тамъ же, т. 3, стр. 581, 626.
7 Тамъ же, стр. 620.
8 Тамъ же, стр. 620, 624.

скимъ конфедератамъ, пишетъ: «намѣреваютъ они реконфедераты скоро и въ поднѣпровскіи губерніи: смѣлянскую, чигринскую, черкасскую и мошенскую слѣдовать съ тѣмъ же умышленіемъ, дабы благочестивыхъ разорить» [1]. Извѣстія эти навели ужасъ на жителей Украины. Жаботинцы 3 іюля 1768 г. послали Гервасію мольбу выпросить имъ русскую военную защиту: «яко дѣти вашего святительства, всѣ обще, старіе и маліе, всесмиреннѣйше просимъ о насъ не укоснительное возымѣти тщаніе,—къ главной поблизу находящейся россійской командѣ о семъ представить и просить намъ беззащитнымъ милостивой защиты» [2]. Гервасій написалъ объ этомъ къ кіевскому губернатору Воейкову. Воейковъ предложилъ обратиться съ этимъ дѣломъ въ синодъ или въ иностранную коллегію [3]. Безпомощный народъ сталъ разбѣгаться во всѣ стороны. «Когда пронеслось эхо, что неякось войско польское, называющее (ся) конфедерація, настигаетъ зъ бѣлоцерковской губерніи сюда въ украинскія мѣста для разоренія благочестивыхъ церквей, священства и мірскихъ людей, чего всѣ благочестивые пекарскіе обыватели устрашась, и оставляя доми съ имуществомъ, начали расходиться по лѣсамъ и по другимъ мѣстамъ, гдѣбы толко можно прихорониться», доносилъ Гервасію священникъ села Пекарей Ивановъ 7 мая 1768 года [4]. Народъ такимъ образомъ видѣлъ, что падаетъ его твердая надежда на Россію, что уніаты, паны, польское украинское войско соединяются съ новою силою—барскою конфедераціею, также одушевленною мыслію возстановлять латинство и мучить все русское, православное [5]. Къ довершенію отчаянія народа конфедераты потребовали къ себѣ казацкіе отряды, въ которыхъ народъ все таки видѣлъ свою, если не охраняющую его силу, то сдерживающую поляковъ [6]. Каза-

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 646.

[2] Тамъ же, стр. 681.

[3] Тамъ же, №№ CXVI и CXVII. О томъ же просили и жители Балты, 16 іюня. Истор. пад. Польши. Сол. стр. 86.

[4] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 691.

[5] Журн. Креч., стр. 97, подъ 3 ч. марта; Сол. Истор. пад. Польши, стр. 75—77.

[6] Журн. Креч., стр. 90 подъ 23 февр., 92, подъ 27 февр.

камъ этотъ призывъ былъ тѣмъ тяжелѣе, что они должны были бы, соединившись съ поляками, воевать и противъ своего народа, и противъ русскаго войска, уже поражавшаго конфедератовъ. Казацкіе отряды стали отказываться отъ этого похода [1]. Нѣкоторые изъ нихъ прямо уходили въ Россію [2], другіе колебались, не знали, что предпринять [3]. Прибережныя мѣста Днѣпра по обѣимъ его сторонамъ—русской и польской, отъ Канева и до южной части его у Крылова, наполнены были теперь бѣглецами изъ Украины, доведенными до отчаянія, и число ихъ къ веснѣ 1768 г. болѣе и болѣе увеличивалось новыми бѣглецами, которыхъ гнала сюда польская, сконфедерованная сила отъ Брацлава и Бѣлой-Церкви [4]. Встрѣча этихъ грозныхъ тучъ—польской и русской—произвела взрывъ, извѣстный, подъ именами Коліевщины, гайдамацкаго бунта, уманской рѣзни, который пролетѣлъ по южной части Украины съ страшною разрушительною силою для всего польскаго, латинскаго, уніатскаго, еврейскаго, и за которымъ понеслись новые ураганы русской и польской казни, разразившіеся надъ народомъ Украины и грозившіе нетолько загубить въ ней все православное и русское, но и превратить ее по прежнему въ пустыню.

Большіе лѣса, окружавшіе мотренинскій монастырь, и старыя воспоминанія о значеніи этой обители давно уже привлекали сюда большое число бѣглецовъ изъ Украины; но мотренинскій монастырь теперь былъ далеко не то, что прежде. Мельхиседека тутъ не было. Монастырскія власти давно уже подорвали свое значеніе въ глазахъ народа. Еще въ 1767 г. намѣстникъ этого монастыря, напуганный угрозами уніатовъ, отказался было преподавать приходившему народу требы, что вызвало сильное негодованіе народа и гнѣвъ Гервасія [5]. Нравственное вліяніе этого монастыря на собравшійся народъ едвали было сильное и въ настоящее время. Между тѣмъ, смилянская область взволнована была искателями приключеній,

---

[1] Арх. к. ч. 1. т. 3, стр. 680.
[2] Тамъ же.
[3] Док., стр. 468, 482.
[4] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 645, 691—2.
[5] Тамъ же, стр. 198—201 и 202—205.

Боровскимъ и Вольнецкимъ, которые желали взять въ управленіе это громадное имѣніе отъ имени полусумасшедшаго Любомірскаго и, насильно добиваясь этого, то становились на сторону народа и обѣщали ему уничтоженіе уніи, то переходили на сторону барской конфедераціи и стращали ею народъ, особенно дворовыхъ казаковъ Любомірскаго, неисполнявшихъ ихъ воли [1]. Казаки направились къ Россіи, за ними, конечно, пошли и многіе изъ народа [2]. Въ это время конфедераты прислали въ Смилянщину казнить попавшихся имъ изъ какой то шайки гайдамаковъ и въ числѣ ихъ казненъ былъ одинъ гайдамакъ, будто бы, родственникъ эконома переяславскаго архіерея. Экономъ, будто бы, сталъ жаловаться на это Желѣзняку, который былъ сперва послушникомъ въ мотренинскомъ монастырѣ, затѣмъ ушелъ въ Сѣчь, былъ тамъ атаманомъ и теперь находился въ Переяславлѣ на богомольи. При этомъ архіерейскій экономъ, будто бы, далъ Желѣзняку подложную грамоту Екатерины, въ которой народъ Украины призываемъ былъ къ истребленію пановъ, уніатскихъ и латинскихъ ксендзовъ и жидовъ. Такъ разсказываетъ дѣло полякъ современникъ [3]. По разсказу уніатскаго историка уманской смуты, дѣло происходило иначе. Около мотренинскаго монастыря зимой 1768 г. собралось много народу. Въ средѣ его явился къ веснѣ Желѣзнякъ, и сдѣланы были приготовленія къ войнѣ. Къ веснѣ же барская конфедерація стянула къ себѣ войска изъ Украины. Выступилъ, между прочимъ, и польскій отрядъ, занимавшій Черкасы. Гайдамаки Желѣзняка стали выступать изъ мотренинскаго лѣсу. Польскій отрядъ, занимавшій Жаботинъ, думалъ было подавить скопище [4], но видя превосходство силъ гайдамаковъ, отступилъ къ Бѣлой-Церкви, гдѣ тогда находился Вороничъ съ своимъ войскомъ. Пользуясь этимъ гайдамаки напали на Жаботинъ, убили губернатора Степовскаго и 18 человѣкъ жидовъ. Съ этого времени началось смятеніе. Ксендзы, паны, жиды спасали себя бѣгствомъ. Между

---

[1] Сол. Ист. пад. Польши, стр. 78—80.

[2] Тамъ же, стр. 81.

[3] Тамъ же.

[4] См. объ этомъ Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 706—9.

тѣмъ Желѣзнякъ съ другими главными участниками бунта отправился въ Переяславль испросить у Гервасія благословенія и совѣта. Гервасій будтобы сказалъ: отецъ Мельхиседекъ посовѣтуетъ вамъ и наставитъ, что вамъ дѣлать. Предводители выѣхали изъ Переяславля. Мельхиседекъ, будтобы, выѣхалъ за ними въ парадномъ, архіерейскомъ экипажѣ и далъ имъ наставленіе и подложную грамоту Екатерины, сочиненную однимъ изъ мошенскихъ иноковъ, который былъ въ заточеніи въ Радомыслѣ, затѣмъ въ мотренинскомъ монастырѣ, а теперь, говоритъ авторъ, онъ находится въ Переяславлѣ [1]. Этотъ же писатель, а также и другіе, весьма многочисленные свидѣтели уніатскіе утверждаютъ, что виновникомъ возстанія гайдамацкаго былъ Мельхиседекъ [2], и съ особенною силою налегаютъ на то, что многіе изъ пойманныхъ гайдамаковъ, а также мирные жители мѣстечекъ и деревень единогласно показывали, что Мельхиседекъ вызвалъ и благословилъ гайдамаковъ на возстаніе. Извѣстные намъ памятники русскаго, православнаго происхожденія того времени вообще мало говорятъ о томъ, какъ произошла уманская смута; но то, что они даютъ, представляетъ это дѣло совсѣмъ въ другомъ видѣ. Они прежде всего открываютъ намъ, что еще до начала уманской смуты, даже до 1768 г. пущена была въ ходъ мысль, что Мельхиседекъ приготовляетъ бунтъ [3]. Мотренинскій монахъ Аминадавъ, неоднократно возстававшій противъ Мельхиседека, не разъ убѣгавшій изъ монастыря и не разъ подвергавшійся монастырскому наказанію, еще до начала смуты показалъ передъ поляками, что Мельхиседекъ готовитъ бунтъ, и показаніе его было записано и послано Сангушкѣ [4]. Показаніе это, вѣроятно, еще задолго до уманской смуты дошло до Варшавы и сильно было распространено, потому что еще въ мартѣ 1768 года обвиненіе это было въ ходу въ Варшавѣ,

---

[1] Докум., стр. 456—458.

[2] Докум., стр. 434—458, 460—470; Арх. ун. М., № 123 и кн. Г. IV, № 142; другія свидѣтельства увидимъ ниже.

[3] 1766 г. Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. 590; т. 3, стр. 179; что говорили объ этомъ 1768 г. до начала смуты, тамъ же, т. 3, стр. 671—672.

[4] Тамъ же, т. 3, стр. 319.

когда тамъ былъ Мельхиседекъ [1]. Это одно уже сильно подрываетъ достовѣрность уніатскихъ свидѣтельствъ. Кромѣ того извѣстно, что еще до возвращенія Мельхиседека изъ Варшавы, именно 19 апрѣля, обнаружились дурныя отношенія между мотренинскимъ манастыремъ и скопищемъ людей, собравшихся въ мотренинскомъ лѣсу, подлѣ монастыря. Монастырь въ это время былъ обокраденъ [2]. Мельхиседекъ прибылъ изъ Варшавы въ Переяславль въ концѣ апрѣля, именно 28 апрѣля, и остался тамъ. Появленіе его въ Малороссіи не измѣнило тягостнаго положенія мотренинскаго монастыря. На этотъ монастырь продолжали наѣзжать и конфедераты [3] и «гайдамаки многоразличными временами нападали, монаховъ и послушниковъ немилосердно мучили» [4]. Это совпаденіе, согласіе дѣйствій по отношенію къ мотренинскому монастырю и польскихъ конфедератовъ, и украинскихъ гайдамаковъ доказываетъ, что Мельхиседекъ одинаково былъ чуждъ и тѣмъ и другимъ. Это подтверждается и другими, еще болѣе сильными фактами. Отъ того же времени, второй половины мая, сохранились современные списки двухъ грамотъ Мельхиседека къ инокамъ мотренинскаго монастыря и одной къ жителямъ Черкасъ и Смилы, сообщенные кіевской археографической коммиссіи г. Максимовичемъ. Имя лица, сообщившаго эти списки и довольно ясная ссылка на нихъ въ одномъ письмѣ Гервасія къ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову отъ 6 іюля 1768 г. [5], ручаются за ихъ подлинность; а если допустить эту подлинность, то необходимо признать, что Мельхиседекъ совершенно чистъ въ дѣлѣ гайдамацкой смуты того времени. Вотъ, что писалъ Мельхиседекъ къ мотренинскимъ инокамъ въ концѣ мая, вѣроятно, еще до 24 числа: «слышно у насъ что по многимъ мѣстамъ совсѣмъ православныхъ разорили и перемучили и нѣсколько человѣкъ своевольнихъ отъ конфедераціи полской въ лѣсахъ людей, а по селахъ жидовъ руй-

[1] Поляки тогда представляли Репнину Мельхиседека бунтовщикомъ. Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 671—2.

[2] Тамъ же, стр. 649.

[3] Тамъ же, стр. 706—9.

[4] Тамъ же, стр. 730—1, 849.

[5] Тамъ же, стр. 729.

нуютъ. Ежели такъ оно есть, то вы, благочестивые христолюбцы, сохраните себе, чтобъ ни едина душа изъ васъ до онихъ своевольниковъ не пристала. Больше терпѣли; еще потерпѣте. Ховайтеся, утѣкайте, ежели кто васъ гонитъ или хощетъ взяти, а до гайдамакъ помянутихъ не приставайте; ибо и Бога прогнѣваете, и никто за насъ не будетъ обстояти, кровь бо и обиди никогда никому не минутся . . . . За однимъ легкомисліемъ многіе пропадутъ горкою смертію; потому что за своеволниковъ, то есть гайдамаковъ, Россія вступаться не будетъ . . . . Наше дѣло судомъ доходить, да терпѣніемъ [1] . . . .» Изъ этого посланія видно, что Мельхиседекъ не имѣлъ еще точныхъ свѣдѣній о гайдамакахъ и смѣшивалъ ихъ съ польскими конфедератами. На это посланіе Мельхиседекъ получилъ неизвѣстный намъ отвѣтъ, по поводу котораго писалъ инокамъ своего монастыря новое посланіе и въ немъ, между прочимъ, говорилъ: «письмо ваше я принялъ теплою любовію и написанному тщательно придумывался, съ чего узнаю, что вы, ничему невинни будучи, печални. Возлюбленніи! положѣте все дѣло на Бога и совѣсть свою . . . Какъ прошедшаго, такъ и теперешняго года, многажды писалъ я къ вамъ, возлюбленніи моля, и увѣщавая васъ всѣхъ, чтобы ви поберегли себе отъ всѣхъ золъ, а паче совѣсть свою къ Богу и ближнему сохранили бъ: и ежели совѣсть ваша чиста и свидѣтельствуетъ, что ви прави, чего вамъ смущатися? а ежелижъ (чего я не надѣюсь, и не дай Боже) кто изъ васъ повиненъ чему, хочай и малому, то надобно боятися. А чтожъ еще пишете, что гайдамаки похваляются на васъ, то и тутъ воля божія: однако лучше безвинно пострадати, нежели виноватимъ жити [2] . . . .» Въ посланіи къ жителямъ Черкасъ и Смилы Мельхиседекъ буквально повторяетъ многія выраженія перваго посланія къ мотренинскимъ инокамъ [3].

Увѣщанія Мельхиседека, посланныя въ Смилу и Черкасы, безъ сомнѣнія, дѣйствовали на многихъ, но гайдамацкаго движенія не остановили. Подложная грамота Екатерины заслоняла

---

[1] Тамъ же, стр. 711.
[2] Тамъ же, стр, 713—714.
[3] Тамъ же, стр. 715—717.

собою въ ихъ глазахъ все [1]. Озлобленіе противъ поляковъ, уніатовъ, латинянъ, а также жидовъ, до сихъ поръ такъ успѣшно сдерживаемое Гервасіемъ, Мельхиседекомъ и ихъ помощниками, заволновало страну, собрало къ Желѣзняку множество охотниковъ, привлекло даже строевое войско панскихъ казаковъ, и все это грозное ополченіе, разбившись на отряды и вызывая новые отряды, разсыпалось по Украинѣ отъ Днѣпра южнѣе Бѣлой-Церкви до южныхъ предѣловъ Подоліи. По всему этому пространству жило болѣе крѣпкое, русское населеніе, съ болѣе живыми преданіями о казачествѣ и съ страшною ненавистію ко всему польскому, латинскому, уніатскому, жидовскому. Случайное обстоятельство еще больше увлекало гайдамаковъ въ эту область и какъ бы очерчивало имъ напередъ поле для свободныхъ дѣйствій. Русское правительство, остерегаясь давать поводъ Турціи начать войну, запретило своему войску, подавлявшему барскую конфедерацію, приближаться къ турецкимъ границамъ. Разстояніе это опредѣлялось 10—15 и больше милями. Русскія войска образовали линію отъ Бердичева до Львова и очень рѣдко доходили до Винницы [2]. Такимъ образомъ гайдамаки имѣли большое пространство Украины для свободы дѣйствій, которою они и воспользовались съ страшною разнузданностію дикихъ страстей. Кромѣ латинянъ и жидовъ предметомъ ихъ неистовствъ дѣлались вездѣ уніаты. Унія всюду исчезала, уніатскіе священники избивались, если не успѣвали спасать себя въ лѣса, горы и сосѣднія страны [3]. Неистовства гайдамаковъ безпрепятственно продолжались въ маѣ и іюнѣ—до половины этого мѣсяца.

Главнымъ начальникомъ русскихъ войскъ въ Польшѣ былъ тогда извѣстный П. Кречетниковъ, вступившій въ предѣлы этого государства еще въ началѣ 1767 года. Главною задачей

---

[1] Считаемъ однако нужнымъ прибавить: если правда, что эта грамота явилась тогдаже. Вопросъ объ этой грамотѣ одинъ изъ самыхъ темныхъ и трудныхъ вопросовъ.

[2] Переписка Креч. Чт. 1863 кн. 3 ч. 2 стр. 36—38, 64—66; Журн. Креч. тамъ же, стр. 109.

[3] Неистовства гайдамаковъ надъ уніатами описаны въ манифестѣ уніатовъ, занесенномъ въ гродскія житомірскія книги 2 декабр. 1769 г.— Арх. ун. м. печатн. брош. № 17, а также въ описаніи уманской смуты. Док. стр. 480—510.

его было поддерживать диссидентскую конфѐдерацію [1] и помогать ей восторжествовать на сеймикахъ и послать на сеймъ расположенныхъ къ Россіи пословъ съ инструкціями, обезпечивающими благопріятное рѣшеніе диссидентскаго дѣла [2]. Кречетниковъ прошолъ съ войскомъ отъ Чернигова къ Львову [3]. Эта дорога открывала ему полную возможность узнать основательно православное дѣло западной Малороссіи и оказать ему могущественную поддержку, какъ этого ожидали православные малороссы. Но Кречетниковъ не этимъ былъ занятъ. Въ своемъ журналѣ, въ которомъ онъ передаетъ многія мельчайшія подробности, Кречетниковъ меньше всего занимается русскимъ, православнымъ дѣломъ. Такъ, онъ проходилъ черезъ Радомысль [4], изъ котораго тогда же выпускались православные узники, но объ нихъ онъ не упоминаетъ ни слова, хотя, какъ мы видѣли, его войско и, безъ сомнѣнія, также и онъ знали объ нихъ. Во время сейма 1767 и 1768 г. Кречетниковъ былъ въ Варшавѣ [5], не могъ не видѣть тамъ Георгія Конисскаго и Мельхиседека, но объ нихъ онъ тоже ни слова не говоритъ въ своемъ журналѣ. Кречетниковъ поглощенъ былъ сношеніями съ поляками, съ одними дружилъ [6], другихъ прижималъ, и какъ тѣмъ, такъ и другимъ путемъ дошелъ подъ руководствомъ поляковъ до странностей, передъ которыми теперь приходится останавливаться съ изумленіемъ.

Уніаты, которымъ приходъ Кречетникова былъ такъ страшенъ, постарались первые затуманить его глаза. Одинъ изъ подчиненныхъ Кречетникова, полковникъ Ширковъ, съ кото-

---

1 Переп. Креч. Чт. 1863 г. кн. 3, ч. 2, стр. 4, 14.

2 Тамъ же, стр. 15—19.

3 Журн. Креч. тамъ же, стр; 16, 17, 29.

4 Журн. Креч. тамъ же, стр. 16, 21 марта.

5 Журн. Креч. Чт. м. общ. истр. 1863 кн. 3. ч. 2. стр. 57, 84 и далѣе до 105.

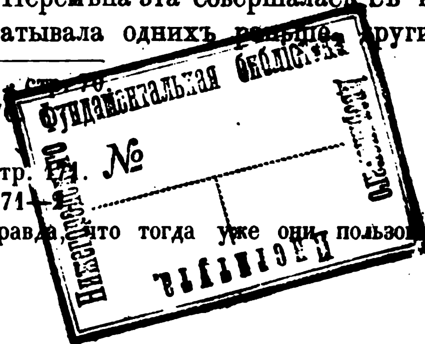
6 Кречетниковъ сблизился со всѣми важнѣйшими панами Малороссіи: съ Любомірскимъ (Журн. стр. 17), съ Сангушкой (стр. 18), съ Радивилами (стр. 19): съ Потоцкимъ смотриц. старостой (21), Браницкимъ (увидимъ ниже) и другими. Объ немъ поляки даже распространяли слухъ 1767 г. августа, что онъ хлопочетъ объ ослабленіи правъ диссидентовъ. Перепис. Креч. тамъ же стр. 22.

рымъ еще будемъ встрѣчаться и впослѣдствіи, сблизилъ его съ уніатскимъ митрополитомъ Володковичемъ. Какой-то ксендзъ Наущинскій, близкій человѣкъ къ уніатскому митрополиту, былъ у Ширкова для письменныхъ дѣлъ [1]. Ксендзъ этотъ сообщилъ Кречетникову, что уніатскій митрополитъ Володковичъ хочетъ приступить къ диссидентской конфедераціи, и при этомъ дѣлалъ доносы на пановъ и латинскую іерархію [2]. Затѣмъ является къ Кречетникову самъ Володковичъ, подтверждаетъ это извѣстіе и увѣряетъ, что убѣждаетъ другихъ епископовъ, но что львовскій епископъ Шептицкій противится этому [3]. Что Ширковъ и Кречетниковъ не знали о враждѣ между Володковичемъ и Шептицкимъ, это неудивительно, но что они не имѣли свѣдѣній о близости Володковича къ украинскимъ панамъ, составившимъ барскую конфедерацію, и даже о прямомъ участіи его въ этой конфедераціи, а тѣмъ болѣе, что они не знали объ его ненависти ко всему православному и неистовствахъ, совершенныхъ его именемъ надъ православными украинцами, это болѣе, нежели странно. Когда Кречетниковъ былъ во Львовѣ, то оказалось, что и Шептицкій пристаетъ къ конфедераціи, и Кречетниковъ сблизился и съ нимъ, бывалъ у него на балу, на ужинѣ [4]. Затѣмъ, впослѣдствіи обнаружилось, что Володковичъ участвуетъ въ барской конфедераціи, помогаетъ ей деньгами и людьми, что онъ перехватилъ русскихъ курьеровъ, изъ которыхъ одинъ заживо былъ зарытъ въ землю [5]. Не знаемъ, насколько болѣе благонадежнымъ оказался въ это время Шептицкій; но достовѣрно извѣстно, что ошибка въ оцѣнкѣ Володковича не избавила Кречетникова отъ другихъ, еще болѣе крупныхъ ошибокъ. Съ 18 мая и до 10 іюня 1768 года Кречетниковъ искусно былъ задержанъ осадою бердичевской крѣпости, т. е. латинскаго монастыря [6], пока барскіе конфедераты разсылали своихъ агентовъ по странѣ, и пока они еще

---

[1] Журн. Креч. Чт. м. о. истор. 1863, кн. 3, ч. 2, стр. 32, 7 іюня 1767 г.
[2] Тамъ же, стр. 49, 30 август. 1767 г., слич. стр. 59, 28 сент.
[3] Тамъ же, стр. 37, 21 іюля; 47, 16 августа.
[4] Журн. Креч., стр. 74, 81.
[5] Тамъ же, стр. 143, 179.
[6] Тамъ же, стр. 147—167; Переп. Креч., стр. 63.

не понимали, какъ опасно для нихъ гайдамацкое движеніе. Послѣ взятія бердичевскаго монастыря Кречетникову открытъ былъ путь дальше въ Украину, но уже меньше всего для истребленія конфедератовъ, а больше всего для истребленія гайдамаковъ. Объ этомъ возстаніи только около 24 іюня получилъ свѣдѣніе русскій посолъ Репнинъ [1]. Свѣдѣнія эти были неоспоримо польскаго происхожденія. Дѣло гайдамаковъ представлено было Репнину, какъ бунтъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и какъ неразумное желаніе уніатовъ быть православными [2]. Какъ ни много Репнинъ былъ предубѣжденъ противъ диссидентовъ и въ особенности противъ православныхъ украинцевъ, но русское чувство открыло ему ложь въ этихъ извѣстіяхъ и онъ предписалъ Кречетникову не употреблять противъ гайдамаковъ оружія, а послать къ нимъ офицера и священника съ убѣжденіемъ расходиться по домамъ, такъ какъ теперь русскія войска будутъ защищать ихъ отъ насилій [3]. Этого взгляда на гайдамаковъ держался сначала и Кречетниковъ, знавшій о появленіи ихъ гораздо раньше. Посылая 17 іюня поручика Кологривова подъ Умань, гдѣ было главное скопище гайдамаковъ и гдѣ они произвели самыя страшныя неистовства, онъ тоже приказалъ не употреблять оружія впредь до приказу, а убѣждать расходиться по домамъ [4]. Онъ совѣщался съ графомъ Апраксинымъ и спрашивалъ Репнина, какъ ему поступать: усмирять ли бунтовщиковъ, или не вмѣшиваться вовсе въ это дѣло, какъ во внутреннее и поземельное дѣло поляковъ [5]. Репнинъ и Кречетниковъ, очевидно, тогда еще не знали ни размѣра гайдамацкаго движенія, ни того, что гайдамаки совершаютъ свои неистовства отъ имени Екатерины [6]; но въ концѣ іюня эти свѣдѣнія стали доходить до нихъ и совершенно измѣнили ихъ взглядъ на гайдамаковъ. Перемѣна эта совершалась съ необычайною быстротою, захватывала однихъ раньше, другихъ позже и

Фундаментальная библиотека
№
Нижегородского обществ

[1] Тамъ же, переп., стр. 70.
[2] Тамъ же, стр. 76.
[3] Тамъ же.
[4] Журн. Креч., стр. 171.
[5] Тамъ же, стр. 171—2.
[6] Если только правда, что тогда уже они пользовались именемъ Екатерины.

производила страшную путаницу. Какая-то тайная сила работала въ этомъ направленіи давно и послѣдствія этой работы надвигались на Украину со всѣхъ сторонъ самымъ прихотливымъ, повидимому, образомъ. 30 іюня Репнинъ смотрѣлъ уже на гайдамаковъ, какъ на крайне опасныхъ людей, и приказывалъ поступать съ ними строго [1]. Кречетниковъ, какъ сей часъ увидимъ, еще раньше измѣняетъ свой прежній взглядъ на гайдамаковъ. Кологривовъ еще раньше отнесся къ нимъ враждебно. Еще на пути къ Умани онъ уже поступалъ съ ними, какъ съ опасными врагами, неизвѣстно, по чьему приказу. Онъ на пути къ Умани забралъ шайку гайдамаковъ, какъ грабителей, а около 27 іюня взялъ главный лагерь ихъ у Умани, потому, доносилъ онъ, что гайдамаки оказали сопротивленіе [2]. Того же числа Кречетниковъ послалъ ему приказъ отослать русскихъ подданныхъ изъ числа взятыхъ гайдамаковъ въ Кіевъ, а польскихъ отдать полякамъ [3].

Еще болѣе страннымъ представляется переворотъ во взглядахъ на гайдамаковъ, совершившійся на восточной сторонѣ Днѣпра. Тамъ были всѣ средства узнать скоро и вѣрно, что это за движеніе, кто въ немъ участвуетъ, и насколько за все это можетъ отвѣчать духовная православная власть, особенно мотренинскій монастырь? Между тѣмъ мы видимъ, что эти свѣдѣнія оказываются лишними, потому что имѣются какія-то другія. Того же 27 іюня, т. е. вскорѣ послѣ того, какъ у Умани рѣшилась судьба гайдамаковъ и когда уже прошелъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ Мельхиседекъ разослалъ свои грамоты и въ мотренинскій монастырь, и въ Черкасъ, и Смилу съ убѣжденіемъ не приставать къ гайдамакамъ, кіевскій губернаторъ Воейковъ предлагаетъ Гервасію внушить мотренинскимъ инокамъ, «чтобъ они удобвозможное съ своей стороны стараніе прилагали духовными поученіями и приличными увѣщаніями, не давая гайдамакамъ пристанища, оныхъ отъ таковаго злодѣйства отвращать» [4]. Это письмо не было обычнымъ обраще-

---

[1] Тамъ же, переписка Кречетникова, стр. 75.
[2] Журн. Креч., стр. 173, 175.
[3] Тамъ же, стр. 175.
[4] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 726.

ніемъ свѣтской власти къ помощи духовной въ трудныя времена народныхъ волненій. Воейковъ въ томъ же письмѣ отъ 27 іюня извѣщаетъ, что онъ послалъ по приказу Румянцева войско для усмиренія гайдамаковъ. Войско съ восточной стороны Днѣпра давно уже было послано; нѣкоторые отряды его получили особое порученіе изслѣдовать участіе мотренинскаго монастыря въ гайдамацкомъ бунтѣ и еще въ первой половинѣ іюня, когда о гайдамакахъ не имѣли полныхъ свѣдѣній ни Репнинъ, ни Кречетниковъ, производили въ мотренинскомъ монастырѣ обыскъ нѣсколько разъ, именно: 8, 10, 12 іюня [1]. Обыскъ ничего не открылъ, какъ на это прямо указывали въ оффиціальномъ донесеніи мотренинскіе иноки [2]; но, вѣроятно, о дѣлахъ мотренинскихъ иноковъ имѣлись другія свѣдѣнія, если даже послѣ этого, спустя столь значительное время, Воейковъ такъ подозрительно относился къ мотренинскому монастырю.

Такимъ образомъ, русскій посланникъ въ Варшавѣ Репнинъ, вождь русскаго войска въ Польшѣ Кречетниковъ, русскій кіевскій губернаторъ Воейковъ, русскій главнокомандующій южной арміи Румянцевъ—всѣ разнообразными путями приходятъ къ убѣжденію, что гайдамаки—ужасное зло и его нужно торопиться истреблять. Нельзя отвергать, что дѣла гайдамаковъ и особенно то, что они злоупотребляли именемъ Екатерины [3] и нѣкоторые изъ нихъ вторгались въ предѣлы Турціи, могли и помимо всякихъ тайныхъ внушеній настроить такъ всѣхъ этихъ русскихъ людей; но нельзя не остановиться и на томъ, что взгляды этихъ людей поразительно совпадаютъ со взглядами поляковъ и, главное, что взгляды эти установились совершенно независимо отъ манифеста Екатерины противъ гайдамаковъ, такъ какъ манифестъ этотъ подписанъ Екатериной только 9 іюля, т. е. спустя почти мѣсяцъ послѣ того, какъ ближайшіе къ мѣсту дѣйствій русскіе люди составили себѣ польское понятіе о гайдамакахъ [4]. Даль-

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 2, 849—850.

[2] Тамъ же.

[3] Замѣчаемъ опять: если правда, что они злоупотребляли этимъ именемъ.

[4] Док. стр. CXCVI—CCII.

нѣйшія же дѣла этихъ русскихъ людей не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что поляки, натравляя ихъ на гайдамаковъ, дѣлали ихъ орудіями для достиженія своей главной цѣли—загубить въ Украинѣ всякое русское, православное движеніе.

Съ польской стороны дѣйствовалъ въ Украинѣ противъ барскихъ конфедератовъ гетманъ Браницкій. Репнинъ извѣстилъ объ этомъ Кречетникова, приказалъ ему подкрѣплять Браницкаго и «дѣйствія свои съ нимъ соглашать» [1]. Соглашенія эти должны были простираться и на дѣйствія по отношенію къ гайдамакамъ, потому что и это дѣло поручено было Браницкому [2]. Распоряженія эти происходили въ тотъ роковой промежутокъ (конецъ іюня), когда такъ быстро перемѣнились взгляды русскихъ людей на гайдамаковъ, и Браницкій съ этого времени явно выступаетъ, какъ руководитель русскихъ вождей въ дѣлѣ усмиренія гайдамаковъ. Какой смыслъ будетъ имѣть его руководство, это обнаружилось въ самомъ началѣ. Еще до свиданія съ Кречетниковымъ (1-го іюля) Браницкій попросилъ его усмирить русскимъ войскомъ крестьянъ литовскаго подканцлера Предецкаго, возмутившихся противъ помѣщика. Это предложеніе смутило Кречетникова. Онъ увидѣлъ, что войско русскаго государства направляется къ поддержанію личныхъ дѣлъ пановъ, и вмѣсто отряда послалъ съ польскимъ комиссаромъ лишь офицера и 10 казаковъ [3]. На слѣдующій же день Кречетниковъ получилъ одно донесеніе, которое еще больше должно было бы отклонить его отъ исполненія порученій Браницкаго: одинъ изъ его капитановъ, занимавшійся еще до этого времени усмиреніемъ крестьянъ, донесъ ему, между прочимъ, что въ одномъ мѣстѣ поймалъ шайку, которая оказалась сбродомъ шляхтичей, принимавшихъ на себя самозванно то имя русскихъ капитановъ, то казачьихъ ротмистровъ [4]. Но это русское здравомысленное раздумье въ Кречетниковѣ продолжалось недолго. На слѣдующій день, 3 іюля, онъ пріѣхалъ къ Браницкому, въ с. Сербы,

---

[1] Переписка Креч. Чт. м. общ. истор. 1863 г., кн. 3, ч. 2, стр. 74.
[2] Тамъ же, стр. 75—6.
[3] Журн. Креч., стр. 178.
[4] Тамъ же, 2 іюля, стр. 178.

и пробылъ у него и слѣдующій день. Въ своемъ журналѣ Кречетниковъ передаетъ, что у него, между прочимъ, былъ съ Браницкимъ разговоръ и о гайдамакахъ, «кои имъ на ихъ щетѣ больше опасности наводятъ, что они не въ силахъ ихъ истребить» [1]. Разговоръ этотъ, надобно думать, былъ очень убѣдителенъ для Кречетникова, потому что онъ затѣмъ говоритъ: «истребленіе гайдамаковъ я взялъ въ попеченіе» [2]. Кречетниковъ и Браницкій условились, что польскія войска будутъ дѣйствовать у турецкихъ границъ, а дѣла съ гайдамаками будутъ на рукахъ русскихъ [3]. Это вполнѣ отвѣчало стараніямъ русскаго правительства—не раздражать Турціи приближеніемъ русскихъ войскъ изъ Польши къ ея границамъ, но вполнѣ отвѣчало также и видамъ Браницкаго—лавировать между королемъ, русскими и барской конфедераціей и подготовлять для ближайшаго будущаго генеральную польскую конфедерацію, а главное, это ставило въ самое позорное и опасное положеніе русскія военныя силы въ Польшѣ. Поручить имъ подавленіе русскаго народно-религіознаго бунта, вызваннаго самими поляками изъ ненависти ко всему русскому и православному, это значило заставить братьевъ бить другъ друга и готовить имъ пагубу, а Польшѣ самое желательное дѣло,—ополяченіе русскихъ. Кречетниковъ однако уже не дѣлалъ попытокъ выйти изъ этого затрудненія, даже не видно, чтобы онъ теперь понималъ его, да и не онъ одинъ сдѣлался безсознательнымъ орудіемъ этой страшной польской интриги. Въ то время, когда Кречетниковъ подъѣзжалъ къ резиденціи Браницкаго, Репнинъ черезъ того же Браницкаго прислалъ ему новое приказаніе успокоить землю отъ гайдамаковъ и удержать крестьянъ отъ бунтовъ [4]. Черезъ нѣсколько дней прислано было еще приказаніе въ томъ же смыслѣ [5]. Все русское войско, находившееся въ Украинѣ, разбилось на отряды, отыскивало бунтовщиковъ, и польскихъ подданныхъ изъ нихъ передавало въ станъ Браницкаго, гдѣ ихъ мучили без-

---

[1] Журн. Креч. 4 іюля.
[2] Тамъ же.
[3] Тамъ же.
[4] Тамъ же, стр. 178 подъ 3 іюля.
[5] Тамъ же, стр. 180 подъ 9 іюля.

человѣчнѣйшимъ образомъ. Кречетниковъ такъ усердствовалъ, что согласился дать Браницкому конвой для препровожденія пойманныхъ гайдамаковъ въ Галицію [1], такъ какъ поляки, придумавъ казнить ихъ по разнымъ мѣстамъ, чтобы произвесть на народъ сильнѣе впечатлѣніе, боялись, чтобы эта экзекуція не была разстроена новымъ взрывомъ народной ненависти. Гайдамаки, остававшіеся еще непойманными, дошли до крайняго ожесточенія, перестали различать поляковъ и русскихъ и стали вступать съ русскими отрядами въ бой,—въ бой съ тѣми людьми, на которыхъ еще такъ недавно полагали такія твердыя надежды [2]. Эти столкновенія еще больше ожесточили русскихъ и поиски гайдамаковъ-бунтовщиковъ усилились. По весьма неполнымъ свѣдѣніямъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ журналѣ Кречетникова, русскіе отряды передали полякамъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ—съ половины іюня до половины августа 1768 г., около двухъ тысячъ такъ называемыхъ гайдамаковъ. Самая крупная передача была въ концѣ іюня подъ Уманемъ. Кологривовъ тогда передалъ полякамъ 780 человѣкъ, и 18 іюля Кречетниковъ получилъ извѣстіе, что уже половина ихъ перевѣшана [3].

Извѣстіе объ этомъ страшномъ избіеніи людей, подвергаемыхъ притомъ неслыханнымъ у образованныхъ народовъ терзаніямъ, вѣроятно, дошло скоро и въ Переяславль. Того же 18 іюля Гервасій счелъ своею обязанностію кротко напомнить Кречетникову, что въ Украинѣ есть православіе и ждетъ его защиты [4]. Кречетниковъ отвѣчалъ ему обычнымъ уже тогда у русскихъ друзей поляковъ предложеніемъ обратиться по этому дѣлу въ синодъ и къ русскому послу въ Варшавѣ [5]. Нѣкоторое облегченіе украинскому народу вызвано было не словомъ христіанскаго пастыря, а дипломатическимъ вразумленіемъ. Русская погоня за гайдамаками заставила ихъ уходить къ турецкимъ границамъ, перебираться за эти границы и тамъ вымѣщать свою злобу надъ панами и жидами.

---

[1] Журн. Креч., стр. 179.
[2] Тамъ же, стр. 194 подъ 24 іюля; стр. 200 подъ 9 авг.
[3] Тамъ же, стр. 175, 184.
[4] Арх. к. ч. 1, т. 3, № CXXVIII.
[5] Тамъ же, № CXXIX.

Это вызвало нареканіе молдавскаго господаря, встревожило русскаго посла въ Константинополѣ, и оба они обратились съ настойчивыми представленіями къ Кречетникову отвести подальше русскія войска отъ турецкихъ границъ [1]. Войска дѣйствительно были отведены [2], но не надолго они были отвлечены отъ гайдамацкаго дѣла. Кречетниковъ опять поѣхалъ (22—27 іюля) на совѣщаніе съ Браницкимъ и послѣдствіемъ этого совѣщанія было рѣшеніе не подходить русскимъ войскамъ къ турецкимъ границамъ, а только въ случаѣ надобности посылать туда подкрѣпленія, но заняться вновь истребленіемъ гайдамаковъ подальше отъ турецкихъ границъ [3]. По странному стеченію обстоятельствъ, вскорѣ и Репнинъ направилъ въ эту сторону и даже на совершенно новыя мѣста русскія военныя силы. 27 іюля онъ далъ новое предписаніе истреблять гайдамаковъ, между прочимъ, у Житоміра [4].

Эта русская погоня за гайдамаками и просто крестьянами, объявленными бунтовщиками противъ помѣщиковъ, наносила громадный вредъ дѣлу православія въ Украинѣ. Въ числѣ бунтовщиковъ погибали многіе защитники православія, которыхъ теперь легче всего было подводить подъ бѣду [5]. Уніаты, не смотря на то, что жестоко посрамлены были поступками Володковича, заняли весьма выгодное положеніе. Самымъ важнымъ для нихъ пріобрѣтеніемъ былъ нравственный ударъ, приготовленный ими украинскому православію. Судъ надъ гайдамаками, не смотря на свою неразборчивую быстроту, успѣвалъ исторгать у нихъ дѣйствительныя или мнимыя показанія, что виновникомъ украинскаго смятенія былъ Мельхиседекъ [6]. Мнѣніе это получило у поляковъ такую важность, что послы кіевскаго воеводства внесли его въ свои по-

---

[1] Арх. ч. 1, т. 3, стр. 185—188.

[2] Журн. Креч., стр. 187 подъ 20 ч. іюля.

[3] Тамъ же, стр. 193 подъ 23 ч. іюля, 194 подъ 25 ч., 195 подъ 26 ч. и 27 числ.

[4] Тамъ же, подъ 27 числомъ.

[5] Въ 1774 г. жители Украины жаловались синоду, что «кто тогда скрывалъ православныхъ священниковъ, тѣ всѣ христолюбцы не миновали смертной казни». Арх. св. с., д. 1772 г., № 327.

[6] Док., стр. 468—470.

сольскія инструкціи 1768 года [1]. Не знаемъ, какимъ образомъ оно дошло до Петербурга, вмѣстѣ съ другимъ мнѣніемъ, что виновенъ и Гервасій. 29 сентября 1768 г. послѣдовалъ указъ Екатерины св. синоду, чтобы Гервасій немедленно переѣхалъ въ Кіевъ и остался тамъ до указу синодскаго [2], а 14 октября того же года изъ синода послѣдовалъ указъ перевесть Мельхиседека «благовиднымъ образомъ» на восточную сторону Днѣпра, т. е. удалить его отъ дѣлъ Украины, которыми онъ занимался и теперь, не смотря на то, что постоянно находился на восточной же сторонѣ Днѣпра въ Переяславлѣ [3]. Въ то же время начались слѣдствія надъ священниками, подозрѣваемыми въ согласіи съ гайдамаками, и розыски вещей, пожертвованныхъ гайдамаками въ православныя церкви [4]. Къ осени 1768 года, когда гайдамаки были большею частію уничтожены, стали появляться въ Украинѣ уніатскіе священники и подъ прикрытіемъ польскихъ военныхъ командъ подняли вновь гоненіе на православныхъ, которымъ они прямо объявляли, что теперь настало время имъ (православнымъ) бѣжать. «Ми уже перебули свое, говорили они, теперича вамъ слѣдуетъ утѣкать» [5]. Объ этомъ времени жители Украины въ жалобѣ св. синоду въ 1774 г. писали: «уніатскіе духовныя власти .... (въ довершеніе) всѣхъ наносимыхъ угнѣтеній выдумали съ польскими командами по домамъ священническимъ ночью разбойнически нападать и священниковъ до послѣдняго имущества разграблять, домы жечь, плетмы сѣчь, наконецъ въ неволю брать, оковавъ желѣзами отсылать къ коронному региментору Стемпковскому, куда отправляли, *чтобы не усматривала россійская команда*, въ возахъ закрытыхъ». Народъ скрывалъ

---

[1] Арх. ун. м., печатн. брош., № 16.

[2] Арх. св. с., д. 1768 г., № 95. Въ указѣ сказано: «а о причинахъ сего переѣзда увѣдомленъ будетъ синодъ отъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ»; но такого увѣдомленія мы не нашли. Есть мнѣніе или преданіе, что Гервасій былъ судимъ. Онъ умеръ 1770 г. Арх. к. ч. 1, т. 2, стр. CCVIII, примѣч. 1.

[3] Арх. к. ч. 1, т. 3, № CLIX. Арх. св. с., дѣло 1781 г., № 333.

[4] Арх. к. т. 3, № CXXXIV, а также №№ CXLIII—CLV—большое слѣдствіе о священникѣ Цариковскомъ; Кіевск. епарх. вѣд. за 1864 г., ч. неоф., стр. 685 и 691.

[5] Тамъ же, Арх. к., стр. 756.

своихъ «священниковъ въ погребахъ, соломахъ и навозахъ» [1]. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ положеніе православныхъ было также ужасно, какъ въ 1766 году. «Поляки хощуть насъ и край нашъ въ ничто же обратить» доносилъ Гервасію правитель конельскій (уманской области сѣверной части) Мащенко еще въ сентябрѣ 1768 года [2]. Къ концу 1768 года уніаты уже выступили явно и занесли въ житомірскія книги протестацію противъ гайдамацкихъ насилій, выставляя себя мучениками за правду [3]. Въ эти времена они возвратили себѣ въ Украинѣ около полутораста приходовъ [4].

Украина осталась безъ духовныхъ руководителей и, повидимому, должна была бы сдѣлаться тѣмъ, чего такъ желали поляки и чего такъ боялся правитель конельскій, обратиться въ ничто, и тѣмъ легче, что тогда же началась турецкая война, отвлекшая изъ Польши русскія силы и давшая барской конфедераціи еще больше простору. Россія въ это тяжкое время готова была поступиться диссиденскимъ трактатомъ [5], а барская конфедерація, превратившаяся въ генеральную, объявляла смерть всякому православному подданному Польши, который осмѣлится имѣть сношенія съ Россіею [6]. Украина однако и въ эти времена не обратилась въ ничто, а напротивъ рѣшительнѣе, чѣмъ можно было ожидать, заявляла свою русскую и православную жизнь.

Въ то время, когда горячка истреблять гайдамаковъ была въ сильнѣйшемъ развитіи и когда одно за другимъ собирались обвиненія противъ Мельхиседека и Гервасія, готовившія имъ удаленіе отъ дѣлъ Украины, они приняли такую мѣру, которая, при первомъ взглядѣ, представляется неисполнимою и затѣмъ поражаетъ богатствомъ, повидимому, невѣроятныхъ послѣдствій. Еще въ августѣ 1768 года они назначили въ разныя мѣста Украины духовныхъ правителей и поручили имъ

---

1 Арх. св. с., д. 1772 г., № 327.

2 Арх. к. ч. 1, т. 3, стр. 761; см. также № CXXXVIII—разбой и кощунство въ церкви.

3 Арх. ун. м., печатн. брош., № 17; тамъ же, рукописная книга Г. IV, № 142, § 8.

4 Арх. св. с., 1785 г., № 98.

5 Ист. пад. Пол. Сол., стр. 99—100, 105, 106.

6 Арх. ун. м., кн. 110, № 148.

вѣдать духовныя дѣла [1]. Трудно было ожидать, чтобы это распоряженіе могло быть исполнено и еще труднѣе ожидать, чтобы исполненіе его принесло какую либо пользу. Удары, поражавшіе русскій народъ подъ видомъ гайдамаковъ, казалось, легко могли обрушиться и на этихъ правителей и на тѣхъ, кто бы имъ повиновался. Въ дѣйствительности однако случилось совершенно наоборотъ. Одинъ изъ этихъ правителей Василій Зражевскій, правитель бѣло-церковскаго округа, въ которомъ и до гайдамачества народъ съ трудомъ удерживалъ православіе и теперь во многихъ мѣстахъ жестоко страдалъ за свою отеческую вѣру, возимѣлъ смѣлость объѣхать свой округъ, и въ первыхъ числахъ октября 1768 г. донесъ Гервасію, что весь тамошній народъ объявилъ себя православнымъ. При этомъ Василій Зражевскій представилъ 12 обязательствъ сельскихъ общинъ хранить твердо православіе [2]. Есть извѣстія, что и другіе правители тоже исполняли свои обязанности, устрояли дѣла приходовъ, записывали обиды, причиненныя православнымъ уніатами и поляками [3]. Изъ числа ихъ выдвинулся въ слѣдующемъ 1769 г. и сталъ рядомъ съ Зражевскимъ правитель еще болѣе опаснаго округа конельскаго, Симеонъ Переровскій. Нельзя не обратить вниманія на мѣстности, въ которыхъ теперь съ новою силою стало заявлять себя православіе. И Бѣлая Церковь и Конела лежатъ внѣ той части Украины, въ которой до сихъ поръ сосредоточивалась православная дѣятельность, именно, лежатъ на сѣверо-западъ отъ нея и ближе къ Бердичеву (почти на равномъ разстояніи), гдѣ было укрѣпленіе занимавшихъ Украину русскихъ войскъ, которыя, надобно думать, давали сильную поддержку православію, не смотря на противоположный образъ мыслей и дѣйствій верхнихъ военныхъ чиновъ. Наконецъ, что особенно поразительно, почти всѣ вновь назначенные правители были изъ уніатовъ и присоединились къ православію во время уманской смуты. Уніатскіе свидѣтели разсказываютъ, что когда нача-

---

[1] Арх. к. ч. 1, т. 3, № CXXXI; Кіевск. епарх. вѣд. за 1864 г., ч. неоф., стр. 163—6, списокъ духовныхъ правителей, представленныхъ Гервасію Мельхиседекомъ, и грамота Гервасія.

[2] Арх. к. ч. 1, т. 3, № CXLI и CXLII сн. № CLXI.

[3] Тамъ же, стр. 756; Арх. св. с., д. 1 772 г., № 327.

лась уманская смута, то многіе изъ разбѣгавшихся уніатскихъ священниковъ ушли на восточную сторону Днѣпра въ Переяславль, что Мельхиседекъ и Гервасій заставляли ихъ тамъ принимать православіе и только такимъ изъ нихъ давали пропускные билеты, которые принимали православіе и обязывались неизмѣнно сохранять его по возвращеніи на мѣстà, что изъ числа такихъ-то людей были вновь назначенные духовные правители [1]. Слѣдующее обстоятельство заставляетъ относиться къ этому разсказу съ крайней недовѣрчивостью. Многіе духовные правители изъ уніатовъ показали такую ревность, какая возможна только въ людяхъ убѣжденныхъ, а двое изъ нихъ, какъ увидимъ, даже пожертвовали своею жизнію за ревность къ православію. Въ историческихъ извѣстіяхъ того времени и русскаго, а также уніатскаго происхожденія, есть данныя для поправки и дополненія этого разсказа.

Мы уже говорили, что западная Малороссія была предметомъ спора между уніатскимъ митрополитомъ и львовскимъ епископомъ. Между м. Володковичемъ и еп. Шептицкимъ споръ этотъ сопровождался такимъ раздраженіемъ, что послѣдователи Володковича, снимая въ 1766—7 г. допросъ съ пойманныхъ ими православныхъ священниковъ, старались разузнать дурныя дѣла оффиціаловъ Шептицкаго [2]. Самъ Володковичъ, какъ мы видѣли, забѣжалъ 1768 г. къ Кречетникову и доносилъ ему на Шептицкаго [3]. Онъ даже изгонялъ изъ Малороссіи представителей львовскаго епископа [4]. Сначала однако гайдамацкой смуты положеніе Володковича и его партіи измѣнилось. Шептицкій пріобрѣлъ расположеніе Кречетникова; распространились даже слухи, что онъ готовъ принять православіе; о Володковичѣ же стало извѣстно, въ началѣ іюля 1768 года, что онъ измѣнилъ русскимъ и совершилъ позорное преступленіе [5]. Вотъ въ какомъ

[1] Арх. ун. м., печ. брош., № 16 и 17; тамъ же, связка рукописей, № 451.

[2] Этого показанія уніаты добивались даже отъ Мельхиседека, Арх. ун. м., кн. И., IX,—письма м. Володковича къ игум. Іодкѣ и далѣе показаніе Мельхиседека; тоже показан. Мельхиседека кн. Г, IV, № 140.

[3] См. выше, стр. 96, текстъ и прим. 3.

[4] Арх. ун. м., связка 441.

[5] См. выше, стр. 96, текстъ и прим. 5.

положеніи были дѣла, когда уніатамъ Володковича, скрывшимся на восточную сторону Днѣпра, пришлось возвращаться назадъ. Ихъ партія была поражена, посрамлена, уступала первенство другой—львовской, но кромѣ всего этого, и въ своемъ паденіи, она не отстала отъ суровыхъ мѣръ, и часто отказывала въ разрѣшеніи возвращавшимся изъ Переяславля священникамъ [1]. Все это даетъ другой видъ дѣлу, разсказанному приверженцами Володковича. Но кромѣ того необходимо допустить еще другія причины переворота въ жизни этихъ людей, перешедшихъ на восточную сторону Днѣпра уніатами и возвратившихся назадъ ревностными православными. По всей вѣроятности самый переходъ на восточную сторону Днѣпра былъ для многихъ изъ нихъ не дѣломъ случая или необходимости, а слѣдствіемъ рѣшенія покончить съ уніей, или пребываніе въ Переяславлѣ и бесѣды съ Мельхиседекомъ, Гервасіемъ и другими малороссами произвели въ нихъ нравственный переломъ, послѣ котораго они оказались совсѣмъ другими людьми. Впрочемъ, отъ уніи и, именно, отъ уніи направленія Володковича они сохранили нѣкоторыя особенности,—рѣшительность дѣйствій, суровость мѣръ, какъ это сейчасъ увидимъ.

Дѣятельность украинскихъ духовныхъ правителей не была разрозненая дѣятельность. Въ началѣ 1770 года Переровскій и Зражевскій заявили въ летичевскихъ гродскихъ книгахъ протестацію отъ имени всѣхъ украинскихъ православныхъ противъ гоненій отъ уніатовъ [2]. Уніаты пришли въ великое изумленіе и негодованіе отъ этой протестаціи. 11 апрѣля 1770 года они записали въ житомірскихъ книгахъ свою репротестацію, въ которой объявляли, что неповинны въ приписываемыхъ имъ неправдахъ, всегда жили мирно и съ горечью указывали на страданія отъ гайдамаковъ своихъ собратій [3]. Слѣдующій 1771 годъ принесъ имъ новыя, неожиданныя и еще болѣе тяжкія событія. Въ этомъ году русское оружіе покрылось славою въ борьбѣ съ турками; въ этомъ же году назначенъ былъ

[1] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 142.

[2] Самой протестаціи мы не нашли, а знаемъ объ ней лишь по уніатской репротестаціи, о которой рѣчь ниже.

[3] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 142, § 9.

въ Переяславль новый епископъ Іовъ[1]. Эти два событія сейчасъ же вызвали въ Малороссіи русское и православное оживленіе. Духовные правители Украины Симеонъ Перeровскій и Михаилъ Гуранда составили жалобу на имя императрицы Екатерины, обратились съ нею къ Іову и съ бумагой отъ него отправились въ Петербургъ въ качествѣ депутатовъ отъ православной Украины. Это было осенью 1771 года[2]. Сущность ихъ просьбы состояла въ томъ, чтобы Іову дозволено было посвящать къ нимъ (украинцамъ) священниковъ и «прочія совершать духовныя дѣйствія по примѣру его антецессоровъ» и чтобы русская императрица приказала русскимъ войскамъ защищать въ Украинѣ православныхъ[3]. Синодъ, къ которому они обратились, препроводилъ ихъ дѣло въ иностранную коллегію, и Екатерина 7 ноября 1771 г. дала имъ на-руки рескриптъ на имя Румянцева, предписывавшій ему защищать украинскихъ православныхъ, а синодъ послалъ Іову указъ вѣдать, по примѣру прежнихъ переяславскихъ архіереевъ, духовныя дѣла Украины[4]. . . . Съ этимъ драгоцѣннымъ документомъ Перeровскій и Гуранда отправились назадъ и поѣхали прежде всего къ Румяцеву, находившемуся въ Яссахъ. На

---

[1] Арх. св. с., д. 1769 г., № 385; Арх. ун. м., № 642.

[2] Ни прошенія Перeровскаго и Гуранды, ни точнаго указанія, когда они ѣздили въ Петербургъ, мы не нашли. Крайніе предѣлы этого времени слѣдующіе: Іовъ писалъ донесеніе синоду, послѣ написанія котораго поѣхали эти депутаты, 12 сент. 1771 г. (д. № 327, 1772 г.), а рескриптъ, полученный ими по ихъ прошенію, данъ 7 ноября того же года.

[3] Тамъ же, д. 327, л. 67.

[4] Тамъ же, д. 327, л. 67, рескриптъ и указъ синода — Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 148; одинъ рескриптъ—Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 149 и связка № 451, а также Ист. Бант.-Кам., стр. 329, по изд. 1866 г. О поѣздѣ Перeровскаго и Гуранды упом. Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 142,—донесеніе Примовича, Арх. св. с., д. 1772 г., № 327, л. 67 и 82, § 13 и д. 1785 г., № 98. Въ Кіевск. епарх. вѣд. за 1861 г., ч. неоф., стр. 458—460, напечатана рѣчь Гуранды на латинскомъ языкѣ, сказанная въ присутствіи св. синода. Въ этой рѣчи говорится, что отъ вѣры православной украинцевъ не могутъ отторгнуть ни мечь, ни другія муки и разоренія и никакая смерть. Затѣмъ Гуранда проситъ св. синодъ поручить ихъ пастырству ближайшаго епископа и выражаетъ надежду, что и «Высочайшая Императрица не откажетъ имъ въ защитѣ». Была ли эта рѣчь сказана въ св. синодѣ, или нѣтъ, мы не нашли указанія. Рѣчь сообщена въ Кіевск. еп. вѣд. потомкомъ Гуранды, протоіер. Дашкевичемъ.

пути къ Румянцеву они остановились въ Балтѣ. Уніаты и поляки знали объ этомъ путешествіи Переровскаго и Гуранды и еще до отъѣзда ихъ изъ Украины злоумышляли на ихъ жизнь. Въ Балтѣ Гуранда, слѣдуя обычаю, до сихъ поръ соблюдаемому благочестивыми священниками, вычитывать ежедневно церковную службу, взялъ молитвенникъ и въ одномъ подрясникѣ, безъ шапки, вышелъ, должно быть за городъ, «помолиться Богу». Назадъ отъ невозвратился—пропалъ, неизвѣстно какъ и куда. Въ 1774 г. украинцы въ новомъ прошеніи на имя Екатерины говорили, что они имѣютъ основаніе подозрѣвать поляковъ въ погубленіи Гуранды [1]. Переровскій однако остался цѣлъ, доставилъ Румянцеву рескриптъ и въ началѣ 1772 г. явился въ Украину съ правомъ располагать русскою военною защитою [2]. Въ мартѣ мѣсяцѣ уже посланы были распоряженія по русскимъ командамъ, расположеннымъ въ Украинѣ, защищать православныхъ. Намъ извѣстно такое расположеніе князя Петра Голицына отъ 8 марта. Въ немъ Голицынъ предписываетъ полковому обозному Киселю «всѣмъ въ командѣ вашей и каждому объявить, чтобы въ помянутыхъ (кіевскомъ и брацлавскомъ) воеводствахъ обитающимъ исповѣдникамъ греческой вѣры въ случаѣ чего, близъ тѣхъ мѣстъ нахожденія, давали охраненіе въ насильствахъ и гоненіи, происходящихъ отъ римлянъ и уніатовъ . . . . но притомъ подтвердите вашимъ подкоманднымъ, чтобъ они уступалися (вступаясь) въ охраненіе гонимыхъ, не давали тѣмъ поводу дѣлать имъ самовольное преслушаніе своимъ властямъ или чтобы посягать на обиду католиковъ и уніатовъ» [3]. Тотъ же духъ правды, безпристрастія выражался, повидимому, сначала и въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ духовныхъ украинскихъ властей. Переяславскій епископъ Іовъ написалъ въ Украину «ко всему православному священству и народу увѣщаніе» [4], котораго мы не нашли и въ точности не знаемъ, но которое, выше всякаго сомнѣнія, было также ми-

---

[1] Арх. св. с., д. 1772 г., № 327, прошеніе малороссовъ, § 14.

[2] Арх. ун. м., кн. Г, IV, №№ 148, 149, связка 451; Арх. св. с., д. 1772 г., № 327.

[3] Арх. ун. м., связка 441.

[4] Упоминается въ ордерѣ отъ лянскаго духовнаго правленія ниже.

ролюбиво. Изъ дѣлъ послѣдующихъ видно, что это увѣщаніе состояло въ простомъ приглашеніи заявлять себя православными [1]. Но и это простое дѣло соединено было съ большими затрудненіями, которыя хорошо понимали духовные украинскіе правители и разсѣкали ихъ съ свойственною имъ энергіей. Въ уніатскомъ архивѣ сохранилось, между прочимъ, одно распоряженіе отъ ближайшаго къ тому времени. 1 іюля 1772 г. духовное правленіе смилянской протопопи дало такой ордеръ шполянскому священнику Іоанну Зорнѣцкому: «Понеже извѣстно духовному здѣшнему правленію учинилось, что Гдышицкій унѣятъ, какъ уповательно, не безъ согласія другихъ, ѣздитъ къ православнымъ священникамъ и отбираетъ церкви гвалтовно на унѣю, въ числѣ коихъ и ваша рождества Богоматере шполянская церковъ гвалтовно отобрана и разграблена; а какъ ваша честность небезъизвѣстны о заключенномъ въ 1768 году Россіею съ короною польскою трактатѣ, да и присланній ея императорскаго величества изъ святѣйшаго правительствующаго синода къ его преосвященству указъ и при ономъ копія ея императорскаго величества рескрипта къ господину генералъ-фельдмаршалу и малороссійскому главному командиру графу Петру Александровичу Румянцеву въ силу онаго трактата и прежнихъ узаконеній состоялося (состоявшагося?), коимъ (указомъ) велѣно поступать, какъ антецессарами его преосвященства поступано было, а во исполненіе онаго указа, по данному всему православному священству и народу отъ его высокопреосвященства увѣщанію, вашей честности предлагается ключъ и церковь отъ опредѣленнаго на приходъ вашъ уніата отобрать, не смотря ни на каковы другихъ устращанія и что потому послѣдуетъ репортовать немедленно» [2]. Ордеръ этотъ написанъ, очевидно, только подъ вліяніемъ распоряженій изъ Переяславля, безъ сношеній съ Переровскимъ, и наконецъ въ такой мѣстности (смилянской), которая подобно сосѣдней Чигиринщинѣ болѣе другихъ областей Украины была спокойна за свое православіе, и однако конецъ этого ордера ясно показываетъ, что безпристрастныя, миролюбивыя дѣйствія были

[1] Арх. св. с., д. 1772 г., № 327, л. 17, на оборотѣ прошеніе, № 6.

[2] Арх. ун. м., связка 441, подлинникъ.

крайне трудны въ Украинѣ. Отбирать церковь отъ уніата, не смотря ни на какія устрашенія, значило вступать на такой путь, на которомъ нельзя было не дѣлать насилія и не вызывать на него другихъ. Какъ устроилось дѣло въ Шполѣ, не знаемъ. По всей вѣроятности оно уладилось мѣстными средствами. О русской помощи нѣтъ ни намека въ вышеизложенномъ ордерѣ, и едвали она нужна была здѣсь. Но въ странѣ западнѣе, помощь эта оказывалась нужною, и ей сразу открылось неисчислимое множество затрудненій. Вотъ, какъ разсказываетъ о себѣ одинъ уніатскій священникъ корсунскаго благочинія м. Лисянки, Лука Шпаковскій: «я былъ 20 лѣтъ на приходѣ, но въ коліевщину у меня отняли приходъ. Я убѣжалъ въ Заболотье—имѣніе (уніатскаго) митрополита и, высидѣвъ тамъ два года съ половиною, возвратился въ Лисянку къ церкви вознесенской 27 августа 1772 года. Ихъ преподобія отцы правители лисянскіе, какъ-то: Семенъ Кондрацкій, Андрей Варминскій, Өедоръ Серокунъ, сдѣлавшіеся въ эти времена православными, призвали русскую команду, отняли у меня ключъ отъ церкви и отрѣшили меня отъ управленія приходомъ; хотѣли было и меня самаго поймать», но . . Шпаковскій бѣжалъ. Правители просили было русскую команду согнать народъ и искать бѣглеца, но это почему-то не состоялось. Послѣ многихъ странствованій Шпаковскій опять возвратился въ Лисянку и однажды былъ на поминальномъ обѣдѣ у одного прихожанина. «Семенъ Кондрацкій, узнавъ объ этомъ, прибѣгаетъ съ своими священниками, дьячками, пономарями и, ставъ между народомъ въ срединѣ двора, вынимаетъ изъ кармана какую-то бумагу и, поднявъ ее вверхъ, взываетъ къ народу: правовѣрные люди, христіане! отнынѣ вы повинуйтесь не ему, а мнѣ, потому что я имѣю на это вотъ эту бумагу отъ нашей пресвѣтлой, христіанской, истинной консисторіи переяславской, а не отъ ихней дьявольской, собачей, проклятой консисторіи. . . . Слушайте, люди! всѣхъ уніатовъ похватаютъ дьяволы и на Украинѣ не будетъ ихъ духу!» [3]).

Въ мѣстностяхъ, еще болѣе западныхъ, раздраженіе было еще больше, и русское войско поставлено было еще въ болѣе

[1] Арх. ун. м., кн. Л, XII.

щекотливое положеніе. Сотни церквей переходили къ православнымъ и уніатскій духъ дѣйствительно исчезалъ въ украинѣ; но это происходило уже послѣ перваго раздѣла, который значительно измѣнилъ направленіе дѣлъ не только въ Бѣлоруссіи, но и въ Украинѣ.

ГЛАВА V.

Первый раздѣлъ Польши. Права, предоставленныя свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ латинскаго и уніатскаго вѣроисповѣданій. Положеніе православныхъ. Раздѣленіе Бѣлоруссіи на двѣ епархіи. Права православныхъ, какъ членовъ господствующей вѣры. Странное положеніе уніатовъ, желавшихъ быть православными. Уніатское духовенство призываетъ русское правительство оберегать его паству отъ обращенія въ православіе. Затруднительное положеніе Георгія Конисскаго. Его безплодныя усилія добиться разрѣшенія уніатамъ переходить въ православіе.

Ко времени перваго раздѣла Польши русскія войска занимали большую часть Польши и уничтожали барскую конфедерацію, превратившуюся въ генеральную и ознаменовавшую себя не только извѣстною уже намъ ненавистію ко всему русскому и православному, но и покушеніемъ на жизнь польскаго короля Станислава Понятовскаго [1]. Русское правительство, владѣвшее тогда фактически всею восточною частію польскаго государства—Бѣлоруссіей и западной Малороссіей, ограничилось присоединеніемъ къ Россіи только Бѣлоруссіи. Къ этому небольшому завладѣнію части польскаго государства русское правительство отнеслось съ величайшею щекотливостію. Еще до открытаго присоединенія Бѣлоруссіи, Екатерина старалась дать понять жителямъ этой страны, что ихъ положеніе подъ властію Россіи будетъ хорошо. Назначая, еще до перваго раздѣла Польши, губернаторовъ въ Бѣлорус-

---

[1] Докум. №№ XXIX и XXX.

сію, Екатерина приказала имъ давать видъ, что они назначены «для отвращенія.... какъ всякихъ отъ небольшихъ деташаментовъ случающихся иногда продерзостей и наглостей, такъ и неравныхъ отъ земскихъ коммисаровъ сборовъ, отягощающихъ и оскорбляющихъ мелкое дворянство» [1], и всѣми мѣрами стараться пресѣкать «всякія угнетенія, притѣсненія, несправедливости, разбои, смертоубійства, пытки.... и всякія суровыя казни и наказанія,.... чтобы нетолько сіи провинціи, писала Екатерина, силою оружія намъ были покорены, но чтобъ всѣ сердца людей, въ оныхъ живущихъ, добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ россійской имперіи усвоены были, дабы они сами причину имѣли почитать отторженіе свое отъ анархіи республики польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію» [2]. Послѣ раздѣла, Екатерина приказала губернаторамъ объявить, что «всемилостивѣйшая государыня изволитъ не только всѣхъ (ея новыхъ подданныхъ) подтверждать при совершенной и ничѣмъ не ограниченной свободѣ въ публичномъ отправленіи ихъ вѣры, также и при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ, но и совершенно ихъ подъ державою своею усыновляя, всѣхъ и каждаго (изволитъ) награждать и еще отнынѣ въ полной мѣрѣ и безъ взякаго изъятія всѣми тѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе ея подданные пользуются, такъ что всякое состояніе изъ жителей присоединенныхъ земель вступаетъ съ самаго сего дни во всѣ оному свойственныя выгоды по всему пространству имперіи россійской....» [3].

Выгоды русскаго управленія обнаружились въ Бѣлоруссіи на самыхъ первыхъ порахъ. Уже въ 1772 и 1773 г.г. уніаты свидѣтельствовали, что не терпятъ отъ русскихъ никакой обиды [4], что они наслаждаются полнымъ спокойствіемъ, имѣютъ судъ правый и скорый [5]. Свидѣтельства эти, сами по себѣ

[1] Указъ Каховскому и Кречетникову отъ 28 мая 1772 г. Собр. зак. № 13, 808.

[2] Наказъ Каховскому и Кречетникову, § 9. Тамъ же.

[3] Плакатъ губернаторовъ Бѣлоруссіи. Собр. закон. № 13, 850; плакатъ, приглашающій приносить присягу. Арх. ун. м. кн. 110, № 71.

[4] Арх. ун. м., № 1005, письмо неизвѣстнаго отъ конца 1772 г.

[5] Тамъ же, № 867.

важныя, получають еще большую силу, если ихъ сопоставить съ крайне дурнымъ отзывомъ тѣхъ же людей объ ужасной неурядицѣ въ Бѣлоруссіи до русскаго управленія [1]. Одно ихъ смущало, что плакатъ, объявлявшій такія широкія права, подписанъ не Екатериной, а губернаторами [2]. Но это опасеніе за прочность дарованныхъ правъ было совершенно напрасно. Въ тайномъ наказѣ губернаторамъ 1772 г. находился одинъ пунктъ, который устранялъ всякія недоразумѣнія и опасенія по самому важному вопросу о правахъ жителей новоприсоединенной области. Вотъ этотъ пунктъ. «Мы уже однажды на всегда во всей россійской имперіи.... за правило постановили, что въ такъ великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ такъ многими, разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ—запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ (см. 494, 495 и 496 статьи наказа коммиссіи уложенія 1767 г.). Вы во всей точности имѣете во ввѣренной вамъ нынѣ губерніи сохранить сіи статьи, какъ коренныя, основанныя на правилѣ православія, политики и здраваго разсудка» [3]. Въ 1773 году Екатерина это же воззрѣніе на вѣру внесла въ мирный свой трактатъ съ Польшею и слѣдовательно, обязалась открыто и передъ иностранною державою слѣдовать ему въ управленіи новоприсоединенною областію. Въ § 5 этого трактата сказано: «римскіе обоего званія католики имѣютъ, поелику что касается до гражданскихъ правъ, пользоваться въ уступленныхъ симъ трактатомъ провинціяхъ всѣми своими принадлежностями, также движимыми и недвижимыми имѣніями; а что до вѣры ихъ принадлежитъ, то остаться имъ при оной въ прежнемъ состояніи, то есть, имѣть имъ вольное отправленіе службы Божіей по ихъ обрядамъ со всѣми тѣми церквами ихъ и принадлежащими духовенству маетностями, которыя состояли за ними во владѣніи въ то самое время, когда сіи провинціи присоединены къ державѣ ея императорскаго величества въ сентябрѣ мѣсяцѣ

---

[1] Тамъ же, кн. 110, №№ 86, 154.

[2] Тамъ же, № 1005, письмо Ярмоловича отъ 7 октября 1772 г.

[3] Наказъ, § 10.

1772 года; и ея императорское величество и наслѣдники ея, по самодержавной власти своей отнюдь ничего не предпрімутъ въ предосужденіи тому состоянію, въ коемъ римская католическая вѣра по вышепомянутымъ провинціямъ донынѣ находится [1].

Объ уніатахъ въ этихъ актахъ нигдѣ прямо не говорится, но они были убѣждены, что въ выраженіи трактата «римскіе обоего званія католики» разумѣются и они—уніаты [2]) и имѣли неоспоримыя доказательства, что дѣйствительно подходятъ подъ права, дарованныя латинянамъ. Когда Россія присоединяла къ себѣ Бѣлоруссію, то въ этой области находились два уніатскихъ епископа,—смоленскій архіепископъ Лобковичъ и полоцкій Смогоржевскій. Лобковичъ занималъ въ уніатской іерархіи приниженное положеніе. Онъ былъ преемникомъ гонимаго уніатами Ираклія Лисянскаго [3] и дядя еще болѣе нелюбимаго ими Ираклія Лисовскаго [4]. Можно думать, что уніаты и Лобковича считали расположеннымъ къ Россіи, подобно Лисянскому и Лисовскому. Смогоржевскій стоялъ во главѣ королевской партіи въ полоцкомъ воеводствѣ [5] и, какъ увидимъ, тѣснѣйшимъ образомъ былъ связанъ съ членами этой партіи въ Польшѣ и съ самымъ королемъ, Станиславомъ Августомъ. Оба уніатскіе епископы около времени раздѣла Польши были въ недружелюбныхъ отношеніяхъ между собою и спорили за предѣлы смежныхъ своихъ епархій [6]. Выборъ Екатерины палъ на Смогоржевскаго. Въ октябрѣ 1772 г. онъ самъ принесъ присягу на вѣрность Россіи [7], предписалъ своему духо-

---

1 Собр. зак. № 14,042.

2 Арх. св. с. д. 1772 № 327 л. 87.

3 Противъ Лисянскаго уніаты принимали (1762 г.) самыя недостойныя мѣры, чтобы опозорить его въ глазахъ поляковъ и не допустить до архіерейства. Они называли его казакомъ и схизматикомъ. Арх. ун. м. кн. 110 № 38.

4 Тамъ же, связка 441—нота папскаго нунція. Какъ уніаты смотрѣли на Лисовскаго, увидимъ ниже.

5 Тамъ же, кн. 110 № 121.

6 Тамъ же, связка № 441—инструкція Лобковича депутатамъ къ Смогоржевскому 1770 г.; копія письма Смогоржевскаго къ Зоричу отъ 17 января 1779 г.

7 Письмо березвецкаго игумена Артецкаго отъ 21 окт. 1772 г. Изъ собранія писемъ, принад. О. С. Сидорскому.

венству принести ее [1], и признанъ былъ въ званіи уніатскаго епископа Бѣлорусскихъ уніатовъ [2]. За этимъ утвержденіемъ Смогоржевскій ѣздилъ въ Петербургъ и получилъ его отъ имени Екатерины изъ рукъ бѣлорусскаго намѣстника графа Чернышева [3]. По уніатскимъ извѣстіямъ папскій нунцій въ Варшавѣ поручилъ Смогоржевскаго вниманію австрійскаго, французскаго, испанскаго пословъ [4] и Смогоржевскій пріобрѣлъ въ Петербургѣ у русскихъ министровъ большое уваженіе къ себѣ [5]. Лобковичъ, какъ увидимъ ниже, занялъ еще болѣе приниженное положеніе, чѣмъ прежде, и жилъ въ онуфрейскомъ монастырѣ, безъ власти и значенія. Вниманіе русскихъ властей пріобрѣли даже уніатскіе монахи—базиліане, которые, по основному воззрѣнію Екатерины не признавать самостоятельнаго значенія монашескихъ орденовъ римской церкви, неизбѣжно должны были много потерять, и кромѣ того на первыхъ же порахъ вооружили было противъ себя русское правительство. Одинъ изъ нихъ, полоцкій игуменъ Жаба отказался было приносить присягу на вѣрность Россіи и публично, въ церкви спорилъ по этому поводу съ губернаторомъ, котораго этимъ сильно вооружилъ противъ себя и противъ базиліанъ вообще, но «это исправлено было слѣдующимъ образомъ, пишетъ современникъ: на канунѣ великаго праздника рожденія свѣтлѣйшаго, самодержавнѣйшаго наслѣдника престола цесаревича, Павла Петровича губернаторъ прислалъ въ Струнь (мѣстопребываніе уніатскаго архіепископа) и въ монастырь (базиліанскій), чтобы въ каѳедральной церкви была такая же торжественная служба, какъ въ Пасху, и чтобы была проповѣдь. На слѣдующій день въ каѳедральную церковь прибылъ г. губернаторъ съ нѣсколькими десятками офи-

---

1 Арх. ун. м. (по общ. нум.) № 385 и № 1005—письмо Ярмоловича отъ 7 октября 1772 г.

2 Указъ отъ 14 декабря 1772 г. § 4 Собр. зак. № 13, 922.

3 Арх. ун. м. (по общ. нум.) № 867—второе письмо. Упоминается о поѣздкѣ его въ Петербургъ еще: связка 451—письмо Сушицкаго отъ 26 февраля 1773 г., и также № 867, первое письмо—копія письма самого Смогоржевскаго, № 1005—письмо изъ Варшавы отъ 19 апрѣля 1773 г.

4 Тамъ же, № 1005—письмо изъ Варшавы отъ 19 апрѣля 1773 г.

5 Тамъ же, № 867—второе письмо. Слич. Чт. м. общ. истор. 1863 г. кн. 4, ч. 2, стр. 10, 40, 46.

церовъ и знатнѣйшими боярами новой полоцкой губерніи,— бывшими прежде (польскими) сановниками полоцкими. Архіепископъ въ сослуженіи нашихъ братій (базиліанъ) служилъ архіерейскую службу, а патеръ Лебединскій съ такимъ успѣхомъ сказалъ слово въ похвалу Павла Петровича, что губернаторъ въ церкви же, публично благодарилъ его, пригласилъ въ числѣ другихъ къ себѣ на угощеніе, посадилъ на первомъ мѣстѣ и, послѣ тоста за царскихъ особъ, пилъ за здоровье его перваго, а проповѣдь его приказалъ перевесть на англійскій, русскій, италіанскій, французскій и нѣмецкій языки и послалъ для напечатанія въ Петербургъ. Замѣчательно въ этой проповѣди было слѣдующее: проповѣдникъ представилъ турецкій народъ въ такомъ гнусномъ видѣ, что народъ плевалъ въ церкви отъ омерзенія. Павлу Петровичу онъ обѣщалъ вѣрную побѣду надъ этимъ народомъ, дѣлалъ его царемъ восточнымъ и сѣвернымъ, устроялъ на Дунаѣ мосты съ статуями святыхъ, указывалъ легкій путь къ отнятію (у турокъ) Константинополя и проч. Послѣ этого губернаторъ успокоился, охотно допускаетъ насъ къ себѣ и покровительствуетъ намъ [1]....

Такимъ образомъ все, что было въ присоединенной области польскаго, латинскаго, уніатскаго, получило обезпеченіе своего благосостоянія и мѣстныя русскія власти приглашены были всѣми, зависящими отъ нихъ средствами содѣйствовать этому. Это направленіе дѣлъ вызвало въ разныхъ сословіяхъ Бѣлоруссіи оживленныя надежды на лучшее еще устройство своихъ дѣлъ, и въ томъ же 1772 г. отсюда собирались ѣхать въ Петербургъ для заявленія своихъ нуждъ депутаціи отъ шляхты, мѣщанъ, жидовъ [2]. Это желаніе разныхъ сословій исполнилъ въ слѣдующемъ году Чернышевъ. Онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе вызвать изъ Бѣлоруссіи депутатовъ въ коммиссію уложенія [3]. Наконецъ, какъ бы въ знакъ самаго большаго вниманія къ господствующему направленію бѣлорусской интеллигенціи, Екатерина сохранила ей въ этой стра-

---

[1] Письмо березвецкаго игумена Артецкаго отъ 21 октября 1772—изъ собранія уніатск. писемъ О. С. Сидорскаго.

[2] Арх. ун. м. № 1005—письмо Ярмоловича отъ 7 окт. 1772 г.

[3] Высочайше утвержденный докладъ Чернышева. Собранія законовъ № 13,938.

нѣ іезуитскій орденъ и дозволила ему исполнять главнѣйшее его историческое назначеніе быть господствующимъ воспитательнымъ учрежденіемъ [1]. Какъ эти возвышенныя начала управленія достигали цѣли и какъ они въ дѣйствительности отвѣчали существеннымъ интересамъ русскаго населенія Бѣлоруссіи, это мы сейчасъ увидимъ.

О русскомъ населеніи Бѣлоруссіи мы не нашли упоминанія въ государственныхъ актахъ того времени. Оно упоминается въ нихъ лишь по вопросу о православной вѣрѣ. Послѣ перваго раздѣла, православные бѣлоруссы, составлявшіе до этого времени одну могилевскую епархію распредѣлены между двумя епархіями, сообразно гражданскому раздѣленію страны на двѣ губерніи—могилевскую и псковскую, именно: оставлена могилевская епархія и отъ нея отдѣлены ко псковской сѣверозападные, задвинскіе уѣзды [2]. Положеніе православныхъ бѣлоруссовъ, ставшихъ теперь русскими подданными и паствою русскихъ архіереевъ, сразу улучшилось безъ всякихъ особенныхъ мѣръ. Они сдѣлались членами господствующей въ Россіи церкви. Свобода ихъ вѣры сдѣлалась неприкосновенною. Ихъ униженіе, гоненія, насильственное обращеніе въ унію должны были прекратиться. Латинская, уніатская пропаганда должна была остановиться. Эту существенную перемѣну въ отношеніяхъ главныхъ вѣроисповѣданій, существовавшихъ въ Бѣлоруссіи, хорошо понимали и латиняне, и уніаты, и православные. Латиняне и уніаты высказывали скорбь, что ихъ вѣроисповѣданія изъ господствующихъ дѣлаются терпимыми [3]. Русское правительство знало, что латинянамъ и уніатамъ трудно помириться съ этимъ и еще въ 1772 году въ указѣ объ устройствѣ дѣлъ латинской и уніатской церквей, между прочимъ, сказано: «губернаторамъ

---

[1] См. Іезуиты въ Россіи священ. Морошкина т. I, гл. 2, 3 и 5.

[2] Собр. зак. № 13,921.

[3] Арх. ун. м. № 958 «Печально положеніе вѣры обоихъ обрядовъ (въ присоединенныхъ областяхъ). Вѣра, до тѣхъ поръ господствующая, становится терпимою. Если отъ такой перемѣны можетъ предвидѣть подрывъ своей цѣлости и величія римскій обрядъ, то уніатскій обрядъ долженъ ожидать себѣ его въ удвоенномъ видѣ...» Письмо къ примасу королевства. Писано въ первое время послѣ перваго раздѣла Польши.

псковскому и могилевскому крайнее наблюденіе имѣть, дабы католицкіе и уніатскіе епископы, каноники, приходскіе попы и всякаго званія ихъ духовные отнюдь не дерзали ни подъ какимъ видомъ ни тайно, ни явно преклонять и обращать православныхъ нашего греческаго исповѣданія въ другой законъ, о чемъ генералъ-губернаторъ по нашему повелѣнію особеннымъ отъ себя манифестомъ во всѣхъ сихъ пріобрѣтенныхъ провинціяхъ публиковать имѣетъ, съ угроженіемъ за таковое преступленіе взысканія по законамъ» [1]. Какъ глубоко православные бѣлоруссы почувствовали благо новой своей политической и религіозной жизни, это лучше всего высказалъ Георгій Конисскій. Послѣ того, какъ въ Петербургъ направились изъ Бѣлоруссіи польскіе паны, уніатскій епископъ, всякаго рода ксендзы, выѣхалъ туда и «апостольскій трудникъ» православной западной Руси, которому Россія въ значительной степени обязана была успѣхомъ не только перваго, но и другихъ раздѣловъ. 10 Марта 1773 года Георгій получилъ возможность высказать Екатеринѣ въ придворной церкви мысли и чувства своей православной паствы. «Не отринули ваше императорское величество, когда я отъ епархіи своей приносилъ слезы и жалобы, говорилъ въ своей рѣчи Георгій; дозвольте же нынѣ, всемилостивѣйшая государиня, отъ тѣхъ же единовѣрныхъ принести торжество духа и благодареніе. Находясь я нынѣ между симъ народомъ (бѣлорусскимъ), нахожусь, кажется, между израилемъ отъ Египта исходящимъ, между плѣномъ сіонскимъ, отъ Вавилона возвращающимся, между христіанами временъ константиновыхъ... Кто по исторіи россійско-польской не знаетъ, что сей народъ въ тѣснотѣ и озлобленіи сто семьдесятъ семь лѣтъ жилъ? [2] А нынѣ отъ сея тѣсноты онъ тобою, Богомъ умудренная государиня, яко новымъ Моисеемъ изведенъ, и уже море оное чермное, кровію исповѣдниковъ очервленное, жезломъ силы твоея, скипетромъ царствія твоего вполъ пресѣченное, позади осталось. Кто оспоритъ, что и мы, какъ плѣнъ сіонь, во узахъ сидѣли? Ибо не суть ли узы, которыми душа, свобода ея, самое существо ея были связаны, и коими возбранено было намъ, гово-

[1] Собр. зак. № 13,922.

[2] Считая съ 1596 г., т. е. съ начала церковной уніи.

рю, не просто ходить, но ходить путемъ спасенія? Однако нынѣ сіи тяжкія узы твоимъ, державнѣйшая императрица, отъ Бога на сіе дѣло, яко новый Киръ, нарочито воздвиженная, повелѣніемъ совсѣмъ расторгнуты, и уже плѣнники толпами, яко потоки югомъ, къ Сіону, къ матери своей церкви веселы текутъ..... Укротились свирѣпѣвшіе, помирились и содружились съ гонимыми гонившіе. Пасется у насъ нынѣ ... вкупѣ волкъ съ агнцемъ и рысь почиваетъ съ козлищемъ, левъ, привыкшій къ добычѣ, законодательницею россійскою въ другое естество превращенъ, ястъ плевы трудовъ своихъ, аки волъ; и самый аспидъ человѣколюбивѣйшею повелительницею, не знаю, какъ обаянъ, и жало ядъ свой потерялъ, такъ что и младое отроча небоязненно возлагаетъ руки на пещеру его... Чудное сіе позорище кто и со стороны видитъ, удивляется, а мы и въ восторгъ приходимъ и недоумѣваемъ, сонъ ли се сладкій намъ, или истинное событіе, вѣками желанное, но никогда нечаянное».... [1].

Рѣчь эта вѣрно изображала настроеніе той части паствы Георгія Конисскаго, которую раздѣлъ Польши засталъ дѣйствительно православною; но несправедливо было бы видѣть въ этой рѣчи оцѣнку всѣхъ мѣръ Екатерины по отношенію къ присоединенной области и тѣмъ болѣе—видѣть въ этой рѣчи полное довольство Георгія Конисскаго. Въ мѣропріятіяхъ Екатерины касательно новоприсоединенной области, разсчитанныхъ, какъ мы видѣли, почти исключительно на то, чтобы привлечь къ Россіи сердца польской интеллигенціи этой страны, было одно существенное упущеніе, которое дало ложное направленіе всѣмъ дѣламъ, повело къ послѣдствіямъ, самымъ тягостнымъ для русскаго народа Бѣлоруссіи и поставило Георгія Конисскаго въ крайне трудное и мучительное положеніе. Изъ многочисленныхъ указовъ, изданныхъ Екатериной для благоустройства Бѣлоруссіи, ни одинъ не касался давняго и жгучаго вопроса этой страны—вопроса о тѣхъ уніатахъ, которые насильственно удерживались въ уніи. Правда, по общимъ законамъ русскаго государства каждый изъ такихъ уніатовъ имѣлъ право перейти въ православіе, но въ

---

[1] Собр. сочин. Георг. Конисск. ч. 1, стр. 287—291.

Бѣлоруссіи этотъ законъ мало могъ имѣть приложенія. Не только крестьянамъ, но даже мѣщанамъ и шляхтѣ трудно было пользоваться этимъ правомъ. Уніатское духовенство Бѣлоруссіи полагало, что русскіе законы ограждаютъ цѣлость уніатской церкви и русскія власти обязаны принимать мѣры противъ нарушителей этой цѣлости. Еще въ 1773 году они жаловались могилевскому губернатору Каховскому на присоединеніе къ православію чириковскаго священника Цитовича [1] и, когда губернаторъ, очевидно, затруднившійся этимъ новымъ дѣломъ, долго не рѣшалъ его, то уніаты въ слѣдующемъ 1774 году подали ему объ этомъ оффиціальную бумагу [2]. Какъ рѣшилъ это дѣло Каховскій, не знаемъ; но несомнѣнно извѣстно, что онъ пользовался у уніатовъ хорошимъ мнѣніемъ, какъ защитникъ уніи. Въ 1773 году въ Польшѣ распространены были слухи, что въ Бѣлоруссіи сами русскіе не дозволяютъ обращать уніатовъ въ православіе, что Каховскій будто бы билъ батогами троихъ священниковъ изъ Пропойщины, желавшихъ принять православіе [3]. Въ томъ же году уніатскій митрополитъ Володковичъ распространялъ извѣстіе, что Екатерина запретила принимать уніатовъ въ православіе [4].

Эти дѣйствія уніатовъ производили, какъ сейчасъ увидимъ, великое смущеніе между православными и были тѣмъ тягостнѣе, что составляли не случайныя явленія, а были логическими послѣдствіями началъ управленія Бѣлоруссіей. Намъ извѣстно, что еще въ 1768 году Георгій приложилъ къ своему протесту, занесенному въ Варшавскія гродскія книги, имена насильственно обращенныхъ въ унію и заявившихъ твердое желаніе возвратиться въ православіе. Большее число такихъ уніатовъ было изъ Бѣлоруссіи. Очень естественно, что эти люди съ нетерпѣніемъ ожидали присоединенія къ Россіи Бѣлоруссіи, чтобы свергнуть съ себя ненавистное иго уніи. Какъ только состоялось это присоединеніе, число ихъ сейчасъ

[1] Арх. ун. м. № 1005—письмо неизвѣстнаго отъ 3 окт. 1773 г. и письмо Марцинкевича отъ 10 окт. 1774 г.

[2] Тамъ же, memoryał do . . . p. Michała Kochowskiego . . . .

[3] Арх. св. син., д. 1772 г., № 327.

[4] Тамъ же.

же стало увеличиваться новыми православными, насильственно удерживаемыми въ уніи. Уже 9 октября 1772 г., т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія о первомъ раздѣлѣ, Георгій доносилъ синоду, что «уніатскіе священники и цѣлые приходы, приходя къ его намѣстнику каѳедральнаго монастыря [1], просятъ принять ихъ по ихъ добровольному и издревле кившемуся въ сердцу желанію во благочестіе» [2]. 6 ноября того же года Георгій представилъ въ синодъ поданныя его намѣстнику прошенія отъ одного уніатскаго священника и трехъ приходовъ о присоединеніи, и прибавлялъ, что «другіе уніаты и самыи ихъ деканы или протопопы объявляютъ себе готовыми тоже съ цѣлыми своими деканатами учинить» [3]. Въ одномъ изъ представленныхъ въ синодъ прошеній, именно въ прошеніи прихожанъ кледневицкой церкви оршанскаго повѣта, говорилось: «по многихъ бѣдствіяхъ и утѣсненіяхъ за вѣру старожитную грекороссійскую намъ уніатами, насильственно до своей секты притягавшими, учиненныхъ, когда нынѣ время свободы совѣсти нашея получили мы, смѣло желанія наши предъ вашимъ преосвященствомъ съ должнымъ къ стопамъ поклоненіемъ предложить дерзаемъ» [4]. Что для такого заявленія дѣйствительно требовалась смѣлость, это отчасти видно изъ этого же прошенія. «Нынѣ, когда начали мы, писали тѣ же прихожане кледневицкой церкви, о возвращеніи церкви и насъ самихъ къ старожитной греконеунитской вѣрѣ совѣтовать, то.... унитскій (ихъ) священникъ Михаилъ (Маркіановичъ), довѣдавшись о томъ, точные тѣ слова сказалъ: еще зъ васъ сизматицкій духъ не вышелъ, я того докажу, что васъ за тую вѣру жечь будутъ» [5]. Синодъ по первому изъ этихъ прошеній постановилъ: «отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ потребовать надлежащаго увѣдомленія, что не можетъ ли быть какъ въ принятіи означенныхъ присоединенныхъ къ Россіи уніатовъ нынѣ въ православную грекороссійскую вѣру желающихъ, такъ и впредь, если таковые желающіе явятца по нынѣшнимъ

---

[1] Самъ Георгій былъ тогда въ Смоленскѣ.
[2] Арх. св. с. д. 1772 № 322 л. 1.
[3] Тамъ же, л. 5.
[4] Тамъ же, л. 8.
[5] Тамъ же, л. 8—9.

обстоятельствамъ какого препятствія» [1]. На это постановленіе синодъ вызванъ былъ извѣщеніемъ иностранной коллегіи 1771 года по поводу жалобы Іова переяславскаго на гоненія православныхъ Украины, что по смутнымъ обстоятельствамъ «нынѣ ничего учинить не можно, а принуждено оставить оныя до удобнаго времени» [2]. Отвѣта изъ иностранной коллегіи на запросъ синода не было и тогда, когда Георгій прислалъ второе донесеніе [3].

Въ 1773 г. Георгій, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ говорилъ Екатеринѣ извѣстную намъ рѣчь, именно 19 марта, представилъ синоду новое донесеніе, которое составляло печальное разъясненіе одного намека Георгія въ рѣчи на уніатовъ [4]. «Черезъ три недѣли пребыванія моего въ Могилевѣ, писалъ Георгій, вышеупомянутыхъ доношеній (о присоединеніи) подано мнѣ двадцать пять, подали же цѣлые приходы уніатскіе—одни съ священниками своими, другіе безъ священниковъ: прописали въ тѣхъ доношеніяхъ, что они великими насильствами и мученіями были обращены въ унію, и состоя въ оной, за то, что тайними образами имѣвали сообщеніе съ церквами православними, много грабленій и побоевъ претерпѣли, нынѣ же неотступно и со слезами просятъ принятыми быть къ церквѣ православной, при чемъ словесно увѣряли, что и протчыи уніяты, братія ихъ готовы таковыежъ доношенія подать, но удерживаются то угроженіемъ владѣльцовъ своихъ, то пустымъ разглашеніемъ отъ духовенства своего, будто присоединенные къ Россіи провинціи опять Польшѣ отданы будутъ. Ктомужъ по справкѣ мною учиненной явилось, что еще въ прошломъ 768 (1768) году прислали ко мнѣ въ Варшавѣ доношенія уніатскіежъ цѣлые приходы и многіе села и деревни не толко крестьянами, но и дворянами населенные во многомъ числѣ съ тѣмъ же возвращенія ихъ въ церковь грековосточную желаніемъ, коихъ я тогдажъ спи-

[1] Тамъ же, л. 2.

[2] Тамъ же, д. 1772 г. № 327 л. 67.

[3] На второе донесеніе Георгія синодъ не далъ никакого рѣшенія. Тамъ же, д. № 322 л. 9.

[4] Уже плѣнники толпами, яко потоки югомъ, къ Сіону, къ матери своей церкви веселы текутъ.

савъ въ мой протестъ, подалъ оный до книгъ суда гродскаго варшавскаго, съ коего переводъ здѣ для усмотрѣнія числа тѣхъ желающихъ возвращенія прилагаю. И понеже височайшимъ ея императорскаго величества указомъ чрезъ плакатъ въ онихъ провинціяхъ обнародованнымъ всѣ новые ея императорскаго величества тамошные подданныи, даже и самые еврейскіе общества потверждены при совершенной и ни въ чемъ неограниченной свободѣ въ публичномъ отправленіи ихъ вѣры; сіижъ вышъ означенныи уніаты, видъ одинъ уніатской вѣры за принужденіе на себѣ носившеи, въ самомъ существѣ точно въ грековосточномъ исповѣданіи пребывали и за то много страдали: то дабы они, бывши доселѣ предметомъ височайшаго ея императорскаго величества защищены, нынѣ со(изъ)всѣхъ свобожденныхъ одни въ невольничествѣ совѣсти не остались и тѣмъ предъ самымъ жидовствомъ, коимъ и въ своемъ невѣріи пребывать и къ вѣрѣ христіанской приступать свободно, не были унижены, слѣдователно самимъ послѣднѣйшимъ посмѣяніемъ и поруганіемъ всѣмъ иновѣрцамъ не оставались, принимать ихъ к церквѣ православной грекороссійской по добромъ ихъ и безъ малѣйшаго принужденія состоящему желанію дозволить и на то указъ видать ваше святѣйшество всенижайше прошу» [1]. Синодъ, рѣшая послать въ иностранную коллегію и это донесеніе Георгія, высказалъ объ этомъ дѣлѣ такое мнѣніе: «преосвященнаго могилевскаго представленіе, яко сопряженное съ пользою и честію православнаго нашего закона и отечества святѣйшій синодъ почитаетъ основательнымъ тѣмъ болѣе, что ея императорское величество въ бытность еще показанныхъ провинцій подъ владѣніемъ Польши, живущимъ въ тѣхъ провинціяхъ единовѣрнымъ намъ благоволила всегда быть высочайшею и усерднѣйшею покровительницею» [2]. Иностранная коллегія по прежнему молчала, но Георгій какимъ-то образомъ узналъ взглядъ правительства на его дѣло. Между бумагами Виктора Садковскаго, арестованнаго поляками въ 1789 г. поляки нашли, между прочимъ, письмо къ нему Георгія отъ 6 декабря 1773 г. въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что приказано до

[1] Арх. св. с. д. 1772 г. № 322.
[2] Тамъ же.

времени удержаться съ прошеніями о присоединеніи [1]. Георгій однако не находилъ возможнымъ слѣдовать этому приказанію. 9 Мая 1773 г. онъ представилъ въ синодъ новыя прошенія о присоединеніи [2]. Мало того: если вѣрить вышеупомянутому письму, Георгій далъ своему намѣстнику, Виктору Садковскому, совѣтъ—предложить желающимъ присоединенія, особенно въ имѣніяхъ казенныхъ и православныхъ помѣщиковъ, подавать прошенія могилевскому губернатору и этимъ помѣщикамъ и составилъ образецъ такихъ прошеній [3]. Образецъ дѣйствительно сходенъ съ поданными прошеніями, и дальнѣйшія дѣла Георгія подтверждаютъ, что поляки нашли у Садковскаго и издали подлинное письмо Георгія. Съ 1772 и до начала 1775 года у Георгія набралось прошеній о присоединеніи 35,—почти все отъ цѣлыхъ сельскихъ общинъ, а считая и поданныя ему въ 1768 г.—80. Изъ числа этихъ прошеній 45 поданныхъ до раздѣла Польши, именно въ 1768 г., не могутъ возбуждать ни малѣйшаго сомнѣнія. Это неопровержимыя свидѣтельства о самоотверженной рѣшимости русскихъ западной Россіи быть православными. Что касается другихъ прошеній, поданныхъ послѣ раздѣла съ 1772 г., то дѣйствительное происхожденіе ихъ изъ среды народа также подтверждается многими ихъ частностями. О прошеніи протопопа г. Пропойска Михаила Пригоровскаго говорится, что съ нимъ вмѣстѣ «протопопства его разныхъ церквей четырнадцать священниковъ о томъ же желаніи своемъ доношеніе написали и подписались, но нѣкоторый Малиновскій официалъ уніатскій оное доношеніе съ другими его Пригоровскаго вещами, разбойнически напавъ, взялъ [4]. Провинціи рогачевской уѣзду чечерскаго села Халчи прошеніе подали прихожане съ поповичами, коихъ отецъ за благочестіе (православіе) мученъ, ограбленъ и изгнанъ [5]. Изъ Стараго Быхова поступило, между прочимъ, прошеніе отъ жителя Ивана Чеховскаго съ домомъ.

[1] Annexa, стр. 14, слич. Relacya, стр. 68.
[2] Арх. св. с. д., № 322.
[3] Annexa, стр. 15—16.
[4] Арх. св. д. № 322—вѣдомость Георгія, № 51.
[5] Тамъ же, вѣдомость, № 55.

О Чеховскомъ говорится, что ему сто семь лѣтъ, что за сорокъ лѣтъ назадъ онъ мученіемъ принужденъ былъ принять латинскій законъ и теперь уже присоединенъ къ православію ради его глубокой старости [1]. О жителяхъ деревни Узы гомельской волости говорится, что они еще не превращены въ унію, а только уніатскому попу платежъ принужденно по причинѣ причисленной ихъ деревни къ приходу уніатскому дающіи [2]. Прихожане церкви вилевской—жители села Вилева и трехъ деревень (гомельской волости) заявили, что и церковь хотятъ бросить уніатамъ, а себѣ новую построить, только-бъ приняли ихъ къ первой ихъ благочестивой вѣрѣ [3]. Жители села Чернаго рогачевской провинціи нарочно оттягивали освященіе новопостроенной ими церкви, чтобъ уніатами не была освящена [4]. О священникѣ села Кузминичъ рогачевской провинціи уѣзду гомельскаго, вотчины графа Петра Александровича Румянцова Тимоѳеѣ Кошовицкомъ говорится: «сей священникъ съ прихожанами, яко подъ рукою сильнаго состоящей, уже и отказался отъ власти уніатской и проситъ антиминсу святого» [5].

Вооружившись всѣми этими данными, Георгій Конисскій выступилъ въ началѣ 1775 года съ новою силою на защиту бѣлорусскаго православія. 24 февраля онъ написалъ въ синодъ доношеніе, въ которомъ, указавъ на прежнія свои доношенія, говоритъ: «а какъ и въ минувшемъ 774 году такіежъ доношенія (о присоединеніи) поданы и податели многолѣтнымъ терпѣніемъ весьма уныли, а иновѣрцы медленіе резолюцій толкуютъ слабою надеждою и самого состоянія настоящаго бѣлорусскихъ сихъ провинцій, и тѣхъ бѣдныхъ, желающихъ присоединитися намъ, въ отчаяніе приводятъ, а владѣльцы крестьянамъ за такое желаніе угрожаютъ мученіемъ и смертію: напротивъ тому крестьяне, доставшіеся нынѣ единовѣрнымъ владѣльцамъ господамъ россійскимъ при благонадежномъ такомъ покровительствѣ неотступно просятъ, хотябъ

[1] Тамъ же, № 59.
[2] Тамъ же, № 61.
[3] Тамъ же, № 62.
[4] Тамъ же, № 70.
[5] Тамъ же, № 79.

уніатскому духовенству и церкви оставя, дозволить имъ новые состроить и на благочестіе посвятить, два же священники отъ числа сихъ желающихъ съ приходами своими, первый мѣстечка Чирикова, нынѣ дворцова государева, церкви троицкія Василій Цитовичъ, другій вотчины его сіятельства генералъ-фелдмаршала графа Петра Александровича Румянцова села Кузьминичь Тимоѳей Кошовицкій уже дѣйствительно духовной своей власти отказались, и позичивъ отъ нашихъ церквей старые антиминсы, на оныхъ литургисаютъ и мνра святого отъ нашихъ священниковъ заимствуютъ, для того..... всенижайше прошу ваше святѣйшество приложить всевозможное архипастырское старательство, чтобы сіи нещастныи люди больше въ мятежѣ душъ своихъ не оставались, и духъ ихъ къ соединенію церквѣ православной отмѣнно нынѣ по новости покровительства, Богомъ даннаго вожженный, не былъ угашенъ, но было бъ повелѣно таковыхъ добровольныхъ желателей по силѣ плаката, (коимъ свобода совершенная въ отправленіи вѣры здѣшнимъ обывателямъ обще всѣмъ и каждому дана) принимать и присоединять нашей православно-коѳолической церквѣ, и буди имъ церквей собственнымъ ихъ же иждивеніемъ состроенныхъ, не можно за чемъ взять зъ собою, то дозволено бы въ такомъ случае новые состроить, притомъ свидѣтельствовать добровольное таковыхъ людей желаніе не одиночно кому, но въ присутственномъ мѣстѣ, какъ то въ губернской могилевской канцеляріи для лучшаго утвержденія истины [1]».

Тогоже 24 февраля 1774 года Георгій послалъ въ синодъ и прошеніе о томъ же на имя Екатерины, въ которомъ говоритъ: «Въ провинціяхъ бѣлорусскихъ премудрымъ вашего императорскаго величества промысломъ къ россійской имперіи возвращенныхъ (,) всѣмъ безизятно обывателямъ дана всемилостивѣйше вашего императорскаго величества въ отправленіи вѣры совершенная свобода, какъ тое чрезъ плакатъ высочайшимъ вашего императорскаго величества імянемъ въ прошломъ 1772 году обнародовано. И такою высочайшею милостію всѣ здѣшніи іновѣрцы совершенно пользуются, такъ что съ того

[1] Тамъ же, д. № 322, л. 27.

времени досел ни отъ кого изъ нихъ о принужденіи (,) хотябъ малѣйшемъ (,) въ вѣру господствующую православную каѳолическую грекороссійскую ни едина жалоба не явилась. Но неравно такою свободою ползуются сихъ же провинцій тѣ обыватели нетолько мѣщанскаго и крестянскаго званія, но и шляхетской природы по большой части однодворцы, кои за польской державы въ разныхъ временахъ отъ грекороссійской вѣры въ латинскій законъ, а паче въ уніатскій обрядъ, насильственно бывъ отторжены, и въ ономъ законѣ и обрядѣ насильственно жъ держаны и часто за скрытное свое къ церквамъ нашимъ прибѣганіе мучены и граблены, нынѣ при вожделѣннѣйшей измѣнѣ (измѣненіи) десницы Вышняго всѣмъ сердцемъ желаютъ возвратитися къ природной своей вѣрѣ грекороссійской и о принятіи ихъ въ паству мою (,) толпами приходя, неотступно просятъ: хотя бо я таковыхъ желателей однолично приходящихъ и пріемлю; но цѣлыми приходами предающихъ себе съ церквами своими принимать я безъ особливаго на то дозволенія досел не смѣлъ, дабы уніатское духовенство, хотящіи сей народъ долѣе еще въ плѣненіи совѣсти и порабощеніи своемъ содержать, не имѣли поводу клеветать о насиліи, какого сами употребляли. Сіи добровольно желающіи присоединитися церквѣ православной подали мнѣ въ прошлыхъ 1768, 772, 773 и 774 годахъ о такомъ своемъ желаніи отъ цѣлыхъ приходовъ (,) селъ и деревень доношеніи осмдесять, коихъ я екстрактъ при доношеніи моемъ въ святѣйшій правительствующій синодъ представилъ. Въ томъ числѣ не мало являеться и священниковъ уніатскихъ желающихъ того же возвращенія къ церквѣ православной вмѣстѣ съ прихожанами своими. Протчіи же большимъ числомъ (,) не подавъ доношеній (,) ожидаютъ, что по поданнымъ здѣлается, а другіи и бояться подавать, остаючись еще при такихъ владѣлцахъ, кои имъ за такое желаніе мученіемъ и смертію угрожаютъ. Я сихъ просителей чрезъ всѣ сіи минувшіе года уговаривалъ потерпѣть до времени и несумнѣнно надѣяться того отъ вашего імператорскаго величества самодержавнѣйшей своей нынѣ повелительницы, чего надѣялись прежде отъ сильной единственнѣ покровительницы; но имъ терпѣніе въ семъ неволничествѣ совѣсти тѣмъ тяжшое нынѣ, чѣмъ оно дѣлается не

подъ полскою уже (,) но подъ благословеннѣйшею и тишайшею вашего императорскаго величества державою и по обнародованномъ уже плакатѣ о совершенной всякому въ отправленіи вѣры свободѣ, и когда иновѣрцы такою свободою всесовершеннѣйше и безпрепятственно ползуются, а токмо они одни досель еще нещастливы и посмѣваемы, коихъ ваше императорское величество такъ крѣпкою рукою и мышцею высокою покровительствовать отъ порабощенія совѣсти предприняли. Почему дабы вашего императорскаго величества высочайшимъ указомъ повелѣно было данную уже сихъ провинцій обывателямъ въ отправленіи вѣры совершенную свободу особливымъ указомъ объяснить, чтобъ всякому (,) желающему доброю своею волею отъ иновѣрія въ нашу православно-католическую вѣру приступить (,) совершенная и ни отъ кого не препятствуемая свобода была по желанію своему дѣлать и таковыхъ добровольно приступающихъ по подачѣ ихъ прошеній за рукоприкладствомъ и по освидѣтельствованіи въ могилевской губернской канцеляріи доброволія ихъ принимать мнѣ и соединять церквѣ православной безъ всякаго отъ кого либо препятствія, а ктобы дерзалъ препятствовать (,) на тѣхъ положить штрафъ, а особливо владѣльцовъ, отъ коихъ наипаче такое препятствіе дѣлаеться, потеряніе и конфискацію тѣхъ же самыхъ крестянъ, коимъ они препятствіе дѣлать будутъ, чемъ они наичувствительнѣйше тронуты быть могутъ. О сіе милосердіе ваше императорское величество всеподданнѣйше прошу.» [1]

Въ дѣлѣ, гдѣ это прошеніе находится, нѣтъ никакого указанія, чтобы оно представлено было Екатеринѣ, а на доношеніе Георгія синодъ далъ рѣшеніе, что доношенія Георгія посланы въ иностранную коллегію, но «отъ оной коллегіи ничего въ отвѣтъ еще не получено. Того ради нынѣ ему преосвященному принятіемъ оныхъ желающихъ цѣлыми приходами или селеніями до будущаго разсмотрѣнія удержаться. А когда святѣйшій синодъ надлежащіи свѣдѣніи, откуда надлежитъ, получитъ, тогда и его преосвященнаго резолюціею снабдить неоставитъ.» [2] Это рѣшеніе, какъ очевидно, обязывало Георгія

[1] Тамъ же, л. 35—38.

[2] Тамъ же, л. 39.

гія измѣнить прежній образъ дѣйствій и ждать молчаливо, пока высшая власть рѣшитъ иначе участь желавшихъ присоединенія. Георгій дѣйствительно замолчалъ, но лишь до перваго, ближайшаго повода. Такой поводъ ему представился или, лучше сказать, такой поводъ онъ нашелъ въ половинѣ слѣдующаго 1776 г. 7 іюня этого года русское правительство издало указъ о крещеніи дѣтей, рождающихся отъ родителей разныхъ вѣроисповѣданій, по которому, на основаніи 2 артикула § 10 трактата Россіи съ Польшей 1768 г. дѣти должны слѣдовать—сыновья вѣрѣ отцовъ, дочери вѣрѣ матерей [1]. 16 августа, т. е. какъ только обнародованъ былъ этотъ указъ въ Бѣлоруссіи, Георгій Конисскій написалъ донесеніе въ синодъ слѣдующаго содержанія: «какъ въ высокоправительствующемъ сенатѣ состоялся указъ о вступающихъ въ бракъ въ присоединенныхъ къ Россіи новыхъ губерніяхъ разныхъ вѣръ лицъ, чтобъ ихъ оставить въ такомъ точно основаніи, какъ объ нихъ въ заключенномъ 1768 года между россійско[illegible] имперіею и рѣчью посполитою трактатѣ артикула 2 параграфѣ 10 изображено, то я осмѣливаюсь вашему свят[illegible]шес[illegible] [illegible]во архипа- доложить, не соблаговолите-ли ваше святѣйш[illegible] [illegible]ъ люди и церкви стырскаго вашего попеченія употребить, [illegible] донынѣ во благочестивыя насильно на унію пр[illegible]щенныя [illegible] и артикула, узахъ совѣсти стѣнящіи по силѣ [illegible]огожъ тра[illegible]ата [illegible]іе: всѣ церкви и параграфа дванадесятаго (и[illegible]его содерж[illegible] [illegible]но отобранными у гремонастыри, кои бы явил[illegible]сь неправи[illegible] [illegible]ами и съ надлежащими дековъ неунитовъ, съ ихъ фун[illegible] [illegible]ены имъ быть должны, что все по нежными суммами возвр[illegible] [illegible]ь въ разсужденіи церкви, а по фундадоброй воли прихо[illegible] [illegible]ніи монастырей изслѣдовано и рѣшено быть ціямъ въ раз[illegible] [illegible]вращены во благочестіе» [2]. Донесеніе это, можно имѣть [illegible]о, встрѣтило въ синодѣ неудовольствіе. Оно было получено 31 августа, а только 30 января 1777 года было слушано и въ журналѣ синода записано такое рѣшеніе на него: «какъ по прежде присланнымъ отъ него преосвященнаго о томъ же представленіямъ отъ святѣйшаго синода предписано, разсмо-

---

1 Собр. закон., № 14,477.

2 Арх. св. с. д., № 322 л. 43.

трѣніе о томъ учинить коллегіи иностранныхъ дѣлъ, того ради оное донесеніе сообщить къ дѣлу [1]». Послѣ этого Георгій уже значительное время (до 1780 г.) не безпокоилъ синодъ своими донесеніями о желающихъ присоединиться къ православной церкви, по крайней мѣрѣ, мы не нашли такихъ донесеній; но онъ не успокоился и теперь. Онъ обратился къ той средѣ, которая устроила запрещеніе возсоединять уніатовъ и поставила въ такое неестественное отношеніе къ дѣлу св. синодъ и Георгія Конисскаго.

Извѣстно, что Екатерина раздавала русскимъ сановникамъ имѣнія въ новопріобрѣтенной области. Ставъ черезъ это близко къ народу, вглядѣвшись въ дѣйствительное его положеніе, эти сановники нерѣдко дѣлались совершенно другими людьми,—изъ друзей, покровителей поляковъ и латинянъ превращались въ ревнителей православія и смотрѣли на дѣло одинаково съ Георгіемъ Конисскимъ. Тогда изъ ихъ среды смѣлѣе выступали тѣ русскіе люди, которые вовсе не знали и не признавали разумнымъ искуства мирить интересы русскіе и польскіе, православные и латинскіе. Такими оказывались русскіе сановники—малороссы по происхожденію. Они поддержали Георгія въ эти трудныя времена, хотя нужно признать, что поддержка ихъ сначала носила тотъ же характеръ, какой имѣла попытка Георгія воспользоваться указомъ о крещеніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ. Это было обычное орудіе слабыхъ и обезсиленныхъ людей—хитрость, за которою вскорѣ слѣдовали самовольныя дѣйствія. 9 сентября 1779 г. генералъ-маіоръ Петръ [illegible]довскій донесъ синоду, что въ его имѣніяхъ, августовскомъ и бр[illegible]скомъ (могилевскаго намѣстничества), гдѣ до 4,000 крестьянъ, между ними многіе православные, да еще его дворовые люди изъ малороссіи, нѣтъ православной церкви, и потому просилъ дозволить ему выстроить двѣ церкви [2]. Синодъ согласился и предписалъ Георгію посвятить церкви, когда онѣ будутъ готовы, и послать священниковъ [3]. 24 марта 1780 г. Георгій донесъ, что церкви

---

[1] Тамъ же л., 45.

[2] Арх. св. с. д. 1779 г., № 94.

[3] Тамъ же, л. 2—3.

еще не выстроены, но онъ послалъ священниковъ, которые служатъ въ избранной палатѣ на подвижномъ антиминсѣ [1]. Церкви эти и не были выстроены, и посланные священники нашли вскорѣ готовыя церкви, даже въ излишествѣ, какъ сейчасъ увидимъ. Въ тоже время Георгій рѣшился и на болѣе смѣлое дѣйствіе. Тогоже 24 марта онъ донесъ синоду, что крестьяне села Стараго Крупца, имѣнія графа Петра Александровича Румянцева, приняли православіе то по одиночкѣ, то семействами, что церковь ихъ остается пустою, что онъ— Георгій послалъ имъ священника съ подвижнымъ антиминсомъ, а касательно церкви спрашиваетъ разрѣшенія синода. Синодъ разрѣшилъ освятить церковь [2]. Наконецъ въ томъ же году 8 іюня Георгій доносилъ о событіи, которое подготовлялось задолго до того времени и которое показывало, что возсоединеніе уніатовъ вступаетъ на путь, явно противный видамъ и распоряженіямъ правительства. «Какъ домовой господина тайнаго совѣтника сенатора и кавалера Петра Васильевича Завадовскаго находящейся въ фольваркѣ—августовскомъ церкви (той очевидно палаты, о которой Георгій доносилъ 24 марта) священникъ Севастіанъ Лукашевичъ репортами мнѣ представилъ, что деревень онаго господина Завадовскаго крестьяне бывшихъ во уніи церквей плещицкой, мошенацкой и ничипоровицкой прихожане всѣ порознь разными временами изъ уніи (къ) грековосточной нашей православной церквѣ присоединились, и родный означеннаго господина Завадовскаго братъ господинъ генералъ-маіоръ Иванъ Васильевичъ Завадовскій такъ словесно, яко и письменно съ приложеніемъ поданнаго отъ вышъупомянутыхъ крестьянъ доношенія о посвященіи показанныхъ трехъ церквей мене просилъ, то я послалъ туда катедральнаго моего собора протопопа съ другимъ священникомъ, дабы освидѣтельствовалъ, всѣ ли тѣ крестьяне присоединились нашей грековосточной церквѣ и не принужденноль и церквиль ихъ остались уже безъ прихожанъ, и буди такъ, то-бы оные церкви яко прихожанскимъ иждивеніемъ состроенные и украшенные освятилъ, который возвра-

[1] Тамъ же, л. 5.

[2] Арх. св. с. д. 1780 г., № 292.

тясь оттуда, репортомъ мнѣ представилъ, что какъ онъ показанныхъ крестьянъ собралъ, и увѣщеваючи ихъ судомъ божіимъ, дабы они правду открыли, о вышеписанномъ спросилъ, то всѣ до единаго отвѣтствовали, что они уніатскій законъ оставивъ, ибо и не содержали оный усердно, безъ и малѣйшаго принужденія, по добровольному своему желанію, какъ о томъ и прежде неоднократно и въ началѣ присоединенія провинцій бѣлорусскихъ къ державѣ россійской подавали доношенія, приняли вѣру грековосточнаго православнаго исповѣданія, въ коей и пребывать до кончины жизни своей неотмѣнно желаютъ, притомъ же онъ протопопъ нашелъ, что они означенные церкви какъ ихъ собственнымъ коштомъ состроенные, недопуская болѣе къ онымъ уніатскихъ священниковъ (,) заперли, почему онъ протопопъ тѣ церкви, будучи ими въ оные введенъ и объ освященіи прошенъ, освятилъ, куда и священники отъ мене опредѣлены [1]». Были и другія присоединенія подобнаго же рода; но всѣ они уже входятъ въ то время, когда бѣлоруссы дождались наконецъ, послѣ осьми лѣтъ тяжкаго терпѣнія, неполнаго разрѣшенія переходить въ православіе. Чѣмъ вызвано было это тяжкое осьмилѣтнее терпѣніе и это наконецъ разрѣшеніе, это яснѣе можно увидѣть изъ дѣлъ украинскихъ и затѣмъ уніатскихъ.

---

[1] Арх. св. с. д. 1779 г., № 94. л. 5—11.

ГЛАВА VI.

Малороссія не знаетъ сначала бѣлорусскихъ затрудненій. Бердичевскіе узники. Интриги уніатовъ и польскихъ пановъ противъ православія въ Украинѣ. Ширковъ и другіе русскіе поддаются этимъ интригамъ. Дѣла польки Ледуховской, жены Ширкова. Освобожденіе уніатскихъ священниковъ изъ Бердичева. Слухи между малороссами о поворотѣ русской политики въ пользу Польши. Трактатъ Россіи съ Польшей. Мѣры ун. митрополита Володковича и холмскаго еп. Рыллы къ распространенію уніи. Малороссійская депутація къ Екатеринѣ съ просьбою о защитѣ и принятіи Украины въ русское подданство. Новый трактатъ съ Польшей. Прекращеніе военной помощи украинскимъ православнымъ. Смѣшанная коммиссія. Ожесточенная борьба въ Малороссіи. Мученичество православнаго правителя Кирилла Зельницкаго. Протесты православныхъ. Заступничество за нихъ русскаго правительства, польскаго короля. Безплодность его. Украина обращается за духовною помощію къ Валахіи. Дѣла м. Евсевія.

Первый раздѣлъ Польши, поставившій русское населеніе Бѣлоруссіи въ такое странное положеніе и такъ сильно затруднившій возсоединеніе въ ней уніатовъ, сначала не производилъ ни малѣйшаго задерживающаго вліянія на дѣла западной Малороссіи; напротивъ, энергія тамошнихъ ревнителей православія удвоилась, и русскія войска дѣлались болѣе и болѣе послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Указъ синода Іову вѣдать по примѣру его антецессоровъ духовныя дѣла Украины и рескриптъ Румянцеву защищать православныхъ поняты были въ западныхъ областяхъ Украины совсѣмъ не такъ, какъ понимали ихъ Іовъ, Голицынъ и духовное смилянское правленіе. Уніаты сохранили намъ нѣсколько ордеровъ украинскихъ духовныхъ правленій этого новаго направленія. «По засланному мнѣ, писалъ бѣлоцерк. правитель Зражевскій 11 января 1773 г., изъ духовной епископіи переяславской консисторіи о грекоунѣятскихъ священникахъ указу, даби ехали къ присоединенію православной восточной церквѣ; того ради съ полученія сего долженъ всякъ со всякимъ припасомъ ехать въ мѣстечко Бѣлуцерковъ, а именно: на срокъ сего генваря 14 число, откуда зъ мѣстечка всѣ поедемо въ консисторію переяславскую по своему дѣлу, за противность же сего опасуюсь неминуемаго найстрожайшаго штрафа, что исполнить всенепремѣнно безъ медлѣнія духовное бѣлоцерков-

ское правленіе повелѣваетъ [1].» Погребысское духовное правленіе въ ордерѣ отъ 3 февраля, между прочимъ, писало: «Честныи священники протопопіи погребыской, въ Христѣ любезные братья! Понеже милостію божіею отъ его преосвященства Іова епископа переяславскаго и бориспольскаго нашего всемилостиваго архипастыря, за указомъ воли ея императорскаго величества, походи (есть) дило, въ чемъ (почему) вамъ о зайстію (по полученіи) сего ордера предлагается, штобъ вы—всякъ священникъ за полученіемъ сего ордера въ самой скорости ставилъ (ся) въ благополучный городъ Погребыща февруарія 15 дня безъ всякаго усумнѣнія въ томъ, что всякъ священникъ запышетъ (запишетъ) свою церковь и приходъ въ православныя книги своеручно и то пойдетъ въ православную консисторію нашу переяславскую и послѣ присоединенія всякъ священникъ получитъ благословеніе отъ преосвященнаго Іова епископа переяславскаго, вся его властность (собственность) и приходъ его при немъ будетъ, а когда каковы священникъ собою замедлитъ и своей уніатской консисторіи послушаетъ, а нашей православной консисторіи не склонится переяславской, то потомъ щобъ собою не пожалилъ и за времени нехай (пусть) старается, гдѣ онъ подѣется и какъ отвѣтствовать будетъ.... Сей ордеръ по объявленіи (у) себѣ, съ прописаніемъ дня, едынъ до другого въ скорости отсылать и паки въ духовное погребыской протопопіи православныхъ церквей правленіе представить.... [2].» Былъ ордеръ и еще болѣе рѣшительный. Кальницкій протопопъ, Григорій Линевичъ, извѣщая 11 февраля 1773 г. духовенство о своемъ назначеніи въ протопопы кальницкой протопопіи и приглашая его явиться въ м. Линцы на 17 февраля, между прочимъ, писалъ: «а буды паче чаянія въ васъ какой бы явиться въ тотъ часъ немогъ, то въ такомъ случаѣ имѣетъ духовное кальницкое правленіе съ данною военною командою брать по приказу, данному отъ уманской коммисіи, яко противниковъ православ-

---

[1] Арх. ун. м., № 640, подлинникъ или копія, не можемъ сказать, не зная руки Зражевскаго.

[2] Арх. ун. м., связка № 441—копія, писанная польскими буквами. Есть извѣстіе, что въ Погребыще созывалъ духовенство самъ Переровскій. Тамъ же, связка № 451.

ной вѣры и отправлять куда и надлежитъ[1].» Въ такомъ же смыслѣ писалъ ордеры и собиралъ духовенство и протопопъ уманскій Кириллъ Зѣльницкій [2]. Есть извѣстіе о разсылкѣ подобныхъ универсаловъ въ Бѣлоцерковщинѣ еще осенью 1772 года [3]. Ниже увидимъ, что здѣсь и въ Уманщинѣ дѣйствительно еще въ 1772 году, и издавались энергическіе ордеры, и сопровождались энергическими дѣйствіями.

Ордеры эти не оставались безъ исполненія. Такъ, извѣстно что бѣлоцерковскій правитель Зражевскій не только собралъ присоединявшихся къ православію священниковъ, но и послалъ было ихъ къ Іову [4]. Въ жалобахъ уніатовъ тоже встрѣчаются многочисленныя указанія, что они принуждены были подписаться на православіе [5]. За этими, такъ сказать, предварительными дѣйствіями мѣстныхъ духовныхъ властей слѣдовали мѣры рѣшительныя, требовавшія дѣйствительно участія русскихъ войскъ,—слѣдовалъ, именно, разборъ, кому должны принадлежать церкви и что дѣлать съ тѣми уніатами, которые не уступаютъ приходовъ. Есть основаніе думать, что сначала русскія военныя власти дѣйствовали осторожно. Такъ, есть извѣстіе, что онѣ разбирали жалобу прихожанъ на ихъ священника уніата и неудовлетворили ея [6]. Есть также основаніе думать, что русскія власти неравнодушно смотрѣли на кулачную расправу съ уніатами, потому что, по извѣстію отъ уніатовъ, православные передавали въ руки русскихъ только здоровыхъ уніатовъ, а израненныхъ, избитыхъ не передавали [7]. Но не долго русскія власти такъ спокойно и сдержанно относились къ дѣлу. Мало того, что многіе уніатскіе священники не оставляли приходовъ; иные изъ нихъ удержи-

---

[1] Тамъ же, копія, писанная польскими буквами.

[2] Тамъ же, № 934, жалоба на это № 84.

[3] Тамъ же, связка № 451, коллективное письмо пяти священниковъ фастовскаго благочинія, отъ 2 октября 1772 г.

[4] Арх. св. син. д. 1772, № 327, л. 29 на оборотѣ, № прошенія 6. Сохранилось, какъ мы видѣли выше, его приглашеніе (отъ 11 февраля 1773.) нѣсколькимъ священникамъ явиться въ Бѣлую-Церковь, чтобы оттуда съ нимъ ѣхать въ Переяславль. Арх. ун. м., № 640.

[5] Арх. ун. м., № 934.

[6] Тамъ же, кн. Л. XII, жалоба свящ. Саввы Войницкаго.

[7] Тамъ же, жалоба свящ. Іоанна Сѣнкевича.

вали отъ этого своихъ собратовъ и были обвиняемы въ этомъ самими уніатами [1]. Таковы были чиновные уніаты. Объ нихъ Іовъ доносилъ синоду, что они съ великимъ негодованіемъ встрѣтили заявленія о желаніи возвратиться къ православію, начали «всемѣрно препятствовать этому,» но боясь русской военной силы и «немогучи выполнить всѣхъ своихъ вымысловъ и желаній къ погибели православныхъ исповѣдниковъ... непрестанно смертію и всякими мучительными образы» имъ угрожали [2]. Нѣкоторые изъ этихъ уніатовъ, кромѣ того, давно извѣстны были своими дурными дѣлами по отношенію къ православнымъ, какъ напримѣръ, оффиціалъ Мокрицкій. Имъ не легко могли простить свои обиды и страданія священники, бывшіе въ радомышльскомъ заточеніи или долго скитавшіеся на восточной сторонѣ Днѣпра. Наконецъ, само собою понятно, въ какомъ настроеніи возвратился въ Украину Переровскій, занявшій въ ней первенствующіе положеніе, которое уніаты до того преувеличили, что укоряли Переровскаго, будто онъ называлъ себя намѣстникомъ христовымъ въ Украинѣ [3]. Таинственное изчезновеніе Гуранды было для Переровскаго слишкомъ яснымъ. По личному характеру и настроенію на него походилъ, какъ мы видѣли, другой видный правитель, Василій Зражевскій. Оба они задолго еще до обнародованія вышеприведенныхъ ордеровъ, именно еще съ половины 1772 г., издавали ордеры, собирали духовенство и затѣмъ приступили къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Уже 2 октября 1772 г. пять уніатскихъ священниковъ изъ фастовскаго благочинія писали къ кому то изъ высшихъ уніатовъ: «доходитъ до насъ печальное извѣстіе, что по всей Украинѣ принуждаютъ къ дизуніи (православію) нашихъ священниковъ [4]». Поляки записали объ этомъ еще болѣе раннее извѣстіе. Одинъ изъ комиссаровъ Потоцкаго писалъ ему еще 14 августа, что духовные правители ѣздятъ по городамъ и селамъ и назначаютъ на мѣсто уніатскихъ православныхъ священниковъ [5]. Переровскій дѣйствовалъ со

---

1 Тамъ же, жалоба Ильи Чекавскаго.
2 Арх. св. с. д. 1772, № 327.
3 Арх. ун. м., кн. Г. IV, № 151.
4 Тамъ же, связ. № 451.
5 Тамъ же.

стороны Уманя, Зражевскій со стороны Бѣлой-Церкви (въ обоихъ пунктахъ были русскія военныя команды) и направлялись къ западному углу кіевской губерніи, къ Бердичеву, укрѣпленіемъ котораго владѣли русскія войска со времени барской конфедераціи (1768 г.), подъ начальствомъ генерала Ширкова. Эти духовные правители стали объѣзжать Украину въ сопровожденіи русскихъ командъ изъ отрядовъ Вишнякова, Малова, Жеребцова, Тунцельмана и другихъ [1]. Есть извѣстіе, что Голицынъ далъ приказаніе войску изгонять уніатскихъ священниковъ и помѣщать православныхъ [2]. Сохранилась копія ордера въ этомъ смыслѣ капитана Малова [3]. Отряды эти часто состояли

---

[1] Арх. ун. м., кн. Л. XII.

[2] Арх. ун. м., связка № 451, письмо къ Потоцкому его комиссара, отъ 14 августа 1772 г.

[3] Тамъ же, № 641 по общ. нумераціи. «Тенчинской двуротной команды капралу Леонтію Федорову. Командированъ ти въ силу повелѣнія главной команды для отобранія благочестивымъ священникамъ епархіальныхъ церквей клевановки и нестаръварки (Нестарой вербки), по приездежъ тебе въ оніе села призвать унѣятскихъ священниковъ, безъ всякой обиды и наглости и излишнихъ приметокъ (прижимокъ) отобрать отъ нихъ церковніи ключи и отъдать благочестивимъ священникамъ оныхъ селъ Іліи Хоревскому и Григорію Гипецкому, въ ихъ ведомость, и притомъ призвать тамошнихъ селъ правителя(,) войта или старосту и подстаростева(,) кто есть, и объявить имъ(,) дабы въ предъ отъ сего постановленія(,) какъ и прежде была благочестивая вера, такъ и доскончанія века, неминуема быть можетъ безъ—нарушенна установленнымъ закономъ, въ таковомъ учрежденіи воля есть ея императорскаго величества, а если кто оное установленіе можетъ нарушитъ или бунтъ начнетъ делать и людей къ бунту приводить, въ таковомъ случае неминуемо военною рукою взятъ будетъ подъ карауль и по законамъ наказанъ будетъ и къ единовѣрнымъ съ нами въ томъ селе жителямъ по собраніи всѣмъ объявить, притомъ же, ежели кто отъ кого услышитъ (что) можетъ начати и бунтъ и возмущеніе, то тотчасъ объявить тамошнему священнику благочестивому, а онъ по команде обявить можетъ мне, притомъ же еще упомянуть неосталисъ (наостатокъ), чтобъ унѣяты и католики въ сей вѣри (вѣрѣ) православной простой народъ невозмущали и ихбы (по) одноверіе (и) съ нами на то не послушали. Таковымъ растердить крепко къ понятію той вѣры, что сила и помощь къ защищенію заключается (?). И по отобраніи оныхъ церквей по реестру переписать, что въ оныхъ имѣется утвари, а унѣятскихъ поповъ взять подъ карауль и представить къ уманскимъ комендантскимъ деламъ, и по справленіи онаго слѣдовать съ протопопомъ Василіемъ Мокрицкимъ для осмотру реченной протопопіи православныхъ церквей. На подлинномъ

изъ такъ называемыхъ гетманцовъ, т. е. изъ малороссійскихъ полковъ. Рядомъ съ ними нерѣдко появлялись въ видѣ отрядовъ, сопровождавшихъ православныхъ правителей, священниковъ, мѣстные жители, которыхъ въ такомъ случаѣ уніаты обыкновенно называли гайдамаками. О дѣйствіяхъ этихъ всѣхъ людей—правителей, священниковъ, русскихъ, малороссійскихъ и гайдамацкихъ командъ мы не имѣемъ извѣстій отъ православныхъ, а имѣемъ ихъ лишь отъ уніатовъ, именно имѣемъ жалобы пострадавшихъ и донесенія ихъ властей. Передаемъ дѣло, какъ оно представляется въ этихъ послѣднихъ извѣстіяхъ. Православные духовные правители, священники съ военными командами наѣзжали на приходы и требовали отъ уніатскихъ священниковъ, чтобы тѣ принимали православіе. Если они не соглашались, то отъ нихъ отнимали церковные ключи, устрояли церкви по православному, передавали ихъ съ церковными домами православнымъ священникамъ, а уніатскихъ брали подъ караулъ и отвозили въ мѣста стоянокъ русскихъ командъ, а затѣмъ обыкновенно пересылали въ Бердичевъ. Во время этихъ наѣздовъ происходили страшныя безчинства и глумленія. Чтобы поймать уніатскаго священника, нападали обыкновенно ночью, наводя ужасъ на него и его семейство, а если онъ скрывался, чтó часто случалось, то во время его поисковъ, били, мучили его семью, прислугу, грабили, растаскивали его имущество. Пойманныхъ уніатовъ вязали, заковывали, тащими въ заключеніе пѣшкомъ или везли быстро на неудобныхъ телегахъ и по неудобнымъ дорогамъ, не давая на пути ни ѣсть, ни пить. Были случаи, что нѣкоторые уніаты умирали отъ этихъ истязаній. Отъ этихъ бѣдствій уніаты спасались бѣгствомъ и скрывались цѣлые мѣсяцы въ лѣсахъ, деревушкахъ, хуторахъ; но это чаще всего оказывалось плохимъ средствомъ спастись, потому что православные священники и команды получали свѣдѣнія о скрывавшихся и очень часто ловили ихъ. Нѣсколько вѣрнѣе было другое средство спасти себя это — откупиться. Духовные правители, священники, солдаты, эсаулы, прапорщики и даже полковники часто брали деньги и выпускали уніатовъ на волю. Но и

подписано было тако: Дня 3 Марта 1773 года капитанъ Данила Маловъ въ благополучномъ местечке Умане».

это не всегда спасало отъ бѣды. Одни брали деньги и отпускали на волю, а другіе затѣмъ нападали и увозили въ заключеніе. [1] На сколько все это справедливо? Необходимо допустить, что въ этихъ извѣстіяхъ не малая доля правды. Жалобы уніатовъ очень многочисленны и очень обстоятельны. Но, какъ это обыкновенно бываетъ въ жалобахъ, преувеличенія въ уніатскихъ извѣстіяхъ несомнѣнны. Изъ сличенія уніатскихъ жалобъ и писемъ того времени оказывается, что многіе уніатскіе священники совершенно добровольно принимали православіе. Брацлавскій оффиціалъ Заблоцкій доносилъ Володковичу 4 января 1773 г. между прочимъ: «нашъ клиръ, точно ослѣпленный, постоянно жмется къ духовнымъ правителямъ, увлеченный примѣромъ грановскаго благочиннаго, который собственноручно и добровольно записалъ себя и все благочиніе на подчиненіе переяславскому епископу. Благочинія животовское, уманское, чечельницкое и рашковское частью изъ страха, частію добровольно тамъ же утонули [2]». Затѣмъ, многіе уніатскіе священники лишь изгонялись изъ приходовъ безъ глумленія надъ ними и безъ разграбленія ихъ имущества [3]. Случалось, что иные изъ нихъ весьма свободно заявляли свои мысли. Такъ, въ чечельницкой протопопіи села Пужайскаго уніатскій священникъ Яковъ Заянчевскій прямо заявилъ: «хотя и приходъ потеряю, но благочестивымъ быть не желаю [4].» Случалось, что уніаты публично спорили съ наѣхавшими православными священниками. Такъ, кобылянскій уніатскій священникъ Іоаннъ Сѣнкевичь въ отвѣтъ на приведенное нами глумленіе надъ уніей и ея властями православнаго лисянскаго правителя Симеона Кондрацкаго отвѣтилъ: «не слушайте люди этого стараго плута,—онъ дѣйствительно плутъ и подобные плуты довели васъ до коліевщины [5]». Но, что особенно важно, уніаты рѣдко гдѣ пользовались поддержкою народа, вообще же были ему ненавистны. Ненависть эта доходила до того, что прихожане вайковскіе (уманскаго благочинія) убили своего уні-

---

[1] Тамъ же, кн. Л. XII; кн. Г. IV, № 151; по общей нумераціи № 122.
[2] Тамъ же, кн. 73, № 123.
[3] Тамъ же, кн. Г. IV, № 151.
[4] Арх. св. с. д. 1772, № 327, л. 28, прошен. № 5.
[5] Арх. ун. м., кн. Л. XII.

атскаго священника Окорскаго, изрѣзали ножемъ его тѣло, и бросили въ заблаговременно приготовленную могилу. Этою, безъ сомнѣнія, ненавистію народа къ уніатамъ нужно объяснять такія, напримѣръ, странныя явленія, что Перѣровскій, избивъ конельскаго уніатскаго священника, Іоанна Панипа, приказалъ для посмѣянія возить его по разнымъ селамъ [2]. Тому же позору онъ подвергъ уніатскаго священника с. Романовки, Аѳанасія Гвоздовскаго «на позорище заядлому хлопству»,—замѣчаютъ сами уніаты [3]. На эти глумленія вызывала не одна личная вражда, но также, и едвали не чаще всего, ненависть народа къ уніи, латинству и панству. Въ одной коллективной жалобѣ уніаты говорятъ, между прочимъ: «(духовные) правители, передавая своимъ дизунитамъ уніатскія церкви, собираютъ народъ, запрещаютъ ему обращаться къ уніатскимъ священникамъ, а также ходить въ латинскіе костелы, объявляютъ передъ собраннымъ народомъ, что уніатскіе антиминсы и служебники не важны; выбрасываютъ изъ олтарей цыборіи (латинскія дарохранительницы), во время самой службы запрещаютъ поминать святѣйшаго отца—пастыря (папу) и для поруганія его передъ грубымъ народомъ провозглашаютъ: довольно уже папѣ ѣсть цѣлый хлѣбъ, [4] а поляки много наготовили себѣ пива, пускай пьютъ одно пиво.» [5] Замѣчательно, что эту ненависть къ латинскимъ особенностямъ уніи высказывали духовные правители, сами перешедшіе въ православіе изъ уніи. Такъ о Василіѣ Зражевскомъ уніатскій священникъ Гавріилъ Славинскій писалъ: «Василій Зражевскій, недавній, новый неуніатъ, теперешній протопопъ бѣлоцерковскій и корсунскій, напавъ на меня съ 4 гетманцами и дьячкомъ Димитріемъ Сидусенкой, когда я вышелъ изъ дому, завелъ въ св. успенскую бѣлоцерковскую церковь и глумился надомной такими словами: «не исповѣдуй людей въ

---

[1] Тамъ же, жалобы уніатовъ уманскаго благоч. № 21.

[2] Тамъ же, жал. ун. животовскаго благочинія № 1.

[3] Тамъ же, № 9.

[4] Указаніе на то, что латинское причастіе слишкомъ тонко или [illegible] то, что уніаты не приготовляютъ обычныхъ просфоръ, а цѣлый хлѣбъ.

[5] Глумленіе надъ пріобщеніемъ мірянъ подъ однимъ видомъ. Арх. ун. [illegible]

костелѣ, не служи шептухи» (читанной обѣдни) и проч [1]. Наконецъ, невозможно думать, чтобы русскія военныя власти-начальники не малыхъ, летучихъ отрядовъ, эсаулы, прапорщики, а начальники большихъ отрядовъ принимали и держали въ строгомъ заключеніи большое число уніатскихъ священниковъ, совершенно невинныхъ, отданныхъ имъ по голословному обвиненію [2].

Уніатовъ, заключенныхъ въ Бердичевѣ было по однимъ извѣстіямъ 71 [3], по другимъ 54 [4], но кромѣ того уніатскихъ священниковъ заключали на болѣе или менѣе продолжительное время еще въ Уманѣ, Бѣлой Церкви, Полонномъ, и не всѣ они попадали затѣмъ въ Бердичевъ [5]. О заключенныхъ въ Бердичевѣ уніаты сохранили намъ самыя подробныя извѣстія. «Арестованные священники,» писалъ къ Володковичу Выговскій 28 ноября 1772 г. «нѣкоторые помѣщены въ монастырѣ (кармелитовъ), а другіе, и такихъ большая часть, въ городѣ по квартирамъ и только утромъ и вечеромъ являются къ военному начальству. Нѣкоторые изъ нихъ сильно запиваютъ, ссорятся и дерутся между собою изъ за подаяній. Пьяницъ и задорныхъ особенно много изъ числа тѣхъ, которые недавно привезены изъ Уманщины» [6]. «Третьяго дня,» писалъ изъ Житоміра одинъ уніатъ къ другому 2 января 1773 г. «т. е. наканунѣ новаго года, я посѣтилъ бердичевскихъ узниковъ въ ихъ заключеніи. Заключеніе ихъ теперь нѣсколько ослаблено. Имъ опять разрѣшено ходить въ костелъ и служить, дозволено ходить по двору, выходить на городскую площать или къ пруду и про-

---

1 Тамъ же, кн. Л. XII, жалоба Славинскаго.

Уніаты партіи Володковича объясняли свои бѣдствія, между прочимъ, тѣмъ, что партія Шептицкаго и во главѣ ея Примовичъ и Любинскій за одно дѣйствуютъ съ духовными, православными правителями, что они-то главные виновники всего зла. Арх. ун. м., кн. Г. IV, № 156—второе письмо Сушицкаго. Вѣроятно, участіе Володковича и его партіи въ барской конфедераціи было главною причиною всей бѣды ихъ, и партія Шептицкаго этимъ воспользовалась.

3 Тамъ же, кн. Г. IV, № 143, приложеніе № 12.

4 Тамъ же, № 1005 (общей нумераціи) — письмо изъ Житоміра отъ 2 января 1773 г.

5 Тамъ же, кн. Г. IV, № 151, а также связка № 451—коллективное письмо 5 ун. свящ. отъ 2 октября 1772 г.

6 Тамъ же, кн. Г. IV, № 154.

гуливаться. Все это однако они не иначе дѣлаютъ, какъ подъ карауломъ. Содержаніе ихъ теперь нѣсколько лучше. Прежде имъ приносили изъ монастыря (кармелитскаго) въ ушатѣ горохъ или щи (капустникъ), а теперь приносятъ горячую пищу въ котлѣ, дали имъ и ковшъ для разливанія того гороху или щей, а миски купили сами узники и распредѣлили на три человѣка по одной мискѣ. Хлѣбъ подвозятъ ближайшіе (уніатскіе) священники или, точнѣе сказать, присылаютъ, потому что бояться сами являться лично, такъ какъ солдаты выталкиваютъ ихъ въ шею или выпрашиваютъ копѣекъ. Отецъ игуменъ (кармелитскій) оказалъ заключеннымъ то самое большее добро, что выпросилъ разрѣшеніе помѣстить больныхъ въ особомъ, лучшемъ мѣстѣ заключенія, отдѣлилъ ихъ отъ здоровыхъ; благодаря этому, прекратились болѣзни. Больныхъ теперь только 10; двое кромѣ того крайне слабы; здоровыхъ 42; т. е. всѣхъ теперь въ заключеніи и здоровыхъ и больныхъ 54. Прилагаю списокъ ихъ; только опасно больныхъ не пришлось мнѣ поименовать. 10 изъ поименованныхъ въ спискѣ бѣжали. Позднѣе всѣхъ, потому что въ прошедшее воскресенье, доставленъ новый узникъ, по фамиліи Голятовскій, пойманный наканунѣ самаго рождества..... По совѣщанію недавно собиравшихся въ Тетіевѣ правителей и протопоповъ высланъ и имѣетъ прибыть въ Бердичевъ смилянскій правитель Войнарскій, и тѣхъ узниковъ, которые перейдутъ на его сторону, назначить на приходы, какіе они выберутъ, даже и на чиновныя должности, а упорныхъ прикажетъ одѣть въ арестантскую одежду и выслать за границу (въ Россію) въ ссылку. Это очень тревожитъ узниковъ и, если нѣкоторые изъ нихъ готовы оставаться въ неволѣ, хотя бы то и до смерти, то есть много и такихъ, которые молчатъ, ничего неотвѣчаютъ на это, а мнѣ прямо высказывали негодованіе, что власть забыла объ нихъ [1]».

Какъ ни тяжко было это заключеніе, но его никакъ нельзя сравнивать съ заключеніемъ православныхъ священниковъ и иноковъ въ Корсунѣ и Родомыслѣ 1766—7 г. Уніаты, впрочемъ, иногда сильно страдали не по жестокости русскихъ, а

---

[1] Арх. ун. м., № 1005. Войнарскій пріѣзжалъ дѣйствительно, по другому уніатскому извѣстію. Тамъ же, кн. Г. IV, № 156.

отъ невниманія къ нимъ кармелитовъ и по собственной винѣ. «Послѣ вашего отъѣзда изъ Бердичева,» писалъ 19 февраля 1773 г. одинъ изъ заключенныхъ—Прушинскій, вѣроятно, къ тому лицу, описаніе котораго приведено нами выше, «отцы Іоаннъ Рудницкій и Григорій Вигурскій сказали намъ прощайте (умерли), а вчера туда же отправился къ великой нашей скорби и отецъ Гавріилъ Нестеровичъ свящ. дмитренскій уманскаго благочинія, и никто (изъ насъ) не смѣетъ даже войти въ костелъ для молитвы, потому что г. маіоръ Фокъ объявилъ: кто будетъ покушаться выйти за ворота, того пусть колютъ пикой, я буду отвѣчать за это. Сжальтесь надъ нами, помогите; дольше не можемъ жить; многіе изъ насъ съ опасностію жизни соскакиваютъ за стѣну, чтобы бѣжать..... Мы еще кое какъ существовали, пока имѣли деньги, а теперь большая часть изъ насъ не имѣетъ ни гроша. Отцы кармелиты доставляютъ намъ слишкомъ дурную пищу,—свекла, напримѣръ, совсѣмъ промерзлая.....» [1]. Суровости маіора Фока, повергавшіе заключенныхъ уніатовъ въ такое отчаяніе, вызваны были тѣмъ самымъ, что Прушинскій считаетъ ихъ послѣдствіемъ, именно бѣгствомъ изъ заключенія нѣкоторыхъ уніатовъ [2]. Побѣги эти вызвали однажды еще бо́льшую суровость. Такъ 17 іюля 1773 г. русскій офицеръ Александръ Григорьевъ писалъ изъ Бердичева къ кому-то изъ властныхъ уніатовъ: «Будучи въ Бердичевѣ, вы обѣщали мнѣ доставить бѣжавшаго изъ подъ ареста кобриновскаго священника Григорія Линцевскаго. Я не могу дождаться его, а между тѣмъ теперь бѣжали еще три священника: яновскій священникъ Михаилъ Шумскій, полоничанскій — Василій Халаимъ и ферсянскій — Стефанъ Рыхлевскій. Прошу васъ доставить мнѣ ихъ. Я сдѣлалъ имъ послабленіе по вашей просьбѣ. Если вы мнѣ не доставите ихъ въ теченіе трехъ дней, то увѣряю васъ, что всѣхъ 42 арестанта я забью въ колодки и засажу ихъ въ подвалъ, такъ что къ третьему дню изъ нихъ и душа вылетитъ. Мнѣ удобнѣе доносить, что такой-то умеръ, нежели что такой-то бѣжалъ» [3]. И эта суровость, какъ очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ

---

[1] Арх. ун. м., связка № 451.
[2] Тамъ же, кн. Г, IV, № 154; кн. 73, № 123.
[3] Тамъ же, связка 451.

фанатическимъ терзаніемъ заключенныхъ въ Радомыслѣ; она вытекала изъ чисто военныхъ порядковъ.

Послѣдствія всѣхъ этихъ мѣръ по отношенію къ уніатамъ были весьма важны. Вся Украина обращена была въ православіе. Линію православныхъ завоеваній, если можно такъ выразиться, мы приблизительно опредѣлимъ, если проведемъ ее съ сѣверо-востока на юго-западъ отъ мѣстности ниже Брагина или, вѣрнѣе, отъ впаденія Припети въ Днѣпръ черезъ Радомысль, Овручъ, Житоміръ, Бердичевъ, Любарь до австрійской границы между Кременцомъ и Проскуровымъ [1]. Пространство на юго-востокъ отъ этой линіи все было отнято у уніатовъ. Оно составляло 23 благочинія [2], и въ нихъ было 1000 или даже больше церквей [3]. Хотя это уніатскія свѣдѣнія и доходятъ лишь до начала 1773 г., но они совпадаютъ съ свидѣтельствомъ самихъ православныхъ украинцевъ, которые въ своемъ новомъ прошеніи Екатеринѣ, составленномъ осенью 1773 г., тоже показываютъ, что у нихъ было тогда болѣе тысячи церквей [4]. По вѣдомости, помѣщенной у Бантышъ-Каменскаго, этотъ излишекъ сверхъ тысячи былъ очень великъ. По ней въ это время въ Украинѣ считалось 1902 православныхъ церкви [5]. Есть основаніе думать, что и всѣ эти свѣдѣнія далеко не обозначаютъ дѣйствительныхъ размѣровъ тогдашняго православнаго движенія. Изъ прошеній о присоединеніи, представленныхъ въ концѣ 1773 года въ синодъ, видно, что оно сильно отражалось на западѣ отъ указанной нами линіи и что оттуда сами уніатскіе священники или ставленники направлялись въ Украину и искали себѣ священническихъ мѣстъ. Уніатскій священникъ г. Хмѣльника (подольск. воеводства) Гавріилъ Стрельбѣцкій показывалъ о себѣ, что онъ, имѣя ревность къ православію и видя, что оно утверждается только въ кіевскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ, рѣшился оставить

---

[1] Эту линію мы провели на основаніи уніатскихъ извѣстій, какія еще благочинія остались у нихъ. Арх. ун. м., связка 451—письмо Сушицкаго, отъ 26 февраля 1773 г., письмо Скульскаго—отъ 6 марта того же года.

[2] Тамъ же, письмо Турчиновича, отъ 5 марта и письмо Скульскаго.

[3] Тамъ же, кн. Г, IV, № 142—донесеніе Примовича.

[4] Арх. св. с., д. 1772 г., № 327—конецъ прошенія.

[5] Стр. 330—331 по изд. 1866 г.

тотъ приходъ и искать другого, гдѣ православіе утверждается [1]. Показаніе уніатскаго священника с. Геремашнаго (краснянской протопоп. брацл. воеводст.) Якова Мельскаго объясняетъ намъ причину подобнаго стремленія въ мѣста, гдѣ утверждалось православіе. «Будучи я рожденъ отъ родителей и отъ предковъ своихъ греко-россійскаго исповѣданія, такъ и во мнѣ кровь родительская соотвѣтствуетъ, ибо я отъ младыхъ ногтей ревнитель греко-восточныя церкви синомъ (сыномъ) быть, но не имѣлъ на то такова случая, яко уніатскія духовныя власти завладѣвъ (завладѣли) нами (и мы) принуждены были, и не хотячи, до ихъ надлежать» [2]. Выраженія—ревнитель православія отъ младыхъ ногтей—часто попадаются въ прошеніяхъ и наводятъ на мысль, что это краснорѣчіе какого-то общественнаго составителя подобныхъ прошеній, но они наводятъ также и на ту мысль, что эти витіеватыя выраженія очень приходились по вкусу украинцамъ, отвѣчали ихъ дѣйствительному настроенію. Мы увидимъ и послѣ, что оживленіе православія въ восточной Украинѣ точно также привлекало ревнителей его изъ западныхъ частей ея.

Переяславскій епископъ Іовъ былъ поставленъ этими дѣлами Украины въ великое затрудненіе. Сотни церквей присоединялись къ его епархіи. Нужно было назначать въ бо̀льшую часть изъ нихъ священниковъ и Іовъ имѣлъ, какъ мы знаемъ, право дѣлать это, но у него небыло священниковъ въ достаточномъ числѣ. Духовные правители постарались сейчасъ же вывести его изъ этого затрудненія. Они направляли къ нему уніатовъ, заявлявшихъ волею или неволею готовность принять православіе, но это значило дѣлать больше того, что Іову дозволило правительство. Іовъ отсылалъ такихъ священниковъ и доносилъ синоду объ этомъ затрудненіи, но синодъ не находилъ возможнымъ разрѣшить ихъ своею властію и отсылалъ донесенія Іова вмѣстѣ съ подобными же донесеніями Георгія Конисскаго въ иностранную коллегію, которая по обоимъ вопросамъ съ одинаковою твердостію хранила молчаніе. Іовъ, подобно Георгію, нашелъ неизбѣжнымъ выйти изъ предписанныхъ ему предѣловъ. Въ концѣ 1773 г. онъ доносилъ синоду:

[1] Арх. св. с., 1772 г., № 327, л. 22.
[2] Тамъ же, л. 35.

«По чину православныя церкви и въ силу высочайшихъ ея императорскаго величества указовъ, какъ 1757 года ноября 18 дня, изъ московской свят. синода конторы присланы и въ мою епархію печатные двѣ книги, именуемые чинопослѣдованіе для принимания по онымъ приходящихъ и обращающихся изъ разныхъ религій къ святой православно-восточнаго греко-россійскаго исповѣданія церкви; многіе въ Польшѣ въ принадлежащихъ до епархіи моей переяславской мѣстахъ, въ кіевскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ бывшіи уніатскіи священники, по саможелательнымъ отъ нихъ доношеніямъ, за антецессоровъ моихъ приняты и присоединены изъ уніи къ православной греческаго исповѣданія церкви; а потому и мною въ силу послѣдовавшаго изъ святѣйшаго правительствующаго синода прошлаго 1772 года генваря 15 дня указа, коимъ велѣно: въ оныхъ заграничныхъ до епархіи моей принадлежащихъ мѣстахъ, по духовнымъ дѣламъ, мнѣ поступать на прежнемъ основаніи, какъ при антецессорахъ моихъ поступано; равнымъ образомъ по произвольнымъ желаніямъ и письменнымъ прошеніямъ, попы уніатскіи за объявленіемъ, что какъ предки ихъ были вѣры греко-россійскаго исповѣданія, только насильно отъ свѣтскихъ польскихъ, а паче уніатскихъ духовныхъ властей къ уніи принуждены, такъ и они потомужъ въ унію зачислены, мною къ православной церкви приняты и присоединены» [1]. Въ доказательство правоты своихъ дѣйствій Іовъ приложилъ 21 прошеніе, изъ которыхъ дѣйствительно оказывалось, что просятъ о присоединеніи уніаты, бѣжавшіе отъ уніатской власти [2]. При этомъ Іовъ доносилъ, что и многіе другіе уніатскіе священники, то сами являясь къ нему, то чрезъ духовныя правленія, заявляютъ желаніе отказаться отъ уніи и принять православіе, но онъ, Іовъ, удерживается принимать ихъ, признавая такіе случаи недоумѣнными [3], и изъ одного изъ приложенныхъ дѣлъ о присоединеніи оказывалось, что Іовъ дѣйствительно отослалъ назадъ присланныхъ Зражевскимъ уніатскихъ священниковъ и приказалъ имъ дожидаться рѣшенія синода [4], что подобнаго же разрѣшенія ждутъ еще

[1] Арх. св. с., д. 1772 г., № 327, л. 15—16.
[2] Тамъ же, л. 17—37.
[3] Тамъ же, л. 17.
[4] Тамъ же, л. 29, на оборотѣ.

20 священниковъ рашковской протопопіи [1]. Синодъ покрылъ молчаніемъ сдѣланныя Іовомъ присоединенія, но по прежнему не нашелъ возможности разрѣшить недоумѣніе его и препроводилъ все дѣло въ иностранную коллегію [2]. Такимъ образомъ, все это громадное дѣло—отнятіе у уніатовъ многочисленныхъ церквей, заявленіе многочисленными уніатскими священниками готовности принять православіе—находилось на весьма скользкомъ пути. Его не разрѣшали ни синодъ, ни иностранная коллегія. Оно держалось, кромѣ всегдашняго сочувствія украинскаго народа, русскою военною силою. Эту опасную сторону дѣла ясно видѣлъ Іовъ и въ томъ же вышеприведенномъ донесеніи синоду писалъ, что уніаты только ждутъ «отнятія (военнаго) защищенія», чтобы погубить православныхъ исповѣдниковъ [3]. Насколько же крѣпко было это военное защищеніе украинскихъ православныхъ?

Уніатскія власти были въ большомъ затрудненіи, когда православные правители пользовались русскою военною защитою. Въ управленіи уніатскомъ была тогда большая смута. Митрополитъ Володковичъ и его коадъюторы по управленію Украиной, львовскій епископъ Шептицкій и брестскій Млодовскій продолжали спорить съ нимъ за власть надъ Украиной и споръ этотъ доходилъ до того, что агенты львовскаго епископа обѣгали уніатскія благочинія и объявляли, что конецъ теперь власти митрополита [4], а митрополитъ Володковичъ предавалъ запрещенію даже такого авторитетнаго уніата, какъ львовскій главный оффиціалъ Примовичъ [5]. Распускались даже слухи, что Примовичъ намѣренъ принять православіе [6]. Митр. Волод-

---

[1] Тамъ же, л. 64.

[2] Тамъ же, л. 68.

[3] Тамъ же, л. 17.

[4] Арх. ун. м., связка № 441—меморіалъ, данный Гуцевичу 3 февраля 1773 г., кн. Г, IV, № 156—извлеченіе изъ письма Сушицкаго, отъ 25 февраля того же года. Вскорѣ затѣмъ, дѣйствительно состоялось рѣшеніе отнять у обезумѣвшаго Володковича митрополичью власть. См. ниже, стр. 160.

[5] Арх. ун. м., кн. 73, № 142.

[6] Арх. св. с., д. 1772 г., № 327; 6 приложеніе къ прошенію; Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 156—извлеченія изъ писемъ Сушицкаго, отъ 25 и 27 февраля 1773 г.

ковичъ во время этого спора жилъ вдали отъ своей консисторіи, то въ Варшавѣ, то во Владимірѣ-Волынскомъ [1]. Уніаты, оставшіеся вѣрными ему, сообщали ему свѣдѣнія о бѣдствіяхъ своихъ и вопіяли о помощи [2]. Первою мыслію уніатовъ было вызвать на защиту ихъ польскихъ пановъ Украины и находившееся тамъ польское войско, усмирявшее такъ еще недавно украинскихъ гайдамаковъ [3]; но этотъ планъ сейчасъ же былъ оставленъ, потому что русскія команды не затруднялись арестовать и пановъ [4], а начальникъ польскаго войска прямо отказался отъ защиты уніатовъ [5]. Приходилось обращаться къ русскимъ военачальникамъ. Литовскій подкоморій Радзивиллъ, владѣтель Бердичева, взялся помочь въ этомъ уніатамъ. Онъ былъ близокъ съ однимъ изъ начальниковъ русскихъ командъ въ Украинѣ, княземъ Щербатовымъ и однажды (1-го ноября 1772 г.) угощалъ его и Каменскаго въ Бердичевѣ. Уніаты думали воспользоваться этимъ, и Радзивиллъ имѣлъ уже письмо къ Щербатову отъ уніатскаго митрополита. Но оказалось, что нельзя такимъ легкимъ и домашнимъ образомъ поправить своихъ дѣлъ. Оказалось, что Щербатовъ имѣетъ власть только надъ яновскою командою, и въ безполезности такого ходатайства еще больше убѣдилъ уніатовъ бердичевскій комендантъ (Фоккъ?), который сказалъ, что если бы Щербатовъ и приказалъ ему освободить заключенныхъ уніатовъ, то онъ не послушаетъ его, потому что это дѣло зависитъ отъ главнокомандующаго Румянцева. Уніаты стали пробираться къ Румянцеву. Володковичъ написалъ къ нему письмо и послалъ съ нимъ уніата Могельницкаго [6]. Письма этого мы не нашли, но нашли въ уніатскомъ архивѣ отвѣтное письмо Румянцева отъ 23 ноября 1772 г., которое можетъ дать понятіе о жалобахъ Володковича и о впечатлѣніи ихъ на Румянцева. «Съ великимъ огорченіемъ узнаю я изъ письма вашего, писалъ Румянцевъ,

---

[1] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 154; Науков. сборн. Галицко-руск. матицы, вып. III и IV, стр. 274.

[2] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 156.

[3] Тамъ же, № 154.

[4] Тамъ же, кн. Л, XII—жалоба свящ. Саввы Войницкаго; кн. Г, IV, № 154.

[5] Тамъ же, кн. Г, IV, № 156—извлеченіе изъ письма Сушицкаго, отъ 25 февраля 1773 г., а также № 154.

[6] Тамъ же, кн. Г, IV, № 154.

что духовенству вашей паствы дѣлаются обиды и притѣсненія, но невѣроятно, чтобы это дѣлалось при содѣйствіи русскихъ командъ, потому что въ силу яснаго указа ея величества свѣтлѣйшей императрицы, милостивѣйшей государыни моей, я далъ всѣмъ вообще командамъ строжайшее приказаніе, чтобы онѣ только защищали духовныхъ греческой вѣры отъ преслѣдованій и новыхъ обидъ и притѣсненій, чинимыхъ имъ уніатами, но не вмѣшивались ни въ какія другія дѣла. Я увѣренъ, что вы, какъ знающій хорошо все это дѣло, не станете требовать отъ меня новаго, еще болѣе суроваго распоряженія, впрочемъ обѣщаю на будущее время исполнять ваши желанія». Въ письмѣ этомъ сдѣлана была очень непріятная приписка, трудно сказать, сдѣланная ли по приказанію самого Румянцева, или его секретаремъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже[1]. «Сожалѣя объ уніатахъ вашей архіепископіи, претерпѣвающихъ нищету и притѣсненія, я съ свой стороны совѣтую вамъ удержать вашихъ духовныхъ прелатовъ, чтобы они не преслѣдовали православныхъ духовныхъ, не дѣлали имъ обидъ и притѣсненій, которыя тѣ постоянно терпятъ, — ихъ не допускаютъ къ ихъ собственнымъ церквамъ, принуждаютъ къ уніи. Я увѣренъ, что этою мѣрою вы легко прекратите всѣ дальнѣйшія непріятности»[2]. Въ томъ же 1772 или въ началѣ слѣдующаго 1773 г. Володковичъ еще разъ имѣлъ сношенія съ Румянцевымъ. Есть основаніе думать, что онъ самъ ѣздилъ повидаться съ русскими, имѣвшими вліяніе на Румянцева, но и въ этотъ разъ не имѣлъ успѣха[3]. Чтобы подѣйствовать на Румянцева, уніаты придумали слѣдующее средство. «Нѣкоторые полагаютъ, писалъ митрополичій нотарій Сушицкій къ брестскому оффиціалу Яхимовичу, что нужно поднести какой либо значительный подарокъ, если не самому Румянцеву, то, по крайней мѣрѣ, его секретарю, чрезъ котораго нерѣдко получаютъ благопріятное рѣшеніе обращающіеся по своимъ дѣламъ въ Яссы, когда напередъ дадутъ ему взятку. Этотъ сек-

---

1 Приписка, какъ и все письмо, писана не рукою Румянцева.

2 Арх. ун. м., № 982, а также кн. Г, IV, № 152.

3 Арх. ун. м., связка, №451—письмо Сушицкаго къ Яхимовичу, отъ 26 февр. 1773 г.

ретарь высказывалъ Могельницкому укоръ, что когда онъ (секретарь) былъ въ Летичевѣ (т. е. когда его посѣщалъ нашъ владыка), то г. Каминскій отъ имени владыки обѣщалъ ему (секретарю) четырехъ коней. Такъ какъ до сихъ поръ это обѣщаніе не исполнено и г. секретарь помнитъ его, то легко догадаться, что онъ желаетъ, чтобы его исполнили. Я писалъ къ владыкѣ, чтобы исполнилъ это обѣщаніе и чтобы не пожалѣлъ на это своихъ денегъ, которыя обѣщаютъ возвратить заключенные священники» [1].

Пока это новое средство производило свое дѣйствіе, уніаты болѣе и болѣе чувствовали стѣсненное положеніе и вопіяли къ Володковичу о помощи. «Владыко, спаси насъ, погибаемъ, писалъ Сушицкій къ Володковичу 25 февраля 1773 г. Правители уже такъ далеко распространили свою власть и такъ приблизились (къ намъ), что (овладѣли) благочиніями: погребыскимъ, винницкимъ, паволоцкимъ, чигиринскимъ, черкаскимъ, бѣло-церковскимъ, фастовскимъ и тетіевскимъ, овладѣли Уманщиной до Подбережья, отняли благочинія и церкви брацлавскія (брацл. воеводства); священниковъ—однихъ поразгоняли, другихъ позабирали въ неволю; теперь гласно заявляютъ свои притязанія на бердичевское, житомірское и радомысльское благочинія..... и говорятъ, что явятся къ намъ въ Радомысль. Мы приготовились уже бѣжать и сходимся лишь къ столу.... Умилосердись, владыко, благоволи поспѣшить къ намъ и спасти насъ......» [2]

Володковичъ могъ исполнить эту мольбу только къ веснѣ 1773 г. [3], и то не съ полною увѣренностію, что за нимъ останется Украина. Есть извѣстіе, что ко времени пріѣзда Володковича духовныя правители притихли [4]. Есть также извѣстіе, что сдѣланы были какія-то внушенія русскимъ военнымъ командамъ. «Правители всѣ удалились въ Богуславъ; желѣзо (оружіе—военная помощь) у нихъ отнято; теперь они работа-

[1] Арх. ун. м., тамъ же.

[2] Тамъ же, кн. Г, IV, № 156; см. также связка. 451—извлеченіе изъ писемъ Турчиновича, отъ 5 марта 1773 г.; № 1005 (общій нумер.), письмо изъ Житоміра, отъ 2 января того же года.

[3] Пребываніе Володковича на Волыни неспоримо съ мая, когда онъ переписывался съ Ширковымъ и его женой.

[4] Арх. ун. м., связка 451—письмо Сушицкаго, отъ 26 февраля.

ють только перомъ» (пишутъ ордеры [1]). Володковичъ постарался воспользоваться этимъ оборотомъ дѣлъ и занялся прежде всего освобожденіемъ уніатовъ, заключенныхъ въ Бердичевѣ. Надъ русскими отрядами, занимавшими западную часть польской Малороссіи, начальникомъ былъ упоминаемый уже нами Ширковъ. Онъ былъ послѣдователемъ идей своего бывшаго начальника Кречетникова. Онъ, подобно Кречетникову, искажалъ свое русское названіе и собственноручно подписывался de Szyrkow [2]. Измѣна Володковича русскимъ въ 1768 г. не мѣшала Ширкову сближаться съ нимъ въ 1773 г. Сближеніе это усиливалось и обезпечивалось очень надежнымъ средствомъ: Ширковъ былъ женатъ на полькѣ Ледуховской, которая такъ была расположена къ уніат. митрополиту, что Ширковъ даже въ оффиціальномъ письмѣ къ Володковичу дѣлалъ приписку отъ ея имени [3]. Такъ какъ въ этой припискѣ говорится, что жена Ширкова не пишетъ сама къ митрополиту потому, что наканунѣ родила, то мы стали розыскивать, нѣтъ ли ея писемъ. Счастливая случайность дала намъ возможность найти копію одного такого письма. Въ этомъ письмѣ, писанномъ 4 мая 1773 г., говорится, между прочимъ, слѣдующее: «увѣряю васъ, что я употребляю всѣ старанія заступиться за это бѣдное духовенство (уніатское) и мужъ мой предпринимаетъ самыя дѣйствительныя мѣры къ его освобожденію (изъ Бердичева). Нѣсколько дней тому назадъ онъ писалъ объ этомъ къ фельдмаршалу и на этихъ дняхъ ожидаетъ резолюціи» [4]. Въ какомъ смыслѣ писалъ Ширковъ къ Румянцеву, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго: 30 апрѣля отъ Румянцева пришелъ приказъ доставить свѣдѣнія: «кто изъ заключенныхъ сколь давно взятъ и за какое точно преступленіе, за предписаніемъ ли православнаго духовенства или за другіе какіе либо худые издѣлки» [5]. Немедленно собраны были показанія заключенныхъ и по всѣмъ этимъ показаніямъ, какъ и естественно было ожидать, заключенные оказывались

[1] Тамъ же, кн. 73, № 123.

[2] Арх. ун. м., № 1005—письмо Ширкова, отъ 28 іюня, подлинникъ.

[3] Тамъ же.

[4] Тамъ же, связка 441.

[5] Тамъ же, № 760.

невинными, а духовные правители разбойниками и грабителями [1]. Володковичъ счелъ нужнымъ прибавить особыя свѣдѣнія объ этихъ правителяхъ. Мы нашли въ уніатскомъ архивѣ чернякъ, озаглавленный: «списокъ духовныхъ правителей (перешедшихъ изъ уніи въ православіе), составленный 8 мая 1773 г. въ Бердичевѣ» [2]. За перечисленіемъ названій правителей слѣдуетъ общая характеристика ихъ: «всѣ вышепоименованные извѣстны своими преступленіями. Одни отравили своихъ женъ, другіе занимались прелюбодѣяніемъ и кражей, иные были пособниками гайдамакамъ, Гонтѣ и другимъ, обкрадывали церкви и пропили украшенія ихъ. Зная, что ихъ ожидаетъ за ихъ негодныя дѣла надлежащее наказаніе, они подняли бунтъ, отступили отъ св. вѣры и, вырвавшись такимъ образомъ изъ ярма христовыхъ законовъ, дѣлаютъ разбойничьи наѣзды и грабительства, собравъ около себя своевольную толпу и составляя разныя подложныя бумаги, указы и ордеры отъ имени генераловъ, полковниковъ и другихъ начальниковъ русскихъ войскъ, уполномочивающіе будто бы ихъ на такія беззаконія (чего никогда не могло быть, а напротивъ, русскія команды наказывали за это, когда узнавали о такихъ вещахъ). Эти беззаконія они и до сихъ поръ дѣлаютъ, нападаютъ на домà (уніатскихъ священниковъ), требуютъ, чтобы желающіе быть на свободѣ откупались, и которые не имѣли и не имѣютъ чѣмъ откупиться, къ тѣмъ предъявляютъ разныя претензіи, насильно берутъ, вяжутъ, развозятъ по городамъ, укрѣпленіямъ и сажаютъ въ заключеніе. Поэтому просить фельдмаршала приказать схватить ихъ, какъ бунтовщиковъ и завѣдомыхъ преступниковъ, и отослать для наказанія къ митрополичьему суду, тѣмъ болѣе, что, пребывая въ отступничествѣ, они не имѣютъ чистой совѣсти, необходимой для спасенія души, все же награбленное ими, какъ-то: домашнія вещи, скотъ, всякую движимость, возвратить и раздать назадъ» [3]. Это, очевидно, инструкція, какія

[1] Арх. ун. м., кн. Л, XII, съ № 636 по 661.

[2] Поименованы: Гуранда, Переровскій, Войнарскій, Зражевскій, Линскій, Стурскій, Мокрыцкій, Мартвинскій, Голоскевичъ, Камарницкій, Андреевскій.

[3] Тамъ же, № 931, по общ. нумераціи.

свѣдѣнія и желанія слѣдуетъ сообщить Румянцеву. Пока эти новыя свѣдѣнія доставлялись Румянцеву, Володковичъ 23 мая рѣшился открыто заявить о своемъ пребываніи въ своей архіепископіи. Этого числа онъ издалъ окружную грамоту, въ которой призывалъ духовенство явиться въ Радомысль на 9—29 іюня. «Напоминаемъ вамъ, писалъ Володковичъ, ваши обязанности и клятвы, произнесенныя вами всемогущему Богу передъ нами при вашемъ рукоположеніи и назначеніи на приходы. Вы не можете, не идя противъ совѣсти, не послушать нашего призыва, и никакая другая вынужденная отъ васъ присяга не можетъ освобождать васъ отъ этого» [1]. Володковичъ, очевидно, надѣялся, что онъ теперь можетъ сразу уничтожить завоеванія духовныхъ правителей. Не имѣемъ прямыхъ извѣстій, кто прибылъ на этотъ соборъ. Можно думать однако, что прибыли многіе. Въ одномъ спискѣ жалобъ уніатовъ, большая часть жалобъ 1773 г. помѣчены послѣдними числами іюня. Вѣроятно, эти жалобы доставлены были по этой призывной грамотѣ [2]. Володковичъ надѣялся на этомъ же соборѣ обрадовать духовенство извѣстіемъ объ освобожденіи бердичевскихъ узниковъ. Но этого не случилось. 26 іюня 1773 г. Ширковъ писалъ къ уніатскому митрополиту: «Я столько употребилъ усилій, чтобы ваше желаніе исполнилось, что наконецъ получилъ сегодня разрѣшеніе освободить священниковъ, заключенныхъ въ Бердичевѣ» [3]. Но эта радость для уніатовъ омрачалась прибавочнымъ извѣстіемъ въ письмѣ Ширкова. Онъ, по предписанію Румянцева, долженъ былъ потребовать отъ Володковича росписки, что 1) освобождаемые уніатскіе священники не возвратятся на отнятые у нихъ приходы и не будутъ дѣлать православнымъ священникамъ никакихъ непріятностей или бунтовъ противъ нихъ; 2) какъ прежде никогда не возбуждали крестьянства къ бунтамъ, такъ и теперь не будутъ возбуждать; 3) никому не будутъ давать повода къ ссорѣ, и если кто обвинитъ передо мною (митрополитомъ) кого либо изъ освобождаемыхъ священниковъ въ несоблюденіи этихъ пунктовъ, и представитъ доказательства, то обязываюсь дѣлать всегда над-

---

1 Арх. ун. м., печатн. брош., № 22.

2 Тамъ же, рук., № 934.

3 Тамъ же, связка № 441.

лежащее удовлетвореніе; 4) если кто изъ освобождаемыхъ священниковъ заявитъ претензію къ русскому войску, то обязуюсь доставить таковаго немедленно [1]. Какъ трудно было Володковичу исполнить эти условія, видно изъ того, что въ томъ же письмѣ, въ которомъ Ширковъ извѣщалъ его о разрѣшеніи освободить уніатовъ на этихъ условіяхъ, онъ въ припискѣ дружески же (prout bonus amicus) совѣтуетъ ему удержаться отъ фанатическаго отношенія къ священникамъ, принимавшимъ православіе [2]. Володковичъ написалъ было какую-то росписку, но Ширковъ не могъ ея принять, исправилъ по своему, послалъ къ Володковичу и, желая поскорѣе освободить заключенныхъ, предложилъ вручить новую росписку посланному офицеру, которому поручалъ затѣмъ выпустить уніатовъ изъ Бердичева [3]. Но Володковичъ не подписалъ росписки и теперь. Онъ предпринялъ новыя мѣры освободиться отъ предложенныхъ ему условій. Объ этомъ онъ самъ разсказываетъ въ своемъ донесеніи папскому нунцію. «Сынъ Карвицкаго, хранителя большой печати польскаго королевства, подвигнутый просьбами его, митрополита, и сановниковъ кіевскаго воеводства, принялъ на себя обязанность делегата къ главнокомандующему русскаго войска (Румянцеву) и, возвратившись оттуда, извѣстилъ меня, что ѣздилъ къ генералу Ширкову по дѣлу объ освобожденіи заключенныхъ, и пригласилъ меня лично явится въ Дубно, въ которомъ теперь пребываетъ Ширковъ. Я немедленно отправился въ Дубно и, найдя тамъ Ширкова, возобновилъ мои постоянныя по долгу человѣколюбія просьбы (объ освобожденіи заключенныхъ). Означенный генералъ показался теперь болѣе склоннымъ къ освобожденію ихъ (чѣмъ прежде), однако старался обратить въ ничто наше выжиданіе этого освобожденія тѣмъ, что требовалъ, чтобы я подписалъ росписку въ томъ видѣ, въ какомъ я сообщилъ вамъ въ прежнемъ моемъ письмѣ изъ Радомысля. Но при Божіей помощи, при посредствѣ сіятельнаго князя Сангушки,

---

[1] Арх. ун. м., связка 451.

[2] Володковичъ въ письмѣ къ солтановскому священнику, доставленномъ Ширкову, угрожалъ этому священнику за отступленіе отъ уніи гнѣвомъ Божіимъ и казнію. Арх. ун. м., связка № 441.

[3] Тамъ же, № 1005.

при настойчивомъ заступничествѣ другихъ сановниковъ, гостившихъ у Ширкова, и благодаря другимъ, счастливо принятымъ мѣрамъ, генералъ этотъ наконецъ принялъ росписку въ той формѣ, какая находится въ приложеніи къ этому донесенію и далъ приказъ освободить заключенныхъ», за которыми Володковичъ послалъ уже, и около 12 октября, когда писано было это донесеніе, ожидалъ ихъ со дня на день [1]. Этой новой росписки мы не нашли, но и въ ней Володковичъ долженъ былъ, какъ сейчасъ увидимъ, принять главнѣйшее условіе, чтобы уніаты не возвращались на отнятые у нихъ приходы.

Не одна угодливость Ширкова, не одна правдивость или гуманность Румянцева и не одно корыстолюбіе секретаря русскаго главнокомандующаго направляли ихъ дѣйствія въ пользу уніатовъ и въ подрывъ успѣховъ православныхъ правителей. Уніаты, какъ люди, подобно полякамъ, привыкшіе къ широкой общественной дѣятельности, не ограничились тѣмъ, что дѣйствовали на ближайшихъ русскихъ силою ходатайствъ большихъ пановъ, силою женщинъ или подкупами. Въ то же самое время они дѣйствовали и на болѣе широкомъ и болѣе опасномъ для православной Украины поприщѣ. Еще въ началѣ 1773 года Володковичъ написалъ къ королю письмо съ мольбой защитить уніатовъ [2]. Папскому нунцію въ Варшавѣ посланъ былъ списокъ заключенныхъ и изгнанныхъ изъ приходовъ уніатскихъ священниковъ съ просьбой—напечатать этотъ списокъ и для возбужденія ревности роздать съѣзжавшимся тогда членамъ королевскаго совѣта [3]. Возбуждать ревность предполагалось не въ однихъ членахъ совѣта. Къ веснѣ 1773 г. собирался польскій сеймъ для заключенія трактата съ державами, раздѣлившими Польшу. Уніаты, какъ мы видѣли, знали и даже преувеличивали благодушное отношеніе Екатерины къ латинству, даже къ уніи. Этимъ благодушіемъ они задумали теперь воспользоваться. Въ уніатскомъ архивѣ со-

---

[1] Арх. ун. м., связка № 451.

[2] Тамъ же, № 958.

[3] Тамъ же, связка № 441, memoryał Hucewiczowi, отъ 3 февраля 1773 г. Уніаты хлопотали, чтобы напечатано было 50 экземпляровъ на латинскомъ языкѣ и затѣмъ еще 50 на польскомъ.

хранились черновыя письма уніатскаго митрополита Володковича или полоцкаго архіепископа Смогоржевскаго къ латинскимъ епископамъ плоцкому, луцкому, холмскому и къ другимъ лицамъ съ просьбой стараться, чтобы на предстоящемъ сеймѣ обезпечены были права вѣры [1]. Лѣтомъ этого года, когда надъ трактатомъ работала избранная сеймомъ делегація, а сеймъ разошелся до половины сентября, уніаты собрали новые матеріалы для возбужденія ревности и въ членахъ делегаціи, и въ членахъ имѣющаго вновь собраться сейма. Они собрали заявленія отъ прихожанъ и священниковъ о желаніи ихъ оставаться въ уніи [2]. Замѣчательно, что заявленія эти собраны въ западной части польской Малороссіи, даже изъ очень западныхъ мѣстностей, лежащихъ у западнаго Буга. Предполагалось, вѣроятно, что заявленій этихъ никто изъ русскихъ не станетъ провѣрять. Всѣ эти усилія уніатовъ провести свое дѣло на сеймѣ дѣйствительно увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Какіе-то поляки, вѣроятно, изъ членовъ делегаціи, заявили слѣдующіе пункты, очевидно, уніатскаго происхожденія: 1) безопасность вѣры; 2) дабы всѣ церкви и монастыри, также и попы-уніаты по причинѣ епископа переяславскаго въ нынѣшнее время подъ караулъ взятые посредствомъ войска россійскаго, возвращены были, а отступники, которые отъ уніи отщепились и къ схизмѣ пристали, отданы были обратно и наказаны примѣрно [3]. Въ трактатѣ 1773 г., какъ мы видѣли, нѣтъ ничего похожаго на исполненіе этихъ требованій, ни даже прямаго упоминанія о какихъ либо правахъ уніатовъ; но въ этомъ трактатѣ принято было одно весьма важное условіе,—подтвержденъ былъ трактатъ 1768 г. [4]. Въ трактатѣ 1773 г. сказано было [5], что «третій, четвертый и пятый артикулы заключеннаго въ 1768 г. трактата съ принадлежащими къ оному сепаратными актами не въ иной силѣ разумѣться будутъ, какъ въ той, что по онымъ.. въ особомъ актѣ по-

[1] Арх. ун. м., связка № 441; а также № 959 (общей нумераціи).

[2] Тамъ же, № 934.

[3] Эти пункты оповѣщены были тогда же въ какой-то польской газетѣ и изъ нея взяты въ томъ же 1773 г. малороссами, подававшими жалобу Екатеринѣ. Арх. св. с., д. 1772 г., № 327, л. 95.

[4] Собр. зак., № 14042, параграфъ 5.

[5] Тамъ же, параграфъ 7.

становится». Это знакомые намъ пункты о недозволеніи переходить изъ господствующаго, римскаго вѣроисповѣданія обоихъ обрядовъ и объ изгнаніи изъ отечества нарушающихъ этотъ законъ. Пункты эти упомянутыми здѣсь сепаратными актами 1768 г. ослаблялись,—православнымъ давались права свободы; теперь это ограниченіе отнималось, дѣло предоставлялось неизвѣстному будущему.

Православные жители польской Малороссіи внимательно слѣдили за дѣлами, происходившими на сеймѣ, и знали многое, что̀, по ихъ мнѣнію, не было извѣстно русскому правительству. Ихъ сильно встревожило извѣстіе, что трактатомъ, заключеннымъ на сеймѣ, утверждался трактатъ 1768 г. и что третій артикулъ сепаратнаго акта ждетъ какого-то особаго разъясненія. Они, какъ видно, разузнавали объ этомъ и получили самыя тревожныя извѣстія. Въ ихъ руки какимъ-то образомъ попались, то въ подлинникахъ, то въ копіяхъ, нѣкоторыя, письма нунція и уніатскихъ властей, не оставляющія въ нихъ никакого сомнѣнія въ томъ, что русская политика измѣняется не въ ихъ пользу и что на эту перемѣну имѣютъ большое вліяніе интриги. Въ особенности ихъ тревожило доставшееся имъ письмо папскаго нунція къ главному оффиціалу львовской епископіи Примовичу. Копія письма этого заключала въ себѣ дѣйствительно странныя вещи «По желаніямъ нашимъ, писалъ нунцій Гарамтій въ концѣ августа къ Примовичу, начинаетъ нынѣ милостивый Богъ милостиво намъ пособіемъ своимъ благодѣтельствовать и возлюбленную церковь утѣшать. Полномочный посолъ россійскій по окончанію (переговоровъ съ членами делегаціи) трактатъ свой съ польскимъ народомъ публично подалъ, чего для я разныя средства и всѣ страніа употребилъ, дабы во первыхъ трактовано было о отдачѣ церквей украинскихъ уніатамъ и о увольненіи священниковъ изъ-подъ караула. По многомъ съ обѣихъ сторонъ супротивленіи осталось (остановилось) сіе дѣло на нижеслѣдующемъ, въ которомъ супротивленіи много помогли мнѣ онаго посла благородные господа земляки (инфляндскіе нѣмцы?), кои возжены будучи ревностію и защищеніемъ религіи всѣми силами о дѣлѣ нашемъ домогалися и такъ сильно настояли, что россійскій полномочный уже писалъ не точію къ главному

арміи предводителю Румянцову, дабы старался о увольненіи содержащихся подъ карауломъ священниковъ, но и у императорскаго своего двора выпросилъ для себя то преимущество, дабы властенъ былъ онъ самъ повелѣть всѣ недавно отобранныя церкви отдать уніатамъ» [1]. Письмо это для малороссовъ получало особенную силу. Они видѣли, что дѣйствительно освобождены взятые подъ арестъ уніатскіе священники, что русскія власти даютъ войскамъ строгія предписанія не обижать уніатовъ и что Ширковъ не только дѣлаетъ внушенія православнымъ духовнымъ правителямъ удерживаться отъ преслѣдованія уніатовъ [2], но и отдаетъ уніатамъ отнятыя у нихъ церкви [3]. Вмѣстѣ съ тѣмъ представители уніи одинъ за другимъ заявляли свои права на Украину и какъ бы старались опередить въ этомъ одинъ другаго. Въ то время, т. е. во второй половинѣ 1773 г., уніатскія дѣла въ западной Малороссіи пришли въ совершенный хаосъ. Споръ изъ-за Украины между митрополитомъ Володковичемъ и его коадьюторами дошелъ до того, что папа рѣшилъ отнять у митрополита власть и объявить администраторомъ митрополіи львовскаго епископа Льва Шептицкаго. Папскій нунцій послалъ холмскаго епископа Максимиліана Рылло во Владиміръ объявить эти рѣшенія, а также осмотрѣть уніатскія церкви въ Украинѣ въ качествѣ визитатора. 15 сентября Рылло объявилъ папскій декретъ Володковичу, который разразился бранью противъ своихъ коадьюторовъ (львовск. и влад. еп.) [4], и вовсе не думалъ отказываться отъ власти. Вслѣдъ за тѣмъ Украина узнала, что всѣ эти уніатскіе іерархи налегаютъ на нее и стараются превзойти другъ друга суровостію въ отношеніи къ православнымъ. Львовскій уніатскій епископъ Левъ Шептицкій издалъ грозное посланіе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Уже божіимъ благоволеніемъ всесильнѣйшія и пресвѣтлѣйшія потенціи (государства, раздѣлившія Польшу), до общаго соумиренія приступающе, о цѣлости вѣры святыя

1 Арх. св. с., д. 1772 г., № 327, л. 87—8.

2 Арх. ун. м., связка № 451.

3 Тамъ же, кн. Г, IV, № 179.

4 ...ковый сборникъ Галицко-русской матицы за 1866 г., вып. III и ... 274, выписки изъ дневника Рыллы.

каѳолическія римскія, отсюду же соединенныхъ обрядовъ нашихъ привращеніе (привращеніи) и забранныхъ церквей унѣятомъ отданіе (отданіи) спасительнаго промышленія не опустиша. Уже сами сіе отчасти познавати можете, видяще како гоненіе укротися, озлобленіе унѣятовъ преста, како сіе самое, еже безчинно всѣяся въ васъ (возстановленіе православія), уступати и искоренятися начатъ. Что убо прочее ожидаете? Возвращайтеся доброхотнѣ ко приличной вамъ власти и послушанію, донележе время есть: прочее движима на отступниковъ трактатомъ 1768 г. казнь по соумиреніи краевомъ не будетъ пренебрежена» [1]. Уніатскій митрополитъ Володковичъ какъ бы показывая, что не Шептицкій, а онъ настоящій владыка Украины, явился въ ней лично у Винницы, и пригласилъ окружной граматой священниковъ и дьячковъ въ Браиловъ для принесенія присяги на вѣрность уніи, съ угрозою подвергнуть непокорныхъ денежному штрафу [2]. Къ сосѣдней краснянской протопопіи Володковичъ отнесся гораздо строже. Онъ объявилъ духовенству ея, чтобы никто не уклонялся отъ уніи, и въ предостереженіе не только привелъ извѣстный (3-й) артикулъ трактата 1768 г., но и его толкованіе. «Конституціею, силу трактата имѣющею, 1768 г. положено быть господствующей въ королевствѣ польскомъ католицкой религіи вмѣстѣ съ обрядомъ греческимъ, съ святою римскою церковью соединеннымъ, т. е, уніи, а противъ того, ктобъ отъ ней отступилъ и отщепился, казнь отъятіемъ головы поставлена, приходъ же къ оной религіи свободной дозволенъ [3]». Холмскій уніатскій епископъ Максимиліанъ Рылло поступалъ еще смѣлѣе. Опираясь на полномочіе отъ нунція и на поддержку пановъ, Рылло разъѣзжалъ по Украинѣ, окруженный польскою командою, насильно отбиралъ православныя церкви и принуждалъ прихожанъ къ уніи [4].

Православнымъ жителямъ польской Малороссіи приходилось отказываться не только отъ злоупотребленій по отношеніи

---

1 Арх. св. с., д. 1772, № 327, л. 79.

2 Тамъ же, л. 92—3.

3 Тамъ же, л. 90.

4 Тамъ же, прошеніе украинцевъ Екатеринѣ, § 19, а также ихъ полномочіе повѣреннымъ, л. 97.

къ уніатамъ, но и отъ православныхъ пріобрѣтеній, и мало того, приходилось опасаться вновь за существованіе православія въ старыхъ пунктахъ. Они питали надежду, что вслѣдъ за Бѣлоруссіей будетъ присоединена къ Россіи и польская Малороссія, и открыто заявляли это. Въ одной жалобѣ уніатскаго священника, поданной въ іюнѣ 1773 г., говорится, что ему объявили, что кіевское и брацлавское воеводства будутъ присоединены къ Россіи и что это заставило его подписаться на православіе [1]. Уніаты также жаловались, что православные духовные считаютъ для себя обязательными эдикты Чернышева. Уніатъ Скульскій въ письмѣ къ Володковичу отъ 27 февраля 1773 г. между прочимъ писалъ: «въ Погребыщахъ неуніатъ вошелъ въ (уніатскую) церковь, служилъ, и въ проповѣди поносилъ святую унію и Римъ и, читая эдиктъ Чернышева (вѣроятно о запрещеніи сношеній съ Римомъ) провозглашалъ, что Римъ и св. отецъ не будутъ имѣть никакой власти, что это запрещено царицей и что переяславскій епископъ будетъ объявленъ владыкой кіевской (въ Польшѣ) и брацлавской епископіи» [2]. Теперь приходилось разставаться съ надеждою на присоединеніе. Трактатъ 1773 г. убѣждалъ малороссовъ, что одна Бѣлоруссія присоединяется къ Россіи, а западная Малороссія оставляется за Польшей, и даже можетъ ослабѣть признанное трактатомъ 1768 г. покровительство Россіи надъ нею. Мы не нашли памятниковъ, которые бы раскрыли намъ, какъ малороссы обсуждали свои дѣла въ это трудное время осенью 1773 г. Изъ уніатскихъ извѣстій мы узнаемъ лишь, что еще въ началѣ 1773 г. духовные правители собирались въ Тетіевѣ, конечно не для того лишь, чтобы послать Войнарскаго въ Бердичевъ убѣждать заключенныхъ уніатовъ принять православіе, и — въ Богуславѣ, конечно не для того лишь, чтобы укрыться отъ уніатскихъ властей; а между тѣмъ, необходимо думать, что совѣщанія были не разъ, и не однихъ духовныхъ правителей, а также и представителей всей западной Малороссіи. 2 декабря 1773 года подписанъ былъ ими актъ величайшей исторической важности, остававшійся къ сожалѣнію до сихъ поръ, т. е. сто лѣтъ, неизвѣст-

[1] Арх. ун. м., № 934—жалоба № 29.
[2] Тамъ же, кн. Г., IV, № 156.

нымъ нашей наукѣ и нашему обществу. Это—полномочіе жителей воеводствъ: кіевскаго, брацлавскаго, подольскаго и Волыни тремъ депутатамъ къ Екатеринѣ, которымъ поручалось просить «свободнаго содержанія ихъ (малороссовъ) древней религіи и пользованія (прежними) вольностями, ограничить третій артикулъ сепаратныхъ актовъ 1768 г., яко до нихъ не касающійся; буде же польскій главный судъ не позволитъ на желаніе ихъ учинить удовольствіе, то они (малороссы) своимъ вѣрющимъ листомъ даютъ депутатамъ право поддать ихъ самодержавію россійскому подъ вѣчное защищеніе и подданство, однако при ихъ древнихъ вольностяхъ на основаніи томъ, что и съ Хмѣльницкимъ гетманомъ трактатъ при поддачѣ Россіи заключенъ». Актъ этотъ подписанъ былъ 35 духовными лицами — предсѣдателями и членами духовныхъ правленій и 11 свѣтскими, въ томъ числѣ двумя полковниками (казацкими) [1]. Принимая во вниманіе то, что актъ этотъ составленъ, спустя три года послѣ жестокой расправы съ малороссійскими гайдамаками при содѣйствіи русскаго войска, что онъ составлялся въ то время, когда русская защита почти совсѣмъ была отнята и что наконецъ онъ составлялся въ ожиданіи казни отъ польскаго правительства за государственное преступленіе, нужно удивляться не тому, что мысль о подданствѣ Россіи высказана въ немъ нерѣшительно, а тому, что нашлись въ это время въ западной Малороссіи столь смѣлые люди, что подписали и въ такой условной формѣ просьбу о подданствѣ Россіи.

Три депутата—духовные правители: бѣлоцерковскій Василій Зражевскій, богуславскій Стефанъ Левандовскій и краснянскій Иванъ Богдановичъ, съ неограниченнымъ полномочіемъ, высказанномъ въ томъ же актѣ, отправились къ своему епископу въ Переяславль и, вѣроятно, тамъ составили прошеніе на имя Екатерины, переписанное затѣмъ въ Кіевѣ. При этомъ сдѣлано было, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, весьма важное отступленіе отъ вышесказаннаго акта. Порученіе поддать Малороссію подъ россійское самодержавіе въ вѣчное защищеніе и подданство оставлено въ сторонѣ и замѣнено просьбою о продолженіи защищенія православныхъ русскою

[1] Напечатанъ нами въ журналѣ Мин. Народ. Просвѣщ. за 1872 г., м. сент.

военною силою. Впрочемъ, и духовные депутаты въ своемъ прошеніи невольно поддавались мысли, что нѣтъ имъ надежды на Польшу, и Россія снова должна ждать смутъ въ Украинѣ, если не защититъ ихъ. «Означенные уніатскихъ властей предпріятіи ко истребленію грекороссійской религіи и нашихъ вольностей такъ насъ позмучили, говорится въ прошеніи, что уже всеконечно видимъ, ежели ваше императорское величество насъ матернимъ милосердіемъ не покріете, (то) будетъ предъ всѣмъ свѣтомъ кровопролитная Богу жертва»[1]. Къ прошенію своему депутаты приложили и данное имъ полномочіе и добытыя ими письма папскаго нунція и уніатовъ, доказывавшія интриги враговъ православія [2]. Депутаты эти отправились въ Петербургъ, съ вѣдома и согласія своего епископа. 23 января 1774 г. Іовъ Переяславскій писалъ, между прочимъ, въ синодъ: «сего 1774 г. генваря 17 дня тамошніежъ, заграничные православные протопопы: бѣлоцерковскій Василій Зражевскій, богуславскій Стефанъ Левандовскій и краснянскій Іоаннъ Богдановичъ, по взвѣренію всѣхъ заграничныхъ духовныхъ и мірскихъ въ кіевскомъ и браславскомъ воеводствахъ состоящихъ православныхъ греческихъ исповѣдниковъ поданнымъ мнѣ доношеніемъ представили: что они и за помощію россійскихъ командъ не имѣютъ отъ римлянъ и уніатовъ свободы содержать свое грекороссійское исповѣданіе, непрестанно же терпятъ гоненія, грабительства, насилованіе къ уніи и самыя мучительскіи притѣсненія съ произношеніемъ похвалокъ въ конецъ истребить православіе; и затѣмъ паки представить о томъ святѣйшему правительствующему синоду и по исходатайствованію милостиваго разсмотрѣнія, самыхъ ихъ отпустить въ святѣйшій синодъ; изъ сихъ и другихъ дошедшихъ ко мнѣ многихъ жалобъ и самому мнѣ совершенно извѣстно нужное ихъ состояніе. Затѣмъ принужденнымъ нашелся я и паки о томъ трудить святѣйшій правительствующій синодъ и прописанныхъ протопоповъ при семъ въ ихъ просьбахъ милостивому вашего святѣйшества представляю разсмотрѣнію»[3]. 13 марта 1774 г. депутаты явились въ синодъ

---

[1] Напечатано нами въ Христ. чтеніи за 1872 г. м. іюль.

[2] Арх. св. с., д. 1772, № 327, л. 87—100.

[3] Тамъ же, л. 81.

и представили свое прошеніе на имя Екатерины и приложенія къ нему. Синодъ приказалъ переводчику перевесть приложенія (письма) съ польскаго на русскій языкъ и доложить [1]. 20 марта все это было доложено, и синодъ рѣшилъ отослать все дѣло въ иностранную коллегію «при указѣ, коимъ требовать, чтобы оная коллегія къ защищенію тѣхъ православныхъ исповѣдниковъ употребила всевозможныя мѣры, и какое въ той коллегіи опредѣленіе послѣдуетъ, о томъ святѣйшій синодъ увѣдомленъ былъ бы» [2]. Въ дѣлѣ затѣмъ помѣчено, что сами просители понесли дѣло въ иностранную коллегію [3].

Надобно думать, что въ западной Малороссіи, даже не въ средѣ малороссовъ, ожидали многаго отъ этой депутаціи. Здѣсь, въ то время, когда малороссійскіе депутаты ѣхали въ Петербургъ, совершилось весьма важное событіе. Ширковъ ли испугался, что слишкомъ ужъ послабилъ уніатамъ, или королевская партія смущена была смѣлыми дѣйствіями Рыллы—приверженца барской конфедераціи, или наконецъ этому ревнителю уніи мстили друзья Володковича, но такъ или иначе признано было необходимымъ обуздать Рыллу, и онъ 17 февраля 1774 г. былъ арестованъ и просидѣлъ въ Бердичевѣ до 2 іюля. [4] Другихъ благопріятныхъ послѣдствій этой депутаціи не знаемъ и не имѣемъ никакихъ прямыхъ извѣстій, какъ рѣшила это дѣло коллегія иностранныхъ дѣлъ. Судя потому, что по подобному же дѣлу рѣшенія не получилъ Георгій Конисскій, можно думать, что опредѣленнаго рѣшенія не было дано и малороссійскимъ депутатамъ, а оно отложено было до того времени, когда составятся дополнительныя статьи къ трактату 1773 г. Дополненія эти сдѣланы были въ началѣ 1775 года, во время происходившаго тогда польскаго сейма. Постановлено было: 1) обѣимъ сторонамъ, православной и уніатской, оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ застанетъ это постановленіе (statu quo) и наблюдать миръ и тишину; 2) для разбора взаимныхъ ихъ жалобъ и для опредѣленія на основаніи

---

[1] Тамъ же, л. 101.
[2] Тамъ же, л. 107.
[3] Тамъ же, л. 111.
[4] Науковый сборн. Галицко-русской матицы за 1866 г., вып. III и IV, стр. 261—3—выписки изъ дневника Рыллы.

трактата 1768 г., и только съ этого времени, а не съ 1717 г., кому должны принадлежать спорныя церкви, назначить смѣшанную коммисію. Оба договаривавшіяся государства показывали такую вѣру въ силу этихъ постановленій, что обязывались запретить своимъ войскамъ мѣшаться или подавать кому бы то ни было руку помощи по этимъ дѣламъ, и замѣняли это строгимъ внушеніемъ своимъ подданнымъ ожидать въ спокойствіи рѣшеній смѣшанной коммисіи. По неизвѣстнымъ намъ причинамъ, второй пунктъ этого постановленія тогда же измѣненъ былъ, и во второмъ сепаратномъ актѣ, вмѣсто смѣшанной коммисіи, жалобы и спорныя дѣла между православными и уніатами предоставлено было разбирать королевскимъ судамъ—польскому и литовскому, и въ этихъ судахъ въ случаѣ недостатка могло быть и не равное число членовъ, латинянъ и православныхъ. Въ какомъ направленіи дѣлались подобныя измѣненія, видно изъ того, что въ томъ же второмъ сепаратномъ актѣ сдѣлано ограниченіе правъ диссидентовъ. Они исключались изъ сената и министерствъ польскаго и литовскаго; хоронить своихъ покойниковъ въ праздничные дни они могли только или до начала латинскаго богослуженія, или по окончаніи его; они подчинялись латинской іерархіи по дѣламъ о смѣшанныхъ бракахъ, т. е. по вопросамъ о разводѣ и о наслѣдствѣ [1].

Трактатъ этотъ сейчасъ же началъ обращаться въ ничто. Русскія войска стали выходить изъ Польши [2], но не всѣ вышли [3]. Король издалъ манифестъ, приглашавшій разновѣр-

[1] Истор. ун. Бант. Каменск., стр. 332—335; Angeberg—Recueil de traités... concernant la Pologne (1862 г.), стр. 167—175. Въ 5 § перваго артикула перваго сепаратнаго акта, по изданію Анжеберга, даже сказано, (стр. 169), чтобы православные при своихъ церквахъ, которыя впредь будутъ построены въ мѣстечкахъ, не имѣли колоколовъ (des cloches). У Бант. Кам. въ обоихъ изданіяхъ это мѣсто переведено: диссидентамъ не имѣть впредь католиковъ при ихъ церквахъ (стр. стар. изд. 399, новаго 335). Въ IX арт. втораго сепаратнаго акта—обязательство общими силами защищать кіевское, брацлавское и подольское воеводства отъ гайдамаковъ. Angeb., стр. 174. Въ этомъ же (1775) году, какъ извѣстно, уничтожена и Запорожская Сѣчь по мысли Потемкина. Русск. Арх. за 1867 г., стр. 1024 и 1026.

[2] Арх. ун. м., № 935.

[3] Помогали Іоанну Богдановичу еще въ 1776 г., какъ увидимъ ниже.

ныхъ жителей его государства наблюдать миръ и тишину [1], но на этотъ манифестъ никто не обращалъ вниманія [2]. Православные жители Украины пріуныли отъ этого трактата. Двое изъ депутатовъ, ѣздившихъ въ Петербургъ, совершенно сходятъ съ виднаго поприща дѣятельности. Мы видимъ лишь третьяго изъ нихъ, краснянскаго протопопа Іоанна Богдановича, который, по какому то недоразумѣнію, продолжаетъ противодѣйствовать уніатамъ и съ русскою военною силою отнимаетъ уніатскія церкви. Но его вразумляетъ Ширковъ и возвращаетъ назадъ отнятыя церкви [3]. Какъ быстро и далеко въ глубь Украины заходили тогда уніаты, возстановляя вездѣ унію, можно судить по тому, что одинъ изъ Любомірскихъ, Осипъ, далъ въ 1775 г. своимъ управителямъ (уманской области) распоряженіе, чтобы они изъ всѣхъ его имѣній изгнали православныхъ священниковъ и передали церкви уніатамъ [4]. Въ слѣдующемъ году, 1776, уніаты въ этой уманской области въ половинѣ апрѣля звѣрскимъ образомъ замучили православнаго уманскаго протопопа Кирилла Зельницкаго [5]. Въ этихъ новыхъ завоеваніяхъ уніатскихъ особенно отличался представитель львовскаго епископа, Іоаннъ Любинскій, брацлавскій оффиціалъ. Онъ велъ обширную переписку съ панами, часто ѣздилъ къ нимъ и вызывалъ на поддержку уніи [6]. Въ 1776 г.

---

[1] Арх. ун. м., кн. Г. IV, № 180. Отъ свят. синода тоже были посланы переяславскому епископу указы (4 іюля 1776 и 17 января 1777 г.) внушить православному духовенству и народу въ Польшѣ, чтобы они «поступали съ кротостію и смиреніемъ, не подавая поводу никакова отнюдъ противной сторонѣ къ каковымъ либо раздорамъ и несогласіямъ.» Приводится содержаніе этихъ указовъ въ д. арх. св. с. 1788 г., № 212, л. 21. Тамъ же упоминается и манифестъ короля о соблюденіи мира и тишины.

[2] Тамъ же, дѣло Арх. св. с.

[3] Арх. ун. м., кн. Г. IV, № 179. Рѣшительныя дѣйствія Іоанна Богдановича описываются еще (тамъ же № 177) въ протестѣ уніатовъ отъ 1 августа 1776. Тамъ же расказываются подобныя дѣла и другихъ правителей; указывается также, что правителямъ помогали гетманцы въ Бѣлой Церкви и что особенно поддерживалъ православныхъ въ винницкой области полковникъ Брянчаниновъ. На сколько это вѣрно, не можемъ сказать. Нижеприводимые факты показываютъ другое.

[4] Тамъ же, № 208, копія приказа Любомірскаго.

[5] Докум. стр. 566—582, жалоба православныхъ; Кіевск. еп. вѣд 1862 г., ч. неоф., стр. 335—341—показаніе Методовскаго.

[6] Тамъ же, Док. стр. 564.

уніаты овладѣли въ Украинѣ 800 церквей [1]. Въ 1778 г. другой Любомірскій, Александръ, отдалъ уніатамъ православныя церкви въ своей части смилянскихъ имѣній [2].

Православные жители Украины записали жалобы въ винницкія книги въ 1775 и 1776 г. [3]. Въ 1776 г. они посылали, кромѣ того, чечельницкаго протопопа Луку Романовича и Илью Голоскевича съ жалобой къ королю, и при содѣйствіи русскаго посла получили универсалъ, предписывавшій не нарушать правъ православныхъ; но польскій полковникъ Ерличь не дозволилъ обнародовать этого манифеста въ Бершадѣ, и подослалъ переодѣтыхъ людей, которые избили православныхъ священниковъ, намѣревавшихся объявить универсалъ [4], а оффиціалъ Любинскій отказался объявить его своему уніатскому духовенству [5]. Православные обратились къ прежнимъ средствамъ,—стали посылать жалобы въ святѣйшій синодъ [6]. Русское правительство сдѣлало внушеніе королю [7] и предписало вновь своимъ военачальникамъ въ Польшѣ защищать православныхъ [8]. Это тѣмъ болѣе оказалось необходимымъ, что вскорѣ затѣмъ, именно 1778 г., умеръ Володковичъ, его мѣсто занялъ теперь вполнѣ Левъ Шептицкій, и дѣла уніатскія естественно стали еще больше оживляться [9]. Въ это время въ переяславской консисторіи накопилось 34 жалобы только изъ чигиринской и корсунской протопопій. Сущность ихъ такъ излагаетъ переяславскій епископъ Иларіонъ въ своемъ донесеніи св. синоду: «посланы отъ мене святѣйшему правительствующему синоду тридцать четыре разные доношеніи и жалобы отъ православныхъ въ Польшѣ обитающихъ священниковъ и протопоповъ: чигиринскаго Левитска-

---

[1] Арх. св. с., д. 1785 г., № 98, л. 31.

[2] Арх. ун. м., Г. IV, № 197.

[3] Докум., стр. 562—4.

[4] Арх. ун. м., кн. X, № 592; Докум., стр. 564.

[5] Докум., стр. 566.

[6] Арх. св. с., д. 1785 г., № 98, л. 31; дѣло 1778 г., № 312, л. 40—45.

[7] Тамъ же.

[8] Арх. ун. м., кн. Г. IV, № 173, копія на польскомъ языкѣ предписанія Штакельберга Ширкову объявить уніатамъ, что если они не перестанутъ преслѣдовать православныхъ, то военная сила будетъ давать имъ отпоръ.

[9] Арх. ун. м., кн. В. III, № 87.

го о томъ, что нарочній отъ уніатской власти присланъ къ нему для взысканія за прошедшіе семъ годъ съ православныхъ, въ вѣдомствѣ его состоящихъ духовенства и церквей платежа, называемаго катедратикъ и протчихъ экспенсовъ на уніатскую консисторію, угрожая притомъ строгою экзекуціею въ случаи таковыхъ денегъ не выстатченія, а корсунскаго Адамовича... о произшедшихъ и происходящихъ тоей протопопіи православному духовенству отъ уніатовъ и католиковъ разнообразныхъ наглостяхъ, угнетеніяхъ и крайнѣйшихъ въ домовствѣ и имѣніи раззореніяхъ, по которымъ значитъ, что не толь у нѣкоторыхъ съ нихъ поотъиманы приходскіе ихъ православные церкви и поручены уніатамъ, но сверхъ того необыкновенными чиншами и взмышленными разными наглыми поборами такъ угнетены, раззорены и приведены въ послѣднюю нищету, что иные будучи не въ состояніи таковъ выплатить окладъ, женъ и дѣтей въ залогъ оставляли» [1]. Протопопіи отдаленныя отъ Переяславля жаловались русскимъ военнымъ властямъ въ Польшѣ. Въ 1778 и 1779 г. происходила оживленная переписка между русскимъ посланникомъ Штакельбергомъ, генераломъ Щирковымъ и ун. митр. Шептицкимъ о православныхъ. Штакельбергъ и Ширковъ постоянно получали жалобы отъ православныхъ и требовали, чтобы Шептицкій унялъ уніатовъ [2]. Штакельбергъ и Ширковъ требовали, чтобы уніаты оставались statu quo и чтобы Шептицкій оказывалъ справедливость, въ случаѣ нарушенія statu quo. Штакельбергъ въ одномъ письмѣ даже заявлялъ, что если уніаты будутъ жить мирно, то православные не нарушатъ мира [3]. Но эта переписка не принесла пользы. Шептицкій сначала заявлялъ готовность оказывать православнымъ справедливость, даже предписалъ своимъ оффиціаламъ принимать и удовлетворять ихъ жалобы [4]; былъ и случай, что разбиралась одна жалоба [5]; но все это писалось и дѣлалось не

---

[1] Арх. св. с., д. 1778 г., № 312, л. 40.

[2] Арх. ун. м., кн. Г. IV, письма Штакельб. подл. №№ 188, 189; письма Ширкова подл. 184, 190, 181.

[3] Тамъ же, № 188.

[4] Тамъ же, № 191.

[5] Тамъ же, № 185.

искренно [1], и Шептицкій вскорѣ ясно показалъ, что онъ не можетъ быть справедливымъ судьею въ этихъ дѣлахъ. Въ одномъ письмѣ къ Ширкову онъ доказывалъ, что православные, жалующіеся на обиды, вводятъ лишь въ обманъ, потому что они не суть православные по своему рожденію, воспитанію, а перешли въ православіе уже послѣ трактата 1768 г. [2] Въ отношеніяхъ Шептицкаго къ представителямъ Россіи было одно обстоятельство, которое составляло для него сильный соблазнъ не придавать серьезнаго значенія ихъ домогательствамъ. Онъ былъ близокъ къ Ширкову еще болѣе, чѣмъ Володковичъ. Онъ былъ родственникомъ жены Ширкова, кумомъ ея, и пользовался особенною ея расположенностію. Она и къ нему дѣлала приписки на оффиціальныхъ письмахъ своего мужа, и приписывала даже такія любезности, которыя съ разборчивостію пишутся и въ частныхъ письмахъ [3].

Православные жители западной Малороссіи, безъ сомнѣнія, знали, что уніатскія власти близки къ Ширкову. Вѣроятно также, что не много они полагались и на заступничество Штакельберга, о которомъ сами же такъ недавно сообщили русскому правительству непріятныя для него извѣстія о вліяніи на него папскаго нунція и польскихъ нѣмцевъ. Жалобы ихъ, ему и Ширкову, доказываютъ лишь укоренившуюся въ малороссахъ привычку искать защиты у Россіи, а не увѣренность, что имъ дана будетъ дѣйствительная защита. Дѣйствительную защиту они нашли въ самихъ себѣ, въ своей неистощимой изобрѣтательности поражать поляковъ и уніатовъ неожиданнымъ поворотомъ дѣлъ въ пользу православія въ ту минуту, когда тѣ готовы были пожать послѣдніе плоды своихъ усилій и торжествовать польскую побѣду надъ украинскою Русью.

Когда уніаты такъ широко развернули свои дѣйствія и когда даже въ центрахъ Украины православные неожиданно лишались церквей и священниковъ, послѣдніе обратились къ

---

[1] Жалоба православнаго священника разбиралась такъ, чтобы онъ оказался виноватымъ и чтобы это представить русскому послу. См. тамъ же, № 178.

[2] Тамъ же, № 183.

[3] Тамъ же, № 184.

старому средству,—стали держать у себя безприходныхъ священниковъ, и такъ какъ въ это положеніе не вездѣ становились изгнанные православные священники, то по прежнему стали выходить ставленники изъ народа, и отправлялись за рукоположеніемъ старой дорогой—въ Молдавію и Валахію. Главный оффиціалъ львовскаго епископа, Примовичъ, въ одномъ письмѣ отъ 1780 года жалуется, что множество священниковъ даже изъ уніатской среды рукоположилось въ Валахіи, что ихъ въ пограничныхъ мѣстахъ Галиціи и Подоліи по два и по три въ приходѣ, и, въ случаѣ какихъ либо смутъ, они сейчасъ же пристанутъ къ народу [1]. Нѣкоторые изъ польскихъ пановъ не раздѣляли этихъ опасеній и очень благосклонно смотрѣли на безмѣстныхъ священниковъ. Возстановленіе уніи въ Украинѣ оказалось дорого имъ стоющимъ дѣломъ. Нужно было благоустроять священниковъ,—давать имъ землю или ругу, между тѣмъ безмѣстные священники ничего не требовали. Изъ числа польскихъ пановъ выдѣлились въ то время этимъ именно образомъ мыслей двое: Ксаверій Любомірскій, владѣтель части Смилянщины [2], и Климентъ Чарторыйскій [3], владѣтель Самгородки на югѣ бердичевскаго уѣзда. Оба они открыто заявляли свое сочувствіе православію и даже изгоняли уніатскихъ священниковъ, и на ихъ мѣсто возстановляли православныхъ. Одинъ изъ нихъ, Чарторыйскій, если вѣрить уніатамъ, однажды сказалъ прихожанамъ Широкой Гребли (у Старогородки): «если у васъ не можетъ быть уніатъ безъ земли, то я прикажу вамъ принять неуніата, а онъ и безъ земли будетъ жить», и назначилъ имъ православнаго священника [4]. У Любомірскаго въ Смилянщинѣ не было, какъ увидимъ послѣ, и рѣчи о желаніи прихожанъ имѣть уніата. Они напротивъ щедро обогащали его казну за одно дозволеніе имѣть православныхъ священниковъ. Еще болѣе тревожное направленіе дѣлъ обнаружилось на крайнемъ югозападѣ Украины, въ Подоліи, у Немирова. Здѣсь селились греки, сербы, валахи, которымъ покровительствовалъ владѣ-

---

1 Арх. ун. м., кн. 110, № 131.
2 Тамъ же, (общ. нумер.) 943 и книга Г. IV, № 178.
3 Тамъ же, (общ. нумер.) 935, 937—941, 944, 945.
4 Арх. ун. м. (общ. нумер.), № 945.

лецъ, коронный подкоморій Потоцкій въ видахъ развить торговлю, ремесла [1]. Такими же соображеніями руководствовался Александръ Любомірскій, владѣлецъ другаго имѣнія въ самомъ южномъ углу Подольской губерніи—Рашкова, Крутыхъ горъ, у котораго тоже селились греки, сербы, валахи. Ремесленники изъ этихъ поселенцевъ вошли въ цеховыя братства, составленныя латинянами, уніатами, и по обычаю братствъ участвовали иногда съ ними въ религіозныхъ торжествахъ. Этимъ воспользовались уніаты, чтобы подчинить ихъ совершенно своей власти. Начали они это дѣло съ имѣній Любомірскаго, который какъ бы наперекоръ своему брату Ксаверію, поддерживавшему православныхъ, покровительствовалъ уніатамъ [2]. Когда по этому поводу поднялось волненіе, прибылъ въ 1778 г. изъ Молдавіи въ Могилевъ на Днѣстрѣ греческій презремскій митрополитъ Евсевій [3]. Занимавшій Немировъ, русскій генералъ Ржевскій, подкупленнный будтобы молдаванами—врагами Евсевія [4], враждебно отнесся къ нему, вытребовалъ къ себѣ и донесъ объ немъ Румянцеву. Румянцевъ попросилъ кіевскаго митрополита Гавріила дать Евсевію приличное помѣщеніе въ Кіевѣ и переслалъ его туда [5]. Евсевію не понравилось пребываніе въ Кіевѣ, и онъ въ октябрѣ 1779 г.

---

[1] Тамъ же, кн. Г. IV, № 202.

[2] Тамъ же, кн. Г. IV, №№ 197, 198.

[3] Евсевій, по его показанію, происходилъ изъ знатной фамиліи, и былъ въ родствѣ съ молдавскимъ господаремъ Декою. На 22 году жизни Евсевій, по настойчивой просьбѣ константипольскаго патріарха Самуила, согласился быть митрополитомъ обремененной долгами митрополіи презремской (Призрендъ въ ст. Сербіи у Албаніи). Для уплаты этого долга Евсевій собиралъ подаянія и ѣздилъ для этого въ Черногорію. Возвратившись въ Константинополь, Евсевій узналъ, что турецкое правительство признаетъ его виновнымъ въ возбужденіи волненія въ Черногоріи и въ нападеніи черногорцевъ на Турокъ. По совѣту константинопольскаго патріарха, Евсевій удалился изъ Константинополя, жилъ въ Тріестѣ, затѣмъ прибылъ въ Яссы. Когда здѣсь былъ убитъ родственникъ его, Дека, онъ обличалъ убійцъ и удалялъ ихъ отъ причастія. Приближеніе къ Яссамъ турецкаго войска заставило Евсевія удалиться изъ Молдавіи. Онъ переѣхалъ въ Польшу и поселился въ Могилевѣ на Днѣстрѣ. Арх. св. с. д. 1778 г., № 312, л. 2—3, 11—18.

[4] Тамъ же, л. 13.

[5] Тамъ же, л. 1—7.

бѣжалъ оттуда [1]. Зимой 1780 г. Евсевій оказался въ Варшавѣ, принятъ былъ тамъ въ обществѣ, какъ ученый человѣкъ, и видѣлся съ польскимъ королемъ [2]. Такъ какъ въ это время, послѣ смерти митрополита Шептицкаго, бывшаго и львовскимъ епископомъ, Подолія оставалась безъ епископскаго управленія, то Евсевій задумалъ взять ее въ свое управленіе, и явился въ Могилевъ [3] съ какою то граматою короля, въ которой будто бы Евсевію давалось право управлять православными Польши и защищать ихъ отъ уніатовъ [4]. Въ какое время явился Евсевій въ Подолію и какъ легко онъ могъ пріобрѣсть большое значеніе, можно судить по слѣдующему факту. «Настоящаго 780 (1780) года іюля 25, доносилъ переяславскому епископу Иларіону намѣстникъ немировской протопопіи, Василій Саржинскій, въ день успенія святыя Анны, протопопіи браиловской въ мѣстечкѣ Лѣтинѣ, по резону храма того дня, въ приходской тамошней православной церкви празднуемаго, случились быть сторонніе православные священники, шесть ихъ человѣкъ, зъ коихъ на всенощномъ бдѣніи какъ только единъ во время литіи вышелъ въ ризахъ на средину церкви, то уніатскій браиловскій дзеканъ (благочинный) прозваніемъ Роделя съ тридцатью уніатами, кромѣ дьячковъ, вшедъ въ церковь съ дручьями, ножами и косами, нарочно къ тому приготовленными и, устремясь на православныхъ священниковъ, начали бить, между чемъ (чѣмъ) на стоявшемъ посредѣ церкви въ ризахъ на мелкіе лоскутки разшарпали (разорвали) ризы и епитрахиль. Притомъ въ такой азартъ пришли, что одинъ другого уніата своего товарища, не опознавъ, вмѣсто православнаго священника, ударилъ косою по головѣ, и въ томъ разѣ отрубалъ ему ухо, разрѣзалъ щеку и часть носа, зъ чего произшедшое кровопролитіе и оскверненіе дому Божія бывшіе въ церквѣ православные люди увидѣвъ, принуждены были къ прекращенію такова гвалта (насилія) и забойства употребить всевозможныя мѣры недопущеніемъ къ тому уніатовъ, побитаго же посредѣ церкви въ ризахъ свя-

[1] Тамъ же, л. 9—10.
[2] Тамъ же, л. 77.
[3] Тамъ же.
[4] Тамъ же, л. 26—7; Арх. ун. м., кн. Г. IV, № 200—204.

щенника взявъ на повозку, представили въ Полонное къ гусарскому россійскому полковнику... а оттуда прислана была гусарская команда въ Лѣтинъ на квартиры...» [1]

Въ октябрѣ 1780 г. Евсевій утвердилъ свое мѣстопребываніе въ Немировѣ и разослалъ къ православнымъ священникамъ ордеръ, въ которомъ приказывалъ имъ явиться къ нему и представить обстоятельныя донесенія, какія обиды терпятъ православные отъ «своихъ пановъ—коляторовъ, посесоровъ и поповъ уніатскихъ» [2],...«и за явкою (священниковъ) объявилъ, якобы де онъ митрополитъ отъ его величества короля польскаго имѣетъ въ себе (у себя) подкрѣпленіе о бытіи ему тамо и о защищеніи православныхъ отъ уніатовъ [3].» Затѣмъ Евсевій сталъ объѣзжать православные приходы, служилъ въ церквахъ и рукополагалъ священниковъ и діаконовъ [4]. Владѣлецъ Немирова, Викентій Потоцкій, покровительствовалъ Евсевію, приглашалъ его къ себѣ обѣдать [5] и, по просьбѣ поселившихся у него грековъ, дозволилъ Евсевію устроить въ Немировѣ, въ частномъ домѣ православную церковь, такъ какъ всѣ немиров-

---

[1] Арх. св. с., тоже дѣло, л. 28.

[2] Тамъ же, л. 24—копія ордера.

[3] Тамъ же, л. 21.

[4] Тамъ же, л. 21, 29, 30. Саржинскій, донесеніемъ котораго мы пользуемся, такъ описываетъ служеніе Евсевія въ Фастовцахъ: «Онъ, намѣстникъ (Саржинскій), браславской протопопіи села Киріевки православній священникъ Антоній, по прозванію ему неизвѣстный, да архидіаконъ его митрополита грекъ единъ служили соборомъ.... Болѣе же діаконовъ, а поддіаконовъ и вовся въ служеніи не было, на мѣсто коихъ къ поддяческимъ (иподіаконскимъ?) должностямъ употребляеми были тамошніе пономари безъ стихарей, простого стану (званія) люди. Облаченіе на митрополитѣ все, какъ слѣдуетъ, было архіерейское, богатое, собственное якобы его митрополита... Во время того служенія на литургіи произвелъ митрополитъ тойже немировской протопопіи вербовецкаго православнаго священника Іонна Левандовскаго зятя его Василія, по прозванію неизвѣстнаго,—въ діакона до тойже вербовецкой церкви. Предъ рукоположеніемъ же проходилъ ли оный Василій надлежащіе къ діаконству степени или нѣтъ, и кто о рукоположеніи его просилъ митрополита, не знаетъ (Саржинскій). По литургіи въ той же церквѣ вѣнчалъ митрополитъ... кальницкаго протопопа сына его Даніила съ дочерью... фастовецкаго священника Хмѣлевича, и поблагословивъ въ домѣ брачившихся, отъѣхалъ въ Немировъ...» Тамъ же, л. 29, л. 29.

[5] Тамъ же.

скія православныя церкви отняты были уніатами [1]. Къ 21 ноября церковь была устроена, и Евсевій торжественно служилъ въ ней въ сослуженіи прибывшаго въ Немировъ православнаго духовенства, «а по литургіи чечельницкій протопопъ Романовскій говорилъ наизусть проповѣдь, въ которой приписывалъ похвалы митрополиту за подвиги, въ защищенію благочестія прянятіе (принятые), а владѣльцу дѣдичному за позволеніе воздвигнуть въ добрахъ его православную церковь. По проповѣди государственное отправляли соборомъ молебствіе и имѣли какъ служащіе, такъ и протчіе, случившіеся тамо православные священники открытый въ квартирѣ онаго митрополита вмѣстѣ съ нимъ столъ» [2].

Въ то время, когда происходило это торжество, случилось событіе, которое вызвало Евсевія и его приверженцевъ еще на болѣе рѣшительныя мѣры, и надѣлали столько шуму, что и польское и русское правительство съ тревогою хлопотали, какъ бы Евсевій поскорѣе выѣхалъ изъ предѣловъ Польши. Уніаты тогда отнимали послѣднія православныя церкви съ немировской протопопіи [3]. Во главѣ ихъ тамъ стоялъ тотъ же оффиціалъ Любинскій. Онъ являлся къ Евсевію, допытывался, по какому праву онъ вторгается въ уніатскую паству, обращался съ жалобами къ Потоцкому, но эти хлопоты не имѣли успѣха и становились весьма опасными. Евсевій то давалъ уклончивые отвѣты и обѣщанія выѣхать, то прямо заявлялъ, что не хочетъ никого знать, кромѣ короля и св. синода; Потоцкій уклонялся отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, а немировскіе жители внушали Любинскому опасеніе за его жизнь [4]. Любинскій рѣшился обратиться къ собственнымъ стредствамъ и, оставляя въ покоѣ Немировъ, дѣйствовать въ окрестностяхъ его. Онъ схватилъ одного изъ рукоположенныхъ Евсевіемъ священниковъ и началъ производить слѣдствіе о дѣлахъ Евсевія [5]. Затѣмъ, онъ собралъ уніатскихъ священниковъ, дьячковъ, учениковъ, и сдѣлалъ съ ними нападеніе на церковь и

[1] Тамъ же.
[2] Тамъ же, л. 30.
[3] Тамъ же, л. 23.
[4] Тамъ же, л. 77—79; Арх. ун. м., кн. Г. IV, №№.200, 201, 202.
[5] Арх. св. с. тоже дѣло, л. 79; Арх. ун. м. тамъ же.

домъ самаго приближеннаго къ Евсевію священника с. Войтовцы, немировскаго намѣстника Саржинскаго. Для этого нападенія Любинскій избралъ тотъ самый день, когда въ Немировѣ происходило вышесказанное торжество, когда тамъ находились православные священники окрестныхъ приходовъ и въ томъ числѣ Саржинскій. Приводимъ два описанія этого шумнаго дѣла,—православное, составленное Саржинскимъ, и уніатское, составленнное Любинскимъ. «Когдажъ по обѣдѣ тогожъ самаго дня (когда происходило торжество въ Немировѣ) получилъ онъ намѣстникъ (Саржинскій) извѣстіе, что оффиціалъ Любинскій съ шестьюдесятью уніатскими попами и дьячками гвалтовно наѣхалъ въ село Войтовци, отбилъ приходскую его православную церковь, изъ собственнаго его намѣстника дому жену, дѣтей и домашнихъ разогналъ и все имѣніе заарестовалъ, то заносилъ о томъ на словахъ жалобу митрополиту, противу чего митрополитъ сказалъ: поѣдемъ туда всѣ и будемъ бить за то уніатовъ; велѣлъ ему (Саржинскому) прежде ѣхать, а самъ вслѣдъ каретою своею туда прибылъ, имѣя притомъ немировскихъ обивателей, промышляющихъ тамо купечествомъ грековъ вооруженныхъ саблями и пѣстолями человѣкъ съ десять. Но какъ только въѣхалъ онъ намѣстникъ въ свой дворъ, то вдругъ повозку и самаго его окруживъ зъ другьямъ (дручьями) уніати, хотѣли бить, однакъ едва по усилной просьбѣ самъ безъ повозки выпущенъ съ двора и о таковомъ гвалтовномъ нападеніи собравшимся около двора на позорище тамошнымъ обивателямъ (обывателямъ) протестовался, съ прошеніемъ защищенія. Между чемъ и митрополитъ началъ приближаться къ цевквѣ своимъ поѣздомъ, котораго увидѣвъ народъ бросился на колокольню звонить, а уніати, вслѣдъ устремивсь за онымъ, начали всѣхъ звонящихъ людей безъ уваги бить, отъ чего и народъ принужденнымъ былъ защищаться[1]. Митрополитъ же, смотря на то, зъ двора его намѣстника, велѣлъ народу, защищаясь, бить уніатовъ за гвалтовнiи нападенія на ихъ православные церквы. Потомъ митрополитъ возратился въ Немировъ съ намѣреніемъ выѣздить другого дни въ Варшаву для взнесенія о таковыхъ уніатскихъ на православныхъ посягательствахъ его

[1] Тамъ же, л. 30—31.

величеству польскому королю (жалобы)» [1]. «Офиціалъ (Любинскій), говорится въ извлеченіи изъ жалобы Любинскаго, чтобъ предупредить безпокойныя отъ такого возмущенія духовъ (направленія народа) слѣдствія, къ тому времени отлучился въ Войловцу (Войновцы) разстояніемъ въ двухъ миляхъ отъ Немирова, боясь показаться въ семъ послѣднемъ мѣстѣ въ разсужденіи (изъ опасенія) сбѣжища разъяренныхъ грековъ. Приближеніе его толикую вражду возбудило въ Евсевіѣ, что ночью, на 4 число декабря [2] «устремился онъ съ своими новообратившимися, фузеями и турецкими ножами вооруженными на домъ офиціала, велѣлъ въ колокола звонить и, держа въ одной рукѣ карабинъ, другою благословлялъ и собравшемуся народу кричалъ: вы, вѣрующіе во Іисуса Христа, бейте сихъ погибельныхъ уніатовъ. Вдругъ бѣшенная толпа бросилась на офиціала, на его причетъ и на его слугъ. Нѣкоторые отвели сего прелата въ сторону и били его нещадно. Его вопль, его униженное прошеніе утолили наконецъ ихъ лютость и спасли ему жизнь...» [3].

По свидѣтельству Любинскаго, народъ еще больше сталъ бросать унію и устремляться къ Евсевію [4]. Объ этомъ узналъ извѣстный усмиритель гайдамаковъ кіевскій кастелянъ Стемпковскій и далъ приказаніе схватить Евсевія [5]. Евсевій уѣхалъ въ Варшаву, по одному извѣстію, какъ мы видѣли

---

[1] Тамъ же, л. 31.

[2] По новому календарю, т. е. 23 ноября по старому. Разница съ показаніемъ Саржинскаго произошла отъ того, что Любинскій показываетъ здѣсь число втораго нападенія Евсевія, о которомъ Саржинскій умалчиваетъ; но описаніе того и другаго относится главнымъ образомъ къ первому нападенію.

[3] Тамъ же, л. 79—80. Это извлеченіе сдѣлано уніатами, какъ мы уже замѣтили, изъ жалобы Любинскаго, находящейся въ ун. арх. кн. Г. IV № 200. Извлеченіе это представлено было русскому послу въ Варшавѣ и оттуда въ русскомъ переводѣ прислано въ иностранную коллегію, которая препроводила его въ св. синодъ. Въ засвидѣтельствованной копіи жалобы Любинскаго дѣло излагается пространно и краснорѣчиво: нападеніе сдѣлано поздно вечеромъ, нападающихъ было множество, набатъ созвалъ весь народъ, домъ былъ окруженъ, заборъ сломанъ, окна выбиты, крикъ и стоны раздавались всюду....

[4] Арх. св. с. д. тоже, л. 80.

[5] Тамъ же.

жаловаться на Любинскаго, по другимъ, уніатскимъ оправдываться [1]. За нимъ слѣдовали: жалоба Любинскаго и представленія другихъ уніатскихъ властей, [2] жалоба переяславскаго епископа Иларіона на незаконныя его дѣйствія въ предѣлахъ переяславской епархіи [3] и, наконецъ, совершенно новая, неожиданная жалоба, открывавшая новую, опасную сторону дѣятельности Евсевія. 11 апрѣля 1781 г. славенскій и херсонскій архіепископъ Никифоръ послалъ въ св. синодъ донесеніе елисаветградскаго священника Димитрія Смолодовича, въ которомъ говорилось: «слухомъ мнѣ извѣстно учинилось, что нѣякой волоскій архіерей, кой называетъ себе роднымъ братомъ волоского жъ господаря казненнаго турками, проживая нынѣ въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ, состоящемъ надъ рѣкою Днѣстромъ, нѣсколько человѣкъ произвелъ во священство. Раскольники стародубскихъ слободъ прослихавъ о таковомъ его дѣйствіи, просили его о поставленіи имъ епископа и будучи онъ разными образы уласканъ отъ раскольниковъ обѣщался прозьбу ихъ исполнить, а раскольники таковымъ его обнадеживаніемъ будучи обрадованны, прошедшаго февраля среднихъ чиселъ повезли къ нему для посвященія во епископа іеромонаха Іосифа изъ діаконовскаго раскольничаго скита, чему очевидніи у насъ суть свидѣтели, но поелику оный архіерей въ мартѣ первыхъ чиселъ изъ Могилева отъѣхалъ въ Варшаву къ польскому королю съ жалобою на духовную унѣятскую власть, то раскольники, не заставъ его въ Могилевѣ, дожидаются съ кандидатомъ своимъ въ селѣ Борскомъ его прибытія» [4]. Это новое дѣло вызвало усиленную переписку св. синода съ иностранною коллегіею, сенатомъ [5]; русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ предписаніе домогаться высылки Евсевія изъ Польши; [6] Румянцевъ и Потемкинъ получили увѣдомленіе объ этомъ дѣлѣ; [7] уніаты въ Варшавѣ слѣ-

[1] Тамъ же.

[2] Арх. ун. м. кн. Г. IV, № 202; Арх. св. с. д. тоже л. 77—80.

[3] Тамъ же, Арх. св. с. л. 21 и 22.

[4] Тамъ же, л. 54.

[5] Тамъ же, л. 58—71.

[6] Тамъ же, л. 74—76.

[7] Тамъ же, л. 84.

дили за каждымъ шагомъ Евсевія [1]. Евсевій получилъ приказаніе выѣхать изъ Польши съ угрозой, что въ случаѣ ослушанія будетъ выданъ туркамъ [2]. Все это происходило въ то время, когда на уніатскій митрополичій престолъ вступалъ заклятый врагъ Россіи и ближайшій другъ польскаго короля Ясонъ Смогоржевскій, собиравшійся налечь на Украину всею силою своего изворотливаго ума, своего жестокаго религіознаго фанатизма и своихъ многочисленныхъ связей съ польскимъ, латинскимъ міромъ.

ГЛАВА VII.

Смогоржевскій получаетъ въ управленіе кромѣ русской части полоцкой архіепископіи области смоленской архіепископіи съ частью митрополичьей епархіи и сохраняетъ за собою польскую часть полоцкой архіепископіи. Назначаетъ намѣстника для польской части своей архіепископіи и избираетъ коадъютора для могилевской области. Вопросъ о поминовеніи русской императрицы. Смѣлыя дѣйствія уніатовъ. Сближеніе Смогоржевскаго съ базиліанами. Проекты народнаго образованія и народной проповѣди. Назначеніе Смогоржевскаго уніатскимъ митрополитомъ и мечты управлять уніатами всѣхъ частей раздѣленной Польши. Максимиліанъ Рылло отказывается быть полоцкимъ архіепископомъ. Хлопоты Смогоржевскаго удержать за собою эту архіепископію. Усиленныя сношенія его съ русскими и польскими вліятельными людьми. Призывъ на помощь польскаго короля и австрійскаго императора. Интриги его открываются. Іезуиты, Сестренцевичъ, Георгій Конисскій, Чернышевъ и Безбородко. Рескриптъ Екатерины Чернышеву отъ 2 іюля 1780 года. Старанія короля и нунція поправить дѣло. Переписка между папой и Екатериной. Вопросъ о подчиненіи уніатовъ Сестренцевичу и о переходѣ ихъ въ латинство.

Какъ Смогоржевскій устроялъ свою полоцкую архіепископію по новымъ началамъ русскаго управленія, т. е. какъ онъ прежде всего устроилъ консисторію, объ этомъ мы не нашли извѣстій. По всей вѣроятности, консисторія его имѣла номинальное существованіе, если только существовала. Смогоржевскій и всегда, а тѣмъ болѣе теперь, занятъ былъ, такъ сказать, высшими вопросами управленія. Его полоцкой архіе-

---

[1] Арх. ун. м. № 987—письма Левинскаго отъ 5 апрѣля и 3 мая 1781 г.
[2] Тамъ же, а также Арх. св. с. тоже дѣло л. 76.

пископіи, съ одной стороны, естественно было расшириться присоединеніемъ смоленской уніатской архіепископіи и двухъ благочиній, принадлежавшихъ уніатскому митрополиту—рогачевскаго и гомельскаго, отошедшихъ теперь къ Россіи, съ другой стороны—полоцкой архіепископіи угрожало отдѣленіе юго-западной, задвинской ея части, оставшейся въ предѣлахъ Польши. Благодаря давнему своему значенію въ Польшѣ и новому, пріобрѣтенному въ Петербургѣ, Смогоржевскій успѣлъ разрѣшить оба эти затрудненія очень счастливо. Не смотря на заступничество папы за Лобковича, области смоленской уніатской архіепископіи и два митрополичьи благочинія предоставлены не Лобковичу, а Смогоржевскому;[1] а польскій король, по дружескому расположенію къ Смогоржевскому оставилъ за нимъ управленіе польскою частью полоцкой архіепископіи.[2] Смогоржевскій воспользовался этимъ успѣхомъ для осуществленія весьма важныхъ цѣлей. Онъ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ польской части своей архіепископіи бывшаго секретаря базиліанскаго провинціала Кесарія Чудовскаго[3] и представилъ русскому правительству, что ему необходимо имѣть свободныя сношенія съ этой частью своей архіепископіи, предлагалъ даже у своего мѣстопребыванія, у Струня, надъ Двиной поставить, вмѣсто караульнаго солдата, особаго, постояннаго присяжнаго сторожа.[4] Это открывало ему легкую возможность имѣть постоянныя сношенія съ своими друзьями въ Польшѣ. Столь же широкій планъ дѣйствій представился ему и касательно тѣхъ частей его епархіи, которыя прибавились къ ней изъ смоленской уніатской архіепископіи и двухъ благочиній митрополичей архіепископіи. Смогоржевскій естественно предполагалъ, что обиженный имъ смоленскій архіепископъ Лобковичъ можетъ быть ему вреденъ, не столько тѣмъ, что за него стоялъ нунцій, которому важно было чтобы смоленская уніатская архіепископія не была уничто-

---

[1] Арх. ун. м. связка 441—копія ноты папскаго нунція; № 1005—письмо изъ Варшавы отъ 19 апрѣля 1773 г.

[2] Хлопотать объ этомъ Смогоржевскій просилъ, между прочимъ, жену Замойскаго и жену краковскаго кастеляна—Арх. ун. м. кн. 110, № 102—письма Смогоржевскаго отъ 12 октября 1773 г.

[3] ...х. ун., м. кн. В. III, № 99; біографія его, кн. 110, № 73, § 2.

[4] ...10, № 73, § 1.

жена, но еще болѣе тѣмъ, что у Лобковича былъ предпріимчивый племянникъ, оршанскій суперіоръ Ираклій Лисовскій, начинавшій пріобрѣтать расположеніе у русскихъ властей. Перезвать на свою сторону этихъ уніатовъ, несомнѣнно болѣе его расположенныхъ къ Россіи, и поставить ихъ на стражѣ уніи противъ Георгія Конисскаго для Смогоржевскаго было очень важно. Еще въ 1773 или 1774 г. начались хлопоты, чтобы устроить это дѣло. Смогоржевскій представилъ русскому правительству, что ему необходимо имѣть своего намѣстника въ могилевской области, значительно отъ него удаленной и представляющей большія затрудненія по управленію. Этого намѣстника предполагалось возвести въ санъ викарнаго епископа и обезпечить его онуфрейской архимандріей и для этого убѣдить Лобковича согласиться назначить его себѣ преемникомъ по этой архимандріи. Въ то и другое званіе предполагалось возвести племянника Лобковича Лисовскаго и поручить ему покоить своего дядю въ онуфріевскомъ монастырѣ [1]. Папскій варшавскій нунцій убѣдилъ въ 1775 году Лобковича согласиться на все это; [2] согласилось также и русское правительство (въ 1777 или 1778 г.) [3]; оставалось лишь привесть все въ исполненіе; но 2 октября 1778 г. Лобковичъ умеръ и почему-то все дѣло остановилось [4]. Смогоржевскій, впрочемъ, извлекъ изъ него нѣкоторую выгоду. Лисовскій, оставшись безъ архіерейства и даже безъ утвержденія онуфрейскимъ архимандритомъ, былъ въ страхѣ, что останется ни при чемъ, и старался поддерживать расположенность къ себѣ Смогоржевскаго. Онъ въ это время платилъ большую дань слабостямъ своего ненадежнаго покровителя, усердно исполнялъ домашнія его порученія, доставлялъ ему рыбу, вино и, поддѣлываясь подъ его воззрѣнія, приглашалъ его въ могилевскую область для оживленія уніи, потому что, по его мнѣнію, тамъ слишкомъ мало хорошихъ католиковъ (уніатовъ), а все больше расположенные къ схизмѣ [5]; но въ тоже время онъ напо-

---

[1] Тамъ же, § 10; связка 441—нота папскаго нунція.

[2] Тамъ же, св. 441, письмо нунція къ Лобковичу отъ 3 апрѣля 1775 года.

[3] Тамъ же—нота нунція; Чт. м. общ. истр. 1863 г. кн. 4, стр. 34—5.

[4] Тамъ же; Stebelski Przydatek do chronologii, стр. 241.

[5] Арх. ун. м., № 1000—письма Лисовскаго къ Смогоржевскому отъ 1779 г.

миналъ Смогоржевскому объ онуфрейской архимандріи, сообщалъ свѣдѣнія объ интригахъ Сестренцевича и, трепеща за эти свѣдѣнія, умолялъ Смогоржевскаго сжечь его письма [1]. Смогоржевскій не исполнилъ этой просьбы. Письма эти сохранились и служатъ свидѣтельствомъ измѣнчивости Лисовскаго, но служатъ также и отраженіемъ направленія дѣятельности Смогоржевскаго. Направленіе это обозначалось въ Смогоржевскомъ яснѣе и яснѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ входилъ глубже въ дѣла своей епархіи. Еще не успѣлъ онъ возвратиться изъ Петербурга (1773 г.), какъ получилъ настойчивый вызовъ нарушать одно изъ весьма важныхъ и строгихъ приказаній своей новой государыни—запрещеніе сноситься съ иноземною духовною властью. Папскій варшавскій нунцій часто писалъ къ нему тайнымъ образомъ и требовалъ отъ него того же. Нунція, между прочимъ, занималъ очень важный, каноническій вопросъ: онъ требовалъ отъ Смогоржевскаго извѣстій, какъ въ уніатскихъ церквахъ присоединенныхъ къ Россіи областей поминаются папа и русская государыня,—поминается ли папа прежде и называется ли русская государыня благочестивой [2]. Объ этомъ же Смогоржевскаго спрашивали и преданные папѣ уніаты. «Если вы можете составить форму поминовенія, то пришлите ее безъ замедленія, писалъ къ Смогоржевскому уніатъ Ярмоловичъ, потому что если теперешняя войдетъ въ обычай, то какъ бы новая не показалась непріятною нашимъ противникамъ, когда они ее услышатъ.» [3] Какое было первоначальное поминовеніе и какое введено новое, это можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ 1774 году по жалобѣ православной (могилевской) консисторіи, возникло дѣло о неправильномъ поминовеніи царскихъ особъ базиліанами пустынскаго монастыря. Изъ формы, которая была представлена могилевскому губернатору и сохранилась въ уніатскихъ

---

[1] Тамъ же. О Сестренцевичѣ Лисовскій, между прочимъ, отзывался, что онъ старается угодить русскому правительству абсолютнымъ управленіемъ по отношенію къ своему духовенсту. Тамъ же—письмо отъ 15 октября 1779 г.

[2] Арх. ун. м., № 1005—письмо изъ Варшавы отъ 19 апрѣля 1773 г.

[3] Тамъ же. Письмо Ярмоловича отъ 7 октября 1772 г.

дѣлахъ, видно, что Екатерина поминалась въ уніатскихъ церквахъ не «благочестивѣйшей», а «всемилостивѣйшей.» Уніатамъ однако удалось замять это дѣло. Обвиненіе сведено было на то, что уніаты не называютъ царскихъ особъ по отчествамъ. Уніаты представили губернатору Каховскому престарѣлаго базиліанина Василевскаго, заставивъ его напередъ хорошо заучить, что онъ долженъ говорить, и показали вышеупомянутую форму. Губернаторъ Каховскій не умѣлъ или не хотѣлъ понять, въ чемъ тутъ дѣло и похвалилъ эту форму [1]. Изъ переписки Лисовскаго съ папой (1785—6 г. г.) о преобразованіи уніи видно, что и другая особенность, желательная нунцію, внесена была въ поминовеніе,—папа поминался прежде русской государыни [2]. Какъ бы въ благодарность за это мужественное обереганіе чистоты уніи и папской чести, папа издавалъ повелѣнія, чтобы въ присоединенныхъ къ Россіи областяхъ латиняне не обращали уніатовъ въ свое вѣроисповѣданіе [3]. Смогоржевскій, съ своей стороны, представилъ торжественное свидѣтельство, что бѣлорусскіе уніаты глубоко преданы папѣ. Въ 1776 г. онъ объявилъ въ своей епархіи юбилей [4]. Эта связь бѣлорусской уніатской церкви съ папой, такъ твердо закрѣпляемая Смогоржевскимъ вверху, стала отражаться внизу, въ массѣ уніатовъ, такими явленіями, которыя при первомъ взглядѣ поражаютъ своею неожиданностью и даже противорѣчіемъ буквѣ писанныхъ актовъ, но въ существѣ составляютъ логическое послѣдствіе тѣсной связи уніи съ папствомъ. Бѣлорусская уніатская церковь начала показывать прежній фанатизмъ по отношенію къ православію и податливость по отношенію къ латинству. Уніаты стали выдумывать чудеса въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, въ которыхъ передъ тѣмъ православная духовная іерархія вооружалась противъ суевѣрій [5] и по немногу совращали въ унію православ-

---

1 Тамъ же, № 1005, письмо оффиціала Марцинкевича отъ 10 октября 1774 г. и слѣдующія за нимъ приложенія.

2 Извлеченіями изъ этой переписки мы пользовались въ Архивѣ управленія по греко-уніатскимъ дѣламъ.

3 Арх. ун. м., № 932, а также кн. Ж. VII, № 511.

4 Тамъ же, кн. В. III, № 84.

5 Тамъ же, № 1005, письмо ротмистра Свѣцицкаго отъ 20 іюня 1774 г. Свѣцицкій жаловался, что уніатскіе священники ходили крестными хо-

ныхъ [1]. Одновременно съ этимъ, латиняне, не смотря на запрещеніе папы, совращали уніатовъ въ латинство не только въ польской части полоцкой архіепископіи [2], но и въ русской. Здѣсь, между прочимъ, занимались этимъ дѣломъ полоцкіе іезуиты [3]. Смогоржевскій, повидимому, весьма далекъ былъ отъ такихъ направленій уніи. Онъ заботился о такихъ дѣлахъ, которыя, повидимому, обѣщали измѣнить въ обратномъ смыслѣ историческое развитіе уніи,—обѣщали не только прекратить переходъ уніатовъ въ латинство, но напротивъ привлекать къ уніи латинянъ, и затѣмъ обѣщали ослабить фанатизмъ уніи къ православію и устроить сближеніе уніатовъ и православныхъ подъ знаменемъ русской народности и единства восточныхъ обрядовъ.

Съ первыхъ годовъ своего управленія полоцкой архіепископіей подъ русскою властью Смогоржевскій сталъ заботиться объ образованіи своего уніатскаго духовенства. Онъ привелъ въ извѣстность суммы, собиравшіяся на этотъ предметъ, старался возобновить прекратившіеся сборы на это съ духовенства и дѣлалъ раскладку ихъ [4]. Дѣло это онъ хотѣлъ поставить очень широко. Онъ указалъ русскому правительству, что на нѣкоторыхъ имѣніяхъ числятся семинарскія суммы, отданныя на проценты, что иныя изъ этихъ имѣній переходятъ къ правительству, что правительству и, независимо отъ этого, слѣдуетъ принять участіе въ устройствѣ уніатской семинаріи для блага своихъ подданныхъ [5]. Кромѣ того, Смогоржевскій надѣялся привлечь къ пожертвованіямъ на это полезное дѣло дворянство Бѣлоруссіи [6]. Вмѣстѣ съ этимъ проек-

---

дами къ какимъ-то источникамъ въ Дубровской волости, которые народъ чтилъ на подобіе языческихъ священныхъ мѣстъ (слова Свѣцицкаго) и что въ этихъ же мѣстахъ прежде запретила православная духовная власть Прощи.

[1] Тамъ же, содержаніе промеморіи могилевскаго губернатора отъ 22 января 1778 г. по жалобѣ Георгія Конисскаго.

[2] Арх. ун. мит., кн. Ж. VII, № 509.

[3] Тамъ же, № 1005, письмо Миляновскаго отъ 23 декабря 1776 г. и слѣдующее за нимъ письмо Бутримовича.

[4] Арх. ун. м., №№ 595, 758.

[5] Тамъ же, кн. 110, № 73 § 3.

[6] Тамъ же.

томъ Смогоржевскій выдвигалъ другой, гораздо шире и еще болѣе способный обратить на него вниманіе русскаго правительства и польскаго дворянства Бѣлоруссіи. Смогоржевскій предполагалъ завести мужескія и женскія училища для свѣтскихъ людей. Для тѣхъ и другихъ онъ имѣлъ готовыхъ учителей и учительницъ—базиліанъ и базиліанокъ. Базиліанъ Смогоржевскій поручалъ особенному вниманію русскаго правительства. Онъ указывалъ, что эти монахи съ честью обучаютъ юношество во многихъ мѣстахъ Польши, и, что особенно могло быть пріятно русскому правительству, они могутъ вести дѣло образованія въ болѣе русскомъ направленіи. «Для обученія юношества архіепископъ избираетъ, писалъ Смогоржевскій въ докладной запискѣ губернатору (Кречетникову), ксендзовъ базиліанъ. Къ этому его побуждаютъ слѣдующія обстоятельства: они живутъ при его каѳедрѣ, не уступаютъ въ наукахъ ни одному изъ другихъ орденовъ и болѣе римскихъ орденовъ могутъ быть привязаны къ юношеству, приготовляющему себя служить славѣ Божіей, потому что связаны съ нимъ единствомъ греческихъ обрядовъ.» [1] Въ другомъ мѣстѣ своего проекта Смогоржевскій еще яснѣе и прямѣе излагаетъ это дѣло. «Архіепископъ возобновляетъ прежде принесенную г. губернатору просьбу, чтобы для обученія въ меньшихъ и большихъ училищахъ употреблены были ксендзы базиліане, которые не уступаютъ ученостью римскимъ орденамъ и готовы даже держать экзаменъ въ петербургской академіи (наукъ?). Эту настойчивую просьбу архіепископъ приноситъ потому, что знаетъ, съ какою честью базиліане учатъ въ разныхъ публичныхъ школахъ, потому что слышитъ, что въ Варшавѣ принято рѣшеніе передать имъ многія школы, закрывающіяся по случаю удаленія іезуитовъ, наконецъ, потому что онъ усматриваетъ въ странѣ разныя мѣста, въ которыхъ они могли бы съ пользою для нея открыть училища, поднять языкъ и обрядъ русскій и, какъ слѣдуетъ, преподавать науки священническимъ и городскимъ дѣтямъ, которые съ давнихъ временъ чуждаются латинскихъ училищъ, потому что тамъ не греческій обрядъ.» [2] Въ предше-

[1] Тамъ же, § 3.
[2] Тамъ же, § 9.

ствовавшей просьбѣ, о которой здѣсь упоминается, Смогоржевскій еще яснѣе высказываетъ свой взглядъ. «Архіепископъ полоцкій предлагаетъ милостивому вниманію г. псковскаго губернатора готовность своихъ иноковъ заняться обученіемъ здѣсь въ (Полоцкѣ) и въ Витебскѣ или въ какихъ бы то ни было другихъ училищахъ, если бы въ этихъ училищахъ не понадобились услуги отцовъ іезуитовъ. Нижеподписавшійся ручается за способность къ этому дѣлу своихъ иноковъ, увѣряетъ г. губернатора, что иноки того же ордена съ пользою и честью для Польши обучаютъ въ училищахъ жировицкомъ и бытенскомъ въ Литвѣ, во владимірскомъ, гощанскомъ, кристіанпольскомъ на Волыни, бучацкомъ въ Подоліи, шаргородскомъ и любарскомъ въ Украинѣ. Нижеподписавшійся архіепископъ полагаетъ, что базиліанскій орденъ въ настоящее время не уступаетъ ученостью другимъ орденамъ и что, повидимому, естественнѣе всего было бы ему учить въ публичныхъ училищахъ страны, присоединенной къ Россіи, держась русскаго языка и русскаго обряда.» [1] Воображеніе Смогоржевскаго такъ сильно работало, что онъ мечталъ быть канцлеромъ училищъ, основанныхъ и распространенныхъ по его мысли и подъ его руководствомъ и охраною [2].

Русское направленіе этихъ плановъ Смогоржевскаго, по видимому, не подлежало никакому сомнѣнію. Въ тоже время онъ предлагалъ возстановить въ Бѣлоруссіи іюліанскій календарь, и, какъ будто, заботясь о благѣ народа, которому, по его словамъ, съ переходомъ подъ русскую власть, приходится платить податей въ двѣнадцать разъ больше и не достаетъ времени для работы, предложилъ перенести праздники на воскресные дни и для однообразія въ этомъ дѣлѣ пригласить сдѣлать тоже православную духовную власть [3]. Наконецъ, какъ бы примѣняясь къ философскому направленію мыслей русской интеллигенціи того времени, Сморгожевскій предлагалъ устроить у себя въ уніатской каѳедральной церкви катехизическія бесѣды, въ которыхъ бы излагались только истины Священнаго Писанія, помимо вѣроисповѣдныхъ осо-

---

[1] Тамъ же, № 189.
[2] Тамъ же, № 73 § 9.
[3] Тамъ же, № 73 § 8.

бенностей, и на которыя бы могли ходить всѣ. Передъ катехизическими бесѣдами дѣти обучались бы молитвамъ и простѣйшимъ истинамъ катехизиса. Смогоржевскій избиралъ для этого удобное, послѣ обѣденное время, и предлагалъ губернатору пригласить жителей на эти катехизическія бесѣды, обращая при этомъ его вниманіе, что это полезно было бы и солдатамъ [1]. Эти планы Смогоржевскій развивалъ и излагалъ тѣмъ съ большимъ благодушіемъ и, казалось, искренностью, что былъ въ задушевной дружбѣ съ псковскимъ губернаторомъ, Михаиломъ Кречетниковымъ, братомъ и сотрудникомъ извѣстнаго уже намъ усмирителя украинскаго гайдамацкаго бунта—Петра Кречетникова. Дружба эта была такъ велика и благотворна для дѣятельности Смогоржевскаго, что при одной молвѣ (1775 г.), что Кречетниковъ будетъ удаленъ изъ Полоцка, Смогоржевскій увѣрялъ его, что въ такомъ случаѣ и самъ онъ попроситъ себѣ отставки [2]. Съ другой стороны, онъ имѣлъ сильнѣйшія побужденія со всею энергіею проводить эти проекты и крѣпко держаться русскихъ. Онъ былъ давнимъ и непримиримымъ врагомъ іезуитовъ. Онъ наслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ—полоцкихъ архіепископовъ—давнее дѣло, тяжбу съ іезуитами объ имѣніяхъ полоцкой архіепископіи, незаконно переданныхъ іезуитамъ еще Баторіемъ. Смогоржевскій истощался въ усиліяхъ выиграть это дѣло и даже затѣвалъ впутать въ него Георгія Конисскаго, такъ какъ Баторій передавалъ іезуитамъ имѣнія православной церкви [3].—Объ іезуитахъ Смогоржевскій давно уже составилъ себѣ очень дурное мнѣніе. Еще будучи въ Римѣ, въ должности уніатскаго прокуратора, онъ пришелъ къ убѣжденію и высказывалъ его и въ Римѣ въ бумагахъ, подаваемыхъ римской куріи, и въ письмахъ въ Польшу къ уніатскому митрополиту, что іезуиты посредствомъ хитростей получили имѣнія полоцкой архіепископіи, что въ этихъ хитростяхъ участвовалъ іезуитъ Скарга и другіе, что въ то время (время Скарги) дѣлалось все, чего

---

1 Тамъ же, § 6.

2 Тамъ же, № 73, письмо Смогоржевскаго, предшествующее проекту.

3 Арх. ун. м., № 1005, письмо Ярмоловича отъ 3 марта 1771 г.; тамъ же, письмо Смогоржевскаго изъ Рима отъ 15 сентября 1752 г.

хотѣли іезуиты [1]. Въ настоящее время онъ не измѣнилъ своего мнѣнія о нихъ. Онъ задѣвалъ ихъ колко даже въ оффиціальныхъ бумагахъ, подаваемыхъ въ русскія присутственныя мѣста, на что съ горечью указывалъ ему извѣстный іезуитъ Черневичъ въ 1776 г. [2]

Мы не нашли извѣстій, какимъ образомъ и почему планы Смогоржевскаго не были приняты. Очень вѣроятно, что ихъ разрушили полоцкіе іезуиты и, можно даже думать, безъ большаго труда, потому что въ основѣ плановъ Смогоржевскаго лежали не русскія, а польскія идеи. Желая перебить у іезуитовъ дѣло воспитанія бѣлорусской интеллигенціи и поставить на ихъ мѣсто базиліанъ, Смогоржевскій избиралъ тѣхъ же іезуитовъ только не всемірнаго, безнароднаго латинства, а польскаго; но и сдѣлка его съ базиліанами была такимъ же нечистымъ дѣломъ, какъ и дружба съ Кречетниковымъ и готовность проводить русскія начала. Смогоржевскій, не смотря на то, что самъ вышелъ изъ среды базиліанъ, на столько вошелъ въ тогдашнюю польскую среду, что давно забылъ интересы базиліанъ и весьма часто отзывался объ нихъ дурно. Въ Полоцкѣ онъ сближался съ ними и выдвигалъ ихъ чисто изъ политическихъ видовъ и поступалъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ, также преступно съ русской точки зрѣнія, на которую, повидимому, самъ становился. Мы не нашли ни одного памятника, изъ котораго видно было бы, что онъ привелъ въ исполненіе распоряженіе Екатерины подчинить базиліанъ епархіальной власти. Онъ раздавалъ имъ напротивъ, по старому обычаю, епархіальныя должности оффиціаловъ и что особенно важно, смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что базиліане его епархіи продолжали зависѣть отъ своей центральной власти и даже имѣли въ Полоцкѣ своего провинціала Миляновскаго, носившаго титулъ оффиціала и, какъ онъ самъ потомъ выражался, исполнявшаго свои базиліанскія обязанности подъ покровомъ члена полоцкой уніатской консисторіи [3]. Какъ надежна была эта, избранная Смогоржевскимъ, опора русска-

[1] Тамъ же, вышеуказанное письмо Смогоржевскаго.

[2] Тамъ же, письмо къ Смогоржевскому Черневича отъ 24 октября 1776 г.

[3] Письмо Миляновскаго 1781 г. изъ собр. ун. писемъ О. С. Сидорскаго.

го направленія въ дѣлѣ воспитанія, можно судить уже по тому одному, что въ ближайшее за тѣмъ время тайный базиліанскій провинціалъ бѣлорусскій Миляновскій сдѣлалъ русскому правительству предложеніе переименовать базиліанскіе монастыри въ латинскіе и подчинить латинскому епископу. [1]

Съ 1778 г. положеніе Смогоржевскаго въ Бѣлоруссіи значительно измѣнилось. Въ этомъ году устроено мѣстное центральное управленіе въ Бѣлоруссіи и для этого избранъ не Полоцкъ, а Могилевъ, въ которомъ естественно должно было усилиться вліяніе на дѣла Георгія Конисскаго, Сестренцевича и Лисовскаго. Смогоржевскій, чтобы поправить это, сблизился съ новымъ полоцкимъ губернаторомъ Ребиндеромъ еще болѣе, чѣмъ съ Кречетниковымъ, безъ сомнѣнія, потому, главнымъ образомъ, что Ребиндеръ былъ близокъ къ русскому послу въ Варшавѣ Штакельбергу. Кромѣ того, въ началѣ 1779 г. Смогоржевскій ѣздилъ въ могилевскую губернію и въ Могилевѣ три дня угощалъ чиновниковъ [2]. Наконецъ онъ былъ близко знакомъ со всѣми русскими сановниками, имѣвшими вліяніе на дѣла Бѣлоруссіи,—съ Чернышевымъ, Потемкинымъ, Ланскимъ, Зорычемъ, Михельсономъ и др. Въ томъ же 1779 г. Смогоржевскому представилась возможность облегчить для себя трудную борьбу за свое вліяніе на мѣстѣ—въ Бѣлоруссіи, и занять высшее положеніе. Въ этомъ году, какъ намъ уже извѣстно, сдѣлалась праздною уніатская митрополичья каѳедра. Польскому правительству естественно было желать, чтобы будущій митрополитъ находился въ Польшѣ, а такимъ могъ быть, по личному значенію и мѣсту своей каѳедры, только холмскій епископъ, знакомый намъ гонитель украинскаго православія—Максиміліанъ Рылло. Король и его партія не были расположены къ этому епископу и устроили такъ, что Екатеринѣ предложено было уступить королю Смогоржевскаго для занятія митрополичьей каѳедры, а на мѣсто его принять на полоцкую архіепископію холмскаго епископа. [3] Екатерина согласилась на это и освободила Смогоржев-

[1] Тамъ же, письмо Киріата.

[2] Арх. ун. м., связка 441, письмо къ Зоричу отъ 3 февраля 1779 г.

[3] По словамъ Рыллы король вынудилъ у него не рѣшительное согласіе на переходъ въ Полоцкъ. Дневникъ Рыллы. Науковый Сборн. галицко-русской матицы, вып. III и IV, стр. 283—4.

скаго отъ русскаго подданства и предложила ему, до прибытія новаго епископа, устроить въ Полоцкѣ консисторію [1]. Смогоржевскій составилъ ее исключительно изъ базиліанъ, въ числѣ которыхъ болѣе видными были: тайный провинціалъ бѣлорусской провинціи—Миляновскій, игуменъ полоцкаго базиліанскаго монастыря Жаба, пустынскій игуменъ Киріатъ и онуфрейскій игуменъ Ираклій Лисовскій—единственное лицо, пользовавшееся довѣріемъ русскихъ властей, и въ началѣ 1780 года уѣхалъ въ Польшу. Первою заботою Смогоржевскаго было поправить въ глазахъ уніатовъ свое дипломатическое избраніе на митрополичью каѳедру и подкрѣпить его іерархическимъ избраніемъ. Для этого онъ призвалъ представителей уніи въ Седльцы, объяснивъ уніатамъ, что король лишь рекомендуетъ его. Собралось едва нѣсколько человѣкъ: епископъ владимірскій, протоархимандритъ базиліанъ и депутатъ папскаго епископа, лещинскій игуменъ; луцкій и львовскій епископы прислали лишь свои мнѣнія, а холмскій епископъ не далъ о себѣ никакого извѣстія [2]. На этомъ жалкомъ соборѣ, члены котораго казались еще болѣе жалкими, когда имъ пришлось разъѣзжаться, потому что въ страшную распутицу должны были ѣхать на волахъ, избранъ былъ митрополитомъ Смогоржевскій [3].

Отсутствіе Рыллы на этомъ соборѣ оказалось зловѣщимъ. Рылло понялъ, что его сдвигаютъ съ широкаго поприща дѣятельности. Онъ увидѣлъ возможность возстановить давнюю связь Холма, Перемышля, Львова и Малороссіи, въ которой имѣлъ и теперь монастыри въ Дерманѣ и Дубнѣ, по этому отказался отъ полоцкаго архіепископства, и поѣхалъ въ Вѣну хлопотать, чтобы дали ему въ управленіе австрійскую часть Польши. [4] Эти дѣла Рыллы поставили Смогоржевскаго въ крайнее затрудненіе. Онъ оказывался безъ епархіи. У него ускользала холмская каѳедра, самая близкая къ польскому центру—Варшавѣ и самая твердая при тогдашнихъ тревожныхъ слу-

---

[1] Арх. св. с. д. 1779, № 297, л. 18—19.

[2] Арх. ун. м., № 996—письмо Смогоржевскаго отъ 2 марта 1780 г.

[3] Тамъ же.

[4] Тамъ же, № 996, письма Смогоржевскаго отъ 15 марта, 22 марта, 13 апрѣля и 15 мая 1780 г.

хахъ о будущихъ раздѣлахъ Польши, а съ холмскою каѳедрою исчезало вѣроятное управленіе чрезъ коадьюторовъ перемышльскою и львовскою каѳедрами. Полоцкая каѳедра была для него еще менѣе надежною и возбуждала тревогу за ея судьбу. Оставалось довольствоваться частью Малороссіи съ Радомыслемъ, подобно Володковичу и въ то самое время, когда ходили слухи, что и западная Малороссія будетъ присоединена къ Россіи [1]. Смогоржевскій чрезъ короля и папскаго нунція сталъ дѣйствовать на вѣнскій дворъ, чтобы получить признаніе своей власти надъ уніатами австрійской польши [2], а самъ поспѣшилъ въ Полоцкъ, куда лѣтомъ (1780 г.) предполагала пріѣхать Екатерина. Первою мыслію его было остаться въ званіи митрополита и полоцкаго архіепископа. Объ этомъ онъ совѣщался съ Штакельбергомъ еще въ Варшавѣ послѣ своего избранія въ митрополиты, какъ только получилъ извѣстіе объ отказѣ Рыллы. 16 марта 1780 г. Штакельбергъ писалъ ему: «успѣхъ не отвѣчаетъ моему усердію и моимъ желаніямъ. Ея величество выразила мнѣ свою мысль, что два званія не могутъ быть совмѣстны, и свое желаніе назначить архіепископа изъ своихъ подданныхъ» [3]. Впрочемъ, отъ того же Штакельберга Смогоржевскій получилъ и ободреніе. «Тотъ же министръ», писалъ Смогоржевскій къ Левинскому [4], «въ конфиденціальномъ письмѣ къ губернатору (Ребиндеру), съ крайнимъ сожалѣніемъ пишетъ объ этомъ и однако говоритъ, что можетъ быть императрица измѣнитъ для меня

---

[1] Тамъ же, № 997, письмо къ Левинскому изъ Житоміра какого-то Комара или Комаржевскаго отъ 23 сентября 1780 г. Изъ письма видно, что и прежде была тревога изъ-за этого. Мы видѣли, что еще въ 1773 году были объ этомъ слухи.

[2] Арх. ун. м., № 996, указанныя выше письма Смогоржевскаго.

[3] Кн. Г. IV, № 194, подлинное письмо Штакельберга.

[4] Мы будемъ часто ссылаться на переписку Смогоржевскаго съ Левинскимъ. Левинскій былъ львовскимъ протодіакономъ, а потомъ коадьюторомъ Смогоржевскаго и въ тоже время королевскимъ секретаремъ. Переписку свою они вели почти непрерывно съ 1779 по 1788 г. Этотъ драгоцѣнный матеріалъ сохранился въ уніатскомъ архивѣ. Къ сожалѣнію, недостаетъ многихъ писемъ Смогоржевскаго и многихъ приложеній къ письмамъ ихъ обоихъ. Письма Левинскаго—въ особыхъ связкахъ; письма Смогоржевскаго разбросаны въ этихъ же связкахъ, особенно подъ № 996 и 1005 и въ большихъ рукописныхъ книгахъ №№ Г. IV, 72 и 110.

къ лучшему свою волю, когда сюда пріѣдетъ» [1]. Это ободреніе распалило воображеніе Смогоржевскаго, и онъ кидался во всѣ стороны, чтобы поправить дѣло. «Я засталъ здѣсь (въ Полоцкѣ)» писалъ Смогоржевскій въ томъ же письмѣ, «графа Чернышева. Я скрылъ отъ него извѣстіе, полученное отъ (русскаго) посла, и просилъ, чтобы онъ, какъ мѣстный правитель, поддержалъ при дворѣ мои просьбы, которыя я ему сегодня подалъ. Чернышевъ похвалилъ мой меморіалъ и его изложеніе, сейчасъ приказалъ перевесть его на русскій языкъ и сегодня намѣренъ послать его въ Петербургъ, куда губернаторъ пишетъ письма къ своимъ друзьямъ и посылаетъ имъ секретно копію этого меморіала, чтобы они знали, въ чемъ дѣло, и сторожили его, а я завтра утромъ пошлю надежное лицо въ Шкловъ къ Зоричу, чтобы онъ какъ можно сильнѣе хлопоталъ за меня у своихъ ближайшихъ людей, особенно у князя Орлова, у князя Вяземскаго, а также у графини Брюсовой. Былъ здѣсь слухъ, что здѣшніе іезуиты испортили намъ Чернышева и онъ повредилъ нашему дѣлу въ Петербургѣ. Сообщите эти извѣстія, кому слѣдуетъ въ кабинетѣ (короля) и у нунція, и посовѣтуйтесь, не будетъ ли полезно для нашего дѣла, еслибы дать русскому послу нашъ меморіалъ, чтобы онъ прочиталъ его и поразмыслилъ о задуманныхъ нами мѣрахъ, о которыхъ послѣ донесетъ ему губернаторъ Ребиндеръ. Наконецъ, не можетъ ли князь Станиславъ (племянникъ короля) получить отъ свѣтлѣйшаго государя какое либо порученіе въ этомъ смыслѣ, чтобы переговорить здѣсь съ государыней о моемъ дѣлѣ, а Рылло! все испортилъ, подорвалъ и королевскій кредитъ. Такъ сказалъ мнѣ вчера, вскочивъ со стула, графъ Чернышевъ, обѣдавшій у меня въ Струнѣ.» Какой меморіалъ представилъ Чернышеву и распустилъ по разнымъ другимъ рукамъ Смогоржевскій, мы не знаемъ. Вѣроятно, это была передѣлка вышеприведенной записки объ учебномъ дѣлѣ въ Бѣлоруссіи или даже та самая записка. Чтобы облегчить русскому правительству разрѣшеніе своего труднаго дѣла, Смогоржевскій возобновилъ старое предложеніе,

---

[1] Ун. арх., № 996—письмо Смогоржевскаго къ Левинскому, отъ 6 апрѣля 1780 г.

чтобы у него въ полоцкой архіепископіи былъ коадъюторъ, но въ коадъюторы предлагалъ не прежняго кандидата Лисовскаго, а новаго-базиліанскаго протоархимандрита Важинскаго, который, по слухамъ, дошедшимъ до Смогоржевскаго, хлопоталъ объ этомъ чрезъ своихъ родныхъ и друзей и прежде, когда еще шли переговоры о назначеніи Смогоржевскаго митрополитомъ [1]. Это трудное дѣло Смогоржевскій думалъ уладить слѣдующимъ образомъ: «не мѣшаетъ указать русскому послу, писалъ Смогоржевскій Левинскому, на то обстоятельство, что ошмянскій подкоморій, родной братъ протоархимандрита, лицо, принесшее присягу императрицѣ въ мстиславскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ владѣетъ женинымъ имѣніемъ, а протоархимандрита мы могли бы сейчасъ же сдѣлать подданнымъ императрицы, назначивъ его суперіоромъ въ какомъ либо монастырѣ въ кордонѣ (присоединенной области), и, такимъ образомъ, исполнивъ ея волю, поручить эту паству подданному ея. Тогда пусть бы, пожалуй, меня выгнали отсюда. Кабинетъ и нунціатруа пусть обсудятъ это обстоятельство и пусть вобьютъ въ голову русскаго посла, а онъ, если захочетъ, съумѣетъ повернуть это дѣло по министерски, издалека. Нужно живо поворачиваться съ этимъ; медлить опасно» [2]. Опасность дѣйствительно была велика. Еще до 6 апрѣля, т. е. въ первые же дни послѣ своего возвращенія въ Полоцкъ, Смогоржевскій узналъ, что Сестренцевичъ прочитъ на мѣсто Смогоржевскаго и его коадъютора своего племянника, бывшаго іезуита Одынца, что онъ имѣлъ какіе то переговоры съ московскимъ митрополитомъ Платономъ о томъ, чтобы не было въ Бѣлоруссіи уніатскаго архіепископа, а только коадъюторъ его— Сестренцевича, что Сестренцевичъ убѣдилъ въ этомъ Чернышева, который хлопочетъ за Одынца въ Петербургѣ, что наконецъ Сестренцевичъ побуждаетъ нѣкоторыхъ базиліанъ переходить въ латинскій обрядъ [3]. 13 апрѣля, Смогоржевскій имѣлъ новыя тревожныя извѣстія. Онъ узналъ, что полоцкая каѳедра можетъ быть отдана лещинскому архимандриту Чаадаю, который хотя былъ по наружности уніатомъ, но пере-

---

[1] Арх. ун. м. № 996, письмо Смогоржевскаго отъ 3 января 1780 г.
[2] Тамъ же, письмо Смогоржевскаго отъ 13 апрѣля 1780 г.
[3] Тамъ же, письмо Смогоржевскаго отъ 6 апрѣля.

шелъ въ унію изъ латинства, былъ тоже близокъ къ Сестренцевичу и также опасенъ Смогоржевскому, какъ и Одынецъ, или еще хуже; слышалъ онъ наконецъ, что полоцкая уніатская каѳедра будетъ отдана не уніату [1].

Въ Варшавѣ понимали важность этихъ обстоятельствъ. Русскій посолъ, по просьбѣ короля, представилъ своему правительству королевскую рекомендацію за Важинскаго [2]. Пока происходили эти сношенія, Смогоржевскій получилъ новыя непріятности. Чернышевъ сдѣлалъ за что-то выговоръ Ребиндеру, самъ донесъ въ Петербургъ о прибытіи въ Полоцкъ Смогоржевскаго и получилъ какой-то указъ непріятнаго для Смогоржевскаго содержанія [3]. Кромѣ того, Смогоржевскій получилъ тревожныя извѣстія о козняхъ іезуитовъ и Сестренцевича, подозрѣвалъ, что они перехватываютъ его письма, узналъ, что іезуиты ведутъ какія-то интриги въ Литвѣ и распускаютъ на счетъ его въ Полоцкѣ и даже въ Римѣ дурные слухи, обзываютъ его даже еретикомъ [4]. Смогоржевскій поспѣшилъ написать Чернышеву оправдательное письмо, которое сейчасъ вмѣстѣ съ извѣстіями объ іезуитахъ, которыхъ онъ называлъ черными людьми, дьяволами, сообщилъ въ Варшаву [5]. Въ письмѣ къ Чернышеву и въ сообщеніяхъ въ Варшаву онъ измѣнилъ тактику. Свое пребываніе въ Полоцкѣ онъ представлялъ временнымъ и просилъ назначить ему не коадъютора, а преемника, указывая на того же Важинскаго [6]. Около 11 мая Смогоржевскій имѣлъ обманчивое утѣшеніе, что его усилія, хлопоты, начинаютъ дѣйствовать и даютъ благопріятный ходъ его дѣлу. «Графъ Чернышевъ, возвратившись изъ Могилева (въ Полоцкъ), въ отвѣтъ на мое послѣднее письмо, сказалъ мнѣ лично, писалъ Смогоржевскій 11 мая, что дозволяетъ мнѣ до прибытія государыни исполнять пастырскія обязанности и что онъ будетъ стараться, чтобы государыня не

---

[1] Тамъ же, письмо Смогоржевскаго отъ 13 апрѣля 1780 г.

[2] Тамъ же, письмо изъ Петербурга отъ 1 сентября 1780 г.; связка 441, нота папскаго нунція отъ 1 августа 1780 г., № 986, письма Левинскаго отъ 23 марта, 3 апрѣля, 15 и 22 мая 1780 г.

[3] Тамъ же, № 996, письмо Смогоржевскаго отъ 8 мая 1780 г.

[4] Тамъ же, № 1005, письмо Смогоржевскаго отъ 4 мая 1780 г.

[5] Тамъ же, №№ 996 и 1005.

[6] Арх. ун. м., № 986 письма Левинскаго отъ 15 и 20 мая 1780 г.

исключала меня изъ числа здѣшнихъ жителей и чтобы обрадовала меня желаемымъ преемникомъ. Это заявленіе онъ повторилъ и предъ дочерью канцлера Борха, которая гоститъ у меня въ Струнѣ»[1]. Это заявленіе имѣло для Смогоржевскаго великое значеніе. Къ этому времени онъ уже получилъ извѣстіе, что австрійское правительство признаетъ его духовную власть надъ Австрійскими уніатами[2]. Если бы онъ остался еще русскимъ подданнымъ, слѣдовательно могъ бы свободно управлять полоцкими уніатами, хотя бы то черезъ самостоятельнаго епископа, то сталъ бы въ положеніе уніатскаго митрополита прежнихъ временъ, надъ всѣми уніатами раздѣленной Польши, и подъ его властью эта раздѣленная Польша объединилась бы въ одно духовное стадо, представитель котораго онъ, Смогоржевскій, связанъ дружбою съ польскимъ королемъ и многочисленными духовными латинскими лицами не-іезуитскаго направленія и съ польскими государственными людьми. Это былъ бы уніатско-польскій контрпроектъ въ сравненіи съ проектомъ полоцкихъ іезуитовъ располагать Поляковъ къ Россіи посредствомъ русскаго образованія и въ сравненіи съ проектомъ Сестренцевича сближать ихъ съ нею посредствомъ не-ультрамонтанскаго латинства.

Смогоржевскій удвоилъ свои хлопоты. Его мѣстопребываніе—Струнь—сдѣлалось сборищемъ его польскихъ друзей. Здѣсь имѣла пребываніе упомянутая уже Борхъ. Сюда прибыла съ компаніей жена трокскаго кастеляна. Генералъ Понятовскій, прибывшій въ Полоцкъ тоже съ компаніей, побывалъ въ Струнѣ, полюбилъ это мѣсто и переселился сюда. Со дня на день Смогоржевскій ожидалъ воеводу брестскаго и трокскаго кастеляна. Все это сборище, кромѣ двухъ послѣднихъ, жило въ Струнѣ уже 18 (7) мая, т. е. за 12 дней до пріѣзда Екатерины. Понятовскій былъ во главѣ этого сборища и мудро заслонялъ собою дѣйствительнаго хозяина—Смогоржевскаго. Отсюда это польское сборище дѣлало наѣзды въ Полоцкъ, обѣдало у жены Чернышева, представлялось австрійскому посланнику Кобенцелю. Смогоржевскій отовсюду извлекалъ пользу. Онъ сблизился съ Кобенцелемъ и полу-

---

[1] № 1005, письмо Смогоржевскаго отъ 11 мая 1780 г.

[2] № 996, письмо Смогоржевскаго отъ 13 апрѣля.

чилъ дозволенie писать къ нему. Онъ сошелся даже съ православнымъ псковскимъ архiепископомъ Иннокентiемъ, изложилъ ему свое дѣло, встрѣтилъ сочувствiе и сейчасъ же далъ объ этомъ знать въ Варшаву на случай надобности [1]. Въ тоже время Смогоржевскiй приготовлялся къ торжественной встрѣчѣ Екатерины и явно соперничалъ съ iезуитами. Онъ приготовлялъ торжественныя рѣчи, оды на разныхъ языкахъ [2]. Къ прiѣзду Екатерины польское сборище Смогоржевскаго, видно, успѣло сдѣлать многое въ его пользу. Екатерина, прiѣхавъ въ Полоцкъ 19 (30) мая прежде всего посѣтила унiатскую базилiанскую софiйскую церковь, а затѣмъ въ ней былъ и торжественно былъ встрѣчаемъ Потемкинъ съ множествомъ сенаторовъ и другихъ лицъ. Мая 20 (31) iезуиты затмили унiатовъ торжественною встрѣчею у себя Екатерины; но Смогоржевскiй надѣялся затмить ихъ въ свою очередь 21 мая (1 iюня) въ день тезоименитства Константина Павловича, такъ какъ въ этотъ день Екатерина предполагала присутствовать на служенiи Смогоржевскаго. Неожиданная интрига разстроила это торжество. Какой-то русскiй сенаторъ, враждебный Смогоржевскому, устроилъ такъ, что православная служба, на которой присутствовала Екатерина, протянулась слишкомъ долго и Екатерина, хотя и высказала на это неудовольствiе, но не была у унiатовъ [3]. Смогоржевскiй,

---

[1] Арх. ун. м., № 1005, письмо Смогоржевскаго отъ 18 мая 1780 г.

[2] «Для прiема государыни мы все обдумали по мѣрѣ возможности и, между прочимъ, напечатаемъ: героическiя стихотворенiя, эпиграммы, оды, хроностихъ». Арх. ун. м., № 996, письмо Смогоржевскаго отъ 6 апрѣля 1780. «Рѣчь французская, сонеты италiянскiе, героическiе стихи и оды латинскiя вышли изъ печати и поднесены были императрицѣ, а греческiе, нѣмецкiе и французскiе (стихи) будутъ представлены въ Оршѣ училищемъ толочинскимъ. Iезуиты напечатали 20 листовъ латинскихъ стиховъ и торжественно поднесли государынѣ; выписываю для нунцiя болѣе любопытные». Тамъ же, письмо Смогоржевскаго отъ 5 iюня 1780 г.

[3] Всѣ эти событiя описываетъ Стебельскiй. Żywoty Ewfrozyny y Parascewij т. 2, стр. 456—465. Разсказъ Стебельскаго полнѣе дневныхъ записокъ объ этомъ путешествiи, напечатанныхъ въ Сб. русск. историч. общ. (т. 1 стр. 389—411) касательно унiатскихъ дѣлъ. Въ существѣ дѣла онъ согласенъ съ ними, кромѣ неяснаго упоминанiя записокъ о соборѣ (стр. 339), котораго тогда не было у православныхъ въ Полоцкѣ, и подъ которымъ нужно разумѣть унiатскiй соборъ.

кромѣ того, жестоко тогда страдалъ лихорадкой и на нѣкоторыхъ торжествахъ не могъ присутствовать. Онъ не могъ ѣхать дальше и даже присутствовать при выѣздѣ Екатерины изъ Полоцка,—болѣзнь его удержала въ Струнѣ. Впрочемъ, онъ нѣсколько поправилъ это. Екатерина должна была ѣхать мимо Струня. Смогоржевскій разставилъ по дорогѣ своихъ крѣпостныхъ и духовенство и самъ вышелъ въ облаченіи и простился съ государыней [1], которая благодарила его за вниманіе. Кромѣ того, Смогоржевскій имѣлъ многочисленныя средства постоянно напоминать о себѣ Екатеринѣ и ея сановникамъ на всемъ пути ея по Бѣлоруссіи. Отъ Струня, гдѣ такъ много было собрано его друзей, до Шклова, владѣнія друга его Зорича, гдѣ готовилось самое большое торжество въ честь Екатерины, удивившее даже австрійскаго императора [2], Смогоржевскій устроилъ особую почту для своихъ друзей [3]. Для посылокъ и ходатайствъ Смогоржевскій имѣлъ особаго, опытнаго человѣка, дворецкаго Бѣликевича.

Присмотрѣвшись въ Полоцкѣ къ разнымъ людямъ, онъ отчетливѣе уяснилъ себѣ, кто изъ нихъ имѣетъ силу, кто и какъ можетъ быть полезенъ. Польское сборище друзей все стояло за него: тутъ было согласіе, единодушіе, которыми дорожилъ Смогоржевскій, но что касается русскихъ людей, то Смогоржевскій нашелъ, что ему выгоднѣе воспользоваться разъединеніемъ, разногласіемъ ихъ. Какъ только Екатерина уѣхала изъ Полоцка, Смогоржевскій опять написалъ письмо къ Чернышеву [4], хотя зналъ, что Чернышевъ главный его врагъ. «Фельдмаршалъ Чернышевъ—явный врагъ уніи, и кто знаетъ, не замышляетъ ли онъ погубить ее. Третьяго дня очень высокое лицо изъ Польши, быстро проѣзжавшее черезъ Струнь, сказало мнѣ по секрету, что знаетъ изъ вѣрнаго источника, что русское правительство въ отвѣтѣ Штакельбергу высказало намѣреніе уничтожить послѣ меня унію» [5].

---

[1] Арх. ун. м., № 996, письмо Смогоржевскаго отъ 5 іюня 1780 г. Stebelsky, тамъ же, стр. 472—3.

[2] Арх. ун. м., № 996, письмо Смогоржевскаго отъ 8 іюня.

[3] Тамъ же, № 1005, письмо Смогоржевскаго отъ 4 мая.

[4] Арх. ун. м., № 996, письмо отъ 8 іюня 1780 г.

[5] Тамъ же, письмо Смогоржевскаго отъ 5 іюня 1780 г.

Смогоржевскій однако не терялъ надежды поправить дѣло. Онъ нашелъ между русскими сановниками покровителя уніи, на вліяніе котораго можно было смѣло разсчитывать и тѣмъ смѣлѣе, что лицо это, по извѣстіямъ Смогоржевскаго, любило дѣйствовать наперекоръ Чернышеву. Это Потемкинъ, бывшій у Смогоржевскаго съ австрійскимъ посланникомъ—Кобенцелемъ—за два дня до выѣзда Екатерины изъ Полоцка, когда ѣхалъ въ Могилевъ, и угощенный Смогоржевскимъ завтракомъ и шоколадомъ. Смогоржевскій написалъ къ нему письмо [1]. Съ этимъ письмомъ дворецкій Бѣликевичъ полетѣлъ за Потемкинымъ и нашелъ его только въ Крычевѣ. Здѣсь сталъ дѣйствовать на Потемкина новый ходатай—родственникъ (по женѣ) Потемкина, польскій гетманъ Браницкій, передъ которымъ Потемкинъ откровенно сказалъ, что въ Петербургѣ желали бы искоренить уніатовъ, что за нихъ тамъ никто не говоритъ ни слова; «не смотря однако на это», писалъ Смогоржевскій Левинскому, «онъ обѣщалъ мнѣ свою помощь, но развѣ изъ-за этого придется ему поссориться съ государыней, сказалъ онъ, и приказалъ Бѣликевичу пріѣхать въ Петербургъ, а вчера (письмо писано 8 іюня) онъ съ здѣшнимъ губернаторомъ полетѣлъ въ Невельщину на обѣдъ къ Михельсону, чтобы переговорить о моемъ дѣлѣ съ императорскими секретарями—Безбородко и Турчаниновымъ» [2]. Въ знакъ особеннаго вниманія Потемкинъ прислалъ Смогоржевскому чрезъ Бѣликевича краснаго полыннаго вина, какъ лекарство отъ лихорадки [3]. Не полагаясь однако на одного Потемкина, Смогоржевскій въ то же время обратился къ новому, приближенному къ Екатеринѣ лицу—Ланскому [4]. Наконецъ, на всѣхъ русскихъ сановниковъ онъ думалъ дѣйствовать дипломатическими средствами. «Австрійскому послу, я думаю, писалъ Смогоржевскій, послать письмо съ выраженіемъ благодарности австрійскому императору за дозволеніе духовнаго управленія въ австрійскомъ кордонѣ и призову его (импера-

---

[1] Тамъ же.

[2] Тамъ же, письмо Смогоржевскаго отъ 8 іюня.

[3] Тамъ же.

[4] Тамъ же.

тора) ходатайствовать за здѣшнее католичество (унію) [1] и архіерейство (полоцкое), а черезъ его министра подсуну ему слѣдующія побужденія (ходатайствовать): 1) нѣсколько лѣтъ тому назадъ австрійская императрица въ письмѣ къ здѣшней государынѣ въ сильныхъ выраженіяхъ ходатайствовала за цѣлость обоихъ обрядовъ (латинскаго и уніатскаго): сыну естественно возобновить ходатайство матери; 2) можетъ онъ (императоръ) въ разговорѣ (съ Екатериной) также заявить, что онъ мнѣ, императорскому (русскому) подданному и администратору вакантной митрополіи, дозволилъ въ своемъ кордонѣ духовное управленіе и желалъ бы, чтобы я вскорѣ туда отправился ради нуждъ церковныхъ; но узнавъ, что я здѣсь не имѣю ни суффрагана, ни коадьютора, желалъ бы, чтобы императрица или дала мнѣ коадьютора или назначила кого либо на мое мѣсто, потому что паства не можетъ оставаться безъ пастыря; 3) въ разговорѣ онъ можетъ упомянуть и то, что предоставилъ администрацію перемышльской епархіи холмскому епископу, не смотря на то, что этотъ епископъ польскій житель и польскій подданный. Руководствуясь этими соображеніями, онъ (австрійскій императоръ) можетъ самъ или черезъ своего министра подѣйствовать, по крайней мѣрѣ, на Потемкина» [2]. Смогоржевскій, разсылая эти письма, смутно чувствовалъ, что заходитъ слишкомъ далеко. Передавая все это своему повѣренному Левинскому, онъ, между прочимъ, писалъ ему: «передайте все это по секрету свѣтлѣйшему государю и святой нунціатурѣ. Пусть они своими путями добиваются правды и обдумываютъ, какъ бы вѣрнѣе дѣйствовать, потому что я одинъ, безъ помощи и безъ здоровья, не въ силахъ все сдѣлать» [3]. Но это былъ минутный упадокъ духа. Въ слѣдующемъ же письмѣ, разсказавъ, что вышеуказанныя письма разосланы, что Потемкинъ готовъ стоять за унію и что даже Чернышевъ представилъ его мемо-

---

[1] Уніаты въ послѣднія времена Польши, особенно при Смогоржевскомъ, обыкновенно называли себя католиками.

[2] Арх. ун. м., № 996, письмо Смогоржевскаго отъ 5 іюня. Такое письмо Смогоржевскій дѣйствительно написалъ и послалъ Кобенцелю. См. тамъ же письмо его отъ 8 іюня.

[3] Тамъ же, письмо отъ 5 іюня.

ріалъ, Смогоржевскій, между прочимъ, говоритъ: «пусть все это варится въ котлѣ» и собирался въ началѣ іюля ѣхать на конгрегацію базиліанъ [1], которые, по его мнѣнію, пожалуй, еще перерѣжутся [2].

Смогоржевскому однако не скоро пришлось выѣхать изъ Полоцка и предупреждать рѣзню базиліанъ, потому что въ котлѣ варилось не совсѣмъ такъ, какъ онъ желалъ. 9 іюня, наканунѣ выѣзда Екатерины изъ Могилева, Чернышевъ прислалъ ему на его запросы отвѣтъ, что временно устроенное имъ управленіе епархіей посредствомъ консисторіи должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока императрица не выскажетъ объ этомъ своего рѣшенія [3]. Дѣло, слѣдовательно, переносилось въ Петербургъ. Смогоржевскій не замедлилъ перенести туда же и свои хлопоты. 15 іюня онъ послалъ Бѣликевича въ Петербургъ съ письмами къ Потемкину, Ланскому, съ письмами полоцкаго губернатора къ его петербургскимъ друзьямъ и съ письмами отъ другихъ лицъ [4]. Многочисленные друзья его въ Польшѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ его дѣла и черезъ Левинскаго давали ему знать о мнѣніяхъ и заботахъ короля, папскаго нунція, о переговорахъ ихъ съ русскимъ посланникомъ [5]. Письмо Чернышева произвело на нихъ весьма сильное впечатлѣніе. Нунцій посовѣтовалъ Смогоржевскому не торопиться выѣзжать изъ Полоцка [6]. За тѣмъ, въ загородной королевской резиденціи собрался подъ предсѣдательствомъ короля совѣтъ, составленный изъ нунція и польскихъ министровъ, и предположено сдѣлать новое представленіе въ Петербургъ, опираясь на трактатъ 1773 г. и настаивать на назначеніи полоцкимъ архіепископомъ протоархимандрита Важинскаго [7]. Въ этомъ смыслѣ нунцій напи-

---

[1] Тамъ же, письмо отъ 8 іюня.

[2] Тамъ же, письмо отъ 8 мая.

[3] Тамъ же, связка 441, нота польскому королю папскаго нунція отъ 1 августа 1780 г.

[4] Арх. ун. м., № 996, письмо Смогоржевскаго отъ 15 іюня 1780 г.

[5] Тамъ же, № 986, письма Левинскаго отъ 22 мая, 5, 12, 19, 26 іюня 1780 г.

[6] Тамъ же, письмо къ Смогоржевскому изъ Варшавы отъ 1 мая.

[7] Тамъ же, письмо Левинскаго отъ 3 іюля 1780 г.

салъ ноту къ королю [1]. Но въ это время пришло новое извѣстіе, произведшее еще большую смуту въ Варшавѣ. Въ то время, какъ Смогоржевскій истощалъ всѣ усилія поправить свое дѣло и друзья его спѣшили за нимъ съ своею помощью, не дремали и враги ихъ—іезуиты. Они въ Варшавѣ еще въ апрѣлѣ, гораздо раньше Смогоржевскаго, знали какое рѣшеніе русское правительство приготовило касательно полоцкой уніатской архіепископіи [2]. Они позаботились узнать и о томъ, что Смогоржевскій пишетъ въ Польшу. 17 іюля Левинскій писалъ Смогоржевскому, что получилъ отъ него явно подпечатаннымъ письмо и извѣстилъ его, что кромѣ того копія одного письма его къ королю добыта іезуитами и сообщена Чернышеву [3]. Копія эта, очевидно, получена была іезуитами и сообщена Чернышеву гораздо раньше, по всей вѣроятности, еще въ іюнѣ. Письма Смогоржевскаго и особенно записки его получали значительную гласность. Сестренцевичъ еще въ началѣ іюня отзывался о Смогоржевскомъ предъ поляками, что его перо слишкомъ смѣлое [4], и какъ оказывалось, отзывался такъ не по дружбѣ къ Смогоржевскому и, конечно, не передъ одними поляками. Неблаговоленіе Сестренцевича къ себѣ Смогоржевскій видѣлъ явно, и съ своей стороны платилъ ему тѣмъ же. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ указалъ на самую больную сторону дѣятельности Сестренцевича. По поводу покушеній Сестренцевича перезвать къ себѣ въ латинство базиліанъ и подчинить себѣ уніатовъ, Смогоржевскій писалъ: «это ясно показываетъ, что онъ вовсе не заботится о вѣрѣ народа, который конечно пойдетъ не къ латинскимъ обрядамъ а къ схизмѣ (православію)» [5]. Сестренцевичъ не могъ быть доволенъ такимъ мнѣніемъ, если оно въ числѣ другихъ мнѣній Смогоржевскаго дошло до него.

Кромѣ вождей польской интеллигенціи въ Бѣлоруссіи—полоцкихъ іезуитовъ и Сестренцевича, Смогоржевскій имѣлъ еще одного опаснаго врага, который дѣйствительно ратовалъ

---

[1] Тамъ же, письмо Левинскаго отъ 24 іюля и 14 августа 1780 г.
[2] Тамъ же, связка 441, нота нунція отъ 1 августа 1780 г.
[3] Тамъ же, письмо Левинскаго отъ 17 іюля 1780 г.
[4] Тамъ же, № 996, письмо Смогоржевскаго отъ 8 іюня.
[5] Тамъ же, письмо Смогоржевскаго отъ 1 апрѣля.

за тотъ народъ, нуждъ котораго такъ не понималъ Сестренцевичъ, по словамъ Смогоржевскаго, и котораго еще больше не понималъ самъ Смогоржевскій. Объ этомъ простомъ народѣ, въ средѣ котораго дѣйствительно весьма многіе желали, но не могли перейти въ схизму, заботился всѣми силами именно Георгій Конисскій, который, безъ сомнѣнія, зналъ и проекты и хлопоты Смогоржевскаго и понималъ, какъ сильно они угрожаютъ загородить еще больше уніатамъ путь къ православію. Есть основаніе думать, какъ сейчасъ увидимъ, что объ этомъ Георгій часто говорилъ съ Чернышевымъ. Когда въ Могилевъ пріѣхалъ Потемкинъ (въ первыхъ числахъ іюня), Георгій подалъ ему двѣ записки, между прочимъ, и «объ уніатахъ, неотступно просящихъ присоединенія нашему исповѣданію», говоритъ Георгій, «цѣлыми селеніями и съ церквами ихъ», и просилъ доложить объ этомъ государынѣ [1]. Судьба этихъ записокъ не извѣстна была Георгію, не извѣстна она и намъ; но тѣмъ или другими путями дѣло направлялось неоспоримо въ смыслѣ просьбы Георгія. Вскорѣ по отъѣздѣ Екатерины изъ Могилева, т. е. послѣ 10 Іюня, Чернышевъ нѣсколько разъ говорилъ Георгію: «теперь вамъ свободно безъ сумнѣнія принимать цѣлыми селеніями и съ церквами желающихъ присоединиться къ православному нашему исповѣданью»[2]. Чернышевъ, дѣйствительно, былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, давшихъ такой ходъ этому дѣлу, и Смогоржевскій не напрасно приписывалъ ему всю вину въ своихъ неудачахъ. Уніатскія извѣстія открываютъ намъ и другое лицо, которое дѣйствовало съ нимъ за одно въ этомъ смыслѣ. «Бѣлорусскій намѣстникъ (Чернышевъ), писалъ Смогоржевскому Левинскій, сговорившись съ Безбородко, черезъ котораго идетъ изъ губерніи (Бѣлоруссіи) въ Петербургъ и обратно вся переписка, оба били и бьютъ на то, чтобы уничтожить полоцкое архіепископство»[3].

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ борьбѣ за полоцкое уніатское архіепископство участвовали самые разнообразные

[1] Арх. св. с. д. 1779 г., № 94.

[2] Тамъ же.

[3] Арх. ун. м., № 986, письмо къ Смогоржевскому отъ 18 сентября 1780.

люди и имѣлись въ виду самыя разнообразныя цѣли. Послѣдствіемъ всего этого былъ нижеслѣдующій правительственный актъ: 2 іюля Екатерина дала на имя Чернышева слѣдующій рескриптъ: «По поводу новаго къ намъ отзыва отъ уніатскаго въ Польшѣ митрополита Іассона Смогоржевскаго о дозволеніи ему остаться при управленіи уніатскими церквами въ полоцкомъ и могилевскомъ намѣстничествахъ, если не на всегда при коадьюторѣ, по крайней мѣрѣ, до опредѣленія ему преемника, мы нужнымъ находимъ, чтобъ вы ему объяснили, что согласясь однажды на желаніе его величества короля польскаго о принятіи ему Смогоржевскому сана унитскаго въ Польшѣ митрополита, уволили мы его тѣмъ отъ всѣхъ обязательствъ подданства и службы нашей, и тогда же назначили на мѣсто его другаго уніатскаго архіепископа. Когда сей назначенный ему преемникъ нашелъ для себя выгоднѣйшимъ предложенную ему епархію въ областяхъ ея величества императрицы королевы, то чрезъ сіе полоцкая уніатская епархія учинилась праздною, въ которую опредѣленіе новаго архіерея, такъ какъ и дальше объ оной устроеніе, есть единственно дѣло самодержавной нашей власти; слѣдственно заботы и попеченія кого либо изъ духовныхъ посторонней державы о праздности сея епархіи, о рукоположеніи священства и о прочемъ оной управленіи не могутъ здѣсь ни мало быть вмѣстимы. Всего менѣе остается права митрополиту Смогоржевскому присвоять себѣ ту епархію по примѣрамъ имъ упоминаемымъ общаго управленія оной съ митрополіею уніатскою. Таковое общее управленіе могло имѣть мѣсто въ то время, когда сіи провинціи были соединены съ польскою короною, но теперь какъ можетъ онъ, учинивсь гражданиномъ и прелатомъ въ другомъ государствѣ, служить вмѣстѣ двумъ разнымъ государямъ? Изъ сего и слѣдуетъ, что онъ Смогоржевскій долженъ, отложа всѣ свои объясненія, касающіяся до особы и званія архіепископа унитскаго въ Полоцкѣ, нашего подданнаго, отправиться къ мѣсту своему въ Польшѣ, остерегаясь всемѣрно мѣшаться въ распоряженіе духовныхъ дѣлъ въ нашей имперіи: но что касается до собственнаго своего имѣнія, оное въ цѣлостномъ и неприкосновенномъ его распоряженіи остаться имѣетъ на основаніи законовъ и по примѣру про-

чихъ присягу намъ учинившихъ, для управленія же дѣлами духовными церквей унитскихъ въ полоцкомъ и могилевскомъ намѣстничествахъ до будущаго нашего соизволенія повелѣваемъ учредить консисторію изъ трехъ или четырехъ духовныхъ того закона людей вѣрныхъ, подданствомъ намъ обязанныхъ и поведенія добропорядочнаго. Ихъ должностью будетъ наблюдать порядки по церквамъ ихъ закона, въ случаѣ же ваканціи при которомъ либо приходѣ священническаго мѣста, препоручите вы людямъ надежнымъ спрашивать и навѣрное освѣдомляться отъ прихожанъ желаютъ ли они имѣть священника нашего православнаго восточнаго закона, въ каковомъ случаѣ преосвященные архіепископъ псковскій и епископъ могилевскій, первый въ полоцкой губерніи, а послѣдній въ могилевской, обязаны опредѣлять людей достойныхъ; если же прихожане похотятъ имѣть священника унитскаго, то консисторія сихъ церквей должна препоручать приходъ праздный священнику ближайшаго прихода, покуда съ постановленіемъ отъ насъ настоящаго архіерея могутъ рукополагаемы быть новые священники, притомъ сходственно указу нашему отъ 3 іюня 1779 года накрѣпчайше запретить въ монастыряхъ и церквахъ приходскихъ унитскихъ принимать священниковъ и монаховъ, извнѣ государства приходящихъ, повелѣвъ оказывающихся безъ вашего дозволенія представлять къ вамъ для высылки за границы подъ присмотромъ» [1]. Рескриптъ этотъ произвелъ великую тревогу въ Варшавѣ, Римѣ и въ средѣ уніатовъ. Уніатовъ особенно тревожило подтверждавшееся вновь старое извѣстіе, что полоцкое уніатское архіепископство предположено уничтожить и что этого добиваются Чернышевъ и Безбородко [2]. Въ Петербургѣ они имѣли теперь единственную надежную опору—предсѣдателя иностранной коллегіи Н. Панина, который давно извѣстенъ имъ былъ, какъ охранитель Польши [3]. Къ нему направленъ былъ польскій посланникъ въ Петербур-

---

[1] Собр. законовъ, № 15028.

[2] Арх. ун. м., № 986, письмо Деболи отъ 1 сентября (20 августа) и письмо Левинскаго отъ 18 (7) сентября 1780 г.

[3] Тамъ же, № 997, письмо къ Левинскому Комара или Комаркевича отъ 23 сентября 1780 г.

гѣ Деболи, который получилъ отъ него увѣреніе, что постарается отвратить этотъ ударъ и ждетъ только удобнаго времени, чтобы подѣйствовать на императрицу [1]. На тревожное опасеніе Левинскаго, что для Панина обыкновенно много нужно времени, что между тѣмъ полоцкая архіепископія а въ ней и вѣра уніатская погибаютъ, въ кабинетѣ польскаго короля ему отвѣчали таинственно: patientia (терпѣніе) [2]! Ожидалось дѣйствительно нѣчто большее. Папа написалъ къ Екатеринѣ письмо въ защиту уніатской церкви въ Полоцкѣ, и это письмо въ началѣ 1781 г. уже ходило по рукамъ въ Бѣлоруссіи и радовало уніатовъ [3].

Но эта радость скоро уступила мѣсто печали и великому смущенію. Въ началѣ февраля 1781 года полученъ былъ отвѣтъ папѣ Екатерины, который папскій нунцій въ Варшавѣ долго пряталъ и долго не рѣшался посылать папѣ [4], такъ какъ изъ него оказывалось, что для спасенія уніи папа долженъ быть покорнымъ исполнителемъ желаній русской императрицы. «Нунцій имѣетъ копію отвѣта императрицы на письмо папы, писалъ Левинскій, но по политическимъ причинамъ хранитъ ее пока въ глубокой тайнѣ и не даетъ никому даже прочитать, ходитъ однако слухъ, что сущность этого отвѣта слѣдующая: сдѣлай, тогда и я сдѣлаю, т. е. когда папа сдѣлаетъ Сестренцевича архіепископомъ Бѣлой Руси, тогда и императрица дастъ бѣлорусскимъ уніатамъ архіепископа [5]. Отвѣтъ этотъ, впрочемъ, вскорѣ сдѣлался извѣстенъ не только въ Варшавѣ, но и въ Полоцкѣ. Базиліанскій провинціалъ Миляновскій писалъ объ немъ изъ Полоцка 15 мая 1781 г. къ базиліанскому прокуратору въ Варшавѣ Новицкому: «изъ этаго отвѣта легко понять, кто причиной нашей

---

1 Тамъ же, № 986. Потемкина Смогоржевскій исключилъ изъ числа покровителей уніи.

2 Тамъ же, письмо Левинскаго отъ 2 октября.

3 Тамъ же, № 987, письмо Левинскаго отъ 8 февраля 1781 г.; Собраніе уніатскихъ писемъ, принадл. О. С. Сидорскому, письмо Миляновскаго отъ 15 января. Самое письмо папы, Арх. ун. м., № 262.

4 Арх. ун. м., № 987, вышеуказанное письмо Левинскаго, а также письмо его отъ 5 апрѣля 1781 г.

5 Тамъ же, № 981, письмо Левинскаго отъ 5 апрѣля 1781 г.

погибели»[1]. Бѣлорусскіе и польскіе уніаты дѣйствительно не могли имѣть на этотъ счетъ большихъ сомнѣній. Между ними, правда, ходили слухи то о назначеніи имъ православнаго епископа, то кого либо изъ такихъ уніатовъ, который бы послѣ своего вступленія на каѳедру согласился принять православіе [2]; но болѣе основательныя извѣстія склоняли ихъ къ той мысли, что ихъ хочетъ подчинить себѣ Сестренцевичъ. 15 апрѣля 1781 г., повѣренный Смогоржевскаго, Бѣликевичъ, передавалъ ему чрезъ Левинскаго извѣстіе, полученное имъ изъ Петербурга, что Сестренцевичъ старался объ этомъ и теперь, что находясь въ Полоцкѣ, онъ часто заговариваетъ о Струнѣ и собирается осматривать его [3]. Въ началѣ 1782 г. уніаты имѣли извѣстіе, что Сестренцевичъ будетъ имѣть двухъ суффрагановъ, одного изъ нихъ для управленія уніатами, что этимъ суффраганомъ будетъ Лисовскій [4], что скоро будетъ дозволенъ переходъ уніатовъ въ латинство[5] и что Сестренцевичу поручено войти въ сношеніе съ Смогоржевскимъ, не согласится ли онъ дозволить это [6]. На эти извѣстія сочувственно откликнулись прежде всего полоцкіе базиліане. «Мнѣ кажется, писалъ Миляновскій къ Новицкому 15 мая 1781 г., что слѣдовало бы какъ нибудь надоумить Римъ, чтобы намъ дозволено было, по крайней мѣрѣ, быть хоть подъ властію епископа римскаго обряда, потому что несомнѣнно, извѣстно, что въ уніи мы не долго останемся: такъ лучше во̀ время принять мѣры и закрѣпить существованіе нашихъ монастырей»[7]. Сочувственно къ этому относились и даже предупреждали ожидаемое теченіе дѣлъ не одни базиліане. Въ полоцкой области, извѣстной давно множествомъ ревнителей, выступавшихъ подъ знаменемъ Кунцевича, радовавша́гося всегда переходу уніатовъ въ латинство, нашлось, видно, и теперь не мало ревнителелей этого перехода. Еще въ началѣ

[1] Изъ собр. уніатскихъ писемъ О. С. Сидорскаго.
[2] Изъ того же собр., письмо Миляновскаго отъ 15 января 1781 г.
[3] Арх. ун. м., № 988, письмо отъ числа указаннаго.
[4] Тамъ же, письмо Миляновскаго отъ 18 января.
[5] Письмо Миляновскаго отъ 15 мая изъ собр. ун. пис. О. С. Сидорскаго.
[6] Арх. ун. м., № 999, письмо Обромпальскаго отъ 23 марта 1782 г.
[7] Изъ собр. ун. пис. О. С. Сидорскаго.

1781 г. тотъ же Миляновскій писалъ: «весьма многіе перешли въ латинство и не перестаютъ идти». Но въ тоже время онъ сообщалъ, что въ Могилевской области совсѣмъ другое направленіе дѣлъ, что тамъ десятки приходовъ отпали отъ уніи и перешли въ православіе.

Всѣ эти факты ясно показываютъ, что унія въ Бѣлоруссіи поставлена была въ зависимость отъ латинства, а сейчасъ увидимъ, что отъ обоихъ этихъ вѣроисповѣданій поставлено было въ зависимость присоединеніе уніатовъ къ православію, не смотря на то, что это чисто русское, народное дѣло съ давнихъ поръ стояло прямо во всей своей народной простотѣ и ясности и могло идти путемъ совершенно независимымъ и отъ латинства и отъ уніи.

ГЛАВА VIII.

Дѣйствія Георгія послѣ изданія рескрипта отъ 2 іюля 1780 г. Донесенія синоду. Недоумѣнія синода. Отвѣтъ Георгія. Стараніе Георгія преодолѣть затрудненія, поставленныя рескриптомъ 2 іюля. Число присоединенныхъ къ православію въ первые годы послѣ рескрипта 2 іюля. Положеніе Малороссіи. Приглашеніе Смогоржевскимъ помѣщиковъ истреблять православіе. Окружная грамота Смогоржевскаго. Конгрегація уніатскаго духовенства въ Радомыслѣ. Присяга на вѣрность уніи. Разъѣзды уніатовъ по Малороссіи. Затрудненія. Протестъ православныхъ монастырей. Волненія въ Смилянщинѣ. Жалоба Ксаверія Любомірскаго. Громовый рескриптъ Екатерины Штакельбергу. Новое посланіе Смогоржевскаго, новая конгрегація и новые разъѣзды уніатовъ. Борьба между Смогоржевскимъ и княземъ Ксаверіемъ Любомірскимъ. Уніатскія извѣстія о дѣйствіяхъ православныхъ священниковъ и о настроеніи народа. Дѣятельность визитатора Туркевича. Дѣйствія Смогоржевскаго въ Варшавѣ. Стараніе его расположить къ себѣ русское правительство.

Слова Чернышева Георгію, что теперь ему можно присоединять уніатовъ цѣлыми приходами и съ церквами, безъ сомнѣнія, были встрѣчены Георгіемъ съ великою родстью и не оставались одними словами, а сейчасъ же стали переходить въ дѣло. Но рескриптъ 2 іюля, дозволявшій только присоединеніе вакантныхъ уніатскихъ приходовъ, когда послѣ опроса прихо-

жане пожелаютъ перейти въ православіе, до такой степени ограничивалъ заявленіе Чернышева, что недоумѣнія, затрудненія должны были возникать то и дѣло. Народъ, какъ только услышалъ объ этомъ рескриптѣ, понялъ его по своему, т. е. безъ всякихъ ограниченій и, не обращая вниманія, вакантны ли у него приходскія церкви или нѣтъ, «стадами», какъ выражается Георгій Конисскій, сталъ приходить и подавать ему прошенія, при чемъ открылось еще новое, непредусмотрѣнное затрудненіе: тѣ изъ народа, которые боялись помѣщиковъ, спрашивали черезъ другихъ, какъ имъ поступить [1]. Мѣстныя высшія власти сначала не видѣли въ этомъ дѣлѣ затрудненій и, подобно народу, не стѣснялись ограниченіемъ рескрипта. Чернышевъ самъ просилъ Георгія присоединить къ православному приходу прихожанъ уніатской чечерской церкви, не упоминая ни о томъ, живъ ли уніатскій приходскій священникъ и производилось ли дознаніе мѣстною свѣтскою властью [2]. Тоже дѣлали у другіе. Такъ вицегубернаторъ Ник. Богд. Энгельгардъ и директоръ казенныхъ вотчинъ полковникъ Герас. Ивановъ. Черемисиновъ сами давали знать о желаніи прихожанъ быть православными и «о безпрепятствіи къ освященію церквей ихъ, при которыхъ, не извѣстно, были ли уніатскіе священники или нѣтъ» [3]. Выше всякаго сомнѣнія, что Георгій еще ближе, чѣмъ свѣтскія власти стоялъ къ пониманію этого дѣла народомъ, но по своему положенію онъ не могъ не обращать вниманія на возникавшія затрудненія. Затрудненія эти тревожили Георгія и онъ обращался за разъясненіемъ ихъ къ могилевскому губернатору Пассеку. Онъ, именно, спрашивалъ, что дѣлать, когда сами прихожане, не дожидаясь спроса, заявляютъ желаніе быть православными? за тѣмъ онъ просилъ, чтобы губернаторъ нарядилъ свѣтскихъ какихъ офицеровъ для освидѣтельствованія, всѣ ли въ приходѣ состоящіе желаютъ присоединенія и доброю ль волею? Пассекъ на первый вопросъ отвѣчалъ, что случай этотъ самъ собою разумѣется, тѣмъ болѣе, что тогда большею частью и сами уніатскіе священники

---

[1] Ниже мы приведемъ вполнѣ свидѣтельство объ этомъ Георгія Конисскаго.

[2] Арх. св. с. д. 1779, № 94, л. 22.

[3] Тамъ же, л. 19—20.

возвращаются къ православію вмѣстѣ съ своими прихожанами, а касательно назначенія лицъ для освидѣтельствованія, сказалъ: «какъ нѣтъ никакого ни откуду въ принятіи таковыхъ приходовъ и церквей ихъ препятствія, то довлѣетъ и того, что отъ васъ (Георгія) посылаются для освидѣтельствованія священники надежныи, а естли послѣдуетъ какое отъ кого препятствіе, тогда отъ меня будутъ посланы» [1]. 15 іюля 1780 года Георгій Конисскій донесъ синоду, что по прошенію жителей казенныхъ селъ: Осовца и Долгаго-Моху, давно уже просившихъ о присоединеніи, онъ освятилъ ихъ церкви и что также освящены три пропойскія церкви владѣнія князя Алек. Мих. Голицына. Въ поясненіе этихъ своихъ дѣйствій Георгій говорилъ касательно двухъ первыхъ церквей: «въ сихъ двухъ церквахъ уніаты и малѣйшаго слѣда не имѣютъ порочить, якобы прихожанамъ дѣлалось отъ кого либо принужденіе, ибо присутствующіи въ казенной палатѣ, въ вѣдомствѣ коей тѣ села состоятъ, по вотчинамъ не ѣздятъ, а приказчики тѣхъ селъ, будучи католицкаго закона, хотѣли бы паче нудить прихожанъ при уніи удерживаться, чѣмъ присоединяться греко-восточной церквѣ»; а касательно трехъ остальныхъ пояснялъ, что сдѣлано было возраженіе со стороны уніатскаго архимандрита Лисовскаго, но когда послана была коммиссія, въ которой были и уніатскіе депутаты, то оказалось и признано самими уніатскими депутатами, что принужденія не было [2]. Въ двухъ изъ этихъ приходовъ вмѣстѣ съ прихожанами присоединялись священники, а въ третьемъ прихожане принимали православіе помимо своего приходскаго священника [3].

Донесенія эти поставили синодъ въ большое затрудненіе. Изъ иностранной коллегіи синодъ не имѣлъ увѣдомленія, что можно присоединять цѣлыми приходами. Синодъ рѣшилъ потребовать у Георгія объясненія, почему онъ поступалъ вопреки ясному указу, и предписать ему впередъ въ такихъ случаяхъ сноситься съ свѣтскою властью [4]. Въ отвѣтъ на это Георгій передалъ свои, вышеуказанныя объясненія съ Чернышевымъ,

---

[1] Тамъ же.

[2] Тамъ же, дѣло 1780 г., № 293.

[3] Тамъ же, д. 1779 г., № 94, вѣдомость №№ 6, 7 и 8.

[4] Тамъ же, дѣло № 94.

Пассекомъ, сослался на рескриптъ 2 іюля, обнародованный во всемъ могилевскомъ намѣстничествѣ, указалъ случаи, когда онъ и самъ обращался къ свѣтской власти произвесть дознаніе, и заключилъ свое объясненіе: «и такъ я собою и безъ сношенія съ свѣтскою командою ничего въ принятіи уніатовъ селеніями и посвященіи церквей ихъ не дѣлалъ. Сколькожъ церквой уніатскихъ (кромѣ тѣхъ, о коихъ я святѣйшему синоду уже репортовалъ) и которія зъ священниками, а которія безъ священниковъ въ маломъ времени къ благочестивому исповѣданію нашему присоединилися и въ приходахъ тѣхъ коликое число дворовъ душъ обоего полу, такожъ которія еще церкви о присоединеніи прошенія подали, о томъ при семъ вѣдомость святѣйшему синоду представляю; и наконецъ доношу, что есть ли бы владѣльцамъ римскокатолическимъ повелѣніе особливое послѣдовало не держать больше крестьянъ своихъ въ мученіи совѣсти и хотящихъ обратиться ни какъ не притѣснять, подъ опасеніемъ конфискаціи тѣхъ вотчинъ, гдѣ принужденіе дѣлается, такъ бы въ скоромъ времени ни одной церкви въ уніи не осталося, понеже народъ въ уніи состоящій послышавъ обнародованное высочайшее повелѣніе (рескриптъ 2 іюля), всякій день стадами являются съ прошеніями о принятіи, а которіи за страхъ владѣльцевъ не могутъ явиться, тѣ сторонно (черезъ другихъ) просятъ мене сыскать средство доставить и имъ свободу въ томъ. Являющихся съ прошеніями принимать ли мнѣ напредь при томъ, какъ выше я показалъ зъ свѣтскою командою сношеніи, въ резолюцію ожидать имѣю изъ святѣйшаго правительствующаго синода указа» [1]. Въ приложенной вѣдомости показано 19 присоединявшихся приходовъ, цѣлыхъ или частью, именно: 10 приходовъ съ священниками, 4 прихода безъ священниковъ, 5—безъ священниковъ и безъ церквей, всего присоединилось 6.809 человѣкъ [2]. Отвѣтъ Георгія синоду и при немъ вѣдомости составлены 20 августа 1780 г., слѣдовательно рѣшеніе этихъ 6.809 человѣкъ присоединиться къ православію послѣдовало въ теченіи мѣсяца съ небольшимъ, а вѣроятнѣе и въ гораздо меньшее время, послѣ обнародованія рескрипта 2 ію-

[1] Дѣло, № 94, л. 19—20.
[2] Тамъ же, л. 22—23.

ля. Но это далеко не полное число. При той же вѣдомости Георгій представилъ списокъ еще 7 приходовъ, просившихъ о присоединеніи всѣ кромѣ одного безъ священниковъ [1]. Слѣдовательно, въ самое первое время послѣ обнародованія рескрипта 2 іюля, около десяти тысячъ пожелали быть православными. Фактъ этотъ нѣсколько разъясняется и, вѣроятно, ослабляется тѣмъ, что это были почти все имѣнія русскихъ людей [2]; но были также приходы, составлявшіе имѣнія и не русскихъ людей, какъ напримѣръ, изъ числа 19 приходовъ, пироговскій былъ владѣнія разныхъ помѣщиковъ римско-католиковъ и теплянскій—владѣнія іезуитовъ. Изъ числа 7 приходовъ, заявившихъ желаніе принять православіе, четыре прихода составляли владѣніе казны или русскихъ людей и три—помѣщиковъ римско-католиковъ. Синодъ 19 октября 1780 г. послалъ Георгію указъ, въ которомъ говорилъ, что словесныя объясненія, какія имѣлъ Георгій съ свѣтскими властями, не заключаютъ въ себѣ ничего утвердительнаго, что на нихъ нечего основываться, а нужно строго слѣдовать высочайшему повелѣнію о вакантныхъ уніатскихъ приходахъ, поэтому пусть Георгій о присоединенныхъ уже приходахъ дастъ знать свѣтской командѣ, если не далъ, и впредь всегда предварительно даетъ знать и тогда только пусть дѣйствуетъ, когда получится согласіе свѣтской власти и не будетъ никакого препятствія; въ случаѣ же препятствія пусть не присоединяетъ и ждетъ разрѣшенія отъ свѣтской команды; наконецъ, на мнѣніе Георгія о конфискаціи имѣній помѣщиковъ, запрещающихъ народу присоединяться къ православію, синодъ отвѣтилъ, что это» до разсмотрѣнія духовной команды не слѣдуетъ,

---

[1] Тамъ же, л. 23.

[2] Имѣнія эти были: русскихъ людей: Гомель—фельдмаршала Румянцова-Задунайскаго, Телешево—бригадира Симонова, Половцы—генералъ-маіора Ив. Вас. Завадовскаго, имѣніе (непоименовано) сенатора Козлова, Краснополь, Палужье—князя Ал. Мих. Голицына; мѣстечко Хаславичи и окрестныя деревни—тайнаго совѣтника Козьмина, Коптево—генералъ-маіора, Михельсона, Чечерскъ и окрестныя деревни—графа Чернышева, староство жуковское—бывшаго могилевскаго вице-губернатора Воронина, Захарово—камергера Ив. Ник. Корсака-Римскаго. Тамъ же,—вѣдомость. Кричевъ до 1787 г. принадлежалъ Потемкину, а затѣмъ Любомірскому, русск. Арх. 1867 г. стр. 1205.

а принадлежитъ свѣтской власти» [1]. Георгій Конисскій не признавалъ для себя возможнымъ мириться съ такимъ стѣсненіемъ и придумалъ средство обходить рескриптъ 2 іюля. Когда и священникъ и прихожане желали присоединиться къ православію, то дѣло устроялось обыкновенно такъ: священникъ лично присоединялся къ православію, приходъ его считался вакантнымъ, прихожане присоединялись, какъ будто у нихъ не было священника, наконецъ къ нимъ назначался тотъ же священникъ. Георгій даже не скрывалъ этой хитрости и явно выставлялъ ее въ своихъ донесеніяхъ синоду. «Владѣнія господина Волковыскаго, коллежскаго совѣтника, состоящаго въ законѣ римско-католицкомъ, доносилъ Георгій 20 октября 1780 г., села Головенчицъ уніатской рождества богоматери церкви (которая прежде, повелѣніемъ и денежною суммою блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра I-го, состроена была подъ Лешномъ на мѣстѣ одержанной въ 1707 году побѣды надъ генераломъ Левенгауптомъ, а потомъ за превращеніемъ оной на уніатскую владѣльцами римско-католиками перенесена въ показанное село Головенчицы) священникъ Герасимъ Зубановичъ, явясь ко мнѣ, по желанію своему грековосточной православной нашей церкви присоединился. Я, потому что при оной церквѣ оказалась вакансія священническаго мѣста, сообщилъ могилевскому намѣстническому правленію, по которому сообщенію изъ онаго правленія въ силу высочайшаго имяннаго его императорскаго величества повелѣнія, даннаго во 2 день іюля сего 1780 года его сіятельству г. генералъ фельдмаршалу, бѣлорусскому государеву намѣстнику и разныхъ орденовъ кавалеру графу Захару Григорьевичу Чернышеву, въ показанное село Головенчицы посыланъ былъ надежный офицеръ для освидѣтельствованія желанія прихожанъ; и понеже тѣ прихожане пожелали имѣть священника православнаго исповѣданія, то присланнымъ ко мнѣ изъ намѣстническаго правленія съ приложеніемъ взятыхъ отъ оныхъ прихожанъ о таковомъ ихъ желаніи подписокъ сообщеніемъ требовало, дабы я касательно до опредѣленія къ помянутой церквѣ священника поступилъ по силѣ

[1] Тамъ же, л. 29—36.

вышеупомянутаго высочайшаго повелѣнія; почему я къ той головенчицкой церквѣ самагожъ бывшаго при оной священника опредѣлилъ» [1]. Въ 1784 году возсоединеніе уніатовъ встрѣтило въ бѣлоруссіи новыя затрудненія, продолжавшіяся опять около десяти лѣтъ.

Какъ велико было въ эти три года стремленіе народа къ православію, не смотря на стѣсненіе рескрипта 2 іюля и противодѣйствіе пановъ, можно судить по тому, что когда въ 1781 году синодъ потребовалъ отъ Георгія Конисскаго и отъ Иннокентія псковскаго свѣдѣній, сколько присоединилось къ православію, то оказалось что у Георгія.

въ 1781 г.	присоединилось	85.069	чел.
» 1782 »	»	17.829	»
» 1783 »	»	9.680	»
	всего	112.578	чел.
у Иннокентія въ 1781 г.		4.402	чел.
въ 1783 »		181	»
	всего	4.583	чел.
	вообще всего	117.161	чел.

Число это далеко не выражаетъ всего количества присоединенныхъ. Георгій собиралъ эти свѣдѣнія торопливо. Онъ прямо говорилъ въ донесеніи синоду, что по новости дѣла трудно представить точныя свѣдѣнія, потому что священники не имѣютъ записей [2]. Въ число это, по всей вѣроятности, не во-

---

1 Дѣло 1780 г., № 294, л. 5. Этимъ же способомъ присоединены были приходы: села Долгаго, Пѣтуховки, Летягъ. Тамъ же, л. 1. Такимъ же способомъ присоединились м. Чечерска (владѣнія Чернышева) протопопъ Михаилъ Бакоревичъ, села Несымковичъ священники—братья Іосифъ и Павелъ Шункевичи, а за ними и ихъ приходы. Тамъ же, л. 13. Былъ случай, что приходилось раздѣлять приходъ на два—православный и уніатскій. Такъ въ г. Климовичахъ городскіе прихожане предтеченской церкви пожелали быть православными, а деревенскіе прихожане жители деревень: Тимонова, Кукусвы, Горіевичъ, угрозами владѣльцевъ были удержаны въ уніи; у нихъ остался священникъ Михаилъ Пясковскій, а въ Климовичи назначенъ православный священникъ Дѣло, 1781 г., № 344, л. 9.

2 Дѣло, 1781 г., № 347.

шли особенно тѣ, которые по одиночкѣ и давно уже перешли въ православіе. На сколько приведенныя числа выражають дѣйствительное стремленіе народа къ православію, для сужденія объ этомъ можно указать на слѣдущія данныя. Невозможно не придавать значенія такому важному свидѣтельству, какъ свидѣтельство Георгія, что толпы народа приходили къ нему просить о присоединеніи. Заявленія эти были такъ убѣдительны, что Георгій, какъ мы видѣли, самъ просилъ, чтобы правительство посылало чиновниковъ удостовѣряться, что просящіе о присоединеніи дѣйствительно добровольно просятъ объ этомъ. Далѣе, постепенно уменьшавшееся число присоединявшихся никакъ не говоритъ въ пользу мнѣнія, что присоединяли насильно, а напротивъ, можетъ или подтверждать многократныя заявленія Георгія, что присоединеніе задерживалось польскими помѣщиками и что безъ этой задержки не осталось бы (въ могилевской области) ни одной уніатской церкви, или доказывать, что присоединеніе стало доходить до своихъ естественныхъ границъ. Наконецъ, мы имѣемъ весьма важное объ этомъ уніатское свидѣтельство. Извѣстный намъ тайный базиліанскій провинціалъ въ Полоцкѣ Миляновскій въ началѣ 1781 года писалъ, что въ полоцкой области только одинъ священникъ перешелъ въ православіе, а въ Могилевской отпали цѣлыя десятки церквей. О насиліяхъ онъ теперь не говорилъ ни слова [1]. Вскорѣ однако вопросъ о насиліяхъ представился важнымъ этому ревнителю перехода уніатовъ въ латинство и онъ предложилъ, какъ можно думать, уніатской полоцкой консисторіи послать въ Петербургъ депутацію съ жалобами на эти насилія. Объ этомъ проектѣ такъ отзывался въ половинѣ того же года одинъ изъ членовъ той же консисторіи базиліанинъ Амвросій Киріатъ, осуждавшій проектъ перехода уніатовъ въ латинство, слѣдовательно, настроенный ревниво оберегать унію и отъ православія: «я возсталъ противъ другаго проекта (кромѣ проекта перевести базиліанъ въ латинство), проекта—ѣхать въ Петербургъ и жаловаться на отнятіе церквей, потому что мы вовсе не приготовились представить доказательства, что дѣлаются насилія, а

[1] Изъ собр. ун. писемъ О. С. Сидоровскаго—письмо Миляновскаго отъ 15 января 1781 г.

жаловаться сенату, минуя государева намѣстника, на подговариванія переходить въ господствующее вѣроисповѣданіе, на подкрѣпленіе отступничества водкой, на дураченье и позорный обманъ простаго народа, никакъ не слѣдовало» [1].

Потери, понесенныя уніатами въ Бѣлоруссіи, съ избыткомъ вознаграждались въ Малороссіи. Сюда перенесъ свою дѣятельность Смогоржевскій, удалившійся въ концѣ 1780 года изъ Полоцка съ крайнимъ озлобленіемъ противъ русскихъ и еще съ большею ревностью къ интересамъ польскимъ. Прибывъ въ Варшаву, онъ сейчасъ же разослалъ письма къ разнымъ панамъ Украины и, между прочимъ: къ придворному маршалу Ржевусскому, волынскому воеводѣ Сангушкѣ, братьямъ Ксаверія Любомірскаго, приглашая ихъ возстановлять унію и истреблять православіе. «Номинатъ и администраторъ митрополитъ, свидѣльствуя нижайшее почтеніе волынскому воеводѣ и черкасскому старостѣ, князю Сангушкѣ, писалъ Смогоржевскій, имѣетъ честь представить, что находящіяся въ черкасскомъ староствѣ церкви, которыя всегда были въ уніи и недавно, во время преслѣдованій уніатовъ, насильно неуніатами отняты, до сихъ поръ безправно остаются у нихъ. Это соблазняетъ сосѣднія волости, старaніемъ ихъ владѣльцовъ возвращенныя въ прежнее положеніе. Митрополитъ увѣренъ, что князь воевода, повинуясь своему чувству благочестія, будетъ дѣйствовать подобно другимъ (панамъ) и поручитъ своему губернатору (правителю) Пенцельскому, чтобы употребилъ деликатныя мѣры и привелъ громады и священниковъ къ возсоединенію съ римскою церковью, а тѣхъ (священниковъ), которые бы не послушались спасительныхъ внушеній, удалилъ отъ приходовъ въ силу трактата 1768 г. сепаратнаго акта, 1 артикула, 3 параграфа» [2]. Въ отвѣтъ на письма подобнаго рода Смогоржевскій получалъ въ разное время отъ пановъ и отъ уніатскихъ властей извѣстія, что унія возстановлена, а схизма (православіе) истреблена въ ихъ владѣніяхъ. Такъ, онъ получилъ извѣстія объ истребленіи право-

---

1 Изъ собр. ун. писемъ принадлеж. О. С. Сидоровскому—письмо Киріата отъ 24 іюля 1781 г.

2 Арх. ун. м., кн. 72, № 114, а также, №№ 13, 15, 17.

славія въ Бѣлоцерковщинѣ [1], области звѣнигородской [2], въ благочиніи дубенскомъ [3]. Нѣкоторые паны показывали при этомъ замѣчательную ревность. Такъ, подольскій владѣтель Корницкій извѣщалъ Смогоржевскаго, что «въ трехъ приходахъ его владѣнія, несогласившихся принять уніи, онъ не пускалъ къ себѣ народа на глаза и приказалъ выселяться, а когда священники этихъ приходовъ обратились съ жалобами къ русскому генералу Ширкову, то Корницкій поѣхалъ къ нему, убѣдилъ въ правотѣ своихъ дѣйствій и такимъ образомъ во всемъ имѣніи своемъ истребилъ схизму [4].

Ниже мы увидимъ, какими богатыми средствами располагалъ Смогоржевскій и какую страшную смуту произвелъ онъ въ самой сильной православіемъ облости—смилянской.

17 марта 1781 г. Смогоржевскій окружнымъ посланіемъ извѣстилъ свою паству, что вступилъ въ управленіе митрополіей и призвалъ ободрившихся уніатовъ на конгрегацію въ Радомысль [5]. Въ этомъ посланіи со всею ясностью выразились и настроеніе духа, съ какимъ Смогоржевскій вступилъ въ управленіе своею паствой, и задачи будущей его дѣятельности. Напомнивъ своей поствѣ, что 34 года тому назадъ онъ былъ среди ея [6] и что тогда было счастливое для уніи время, онъ переходитъ къ своему времени и говоритъ: «а нынѣ мы находимъ эту паству злосчастно разшатанною бурными вѣтрами проклятыхъ противодѣйствій и переполненною мятежными наѣздами. . . . . . Первѣйшую нашу заботу вмѣстѣ съ вами, любезные братья, мы желаемъ обратить на то, чтобы излечить ввѣренную намъ овчарню, которая нѣсколько страдаетъ отъ заразы, утвердить ее на камнѣ католичества, избавить отъ своевольныхъ наѣздниковъ, доставить ей усердныхъ и ревностныхъ пастырей и опоясать ее и оградить такою стражею, которая въ состояніи была бы не допустить къ ней нарушителей духовнаго спокойствія и церковнаго единенія.

[1] Тамъ же, кн. Г, IV, №№ 228, гл. 29.
[2] Тамъ же, № 254.
[3] Тамъ же, № 259.
[4] Тамъ же, № 314.
[5] Тамъ же, кн. Г, IV, № 216.
[6] Былъ оффиціаломъ при м. Гребницкомъ съ 1747 по 1752; тамъ же, № 211, арт. 3.

Поэтому то, желая получить отъ васъ, любезнѣйшіе братья, полное вразумленіе и помощь и, слѣдуя старымъ обычаямъ, мы вызываемъ васъ въ это мѣсто (Радомысль) на воскресеніе о самаранынѣ т. е. на $^{2}/_{12}$ мая настоящаго года, строжайше приказывая, чтобы каждый изъ васъ (благочинныхъ) привезъ: списокъ всѣхъ церквей и часовень свого благочинія, какъ тѣхъ, которыя среди всѣхъ бурь украинской смуты устояли при уніи, такъ и тѣхъ, которыя хотя отторжены были отъ нея безбожнымъ отступничествомъ, но благодатію св. Духа возвратились къ ней, такъ и тѣхъ, которыя по дьявольскому наущенію еще до сихъ поръ упорно пребываютъ въ отступничествѣ; частнѣе затѣмъ, каждый изъ васъ пусть представитъ списокъ прихожанъ каждой церкви—исповѣдавшихся, не способныхъ къ исповѣди, родившихся, повѣнчанныхъ бракомъ и умершихъ, а также каждый долженъ представить подати каѳедральную и консисторскую и наконецъ исправное, краткое описаніе своихъ нуждъ, нуждъ священниковъ и прихожанъ» [1]. На этой конгрегаціи собравшіеся благочинные и делегаты отъ благочиній прежде всего должны были предъ назначенными духовниками очистить свою совѣсть, затѣмъ въ теченіе трехъ дней совершать службу за папу, короля и митрополита, далѣе—служить заупокойную обѣдню за всѣхъ благочестиво умершихъ въ уніи, далѣе въ теченіе двухъ дней представлять списки церквей и прихожанъ, еще далѣе вносить слѣдуемыя подати; слѣдующіе два дня дѣлать заявленія и обсуждать ихъ; въ день св. Николая совершить торжественную службу. Закончиться конгрегація должна была торжественною службою, *исповѣданіемъ вѣры*, заявленіемъ повиновенія папѣ и вѣрноподданничества королю, объявленіемъ полезныхъ правилъ и раздачею св. мура [2]. На эту конгрегацію которая должна была одновременно закрѣпить и унію и польскую власть въ западной Малороссіи, собралось 89 уніатовъ, значительная часть которыхъ была изъ Галиціи и Литвы. Они произнесли исповѣданіе вѣры, въ которомъ признали древніе соборы, признаваемые латинскою церковью и всѣ послѣдующіе, утвержденные папою, въ томъ числѣ соборы флорен-

1 Тамъ же.
2 Арх. ун. м., кн. 72, № 100.

тійскій, тридентскій и сообразно съ постановленіями этихъ послѣднихъ признали правильными: прибавку къ символу — *и отъ сына,* и пріобщеніе мірянъ подъ однимъ видомъ. О замойскомъ уніатскомъ соборѣ въ этомъ исповѣданіи вовсе не упоминается, безъ сомнѣнія, потому, что въ тѣ времена уніаты сами вопіяли противъ разрушенія ихъ греческаго обряда и признавали замойскій соборъ главною причиною этого. Затѣмъ члены конгрегаціи, согласно съ программою, принесли клятву на вѣрность папѣ, королю, а также самому Смогоржевскому [1]. На этой же конгрегаціи постановлено было собрать со всего духовенства съ недоимками за пять лѣтъ особую подать, установленную въ пользу короля въ 1776 г. подъ именемъ subsidii charitativi (добровольное пособіе) [2]. Взиманіе этой подати представляло Смогоржевскому ту, между прочимъ, выгоду, что давало возможность подъ благовиднымъ предлогомъ простирать свою власть на всѣ вообще церкви западной Малороссіи, и уніатскія, и православныя, и въ случаѣ неповиновенія, подъ такимъ же предлогомъ, призывать на помощь военные отряды [3]. Король былъ очень доволенъ дѣйствіями Смогоржевскаго и написалъ ему дружеское письмо; нунцій былъ въ восторгѣ и превозносилъ Смогоржевскаго до небесъ [4].

Уніаты, возвратившись съ радомышльской конгрегаціи, стали собирать дань и въ своемъ усердіи дошли то того, что взимали subsidium charitativum съ православныхъ монастырей—корсунскаго, богуславскаго и другихъ [5], и во время этихъ разъѣздовъ, гдѣ только могли, захватывали православныя церкви. Православные украинцы, повидимому, были за-

---

[1] Тамъ же, № 99. Латинскій переводъ этого исповѣданія засвидѣтельствовалъ подписью и печатью митрополичій протонотарій Сушицкій. Русскаго подлинника мы не нашли.

[2] Кн. Г, IV, № 223.

[3] Тамъ же. На этой конгрегаціи обсужденъ былъ также проектъ избрать особые города для поселенія сыновей священническихъ, не поступающихъ въ духовное званіе. Кн. 72, № III. Смогоржевскій сталъ было поселять ихъ у себя въ Радомыслѣ, но на конгрегаціи 1784 г. было заявлено, что они предпочитаютъ жить въ неволѣ (у пановъ) на хорошей землѣ, нежели на свободѣ на пескахъ. Тамъ же, № 11.

[4] Арх. ун. м., № 987—письмо Левинскаго отъ 31 мая 1781 года.

[5] Тамъ же.

давлены этою хитрою системой дѣйствій Смогоржевскаго. Бороться съ нимъ казалось невѣроятно труднымъ. Онъ имѣлъ такую могущественную поддержку въ королѣ, многочисленныхъ панахъ западной Малороссіи. Друзья его послѣ радомышльской конгрегаціи сдвинулись въ одно общество ревнителей уніи и принимали мѣры увеличить свое число новыми членами и притянуть къ дѣлу другихъ, даже не расположенныхъ къ нимъ людей. Повѣренный Смогоржевскаго Левинскій суетился въ Варшавѣ, стараясь при свиданіи съ пріѣзжавшими туда украинскими панами настроить ихъ къ поддержанію уніи. Король предложилъ Смогоржевскому доставить ему секретно списокъ пановъ, не расположенныхъ къ уніи, чтобы дѣйствовать на нихъ своею властью и особенно посредствомъ нунція. «Милостивѣйшій государь желаетъ, чтобы вы, писалъ Левинскій, поименовали, кто (изъ пановъ) особенно дуренъ, чтобы знать, къ кому приказать отнестись; но въ этомъ дѣлѣ нужно наблюдать величайшую осторожность, чтобы изъ малой искры опять не вспыхнулъ большой огонь (бунтъ)..... Король поручилъ мнѣ еще указать вамъ на одну мѣру: донесите нунцію и поименуйте лицъ, которыя тамъ покровительствуютъ этому (православію), но попросите нунція, чтобы не компрометировалъ васъ, не говорилъ, что эти свѣдѣнія имѣетъ отъ васъ. Король потому находитъ нужнымъ это донесеніе, что нунцій, постоянно бывающій съ маршаломъ Любомірскимъ [1] на вечерахъ у воеводы русскаго (Ржевусскаго), будетъ имѣть случай говорить тамъ объ этомъ, возбуждать ревность въ тѣхъ лицахъ и они бы за одно съ нимъ дѣлали представленія русскому послу» [2]. Подъ этой громадной, крѣпкой сѣтью интригъ православные украинцы въ самомъ дѣлѣ, какъ будто, притихли и священники ихъ покорно стали платить уніатамъ королевскую подать. Но по неистощимой своей исторической способности спасать свое русское и православное призваніе въ самыя трудныя времена,

---

[1] Маршалъ Любомірскій былъ дядей Ксаверія Любомірскаго—извѣстнаго покровителя православныхъ въ Смилянщинѣ, о которомъ будетъ рѣчь ниже. На маршала Любомірскаго Смогоржевскій и его друзья видно сильно дѣйствовали, потому что племянникъ его Ксаверій оправдывался передъ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ православнымъ. Арх. ун. м., № 943.

[2] Тамъ же, № 999—письмо Левинскаго отъ 25 февраля 1782 г.

малороссы и теперь сейчасъ же нашли уязвимыя стороны въ дѣйствіяхъ Смогоржевскаго, его друзей и его подчиненныхъ. Рѣзкія выраженія его окружнаго посланія о разбойничьихъ наѣздахъ, о безбожномъ отступничествѣ, о дьявольскомъ наущеніи—сообщены были въ Переяславль и оттуда отправлены въ синодъ [1]. Вслѣдъ за тѣмъ, игумены корсунскій, богуславскій донесли переяславскому епископу, что съ ихъ монастырей уніаты потребовали уплаты королевской подати, вопреки ясному пункту трактата 1768 года [2]. Донесенія эти тоже пошли въ Петербургъ [3], а оттуда въ Варшаву къ русскому послу. 25 октября 1781 года русскій посолъ въ Варшавѣ Штакельбергъ написалъ Смогоржевскому и объ его окружномъ посланіи и о взиманіи королевской подати съ православныхъ монастырей рѣзкое письмо [4], а 3 декабря того же года подалъ польскому правительству о томъ же ноту [5]. Король былъ поставленъ въ болшое затрудненіе. Смогоржевскій—весьма близкій къ нему человѣкъ, оказывался фанатическимъ ненавистникомъ Россіи и православія. Но особенно щекотливъ былъ вопросъ о взиманіи подати съ православныхъ монастырей. Онъ явно противорѣчилъ трактату 1768 года и притомъ раскрывалъ больную сторону короля—его безденежье. «Нужно замѣтить, писалъ Левинскій Смогоржевскому, что король очень чувствителенъ къ этому дѣлу» [6]. Чтобы уладить дѣло объ окружномъ посланіи, придумано было слѣдующее средство. 8 ноября Левинскій, извѣщая Смогоржевскаго, что православные жаловались на его окружное посланіе и что дѣло это переслано изъ Петербурга въ Варшаву русскому послу, писалъ: «мнѣніе и совѣтъ вамъ нунція, чтобы вы, избѣгая большаго зла и уступая критическимъ обстоятельствамъ, приготовили новое окружное посланіе въ качествѣ уже дѣйствительнаго митрополита (Смогоржевскій получилъ тогда утвержденіе папы) безъ этихъ или

---

[1] Кн. Г. IV, № 218; кн. 110, № 32; № (общей нумераціи) 987—письмо Левинскаго отъ 8 ноября 1781 г.

[2] Кн. Г, IV, № 219, 221.

[3] Тамъ же, № 209.

[4] Кн. 110, № 32.

[5] Кн. Г, IV, № 222, а также №№ 218 и 220 и № 987 (общей нумераціи)—письмо Левинскаго отъ 20 декабря 1781 г.

[6] Тамъ же, № 987—письмо Левинскаго.

имъ подобныхъ выраженій и представили его при своемъ объясненіи, когда послѣдуетъ вамъ запросъ отъ посланника или отъ кого либо изъ постояннаго совѣта (рады). Этимъ способомъ будутъ нѣсколько посрамлены противники и утишится петербургская буря» [1]. Смогоржевскій вѣжливо отвѣтилъ русскому послу [2], написалъ черезъ нунція объясненіе, въ которомъ доказывалъ, что въ своемъ посланіи указывалъ не на православныхъ, а на бунтовщиковъ гайдамаковъ [3] и, какъ увидимъ, издалъ новое посланіе. Этимъ и уладилось дѣло объ окружномъ его посланіи. «Вашъ отвѣтъ на обвиненія касательно вашего посланія, писалъ Левинскій Смогоржевскому, кажется, совершенно успокоилъ и посланника, и все здѣшнее русское министерство (посольство), словомъ, хорошо вести дѣла съ добрымъ Штакельбергомъ, но все зло исходитъ отъ петербургскихъ поджигателей» [4]. Но нельзя было такъ хорошо повести и такъ легко уладить дѣло о взиманіи податей съ монастырей. Дѣло это Смогоржевскій сначала повелъ было очень хитро. Такъ какъ съ православныхъ монастырей сбирали подать собственно базиліане, которые только говорили, что дѣйствуютъ по приказанію митрополита, или показывали копію его приказанія, то Смогоржевскому оказалось возможнымъ уклониться самому отъ отвѣтственности за это и привлечь къ ней базиліанъ. Онъ призвалъ къ себѣ на судъ лисянскаго игумена Погорылецкаго, собиравшаго эти подати. Погорылецкій изложилъ въ своемъ показаніи исторію этой подати, поставилъ на видъ, что она законно установлена, что законныя базиліанскіе власти распредѣлили ее по монастырямъ и такъ какъ доля ея приходилась и на православные монастыри, за которые не разъ уже принуждены были вносить ее базиліанскіе монастыри, то базиліане не разъ требовали, чтобы православные монастыри возвратили имъ долгъ, и онъ, Погорылецкій возобновилъ это требованіе и получилъ долгъ. При этомъ, въ судебномъ актѣ съ особенною настойчивостью

---

[1] Тамъ же, № 987—письмо Левинскаго отъ 8 ноября.

[2] Упоминается въ письмѣ Левинскаго отъ 20 декабря. Тамъ же.

[3] Кн. Г, IV, № 232; упоминается тоже въ письмѣ Левинскаго отъ 20 декабря.

[4] Арх. ун. м., № 988—письмо отъ 20 іюня 1782 г.

выставлялось на видъ, что и православные иноки—тоже жители и подданные польскаго государсгва и должны бы нести общія тягости, а между тѣмъ переяславскій, православный епископъ въ своемъ указѣ инокамъ ржичевскаго монастыря (приложенномъ къ акту) говоритъ, что они «кромѣ своея по силѣ императорскаго величества указовъ надлежащей власти (переяславской) иной никакой и ни почему неподсутственніи» [1] т. е. дѣло поставлено было такъ, что взысканіе было совершенно законное, а исключительное положеніе православныхъ монастырей беззаконно и опасно. Смогоржевскій однако увидѣлъ, что нѣтъ возможности добиваться, чтобы православные монастыри привлечены были къ уплатѣ этой подати, поэтому самъ рѣшилъ, что впредь не слѣдуетъ взыскивать этой подати съ православныхъ монастырей, пока высшая власть не рѣшитъ этого дѣла [2], и приказалъ базиліанамъ возвратить назадъ взысканное съ православныхъ монастырей [3]. Въ уніатскомъ архивѣ сохранилась копія росписки игумена богуславскаго монастыря Анемподиста въ полученіи обратно этихъ денегъ [4]. Не можемъ сказать рѣшительно, былъ ли такой исходъ дѣла въ связи съ принятымъ до 24 (16) іюня польскимъ правительствомъ рѣшенія не взимать этой подати или нѣтъ. Рѣшенія этого, впрочемъ, уніаты не считали окончательнымъ. Актъ вышеприведеннаго судебнаго разбирательства все таки представленъ былъ польскому правительству уніатскимъ прокураторомъ и по нему ожидалось рѣшеніе [5], которое, какъ видно изъ послѣдующаго хода дѣлъ, предполагалось выработать посредствомъ смѣшанной коммисіи [6].

Когда происходили эти дѣла, совершились новыя событія, которыя показали ясно, что западную Малороссію не такъ легко завоевать, какъ думалъ Смогоржевскій, и что его хитрые, широкіе планы и даже связи съ королемъ, администраціей и помѣщиками разлетаются въ прахъ передъ неистощимою и

---

[1] Тамъ же, кн. Г, IV, № 223 и 225.
[2] Тамъ же, № 225.
[3] Тамъ же, № 289, отвѣтъ на ноту Штакельберга отъ 7 іюля 1782 г.
[4] Тамъ же, при № 223, а также № 279.
[5] Арх. ун. м., № 988—письмо Левинскаго отъ 27 іюня.
[6] Все это будетъ видно изъ нижеприводимыхъ памятниковъ.

неодолимою силою русскаго, православнаго народа этой страны. Уніаты, занявшіеся послѣ радомышльской конгрегаціи возстановленіемъ уніи въ западной Малороссіи забрались, между прочимъ, въ смилянскую область, въ которой, какъ намъ уже извѣстно, православіе очень было сильно, и въ которой помѣщикъ князь Ксаверій Любомірскій покровительствовалъ православнымъ, особенно священникамъ молдавскаго и валахскаго рукоположенія, дававшимъ ему больше дохода и менѣе притязательнымъ къ своему обезпеченію. Въ этой области еще до родомышльской конгрегаціи произведена была жестокая смута.

Еще 22 марта 1781 г. переяславскій епископъ Иларіонъ доносилъ св. синоду: «Смѣлянскій протопопъ Іоаннъ Радзимовскій представляетъ въ консисторію мою, что изшедшаго февраля 28 официалиста грода житомірскаго вмѣсто судіи прибывша въ добра князей Ксаверія и Михайла Любомірскихъ для увязеня (наложенія запрещенія) ихъ добръ за посягъ (приданное) сестрѣ ихъ родной, старостиной Галѣцкой Потоцкой за шесть сотъ тысячь рублевъ денегъ по приговору судовому, съ коммисаромъ Киселевскимъ и пленипотентомъ съ польскою отъ коммисіи рѣчи посполитой данною командою, призвавъ многихъ священниковъ къ себѣ приказали заготовлять платежъ со всякаго священника по сто рублевъ, объявляя притомъ, что естьли поупрямятся платить, и неволею взыщутъ и з добръ выгонятъ и что полская команда съ официаломъ Мокрицкимъ нарочито въ Украину идетъ для забратія присоединившихся съ уніи на православіе священниковъ подъ арестъ, а рукоположенныхъ въ епархіи переяславской для изгнанія за рубежъ, если не согласятся на унію, и всѣхъ священниковъ въ обоихъ владѣніяхъ князей Любомірскихъ подали въ чиншъ, до взысканія коего вездѣ по селамъ на экзекуціяхъ поставлены воинскіе поляки, а какъ уже изъ тѣхъ князей Любомірскихъ принявши (принявшій) въ россійской арміи службу полковникъ Ксаверій со всего православнаго въ добрахъ его смѣлянскихъ состоящаго священства взыскивалъ на себя со всякаго человѣка за презента (право занять приходъ) по сту рублевъ и по болѣе, а за уплаткою тѣхъ князю денегъ лѣсничіе поотбиравъ данные за оные деньги презента

къ себѣ и еще въ княжескій скарбъ тысячу со всего священства рублей взыскивали; имѣющіе же въ тѣхъ добрахъ владѣніе посесоры (арендаторы) значащимися по презентамъ княжескимъ землями пользоваться не допустили и пчельной десятины третью долю взяли, коменовое же (съ дымовыхъ трубъ) особливо въ княжеской скарбъ взыскивали и всегда взыскиваютъ, такъ что священство все, какъ подданные мужики всѣмъ безъ изъятія на экономію владѣльческую подвержено поборамъ. Между всѣми же поборами таковыми уніатскій дзіеканъ Бѣлявскій въ 779 (1779) годѣ, такъ какъ и въ чигринской протопопіи, въ оной смѣлянской со всего православнаго священства сыскивалъ на уніатскую консисторію платежа называемаго subsidium charitativum, со всякаго человѣка по пяти и шести рублей, а на себе по рублю, бывшій же при немъ войска королевскаго товарищъ съ жовнѣрами (солдатами) угнетая неимѣющихъ чѣмъ уплатить экзекуціями по нѣсколько дней, особо на себя по 60 и на всякаго жовнѣра по 40 копеекъ бралъ, притомъ разные напитки и съистные вещи и кормъ для лошадей съ великимъ излишествомъ на коштъ священниковъ употребляли, подводы у оныхъ отъ мѣста до мѣста взимали и дотоль свои срогости съ наругательствомъ производили, пока бѣдное священство иные отъ послѣдняго убожества а другіе въ долгъ занимая уплатили тотъ поборъ и чрезъ то пришли уже до крайности; а когда еще и прописанныи, нынѣ налагаемы и взыщутъ поборъ, то развѣ сами себѣ бѣдное священство принуждены будутъ отдать въ заслуги для заработыванія, пачеже слѣдуетъ (быть?) и послѣднему раззоренію, есть-ли затѣмъ и уніатскій официалъ Мокрицкій, коего суровства по прежнимъ еще явствуютъ дѣламъ, по похвалкамъ раззоривши ихъ совсѣмъ, и церкви поотбираетъ на унію, что и легко послѣдовать можетъ въ разсужденіи вышеизъясняемыхъ непрестанно происходимыхъ нахальствахъ уніатскихъ, какъ въ томъ и успѣхъ свой имѣютъ» [1]. Наѣздъ уніатовъ въ Смилянщину послѣ радомышльской конгрегаціи составлялъ, какъ бы, исполненіе угрозы, что пріѣдетъ Мокрицкій. Не знаемъ, какъ встрѣтило эту новую бѣду смилянское православное духовенство. Очень вѣроятно, что оно обратилось къ защитѣ на-

[1] Арх. св. с., д. 1778, № 312, л. 40—41.

народа. Народъ заволновался, не отдавалъ своихъ церквей и обратился съ жалобами къ Любомірскому. Ксаверій Любомірскій, выведенный изъ терпѣнія, написалъ 12 марта 1782 г. слѣдующее письмо къ Иларіону: «Осмѣливаюсь настоящимъ письмомъ извѣстить ваше преосвященство объ обидахъ, какія терпятъ въ моихъ имѣніяхъ отъ преосвященнаго уніатскаго митрополита ваши священники, и просить васъ, чтобы вы, какъ пастырь ихъ, благоволили принять мѣры и защитили ихъ. Уніаты ѣздятъ изъ села въ село и насильно отнимаютъ церкви, выкидываютъ священниковъ изъ ихъ собственныхъ домовъ. Этимъ оказывается неуваженіе къ храмамъ и производится въ народѣ еще большій соблазнъ, еще большее ожесточеніе, и нарушаются пункты договора, заключеннаго свѣтлѣйшею государынею всея Россіи. Когда уже уніаты позволили себѣ дѣлать такія насилія, то, мнѣ кажется, нужно вашему преосвященству послать въ Варшаву къ русскому послу, находящемуся при (польскомъ) дворѣ, донесеніе объ этихъ неправдахъ и насиліяхъ, и просить, чтобы онъ потребовалъ удовлетворенія для священниковъ, находящихся подъ властью вашего преосвященства, и побудилъ постоянную раду поступать такъ, какъ требуетъ вѣра, свобода ея и правда. Я дѣлаю, что могу, и защищаю (священниковъ), но тутъ нельзя обойтись безъ высшей власти [1], потому что свѣтскому человѣку не слѣдуетъ мѣшаться въ духовныя распоряженія. Моя обязанность донести и ожидать справедливаго рѣшенія. Что дѣлается въ частности, обстоятельнѣе объ этомъ сообщитъ вамъ отецъ смилянскій протопопъ. Я дѣлаю это по просьбѣ общества и въ виду явной его обиды, а долгъ вашего преосвященства дѣлать то, что велитъ законъ» [2]. Не знаемъ, что сообщилъ Иларіону смилянскій протопопъ Радзимовскій, но видно Иларіонъ зналъ многое изъ дѣйствій Смогоржевскаго даже внѣ смилянской области. Онъ получилъ этимъ или другимъ путемъ копію письма къ Смогоржевскому волынскаго воеводы Сангушки, заявлявшаго, что онъ не даетъ дозволенія ни одному православному священнику

---

[1] Изъ копіи этого письма пропущено слово—władzy и сказано лишь: bez wyższey.

[2] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 281—копія письма Любомірскаго.

поступить на приходъ въ его имѣніяхъ [1]. Эти документы Иларіонъ послалъ не въ Варшаву, а въ Петербургъ, въ синодъ, который препроводилъ все дѣло въ иностранную коллегію, изъ которой 13 мая 1782 г. получилъ копію рескрипта, посланнаго Штакельбергу: «По мѣрѣ, какъ доходили къ намъ, говорилось въ этой выпискѣ, огорчительныя для насъ жалобы отъ единовѣрныхъ нашихъ въ Польшѣ о утѣсненіяхъ, причиняемыхъ имъ отъ уніатовъ, изъ коихъ извѣстный митрополитъ Іассонъ Смогоржевскій поступилъ даже на самовластное собою наложеніе на богуславскій, корсунскій и прочіе православные монастыри новой подати, собираемой будто на столъ королевскій, въ противность точнымъ и яснымъ словамъ седьмаго параграфа втораго артикула сепаратнаго акта, постановленнаго между нашею имперіею и рѣчью-посполитою польскою 1768 года трактата, подтвержденнаго потомъ первымъ артикуломъ особаго акта, заключеннаго въ 1775 году, гдѣ именно сказано, что диссиденты, въ томъ числѣ и греки неуниты, отъ всякаго подобнаго платежа должны быть навсегда уволены, не оставили мы снабжать васъ (посла въ Варшавѣ) достаточными наставленіями въ рескриптахъ отъ 14 генваря и 7 октября 1781 года. Въ нихъ, особливо въ послѣднихъ, предписали мы вамъ точно, чтобъ вы о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ сдѣлали его величеству королю и непремѣнному совѣту пристойное представленіе и употребили притомъ возможное вамъ стараніе и домогательство, дабы единовѣрные наши были оставлены въ таковомъ владѣніи всего имъ принадлежащаго, а монастыри ихъ освобождены отъ сборовъ, чинимыхъ въ противность торжественному съ нами постановленію республики польской 1768 и 1775 годовъ. Правда были мы объ исполненіи всего вамъ порученнаго извѣщены вашими реляціями отъ $^{3}/_{14}$ марта и $\frac{27 \text{ октября}}{7 \text{ ноября}}$ и письмомъ къ нашему вице-канцлеру, отправленнымъ $^{11}/_{22}$ декабря 1781 года, къ которому приложили вы данный вамъ отъ непремѣннаго совѣта отвѣтъ, гдѣ сказано, что относительно до вышеозначенныхъ сборовъ будетъ писано къ митрополиту Смогоржевскому и что не оставятъ васъ безъ увѣдомленія о томъ, что по сему обстоятельству

[1] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 302.

впредь произойдетъ, почему мы чаяли и ожидали, что вы, не выпуская отнюдь изъ вида исполненія сего обѣта, предуспѣете стараніемъ вашимъ, какъ все случившееся исправить, такъ и на будущее время отвратить и упредить возобновленіе подобныхъ безпорядковъ; но какъ донынѣ сіе ожиданіе еще не состоялось, а между тѣмъ вступили въ синодъ нашъ отъ единовѣрцевъ нашихъ новыя жалобы о наглостяхъ и разореньяхъ, кои уніаты продолжаютъ чинить насильнымъ вынужденіемъ чрезъ военную экспедицію недолжныхъ поборовъ, какъ то вы все ясно и подробно усмотрите изъ слѣдующихъ здѣсь списковъ съ указа святѣйшаго синода въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ приложеніи: то мы по поводу таковыхъ продолжающихся жалобъ отъ страждущихъ единовѣрцевъ нашихъ, кои вниманіе наше столь непріятнымъ образомъ занимаютъ, не можемъ и не хотимъ обойтиться, чтобъ не повелѣть вамъ вновь сдѣлать королю и непремѣнному совѣту слѣдующія представленія: что терпѣніе наше въ разсужденіи сихъ весьма насъ раздражающихъ обстоятельствъ легко можетъ вовсе истощено быть, что съ удивленіемъ мы видимъ, что учиненныя вами по онымъ домогательства оставались по сіе время безъ уваженія, что мы всеконечно не попустимъ, дабы единовѣрные наши были долѣе притѣсняемы и угнетаемы, не взирая на наше къ нимъ высочайшее покровительство, и что наконецъ мы непремѣнно желаемъ и хотимъ, чтобы они на основаніи трактатовъ, между нами и рѣчью посполитою польскою 1768 и 1775 годовъ заключенныхъ, навсегда пользовались полною свободою въ разсужденіи особъ, имѣнія и собственности ихъ, а монастыри ихъ освобождены были отъ всякихъ незаконныхъ поборовъ. Всегдашняя отговорка польскаго министерства о комиссіи, которая собрана быть долженствуетъ для разбора споровъ между разными исповѣдниками, по силѣ девятаго артикула особаго акта 1775 года, не можетъ здѣсь мѣста имѣть, ибо теперь вопросъ настоитъ не о возвращеніи насильно предъ симъ отнятаго, но о томъ, чтобъ остальное въ цѣлости соблюдено (было) и отъ обидъ и утѣсненій по земскимъ законамъ (охранено было)» [1].

---

[1] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 207.

Рескриптъ этотъ произвелъ бурю и переполохъ въ русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ и польскомъ правительствѣ. Королевскій секретарь, повѣренный митрополита Смогоржевскаго, архидіаконъ Левинскій, близкій по своему положенію къ королю и пріобрѣтшій посредствомъ денегъ и угощеній друзей въ русскомъ посольствѣ [1], такъ описываетъ это въ письмѣ къ Смогоржевскому: «Русскій посолъ не читалъ вашего отвѣта на обвиненія неуніатовъ (т. е. вѣроятно записки Смогоржевскаго, поданной на имя нунція) и за это съ послѣднею петербургской почтой былъ выруганъ своимъ дворомъ. Онъ хотѣлъ вымѣстить на васъ свою досаду, но до этого не допустило заступничество милостивѣйшаго государя и его министровъ, особенно литовскаго подканцлера (Хребтовича), потому что, какъ только упомянутый посолъ подалъ имъ рѣзкую ноту, то его величество немедленно призвалъ меня для объясненія дѣла, и такъ какъ взысканіе съ монастырей subsidii charitativi подало главнымъ образомъ поводъ къ этимъ новымъ, громовымъ ударамъ и объ этомъ король прежде всего спросилъ меня, то я отвѣтилъ слѣдующими словами: преосвященный митрополитъ сдѣлалъ все, что зависѣло отъ его власти. Во первыхъ, онъ написалъ къ базиліанскому генералу, чтобъ приказалъ возвратить монастырямъ все, что у нихъ взято силою, до рѣшенія этого дѣла постояннымъ совѣтомъ; во вторыхъ, издалъ декретъ, запрещающій взиманіе этой подати. Свѣтлѣйшій государь, обрадованный этимъ моимъ отвѣтомъ, приказалъ сейчасъ же принести и дать ему копію письма къ протоархимандриту и вышесказанный декретъ. Это было въ пятницу утромъ (24 іюня), а послѣ обѣда въ пятомъ часу было въ кабинетѣ совѣщаніе (короля) съ посломъ и литовскимъ подканцлеромъ, во время котораго посолъ читалъ присланныя ему петербургскія требованія и приложенныя къ нимъ жалобы

---

[1] Въ письмѣ къ Смогоржевскому, отъ 23 мая 1782 года, онъ извѣщалъ, что по его порученію отсчиталъ 50 злотыхъ состоявшему при русскомъ посольствѣ полковнику Островскому. Близокъ онъ былъ также съ секретаремъ русскаго посольства Кениксфельдомъ и съ совѣтникомъ Іозефовичемъ. Послѣдняго онъ очень часто приглашалъ къ себѣ на шоколадъ. Арх. ун. м., № 988—письмо Левинскаго, отъ 23 мая, а также отъ 13, 20 іюня 1782 г. (№ 988) и отъ 27 и 28 марта 1783 г. (№ 989).

неуніатовъ, а король самъ читалъ вышеуказанное письмо и декретъ вашего преосвященства. Затѣмъ, были сличены числа присланныхъ послу жалобъ съ числами письма и декрета и, когда жалобы оказались поданными прежде, то посолъ, возвратившись домой, сильно выругалъ своихъ секретарей, что не изучили дѣла и не представили ему всего, какъ слѣдовало. На слѣдующій день литовскій подканцлеръ былъ у него и нашелъ, что онъ совершенно успокоился, но желалъ, чтобы подканцлеръ, какъ министръ, еще разъ написалъ къ вамъ, и предложилъ возобновить запрещеніе нашимъ уніатамъ-базиліанамъ, чтобы они не смѣли взыскивать этой подати» [1]. Черезъ нѣсколько дней, именно 18 іюля, Левинскій извѣстилъ Смогоржевскаго, что на ноту Штакельберга написанъ отвѣтъ, и далъ такое мнѣніе о нотѣ и отвѣтѣ: «первая (нота Штакельберга) показываетъ могущество Россіи, второй (отвѣтъ польскаго правительства)—слабость Польши» [2]. Приговоръ Левинскаго совершенно справедливъ, если судить по тону ноты Штакельберга и польскаго отвѣта на нее [3], но этотъ приговоръ былъ бы весьма несправедливъ, если бы о Россіи нужно было заключить по дѣйствіямъ ея представителя въ Варшавѣ. Польское правительство и теперь обмануло его. Вниманіе Штакельберга сосредоточено было на подати съ монастырей и на этомъ онъ успокоился, а между тѣмъ рескриптъ говорилъ въ сущности совсѣмъ о другомъ—о преслѣдованіи православныхъ въ приходахъ. Самъ же Левинскій прекрасно понималъ одну изъ самыхъ щекотливыхъ сторонъ этого дѣла—взиманіе королевской подати съ православныхъ приходскихъ церквей. «Совѣтъ (Rada) теперешній, кажется, уже не будетъ давать рѣшенія, должны ли неуніаты платить subsidium charitativum или нѣтъ, писалъ онъ, потому что сомнительно, чтобы до сейма собрались члены совѣта въ полномъ составѣ. Поистинѣ деликатная это матерія, потому что, если совѣтъ притянетъ неуніатовъ къ этой повинности, то придется устроить конгресъ съ переяславскимъ епископомъ и прикажутъ договариваться съ нимъ о количествѣ этой повинности и онъ подъ

---

[1] Арх. ун. м., № 988—письмо отъ 11 іюля 1782 г.
[2] Тамъ же, письмо отъ 18 іюля.
[3] Тамъ же, кн. Г, IV, № 289.

этимъ предлогомъ захочетъ распространить свою власть на апостатовъ, которые сидятъ по приходамъ и теперь молчаливо платятъ эту подать вмѣстѣ съ уніатами: тогда posteriora erunt pejora prioribus» (послѣдующее будетъ хуже прежняго) [1]. Вопросъ этотъ такъ смущалъ Левинскаго, что даже спустя слишкомъ мѣсяцъ, онъ еще былъ въ страхѣ, какъ бы вопросъ не поднялся снова. «Страшныя могутъ выйти послѣдствія, если дозволить переяславскому епископу распредѣлять вышесказанную вспомогательную подать. Я представлялъ здѣсь и подсовывалъ (записки), кому слѣдовало. По моему мнѣнію, безопаснѣе всего оставить навсегда въ покоѣ православные монастыри, а съ апостатами-священниками поступать попрежнему, благо они не жаловались и не жалуются, а до свѣдѣнія (постояннаго) совѣта и не доводить этой деликатной матеріи ради страшно вредныхъ послѣдствій» [2]. Левинскій не зналъ или не понялъ, подобно Штакельбергу, рескрипта Екатерины; но король иначе смотрѣлъ на это дѣло. Онъ видѣлъ, что этотъ рескриптъ обнимаетъ слишкомъ много обвиненій и если ихъ разбирать, то можно добраться и до королевской подати съ приходовъ и даже до писемъ его короля, одобряющихъ дѣятельность Смогоржевскаго. Онъ написалъ письмо къ Смогоржевскому съ просьбой поскорѣе оправдаться и поудержать уніатовъ [3]; писалъ къ кастеляну кіевскаго воеводства Стемпковскому, прося его разными способами помогать Смогоржевскому собрать данныя для оправданія [4], а къ Любомірскому послалъ запросъ касательно его письма къ Иларіону переяславскому [5].

Всѣ эти хлопоты оправдать Смогоржевскаго передъ русскимъ правительствомъ и представить его дѣло чистымъ не могли принести существенной пользы. Смогоржевскій въ это же время еще съ большею быстротою и изворотливостью устремился по тому же пути, на которомъ уже создалъ себѣ и своему правительству столько затрудненій. Поставленный

---

1 Арх. ун. м., № 988—письмо отъ 11 іюля.
2 Тамъ же, письмо отъ 15 августа.
3 Тамъ же, кн. Г, IV, № 302.
4 Тамъ же, № 265 и 266.
5 Тамъ же, № 302.

въ необходимость написать новое окружное посланіе, онъ издалъ его 5 марта 1782 г. Въ этомъ посланіи Смогоржевскій представилъ своей паствѣ, какъ много зла надѣлалъ роду человѣческому дьяволъ, какъ онъ же производилъ (1768 года) на Украинѣ бунты и запрещенное народнымъ правомъ и трактатами отступленіе отъ католической вѣры (1772—3 г.). «Потомство, достаточно вразумленное многочисленными жалобами угнетенныхъ тогда людей свѣтскаго и духовнаго званія, не только будетъ сильно болѣть объ этомъ безбожіи, но справедливо будетъ прославлять заботливое стараніе счастливо надъ нами царствующаго Станислава-Августа—подавить эти насилія, а также возвеличить вѣчною благодарностью дѣльные и исполненные правды указы свѣтлѣйшей императрицы россійской, великой Екатерины, изданные 9 іюля 1768 г. для истребленія этихъ *бунтовщиковъ, злодѣевъ, возмутителей тишины и измыслителей монаршей воли*» [1]. Поэтому, желая исправить послѣдствія дѣйствій ненавистника рода человѣческаго и довершить дѣла прежней конгрегаціи, Смогоржевскій приказываетъ своему духовенству собраться на новую конгрегацію въ Радомысль, на воскресеніе о слѣпомъ

[1] Всѣ эти слова напечатаны курсивомъ въ посланіи и взяты изъ указа Екатерины. См. Докум. стр. СС. Вѣроятно, къ этому мѣсту относится замѣтка, по ошибкѣ вложенная въ доставшійся уніатамъ манифестъ Екатерины (1762 г.) о вступленіи на престолъ (кн. Г, IV, № 239), а не въ манифестъ 1768 года противъ гайдамаковъ (тамъ же, № 240). Въ замѣткѣ этой говорится: «изъ императорскаго манифеста 1768 г., параграфъ 3, слѣдующія выраженія, служащія намъ въ пользу, отмѣчаются: бои, насилія, разбойники, грабежи, разоренія, убійства, обольщенія невинныхъ крестьянъ измышленнымъ указомъ. Указъ велитъ возвращаться къ должности своего званія, обѣщаетъ дальнѣйшее покровительство, если послушаютъ манифеста». Въ русскомъ посольствѣ поняли, что Смогоржевскій съ коварною цѣлью взялъ въ свое посланіе выраженія изъ манифеста 1768 г. Совѣтникъ посольства Іозефовичъ высказалъ за это досаду Левинскому и, когда Левинскій сталъ оправдывать Смогоржевскаго и говорилъ, что вѣдь это слова самой императрицы, то Іозефовичъ сказалъ: «императрицѣ можно такъ говорить, а митрополиту нельзя». (№ 988, письмо отъ 13 іюня 1782 г.). Впрочемъ, и въ первомъ окружномъ посланіи Смогоржевскаго есть выраженія, взятыя изъ манифеста 1768 г., такъ что вышеприведенная замѣтка, можетъ быть, сдѣлана была при составленіи того посланія.

т. е. на 1 мая 1782 года, подъ угрозою подвергнуться наказанію за позднее прибытіе, за неисправныя вѣдомости и за лѣность на совѣщаніяхъ. Кромѣ благочинныхъ, духовенство должно единомысленно избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ (изъ благочинія) и прислать ихъ на эту конгрегацію съ заявленіемъ нуждъ своихъ и своихъ церквей, а въ особенности съ заявленіемъ того, что можетъ содѣйствовать исправленію дурныхъ обычаевъ, усовершенствованію духовенства и общему благу святой церкви. Въ заключеніе Смогоржевскій говоритъ, что такъ какъ онъ получилъ извѣстіе, что отъ предѣловъ татарскихъ и до Волыни саранча оставила въ прошедшемъ году зародыши и грозитъ еще большею бѣдою, чѣмъ въ прошедшемъ году, то онъ намѣренъ обсудить съ духовенствомъ мѣры къ ея истребленію [1].

Объ этой конгрегаціи мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній. Изъ одного письма Любомірскаго къ Смогоржевскому видно, что на ней было принято рѣшеніе назначать хорошихъ священниковъ [2], а также разслѣдовать, каковы существующіе священники и вообще произвесть такъ называемые визиты приходовъ, для чего чиновные уніаты-оффиціалы, суррогаты, инструкторы разъѣхались по Украинѣ [3]. Задача имъ дана была широкая, потому что въ письмѣ къ Любомірскому Смогоржевскій попрежнему объявлялъ притязаніе на власть надъ православными [4], и потому что посланные имъ уніаты занимались также и миссіонерствомъ [5]. Дѣла этихъ членовъ радомысльской конгрегаціи были таковы, что новые громы, которыхъ такъ боялся Левинскій, непремѣнно должны были раздаться. Въ Бѣло-церковщинѣ, имѣніи гетмана Браницкаго, родственника Потемкина, всѣ православные приходы, кромѣ одного, были переданы уніатамъ; православные священники сидѣли въ собственныхъ домахъ и съ грустью дожидались пріѣзда жены Браницкаго, чтобы подать ей жалобу и просить

[1] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 241.
[2] Тамъ же, № 290.
[3] Тамъ же, № 319, littr. Q.; проектъ визиты, кн. 72, № 37.
[4] Тамъ же, № 290, а также № 319, littr. Q.
[5] Тамъ же.

помощи [1]. Смогоржевскій, извѣщенный объ этомъ бѣло-церковницкимъ уніатскимъ благочиннымъ, сейчасъ же послѣ конгрегаціи [2] поспѣшилъ туда, подалъ Браницкому меморіалъ, расположилъ его въ свою пользу [3], но вскорѣ послѣ его отъѣзда бѣло-церковскіе православные священники сдѣлали больше того, что предполагали сдѣлать по донесенію уніатскаго бѣло-церковскаго благочиннаго. 5 іюня 1782 г. этотъ благочинный (Рубановичъ) доносилъ Смогоржевскому: «Въ позапрошлое воскресенье (25 мая) апостаты (православные священники) собрались въ числѣ 30 человѣкъ и съ служителями жены гетмана старались отнять спасскую церковь въ городѣ. Священникъ троицкой церкви, которому я поручилъ присматривать за ней, когда отнялъ ее у апостата, побѣжалъ къ г. подстолію просить совѣта и помощи, но, не получивъ ихъ, хотѣлъ идти къ самому гетману. Встрѣтившись на пути съ генераломъ Заіончекомъ, разсказалъ ему, что апостаты хотятъ силою отнять у него ключи отъ церкви. Заіончекъ сейчасъ же сообщилъ это г. гетману, который его же послалъ убѣждать г-жу гетманову (жену гетмана), чтобы этого не дѣлала, но если желаетъ слушать обѣдню, то пусть слушаетъ ее въ уніатской церкви, на что она согласилась и въ той же церкви слушала наше богослуженіе» [4]. Браницкій такъ воодушевился ревностью къ уніи, что потребовалъ у Рубановича записки о томъ, чего желаетъ его духовенство, и приказалъ передать это подстолію; но въ то же время Рубановичъ сообщилъ Смогоржевскому тревожное извѣстіе, именно, что подстолій не расположенъ поддерживать уніатовъ [5], а въ прежнемъ письмѣ онъ высказывалъ опасеніе, какъ бы эти дѣла не были сообщены въ Петербургъ [6].

Вскорѣ за тѣмъ выдвинулось шумное дѣло о беззаконнѣй-

---

[1] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 228. Жена Браницкаго, Александра Васильевна, урожденная Энгельгардъ, племянница Потемкина, была близка къ Екатеринѣ; дѣлала много добра. Русск. Арх. 1864 г., стр. 507; 1867 г., стр. 590, 1558—9.

[2] Его ожидали въ Бѣлой Церкви къ 12 мая. Тамъ же, Ар. ун. м.

[3] Арх. ун. м., № 988—письмо Левинскаго, отъ 6 и 13 іюня 1782 г.

[4] Тамъ же, кн. Г, IV, № 288.

[5] Тамъ же.

[6] Тамъ же, № 228.

шемъ отнятіи на границѣ Молдавіи, въ Рашковѣ, новопостроенной церкви у поселенцевъ сербовъ и валаховъ, о которыхъ мы уже упоминали и которые подняли на-ноги русское посольство въ Варшавѣ, польское правительство и даже очень расположеннаго къ уніи владѣльца Рашкова, Александра Любомірскаго. Смогоржевскій принужденъ былъ смириться и возвратить отнятую церковь [1]. Оффиціалъ Любинскій, посланный исполнить эту тягостную для него обязанность, долженъ былъ уладить и другое дѣло, за предѣлами Польши. Вмѣстѣ съ дѣломъ рашковскимъ косвенно поднялось опять и дѣло Евсевія. Главнѣйшій сотрудникъ его, священникъ Саржинскій обратился съ жалобой на насилія и ограбленіе, которымъ онъ подвергся отъ того же Любинскаго, къ Румянцеву-Задунайскому, который прислалъ его къ митрополиту Смогоржевскому съ просьбою удовлетворить Саржинскаго [2]. Смогоржевскій долженъ былъ разобрать дѣло [3], но такъ какъ Саржинскій замѣшанъ былъ въ дѣлѣ Евсевія, которымъ были недовольны и духовныя и свѣтскія русскія власти, то Смогоржевскій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поднять въ глазахъ русскихъ все дѣло о священникахъ иноземнаго рукоположенія, особенно безмѣстныхъ, и съ этою цѣлью отправилъ (1782 г.) Любинскаго къ Румянцеву-Задунайскому съ своимъ письмомъ къ нему. Любинскій думалъ достигнуть этого ближайшимъ путемъ, и въ Кіевѣ, по совѣту Ширкова, бывшаго тогда Кіевскимъ губернаторомъ, обратился къ митрополиту Гавріилу; но этотъ планъ не удался. Гавріилъ, вѣроятно, понялъ намѣренія Любинскаго и отослалъ его къ свѣтской власти. Любинскому пришлось ѣхать къ Румянцеву (въ Ташанъ или Глуховъ) [4]. Румянцевъ прекрасно принялъ Любинскаго, развлекалъ его и произвелъ на него могущественное дѣйствіе, но также замялъ дѣло о Саржинскомъ [5].

---

[1] Арх. ун. м., кн. Г, IV, №№ 230, 231, 249, 252 и 309.

[2] Тамъ же, № 313—письмо Румянцева, отъ 1 іюля 1782 г.

[3] Тамъ, № 211, параграфъ 31.

[4] Ташанъ, имѣніе Румянцева, въ 8 верстахъ отъ Кіева. Справедливѣе, впрочемъ, думать, что тогда Румянцевъ былъ въ Глуховѣ. Любинскій бралъ на проѣздъ къ нему паспортъ, который, вѣроятно, не былъ бы нуженъ, если бы предстояло ѣхать лишь въ Ташанъ.

[5] «Прибывъ въ Кіевъ, пишетъ Любинскій въ своемъ путевомъ днев-

И рашковское дѣло, и дѣло Саржинскаго занимали Смогоржевскаго, не какъ отдѣльныя, случайныя явленія, а какъ указанія на самую опасную сторону его уніатской пропаганды.

никѣ, я былъ у губернатора, генерала Ширкова. Онъ припомнилъ прежнее знакомство со мною и спрашивалъ о причинѣ моего пріѣзда. Когда я ему объяснилъ и сказалъ, что имѣю письмо вашего преосвященства къ фельдмаршалу, то онъ мнѣ посовѣтовалъ подать меморіалъ тамошнему митрополиту Гавріилу, потому что фельдмаршалъ графъ Румянцевъ теперь нездоровъ, такъ что даже не допускаетъ къ себѣ курьеровъ изъ Петербурга. При этомъ генералъ Ширковъ сказалъ, что когда я получу резолюцію отъ митрополита, то онъ посовѣтуетъ мнѣ, какъ за тѣмъ вести дѣло. Поэтому я подалъ меморіалъ митрополиту Гавріилу, который принялъ меня сидя. На немъ былъ бѣлый, кармазиновый (тонкій шерстяной) клобукъ, украшенный спереди крестомъ. Взявъ мой меморіалъ и приложенные къ нему документы, онъ обѣщалъ дать резолюцію и дѣйствительно далъ ее, но спустя лишь недѣлю, и въ ней онъ передавалъ мое дѣло свѣтской власти. Когда я показалъ эту резолюцію Ширкову и онъ прочиталъ ее, то смѣялся надъ тѣмъ, что духовная власть такъ слаба, и посовѣтовалъ мнѣ ѣхать къ фельдмаршалу, который уже выздоровѣлъ. Генералъ Ширковъ далъ мнѣ паспортъ, съ которымъ я пріѣхалъ къ фельдмаршалу $\frac{\text{7 Ноября}}{\text{28 Октября}}$. Этотъ вельможа, какъ только взглянулъ на меня, такъ сейчасъ узналъ и въ присутствіи трехъ генераловъ заявилъ, что знаетъ меня. Онъ принялъ меня, какъ гостя, приказалъ въ своемъ дворцѣ отвести мнѣ квартиру и приглашалъ къ своему столу. Когда я ему отдалъ письмо вашего преосвященства, то онъ въ присутствіи всего общества хвалился особенно близкимъ знакомствомъ съ вами, спрашивалъ меня о моемъ дѣлѣ съ онымъ Василіемъ Саржинскимъ и когда я изложилъ ему его, то онъ сказалъ: «для меня достаточное удовлетвореніе въ томъ, что вы меня навѣстили, а для васъ въ томъ, что вы не на замѣчаніи у преосвященнаго и что я не ставлю васъ въ число замѣченныхъ; я напишу вашему преосвященному, какъ слѣдуетъ». Я гостилъ у этого вельможи съ 7 по 12 настоящаго мѣсяца. Въ продолженіи всѣхъ этихъ дней онъ разсуждалъ о Польшѣ, о свѣтскихъ и духовныхъ ея людяхъ; спрашивалъ меня, хороша ли архитектура двухъ его дворцовъ, а также новой отстроенной, но неотдѣланной еще внутри церкви, которую посылалъ меня осматривать съ архитекторомъ на своихъ лошадяхъ. Когда я возвратился, то онъ пожелалъ знать мое мнѣніе объ этой церкви, построенной на подобіе костела, о двухъ главахъ спереди и одной по серединѣ. Я ему отвѣтилъ: я опишу въ Польшѣ архитектуру этой церкви. Вышесказаннаго числа я простился съ графомъ Задунайскимъ и получилъ отъ него письмо, отдавая которое, онъ сказалъ: «Пишу къ преосвященному митрополиту моею собственною рукою, хотя, признаюсь, если онъ захочетъ прочитать мой почеркъ, то ему нужно будетъ отыскать

Къ сербамъ и молдаванамъ м. Рашкова, къ Саржинскому,—довѣренному лицу Евсевія, примыкали многочисленные священники молдавскаго и валахскаго рукоположенія, и далѣе—священники рукоположенія переяславскаго и за ними открывалась южная часть Украины—всегдашній оплотъ украинскаго православія. Область эта, какъ мы знаемъ, населена была значительною частью выходцевъ съ восточной стороны Днѣпра, которые естественно старались и въ отдаленныхъ поколѣніяхъ поддерживать связь съ Заднѣпровьемъ. Кіевъ былъ извѣчнымъ пунктомъ, въ которомъ сходились, объединялись, оживлялись вѣрою разошедшіеся въ разныя стороны и раздѣленные разными границами члены единаго русскаго народа. Кіевъ этою своею силою и теперь смущалъ не только уніатовъ, но и поляковъ. Племянникъ короля, генералъ Понятовскій передалъ Смогоржевскому черезъ суррогата Сушицкаго мысль, что хорошо бы для противодѣйствія Кіеву возобновить въ Каневѣ (имѣніи Понятовскаго) древнюю каменную церковь (успенскую), построенную на подобіе кіево-печерской и остающуюся теперь въ развалинахъ, и украсить ее получше; тогда бы народъ, думалъ Понятовскій, могъ быть отъученъ отъ Кіева [1]. Смогоржевскій принялъ эту мысль, расширилъ ее предположеніемъ основать базиліанскій монастырь и училище и занесъ въ списокъ своихъ проектовъ 1782 года [2]. Смогоржевскаго занимали болѣе близкія, жгучія дѣла. Средоточіемъ украинской православной силы была теперь Смилян-

чтеца». Это побудило меня вскрыть письмо еще за границей и, отыскавъ офицера, бывшаго когда-то секретаремъ у фельдмаршала, приготовить копію, которую вмѣстѣ съ подлинникомъ представляю вамъ» (Г, IV, № 313. Подлинное письмо Румянцева сохранилось; копіи нѣтъ. Читать письмо Румянцева дѣйствительно очень трудно). «Прилагаю еще копію императорскаго указа, изъ которой вы увидите, до какой степени намъ враждебенъ Переяславль, который, какъ я узналъ въ Кіевѣ, не перестаетъ безпокоить государыню непрерывными и самыми фальшивыми жалобами на уніатовъ.» (Тамъ же, № 312).

[1] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 299. Описаніе Канева и успенской церкви въ немъ см. Сказаніе о населенныхъ мѣстахъ Кіевской губерніи Л. Похилевича, стр. 537—542, особенно 541—2; Кіевск. еп. вѣд. 1864 г., ч. неофф., стр. 757—765.

[2] Тамъ же, Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 211, параграфъ 33.

щина,—имѣніе князя Ксаверія Любомірскаго, который, какъ мы знаемъ, сталъ открыто на сторонѣ православныхъ, надѣлалъ уже Смогоржевскому много бѣдъ своимъ письмомъ къ переяславскому епископу Иларіону и возбуждалъ въ немъ новыя тревоги. Смогоржевскій узналъ, что Любомірскій ведетъ переговоры о продажѣ своего имѣнія Браницкому, т. е. Потемкину,—писалъ Смогоржевскому бѣло-церковскій уніатскій благочинный Рубановичъ,—поэтому заключилъ Рубановичъ, «нужно теперь позаботиться о тамошнемъ духовенствѣ, потому что послѣ будетъ гораздо больше хлопотъ, чѣмъ теперь». Смогоржевскій еще яснѣе увидѣлъ необходимость обратить на Смилянщину особенное вниманіе. Вскорѣ послѣ радомысльской конгрегаціи онъ принялъ особенныя мѣры для утвержденія уніи въ этой области. Онъ назначилъ туда дѣятельнаго уніата, не разъ встрѣчавшагося намъ—Сушицкаго, возвелъ его въ званіе главнаго оффиціала и помѣстилъ въ Звѣнигородкѣ [1], чтобы онъ по близости могъ лучше наблюдать за дѣлами, какъ выражался самъ Смогоржевскій [2]. Въ письмѣ къ Любомірскому (отъ 11 іюля) Смогоржевскій ввѣрялъ Сушицкаго его вниманію и раскрывалъ передъ нимъ широкій планъ своихъ дѣйствій въ Смилянщинѣ. Онъ обращалъ вниманіе Любомірскаго на то, что между неуніатами необходимо различать древне православныхъ и обратившихся въ православіе изъ уніи, и что первыхъ Смогоржевскій не будетъ трогать, но послѣдніе должны возвратиться въ унію [3]. При выполненіи этой послѣдней задачи Смогоржевскій предполагалъ дѣйствовать кротко. Сушицкій съ другими уніатами долженъ

---

[1] Арх. ун. м.,кн. Г, IV, № 319, litt. Q.

[2] Тамъ же, параграфъ 5.

[3] Тамъ же, а также № 226. Въ существѣ дѣла это различіе не существовало для Смогоржевскаго, потому что кромѣ православныхъ монастырей, и то не всѣхъ, трудно было отыскать такую православную церковь въ Украинѣ, которая когда либо, хотя на короткое время, не была бы зачислена въ унію. Смогоржевскій притомъ прямо проповѣдывалъ, что не только позволительно принуждать къ уніи отступившихъ отъ нея, но и слѣдуетъ. Арх. ун. м., № 943. Есть наконецъ извѣстіе, что въ то время обращаемы были въ унію и такія церкви, которыя и построены были православными, и священниковъ имѣли православныхъ. Арх. ун. м., кн. К, XI, № 628.

объѣзжать приходы и просвѣщать народъ. Къ поддержанію этаго дѣла Смогоржевскій воодушевлялъ Любомірскаго, между прочимъ, именемъ его предка, уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя [1]. Сушицкій ждалъ благопріятнаго случая, когда бы вручить Любомірскому это письмо Смогоржевскаго. Около 24 іюля онъ узналъ, что Любомірскій собирается поминать свою покойную жену. Сушицкій выбивался изъ силъ, разузнавая, гдѣ будетъ совершаться это торжество. Онъ перебѣгалъ изъ Шполы въ Корсунь и назадъ въ Смилу и наконецъ узналъ, что торжество это будетъ совершаться въ Смилѣ. Сушицкій собралъ 30 уніатовъ-священниковъ и приготовился съ ними къ торжеству, которое, кромѣ латинянъ, совершали по своимъ церквамъ и православные, а на угощенія всѣ почетные духовные собирались во дворецъ Любомірскаго. Во главѣ православныхъ стоялъ смилянскій протопопъ Радзимовскій, пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ Любомірскаго. Сушицкій какъ будто усвоилъ себѣ въ самомъ дѣлѣ правила кротости, внушалъ своему духовенству держать себя миролюбиво по отношенію къ православнымъ и устроилъ даже для этого особый полицейскій надзоръ [2]. 24 іюля онъ наконецъ вручилъ письмо своего митрополита Любомірскому. «Прочитавъ письмо, онъ, пишетъ Сушицкій, показалъ великую расположенность и какъ прежде, такъ и послѣ очень вѣжливо и милостиво относился ко мнѣ. Когда я завелъ рѣчь объ отнятыхъ (у насъ) церквахъ и о народѣ, отпавшемъ отъ уніи, то Любомірскій призвалъ (смилянскаго) протопопа Радзимовскаго, а также—жаботинскаго, по прозванію Тимошенко» [3]. Между Сушицкимъ и Радзимовскимъ завязался оживленный споръ. Радзимовскій доказывалъ, что всѣ церкви издревле православныя и подчинялись заграничнымъ преосвященнымъ; Сушицкій доказывалъ наоборотъ, что онѣ недавно основаны съ благословенія уніатскихъ властей, и ссылался на то, что населеніе этихъ мѣстъ вышло изъ Полѣсья, Литвы и Волыни. Радзимовскій возразилъ, что весьма многіе вышли съ восточной стороны Днѣпра; Сушицкій колко замѣтилъ, что много-

---

[1] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 319.
[2] Тамъ же, кн. Г, IV, № 305.
[3] Тамъ же, кн. Г, IV, № 299.

кратно высылаемыя русскія команды позабирали назадъ такихъ выходцевъ. Радзимовскій обратился къ болѣе осязательному предмету. Онъ указалъ на то, что уніаты въ сопровожденіи польскихъ командъ взимаютъ съ православныхъ приходовъ королевскую подать, что это именно дѣлаетъ лисянскій уніатскій благочинный Бѣлявскій, что онъ беретъ по 10 рублей съ церкви и кромѣ того солдаты дѣлаютъ великія безчинства, бьютъ священниковъ, ихъ женъ, дѣтей. Сушицкій явно сталъ въ затруднительное положеніе,—онъ требовалъ списка обидъ, обѣщалъ изслѣдованіе дѣла посредствомъ коммисіи и перешелъ опять на зыбкую почву, сталъ доказывать, что православные обязаны платить эту подать, что̀ Радзимовскій рѣшительно отвергалъ. Любомірскій слушалъ этотъ споръ и, повидимому, сталъ на сторону уніатовъ. Онъ сказалъ, что признаетъ принадлежащею уніатамъ церковъ Св. Николая въ замкѣ г. Смилы и приказалъ Радзимовскому отдать ее уніатамъ [1]. Радзимовскій покорно выслушалъ это рѣшеніе и просилъ лишь взять изъ церкви утварь, сдѣланную православными. 25 іюля православные въ послѣдній разъ отслужили въ этой церкви обѣдню и она передана была уніатамъ [2]. Сушицкій хотѣлъ было отнимать и другія церкви въ смилянской области, но оказалось, что Любомірскій далеко не на сторонѣ уніатовъ,—онъ запретилъ дѣлать это Сушицкому. Сушицкій собрался ѣхать къ митрополиту, высказавъ православнымъ угрозу, что скоро вернется съ польскимъ войскомъ [3]. Очевидно, Сушицкій увидѣлъ, что нѣтъ надежды на Любомірскаго. Дѣйствительно, съ тѣмъ же Сушицкимъ или другимъ путемъ Любомірскій 4 августа (25 іюля) послалъ Смогоржевскому отвѣтное письмо, въ которомъ высказалъ такія вещи, которыя составляли необычайную новость въ тогдашнемъ польскомъ мірѣ и которыхъ Смогоржевскій, конечно, не получалъ ни

---

[1] Сушицкій впослѣдствіи показалъ, что это рѣшеніе Любомірскій принялъ еще прежде и до этого спора предлагалъ шполянскому уніатскому благочинному Вигурѣ принять николаевскую церковь. Сушицкій ссылался на подлинныя записки объ этомъ Любомірскаго, которыя онъ посылалъ Вигурѣ. Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 305, а также № 262 и указываемыя въ этомъ № мѣста № 319.

[2] Тамъ же, кн. Г, IV, № 299.

[3] Тамъ же, № 291.

отъ какого другаго поляка. «Вы говорите, что имѣете право на власть надъ неуніатами, которыхъ раздѣляете на два разряда. Такое право мнѣ неизвѣстно, но если даже вы дѣйствительно имѣете его, то я не знаю, чѣмъ другимъ, кромѣ хорошихъ примѣровъ, можно успѣшнѣе объединить сердца раздвоившихся христіанъ, потому что я не могу допустить, чтобы вы пожелали употребить для этого какое либо насиліе и чтобы какой либо землевладѣлецъ дозволилъ его дѣлать на своей землѣ. Наше дѣло оказывать повиновеніе государю, уваженіе къ вѣрѣ и оберегать спокойствіе, а надлежащее и добросовѣстное исполненіе новыхъ, какъ вы выражаетесь, (духовныхъ) постановленій можетъ подѣйствовать и на самыхъ упорныхъ неуніатовъ и привести ихъ къ той части народа (уніатскаго), во главѣ которой стоите вы..... Обижаете вы эту страну, когда, не посѣтивъ еще ея сами, описываете ее какъ страну, склонную и готовую къ мятежу. Этого не только нѣтъ теперь, но и прежде не она начала смуту. Я, какъ знающій эту страну, увѣряю васъ, что если время позволитъ вамъ пріѣхать сюда и вы отбросите въ сторону предубѣжденія, то легко увидите, что сердца этихъ людей не суть и никогда не были жестокими, а разожгли огонь въ этой странѣ несправедливости правителей и угнетенія военныхъ людей. Не хочу распространяться о другихъ обстоятельствахъ, объ ужасныхъ жестокостяхъ, которыя, даже въ самыхъ нечувствительныхъ сердцахъ возбуждаютъ жажду мщенія и озлобленіе противъ тѣхъ лицъ, которые, подъ предлогомъ истребленія дизуніи, подняли такую страшную бурю» [1].

Вскорѣ Смогоржевскій увидѣлъ, что и передача уніатамъ православной церкви въ Смилѣ была для него своего рода сѣтью. Радзимовскій, покорно принявшій рѣшеніе Любомірскаго передать эту церковь уніатамъ, сейчасъ же донесъ объ этомъ насиліи своему епископу, Иларіону, переяславскому, отъ котораго 6 августа послѣдовалъ запросъ родомысльской консисторіи, на какомъ основаніи допущено это насиліе. Уніатская консисторія стала запутывать дѣло,—то отвѣчала, что нѣтъ доказательствъ насилій и что для изслѣдованія дѣла она назначаетъ свою коммисію, то, когда Иларіонъ извѣстилъ, что въ подобныхъ дѣлахъ должны быть депутаты и съ другой стороны

[1] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 290.

и что онъ назначаетъ съ православной стороны депутатовъ и въ томъ числѣ Радзимовскаго, то она отвѣчала, что Радзимовскій, какъ жаловавшійся, не можетъ быть членомъ этой коммисіи [1]. Иларіонъ, вѣроятно, съ самаго начала видѣлъ, что переписка эта ни къ чему не поведетъ, и 12 августа написалъ русскому послу письмо, въ которомъ поразилъ уніатовъ въ то самое больное мѣсто, за которое такъ боялся Левинскій. «По манифестамъ митрополита Смогоржевскаго, писалъ Иларіонъ, сильно приступаютъ уніаты къ денежнымъ поборамъ изъ (съ) православнаго священства. Онъ же, митрополитъ, пишетъ къ владѣльцамъ и въ управѣ его уніатовъ надъ православными проситъ вспомоществованія, какъ то опредѣленной отъ помянутаго Смогоржевскаго нѣкоторой суррогатъ, прозваніемъ Сушицкій пріѣхалъ съ толпою уніатовъ въ мѣстечко Смѣлу и, именуя себя украинскимъ оффиціаломъ, притомъ отъ тогожъ Смогоржевскаго митрополита имѣя письмо къ владѣльцу тѣхъ добръ (имѣній) князю Любомірскому о пособіи въ порученномъ ему дѣлѣ, и особымъ велѣніемъ будучи снабженъ при генеральной визитѣ отбирать православныя церкви на унію, а присоединившихся изъ уніи въ давныхъ временахъ на православіе священниковъ, якобы по обвиненію (опредѣленію) сеймовому въ его Смогоржевскаго власть отданныхъ, брать отсюду въ Радомышль, устремился было къ своей работѣ, и одну въ помянутомъ мѣстечкѣ Смѣлой николаевскую православную церковь іюля 25 настоящаго года отобралъ на унію; до прочихъ же, когда княземъ не допущенъ, то отъѣхалъ съ похвалками, что де по сеймѣ варшавскомъ съ командою военною пріѣдетъ и поотбираетъ» [2]. Что эта жалоба подана не безъ вѣдома и даже не безъ участія Любомірскаго видно изъ того, что у Иларіонъ было вышеупомянутое письмо къ Любомірскому Смогоржевскаго [3].

Передъ Смогоржевскимъ открылась снова бездна затрудненій,—страхъ новыхъ громовъ со стороны Петербурга [4], за-

---

1 Кн. 72, № 12.

2 Кн. Г. IV, № 291—русская копія, № 304—французская копія.

3 Тамъ же, № 304.

4 Въ письмѣ къ Штакельбергу Иларіонъ говоритъ, что доноситъ синоду о дѣлахъ уніатовъ въ Смилѣ. Г. IV, № 304.

просы русскаго посланника въ Варшавѣ, боязливыя письма отъ короля [1]. Король извѣщалъ Смогоржевскаго, что защищалъ его передъ русскимъ посломъ (увѣрялъ даже Штакельберга, что Смогоржевскій—не фанатикъ), но «при всемъ томъ, писалъ король: я обязываю васъ приложить всевозможное стараніе и строго изслѣдовать, не имѣютъ ли какого либо основанія эти столь частыя и сильныя жалобы неуніатовъ, и если бы оказалось, что имѣютъ, то прикажите сейчасъ же, и самымъ дѣйствительнымъ образомъ, исправить (зло) и сдѣлать удовлетвореніе, чтобы наконецъ не было ни малѣйшаго даже предлога къ подобнымъ жалобамъ и чтобы намъ предотвратить гибельныя послѣдствія (ихъ), подобныя тѣмъ, которымъ къ несчастію всего нашего отечества, мы уже (разъ) подверглись» [2]. Короля тѣмъ болѣе безпокоило это дѣло, что имѣвшіяся у него свѣдѣнія объ уніатахъ заставляли его думать, что Любомірскій не напрасно жаловался на нихъ. «Я долженъ еще сказать вамъ, писалъ король въ томъ же письмѣ Смогоржевскому, что со стороны даже расположенныхъ къ вамъ людей, доходятъ до меня извѣстія, что въ уніатскомъ духовенствѣ большіе безпорядки, что невѣжество и испорченность нравовъ уніатскихъ священниковъ тѣмъ болѣе уменьшаютъ уваженіе къ нимъ нашего народа, чѣмъ больше бьютъ въ глаза тогоже народа почтенные нравы и бо̀льшая образованность неуніатскихъ священниковъ. По этимъ и разнымъ другимъ обстоятельствамъ я сильно желаю, чтобы вы сюда (въ Варшаву) явились лично» [3].

У короля дѣйствительно были особенно важныя причины, заставлявшія его оторвать Смогоржевскаго отъ дѣлъ Украины и видѣть его въ Варшавѣ. 15 августа 1782 г. Левинскій извѣщалъ Смогоржевскаго: «прибытія сюда великаго князя (Павла Петровича) съ супругой ожидаютъ передъ сеймомъ. Многіе изъ обитателей дворца выбираются, чтобы очистить мѣсто для пріема столь желанныхъ гостей. Начали приготовлять большой фейерверкъ» [4]. Безъ сомнѣнія, король считалъ важнымъ,

---

[1] Тамъ же, № 303. Тутъ же упоминается нота Штакельберга.

[2] Кн. Г. IV, № 303.

[3] Тамъ же.

[4] Арх. ун. м., № 388—письмо Левинскаго отъ 15 августа 1782 г.

чтобы Смогоржевскій былъ въ это время въ Варшавѣ и заслужилъ расположеніе наслѣдника русскаго престола и окружавшихъ его людей. Но и это письмо точно также, какъ и прежнія письма короля, оказались запоздалымъ средствомъ сдержать Смогоржевскаго и поставить его на иную дорогу. Къ тому времени, когда было писано это письмо ($^{8}/_{19}$ сентября), Смогоржевскій далеко уже ушелъ впередъ по тому же пути фанатическаго отношенія ко всему русскому и православному, какимъ шелъ до сихъ поръ. Въ августѣ мѣсяцѣ польскіе паны Украины стали собираться на сеймики для выбора пословъ на главный сеймъ, имѣвшій собраться въ сентябрѣ. Роль политическаго дѣятеля, которую Смогоржевскій такъ искусно разыгрывалъ прежде въ полоцкомъ воеводствѣ, увлекла его и теперь. Передъ нимъ развернулся широкій планъ подвинуть на сеймѣ всю Польшу на защиту уніи, и для этого онъ сталъ дѣйствовать на ближайшихъ пановъ кіевскаго воеводства, и такъ подѣйствовалъ на нихъ, что они, выбравъ пословъ на главный сеймъ, помѣстили во второмъ же пунктѣ (т. е. собственно въ первомъ) [1] ихъ инструкціи пять §§ въ защиту уніи, и даже показали такую ревность, что предлагали уничтожить зависимость украинскихъ православныхъ отъ переяславскаго архіерея и подвергать отвѣтственности всякаго пана, который бы осмѣлился отдать православному священнику церковь, освященную (т. е. когда либо) на унію [2]. Инструкція

Извѣстія болѣе раннія о прибытіи Павла Петровича въ Варшаву на пути за границу, оказавшіяся не вѣрными, см. № 987—письма Левинскаго отъ 7 и 23 августа 1781 года.

[1] Первый пунктъ обыкновенно заключалъ въ себѣ выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ членовъ сеймика къ королю.

[2] Вотъ эти параграфы: такъ какъ господствующая, святая католическая вѣра есть основаніе и охрана королевства, если сохраняется въ цѣлости, то главнѣйшею обязанностью нашихъ пословъ будетъ поддерживать эту вѣру и не соглашаться ни на какіе, противные этому, проекты, напротивъ, домогаться у свѣтлѣйшаго государя и членовъ сейма, чтобы 1) положить предѣлы распространяющейся схизмѣ и чтобы церкви, насильно отнятыя, возвращены были въ унію; 2) чтобы переяславскій епископъ и другіе духовные заграничные не имѣли духовной юрисдикціи въ нашей странѣ; 3) чтобы дозволено было брать военною силою апостатовъ и отдавать митрополиту; 4) чтобы назначена была изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ коммисія для разбора обидъ, учиненныхъ неуніатами

эта занесена была въ гродскія житомірскія книги, и засвидѣтельствованная копія ея выдана была 9/20 августа 1782 г. Смогоржевскому [1].

Въ этомъ дѣлѣ услуживалъ Смогоржевскому новгородскій подстароста Пилявскій, занимавшій какое-то важное положеніе при Любомірскомъ [2]. Это положеніе Пилявскаго и его преданность уніи побудили Смогоржевскаго сдѣлать его орудіемъ для новой атаки противъ Любомірскаго. Смогоржевскій, какъ можно думать, лично видѣвшій Пилявскаго [3], вызвавшагося ѣхать къ Любомірскому, далъ ему какія-то наставленія. Въ уніатскомъ архивѣ сохранилась копія инструкціи, данной по этому дѣлу Пилявскому Сушицкимъ, но она составлена самимъ Смогоржевскимъ, такъ какъ пункты ея поразительно сходны съ главными мыслями нижеуказываемаго письма Смогоржевскаго къ Любомірскому и такъ какъ на это явно указывается въ одномъ письмѣ Сушицкаго [4]. Въ инструкціи этой—и боязнь за унію, и запугиваніе Любомірскаго, и явное лукавство и притворная любовь къ правдѣ и тишинѣ [5]. Ин-

---

уніатамъ; 5) еслибъ какой либо помѣщикъ-изъ за собственной выгоды отдалъ въ своемъ имѣніи неуніату церковь, посвященную на унію, то такого помѣщика позвать въ судъ, а духовная власть, не обращая вниманіе на презенту, можетъ выгнать неуніата и церковь отдать уніатскому священнику. Кн. Г. IV, № 293.

1 Тамъ же, см. конецъ копіи, а также № 319, littr. W, X и У.

2 Тамъ же, № 319 littr. W и X, а также № 392—письмо Пилявскаго, писанное изъ Житоміра, съ сеймика того же числа, когда выдана копія инструкціи (20 августа).

3 Тамъ же, № 292. Пилявскій пишетъ въ этомъ письмѣ (20 августа), что надѣется лично видѣться съ митрополитомъ въ Бѣлой Церкви.

4 Кн. Г. IV, № 297.

5 Вотъ этотъ замѣчательный памятникъ уніатскихъ пріемовъ дѣйствовоть на пользу уніи:

1) Дворянство злобно ропщетъ (на Любомірскаго) за отступничество.

2) Взвалить все на протопопа (смилянскаго Радзимовскаго), такъ какъ на него князь указывалъ въ письмѣ (къ Иларіону).

3) Митрополитъ документами докажетъ свою невинность, взволнуетъ народъ (поляковъ на сеймѣ), призоветъ въ судъ; дѣло тутъ важное.

4) Князь разрушаетъ пожалованія предковъ, записанныя съ прещеніями.

5) Стыдно утверждать, что его подданные—тихій народъ; вѣдь они были виновниками зла; это будетъ доказано документами.

струкцію эту Пилявскій долженъ былъ приводить въ исполненіе въ особенно благопріятное время. Король Станиславъ Августъ прислалъ Смогоржевскому для передачи Любомірскому запросъ отъ польскаго министерства, какія онъ имѣетъ доказательства въ подтвержденіе жалобы, принесенной имъ Иларіону [1]. По всей вѣроятности, самъ Пилявскій долженъ былъ передавать этотъ запросъ Любомирскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ подготовить успѣхъ другаго дѣла,—депутаціи къ Любомірскому Сушицкаго съ новымъ письмомъ отъ Смогоржевскаго [2].—Сушицкій при-

---

6) Дизуниты (православные) подвергаютъ кабалѣ и никогда нельзя быть спокойнымъ на ихъ счетъ.

7) Просить (подстаросту) Пилявскаго вбить въ голову князю, чтобы безъ сношеній съ митрополитомъ не давалъ отвѣта министерству (на запросъ о письмѣ къ Иларіону).

8) Чтобы князя вывести изъ бѣды, нужно, чтобы онъ прежде отвѣтилъ митрополиту и откровенно сказалъ ему, откуда вышли эти обвиненія (czernidla) противъ митрополита.

9) Пусть подстароста убѣждаетъ князя, что если онъ не очиститъ митрополита отъ ложныхъ обвиненій, то подвергнется кабалѣ (опалѣ), потому что митрополитъ соберетъ свидѣтельства отъ сосѣдей кругомъ (Смилы), что онъ никого не обижалъ и невиненъ.

10) Если князь имѣлъ жалобы отъ апостатовъ, то почему не обратился къ суду митрополита?

11) Дурно, что неуніаты обращаются къ заграничному правительству: они могутъ употребить его и противъ коллятора (помѣщика, обезпечивающаго средства церкви и причта).

12) Такъ какъ митрополитъ устроилъ консисторію и учредилъ визиту, съ цѣлію, чтобы вездѣ была правда и исправлялось зло, то можно надѣяться, что уже вездѣ будетъ спокойствіе. Кн. Г. IV, № 273.

[1] Тамъ же, № 296, слич. № 302, приписка короля.

[2] Копіи этого письма мы не нашли, но нашли изложеніе его содержанія. Вотъ оно:

1) Радость (Смогоржевскаго), что (Любомірскій) въ отвѣтѣ отъ 4 истекающаго мѣсяца (августа) хвалитъ его за учрежденіе консисторіи въ Звѣнигородѣ.

2) Печаль, что смилянскіе неуніаты очернили въ верху (Смогоржевскаго) за наѣзды и насилія.

3) Изъ Смилянщины не было никакой жалобы, а многія (неправды уніатовъ?) терпѣливо были переносимы.

4) Жестоко очерненный (митрополитъ) призываетъ самаго князя въ свидѣтели о томъ, что (митрополитъ) отъ начала своего пастырства не сдѣлалъ никакого насилія.

былъ въ Корсунь, гдѣ тогда былъ Любомірскій, 1 сентября, черезъ день послѣ того числа (31 августа), которымъ помѣчено было (очевидно впередъ) привезенное имъ письмо митрополита и черезъ два дня послѣ того, какъ Любомірскому врученъ былъ запросъ отъ министерства. Сушицкій сначала получилъ отъ Пилявскаго очень благопріятныя извѣстія. Онъ узналъ, что Любомірскій, получивъ этотъ запросъ, потерялъ веселость, три часа сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи и только послѣ настойчивыхъ выспрашиваній сказалъ Пилявскому, что получилъ запросъ изъ министерства. Глубокія думы Любомірскаго не извѣстны намъ, но главный предметъ ихъ извѣстенъ. Любомірскій во время этого глубокаго раздумья рѣшалъ вопросъ, надъ рѣшеніемъ котораго до сихъ поръ мучатся многочисленными поколѣніями многія тысячи жителей западной Россіи. Польскій, украинскій панъ и бригадиръ русской службы (имъ тогда уже былъ Любомірскій) рѣшалъ мучительный вопросъ—стать ли на польскую или русскую сторону, и рѣшилъ его, какъ и слѣдовало ожидать отъ польскаго пана западной Россіи, послѣ того, какъ онъ призналъ права русскаго народа этой страны,—рѣшился стать на русскую сторону. «Г. подстароста дѣлалъ ему, писалъ Смогоржевскому Сушицкій, свои внушенія, но кажется, онѣ не приняты [1]. Послѣ разговора (съ Пилявскимъ) я по-

---

5) Должно быть тамъ (въ Смилянщинѣ) есть охотники чернить. Ихъ слѣдуетъ призвать, чтобы доказывали, а князь пусть защищается.

6) Нужно посмотрѣть въ трактаты, имѣютъ ли право пользоваться свободою дѣйствительныхъ неуніатовъ дезертиры, которыхъ приказано изгонять изъ отечества.

7) Позволительно заселять страну пришлымъ народомъ, но онъ не долженъ угнетать католичества и не перетягивать людей изъ него къ себѣ.

8) Пусть князь, на основаніи законовъ, признаетъ различіе между неуніатами и перекидчиками, и сейчасъ же его страна заселится, въ ней возстановится тишина и прекратится дерзость перекидчиковъ.

9) Міръ (мірская власть) приказываетъ возвращать господамъ людей, взятыхъ изъ ихъ имѣній: какъ же можно удерживать у себя людей, отказывающихъ въ повиновеніи Богу, церкви и своему пастырю, которому они съ клятвою обѣщали оказывать повиновеніе? Г. IV, № 319, littr. A. A.

[1] Г. IV, № 297.

шелъ къ князю и отдалъ ваше письмо. Я засталъ его въ веселомъ расположеніи духа, а когда онъ прочиталъ ваше письмо, то сдѣлался мрачнымъ и сказалъ: «что неуніаты терпятъ великія обиды отъ уніатовъ, это совершенно вѣрно. Когда на эти обиды они мнѣ жаловались, я донесъ объ нихъ переяславскому епископу, а онъ русскому послу въ Варшавѣ. Г. Хребтовичъ пишетъ ко мнѣ отъ имени постояннаго совѣта, чтобы я эти обиды списалъ и прислалъ въ Варшаву. Я пошлю съ ними протопопа». На это я ему отвѣтилъ: нашъ пастырь не знаетъ ни о какихъ обидахъ, учиненныхъ неуніатамъ, и не получалъ ни откуда никакой жалобы, никакого донесенія [1], а тѣмъ менѣе поручалъ ихъ дѣлать; напротивъ, если бы была какая либо жалоба, то онъ навѣрное не нарушилъ бы справедливости; если же безъ вѣдома его сдѣлана какая либо обида, то онъ желаетъ, чтобы точно были указаны лица, мѣста и дѣла. На это князь отвѣтилъ: «созову протопоповъ, прикажу списать всѣ обиды, сдѣланныя неуніатамъ, и пошлю ихъ въ Варшаву, а копію ихъ перешлю митрополиту». Сушицкій завелъ длинную рѣчь о королевской подати, взиманіе которой особенно сердило Любомірскаго, и очевидно надоѣлъ ему. Любомірскій замолкъ, а за тѣмъ его призвали въ засѣданіе собравшіеся у него члены коммиссіи о разграниченіи его имѣній, послѣ котораго сѣли обѣдать. «Послѣ обѣда, продолжаетъ Сушицкій, я пришелъ къ князю, у котораго засталъ большое собраніе гостей, именно: судью Букара, подсудка (того же подстаросту) Пилявскаго, старосту Освѣтинскаго, мечника Завадынскаго, старосту Попеля, Прилуцкаго, Недвѣдскаго, Юковскаго, Поляновскаго, Штейна, Проскуру и друг. Съ нѣкоторыми изъ нихъ бесѣдовалъ подстароста (Пилявскій), съ другими—я. Добыть теперь же засвидѣтельствованіе (невинности митрополита) очень трудно, потому что эти лица уѣхали вмѣстѣ съ княземъ, а, спустя нѣкоторое время, можетъ быть, добудемъ (wystaramy) его; въ этомъ дѣлѣ особенно съумѣетъ услужить корсунскій благочинный. Я просилъ князя написать отвѣтъ. Онъ вышелъ изъ общества гостей въ прихожую и, прислонившись къ стѣнѣ,

---

[1] Сущицкій говорилъ явную неправду: 6 августа Иларіонъ писалъ объ этомъ въ радомышльскую консисторію, какъ мы видѣли выше.

очень долго думалъ, а затѣмъ, войдя въ комнату и, схвативъ шапку, ушелъ въ особую комнатку и началъ было писать отвѣтъ (какъ говорилъ мнѣ секретарь князя), но ему помѣшали вошедшіе съ другой стороны оффиціалисты, а также г. Бадини, шамбелянъ Пивницкій, юристы и другія лица, участвовавшіе въ составленіи акта коммиссіи. Всѣ соединились въ одно общество и гуляли цѣлую ночь» [1]. На слѣдующій день Сушицкій долго не могъ видѣть Любомірскаго, наконецъ ему удалось поговорить съ нимъ и получить краткій отвѣтъ на письмо митрополита [2]. При этомъ Сушицкій опять услышалъ отъ Любомірскаго непонятныя для него и крайне непріятныя вещи. «Отдавая отвѣтное письмо, пишетъ Сушицкій, князь говорилъ, что непремѣнно нужно, чтобы неуніаты имѣли въ этой странѣ своего епископа, что они имѣютъ давнія свои права и *что народъ желаетъ быть въ неуніи*. Я отвѣтилъ, продолжаетъ Сушицкій, что не нуженъ здѣсь для неуніатовъ епископъ, потому что они, какъ перешедшіе изъ католической религіи, должны или возвратиться назадъ, или подвергнуться изгнанію изъ страны въ силу трактатовъ (1768 г.); давнихъ правъ они не имѣютъ, напротивъ мы имѣемъ ясныя права на ихъ церкви; народъ нужно просвѣтить и наставить, потому что сбитый съ толку онъ и самъ не знаетъ, чего слѣдуетъ держаться. На это князь сказалъ: «это принадлежитъ духовнымъ лицамъ. Панъ смотритъ за тѣломъ, духовный за душой». Я отвѣтилъ: какъ тѣло соединено съ душой, такъ духовная власть должна соединяться съ свѣтскою, и наоборотъ, если мы хотимъ, чтобы наши дѣйствія имѣли успѣхъ. Я здѣсь не говорю, чтобы дѣлать какое либо насиліе, но нужно давать помощь. Благоволите ваше сіятельство призвать

---

[1] Арх. ун. м., кн. Г. IV, № 297.

[2] Отвѣтъ этотъ сохранился. Вотъ онъ: «Жалобы неуніатовъ велики. Ихъ теперь я не имѣю при себѣ и потому не могу вамъ сообщить; но когда буду посылать ихъ въ постоянный совѣтъ, то прикажу послать вамъ ихъ копію. Если бы вы не поступали съ ними (неуніатами) такъ сурово, то безъ сомнѣнія все было бы тихо. Теперь они раздражены и, конечно, настойчиво будутъ добиваться своего. Теперь трудно это поправить, да и лучше, что зло вышло наружу, а не осталось тлѣть къ большему злополучію для насъ, живущихъ здѣсь». Кн. Г. IV, № 295.

миссіонеровъ, мы не откажемъ вамъ въ нашей помощи. Благоволите склонить народъ, чтобы онъ слушалъ; тогда онъ получитъ просвѣщеніе, и безъ всякаго насилія возвратится (въ унію). Князь отвѣтилъ: «такъ отправляйте миссіи, а я самъ понесу передъ вами крестъ». «Послѣ этой бесѣды мы простились и черезъ четверть часа князь уѣхалъ. Г. подстароста, прибавляетъ Сушицкій, вторично бесѣдовалъ съ княземъ. Чего онъ добился, объ этомъ онъ пишетъ вамъ въ своемъ письмѣ, которое посылаю» [1]. Въ этомъ письмѣ окончательно разбивались надежды уніатовъ. «Ничто (изъ совѣтовъ) не принято, писалъ Смогоржевскому Пилявскій, напротивъ Любомірскій еще больше раздраженъ и повторяетъ, что уніаты постоянно аттакуютъ неуніатовъ, что они и въ эту зиму принуждали неуніатовъ платить разныя подати и дѣлали имъ много непозволительныхъ вещей. Нѣтъ надежды на перемѣну мыслей. Погрязаемъ глубже и глубже, представляя собою образъ грѣшника, отвергающаго спасительные совѣты» [2]. Уніаты дѣйствительно пришли къ убѣжденію, что усилія подѣйствовать на убѣжденія Любомірскаго напрасны [3], что лучше дѣйствовать на него силою власти правительства и суда. Съ этою цѣлью Сушицкій сейчасъ же послѣ свиданія съ Любомірскимъ сталъ собирать свѣдѣнія объ обидахъ уніатовъ и пригласилъ заняться этимъ своихъ благочинныхъ, шполянскаго, туріанскаго, мошенскаго, а въ особенности лисянскаго. «Словомъ, писалъ Сушицкій Смогоржевскому, какія только смогу собрать свѣдѣнія, запишу ихъ и поспѣшу съ ними прибыть въ Радомысль до вашего отъѣзда въ Варшаву» [4]. Документы эти нужны были Смогоржевскому не для одного лишь оправданія себя. Онъ, какъ видно, давно уже обѣщалъ королю составить подробное донесеніе о положеніи

---

[1] Тамъ же.

[2] Кн. Г. IV, № 296.

[3] Они даже не получили отъ него обѣщаннаго списка жалобъ, и когда одинъ изъ уніатовъ погнался за нимъ по дорогѣ въ Крымъ, куда уѣхалъ Любомірскій, и, догнавъ, просилъ дать ему этотъ списокъ, то Любомірскій отдѣлался нѣсколькими словами, въ родѣ увѣренія, что списокъ послалъ, но уніатъ былъ увѣренъ, что это неправда. Г. IV, № 306.

[4] Г. IV, № 297.

Украины [1], въ которомъ предположилъ собрать всѣ данныя, которыя бы служили польскому правительству руководствомъ, какъ дѣйствовать по отношенію къ этой странѣ [2]. Оканчивать это донесеніе Смогоржевскій уѣхалъ въ Варшаву [3].

Эти новыя замыслы уніатовъ встрѣтились съ такими дѣйствіями со стороны православныхъ, которыя повергли уніатовъ въ новое, еще большее горе. «Благочинный корсунскій, писалъ Смогоржевскому Сушицкій,... сообщилъ мнѣ, что отправляясь вслѣдъ за княземъ Ксаверіемъ (Любомірскимъ), онъ заѣхалъ къ неуніатскому смилянскому протопопу. У него онъ засталъ значительное число собравшихся неуніатскихъ священниковъ, которые, что только могли, выдумывали на нашихъ (уніатскихъ священниковъ) и записывали; однако ничего не пожелали сообщить ему, а только протопопъ сказалъ: теперь мы уже хорошо вооружены и будемъ добиваться своего» [4]. Около того же времени (19 октября) неизвѣстный ревнитель уніи, по всей вѣроятности тотъ же корсунскій благочинный, сообщилъ (Смогоржевскому?) извѣстіе, изъ котораго оказывалось, что православные духовные собирались и списывали жалобы по желанію самого Любомірскаго, что онъ выслалъ (т. е. вѣрнѣе рѣшилъ выслать) съ этими жалобами одного протопопа въ Петербургъ, другаго въ Варшаву, а третьяго для наблюденія оставилъ въ Украинѣ [5]. Ѣздили-ль два протопопа съ этими жалобами—одинъ въ Петербургъ, другой въ Варшаву, мы не знаемъ, но жалоба, составленная

---

[1] Объ этомъ донесеніи король написалъ Смогоржевскому въ письмѣ къ нему отъ 19 (8) сентября 1782 г. Г. IV, № 303.

[2] Содержаніе этого донесенія изложимъ ниже.

[3] По всей вѣроятности онъ уѣхалъ въ Варшаву около половины сентября 1782 г. Письма къ нему Левинскаго прерываются съ половины августа и до конца марта слѣдующаго года.

[4] Арх. ун. м., кн. Г., IV, № 308, письмо Сушицкаго отъ 22 (11) октября.

[5] Арх. к. ч. 1, т. IV, стр. 644. Въ изданіи к. коммисіи это письмо неправильно приписано начальнику русскаго войска безъ обозначенія имени Любомірскаго, который прямо названъ (xięże Xawery) въ самомъ письмѣ. Неправильно также обозначено, что это письмо писано въ уніатскую консисторію. Оно помѣчено изъ Радомысля, т. е. изъ консисторіи, и очевидно послано не къ кому другому, какъ къ Смогоржевскому, находившемуся въ Варшавѣ.

теперь, дѣйствительно была подана въ синодъ и въ ней показано было 12 церквей смилянской протопопіи, съ которыхъ уніаты взимали королевскую подать [1]. Кромѣ того уніаты тогда же узнали и о другихъ дѣлахъ православныхъ, которыя произвели въ нихъ настоящій переполохъ. Еще въ августѣ или іюлѣ переяславскій епископъ Иларіонъ получилъ изъ синода указъ, въ которомъ прописанъ былъ приведенный уже нами громовой рескриптъ Екатерины Штакельбергу. 12 августа подписанъ былъ въ переяславской консисторіи указъ, въ которомъ изложенъ былъ и вышесказанный рескриптъ, и этотъ указъ консисторіи разосланъ былъ по духовнымъ украинскимъ правленіямъ. Духовныя правленія разослали его священникамъ, священники прочитали его въ церквахъ, а ревнители православія брали этотъ указъ или его копіи и читали народу на базарахъ [2]. «Корсунскій благочинный отдалъ мнѣ, писалъ Сушицкій, универсалъ неуніатовъ, который ходилъ по рукамъ въ его благочиніи и который я прилагаю при семъ. Его (неуніаты) читаютъ вездѣ, даже по базарамъ, на ярмаркахъ, толкуютъ его по своему, и этимъ не мало смущаютъ и обманываютъ народъ» [3]. «Заграничные указы, даже съ позоромъ для русскаго посла смѣло читаютъ по базарамъ и ярмаркамъ, и тѣмъ удобнѣе бунтуютъ простой народъ»—занесъ Смогоржевскій въ дополненіе къ своему описанію Украины [4].

Кто бунтовалъ народъ и какимъ образомъ, объ этомъ уніаты сохранили весьма подробныя извѣстія. Извѣстія эти проникнуты одною основною мыслію—показать, какъ подъ видомъ православія разрушаются всѣ основы государственной и общественной жизни, но рядомъ съ этою основною мыслію

---

1 Жалоба эта упоминается въ д. арх. св. с. 1785, № 98.

2 Арх. ун. м., кн. Г., IV, № 294, подлинный указъ переяславской консисторіи корсунскому протопопу Даніилу Адамовичу, какимъ-то образомъ доставшійся уніатскому корсунскому благочинному. На экземплярѣ этомъ сохранились явные слѣды того, что онъ часто былъ въ рукахъ и, очевидно, простыхъ, рабочихъ рукахъ. Уніаты добыли и копію подобнаго указа, посланнаго синодомъ кіевскому митрополиту Гавріилу. Тамъ же, № 207. Ее добылъ въ Кіевѣ Любинскій, когда ѣздилъ къ Румянцеву. Тамъ же, № 312.

3 Тамъ же, № 308.

4 Тамъ же, № 262.

противъ воли собирателей этихъ извѣстій уясняется и возрожденіе Украины къ общерусской жизни. Мы приведемъ всѣ эти извѣстія въ возможно большей полнотѣ и точности.

Православные монастыри, надѣлавшіе уніатамъ столько бѣдъ по дѣлу о королевской дани, и составлявшіе теперь какъ бы тихіе, недоступные уніатамъ, оазисы на взволнованной уніатскимъ фанатизмомъ Украинѣ, были и теперь, какъ прежде, предметомъ особенной ненависти уніатовъ. Два монастыря выдвинулись теперь главнымъ образомъ въ ихъ глазахъ, и, конечно, не безъ основанія,—это корсунскій и богуславскій, питавшіе духовною православною пищею двѣ самыя мятежныя, по мнѣнію уніатовъ, области—Смилянщину и Бѣлоцерковщину. «Едва ли не большая половина окрестныхъ жителей исповѣдывается передъ пасхой въ богуславскомъ монастырѣ», говорится въ одномъ уніатскомъ донесеніи [1]. Въ другомъ донесеніи говорится, что иноки богуславскаго монастыря были вмѣстѣ съ священниками виновниками того, что народъ въ окрестныхъ приходахъ отказался отъ уніи, и что поэтому панскій комиссаръ призвалъ къ себѣ игумена и настойчиво требовалъ, чтобы онъ не возмущалъ народа [2]. Корсунскій монастырь былъ въ глазахъ уніатовъ еще болѣе вреднымъ. «Всѣ непріятности нашимъ священникамъ причиняютъ неуніатскіе монастыри, говорится въ третьемъ уніатскомъ донесеніи. Они даже вѣнчаютъ свадьбы. Такъ и въ настоящемъ (1782 или 3) году во время моей визиты передъ (великопостными) заговинами, корсунскій игуменъ повѣнчалъ одинъ бракъ. Они принимаютъ народъ и на пасхальную исповѣдь. Такъ, во время благочинническаго соборика въ Корсунѣ, на которомъ и я находился, священники показывали длинные списки исповѣдывавшихся въ корсунскомъ монастырѣ, по сто и больше душъ. Они (монастыри) бунтуютъ народъ, говорятъ народу, чтобы онъ не учился у нашихъ священниковъ символу вѣры, не слушалъ ихъ поученій въ церквахъ, и такъ богохульствуютъ противъ уніи, что этого не могъ бы стерпѣть даже разумный неуніатъ» [3].

---

[1] Кн. Г., IV, № 263.
[2] Тамъ же, № 264.
[3] Тамъ же, № 214.

Священники безмѣстные, такъ называемые чиншовники, т. е. нанимавшіе землю у помѣщиковъ и затѣмъ не имѣвшіе опредѣленнаго мѣстопребыванія, дѣлали уніатамъ еще большее зло. «Первые виновники прельщенія и заблужденія народа—это неуніатскіе священники, сидящіе на (наятой) землѣ, и нѣкоторые изъ нихъ завѣдывающіе приходами. Они при своихъ частыхъ посѣщеніяхъ крестьянъ и въ разговорахъ съ ними употребляютъ разные способы, чтобы омерзить въ ихъ глазахъ католическую вѣру, осмѣливаются даже кощунствовать и говорятъ (чего въ самой Россіи никто изъ разумныхъ людей никогда не скажетъ), что уніатскія таинства не важны». «Они васъ, говорятъ они народу, мажутъ не св. мѵромъ, а гусинымъ саломъ». «Причастіе (уніатское), говорятъ они, у нихъ не важно, но тоже, что брага.... [1]. Католики—это ругатели (Христа); они, какъ жиды, становятся передъ Христомъ на колѣни. Они не возстанутъ на страшный судъ».

«Такія-то мысли и подобныя имъ они внушаютъ простому народу и этимъ возбуждаютъ въ немъ отвращеніе къ католической вѣрѣ, ненависть къ католикамъ, и признаютъ ихъ первѣйшими врагами своими и своей вѣры. Исповѣдь уніатскую они тоже признаютъ не важною, а приказываютъ приходить на исповѣдь къ нимъ.... [2]. Эти же неуніатскіе священники, сидящіе по деревнямъ, обходятъ крестьянъ съ молитвой передъ Рождествомъ, Пасхой, а также съ святой водой послѣ Богоявленія, а уніатскіе молитвы и водосвященіе объявляютъ неважными, и хотя бы уніатъ говорилъ народу самыя лучшія поученія, и народъ сталъ по немногу внимать имъ, то эти противныя внушенія неуніатовъ загасятъ это хорошее ученіе, какъ гаситъ вѣтеръ свѣчу» [3].

Этотъ бунтъ православныхъ, какъ очевидно, главнѣйшимъ образомъ религіозный, уніаты обставили извѣстіями, не оставлявшими, по ихъ мнѣнію, никакого сомнѣнія, что рѣчи посполитой готовится чисто гражданское зло—повтореніе уманской смуты. Въ ихъ донесеніяхъ, обыкновенно, на первомъ мѣстѣ, ставится воспоминаніе объ ужасной, уманской рѣзнѣ и

[1] Слѣдуетъ очень неприличное сравненіе.
[2] Слѣдуетъ о богуславскомъ монастырѣ, что выписано нами выше.
[3] Кн. Г., IV, № 263, подобныя дѣла описываются и въ № 268.

затѣмъ передъ изложеніемъ современныхъ событій говорится, что и теперь готовится таже смута, таже рѣзня. Эти данныя представила имъ въ богатомъ количествѣ мѣстность около Богуслава. Одинъ изъ священниковъ этой мѣстности, поступившій послѣ смерти жены въ богуславскій монастырь, взволновалъ народъ въ селѣ Дескахъ; прихожане отказались отъ навязаннаго имъ уніата; инокъ освятилъ имъ церковь и народъ принялъ присягу, что не приметъ уніи. За этимъ приходомъ отпалъ отъ уніи и другой, давно искавшій случая отдѣлаться отъ уніатскаго священника. Случай этотъ представился на пасхѣ (1782 или 1783 г.), когда уніатскій священникъ по обычаю латинянъ пошелъ съ крестнымъ ходомъ по солнцу. Народъ отказался признавать этого священника своимъ, сталъ обращаться съ требами къ безмѣстному православному священнику, и на увѣщаніе уніатовъ отвѣчалъ одно: что̀ будетъ дещанамъ, то и намъ. Въ селѣ Мироновкѣ прихожане сами отперли церковь, запертую уніатомъ, уѣхавшимъ на конгрегацію, устроили ее по православному и ввели чиншоваго православнаго священника, который сталъ служить въ ней. Уніатскаго благочиннаго, который пріѣхалъ возстановлять унію, они не пустили въ церковь и, взявъ за руки, отвели отъ нея. Пріѣхалъ было какой-то управляющій и сталъ убѣждать, но они не хотѣли его слушать, сказавъ ему лишь: такъ намъ угодно. «Когда этимъ прихожанамъ сошло это дѣло съ рукъ, продолжаетъ составитель донесенія изъ Украины, то подобнымъ же образомъ отняла у уніата ключи и громада медвинская. Намѣстникъ этого села сейчасъ же призвалъ ее въ помѣщичій дворъ. Всѣ толпой пришли къ нему. Онъ ихъ спрашивалъ, что это они дѣлаютъ? Они ему отвѣтили: дайте намъ вѣру. Онъ имъ говорилъ: вы имѣете вѣру одну съ нами, или развѣ мы невѣрные?—Мы не знаемъ этого, отвѣтили они».

Во всѣхъ тѣхъ уніатскихъ извѣстіяхъ о настроеніи православнаго духовенства и народа того времени, какія намъ удавалось читать, мы нашли указанія только на два факта, которые, если справедливы, могли возбуждать серьезную тревогу. Православный священникъ, Іоаннъ Стоцкій, бывшій сначала священникомъ въ Корсунѣ, а затѣмъ жившій на чиншѣ, виновенъ, записали уніаты въ 1782—6 г. не только въ томъ, что

вооружаетъ народъ противъ уніи, утверждая, напримѣръ, что исповѣдь у уніатскаго священника недѣйствительна, такъ какъ въ уніатѣ обитаетъ, по его мнѣнію, дьяволъ, слѣдовательно, «како можетъ, говорилъ Стоцкій народу, сатана сатану розришиты», но виновенъ еще и въ слѣдующемъ преступленіи: «въ присутствіи достойныхъ вѣры людей, которые готовы быть свидѣтелями, если понадобится, онъ громко говорилъ: вы считаете Желѣзняка рѣзуномъ (мясникомъ, головорѣзомъ), а я его признаю равноапостольнымъ (!) и всегда полагаю за него частицу, когда служу обѣдню; ...здѣсь была бы тьма, если бы онъ не ввелъ (!) православной вѣры» [1]. Что этимъ хотѣлъ сказать Стоцкій: то ли, что онъ считалъ рѣзню пригоднымъ средствомъ для поддержанія православія, или, что Желѣзнякъ вовсе не былъ такимъ рѣзуномъ, какимъ его представили поляки, неизвѣстно. Другое заявленіе, извѣстное по уніатскимъ памятникамъ, было еще болѣе дурнаго качества. Его сдѣлала таже медвинская громада, о которой была рѣчь выше. Когда управляющій, неудовлетворившійся воплемъ народа: дайте намъ вѣру, и вѣроятно возмущенный отказомъ его признать поляковъ христіанами, продолжалъ твердить: «что это вы дѣлаете, вѣдь это вы начинаете дѣлать бунтъ, какъ было во время рѣзни (уманской)?» то на это они отозвались, продолжаетъ составитель донесенія о бунтѣ народа около Богуслава: «будемъ може и ризати». «Словомъ,» заключаетъ составитель донесенія, «нужно употребить всѣ силы, чтобы задавить это возстаніе (противъ уніи), потому что если (отъ чего оборони Богъ) сойдетъ съ рукъ дещанамъ это отступничество, то нѣтъ сомнѣнія, что вся Украина пожелаетъ сдѣлать тоже» [2].

Вся Украина дѣйствительно желала сдѣлать тоже, но не бунтъ, не рѣзню, о которыхъ въ дѣйствительности и не думала, а желала сдѣлать то великое, историческое дѣло, за которое такъ достойно возвеличивается Богданъ Хмѣльницкій. Украина желала вмѣстѣ съ православіемъ возстановить свое народное единеніе съ Россіей, въ чемъ ей такъ безжалостно и такъ долго отказывала запутанная, тогдашняя дипломатія.

[1] Арх. ун. м., кн. К., XI, № 625.
[2] Тамъ же, кн. Г., IV, № 264.

Вотъ два обвинительныхъ пункта, внесенныхъ Смогоржевскимъ, въ числѣ другихъ, въ дополненіе его донесенія, въ доказательство пагубныхъ дѣйствій православныхъ украинскихъ священниковъ,—дѣйствій, которыя въ дѣйствительности имѣли совсѣмъ другой смыслъ: «1) на богослуженіи они торжественно провозглашаютъ имена заграничныхъ царствующихъ особъ, да еще впереди имени царствующаго въ этомъ отечествѣ государя; 2) они подписываютъ и утверждаютъ клятвой обязательство соблюдать вѣрность, повиновеніе, тайну и даже подданство заграничному престолу [1].» При всѣхъ пунктахъ этого донесенія указываются документы, изъ которыхъ весьма многихъ нѣтъ, но документы, указываемые при этихъ пунктахъ, къ счастію, сохранились въ той же рукописной книгѣ, въ которой помѣщено и это дополненіе донесенія Смогоржевскаго. Первый пунктъ обвиненія основывался на формѣ поминанія лицъ за обѣдней, доставленной Сушицкимъ изъ Смилы, когда онъ тамъ былъ на панихидахъ по женѣ Любомірскаго [2], и въ ней дѣйствительно имена русскихъ особъ впереди польскаго короля, да еще къ имени Екатерины прибавлено, т. е. оставлено, какъ было въ русской формѣ: государыню нашу [3]. Что касается втораго обвинительнаго пункта, то онъ основанъ на присягѣ, приносимой русскими священниками при ихъ рукоположеніи на вѣрноподданство русскому государю [4]. Такимъ образомъ, православные священники переяславскаго рукоположенія были въ дѣйствительности и русскими и польскими под-

---

1 Тамъ же, № 262.

2 Тамъ же, № 319 littr. J J, § 20.

3 Вотъ эта форма: Благочестивѣйшую, самодержавнѣйшую, великую государыню *нашу*, императрицу, Екатерину Алексѣевну всея Россіи, и наслѣдника ея, благовѣрнаго государя, цесаревича и великаго князя Павла Петровича, и супругу его благовѣрную государыню и великую княгиню Марью Ѳеодоровну и наслѣдниковъ ихъ благовѣрныхъ государей и великихъ князей, Александра Павловича, Константина Павловича, и великаго державнаго короля нашего Станѣслава Августа и свѣтлѣйшаго князя Ксаверія (Любомірскаго) да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ.... Дальше поминаніе святѣйшаго синода, переяславскаго архіерея, священства, монашества, правительствующаго синклита, военачальниковъ, градоначальниковъ, христолюбиваго воинства, создателей храма и всѣхъ православныхъ христіанъ. Тамъ же, при № 232.

4 Тамъ же, №№ 274 и 275; 315, подлинникъ.

данными, но русскими прежде. Народъ православный постоянно слышалъ эту новую теорію государственнаго устройства и, конечно, по простотѣ и цѣльности своего пониманія и убѣжденій, признавалъ себя принадлежащимъ Россіи, а не Польшѣ. Съ польской точки зрѣнія это, безъ сомнѣнія, былъ величайшій бунтъ, но съ русской и даже просто исторической это было самое консервативное, строго историческое направленіе украинской жизни. Что было въ этомъ направленіи дѣйствительно дурнаго, чего нельзя оправдать никакими видами и затрудненіями политики, это насильственная задержка этого направленія и постоянное раздраженіе украинскаго народа польскимъ фанатизмомъ многочисленныхъ видовъ. Задержка эта выработала, между прочимъ, одинъ типъ людей, превосходно очерченныхъ въ одномъ уніатскомъ донесеніи,—людей, которыхъ набиралось съ теченіемъ времени больше и больше. «Недавніе отступники отъ св. единенія, доносилъ одинъ изъ уніатскихъ визитаторовъ, сидящіе по деревнямъ, лѣсамъ, на мельницахъ (безмѣстные священники), на сколько я присмотрѣлся къ ихъ жизни, по всей справедливости могутъ быть названы лѣнтяями страны, потому что они не знаютъ ни заграничной, ни здѣшней власти надъ собою. Такъ въ Грищинцахъ, въ каневскомъ благочиніи одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «колысь то я бувъ благочестывы (православный), якъ була благочестыя, а теперь я ани благочестывы, ани уніатъ, а самъ соби и нидокого не належу. Другой въ Ходоровѣ, когда я его убѣждалъ, чтобы онъ возвратился въ унію, отвѣтилъ: нехай но (пусть) соби еще погуляю, бо насъ Переяславъ (переяславскій епископъ) не переглядае, а до Радомысля (уніатскаго митрополита) не належимо, и такъ я теперь никого не боюся» [1]. Но это зло давно сознавалось православными и они сами указывали на мѣру, необходимую для благоустройства православныхъ дѣлъ Украины. Мы видѣли, что еще во времена Мельхиседека православные украинцы дурно отзывались о священникахъ волошскаго ставленія. Если они держались ихъ часто, то потому, что это было необходимо и потому, что эти священники поддерживали крѣпкій обычай украинцевъ—избирать самимъ своихъ священниковъ. Но ко-

[1] Тамъ же, № 214.

гда украинцы имѣли довѣріе къ высшей церковной власти, какъ къ Мельхиседеку, Гервасію, Іову они охотно повиновались ихъ власти и даже вынуждали держать ихъ подъ этою властію. Можно даже сказать, что едвали гдѣ въ другомъ мѣстѣ Россіи высшая духовная власть окружена была такимъ глубокимъ уваженіемъ и покорностію. Недаромъ правитель Кондрацкій съ такою торжественностію указывалъ на указъ переяславской консисторіи и такъ возвеличивалъ эту консисторію, называя ее пресвѣтлою. Желаніе благоустроить свои церковныя дѣла, имѣть полное духовное управленіе было глубокимъ желаніемъ въ Украинѣ и раздѣлялось даже тѣми самыми людьми, которые говорили: нехай но еще погуляю, никого небоюся. На это желаніе, какъ мы видѣли, указывалъ Сушицкому Любомірскій, говорившій ему, что необходимо, чтобы въ Украинѣ у православныхъ былъ свой епископъ. Любомірскій говорилъ это, конечно, со словъ самихъ православныхъ. Смогоржевскій, крайне дурно отзывавшійся о православныхъ священникахъ и собравшій противъ нихъ въ своемъ донесеніи множество обвиненій, поставилъ, между прочимъ, и то обвиненіе, что они желаютъ имѣть неуніатскаго епископа въ Польшѣ [1].

Перебирая эти извѣстія о неодолимомъ противодѣйствіи украинскаго народа уніи и объ усиліяхъ его сохранить и благоустроить свою православную церковь, невольно приходится останавливаться надъ вопросомъ: неужели никто изъ уніатовъ не оцѣнилъ безпристрастно этого законнѣйшаго стремленія украинскаго народа и не отнесся къ нему съ уваженіемъ и человѣчностію? Мы видѣли, что Смогоржевскій вынужденъ былъ сдѣлать важный, сравнительно съ своими предшественниками, шагъ впередъ—призналъ законное существованіе древле православныхъ, которыхъ не думалъ трогать; но это признаніе было не искреннимъ и въ существѣ дѣла сводилось на одни православные, украинскіе монастыри, а всѣ православные приходы объявлялись подлежащими принудительному переводу въ унію. Мы видѣли, что взглядъ Любомірскаго на это дѣло былъ гораздо шире. Онъ признавалъ нетолько законнымъ дѣйствительное пребываніе въ православіи, но допускалъ и

[1] Кн. Г., IV, № 262, а также, № 319, litt. O. O., § 7.

облегчалъ возвращеніе въ православіе насильно обращенныхъ въ унію и даже принималъ во вниманіе желаніе народа быть православнымъ. Что же касается уніи, то онъ и ея существованіе считалъ законнымъ, допускалъ даже распространеніе ея, но силою примѣровъ доброй жизни и силою проповѣди. Въ умѣ его зародилась даже мысль о примиреніи, объединеніи сердецъ разрозненнаго народа,—православныхъ и уніатовъ. Мы знаемъ далѣе, что мысль о примиреніи, объ единеніи сердецъ раздѣленнаго народа занимала и другаго украинскаго пана—Станислава Понятовскаго, предложившаго, какъ бы воспроизвесть въ Каневѣ кіевскую святыню и дать въ ней народу умиротвореніе уніи и православія; но это было слишкомъ внѣшнее, своекорыстное пониманіе дѣла и соединено было даже съ обидой для Смогоржевскаго. Смогоржевскій, страстный охотникъ къ постройкамъ, строилъ тогда въ Варшавѣ уніатскую церковь, готовя тамъ, очевидно, средоточіе церковнаго уніатскаго управленія и удобное мѣстопребываніе для себя. Понятовскій колко замѣтилъ, что строиться бы нужно было не въ Варшавѣ, а въ Украинѣ, въ Каневѣ. Смогоржевскій внесъ, какъ мы уже замѣтили, это предложеніе въ число своихъ проектовъ, но не отнесся къ нему съ обычною своею страстностію. Конечно, онъ понялъ, что Понятовскій указываетъ ему на самую его больную сторону—тягу къ Польшѣ, къ латинству, причемъ, разумѣется не могло быть рѣчи о дѣйствительномъ примиреніи православныхъ и уніатовъ. Смогоржевскій даже ввелъ новое названіе уніатовъ, закрывавшее ихъ существованіе, какъ людей особаго вѣроисповѣданія, называлъ унію католичествомъ, а себя и всѣхъ уніатовъ католиками. Люди, окружавшіе его были того же направленія, тѣже католики. Мы видѣли, что даже Лисовскій усвоилъ это названіе и, угождая Смогоржевскому, искалъ въ средѣ бѣлорусскихъ уніатовъ добрыхъ католиковъ. Такъ далеко ушли уніаты временъ Смогоржевскаго отъ всего православнаго и русскаго!

Но чудовищность этого направленія давала себя всюду чувствовать и заставляла иногда уніатовъ лицемѣрно показывать, что они хотятъ итди обратно отъ Польши и Рима къ Россіи и православію. Такъ, въ началѣ волненій въ Дескахъ, когда на-

родъ возсталъ противъ навязаннаго ему уніата и показывалъ, что не хочетъ имѣть священника безбородаго, то уніатскій благочинный сейчасъ же согласился, чтобы дещанскимъ приходомъ завѣдывалъ священникъ бородатый [1]. Народъ, разумѣется, понималъ эту хитрость и нерѣдко обращалъ ее въ ничто [2]. Изъ множества уніатовъ, окружавшихъ Смогоржевскаго раздавалось въ Украинѣ, къ изумленію украинскаго народа и къ ужасу послѣдователей направленія Смогоржевскаго, изъ устъ только одного уніата, на сколько извѣстно по памятникамъ,—именно изъ устъ визитатора Туркевича [3]—робкое слово о сближеніи съ православіемъ и даже съ Россіей.

Когда на радомышльской конгрегаціи 1782 г. поднятъ былъ вопросъ о визитаціи всѣхъ приходовъ уніатской митрополіи и объ исправленіи уніатскаго духовенства, Туркевичъ былъ назначенъ визитаторомъ областей—бѣлоцерковской и каневской. Другіе визитаторы занялись отнятіемъ православныхъ церквей, сборомъ съ духовенства уніатскаго и православнаго разнаго рода даней. Туркевичъ избралъ себѣ главнѣйшимъ образомъ другое дѣло—проповѣдь народу. Вотъ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Напрасно наши священники жалуются на простой народъ. На сколько я могу судить по этому темному, взбаламученному неуніатами, пограничному углу (Каневщинѣ), народъ вездѣ былъ бы очень хорошимъ, если бы имѣлъ надлежащее просвѣщеніе христіанскимъ ученіемъ, которое онъ съ такою охотою и жаждою слушаетъ, что, какъ вездѣ почти я испытывалъ (и что собственно и было причиною всѣхъ моихъ непріятностей) радъ бы слушать цѣлый день и даже убѣждается въ истинности того, чему его учатъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ народъ, вышедши изъ церкви, говорилъ

---

[1] Кн. Г., IV, № 264.

[2] Тамъ же.

[3] Туркевичъ, по его собственнымъ словамъ, (увидимъ ниже) былъ родомъ изъ Подбережья (подольской области) и, видно, имѣлъ связи въ Галиціи. Въ 1768 г. онъ былъ оффиціаломъ луцкой епископіи и принадлежалъ къ львовской партіи уніатовъ. Замѣчательно, что въ томъ же 1768 г. онъ получилъ изъ Украины извѣстіе о гайдамакахъ, что они *соединяются* съ русскими войсками, чтобы вмѣстѣ съ ними идти противъ барскихъ конфедератовъ. Арх. ун. м., связка 441—письмо Туркевича изъ Варшавы отъ 15 іюня.

(это слышалъ каневскій благочинный): повидають (говорятъ) уніаты, а мы отъ благочистивыхъ того никогда не чулы; отъ правду мовитъ, якъ въ око колѣ. Но, объ чемъ нужно горько сожалѣть, это ученіе въ этомъ углу, (незнаю, какъ въ другихъ мѣстахъ) въ совершенномъ пренебреженіи. Изъ катехизическихъ вопросовъ вездѣ обнаруживалось до очевидности, что народъ не знаетъ даже самаго необходимаго и главными виновниками этого незнанія онъ признаетъ священниковъ и жалуется на нихъ, говоря: батьки (священники) насъ не училы, бо и сами не умилы (не знали); священники насъ не учатъ, а одъ когожъ мы моглыся научиты. Въ Германовкѣ, когда я на катехизаціи изложилъ, что подъ страхомъ потери спасенія долженъ знать христіанинъ, то крестьяне сказали: когдабъ наши священныки схотилы, за еденъ, велыки постъ можна бы ся всего того научиты [1]».

Что Туркевичъ дѣйствительно производилъ сильное впечатлѣніе на народъ, объ этомъ засвидѣтельствовалъ одинъ изъ его враговъ по убѣжденіямъ, доносившій на него Смогоржевскому. «Высокое, говоритъ онъ, образованіе украинскаго визитатора Туркевича, глубокое знаніе..... всегда будутъ достойны великой чести и уваженія [2]». Но Туркевичъ дѣйство-

---

[1] Кн. Г., IV, № 215. Тутъ же Туркевичъ приводитъ примѣры, до какой степени велико въ народѣ невѣденія самыхъ простыхъ вещей. «Не разъ случалось, что спрошенные на катехизаціи: что такое святая Тройца? отвѣчали: Маты Божая; а кто такой Христосъ? Тройця святая. Или, какъ въ другомъ мѣстѣ: христіанинъ ли ты? хрыстыанынъ; а вѣруешь ли ты въ Христа? вирую; а кто же такой Христосъ? а уже того не знаю. Умретъ ли душа? Богъ ее знае. Возстанетъ ли тѣло на судъ Господень? не встане, и такъ далѣе..... Что касается исповѣди, то простой народъ всю сущность ея полагаетъ въ томъ, чтобы священникъ прочиталъ съ ними: Исповѣдуюся Господу Богу и проч., какъ и мнѣ неразъ случалось слышать, когда я спрашивалъ: говорилъ ли ты свои грѣхи на исповѣди? мене священныкъ не пытавъ о грѣхи, и я не казавъ. Словомъ, можно сказать, что точно объ этой странѣ пророкъ сказалъ: людіе во тьмѣ сидящіи». Тамъ же. Туркевичъ слова малороссовъ приводитъ вездѣ на малороссійскомъ нарѣчіи и приводитъ удивительно правильно, хотя записываетъ ихъ польскими буквами. Мы не встрѣчали ни въ одномъ памятникѣ такой правильной передачи русской рѣчи польскими буквами. Туркевичъ, очевидно, былъ истый малороссъ.

[2] Тамъ же, № при № 238.

валъ сильно на народъ далеко не тѣмъ, что училъ однимъ обще христіанскимъ истинамъ, какъ бы выполняя этимъ полоцкій проектъ Смогоржевскаго о катехизаціи помимо вѣроисповѣдныхъ разностей, хотя, можетъ быть, Смогоржевскій и вызвалъ его на это дѣло. Туркевичъ не стоялъ на этомъ распутіи. Занявшись народомъ, онъ сейчасъ же показалъ, что заботится объ его благѣ. Во время визиты онъ, по свидѣтельству вышеуказаннаго врага своего, ревностно настаивалъ, что бы священники проповѣдывали народу [1]. Самъ Туркевичъ тоже говоритъ объ этомъ и такъ былъ убѣжденъ въ необходимости понудить къ этому священниковъ, что призывалъ Смогоржевскаго объявить постановленіе, что священникъ, необучающій народъ необходимымъ истинамъ вѣры, будетъ отрѣшаемъ отъ прихода [2]. Идя далѣе тѣмъ же путемъ, Туркевичъ смѣло затронулъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ вопросовъ уніатскаго церковно-экономическаго устройства,—вопроса о поборахъ духовенства съ народа, неразрывно связаннаго съ вопросомъ о поборахъ высшей іерархіи съ священниковъ. Вопросъ этотъ поднятъ былъ на радомышльской конгрегаціи (вѣроятно 1782 г.), но не былъ рѣшенъ. Туркевичъ во время визиты увидѣлъ необходимость разъяснить частицу его, касающуюся исповѣди, которая изъ за даваемыхъ при этомъ денегъ, превращалась часто въ великое глумленіе надъ христіанскимъ таинствомъ и религіознымъ чувствомъ человѣка. Туркевичъ получалъ свѣдѣнія, что при исповѣди бываетъ часто колотня (ссора) изъ за платы, и слышалъ просьбы народа: «нехай, панотче, при сповиди святой колотни не буде [3]». Колотня эта иногда принимала крайне дурныя формы. Такъ Туркевичъ указываетъ, что когда, дитя собирающееся идти на исповѣдь, приходитъ въ школу (помѣщеніе дьячка, пономаря, гдѣ иногда было и училище), чтобы получить билетикъ, дающій право подходить на исповѣдь къ священнику, то его не спрашиваютъ, знаетъ ли оно символъ вѣры, десять заповѣдей, а посмотрѣвъ, сколько дитя принесло денегъ за билетикъ, говорятъ: треба бильше, иды до дому,

---

[1] Тамъ же.
[2] № 215.
[3] Тамъ же, № 214, § 7.

еще принесы для дьяка, для поламаря и проч.; что изъ за денегъ нерѣдко больные умираютъ безъ исповѣди; что одинъ священникъ бросилъ по церкви гроши бѣдной вдовы, не могшей принести всей, назначенной за исповѣдь платы. Исповѣдь даже превращена была въ средство ко взысканію долговъ. «Какія нечестивыя бываютъ при исповѣди колотни изъ за долговъ! Тутъ иногда бываетъ больше нареканій, брани и проклятій, чѣмъ при экзекуціи у (несостоятельныхъ) арендаторовъ. Приходятъ къ священнику не только братчики и арестуютъ исповѣдь, но и арендарь (жидъ-корчмарь) идетъ къ нему съ бутылочкой водки и объявляетъ: пане господине, Иванъ мыни виненъ (долженъ) рубли N; я арештую сповидъ и прошу, абы, вашець, поки мыни не отдасть, его не сповидавъ [1]». Туркевичъ свидѣтельствуетъ, что эти-то порядки, между прочимъ, побуждаютъ уніатскій народъ идти на исповѣдь въ православные монастыри [2]. Въ виду всего этого, Туркевичъ рѣшился на шагъ, который ему потомъ, дорого стоилъ. Онъ сдѣлалъ этотъ вопросъ открытымъ, сталъ разсуждать объ немъ съ священниками, народомъ и даже предложилъ формальнымъ оповѣщеніемъ на бумагѣ, чтобы священники замѣнили плату за пасхальную исповѣдь одновременнымъ взносомъ крестьянами платы за всю семью [3]. Уніатскіе священники подняли вопль говоря, что имъ нечѣмъ будетъ платить податей (духовной власти и въ пользу короля). Они подняли противъ Туркевича даже народъ, воспользовавшись тѣмъ, что онъ предлагалъ, чтобы съ двора платили, напримѣръ, по рублю, что падало неуравнительно на малыя и большія семьи [4]. Наконецъ, они указали на такую опасную сторону дѣйствій Туркевича, которая должна была нанести ему самый большій вредъ. «Не уніатскіе священники издѣваются надъ этимъ, говорили они, и тщеславятся, что они и податей никакихъ небудутъ платить и отъ прихожанъ пользуются обычными доходами. Великое опасеніе, продолжали они, какъ бы зависть не овладѣла кѣмъ (изъ насъ) и не отторгла отъ вѣры (уніи) [5]». Но

[1] Тамъ же.
[2] Тамъ же.
[3] Тамъ же.
[4] Г, IV, №№ 214 и 238.
[5] Тамъ же, № 238.

въ дѣйствіяхъ Туркевича были стороны, несравненно опаснѣе всѣхъ подобнаго рода неудовольствій и зависти.

Въ своемъ отчетѣ Смогоржевскому о визитѣ Туркевичъ, между прочимъ, писалъ: «Въ этихъ пограничныхъ мѣстахъ я достаточно изслѣдовалъ, почему простой народъ льнетъ къ неуніатамъ? Единственно изъ за древняго обряда въ богослуженіи. Ни одинъ крестьянинъ на вопросъ: унія или благочестіе (православіе) было здѣсь прежде? не отвѣтитъ, что «благочестію трымалы» или «по благочестывому вирылы», а скажетъ: «благочестыя правилася (по православному служили)». Во время визиты, на вопросъ, какъ древня церковь, какіе при ней были первые священники и отъ кого зависѣли, старѣйшіе крестьяне чаще всего отвѣчали: «перши (первый) священныкъ нашъ належавъ до тутейшого консистора», или метрополиты и столове (подать столовая) тутъ отдававъ, але (но) благочестыю еще правывъ». Я помню еще изъ моего дѣтства, когда я былъ въ Подбережьѣ, что когда изданы были унеятскіе служебники, то между народомъ, а особенно между дьяками и болѣе простыми священниками, поднялся великій ропотъ. «Вотъ уже издана унія», говорили они. И такъ, если, съ одной стороны, это только нужно простому народу, а даже и священникамъ, и древнеправославнымъ и недавнимъ отступникамъ (отъ уніи), какъ объ этомъ говорили со мною нѣкоторые протопопы, и этого лишь требовали и подъ этимъ лишь условіемъ обѣщали перейти подъ власть вашего преосвященства; если, съ другой стороны, апостольскій престолъ въ правленіе блаженной памяти Венедикта XIV этотъ обрядъ утвердилъ и всѣмъ предложилъ служить такъ, какъ это пространно излагаетъ имѣющаяся у меня энциклика тогоже блаженной памяти Венедикта XIV, то я не вижу, какое можетъ быть препятствіе возстановить этотъ обрядъ, какъ онъ уже возстановленъ въ предѣлахъ цесаревскихъ (австрійскихъ). Если имѣется въ виду соблазнъ поляковъ, то можно написать въ Римъ, представить уважительныя причины, почему нужно такъ сдѣлать и, навѣрное Римъ дозволитъ, а затѣмъ резолюцію его напечатать по польски и по латынѣ и всюду разослать. Преобразованіе это нужно бы прежде всего произвесть въ архіепископіи (митрополичьей епархіи), а потомъ обязать къ этому и

другія епархіи. Если бы это было сдѣлано, то я готовъ отдать душу про закладъ, что всѣ бы (православные) возвратились (къ уніи). Неручаюсь лишь за монастырки, потому что они больше любятъ свободу, нежели иноческое послушаніе [1]».

Этими воззрѣніями Туркевичъ долеко ушелъ отъ большинства современныхъ ему, интеллигентныхъ уніатовъ, особенно отъ партіи Смогоржевскаго. Онъ примыкалъ, какъ видно и изъ его собственныхъ словъ, къ галицкимъ уніатамъ, гдѣ въ это время во Львовѣ былъ епископомъ Петръ Бѣлянскій, изъ не женатыхъ священниковъ, великій врагъ базиліанъ, котораго готовность дѣлать реформы доходила до крайностей, но при которомъ бѣлое духовенство успѣло возстановить и исправить много церковныхъ искаженій, произведенныхъ базиліанами [2]. Туркевичъ однако въ вышесказанномъ донесеніи не только не вѣрно изобразилъ воображаемое имъ безразличіе народа къ православію и уніи, но и себя представилъ не вѣрно. Въ дѣйствительности онъ гораздо дальше зашелъ. Доносъ на него Смогоржевскому Сушицкаго и собственныя слова Туркевича показали, что въ концѣ его проектовъ о преобразованіи уніи было православіе. Тѣ самые православные монастырки, за которыхъ онъ не ручался, что они перейдутъ въ преобразованную по его мысли унію, и въ которыхъ, по его словамъ, было больше любви къ свободѣ, нежели къ иноческому послушанію, привлекли его вниманіе и сочувствіе. Онъ посѣтилъ знаменитѣйшій изъ этихъ монастырей—мотренинскій, теперь уже сильно упавшій, и сблизился съ его игуменомъ Иринархомъ. «Будучи въ Мотренинѣ, я узналъ многое отъ присланнаго теперь архимандрита, какъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ я уже извѣстилъ васъ [3], пишетъ Туркевичъ къ Смогоржевскому, а о другихъ, если вы прикажите, разскажу лично. Когда я сказалъ архимандриту: напрасно вы г.г. (неуніаты) безпокоите правительства; лучше было бы намъ самимъ дру-

---

[1] Тамъ же, № 215, параграфъ 6.

[2] О Петрѣ Бѣлянск., см. № 1002, письма Левинск. отъ 21 декабря 1780 и письма Петра Бѣлянскаго отъ 26 октября 1780, 7 февраля и 16 мая 1781 г., а также № 872; № 1005—письмо его отъ 28 іюля 1786 г., а также кн. В, III, № 115—окружное посланіе Петра 1788 г.

[3] Къ сожалѣнію, мы не нашли этого письма.

желюбно найти какой либо способъ къ удовлетворенію жалобъ съ вашей стороны и съ нашей, то это ему очень понравилось, и онъ, цѣлуя меня, говорилъ: «колыбъ вы схотилы, а мы готовы». Затѣмъ онъ обѣщалъ дать обо мнѣ хорошій отзывъ въ Переяславль—своему епископу и всѣмъ своимъ друзьямъ [1]». Съ Переяславлемъ у Туркевича были связи и помимо мотренинскаго архимандрита. Секретаремъ у Туркевича былъ Строцкій, сынъ православнаго священника. Смогоржевскій, дѣлая выговоръ Туркевичу за его дѣйствія по вопросу о пасхальной исповѣди, высказываетъ, между прочимъ, досаду, что Строцкій не пишетъ ему донесеній, хотя, вѣроятно, имѣетъ не мало извѣстій отъ своего отца [2]. Строцкій, очевидно, данъ былъ Туркевичу съ тѣмъ, чтобы доносить, что дѣлается въ православномъ мірѣ [3]. Но, къ крайнему своему изумленію и огорченію, уніаты узнали, что Строцкій исполняетъ совершенно противоположныя обязанности,—онъ доноситъ православнымъ обо всемъ томъ, что дѣлается во время визиты и что секретно замышляется противъ нихъ уніатами [4]. Мало того, уніаты узнали, что самъ Туркевичъ слишкомъ ужъ часто сносится съ Переяславлемъ, что онъ слишкомъ близокъ съ переяславскимъ земскимъ подсудкомъ Гурковскимъ, что по совѣту этого Гурковскаго онъ бросилъ визиту бѣлоцерковскаго и каневскаго благочиній, ѣздилъ въ мотренинскій монастырь, гдѣ игуменъ торжественно принималъ его и, хваля его, говорилъ, что выхлопочетъ ему у кіевскаго митрополита крестъ [5]. Доносъ этотъ находилъ себѣ сильнѣйшее подтвержденіе въ одномъ пунктѣ донесенія Смогоржевскому самого Туркевича. Это пунктъ объ его отъѣздѣ въ мотренинскій монастырь, часть котораго мы уже привели. Тамъ

---

[1] Кн. Г, IV, № 215, параграфъ 7.

[2] Тамъ же, при № 238.

[3] Смогоржевскій обзаводился доносчиками въ разныхъ мѣстахъ. Кромѣ упомянутыхъ уже нами лицъ въ русскомъ посольствѣ, пріобрѣтенныхъ ему Левинскимъ, тотъ же, Левинскій въ началѣ 1784 года получалъ тайно изъ Переяславля секретныя донесенія переяславскаго архіерея. Арх. ун. м. № 990—письмо Левинскаго, отъ 15 Января. Для этой же службы былъ призванъ и Строцкій.

[4] Кн. Г, IV, при № 238, доносъ на Туркевича.

[5] Тамъ же.

говорится еще, что мотренинскій игуменъ, обѣщая дать ему рекомендацію въ Переяславль, «остерегалъ меня, пишетъ Турковичъ, чтобы я, если буду въ Кіевѣ, не вступалъ въ сношенія съ Мельхиседекомъ, но посовѣтовался бы объ этомъ дѣлѣ (миролюбивомъ устройствѣ дѣлъ между православными и уніатами) съ инокомъ—секретаремъ консисторіи, который родомъ полякъ (изъ Польши), котораго хвалятъ наши благочинные, и который дѣйствительно расположенъ къ намъ. Поэтому, не угодно ли вамъ, чтобы я выѣхалъ съ кѣмъ либо изъ благочинныхъ за границу подъ предлогомъ, что ѣду съ бумагами и для свиданія съ г. Гурковскимъ, а въ дѣйствительности для развѣдыванія у нихъ (православныхъ), что они предпринимаютъ противъ насъ. Я желалъ бы совершить эту поѣздку передъ прибытіемъ (въ Кіевъ) свѣтлѣйшей государыни (Екатерины) и прошу васъ прислать паспортъ [1]». «Сомнѣваться на счетъ ксендза Туркевича, говорится въ доносѣ, представляетъ сильный поводъ не давно присоединившійся (къ уніи) священникъ Григорій Корниловичъ, который прежде былъ писаремъ у Туркевича и по его совѣту ѣздилъ въ Переяславль рукопологаться, и дѣйствительно рукоположенъ. Объ этомъ онъ самъ говорилъ передъ нѣкоторыми [2]». Всѣ эти намѣренія Туркевича были разгаданы во время и онъ, конечно, былъ удержанъ и отъ поѣздки въ Кіевъ и отъ другихъ затѣй. Онъ подверженъ былъ слабости (запивалъ) [3], которая давала возможность во всякое время взять его въ руки. Въ ближайшее затѣмъ время (1786—7) мы встрѣчаемъ его на болѣе прямомъ пути къ осуществленію его мыслей о преобразованіи уніи—встрѣчаемъ въ Бѣлоруссіи, подлѣ Лисовскаго.

Туркевичъ какъ это мы надѣемся показать въ другомъ трудѣ, обнаружилъ своими дѣйствіями направленіе, которое давно уже развивалось въ средѣ уніатовъ и которое потомъ уже не исчезало до самого конца западно-русской уніи, какъ не исчезаетъ и теперь въ средѣ галицкихъ и холмскихъ уніатовъ; но для Смогоржевскаго это направленіе не имѣло смысла. Онъ тѣснѣе и тѣснѣе завязывалъ связи съ Польшей, латин-

[1] Кн. Г, IV, № 215, параграфъ 7.
[2] Тамъ же, при № 238.
[3] Тамъ же, доносъ и письмо Смогоржевскаго.

ствомъ. Съ королемъ, нунціемъ, латинскими епископами Польши, даже съ женщинами открытой распущенности, которыми былъ окруженъ послѣдній польскій король, онъ былъ въ самыхъ близкихъ, задушевныхъ отношеніяхъ [1]. Во время пребыванія своего въ Варшавѣ, въ концѣ 1782 года, онъ также, какъ и прежде, фанатически относился къ украинскому православію и старался всѣми силами укрѣпить въ этомъ направленіи польское правительство. Въ концѣ 1782 г. онъ подалъ королю свое донесеніе о состояніи Украины, на которое мы уже не разъ указывали. Въ этомъ донесеніи онъ представляетъ, что въ Малороссіи съ древнихъ временъ была унія, но народныя смуты истребляли ее, однако по прекращеніи ихъ она опять стала процвѣтать и все было мирно до того времени, когда въ дѣла вмѣшалась иноземная духовная власть, а паны, по своекорыстнымъ разсчетамъ, стали поддерживать схизму, вслѣдствіе чего появилось множество отступниковъ отъ уніи,—священниковъ, и число ихъ увеличилось рукоположенными въ Переяславлѣ и Валахіи, которые приготовили извѣстную уманскую рѣзню и теперь готовятъ тоже. Прекращеніе иноземнаго духовнаго управленія Украиной, внушеніе панамъ поддерживать унію и изгнаніе изъ Украины безмѣстныхъ православныхъ священниковъ— вотъ существенныя задачи, которыя предлагалъ Смогоржевскій польскому правительству и отъ рѣшенія которыхъ онъ ожидалъ полнаго умиротворенія и благоденствія Украины, но прежде всего слѣдовало, по мнѣнію Смогоржевскаго, обуздать главнѣйшаго виновника украинской религіозной смуты, князя Ксаверія Любомірскяго [2]. Въ этомъ же донесеніи есть основаніе для предположенія, что Смогоржевскій кромѣ польскаго правительства дѣйствовалъ и на польскій судъ. Онъ упоминаетъ о полученномъ имъ извѣстіи, что люблинскій трибуналъ поручилъ генералу Кошутскому дѣйствовать противъ Любомірскаго [3], что̀ едвали было сдѣлано безъ участія Смогоржевскаго. По всей вѣроятности, онъ дѣйствовалъ и на частныхъ лицъ, особенно во время сейма. Можно даже ду-

[1] Письма Левинскаго переполнены извѣстіями объ этихъ отношеніяхъ.
[2] Арх. ун. м., кн. Г, IV, № 211 и 319.
[3] Тамъ же, № 211, параграфъ 11.

мать, что для нихъ то собственно и составлено было дополненіе къ донесенію, поданное королю (10 января) 30 декабря 1782 г. подъ названіемъ извлеченіе (restrictus) изъ вышесказаннаго донесенія. Въ этомъ извлеченіи или правильнѣе дополненіи сдѣлано существенное измѣненіе. Вопросъ объ иноземной духовной власти совсѣмъ оставленъ, а развиты лишь два вопроса, могшіе имѣть самое практическое значеніе. Все это дополненіе состоитъ изъ обвинительныхъ пунктовъ противъ апостатовъ (православныхъ священниковъ) и противъ князя Ксаверія Любомірскаго [1], и къ нему сдѣлано приложеніе, составлявшее описаніе содержанія документовъ, подтверждающихъ эти пункты [2].

Въ донесеніи Смогоржевскаго и дополненіи къ нему, можно сказать, изложенъ весь религіозно-гражданскій катихизисъ, которымъ всѣ должны руководствоваться въ Украинѣ [3]. Кати-

[1] Тамъ же, № 262.

[2] Тамъ же, № 319. Къ сожалѣнію приложеніе это безъ конца. Оно было, какъ и теперь часть его, въ концѣ рукописной книги и явно пострадало отъ перевозки. Оканчивается оно litt. B. B. B., тогда какъ въ ссылкахъ на него въ дополненіи къ донесенію указываются документы подъ liti. G. G. G. (два раза указываются).

[3] Извлеченіе изъ представленія митрополита объ отступникахъ и о князѣ Ксаверіѣ Любомірскомъ, поданное свѣтлѣйшему государю 10 января 1783 года.

Отступники, одни рукоположены католическими (уніатскими) епископами, а другіе, родившись и выросши въ католической вѣрѣ, но не имѣя возможности украсть въ католичествѣ рукоположенія, по своему происхожденію изъ рабскаго состоянія и по своему невѣжеству, бѣжали отъ родной своей вѣры, соединились съ мятежными не уніатами, и съ вредомъ для вѣры, помѣщиковъ и своего пастыря, купили себѣ священство то въ Переяславлѣ, то въ Валахіи. Изъ нихъ одни, движимые духомъ покаянія, возвратились въ католическую овчарню своего пастыря, но другіе, сильно поджигаемые заграничными не уніатами, преслѣдуютъ уніатовъ и, пользуясь соблазнительнымъ примѣромъ, а то и поддержкою помѣщиковъ, до сихъ поръ держатъ церкви, забранныя во время рѣзни; рукоположены нерѣдко гайдамацкіе вожди.

Они уже объявили, что по примѣру монастырей не будутъ платить въ казну вспомогательной подати.

(Говорятъ), что теперь они лучше прежняго приготовились отнимать остальныя церкви.

Собираютъ подписи на защиту вѣры силою.

Страшно глумятся надъ католическою вѣрою.

хизисъ этотъ неоспоримо былъ усвоенъ многими. Подчиненные Смогоржевскаго очень часто въ эти времена (1783—4) обращались къ разнымъ панамъ и ихъ управителямъ съ просьбами

Желаютъ имѣть въ Польшѣ не уніатскаго епископа.

Смѣло объявляютъ по базарамъ и ярмаркамъ заграничные указы, даже къ безчестію посла (русскаго) и этимъ еще успѣшнѣе бунтуютъ народъ.

Провозглашаютъ на богослуженіи имена заграничныхъ, царственныхъ особъ, да еще прежде имени царствующаго въ отечествѣ государя.

Подписываютъ и утверждаютъ клятвою обязательство соблюдать вѣрность, повиновеніе, тайну и даже вѣрноподданство иностранному престолу.

Въ церкви оситнячской, недавно отнятой у уніатовъ, выбросили дары изъ цыборія и изъ чаши и сожгли. Къ справедливому отмщенію за это преступленіе благочестиво призываетъ всѣхъ вся околица съ вице-бригадиромъ Гадзевичемъ во главѣ.

Сами они должны признать, что отняли (у уніатовъ) по крайней мѣрѣ тѣ церкви, которыя поименованы въ особыхъ записяхъ (пановъ); гдѣ не могли отнять самыхъ церквей, тамъ забрали, по крайней мѣрѣ, половину утвари. Апостольствуя съ палкой у церковныхъ дверей, осмѣлились возвращать назадъ отъ уніатской церкви народъ.

Осмѣлились безъ стыда увѣрять переяславскаго епископа, будто въ Смилѣ насильно отнята на унію церковь, которую самъ князь Ксаверій одною бумагою призналъ принадлежащею уніатамъ, — другой возвратилъ ее имъ и наконецъ убѣжденный въ (правотѣ?) уніи торжественнымъ засвидѣтельствованіемъ народа (пановъ?) самъ мирно ввелъ въ нее уніатовъ и послѣдовавшимъ въ ней затѣмъ богослуженіемъ достохвально и необычайно обрадовалъ всѣхъ своихъ домашнихъ католиковъ и гостей.

Князь Ксаверій Любомірскій разрушилъ въ самомъ основаніи братскую доброжелательность и справедливость по отношенію къ св. уніи. Пренебрегалъ заявленіемъ прихожанъ въ пользу католической вѣры (уніи).

Не обращалъ вниманія на ясныя въ пользу не уніатовъ презенты отца, братьевъ и пановъ (wspołobywatelskie).

Издавалъ приказанія отнимать у уніатовъ церкви.

Черезъ своихъ подчиненныхъ отрывалъ католическаго (уніатскаго) служителя отъ алтаря и изгонялъ изъ села.

Совѣтовалъ отсупникамъ поддѣлать ключь, чтобы отпереть уніатскую церковь.

Дозволялъ не уніатамъ брать половину уніатской утвари изъ церкви.

Раздавалъ за деньги уніатскія церкви болѣе богатымъ отступникамъ и когда тѣ требовали возврата денегъ (когда не получали церквей), то онъ и противъ своей воли, принужденъ былъ исполнять ихъ желанія.

Учитъ и подущаетъ апостатовъ не платить въ казну вспомогательной подати, отъ которой они будто бы освобождены закономъ и трактатомъ.

въ смыслѣ того донесенія Смогоржевскаго [1]. Но этотъ катихизисъ принесъ зрѣлые плоды, какъ увидимъ, къ концу жизни Смогоржевскаго (умеръ 1788 г.). Въ 1783—4 годахъ онъ не могъ произвесть большаго дѣйствія. Въ то время сильно поднялась партія, враждебная королю, которая, при всемъ своемъ

Самъ желаетъ, чтобы въ Польшѣ былъ дизунитскій архіерей и отступникамъ совѣтуетъ (просить этого).

Не наказалъ, а напротивъ хотѣлъ покрыть извиненіемъ и мировой позорное преступленіе отступниковъ въ Оситнячкѣ по отношенію къ святѣйшей евхаристіи, хотя хорошо зналъ объ ономъ, какъ свидѣтельствуетъ вице-бригадиръ Гадзевичъ, благочестиво взывающій о мщеніи со всею околицей.

Объявляетъ и хвалится ко всеобщему соблазну, что для помѣщиковъ больше и вѣрнѣе доходъ отъ отступниковъ, нежели отъ арендаторовъ.

Держитъ на чиншѣ отступниковъ, даже заграничныхъ и черезъ своихъ подчиненныхъ содѣйствуетъ имъ поднимать бунтъ противъ уніатовъ.

Не имѣетъ отвращенія дозволять отступникамъ совершать ихъ богослуженіе даже въ собственномъ его дворцѣ.

Этого-то рода отступниковъ онъ назначаетъ къ католическимъ церквамъ, которые по требованію здравой политики и по законамъ страны не должны бы быть терпимы въ отечествѣ.

Получаетъ спасительные совѣты отъ хорошихъ сосѣдей, но не слушаетъ ихъ.

Не желаетъ какъ будто понять явной и чисто статистической разницы между отступниками и не уніатами.

Хвалитъ, хотя не искренно, пастырскія дѣла митрополита.

Очернилъ его передъ заграничнымъ, переяславскимъ епископомъ, а черезъ него жаловался на митрополита русскому послу и наконецъ черезъ это представилъ его виновнымъ передъ свѣтлѣйшимъ государемъ.

Неоднократно обѣщалъ, но до сихъ поръ не присылаетъ ни двору, ни митрополиту списка доказательствъ жалобы, поданной въ Переяславль.

Намѣренъ былъ собрать въ сентябрѣ и уже собиралъ своихъ отступниковъ для измышленія и записи жалобъ на уніатовъ.

Какимъ же образомъ до собранія и записи этихъ обидъ онъ могъ доносить 12 марта переяславскому епископу объ обидахъ, тогда ему еще неизвѣстныхъ? Или: какія жалобы на уніатовъ онъ можетъ представить двору и митрополиту, когда при записываніи ихъ въ сентябрѣ онъ не нашелъ другихъ обидъ, кромѣ единственной — безправнаго будто бы взиманія съ отступниковъ государственной подати?

Замышляетъ и подготовляетъ уніатамъ мщеніе за то, что они по долгу службы и совѣсти вѣрно доносятъ своему пастырю о насиліяхъ и нечестіи отступниковъ. Кн. Г, IV, № 262.

[1] Арх. ун. м., кн 72, №№ 13—19, а также 21; кн. Г, IV, №№ 259 и 268.

фанатизмѣ къ Россіи и православію, не расположена была поддерживать Смогоржевскаго, столь близкаго друга короля. Этимъ, вѣроятно, нужно объяснять какую то нерѣшительность въ дѣйствіяхъ уніатовъ и ихъ друзей того времени. Подчиненные Смогоржевскаго, какъ мы видѣли, сильно боялись тогда за существованіе уніи во всей Украинѣ, а польскіе друзья ихъ колебались принимать сильныя мѣры [1]. На это, впрочемъ, были и другія причины. Ксаверій Любомірскій, выведенный изъ терпѣнія смутой, какая у него происходила отъ постояннаго превращенія приходовъ изъ православія въ унію и изъ уніи въ православіе, придумалъ новую мѣру къ прекращенію ея,—мѣру, которая показывала, что онъ окончательно переходитъ на сторону народа и способенъ опередить Смогоржевскаго въ изобрѣтательности новыхъ плановъ и тѣмъ вѣрнѣе, что она ему не лично принадлежала, а шла изъ среды украинскаго народа. Любомірскій предложилъ смилянскому протопопу Радзимовскому ѣхать съ его губернаторомъ (управителемъ) «по селамъ, публично и безъ принужденій спрашивать народъ, чего онъ желаетъ—православнаго исповѣданія или уніатской религіи и за спросомъ, кто чего пожелаетъ, въ томъ и до присяги привесть». Извѣщенный объ этомъ переяславскій епископъ Иларіонъ высказалъ Любомірскому недоумѣніе. Тогда Любомірскій написалъ ему письмо, въ которомъ объяснялъ, что до уманской смуты въ его имѣніяхъ вездѣ было православіе, но когда усмиряли эту смуту то, пока не возвратились въ свои имѣнія паны, господствовало военное право, т. е. насиліе, и команды принуждали народъ къ уніи и заставляли его присягать, что простой народъ, не понимаетъ неважности вынужденной присяги и, хотя теперь имѣетъ православныхъ священниковъ, но смущается этой присягой, чѣмъ могутъ воспользоваться уніаты и произвесть новое замѣшательство въ народѣ его имѣній, что поэтому-то онъ рѣшился вызвать народъ на добровольное заявленіе своихъ убѣжденій и утвердить это добровольною присягою [2]. Ила-

[1] Тамъ же, кн. 72, №№ 17 и 18.

[2] Дѣло это, какъ намъ извѣстно, не было новымъ на Украинѣ. Тоже дѣлалось во времена Мельхиседека. Тоже дѣлалось и теперь, помимо вліянія Любомірскаго, наприм. въ Дескахъ и другихъ мѣстахъ около Богуслава.

ріонъ представилъ это дѣло св. синоду и приложилъ подлинное письмо Любомірскаго. Синодъ рѣшилъ, что «хотя и не слѣдовало бы удерживать отъ такой желанной народомъ присяги, но къ таковому распоряженію въ иностранномъ государствѣ, безъ сношенія съ пребывающимъ въ Польшѣ россійскимъ полномочнымъ и чрезвычайнымъ посломъ графомъ Стакельбергомъ, приступить не можно, дабы иногда не послѣдовало изъ того отъ римлянъ и уніатовъ какихъ замѣшательствъ и православнымъ большаго притѣсненія» [1]. Синодъ даже совсѣмъ уклонился отъ этого, дѣйствительно, труднаго дѣла и предоставилъ Иларіону самому обратиться къ Штакельбергу. Иларіонъ пояснялъ, что ему самому сноситься трудно, что нужно платить за почту и неизвѣстно, доходятъ ли письма; но, безъ сомнѣнія, Иларіона больше всего удерживала отъ этого увѣренность, что это значило бы совсѣмъ погубить дѣло. Синодъ однако не нашелъ возможнымъ измѣнить свое мнѣніе [2] и, по всей вѣроятности, Иларіонъ тоже остался при своемъ мнѣніи— не сносился самъ съ Штакельберомъ. Смогоржевскій не зналъ такого осторожнаго отношенія къ присягѣ и, какъ увидимъ, заботливо приглашалъ народъ подписываться и присягать на унію.

Смогоржевскій, давно и хорошо извѣстный въ Петербургѣ, не могъ не обращать тамъ вниманія на себя своими дѣлами въ Украинѣ. При дворѣ Екатерины не могли слышать его имени [3] и всѣ неблагопріятныя для православныхъ мѣры въ Польшѣ и даже дурное направленіе политическихъ дѣлъ приписывали ему [4]. Ему стала грозить какая-то опасность. Какой-то рускій полковникъ Ѳаддѣевъ, бывшій въ 1783—4 году около Радомысля, крайне смущалъ его и приводилъ въ страхъ [5]. Мо-

[1] Арх. св. с., д. 1783 г., № 326.

[2] Тамъ же.

[3] Арх. ун. м., № 990—письмо Левинскаго, отъ 22 апрѣля 1784 г.; № 991, письмо отъ 12 апрѣля 1785 г.; «хуже всего, что петербургскій дворъ терпѣть не можетъ митрополита (Смогоржевскаго)». Тамъ же, № 991,—письмо къ Левинскому изъ Полоцка, отъ 17 апрѣля 1785 г.

[4] Тамъ же, № 1000—письмо Ростоцкаго, отъ 4 іюля 1784 г.

[5] Тамъ же, № 989—письмо Левинскаго, отъ 4, 8 и, 9 16 окт. 1783 г.; № 990, письмо его же, отъ 4 марта 1784 г. Ѳаддѣевъ былъ при русскихъ магазинахъ въ Польшѣ и, будтобы, ужасно всѣхъ обижалъ.

жетъ быть, Смогоржевскій боялся захвата и ссылки. Съ этого же времени Смогоржевскій заискиваетъ у русскаго правительства [1]. Насколько этому перевороту содѣйствовалъ полковникъ Ѳаддѣевъ—не знаемъ. Съ большею вѣроятностію можно предположить, что на это имѣло вліяніе заявленіе русскаго посла на сеймѣ 1782 г., что Россія будетъ защищать короля противъ враждебной ему партіи, но еще вѣроятнѣе, что эта перемѣна въ Смогоржевскомъ произведена новымъ поворотомъ во взглядахъ русскаго правительства на унію и украинское православіе, повелшимъ къ назначенію уніатскаго епископа въ Россіи и православнаго въ Польшѣ.

---

[1] Арх. ун. м., № 991—извлеченіе изъ письма Смогоржевскаго, отъ 28 іюня 1785 г.; № 1000—копія письма къ Штакельбергу, по всей вѣроятности, самого Смогоржевскаго, такъ какъ въ немъ—просьба представить Смогоржевскаго съ хорошей стороны русскому генералу въ Украинѣ, Соллогубу, о сношеніяхъ съ которымъ самого Смогоржевскаго упоминается въ указанной выпискѣ изъ его письма.

ГЛАВА IX.

Назначеніе уніатскаго архіепископа для бѣло-русскихъ уніатовъ. Назначеніе Виктора Садковскаго епископомъ въ Польшу. Наставленіе синода Виктору. Докладъ Синода Екатеринѣ о мѣрахъ къ охраненію православія въ Польшѣ. Первыя дѣла Виктора. Тревога въ Польшѣ, особенно въ средѣ уніатовъ. Протесты противъ назначенія въ Польшу православнаго епископа. Вопросы о привилегіи и присягѣ Виктора. Пріѣздъ Виктора въ Варшаву. Шпіонство Левинскаго. Аудіенція Виктора у короля. Выдача привилегіи. Мнѣнія Левинскаго о Викторѣ. Вопросъ о саккосѣ. Задачи Виктора. Странное положеніе его. Принесеніе присяги польскому королю. Дѣйствія Смогоржевскаго въ Украинѣ. Противодѣйствія ему со стороны украинцевъ. Тягостное положеніе Смогоржевскаго передъ смертію. Объѣзды Викторомъ своей епархіи. Разладъ съ паствой. Арестъ Виктора. Страданія православныхъ. Дѣла Мировскаго. Отношенія къ православнымъ уніатовъ. Митрополитъ Ростоцкій и его подчиненные въ Украинѣ. Пинская конгрегація. Освобожденіе Виктора.

Папа Пій VI, слишкомъ два года отказывавшійся утверждать Сестренцевича въ званіи архіепископа латинской церкви въ Россіи, въ началѣ 1783 года уступилъ настойчивымъ требованіямъ Екатерины и приказалъ своему нунцію въ Варшавѣ Бернетти ѣхать въ Петербургъ [1]. Съ этимъ рѣшеніемъ папы сейчасъ же соединенъ былъ вопросъ и о назначеніи уніатскаго епископа для бѣлорусскихъ уніатовъ [2]. Король [3] и Смогоржевскій [4] горячо приняли это дѣло и стали отыскивать кандидата на эту каѳедру. Кандидатъ такой явился было самъ и заявилъ свою готовность служить полоцкой паствѣ,—именно, извѣстный намъ Максиміліанъ Рылло, но онъ былъ отвергнутъ съ насмѣшкой и пренебреженіемъ [5]. Выборъ остановился на другомъ, тоже извѣстномъ кандидатѣ Важинскомъ, котораго хотѣли было послать даже въ Петербургъ вмѣстѣ съ нунціемъ, но нунцій отклонилъ это спутничество. [6] Въ Петербургѣ замедлилось исполненіе нун-

[1] Іезуиты въ Россіи свящ. М. Морошкина, ч. 1, стр. 197—200; Арх. ун. м., № 989—письмо Левинскаго, отъ 27 (16) марта 1783 г.

[2] Тамъ же, Арх. ун. м.—письмо Левинскаго.

[3] Тамъ же, № 1000—письмо плоцкаго еписк. къ пинскому еп. Горбацкому, отъ 14 февраля 1784 г.

[4] Тамъ же, № 989—письмо Левинскаго, отъ 24 (13) апрѣля 1783 года.

[5] Тамъ же,—письмо Левинскаго, отъ 3 апрѣля и 1 мая 1783 г.

[6] Тамъ же,—письма отъ 24 апрѣля и 1 мая.

ціемъ даннаго ему порученія. Долго не пріѣзжалъ туда изъ Малороссіи и затѣмъ изъ Смоленска[1] Потемкинъ, безъ котораго не хотѣли рѣшать этихъ дѣлъ, а главное встрѣтилось большое затрудненіе въ формѣ присяги, которую приносятъ латинскіе епископы и въ которой находится выраженіе: «еретиковъ, схизматиковъ... по силѣ моей буду преслѣдовать и поражать», чего не хотѣло допустить русское правительство въ присягѣ Сестренцевича[2]. Переговоры объ этомъ дали нунцію возможность рѣшительнѣе поставить вопросъ о полоцкомъ уніатскомъ архіепископѣ и онъ предложилъ польскаго кандидата—базиліанскаго протоархимандрита Важинскаго[3]. Но у русскаго правительства давно уже былъ свой кандидатъ, тоже давно ожидавшій епископства, извѣстный уже намъ архимандритъ онуфрейскаго монастыря, Ираклій Лисовскій. Онъ занималъ первенствующее положеніе въ уніатской полоцкой консисторіи[4], былъ довѣреннымъ лицемъ Чернышева[5] и пользовался особеннымъ покровительствомъ Потемкина[6]. Левинскій передаетъ, что въ совѣщаніи съ Потемкинымъ о назначеніи Лисовскаго полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ участвовали Георгій Конисскій и Сестренцевичъ[7]. Участвовали въ этомъ дѣлѣ, по его словамъ, и іезуиты. Левинскій говоритъ, что даже варшавскіе ех-іезуиты заблаговременно знали и открыто говорили, что полоцкимъ архіепископомъ будетъ не кто другой, какъ Лисовскій, и при этомъ сообщаетъ, что при избраніи Лисовскаго не обошлось безъ интригъ іезуитовъ[8]. Іезуиты, вѣроятно, стояли за Лисовскаго не по расположенію къ нему, а чтобы устранить Важинскаго, боясь, чтобы онъ не поднялъ проекта Смогоржевскаго перебить у нихъ воспитаніе бѣлорусскаго юношества и не поддерживалъ связей съ нимъ и

---

[1] Арх. ун. м., № 989—письма Левинскаго, отъ 3 августа, 20, 27 ноября, 4 и 18 декабря 1783 г.; Русск. Арх. 1867 г., стр. 1227.

[2] Тамъ же, Арх. ун. м.—письмо отъ 13 ноября 1783 г.

[3] Тамъ же, № 990—письмо Левинскаго, отъ 11 марта 1784 г.

[4] Постановленіе полоцкой уніатской консисторіи и окружная грамота ея, отъ 24 іюля 1781 г.—изъ собранія ун. писемъ О. С. Сидорскаго.

[5] Письмо Миляновскаго изъ Полоцка 1781 г., изъ того же собранія.

[6] Письма Левинскаго за 1783—7 гг. наполнены извѣстіями объ этомъ.

[7] Арх. ун. м., № 990—письмо его, отъ 11 марта 1784 г.

[8] Тамъ же.

съ польскою королевской партіей. Едва Смогоржевскій узналъ, что полоцкимъ архіепископомъ будетъ Лисовскій, какъ пришло новое непріятное извѣстіе. Рескриптомъ 16 января 1784 г. Екатерина приказала бѣлорусскому намѣстнику пригласить на посвященіе Лисовскаго уніатскихъ епископовъ кромѣ Смогоржевскаго. [1] Къ большему еще огорченію Смогоржевскаго, папскій нунцій вмѣстѣ съ польскимъ правительствомъ, сами, не сносясь съ нимъ, назначили для этого пинскаго епископа и послали ему приказъ поскорѣе ѣхать въ Полоцкъ и исполнить все, что нужно для производства Лисовскаго въ епископы, не стѣсняясь тѣмъ, что это дѣлается помимо митрополита и что этимъ нарушаются его права [2]. Но кромѣ нарушенія правъ митрополита, пинскому епископу приходилось дѣлать нарушеніе поважнѣе. 7 марта 1784 года онъ, передъ выѣздомъ въ полоцкую архіепископію, писалъ вѣроятно Левинскому: «я просилъ совѣта и опять прошу, что мнѣ дѣлать, когда отъ меня потребуютъ выбросить изъ епископской присяги выраженіе: «равнымъ образомъ осуждаю, отвергаю и анаѳематствую все противное (римской) церкви, схизматическое и еретическое, осужденное церковью, отвергнутое, подпавшее ея анаѳемѣ»? [3]. Какъ разрѣшено было это затрудненіе, мы не нашли извѣстія, но, вѣроятно, долго надъ нимъ не останавливались. Оно разрѣшалось примѣромъ Сестренцевича; притомъ уніаты очень боялись, чтобы полоцкая уніатская архіепископія не осталась опять безъ архіерея [4]. Огорченія Смогоржевскаго не кончились и этимъ. Лисовскій нанесъ ему новый ударъ его же собственнымъ оружіемъ. Смогоржевскій, бывши полоцкимъ архіепископомъ, управлялъ, какъ мы знаемъ, всею полоцкою архіепископіею,—и русскою ея частью, и польскою. Лисовскій, вступивъ въ то же положеніе, сейчасъ же предъявилъ свои

---

[1] Копію этого рескрипта мы имѣемъ изъ одного частнаго собранія уніатскихъ документовъ.

[2] Арх. ун. м., № 990—письмо Левинскаго, отъ 19 февраля 1784 г.; № 1000—письмо плоцкаго епископа, отъ 14 февраля.

[3] Тамъ же, № 990—выписка изъ письма Гребницкаго, вложенная въ письмо Левинскаго къ Смогоржевскому, отъ 18 марта 1784 г., и упоминаемая въ немъ.

[4] Тамъ же,—письмо Левинскаго, а также вышеуказанное письмо плоцкаго епископа, отъ 14 февраля.

права на польскую часть полоцкой архіепископіи [1] и тѣмъ надежнѣе опирался на эти права, что, кромѣ русской поддержки, могъ опираться на заботу римскаго двора — охранять цѣлость епархіи [2] и на то, что оффиціалъ Чудовскій, управлявшій этою частью, перешелъ на его сторону [3]. Но это рѣшительно противорѣчило интересамъ Смогоржевскаго и польскаго короля. Это значило осуществлять планъ обратный тому, какой осуществлялъ въ Полоцкѣ Смогоржевскій, — это значило не возстановлять единеніе раздѣленной Польши, а довершать раздѣленіе ея въ пользу Россіи, продолжать русское завоеваніе Польши. Смогоржевскій и король завязали съ Лисовскимъ жестокую борьбу [4], которая еще больше запуталась отъ того, что честолюбіе Левинскаго разъединило союзниковъ—Смогоржевскаго и короля. Левинскій получилъ привилегію на коадъюторство въ этой части полоцкой архіепископіи, [5] а Смогоржевскій не хотѣлъ этаго знать, не смотря на клятвенныя увѣренія Левинскаго, что доходы онъ будетъ отдавать ему [6]. Смута поднялась большая, тянулась многіе годы и въ ней постоянно принималъ участіе Потемкинъ [7]. Если справедливо, какъ

[1] Еще 12 февраля 1784 г. полоцкій губернаторъ (Ребиндеръ) по просьбѣ Лисовскаго дѣлалъ запросъ управляющему Смогоржевскаго, Бѣликевичу, на какомъ основаніи все вывозится изъ имѣній полоцкой архіепископіи на польскую сторону и вырубаются лѣса,—№ 990—копія при письмѣ Левинскаго, отъ 11 марта 1784 г.; № 991—письмо отъ 12 іюля 1785 г., извѣстія о дипломатическихъ сношеніяхъ; № 991—письмо изъ Полоцка, отъ 17 апрѣля 1785 г., о дѣйствіяхъ Лисовскаго.

[2] № 992—письма Левинскаго, отъ 14 и 28 февраля и 6 мая 1786 г.

[3] № 991—письмо Левинскаго, отъ 10 мая 1785 г.; № 992—письмо его отъ 14 февраля 1786 г.

[4] Польскому послу въ Петербургѣ поручено было наблюдать за Лисовскимъ, когда онъ бывалъ тамъ, № 991—письма Левинскаго, отъ 18 января и 15 февр. 1785 г.; № 1000—письмо къ Смогоржевскому подканцлера Хребтовича, отъ 1 февр. 1785 г. О затрудненіяхъ Лисовскаго по этому дѣлу въ Петербургѣ самъ король извѣщалъ Смогоржевскаго, связка 451—подлинное письмо короля, отъ 10 февр. 1785 г. Радость его по этому поводу, № 991—письмо Левинскаго, отъ 10 февр. 1785 г.

[5] № 991—письмо Левинскаго, отъ 15 и 18 января, и связка 451—письмо короля, отъ 10 февр. 1785 г.

[6] № 991—письмо Левинскаго, отъ 1, 15 февр. и 12, 26 іюля 1785 г.

[7] 10 февраля 1785 г. Левинскій просилъ Смогоржевскаго поспѣшить рѣшеніемъ дѣла о полоцкомъ коадъюторѣ, потому что «интриги князя

думаетъ Левинскій, что этимъ дѣломъ чрезъ Потемкина заправляли полоцкіе іезуиты [1], то надобно признать, что они придумали жестокую расплату съ Смогоржевскимъ и польскимъ королемъ за ихъ вражду къ нимъ. Въ свое время мы увидимъ, что и послѣднее успокоеніе на счетъ полоцкой уніатской архіепископіи, которое способно было мирить Смогоржевскаго, польскую латинскую іерархію и короля со всѣми невзгодами, выступившими вмѣстѣ съ Лисовскимъ, т. е. сохраненіе бѣлорусской уніи, тоже улетало отъ нихъ; но и этимъ не закончились ихъ невзгоды. Для интересовъ русскаго латинства русское правительство рѣшилось сдѣлать папѣ и Польшѣ уступку—возстановить полоцкую уніатскую архіепископію; но русское правительство считало, вѣроятно, эту уступку слишкомъ большою и воспользовалось ею для разрѣшенія своего православнаго дѣла, давно и непрерывно озабочивавшаго его,—воспользовалось ею для устройства дѣлъ православной церкви въ Польшѣ, и заставило согласиться польское правительство на учрежденіе въ предѣлахъ Польши православной епископіи.

Мысль объ учрежденіи въ предѣлахъ Польши православной епископіи занимала русское правительство давно. Она естественно возникла во времена перваго раздѣла Польши, когда

Потемкина могутъ возобновиться» (№ 991). 22 марта того же года, высказывая опасеніе за судьбу имѣній польской части полоцкой архіепископіи, онъ пишетъ, что «Лисовскій опять полетѣлъ къ Потемкину (тамъ же). 10 мая, извѣщая, что Чудовскій хочетъ переселиться къ Лисовскому (не оставляя управленія польскою частію полоцкой архіепископіи) говоритъ, что рѣшеніе этого дѣла зависитъ отъ короля, но «могущество и рекомендація Потемкина во всякомъ случаѣ страшны» (тамъ же). 19 іюля, извѣщая о переговорахъ касательно польской части полоцкой архіепископіи, Левинскій говоритъ: «словомъ, все дѣло зависитъ отъ петербургскаго двора, а тамъ диктаторъ Потемкинъ благопріятствуетъ не нашей странѣ, не стоитъ за правду, а безусловно благопріятствуетъ Лисовскому» (тамъ же). Польская часть полоцкой архіепископіи осталась за Лисовскимъ.

[1] Левинскій даже старался объяснить себѣ поражавшую его дружбу Потемкина съ іезуитами и нашелъ слѣдующую разгадку этой дружбы: «родъ Потемкина, извѣщалъ онъ Смогоржевскаго, много обязанъ іезуитамъ; говорятъ у нихъ окончила жизнь и его бабка на devocyi» (приготовленіе къ исповѣди въ монастырѣ). № 989—письмо, отъ 5 августа 1783 г.

единственный православный епископъ этого государства Георгій Конисскій отошелъ съ своею паствою къ Россіи. Въ уніатскихъ памятникахъ сохранились извѣстія, что объ этомъ была рѣчь послѣ перваго раздѣла и что русское правительство добивалось этого у Польши при заключеніи союзнаго договора въ 1775 году [1]. Страшная религіозная смута, слѣдовавшая за тѣмъ въ Украинѣ, еще болѣе усиливала заботу объ этомъ, потому, между прочимъ, что ставила въ крайне затруднительное положеніе переяславскихъ епископовъ, управлявшихъ духовными дѣлами Украины въ качествѣ коадъюторовъ кіевскихъ митрополитовъ. Мы видѣли, что желаніе имѣть епископа на мѣстѣ, въ Украинѣ, возникло у самыхъ украинцевъ и что это желаніе ихъ сталъ заявлять Ксаверій Любомірскій. Уніаты, какъ мы тоже видѣли, возстали противъ этого желанія, но они сами противъ воли подкрѣпляли его, настойчиво добиваясь у своего правительства, чтобы оно прекратило духовную зависимость украинцевъ отъ иноземной власти. Весьма вѣроятно, что мысль объ учрежденіи мѣстной православной епископіи Любомірскій передалъ Потемкину, съ которымъ былъ очень близокъ [2]. Есть извѣствіе, что эту же мысль раздѣляли и другіе паны Украины, какъ Адамъ Чарторыйскій, племянникъ короля Понятовскій и Потоцкій [3]. Вѣроятно, въ связи съ этимъ находится извѣстіе Левинскаго, отъ 5 марта 1784 года, что православную каѳедру хотятъ устроить въ Варшавѣ и что на русскія деньги будутъ здѣсь выстроены: православная церковь, семинарія и домъ для епископа [4]; но едва ли вѣрно передали Левинскому, что этотъ проектъ стараются провести кіевскій митрополитъ (Самуилъ) и Георгій Конисскій [5]. Оба эти іерарха принимали участіе въ обсужденіи этого дѣла [6], но предлагали другое.

---

[1] Арх. ун. м., № 127 и № 991—письмо Левинскаго, отъ 31 мая 1785 г.

[2] Онъ потомъ продалъ ему свое смилянское имѣніе.

[3] Аппеха, стр. 100 и 102.

[4] Арх. ун. м., № 990. Левинскій говоритъ, что сообщившій ему объ этомъ проектѣ, читалъ его у Виктора Садковскаго.

[5] Тамъ же.

[6] Арх. св. с., д. 1785 г., № 98; Аппеха, стр. 95—100 и 101—104.

Вниманіе ихъ дѣйствительно отклонялось отъ Украины и направлялось къ Варшавѣ, но останавливалось не на Варшавѣ главнымъ образомъ, а на другой мѣстности. Ихъ сильно занимала такъ называемая Литва, въ которой особенно затруднительно было управленіе духовными дѣлами изъ Кіева и Могилева и православные совершенно изнемогали въ борьбѣ съ уніатами и латинянами, за исключеніемъ слуцкой области—владѣнія князей Радивиловъ, сохранявшихъ преданія своего рода о покровительствѣ и протестантамъ, и православнымъ [1]. На Слуцкъ и указывали оба іерарха, какъ на мѣсто епископской каѳедры, представлявшее по ихъ мнѣнію удобства и для управленія Украиной [2]. Безъ Украины, впрочемъ, и помимо этого удобства, нельзя было обойтись. Чтобы облечь въ законную форму учрежденіе православной епископіи въ Польшѣ, необходимо было поставить новаго епископа въ положеніе переяславскаго епископа, т. е. дать ему титулъ коадъютора кіевской митрополіи [3]. Соображенія эти, безъ сомнѣнія, переданы были русскому послу въ Варшаву, надобно думать еще въ 1783 г. Въ это время, игуменъ при русскомъ посольствѣ Викторъ Садковскій, 17 лѣтъ бывшій до того при Георгіѣ и, между прочимъ, въ званіи префекта могилевской семинаріи [4], хлопоталъ о назначеніи его слуцкимъ архимандритомъ и въ этомъ ему помогалъ русскій посолъ Штакельбергъ ходатайствомъ у Радивила [5]. И Штакельбергу, и Радивилу не могло не понравиться предположеніе основать въ Слуцкѣ православную епископію. Оно будило воспоминаніе о диссидентской конфедераціи, когда протестанты и православные стояли за одно и, между прочимъ, составляли конфедерацію въ Слуцкѣ. Мысль о возобновленіи единенія между протестантами и православными до такой степени была сильна, конечно, благодаря Штакельбергу,

---

[1] Въ имѣніяхъ несвижскихъ Радивиловъ священникъ, переходя въ унію, не имѣлъ права переводить въ нее и приходъ. Свидѣтельство Георгія Конисскаго. Аппеха, стр. 99.

[2] Тамъ же.

[3] Арх. св. с., д. 1785 г., № 98; Аппеха, стр. 95—100 и 101—104.

[4] Тамъ же д. 1796 г., № 127, л. 4; Аппеха, стр. 12, 46—7 и 100; Арх. сборн., т. 5, стр. 92—3.

[5] Тамъ же, Аппеха, стр. 54; Арх. ун. м., № 990—письмо Левинскаго, отъ 19 февр. 1784 г.

что увлекла даже Георгія Конисскаго, и онъ представлялъ, что въ Слуцкѣ легко будетъ поднять образованіе духовенства, такъ какъ юноши, готовящіеся быть православными священниками, могутъ учиться въ слуцкой кальвинской семинаріи и нужно лишь будетъ содержать тамъ православнаго законоучителя [1]. Эту дань старому западно-русскому заблужденію и дружбѣ съ Штакельбергомъ Георгій Конисскій восполнилъ тѣмъ, что сталъ вмѣстѣ съ кіевскимъ митрополитомъ рекомендовать во епископы на слуцкую каѳедру своего питомца и очень близкаго къ Штакельбергу человѣка—Виктора Садковскаго [2].

Совѣщанія эти начались раньше 1784 года. Левинскій, имѣвшій, какъ мы знаемъ уже, близкія связи съ совѣтниками и секретарями русскаго посольства, писалъ къ Смогоржевскому изъ Варшавы 15 (4) января 1784 года: «услышалъ я здѣсь и донесъ, кому слѣдовало, даже предостерегъ и нунція въ Петербургѣ, что извѣстный (вамъ) здѣшній московскій капелланъ, Викторъ Шатковскій [3] выдвигаетъ себя на слуцкую архимандрію, а затѣмъ хочетъ быть неуніатскимъ епископомъ въ польской странѣ, и что это дѣло уже производится въ петербургскомъ синодѣ [4]. Но на эти совѣщанія, которыя еще въ началѣ 1784 года повергали Левинскаго въ отчаяніе и заставили сказать, «что заграничная сила (potęga) все у нихъ можетъ сдѣлать» [5], ушелъ цѣлый годъ. Только 27 марта 1785 г. данъ былъ синоду указъ объ учрежденіи православной епископіи въ Польшѣ, и медленность эта показала,

[1] Annexa, стр. 99.

[2] Тамъ же, стр. 56—7; Арх. ун. м., № 990—письмо Левинскаго, отъ 15 февраля 1784 г.

[3] Левинскій любилъ искажать фамиліи нелюбимыхъ людей, когда изъ этого могъ выйти каламбуръ. Шатковскій—Szadkowsky вмѣсто Садковскій—Sadkowski ближе къ слову—szatan. Холмскаго епископа Максимиліана Рылло, какъ его всѣ называли и онъ самъ подписывался, Левинскій называлъ не Рылло, а Рыло и иногда пояснялъ: «наше Рыло все изрыло».

[4] Арх. ун. м., № 990—указанное письмо.

[5] Тамъ же,—письмо отъ 19 февраля. Въ позднѣйшихъ письмахъ (отъ 19 іюля 1785 г., № 991 и отъ 19 сентября 1768 г., № 992), Левинскій говоритъ, что учрежденіе православной епископіи послѣдовало безъ сношеній съ польскимъ правительствомъ. Это какъ будто подтверждаетъ и Смогоржевскій въ письмѣ къ Левинскому, отъ 28 іюня 1785 года (№ 991), когда говоритъ, что «польскому двору слѣдовало бы уговориться съ Россіей, чтобы она свои проекты прежде (ихъ исполненія) сообщала ему

что «заграничная (русская) сила» гораздо воздержнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ Польшѣ, чѣмъ думалъ Левинскій. Въ высочайшемъ повелѣніи синоду говорилось: «Для пользы православной нашей церкви греко-россійской и для удобнѣйшаго охраненія исповѣдующихъ законъ нашъ благочестивый въ Польшѣ всемилостивѣйше повелѣваемъ: быть особому епископу викарному или коадъютору кіевской митрополіи, именоваться сему епископу переяславскимъ и бориспольскимъ, имѣть пребываніе свое въ слуцкомъ благочестивомъ монастырѣ, котораго быть ему и архимандритомъ; въ сей санъ посвятить въ Кіевѣ нынѣшняго архимандрита слуцкаго монастыря Виктора; синодъ нашъ не оставитъ относительно должности его въ управленіи всѣми въ Польшѣ находящимися благочестивыми монастырями и церквами сдѣлать надлежащія распоряженія, представя, что слѣдовать будетъ, намъ на утвержденіе» [1]. Синодъ 31 марта постановилъ: объявить Виктору объ этомъ, приказать ему ѣхать въ Кіевъ для посвященія и дожидаться тамъ распоряженій касательно управленія паствою, а самъ занялся составленіемъ этихъ распоряженій. Въ этихъ распоряженіяхъ, кромѣ чисто административныхъ мѣръ касательно перевода въ Слуцкъ изъ Переяславля и Кіева архивныхъ дѣлъ, касающихся управленія православными въ Польшѣ, и служащихъ людей, устройства консисторіи въ Слуцкѣ (пункты 1, 11 и 12) и наблюденія за благочиніемъ, особенно за монастырями (п. 5) [2], обращаютъ на себя вниманіе правила или наставленія Виктору, какъ управлять паствою. Ска-

---

(польскому двору) и послѣ надлежащаго разсмотрѣнія дѣла получала справедливое удовлетвореніе своихъ желаній, потому что если все будетъ удаваться Москвѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что мы, говоритъ Смогоржевскій, навѣки потеряемъ и вѣру и отечество».

[1] Арх. св. с., д. 1785 г., № 98; Собр. законовъ № 16,173. Въ томъ же указѣ, пуктѣ 3 опредѣлено жалованья новому епископу 1.200 р.; на столъ и другія надобности 1.000 р.; на содержаніе положенныхъ при архіерейскомъ домѣ и при консисторіи разныхъ членовъ и служителей по 3.700 р., а всего по 5.900 р. Кромѣ того въ пунктѣ 4 сказано, что на проѣздъ ему до мѣста и на заведеніе дома жалуется 3.000 р. Пункты указа мы привели въ подлинномъ видѣ, но не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены въ немъ.

[2] Виктору приказано было также составить соображенія касательно устройства училища (п. 6).

завъ, что Викторъ долженъ управлять по церковнымъ законамъ и преданіямъ и трактатамъ 1768, 1773 и 1775 гг., синодъ продолжаетъ «а сверхъ того ничего законами не предписаннаго, не предпринимать и въ мірскія, земскія дѣла, яко до его званія не принадлежащія, отнюдь не вступать» (п. 2). Далѣе, Викторъ долженъ съ кротостью внушать духовенству жить въ мирѣ съ римлянами и уніатами, оставить вражду, раздоры, и всѣмъ стараться, сколько возможно, яко сограждане, жить миролюбиво, дабы чрезъ то всякъ при свободномъ исповѣданіи своего закона наслаждался общимъ спокойствіемъ (п. 4). Въ случаѣ жалобъ на притѣсненія, развѣдывать, справедливы ли онѣ, и улаживать домашнимъ образомъ, а если это не удастся, то обращаться къ посланнику, но съ дѣлами, хорошо доказанными, чтобы не поставить его и себя въ затрудненіе, а въ то же время доносить и синоду (п. 7). Въ случаѣ жалобъ на православныхъ разбирать жалобы скоро и справедливо (п. 8).

Совершенно очевидно, что свят. синодъ, издавая эти наставленія Виктору, руководствовался высшими, православными понятіями о пастырскомъ служеніи, чуждался политики и одушевленъ былъ чувствами мира и христіанской любви. Но при этомъ синодъ зналъ, въ какой странѣ, среди какого общества Виктору придется осуществлять этотъ идеалъ православнаго пастыря. Правительственная опытность побудила синодъ искать практической мѣры, границы, которая осязательно и справедливо распредѣляла бы запутанныя отношенія между православными и уніатами и сдерживала бы страсти отъ взрывовъ. Такою мѣрою признано было приведеніе въ извѣстность православныхъ монастырей и церквей съ ихъ прихожанами. Виктору предписано было собрать эти свѣдѣнія, не производя однако, для избѣжанія тревогъ, особаго счисленія, а довольствуясь свѣдѣніями, имѣющимися у духовныхъ украинскихъ (п. 11). Синодъ предвидѣлъ, что украинцы не ограничатся при этомъ настоящимъ, дѣйствительнымъ числомъ церквей и прихожанъ, а покажутъ также церкви и прихожанъ, насильно удерживаемыхъ въ уніи. Въ этомъ требованіи украинцевъ синодъ не могъ отказать, но положилъ ему слѣдующія границы. Первою границей для этого поставленъ былъ 1717 годъ, давно уже установленный трактатами

рубежъ, съ котораго могли имѣть значеніе споры о принадлежности церквей православію или уніи; но затѣмъ указана была еще граница, которая была принята единственно изъ желанія избѣгнуть раздраженія со стороны латинянъ и изъ рѣшимости предпочесть этому раздраженію недовольство православныхъ украинцевъ. Виктору предписано было не назначать священниковъ къ церквамъ, отнятымъ у православныхъ до 1768 года, да и вообще по всѣмъ дѣламъ ожидать рѣшенія дѣла о смѣшанной коммисіи, которая должна была быть назначена еще по договору 1775 г., но не существовала до сихъ поръ (п. 9) [1]. На эту-то коммисію синодъ счелъ необходимымъ обратить самое тщательное вниманіе Екатерины. Давая ей отчетъ въ сдѣланныхъ распоряженіяхъ касательно рукоположенія Виктора и представляя составленныя для него наставленія, синодъ присоединилъ къ этому обозрѣніе положенія православныхъ жителей Польши и показалъ, что хотя трактаты Россіи съ Польшей оберегаютъ надлежащимъ образомъ свободу вѣры этихъ жителей, но никогда не исполнялись Польшей, «православному духовенству продолжались непрестанныя гоненія при безчисленныхъ озлобленіяхъ грабленіемъ имѣнія ихъ и согнаніемъ изъ собственныхъ ихъ домовъ, мучительскими побоями, а иныхъ съ ужасною лютостью лишеніемъ и самыя жизни» и отнимались многочисленные приходы. Упомянувъ при этомъ о жалобахъ на это православныхъ, и въ частности переяславскаго епископа, и о тщетныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ черезъ русскаго посла въ Варшавѣ, синодъ выразилъ мнѣніе, «что, и впредь обоихъ ихъ—посла и епископа—о семъ труды останутся тщетны». Въ этомъ мнѣніи синодъ утверждало то особенно обстоятельство, что даже послѣ извѣстнаго намъ громоваго рескрипта Екатерины (1782 г.) и завѣренія посла, что «учиненное имъ посломъ королю и его совѣту представленіе возъимѣло тогда желанный успѣхъ и что для переду должно ожидать совершеннаго спокойствія православнымъ монастырямъ и церквамъ», спокойствія этого не было, — собирались подати съ церквей, давно запустошенъ лежащій у Днѣпра противъ Переяславля трехтемировскій православный монастырь и до сихъ поръ въ немъ живетъ королевскій комиссаръ съ командою.

[1] Арх. св. с., 1785 г., д. 98.

«Въ разсужденіи всѣхъ сихъ обстоятельствъ синодъ признаетъ, что хотя нынѣ учрежденный по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества благоволенію для управленія заграничными благочестивыми монастырями и церквами епископъ переяславскій, яко коадъюторъ кіевской митрополіи, ограждаемый и подкрѣпляемый силою вышеупомянутыхъ заключенныхъ по высокоматернему вашего величества попеченію трактатовъ и актовъ (сепаратныхъ), долженъ совершенно быть обезпеченъ, что онъ во ввѣренной ему паствѣ можетъ отправлять власть свою, какъ и римскіе епископы, безъ всякаго отъ кого либо препятствія . . . . . однако, видя со стороны уніатовъ крайнее усиліе и неукрощаемую предпріимчивость къ гоненію нашихъ единовѣрцовъ разнообразными угнетеніями, чрезъ что, какъ выше значитъ, и въ недавномъ времени толь множественное число православныхъ церквей на унію превращено и что они (уніаты) отъ того и за упомянутымъ высочайшимъ рескриптомъ не совсѣмъ еще отстали, духовенство же православное, а совокупно съ нимъ и прихожане ихъ въ обидахъ своихъ никакова удовольствія отъ суда польскаго не получаютъ и дѣла ихъ отлагаются рѣшеніемъ подъ разными оговорками всегда на будущее и неизвѣстное время, то сихъ ради причинъ осмѣливается синодъ всеподданнѣйше вашему императорскому величеству представить, не угодно ли будетъ повелѣть для лучшаго помянутаго новоучрежденнаго епископа въ его управленіи подкрѣпленія и пресѣченія уніатскихъ наглостей коллегіи иностранныхъ дѣлъ чрезъ часто поминаемаго (въ этомъ докладѣ) чрезвычайнаго посла графа Стакельберга.... настоять и требовать отъ его величества короля польскаго и его совѣта о скорѣйшемъ приведеніи въ дѣйство назначенной въ трактатѣ и актахъ коммиссіи для разобранія представляемыхъ съ обѣихъ сторонъ жалобъ и для удовольствія обиженныхъ и о возвращеніи отобранныхъ на унію благочестивыхъ церквей, и о томъ ему чрезвычайному послу приложить прилежное стараніе, дабы симъ средствомъ сторона нашихъ единовѣрцевъ, получа ей принадлежащее, могла наслаждаться тою свободою и спокойствіемъ, которые имъ высокоматернимъ вашего величества попеченіемъ чрезъ заключеніе трактатовъ и актовъ пріобрѣтены». Въ за-

ключеніе синодъ, желая обезпечить положеніе православныхъ въ ближайшее время, до составленія смѣшанной коммисіи, предлагалъ внушить обѣимъ сторонамъ,—православной и уніатской власти сноситься между собою и улаживать недоразумѣнія, а послу русскому приказать, чтобы онъ, въ случаѣ новыхъ жалобъ, неудовлетворенныхъ вышесказаннымъ путемъ, «всяческое стараніе прилагалъ ко удовольствію обидимыхъ» [1].

Поляки въ бумагахъ Виктора, послѣ его ареста, нашли, между прочимъ, соображенія Георгія Конисскаго объ учрежденіи въ Польшѣ православной епископіи, изъ сличенія которыхъ съ вышеприведенными дѣлами синода оказывается, что многія мысли указа Екатерины, наставленія Виктору и предположенія объ устройствѣ его паствы принадлежатъ Георгію Конисскому [2]. Въ этихъ же соображеніяхъ находятся подробныя указанія Виктору, какъ относиться къ польскому правительству (и между прочимъ, что необходимо получить отъ короля привилегію), какъ относиться къ панамъ, уніатскому митрополиту, какъ объѣзжать паству. Это—подробная инструкція, очедивно, доказывавшая опасеніе за Виктора, въ состояніи ли онъ будетъ выполнить свое высокое и трудное назначеніе. Георгій дѣйствительно очень безпокоился за Виктора. Поздравляя его съ архіерействомъ, Георгій, между прочимъ, писалъ къ нему: «вы теперь и въ бо̀льшей чести и богаче, чѣмъ многіе другіе изъ русскихъ епископовъ; но не забывайте и объ обязанностяхъ, которыя теперь требуютъ отъ васъ бо̀льшаго, чѣмъ прежнія ваши обязанности..... Синодъ строго наблюдаетъ за епископами, и одно донесеніе о васъ легко можетъ уничтожить данное о васъ мнѣніе и тѣмъ легче, что синодъ самъ не испытывалъ васъ и притомъ у васъ не мало враговъ. Пишу это для отвращенія зла и отъ васъ и отъ себя,—можно сказать, поручителя за васъ» [3]. Опасенія Георгія начали оправдываться на самыхъ первыхъ порахъ. Викторъ обнаружилъ прежде всего медленность въ дѣйствіяхъ, которая вы-

[1] Арх. св. с., 1785 г., № 98 л. 31—34; Аппеха, стр. 137—151.

[2] Аппеха, 95—100, 101 и 104. Напримѣръ: мысль о томъ, чтобы Викторъ былъ коадъюторомъ кіевскаго митрополита, о кроткомъ управленіи паствой, устраненіи притязанія уніатскаго митрополита на православныя церкви, о смѣшанной коммисіи.

[3] Аппеха, стр. 134—5.

зывала неудовольствіе и въ синодѣ, и въ близкихъ къ нему людяхъ. Онъ медлилъ ѣхать въ Кіевъ на посвященіе [1], которое совершено было лишь 9 іюня [2], и медленно возвращался оттуда въ Слуцкъ, такъ что прибылъ туда лишь 14 декабря (выѣхалъ изъ Кіева 24 октября), и только 19 декабря открыта была слуцкая консисторія [3]. Въ синодѣ эта медленность и соединенное съ нею молчаніе Виктора возбудили большое недоумѣніе, и оттуда даже посланъ былъ запросъ кіевскому митрополиту, гдѣ находится Викторъ и почему отъ него нѣтъ никакихъ извѣстій [4]. Даже самый неутомимый наблюдатель за Викторомъ—Левинскій не зналъ 12 августа 1785 г., гдѣ онъ находится, а 26 августа повѣрилъ слуху, что онъ уже въ Слуцкѣ [5]. Въ 1786 г. Викторъ поразилъ всѣхъ еще большею медленностью, на этотъ разъ уже невольною. Въ началѣ этого года Штакельбергъ сталъ звать его въ Варшаву, чтобы устроить его отношенія къ польскому правительству и прежде всего получить королевскую привилегію [6]. Викторъ думалъ было поспѣшить туда сейчасъ же, даже не дожидаясь разрѣшенія отъ синода, [7], но замедлилъ до 25 іюня [8], прибылъ въ Варшаву 9 іюля [9], и пробылъ тамъ до 8 октября [10].

Медленность Виктора и переѣзды его съ мѣста на мѣсто производили большую путаницу въ дѣлахъ. Синодъ не получалъ отъ него ни обычныхъ донесеній, ни особенныхъ, вызываемыхъ исключительнымъ положеніемъ его паствы [11]. Георгій Конисскій, чрезъ котораго шли изъ синода бумаги къ Виктору, приходилъ въ отчаяніе, что не получалъ отъ него даже извѣ-

---

1 Въ указѣ ему предписано было ѣхать въ Кіевъ немедленно (д. синода 98; Annexa, стр. 116); указъ посланъ былъ съ нарочнымъ и полученъ Викторомъ 4 мая (Annexa, стр. 153), а Викторъ выѣхалъ не раньше 12 мая (Annexa стр. 153—4).

2 Арх. св. с., д. 1785 г., № 98; Annexa, стр. 156.

3 Тамъ же, дѣло синода, № 98.

4 Тамъ же.

5 Арх. ун. м., № 991—письма Левинскаго указанныхъ чиселъ.

6 Annexa, стр. 244—247.

7 Арх. св. с., д. 1785 г., № 98.

8 Тамъ же.

9 Тамъ же.

10 Annexa, стр. 305.

11 Дѣло св. с., № 98.

ченіи ихъ [1]. Самуилъ писалъ Виктору, что къ нему въ Кіевъ обращаются съ своими просьбами священники, что у Виктора дурно устроена консисторія, что въ ней дурные люди, какъ секретарь Симоновичъ, что въ Слуцкѣ дурно строятъ церковь, стѣны уже трескаются [2]. Викторъ, подавленный трудностями своего новаго служенія и сознавая себя невиннымъ, приходилъ въ раздраженіе отъ этихъ напоминаній. Онъ ссылался на дурные пути сообщенія, замедлявшіе его переѣзды, и указывалъ на весьма важныя затрудненія, не дозволяющія ему быть исправнымъ. Онъ доносилъ, что не можетъ аккуратно присылать въ синодъ нужныхъ свѣдѣній, что и почта дорого стоитъ, и его духовные, «живущіе во тьмѣ», не умѣютъ писать вѣдомостей, и, наконецъ, которые умѣютъ, то «по незаботливости своей покоряться командѣ», не присылаютъ ихъ [3]. Въ другомъ донесеніи Викторъ эту причину своей неисправности разъясняетъ подробнѣе. Онъ говоритъ, что «паства его такъ широко распространяется, какъ широка есть Польша, какъ далече отстоитъ Двина отъ Днѣстра и Днѣпръ отъ границы Силезіи, что къ дачѣ репортовъ въ вольности безпорядочной живущіе не только на указы, на кои многіе здѣсь, яко не подданные россійскіи, ниже смотрятъ, но и на предложенія консисторіи и письмы епископскіи весьма не привыкли отвѣчать» [4]. Сильное раздраженіе привело Виктора къ тому, что онъ даже оскорбилъ кіевскаго митрополита Самуила за какія-то наставленія и инструкціи, которыя назвалъ дикими. «Мои совѣты и инструкціи, которыя я даю вамъ по моей обязанности и благорасположенности къ вамъ, писалъ Самуилъ, вы назвали въ своемъ письмѣ ко мнѣ дикимъ мнѣніемъ. Такой отзывъ всякаго другаго кромѣ меня вывелъ бы изъ границъ терпѣнія, но я, слѣдуя неизмѣнной привязанности къ вамъ моего сердца, и еще больше изъ уваженія къ вашей болѣзни, оставляю это въ сторонѣ, питая надежду, что на бу-

[1] Аппеха, стр. 273—274; Арх. ун. м., № 992, письмо Левинскаго отъ 24 октября 1786 г.

[2] Тамъ же, Аппеха, стр. 270—274; слич. стр. 331.

[3] Дѣло св. с., № 98. Викторъ писалъ къ Самуилу, что иные члены его консисторіи ничего не знаютъ, даже не умѣютъ прочитать написаннаго по русски. Аппеха, стр. 288.

[4] Тамъ же.

дущее время вы такіе совѣты и инструкціи будете принимать, какъ исполненіе моей обязанности, какъ залогъ моей любви къ вамъ и какъ предостереженіе, всегда нужное вамъ въ вашихъ обстоятельствахъ» [1]. Въ подобныя же затрудненія и противорѣчія Викторъ поставилъ себя и по отношенію къ своей паствѣ въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда ему приходилось въ эти времена (1785 и 1786 гг.) имѣть съ нею дѣло. 7 августа 1785 года Екатерина дала Виктору рескриптъ, въ которомъ приказывала ему написать къ паствѣ окружное посланіе въ духѣ мира и кротости, особенно по отношенію къ послѣдователямъ господствующей въ Польшѣ вѣры, т. е. латинянамъ [2]. Викторъ составилъ, по указанію Самуила и при содѣйстви Леванды [3], это посланіе, и въ немъ обширно доказывалъ мѣстами Священнаго писанія необходимость кротости, любви и терпѣнія, извиняясь при этомъ, что самъ пока не можетъ объѣхать своей паствы и порадоваться вмѣстѣ съ нею [4]. Но изъ этого посланія было совершенно ясно, что миръ и кротость паствы Виктора должны быть направлены, такъ сказать, въ одну только сторону, и въ сторону самую трудную для западно-русскихъ православныхъ, т. е. по отношенію къ латинянамъ и уніатамъ, и ближайшія дѣйствія Виктора показали, что такое пониманіе его посланія вѣрно, что предписывая паствѣ миръ, кротость, терпѣніе по отношенію къ иновѣрцамъ, самъ онъ не будетъ руководствоваться этими высокими началами въ своемъ управленіи паствой. Такъ, въ первое же время своего пребыванія въ Слуцкѣ, въ санѣ ѳпископскомъ, Викторъ написалъ (20 апрѣля 1786 г.) одному благочинному, чтобы онъ немедленно явился въ Слуцкъ, что никакія его извиненія не будутъ приняты во вниманіе и, въ случаѣ неповиновенія, онъ, благочинный, долженъ будетъ явиться неволей [5]. Въ октябрѣ того же года Викторъ показалъ еще большую суровость. Онъ приказалъ дрогичинскому игумену подвергнуть допросу одного бродяжнаго инока, снять съ него иноческую одежду, обрить голову и бороду, и

[1] Anпexa, стр. 271.
[2] Anпexa, стр. 438—440.
[3] Тамъ же, стр. 181.
[4] Тамъ же, стр. 182—187.
[5] Anпexa, стр. 260.

дать ему сто ногаевъ, «чтобы люди чужой вѣры видѣли нашу строгость», заключалъ Викторъ [1].

Въ средѣ людей чужой вѣры, о миролюбіи съ которыми такъ заботливо хлопотали въ Петербургѣ, и у которыхъ самъ Викторъ старался пріобрѣсть расположеніе даже жестокимъ обращеніемъ съ своими православными, дѣлались дѣла, которыя ясно показывали, что Польша того времени не способна понять миролюбія русскаго правительства и стараній русскихъ людей ладить съ поляками. Извѣстіе о назначеніи въ Польшу православнаго епископа произвело въ ней взрывъ страшнаго латинства и уніатскаго фанатизма. 31 мая (20 апрѣля) 1785 г., Левинскій, извѣщая Смогоржевскаго о назначеніи въ Польшу православнаго епископа, писалъ: «я здѣсь уже сдѣлалъ нужные шаги, и дворъ (польскій) дѣйствительно обдумываетъ, какъ бы отвратить это великое несчастіе для вѣры и страны. Нунцій готовитъ ноту отъ себя. Нужно, чтобы и вы написали письмо къ королю или къ канцлеру королевства» [2]. Нунцій приготовилъ ноту; Смогоржевскій, не рѣшавшійся почему то объ этомъ писать писемъ къ королю и польскимъ сановникамъ, прислалъ на руки Левинскаго свои соображенія, сущность которыхъ увидимъ ниже [3]; польскій дворъ обсуждалъ дѣло [4]; но пока все это происходило, изъ Петербурга пришелъ къ русскому послу рескриптъ, повелѣвавшій ему извѣстить польское правительство о назначеніи, на основаніи трактата 1768 года, новаго епископа и просить допустить его къ исполненію своихъ обязанностей и удовлетворять его справедливыя просьбы [5], т. е. выдать ему привилегію и оказывать покровительство. Польскій дворъ не посмѣлъ выступить на борьбу съ русскимъ правительствомъ [6]. Нунцій и Левинскій обратились въ другую сторону. Они предложили Смогоржевскому устроить протестъ уніатскаго духовенства

---

[1] Тамъ же, стр. 305.

[2] Арх. ун. м., № 991.

[3] Тамъ же, письмо Левинскаго отъ 7 и 14 іюня 1785 г.

[4] Тамъ же.

[5] Annexa, стр. 155.

[6] «Нунцій сталъ высказывать мнѣ горькіе упреки польскому двору за то, что ничего не дѣлаетъ самъ въ этомъ дѣлѣ и ему не дозволяетъ дѣйствовать», писалъ Левинскій 5 іюля 1785 г. Арх. ун. м., № 991.

противъ назначенія православнаго епископа [1]. Русскій посолъ, вѣроятно узнавшій о замыслѣ ревнителей уніи—не допустить признанія православнаго епископа въ Польшѣ, безъ труда разрушилъ этотъ замыселъ и повергъ ихъ въ новое горе. Кромѣ мучительнаго для нихъ дѣла о польской части полоцкой архіепископіи, которое болѣе и болѣе направлялось въ пользу Лисовскаго, онъ имѣлъ и другое оружіе,—онъ напомнилъ, что слѣдуетъ наконецъ составить смѣшанную коммисію для разбора запутанныхъ отношеній между православными и уніатами, и такъ какъ эта коммисія установлена была трактатомъ (1775 г.), то польское правительство ничего не могло сказать противъ этого предположенія, и чтобы отклонить его тѣмъ охотнѣе стало соглашаться на выдачу привилегіи Виктору [2]. «Словомъ, пишетъ Левинскій, готовятся многообразныя бѣдствія. Бѣдный апостолическій нунцій едва дышетъ отъ горя, что на первыхъ же порахъ (его нунціатуры) его застигли эти ядоносныя дѣла» [3]. Къ большему огорченію своему, Левинскій и нунцій получили новое извѣстіе, которое сильно и, какъ оказалось послѣ, напрасно увеличило ихъ тревогу. «Что еще хуже, пишетъ Левинскій, ходитъ слухъ, что Викторъ намѣренъ основать семинарію въ Слуцкѣ, или даже въ Варшавѣ, въ которой императрица хочетъ купить какой то палацъ. Сохрани Богъ, если она купитъ палацъ Борха! Вотъ хорошее сосѣдство было бы тогда у насъ (подлѣ церкви и дома уніатской митрополіи)! Теперь въ этомъ палацѣ живетъ нунцій и боится этой напасти на него» [4]. Вѣроятно, въ связи съ этою тревогою нунція и Левинскаго находится распоряженіе польскаго военнаго департамента польскимъ украинскимъ отрядамъ не впускать въ предѣлы Польши лицъ, избранныхъ въ Россіи [5]. Оно направлено было противъ даннаго Виктору дозволенія выбирать

---

[1] Тамъ же, письмо отъ 5 и 19 іюля.

[2] Тамъ же, письмо отъ 19 іюля.

[3] Тамъ же.

[4] Тамъ же, письмо отъ 2 августа (22 іюля) 1785 г.

[5] Левинскій извѣщалъ объ этомъ Смогоржевскаго 9 августа 1785 г. Тамъ же. Сохранилась и записка, вѣроятно изъ военнаго департамента, извѣщавшая Левинскаго объ этомъ распоряженіи отъ того же 9 августа. Арх. ун. м., № 1000. Распоряженіе это дѣйствительно было сдѣлано, и упоминается впослѣдствіи.

себѣ монашествующихъ изъ кіево-печерскаго монастыря, черниговской епархіи и Новгорода-Сѣверскаго [1]; но могло быть приложено и къ нему самому и его свитѣ. Викторъ тогда находился въ Кіевѣ и набиралъ составъ лицъ для консисторіи, хора и дома своего. Мѣра эта, однако, своею крайностью, вѣроятно, превосходила рѣшимость польскихъ военныхъ людей. Викторъ, описывая свое возвращеніе изъ Кіева, ничего не говоритъ о подобнаго рода затрудненіи.

Смогоржевскій, какъ болѣе опытный въ пониманіи польскихъ и русскихъ дѣлъ, первый изъ среды ревнителей уніи понялъ, что невозможно не допустить Виктора въ Польшу и затруднить выдачу ему королевской привилегіи, но задумалъ обставить все это такъ, чтобы Викторъ служилъ въ Польшѣ на пользу уніи и на пагубу-западно русскому православію. Онъ черезъ Левинскаго и нунція предложилъ польскому правительству включить въ привилегію Виктору—условія его пастырства въ Польшѣ [2]. Условія эти были формулированы Левинскимъ и [3], вѣроятно, это тѣ самые пункты, которые сохранились въ бумагахъ Виктора и захвачены были при его арестѣ поляками. Пунктовъ этихъ 24, и въ нихъ изложены завѣтныя мысли Смогоржевскаго. Отъ Виктора требовалось ими: признавать господствующею католическую вѣру; признавать православными только древне-православныхъ; отказаться отъ всѣхъ отступившихъ отъ уніи, и даже заставлять ихъ возвращаться въ господствующую въ Польшѣ вѣру; подвергнуть запрещенію безмѣстныхъ, сидящихъ на чиншѣ священниковъ; закрыть часовни; не принимать заграничныхъ духовныхъ; составить, въ присутствіи коммисара и представить списки монастырей, церквей и прихожанъ и т. д. Во главѣ всѣхъ этихъ пунктовъ полагалось условіе, чтобы Викторъ все дѣлалъ и писалъ отъ имени польскаго короля, т.е. былъ его подданнымъ [4]. Нунцій остался недоволенъ этими пунктами. Онъ въ нихъ увидѣлъ готовность Смогоржевскаго мириться съ совершившимся фак-

---

[1] Annexa, 309.

[2] Арх. ун. м., № 991, письмо Левинскаго отъ 14 іюня и 19 и 26 іюля 1785 г.

[3] Тамъ же, № 992, письмо Левинскаго отъ 7 февраля 1786 г.

[4] Annexa, стр. 321—328.

томъ [1]. Онъ рѣшился не признавать этаго факта, подалъ польскому правительству протестъ [2], и тѣмъ настойчивѣе сталъ совѣтовать, чтобы протестовало и уніатское духовенство, такъ какъ это, по его мнѣнію, могло принести и другія выгоды [3]. Смогоржевскій, какъ увидимъ, еще шире понималъ это дѣло. Протестація эта давно уже готовилась, даже въ двухъ видахъ, и набирались подписи. Около 27 (16) сентября она была получена въ Варшавѣ и представлена королю [4]. Одинъ видъ ея былъ отъ имени уніатскихъ епископовъ, другой отъ духовенства. Уніатскіе іерархи, между прочимъ, писали: «съ желаннымъ умноженіемъ католическаго вѣроисповѣданія, а по крайней мѣрѣ съ сохраненіемъ его несовмѣстимо, чтобы въ нашей странѣ пребывалъ (православный епископъ), который бы самымъ различіемъ съ нами своего исповѣданія, а тѣмъ болѣе блескомъ и важностью, которыми онъ будетъ окруженъ для усиленія могущества сосѣдней страны, рядомъ съ явнымъ упадкомъ всѣми оставленныхъ и уничиженныхъ уніатовъ отклонялъ простой народъ отъ познанія правды и возбуждалъ въ немъ омерзеніе къ уніатскому вѣроисповѣданію, сохраненія котораго и святая вселенская церковь желаетъ, столько употребляющая усилій, чтобы предохранить отъ погибели столь великое число христіанскихъ душъ, и во имя ихъ спасенія столько трудящаяся, и счастіе отечества требуетъ того и на томъ больше всего утверждается, чтобы всѣ его подданные не разнились въ искреннемъ желаніи ему блага и въ твердой вѣрности къ царствующему государю... Не ужасное ли для государя и отечества дѣло—пускать въ свои предѣлы высшее начальственное лицо, которое бы и по единству вѣры, и по долгу своего служенія, и изъ благодарности, и еще болѣе по долгу присяги было больше привязано къ иноземному государству, по установившемуся обычаю возбуждало еще большую ненависть народа къ шляхетству и католичеству, подкрѣпляло и усиливало его мятежный, стремящійся къ насиліямъ духъ, и все это дѣлало легче и

[1] Арх. ун. м., № 991, письмо Левинскаго отъ 2 августа 1785 года.

[2] Тамъ же, то же письмо, а также письма отъ 16, 23 августа и 20 сентября того же года.

[3] Тамъ же, письма отъ 2 и 23 августа того же года.

[4] Тамъ же, письмо Левинскаго отъ 27 сентября того же года.

удобнѣе, чѣмъ дѣлалъ это ловко подосланный въ Немировъ извѣстный епископъ Евсевій, съ достаточнымъ, впрочемъ, страхомъ вытуренный изъ страны по приказу короля, или извѣстный монахъ Мельхиседекъ, совѣтникъ бунта и рѣзни, отличавшійся такъ недавно въ Украинѣ»[1]! Въ протестаціи отъ духовенства дѣло излагается гораздо мягче. Духовенство проситъ не впускать въ предѣлы Польши назначеннаго заграничною властью и вопреки всѣмъ трактатамъ епископа для неуніатовъ, а если этого нельзя сдѣлать, то чтобы онъ не прежде получилъ право на исполненіе своихъ обязанностей, какъ послѣ того, когда принесетъ присягу на вѣрность королю и рѣчи посполитой, и приметъ условія, которыя частью здѣсь исчисляются и согласны съ пунктами Смогоржевскаго[2].

На протестъ нунція король сказалъ, что назначенія Виктора никакъ нельзя отмѣнить. Нунцій, услышавъ, это «опустилъ руки, потерялъ всякую надежду», пишетъ Левинскій[3]. Впечатлительный италіанецъ, вѣроятно, заразился малодушіемъ польскаго короля, потому что, когда Левинскій перевелъ ему протестацію уніатскихъ епископовъ, то онъ нашелъ, что въ ней слишкомъ ужъ сильныя выраженія, и боялся, чтобы это еще больше не раздражило Россіи, когда дойдетъ до русскаго посла. «Такая бѣда, пишетъ Левинскій! Даже чистой правды нельзя сказать»[4]. Литовскій подканцлеръ Хребтовичъ, у котораго было все дѣло о Викторѣ, давно убѣждалъ Левинскаго, что эта бѣда дѣйствительно существуетъ. Онъ давно уже говорилъ ему, что въ переговорахъ съ петербургскимъ дворомъ нельзя пускаться въ аргументаціи, что тамъ «прямо берутъ за чуприну»[5]. Онъ же и теперь какъ варомъ обдалъ Левинскаго, отвѣчая на запросъ его о протестаціяхъ. «Когда мы будемъ клеить это дѣло изъ бумагъ, то не выйдетъ ничего хорошаго, сказалъ онъ. Я всегда говорю, и буду говорить одно, что единственное средство ускорить спокойствіе и предотвра-

---

1 Арх. ун. м., № 127, копія.

2 Тамъ же, № 960.

3 Тамъ же, № 991, письмо отъ 16 августа.

4 Тамъ же, письмо отъ 13 сентября. Левинскій имѣлъ копію этой протестаціи задолго до присылки въ Варшаву подлинника съ подписями.

5 Тамъ же, письмо 26 іюля, также отъ 9 августа того же 1785 года.

тить несчастье страны—это коммисія, предписанная трактатомъ». Хребтовичъ приэтомъ даже сказалъ, что нужно склонить на это Россію, не смотря на то, что она, будто бы, не желаетъ коммисіи [1]. Хребтовичъ, очевидно, желалъ охладить опасную рьяность уніатовъ. Разсчетъ его оказался совершенно вѣрнымъ. «Я точно передалъ нунцію этотъ отвѣтъ министра, писалъ Левинскій, но онъ крикнулъ, какъ ошпаренный, non vogliomo, non vogliomo, sta maledetta commissione! (не хотимъ, не хотимъ этой проклятой коммиссіи)» [2].

Привилегія Виктору, которую уніаты такъ хлопотали отстранить или, по крайней мѣрѣ, обставить фанатическими условіями, давно была уже написана, подписана королемъ (27 іюля) и хранилась у подканцлера Хребтовича. Въ ней не было ничего похожаго на требованія уніатовъ. Король въ ней писалъ, что по ходатайству своихъ сановниковъ онъ пожелалъ устранить неудобства православныхъ его подданныхъ, оставленныхъ послѣ перваго раздѣла Польши безъ епископа и вынужденныхъ съ большими затрудненіями и издержками обращаться къ заграничнымъ пастырямъ—кіевскому и переяславскому, и потому назначаетъ представленнаго ему изъ мѣстныхъ архимандритовъ достойнаго кандидата—Виктора, которому въ силу трактатовъ 1768 года и 1775 года, предоставляетъ право на управленіе православными, внушая ему при этомъ наблюдать миръ въ отношеніи къ господствующей вѣрѣ и вѣрность къ нему (королю) и рѣчи посполитой [3]. Уніатамъ естественно желательно было знать эту привилегію, и Левинскій обратился съ просьбой объ этомъ къ Хребтовичу, но Хребтовичъ наотрѣзъ отказалъ [4]. Левинскій тайнымъ образомъ добылъ копію привилегіи. Привилегія эта произвела на него, а также и на нунція менѣе тяжелое впечатленіе, чѣмъ можно было ожидать. «Мало я вижу въ ней, писалъ Смогоржевскому Левинскій, огражденія господствующей вѣры, можно даже сказать, что въ ней нѣтъ ничего хорошаго; но чтоже дѣлать, когда, по мнѣнію подканцлера, ее никакимъ образомъ

[1] Тамъ же, письмо отъ 25 октября.
[2] Тамъ же.
[3] Annexa, стр. 177—179.
[4] Арх. ун. м., № 991, письмо отъ 8 ноября 1785 года.

нельзя исправить.... Когда Викторъ прибудетъ сюда, обѣщаютъ при дворѣ, обѣщаетъ и подканцлеръ воспользоваться вашими соображеніями и выторговать у Виктора все, что только будетъ можно» [1]. Въ этихъ словахъ слышится утомленіе, упадокъ духа. Это чувствовалъ не одинъ Левинскій. Ближайшій покровитель и другъ Смогоржевскаго братъ короля, примасъ Понятовскій пустился даже по поводу назначенія Виктора въ гаданіе и сообщилъ результаты его Смогоржевскому [2]. Гаданіе это послано было Смогоржевскому съ цѣлью успокоить его. Смогоржевскій, котораго мы видѣли прежде болѣе хладнокровнымъ, нежели какими были нунцій и Левинскій, теперь къ концу 1785 года и далѣе становился все болѣе и болѣе невоздержнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ забрасывалъ письмами не только правительственныхъ лицъ, но и пановъ Малороссіи [3]. Въ польской правительственной средѣ явно были не довольны его настойчивостью [4]. «Ей, ей, боюсь, какъ бы нашъ любезный митрополитъ не надѣлалъ бѣды этою своею ревностью; онъ не только ужъ слишкомъ часто пишетъ къ вамъ, говорилъ примасъ Левинскому, но и къ свѣтскимъ панамъ, а какова ихъ ревность о вѣрѣ, самъ онъ вѣдь знаетъ и

---

[1] Тамъ же, письмо отъ 22 ноября 1785 года.

[2] Вотъ это гаданіе. Pytanie na kabale (вопросъ для гаданія): Jeżeli Szadkowski zburzy na Ukrainie unią, (снесетъ ли Садковскій на Украинѣ унію)?

Słow № 6. Syllab № 16, Liter № 37. Caucellatum 1. Planeta Jovis. Затѣмъ слѣдуетъ 8 рядовъ чиселъ, по мѣстамъ раздѣленныхъ какими то знаками. Не печатаемъ этой таблицы, потому что для этого нужно было бы нарочно отливать эти знаки. Наконецъ, помѣщенъ слѣдующій отвѣтъ въ стихахъ:

Rządzące losy ludzmi czynic zwykły róznie
Nieskąpe doswiadczenia wszak przekonywaią,
Tłum prac y zabiegow, zwodzą czasem próżnie,
A inni bez mozołu, szczęśliwi bywaią,
Starannosci nayczystsze, życzących korzysci
Nie zawsze skutek biorą, bo to los tak rządzi;
Mocnieyszych użyc radzę, pewniey się coś zysci
Rzecz dobra, zawsze trudna, każdy to osądzi.

Тамъ же, при письмѣ Левинскаго отъ 28 декабря.

[3] Тамъ же, письмо отъ 27 декабря.

[4] Тамъ же, письмо отъ 29 ноября 1785 г., № 992, письмо отъ 3 января 1786 г.

видитъ» [1]. Въ особенности примаса тревожило, какъ бы Смогоржевскій не обратился съ письмомъ къ прибывшему на Волынь Радивилу (panie Kochanku) и «какъ бы этотъ горячій (zapalony) панъ не сдѣлалъ исторіи, которая могла бы надѣлать бѣды и Смогоржевскому и отечеству» [2]. Прибытіе Виктора въ Слуцкъ въ санѣ архіерея, съ архіерейскимъ штатомъ, еще болѣе усилило эту дѣятельность Смогоржевскаго. Встрепенулись опять и варшавскіе друзья его. До нихъ дошелъ слухъ, что Викторъ окруженъ въ Слуцкѣ русскимъ войскомъ, именно 300 солдатъ [3], что онъ объѣзжаетъ свою епархію [4], что онъ и русское правительство не обращаютъ вниманія на привилегію и не заботятся объ ней [5]. Тревогу эту еще увеличилъ подканцлеръ Хребтовичъ, сказавшій тоже, что, вѣроятно, Викторъ не захочетъ взять королевской привилегіи [6]. Спокойный, гуманный взглядъ немногихъ польскихъ людей на дѣло Виктора, приводилъ ревнителей уніи въ негодованіе. «Вамъ давно извѣстно, пишетъ Левинскій Смогоржевскому, что Баденій—человѣкъ широкой совѣсти и какъ прежде говорилъ, такъ и теперь повторяетъ, что лучше будетъ, когда неуніатами будетъ управлять епископъ, находящійся у насъ. Этотъ ослѣпленный кавалеръ, какъ и многіе другіе, не предвидитъ ужасныхъ послѣдствій этого учрежденія. Наказаніе Божіе» [7]! Оставаясь твердо на почвѣ іезуитскаго фанатизма, уніаты позаботились окружить Виктора шпіонами. Левинскій извѣщалъ Смогоржевскаго (14—3 февраля) что надѣется устроить секретныя сношенія съ Слуцкомъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о дѣлахъ Виктора [8]. 16 марта того же года базиліанскій генералъ Важинскій извѣщалъ Смогоржевскаго, что

---

[1] № 991, письмо отъ 27 декабря 1785 г.

[2] Тамъ же.

[3] № 992, письма отъ 3 и 10 января 1786 г.; опроверженіе этого слуха—письмо отъ 17 января.

[4] Тамъ же, письма отъ 24 января и послѣ 9 (должно быть до 14) марта. Былъ даже слухъ, что Викторъ ѣздилъ въ Петербургъ. № 991, письмо отъ 20 декабря.

[5] № 992, письма отъ 24 января 1786 г., а также № 991, письмо отъ 22 ноября 1785 г.

[6] Тамъ же, № 992, письмо отъ 3 января.

[7] Тамъ же, письмо отъ 24 января.

[8] Тамъ же, указанное въ текстѣ письмо.

приказалъ новодворскому игумену ѣхать въ Слуцкъ, представиться Виктору самымъ вѣжливымъ образомъ и стараться пріобрѣсть его расположеніе [1].

Не знаемъ, что узнали уніаты о дѣлахъ Виктора этимъ путемъ, но достовѣрно знаемъ, что онъ теперь былъ для нихъ предметомъ самыхъ тщательныхъ справокъ и они теперь даже заботились о томъ, чего прежде никакъ не желали, т. е. стали хлопотать, чтобы Викторъ непремѣнно взялъ привелегію и для этого явился въ Варшаву [2]. Они надѣялись связать его присягой [3], предложить ему извѣстныя намъ условія [4] и, между прочимъ, обязать его платить королевскую подать [5] и даже принять новый календарь [6] и перенести праздники на воскресные дни [7], чего давно добивались у нихъ помѣщики латиняне и что уніаты боялись дѣлать одни, такъ какъ тогда народъ еще больше устремился бы къ православію. Въ случаѣ неудачи этихъ требованій и всѣхъ вообще условій, уніаты надѣялись, что всѣ ихъ хлопоты, протесты, по крайнѣй мѣрѣ, поведутъ къ тому, что русское правительство и Викторъ обезпечатъ имъ statu quo [8]. Наконецъ, какъ за крайнее утѣшеніе Левинскій хватался за то, что привилегія Виктора скрѣплена печатью литовскаго княжества, слѣдовательно можно будетъ доказать, что она не имѣетъ силы по отношенію къ Малороссіи, входящей въ составъ не Литвы, а Польши [9]. Въ концѣ

---

[1] № 1000—указанное письмо Важинскаго. Въ ближайшее затѣмъ время какъ увидимъ, весь базиліанскій орденъ въ Малороссіи приглашенъ былъ слѣдить за Викторомъ.

[2] № 991—письмо Левинскаго отъ 4 октября 1785 г.; № 992—письмо его же, отъ 31 января и 7 февраля 1786 г.

[3] Тамъ же, № 992—письма отъ 7 и 14 февраля.

[4] Тамъ же.

[5] Тамъ же,—письмо отъ 28 февраля, а также № 1000—письмо Смогоржевскаго отъ 21 марта 1786 г.

[6] Тамъ же, № 992—письмо отъ 31 января.

[7] Тамъ же,—письмо отъ 2 мая и 27 іюня и также письмо отъ 19 сентября.

[8] Объ этомъ уніаты давно думали и хлопотали обезпечить успѣхъ этого дѣла. См. № 991—письмо отъ 2, 9 и 23 августа 1785 г.

[9] № 992—письмо отъ 24 января. Левинскій находилъ въ концѣ января 1786 еще одно утѣшеніе,—въ томъ, что по слухамъ тогда опасно заболѣлъ Самуилъ: «такъ если бы онъ умеръ, писалъ Левинскій, то вѣроятно

января 1786 года уніаты получили наконецъ извѣттіе, что между русскимъ посломъ и подканцлеромъ идутъ переговоры о вызовѣ Виктора въ Варшаву [1] для полученія привилегіи, что за тѣмъ рѣшено его вызвать и даже поскорѣе [2]. Левинскій сейчасъ же, какъ мы уже упоминали, формулировалъ пункты присяги и послалъ ихъ для подписи Смогоржевскому [3], а между тѣмъ копіи ихъ представилъ королю, въ министерство и нунцію [4]. «Нунцій (теперь) несказанно ими доволенъ, писалъ Левинскій, и воздыхаетъ къ Богу, чтобы Садковскій подписалъ ихъ» [5]. Но Садковскій не являлся въ Варшаву. Левинскій получилъ сначала извѣстіе, что онъ объѣзжалъ монастыри на Подлѣсьи и получилъ выговоръ отъ посла за то, что дѣлалъ это до полученія привилегіи [6], за тѣмъ, что Викторъ возвратился въ Слуцкъ и выѣдетъ въ Варшаву лишь послѣ пасхи [7]; далѣе,—что онъ очень не скоро пріѣдетъ,—лишь къ осени, къ сейму [8]; но и это оказалось невѣрнымъ. Левинскій около 13 іюня получилъ извѣстіе, что Викторъ ѣдетъ, но опять новая тревога,—ѣдетъ съ большимъ штатомъ, однихъ пѣвчихъ везетъ 24 человѣка, монаховъ для сослуженія столько же или даже и больше, такъ какъ онъ найметъ палацъ и будетъ служить въ немъ торжественно [9]. Въ дѣйствительности и это извѣстіе было плодомъ фантазіи вѣстовщиковъ Левинскаго. Викторъ, обремененный тягостями своего новаго положенія, ничего незнавшій о тѣхъ сѣтяхъ, которыми его такъ усердно опутывали, ѣхалъ въ Варшаву скромно и помѣстился въ ней еще скромнѣе. «Наконецъ то мы дождались славнаго Виктора, писалъ Левинскій (25—14 іюля). Онъ пріѣхалъ въ прошед-

---

Викторъ оставилъ бы Слуцкъ и далъ бы намъ покой. Непостижимы судьбы Божіи»! Тамъ же,—письмо отъ 31 января.

[1] Тамъ же,—письмо отъ 31 января.

[2] Тамъ же,—письмо отъ 7 февраля.

[3] Тамъ же,—а также письмо отъ 14 февраля.

[4] № 1000—копія письма Левинскаго. Края письма обгорѣли, нѣтъ даты, но письмо относится къ этому времени.

[5] Тамъ же.

[6] № 992—письмо Левинскаго—между 9 и 14 марта.

[7] Тамъ же,—письмо отъ 4 апрѣля.

[8] Тамъ же,—письмо отъ 2 мая и 27 іюня.

[9] Тамъ же,—письмо отъ 13 іюня.

шій четвергъ т. е. 20 (9) текущаго мѣсяца; однако не съ такою пышностью, какъ ожидали, напротивъ пріѣхалъ довольно частнымъ образомъ (prywatnie). Заѣхалъ просто къ посольскому капеллану живущему на Лиснѣ и помѣщается съ нимъ»[1].

Непритязательность, скромность Виктора, сказавшіяся ясно уже при самомъ его въѣздѣ, удивившемъ Левинскаго, привыкшаго къ шумнымъ путешествіямъ и торжественнымъ въѣздамъ своихъ согражданъ, не вразумили этого ревнителя уніи. Онъ давно уже обѣщалъ Смогоржевскому слѣдить за Викторомъ и опутывать его сѣтями. «Какъ только онъ прибудетъ въ столицу, буду усерднѣйшимъ образомъ наблюдать за его дѣйствіями», писалъ онъ еще 30 августа 1785 года[2]. «Выраженія (протеста нунція противъ назначенія Виктора): пусть знаетъ польское правительство, что я употреблю всевозможное стараніе, чтобы это (назначеніе) не причинило ни малѣйшей тревоги и вреда уніатамъ, даютъ ему право домогаться, чтобы Викторъ, согласно вашимъ соображеніямъ, какъ змія былъ обмотанъ условіями» писалъ Левинскій 4 октября того же года[3]. Еще передъ пріѣздомъ Виктора онъ приступилъ къ выполненію своей программы,—успѣлъ какимъ то образомъ сблизиться съ пріѣзжавшимъ въ Варшаву по порученію Виктора дятловицкимъ игумномъ и выманилъ у него копію письма Виктора изъ Слуцка[4]. Пріѣздъ Виктора побудилъ Левинскаго приступить къ выполненію этой программы еще усерднѣе. Онъ слѣдилъ за Викторомъ шагъ за шагомъ и въ тоже время старался опутать его сѣтями своего лукавства—знакомился съ нимъ, сближался. Извѣщая обо всемъ этомъ Смогоржевскаго, Левинскій оставилъ потомству драгоцѣнный матеріалъ для изученія многихъ событій того времени съ совершенно новой стороны и, между прочимъ, матеріалъ для оцѣнки русскаго и польскаго человѣка того времени, православнаго и уніата. Времени для наблюденія у Левинскаго было много. Хребтовичъ еще до пріѣзда Виктора уѣхалъ въ свое

[1] Тамъ же,—письмо отъ 25 іюля.
[2] № 991,—указанное письмо.
[3] Тамъ же,—указанное письмо.
[4] Тамъ же, № 992—письмо отъ 27 іюня.

минское имѣніе и взялъ съ собою привилегію, по ошибкѣ какъ онъ говорилъ потомъ уніатамъ [1], но въ дѣйствительности, какъ сейчасъ увидимъ, съ цѣлью не дать уніатамъ измѣнить ее и самому уклониться отъ отвѣтственности.

«Въ ожиданіи подканцлера, Викторъ занимается, писалъ Левинскій Смогоржевскому, посѣщеніемъ своихъ грековъ и старыхъ друзей. Ни у кого изъ знатныхъ, кромѣ (русскаго) посла, онъ не былъ, потому, какъ онъ самъ говоритъ, что не имѣя въ рукахъ привилегій, онъ тѣмъ самымъ лишенъ права представляться лицамъ высшаго круга. Послѣ возвращенія подканцлера начнется работа касательно исправленія привилегій, а чтобы ее не дали Виктору, пока онъ не подпишетъ извѣстной вамъ присяги, я прилагаю и буду прилагать самое усердное стараніе,—буду подсовывать имѣющіяся у меня копіи вашихъ соображеній и молить Господа, чтобы ниспославъ помощь мнѣ и вдохновеніе тѣмъ, которые главнымъ образомъ будутъ направлять это дѣло» [2]. Незлобивый Викторъ, какъ бы нарочно, представлялъ Левинскому болѣе и болѣе успокоительныхъ данныхъ и этимъ подрывалъ въ основѣ его суетливость. 8 августа (29 іюля) Левинскій писалъ Смогоржевскому: «Садковскій до сихъ поръ даромъ сидитъ здѣсь и занимается лишь посѣщеніемъ своихъ грековъ—виноторговцевъ; вчера даже былъ у одного маркитанта, богатаго купца» [3]. 15 (4) августа Левинскій передавалъ Смогоржевскому еще болѣе успокоительныя извѣстія. «Въ прошедшій четвергъ (31 іюля), въ день заговинъ Викторъ былъ у меня съ посольскимъ капелланомъ на обѣдѣ, ѣлъ и пилъ хорошо, пилъ сполна за ваше здоровье» [4]. Дальнѣйшія сношенія съ Викторомъ еще больше убѣждали Левинскаго, что опасаться его не слѣдуетъ. Въ день успенія—храмовой праздникъ въ варшавской уніатской церкви, Викторъ былъ у Левинскаго на богослуженіи и поздравлялъ его съ праздникомъ [5]. Въ бесѣдахъ съ Левинскимъ онъ показалъ, что не прочь отъ присяги на

---

[1] № 1000—копія письма его къ Левинскому отъ 8 августа 1786 года.
[2] Тамъ же, № 992—письмо отъ 25 іюля.
[3] Тамъ же,—указанное письмо.
[4] Тамъ же,—указанное письмо.
[5] Тамъ же,—письмо отъ 29 августа.

вѣрность Польшѣ, но послалъ спросить объ этомъ синодъ [1]. Уніаты даже собирались убѣждать его, чтобы онъ издалъ до полученія привилегіи какой то примирительный универсалъ, давъ его напередъ на просмотръ польскимъ министрамъ [2].

Но въ то время, какъ Викторъ возбуждалъ въ уніатахъ такія успокоительныя мысли, Хребтовичъ не пріѣзжалъ и не давалъ надежды возвратиться раньше осени—къ сейму [3]. Викторъ и Левинскій посылали ему письма съ просьбой пріѣхать. Виктору Хребтовичъ далъ какой то колкій отвѣтъ, который Левинскій досталъ и прочиталъ королю, а королю отвѣтъ такъ понравился, что онъ приказалъ дать ему копію его [4]. Неизвѣстно, показывалъ ли Левинскій королю отвѣтъ Хребтовича ему самому. Хребтовичъ осудилъ требованіе, чтобы Викторъ издавалъ универсалъ до полученія привилегіи и къ большой досадѣ Левинскаго похвалилъ Виктора и сказалъ, что не хотѣлъ бы изъ за этой привилегіи сокращать время своего отдохновенія въ деревнѣ, а пусть Викторъ выѣдетъ къ нему самъ для переговоровъ, иначе, въ случаѣ найсточивыхъ требованій, онъ, Хребтовичъ пришлетъ привилегію безъ измѣненій [5]. «Сообщаю вамъ, пишетъ Левинскій къ Смогоржевскому, чтò я получилъ съ почты отъ литовскаго подканцлера. Очень дурно, что этотъ министръ взялъ съ собою королевскій рескриптъ (привилегію). Нужно бояться, какъ бы не послали къ нему Виктора за этой привилегіей и какъ бы онъ не получилъ ее безъ всякаго исправленія и безъ всякихъ условій. Буду я, на сколько могу, предотвращать, чтобы это дѣло не получило такого ужаснаго исхода» [6]. «Если литовскій подканцлеръ нездоровъ и не можетъ быть въ Варшавѣ, писалъ другой ревнитель уніи, выступавшій на мѣсто Левинскаго, холмскій епископъ и коадъюторъ уніатскаго митрополита, Ѳеодосій Ростоцкій, то Варшава можетъ найти другихъ министровъ, которые съумѣли бы устроить дѣло, влекущее за собой такія громадныя послѣдствія. Съ вопросомъ о допущеніи (въ нашу

[1] Тамъ же.
[2] № 1000—копія письма Хребтовича къ Левинскому.
[3] № 992—письмо Левинскаго отъ 8 августа.
[4] Тамъ же, письмо отъ 19 сентября.
[5] № 1000—копія письма Хребтовича къ Левинскому.
[6] № 992—письмо Левинскаго отъ 29 августа.

страну заграничнаго епископа, да еще чужой вѣры, и о дозволеніи ему имѣть власть, соединено весьма много важнаго не только для вѣры, но и для рѣчи посполитой, и помимо вопросовъ объ уменьшеніи праздниковъ и о принятіи новаго календаря, о которыхъ тоже теперь удобное время говорить, улаживать дѣло, принимать рѣшеніе. Уже одно постоянное волненіе разновѣрцевъ, которое непремѣнно и впредь будетъ подниматься, требуетъ того, чтобы дѣло обсудить и уладить именно теперь, когда, съ одной стороны, упомянутый епископъ нуждается въ нашемъ согласіи допустить его къ управленію, съ другой, когда въ Варшавѣ собрался сеймъ, который, при участіи нунція св. апостольскаго престола, можетъ заставить сдѣлать многое и свѣтлѣйшаго государя, и русскаго посла, а, по крайней мѣрѣ, можетъ охранять вѣру отъ роковыхъ послѣдсдвій, было бы лишь кому заняться этимъ и возбуждать ревность въ собравшихся чинахъ» [1]. Письмо это заключало въ себѣ запоздалые совѣты, но оно лучше всего показываетъ, какъ далеко дальновидные уніаты хотѣли завести простодушнаго, ничего не подозрѣвавшаго Виктора. Дотянуть дѣло его до сейма значило поднять на ноги противъ Россіи и всего русскаго и православнаго всю Польшу. Это, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду и Хребтовичъ, а Смогоржевскій давно уже подготовлялъ пановъ къ бурному пріему на сеймѣ назначенія въ Польшу православнаго епископа. Примасъ не напрасно тревожился, что Смогоржевскій разсылаетъ письма къ панамъ. Еще въ началѣ 1786 года Левинскій получилъ отъ Смогоржевскаго какое то панское письмо (должно быть коллективное) противъ допущенія въ Польшу православнаго епископа, адресованное къ кіевскому воеводѣ [2]. 15 марта (4) того же года базиліанскій генералъ Важинскій извѣщалъ Смогоржевскаго, что литовскіе дворяне отложили до сеймиковъ свое намѣреніе писать къ королю по поводу новаго православнаго епископа, и совѣтуютъ Смогоржевскому разослать на сеймики приглашеніе въ этомъ смыслѣ [3].

Узналъ ли объ этомъ русскій посолъ Штакельбергъ или

[1] № 1000—письмо Ростоцкаго отъ 28 октября 1786 года.
[2] № 992—письмо Левинскаго отъ 24 января.
[3] № 1000—указанное письмо.

просьбы Виктора подѣйствовали на него, но наканунѣ 9 августа онъ принялъ одну, въ существѣ, ничтожную мѣру, но она произвела переполохъ между неуніатами и сбила съ ногъ Левинскаго. Заставляемъ самого Левинскаго расказать это. «На этихъ дняхъ, писалъ онъ 22 (11) августа Смогоржевскому, я былъ въ немаломъ страхѣ и хлопоталъ изъ-за Виктора Садковскаго. Въ прошедшее воскресенье (8 августа) послѣ обѣда былъ я по обычаю у рускаго посла (каждое воскресенье я бываю въ его залахъ), который часто и объ васъ спрашиваетъ. Вдругъ узнаю, что упомянутый Викторъ завтра будетъ имѣть аудіенцію у короля и, такъ какъ это извѣстіе дошло до меня сверхъ всякаго ожиданія, то я сильно пораженъ былъ имъ, особенно вспомнивъ угрозу подканцлера въ извѣстномъ вамъ письмѣ: «если будутъ настойчивыя требованія (пріѣхать), то вынужденъ буду отослать рескриптъ, какъ онъ есть», и естественно заключая, что рескриптъ уже присланъ и будетъ врученъ Виктору на этой, столь не ожиданной, аудіенціи. Въ страхѣ я прямо отправился къ свѣтлѣйшему государю, припомнилъ ему неоднократныя ваши просьбы и мольбы къ нему, чтобы помянутый Викторъ передъ выдачей ему королевскаго рескрипта былъ ограниченъ въ своей дѣятельности надлежащими условіями для цѣлости господствующей вѣры и для спокойствія страны. Получивъ на это милостивый отвѣтъ: «не бойся, будь спокоенъ», я терпѣливо ожидалъ времени, назначеннаго для аудіенціи Виктора. Викторъ пріѣхалъ во дворецъ сейчасъ послѣ 12 часовъ, пріѣхалъ въ каретѣ посла, цугомъ. Какъ и кѣмъ былъ онъ представленъ королю, извѣститъ васъ прилагаемое при семъ донесеніе [1], которое продиктовалъ мнѣ самъ свѣтлѣйшій государь и кромѣ того приказалъ увѣрить васъ, что привиллегія до тѣхъ поръ не будетъ выдана Виктору, пока не начнутся съ нимъ переговоры согласно съ вашими желаніями» [2]. Король дѣйствительно на этой аудіенціи сказалъ Виктору, что ему нужно будетъ принести присягу на вѣрность Польшѣ. Викторъ передалъ это Штакельбергу, и Штакельбергъ показалъ ему дѣйствительное или дипломатическое уди-

[1] Мы не нашли его.

[2] № 992—указанное письмо.

вленіе [1]. Одна случайность помогла Штакельбергу разъяснить дѣло, возбудившее его удивленіе, и заставила его заняться имъ съ необычною для него энергіей. «Одна надежда на свѣтлѣйшаго государя, пишетъ Левинскій Смогоржевскому, потому что министры—одни совсѣмъ чуждаются этого дѣла, а другіе изъ-за личныхъ интересовъ боятся прогнѣвать русск. посла и даже готовы на измѣну рѣчи посполитой, какъ сдѣлалъ G., у котораго я былъ предъ самою аудіенціей Виктора и сообщилъ нѣкоторые пункты обязательствъ, требуемыхъ отъ Виктора, а онъ сейчасъ же донесъ объ этомъ русскому послу и тотъ разразился на это гнѣвомъ передъ королемъ [2]. Вотъ въ какомъ омутѣ я здѣсь, а можетъ быть меня ожидаетъ и какое либо несчастіе» [3]. Левинскій такъ упалъ духомъ отъ этой новой неожиданности, что сталъ обдумывать, чтобы выбросить изъ условій, и просилъ Смогоржевскаго поскорѣе указать, что именно выбросить [4]. Но Левинскій далеко не оцѣнилъ всей важности этого переворота въ дѣлѣ Виктора. Отъ Хребтовича потребовали привилегіи, конечно, по настоянію Штакельберга. 12 (1) сентября привилегія уже была въ Варшавѣ. Левинскій узналъ объ этомъ и въ немъ возникло мрачное предчувствіе, что привилегія будетъ отдана безъ условій и присяги [5], что дѣйствительно и случилось. 19 (8) сентября Левинскій писалъ Смогоржевскому: «доношу вамъ, что король отдалъ русскому послу (17—6 сентября) [6] привилегію не только безъ всякихъ исправленій, но и безъ присяги, которая должна была предшествовать этому. Удовольствовались (т. е. король) однимъ лишь обѣщаніемъ посла, что онъ напишетъ своему двору, чтобы дозволено было Садковскому принесть присягу и чтобы строжайшимъ образомъ приказано было, чтобы онъ въ дѣлахъ своего управленія соблюдалъ всякое спокойствіе и умѣренность. Увидимъ, какъ будетъ исполнено

---

1 Арх. св. с. д. 1785 г., № 98, л. 307.

2 Въ подлинникѣ—слово, которое трудно передать по русски—sarknął.

3 № 992—письмо отъ 5 сентября. Левинскій, должно быть, боялся ссылки.

4 Тамъ же.

5 Тамъ же—письмо отъ 12 сентября.

6 Число это показано въ письмѣ Левинскаго отъ 26 сентября, № 992. Тоже, въ письмѣ Виктора. Annexa, стр. 289.

это обѣщаніе посла, а покамѣстъ, очевидно, что нашъ дворъ слишкомъ ужъ бѣденъ (слабъ), когда долженъ угождать одному полномочному петербургскому послу. Пропали ни за что всѣ внушенія, изложенныя въ вашихъ трудовыхъ письмахъ; ни на что не пригодились и мои усилія и старанія, какія я дѣлалъ до того, что надоѣлъ. Одинъ Господь на это призритъ» [1].

Успокоеніе Левинскому принесъ тотъ самый Викторъ, котораго онъ считалъ такимъ опаснымъ человѣкомъ. Вынужденный и послѣ полученія привилегіи оставаться въ Варшавѣ долгое время, онъ часто бывалъ у Левинскаго и со всею искренностью сближался съ нимъ. «Садковскому надоѣло сидѣть здѣсь, писалъ Левинскій Смогоржевскому. У меня онъ бываетъ часто, а вчера такъ былъ даже вечеромъ. Я принимаю его всегда вѣжливо и по временамъ подчую пуншемъ. Онъ завѣрилъ меня, что будетъ у васъ на пути въ Кіевъ или на возвратномъ пути. Въ разговорѣ онъ очень скроменъ. Я понялъ изъ его бесѣдъ лишь то, что онъ желаетъ вполнѣ зависѣть отъ распоряженій посла и дѣлать все, что тотъ ему прикажетъ; но кто же склонитъ (посла), чтобы тотъ приказалъ ему дѣлать то, чего требуетъ цѣлость котолической вѣры и спокойствіе страны» [2]? Левинскій по обычаю зашелъ слишкомъ далеко и не показывалъ того, что уже было сдѣлано и еще обѣщано было сдѣлать на пути желаемыхъ имъ уступокъ. Викторъ обѣщалъ Левинскому строго наблюдать statu quo, согласился съ нимъ, что надобно обуздать безмѣстныхъ чиншовыхъ священниковъ и сообщилъ, что получилъ и указъ запретить рукоположенныхъ Евсевіемъ и только болѣе образо-

---

1 № 992—указанное письмо. Какъ надоѣлъ Левинскій польскимъ государственнымъ людямъ своею суетней, тревогой, запросами, можно судить по слѣдующему анегдотическому факту: чтобы успокоить его касательно того, что русская императрица поминается у православныхъ жителей Польши прежде короля, въ польскомъ министерствѣ объяснили Левинскому, что императрица у православныхъ заступаетъ мѣсто папы. Объ этомъ объясненіи Левинскій замѣтилъ: «valeat, quantum valere potest (пусть и такъ будетъ) при нашей слабости». Тамъ же, письмо отъ 27 іюня.

2 Арх. ун. м., № 992—письмо Левинскаго, отъ 5 сентября.

ванныхъ изъ нихъ оставить дьячками [1]. Мало того, къ великой радости Левинскаго, Викторъ даже сказалъ ему на вопросъ объ уменьшеніи праздниковъ, что не прочь будетъ и отъ этого, если синодъ дозволитъ» [2]. «Словомъ», заключаетъ Левинскій въ одномъ письмѣ извѣстія объ уступчивости Виктора, «не слѣдовало бы такъ ужь сильно бояться этого Виктора, если бы онъ дѣйствительно поступалъ такъ, какъ обѣщаетъ» [3]. Передъ выѣздомъ изъ Варшавы Викторъ еще искреннѣе завязывалъ дружбу съ Левинскимъ. Онъ прямо заявилъ ему, что хочетъ имѣть съ нимъ дружбу, писать къ нему; говорилъ также опять, что хочетъ видѣться и переписываться и съ Смогоржевскимъ, даже чуть не клялся въ этомъ [4]. «Еслибы всѣ завѣренія, какія мнѣ повторялъ Викторъ, писалъ Левинскій, были искренни, то можно бы надѣяться, что онъ будетъ наблюдать миръ и хорошее согласіе (съ нами)» [5]. Наконецъ, подъ секретомъ, поставивъ обычное въ такихъ случаяхъ слово soli (однимъ вамъ), Левинскій сообщилъ Смогоржевскому успокоеніе на счетъ Виктора, которое, вѣроятно, считалъ самымъ вѣрнымъ, хотя мы не можемъ сказать рѣшительно, дѣйствительно ли тутъ указанъ вѣрный фактъ. «Я не думаю, писалъ Левинскій, чтобы этотъ Викторъ долго пастырствовалъ, хотя ему едва-ли даже 50 лѣтъ,—онъ сильно пьетъ» [6].

Левинскій, впрочемъ, какъ ни лукавилъ съ Викторомъ и какъ ни дурно объ немъ думалъ, поддался обаянію его положенія. Давно уже онъ, будучи еще архидіакономъ, обратилъ вниманіе Смогоржевскаго на то, что, по словамъ Виктора, въ Россіи не одни архіереи носятъ митры, а также и архимандриты. Сдѣлавшись архіереемъ и увидѣвъ, что Викторъ служитъ въ саккосѣ, Левинскій не устоялъ противъ новаго искушенія. «Не смѣю я просить васъ, пишетъ Левинскій Смогоржевскому, чтобы вы дозволили мнѣ, какъ суффрагану митрополіи, только на торжественныхъ службахъ въ здѣшней церкви и въ латинскихъ костелахъ надѣвать саккосъ. Преосвя-

1 Тамъ же,—письмо Левинскаго, отъ 7 октября 1786 г.
2 № 992—письмо отъ 10 октября.
3 Тамъ же, № 992—письмо, отъ 17 октября.
4 Тамъ же.
5 Тамъ же,—письмо, отъ 24 октября.
6 Тамъ же.

щенный Садковскій говорилъ, что и онъ, и всѣ ихъ епископы недѣваютъ саккосы» [1]. Это не было одною лишь суетностью. Въ Левинскомъ, подъ толстымъ слоемъ ополяченія, олатиненія жило русское чувство и онъ знакомъ былъ съ мученіями уніата, сознавшаго, что стоитъ на распутіи, что передъ нимъ въ одну сторону стелется дорога въ Украину, гдѣ народъ требуетъ чистыхъ, восточныхъ обрядовъ, въ другую — къ предѣламъ Польши (въ этнографическомъ смыслѣ), откуда постоянно напоминаютъ, что нужно бросить все, напоминающее православіе, Россію. Викторъ, самъ того не зная, одною уже своею внѣшностью, обстановкой будилъ въ Левинскомъ это русское чувство. И не въ одномъ Левинскомъ будилъ онъ это чувство. Мы знаемъ, что и другіе уніатскіе епископы въ своемъ протестѣ противъ назначенія Виктора тоже обратили вниманіе на внѣшнюю его обстановку и въ тоже время на свое уничиженіе. Уничиженіе это они испытывали повсюду. Мало того, поляки-латиняне тогда громко заговорили даже объ уничтоженіи уніи и не только въ Литвѣ, гдѣ она дошла до крайняго внутренняго разложенія, но даже въ Малороссіи, откуда раздался въ томъ же 1786 году голосъ объ уничтоженіи уніи,— появился въ этомъ смыслѣ проектъ и напечатанъ съ цѣлью подѣйствовать на сеймъ, къ которому готовили въ такомъ же смыслѣ петиціи и сеймики литовскіе [2].

Это новое направленіе уніатскихъ дѣлъ открывало Виктору новую, великую задачу его дѣятельности и, казалось, ему легко было понять ее. Ее понялъ во всей ясности руководитель Виктора, Георгій Конисскій, который велъ за собою тогда бѣлорусскаго уніатскаго архіепископа Лисовскаго и даже прини-

---

[1] № 992—письмо, отъ 24 октября. Когда въ 1787 году Смогоржевскій сдѣлалъ его администраторомъ луцкой епископіи, Левинскій, найдя въ ризницѣ саккосъ, опять просилъ дозволить ему надѣть его (№ 993—письмо отъ 20 февраля 1787 года). Получивъ за это выговоръ, Левинскій извинился, но прибавилъ, что пошлетъ объ этомъ просьбу въ Римъ (тамъ же, письмо отъ 20 марта), и потомъ ссылался на примѣръ своего предшественника Стадницкаго и предупреждалъ Смогоржевскаго, что, сдѣлавшись пожизненнымъ администраторомъ луцкимъ, вѣроятно получитъ дозволеніе носить саккосъ. Тамъ же, письмо отъ 16 апрѣля того же года.

[2] Эту сторону исторіи уніи мы раскроемъ въ другомъ трудѣ.

малъ участіе въ защитѣ уніатовъ отъ латинянъ въ самой Польшѣ [1]. Но въ дѣйствительности все это было недоступно Виктору. Онъ не понималъ интригъ уніатовъ противъ него, а тѣмъ менѣе могъ понять ихъ томленіе въ узахъ латинства и желаніе освободиться отъ нихъ. Дѣла обыденныя, требовавшія исполнительности, и исключительное положеніе, требовавшее высшаго разумѣнія дѣлъ, ставили Виктора въ безвыходное, неразрѣшимое для него противорѣчіе. Онъ мучился, что даромъ сидитъ въ Варшавѣ, тратится, не обозрѣваетъ епархіи, не устрояетъ епархіальнаго управленія, не имѣетъ вѣдомостей, не пишетъ во-время донесеній [2]; а между тѣмъ самъ замедлялъ свой выѣздъ изъ Варшавы. На аудіенціи у короля онъ, по словамъ Левинскаго, сказалъ, не спросивъ мнѣнія русскаго посла, что будетъ ждать подканцлера Хребтовича [3]. Когда оказалось, что это ожиданіе не нужно, Викторъ сталъ дожидаться прощальной аудіенціи у короля, хотя сразу могъ замѣтить, что русскій посолъ не заботится объ этомъ [4]. Пришлось однако уѣхать безъ прощальной аудіенціи [5]. Ближайшій смыслъ этой путаницы былъ слѣдующій. Викторъ хотѣлъ уяснить себѣ, будетъ ли составлена смѣшанная коммисія и говорилъ русскому послу, что напишетъ объ этомъ въ синодъ: посолъ не возставалъ противъ этого, но загадочно прибавилъ, что можетъ быть политика требуетъ, чтобы этого не дѣлать [6]. Кромѣ того, король на аудіенціи сказалъ Виктору, что онъ долженъ будетъ принести присягу. Викторъ сказалъ объ этомъ послу. Штакельбергъ удивился. Началась переписка объ этомъ синода, иностранной коллегіи [7]. Викторъ, какъ увидимъ, правильно понималъ, что ему лучше теперь порѣшить это дѣло и

---

[1] Писалъ опроверженіе на упомянутый проектъ, уничтожить унію.

[2] Annexa, стр. 294—299.

[3] Арх. ун. м., № 992—письмо Левинскаго отъ 22 августа 1786 г. Викторъ, впрочемъ, говоритъ, что король приказалъ ему дожидаться Хребтовича.

[4] Annexa, тамъ же.

[5] Тамъ же, стр. 305.

[6] Арх. св. с., д. 1785 г., № 98, л. 316; Annexa, стр. 292—3.

[7] Тамъ же, Арх. св. с., л. 307—8; Арх. ун. м., № 992,—письмо Левинскаго отъ 29 августа.

ждалъ; но ему сказали, что присягу онъ принесетъ послѣ [1]. Викторъ тоже справедливо хотѣлъ заручиться хотя личнымъ вниманіемъ короля и видѣться съ нимъ; но его не допустили и до этого. Сейчасъ увидимъ, какъ важно было для уніатовъ и для поляковъ по дольше держать Виктора вдали отъ дѣлъ управленія и въ неопредѣленномъ положеніи. Въ какое странное и, можно сказать, жалкое положеніе поставленъ былъ Викторъ, это со всею ясностью можно видѣть изъ двухъ слѣдующихъ фактовъ. Соблюдая вѣжливость и закрѣпляя связи съ сильными людьми Польши, Викторъ задумалъ представиться брату короля, примасу Польши. «Въ прошедшую субботу (30 сентября), пишетъ Левинскій Смогоржевскому, Викторъ втерся было къ свѣтлѣйшему примасу, но былъ принятъ гдѣ то въ углу и послѣ немногихъ словъ отпущенъ» [2]. По отношенію къ русскому послу, Викторъ занялъ не болѣе почетное положеніе, которое, притомъ, было крайне опасно для его православной паствы. Во время своего пребыванія въ Варшавѣ онъ не разъ получалъ черезъ кіевскаго митрополита Самуила жалобы украинцевъ на гоненія отъ уніатовъ. Викторъ затруднялся давать имъ ходъ. Но одной изъ такихъ жалобъ нельзя было не дать ходу, потому что Самуилъ, пересылая ее Виктору, прибавилъ, что послалъ объ этомъ донесеніе синоду [3]. 19 августа 1786 года Викторъ подалъ Штакельбергу докладную записку, въ которой между прочимъ, писалъ: «я долго колебался представлять вамъ это дѣло, хотя не сомнѣваюсь, что Смогоржевскій желаетъ и старается отторгнуть отъ православія всю мою паству, если бы это было возможно; но, чтобы мое начальство не признало моего молчанія за нерадѣніе, прошу васъ представить это дѣло, куда слѣдуетъ» [4]. Викторъ, однако, какъ видно и изъ этой докладной записки, началъ прозрѣвать еще въ Варшавѣ. Такъ, онъ обратилъ вниманіе на фанатизмъ не только Смогоржевскаго, но и вообще

[1] Annexa, стр. 289.

[2] Арх. ун. м., № 992—письмо Левинскаго отъ 3 октября 1786 г. Левинскій употребилъ одну, трудно переводимую фразу: brevibus expeditus został.

[3] Донесеніе это дѣйствительно было послано. Арх. св. с., дѣло 1785 г., № 98, л. 302.

[4] Annexa, стр. 283—4.

поляковъ и извѣщалъ Самуила, что поляки, вопреки запрещенію трактата (1786 г.) называть православныхъ схизматиками, продолжаютъ нарушать это запрещеніе и печатаютъ такое названіе въ учебникѣ географіи [1]. Закралось также въ душу Виктора и недовѣріе къ Штакельбергу [2].

Съ досадой Викторъ уѣхалъ изъ Варшавы (8 октября) и занялся бѣглымъ осмотромъ подлѣсскихъ монастырей, поспѣшая въ Слуцкъ, но не для того, чтобы заняться основательно устройствомъ епархіальныхъ дѣлъ, а чтобы собраться въ новое путешествіе, въ Кіевъ ко времени пріѣзда туда русской императрицы [3]. Викторъ, можно думать, надѣялся разрѣшить въ Кіевѣ всѣ затрудненія. Въ уніатской средѣ сначала тогда думали, что польскій король будетъ встрѣчать русскую императрицу въ Кіевѣ [4]. Викторъ, вѣроятно, зналъ это. Въ одномъ письмѣ къ Самуилу еще изъ Варшавы онъ пишетъ, что Кіевъ у него не выходитъ изъ головы и что онъ поспѣшитъ туда, какъ только возвратится домой [5]. Но разрѣшеніе затрудненій Виктора было еще очень отдаленное дѣло и не въ Кіевѣ произнесена была присяга русскаго подданнаго польскому королю. Весьма вѣроятно, что уніаты и поляки хотѣли устроить такъ, что бы Викторъ принесъ присягу въ Каневѣ, гдѣ съ половины марта (1787 г.) польскій король дожидался Екатерины и гдѣ эта присяга могла произвесть особенно сильное впечатлѣніе на народъ. Въ то время въ Варшавѣ и Полоцкѣ ходили слухи, что Россія возьметъ Украину, если не всю, то часть ея [6]. Слухи эти, безъ сомнѣнія, были въ Украинѣ. Опровер-

---

[1] Аппеха, стр. 289—290. Указывается географія, напечатанная у піаровъ въ Вильнѣ.

[2] Тамъ же, стр. 295.

[3] Тамъ же, стр. 300—301, 305, 308, 312; Арх. св. с., д. 1785 г., № 98, л. 376. Прибылъ Викторъ въ Слуцкъ 22 октября; предполагалъ выѣхать въ Кіевъ 1 декабря; выѣхалъ 11; прибылъ въ Кіевъ 19 декабря. Пріѣзда императрицы ожидали въ началѣ 1787 года. Екатерина прибыла въ Кіевъ 29 января и прожила въ немъ до 22 апрѣля. Русск. Арх. 1864 г., стр. 502, 518.

[4] Арх. ун. м., № 992—письмо Левинскаго отъ 26 (15) декабря 1786 г.; № 993—письма отъ 9 января 1787 (29 декабря 1786 г.) и особенно отъ 20 (9) марта 1787 г.

[5] Аппеха, стр. 300—301.

[6] «У насъ говорятъ, что (не дай Богъ) Москва возьметъ Украину и въ

гнуть эти слухи такимъ торжественнымъ актомъ, какъ присяга Виктора, было для поляковъ весьма важно. Король польскій заговорилъ о присягѣ Виктора во время свиданія съ Потемкинымъ. Левинскій приглашалъ Смогоржевскаго пріѣхать въ Вишневецъ, или въ Фастово или наконецъ въ Каневъ, что бы видѣться съ королемъ и, между прочимъ, напоминалъ Смогоржевскому не забыть вопроса о перенесеніи на воскресные дни праздниковъ, что̀ нужно тоже предложить Виктору принять [1]. Уніаты дѣйствительно подняли опять все дѣло объ условіяхъ пастырства Виктора, а не объ однихъ праздникахъ. Объ этомъ велись переговоры и, вѣроятно, польское правительство было очень настойчиво, когда даже кіевскій митрополитъ Самуилъ соглашался допустить, что бы Викторъ призналъ, что одна латинская церковь есть господствующая церковь въ Польшѣ [2]. Но и теперь хлопоты уніатовъ и королевской партіи ни къ чему не привели. Присяга для Виктора исправлена была русскими, въ ней не осталось ничего похожаго на какія либо религіозныя обязательства [3] и Викторъ принесъ ее не въ Каневѣ. Каневъ, напротивъ, какъ и другія украинскія побережья Днѣпра, былъ пораженъ величіемъ и силою русской императрицы и ничтожествомъ польскаго короля. По всему видно, что Екатерина разгадала эти замыслы. Были, впрочемъ, и другія причины недовольства Екатерины польскимъ королемъ. Миръ и союзъ съ Польшей составляли сущность тогдашнихъ бѣседъ русскихъ государственныхъ людей съ польскими людьми и ихъ королемъ. Потемкинъ велъ рѣчь да-

---

вознагражденіе за это возвратитъ (Польшѣ) Бѣлоруссію», писалъ Левинскому оффиціалъ Шулякевичъ изъ Полоцка 19 января 1787 г. (Арх. ун. м., № 1000). Русскій посолъ Штакельбергъ очень рано (въ январѣ 1787 г.) выѣхалъ изъ Варшавы на встрѣчу Екатеринѣ. Это возбудило въ Смогоржевскомъ подозрѣніе. Левинскій, отвѣчая ему, писалъ: «скажу вамъ, что и Варшава задумывается надъ этимъ и не безъ причины: здѣсь вездѣ слышно, что Москва возьметъ или всю Украину, или, по крайней мѣрѣ, значительную часть ея» (№ 993,—письмо отъ 30 января 1787 г.).

[1] Арх. ун. м., № 993,—письма Левинскаго отъ 2 января и 20 февраля 1787 г.

[2] Annexa, стр. 329—330.

[3] Арх. св. с., д. 1785, № 98, л. 407; Annexa, стр. 328—329; Кіевск. епарх. вѣд., за 1861 г. неоффиц. ч., стр. 87.

же о религіозномъ примиреніи[1]. Польскіе министры и ихъ король поддались интригамъ Пруссіи и отказались отъ союза съ Россіей противъ Турціи[2]. Екатерина наказала за это короля невниманіемъ къ нему и спасла Виктора отъ готовившагося ему въ Каневѣ страшнаго позора[3]. Опечаленный неудачами король и измученный ожиданіями Викторъ съѣхались въ Тульчинѣ и здѣсь $^{7}/_{18}$ мая польскій король услышалъ присягу на вѣрность православнаго русскаго архіерея,—присягу, которая никого не удовлетворяла и которая едвали могла представиться лучшею отъ рѣчи Виктора, выразившаго свою радость, что онъ сталъ гражданиномъ славной рѣчи посполитой[4]. Изъ Тульчина Викторъ возвратился въ Кіевъ и 2 августа 1787 г. донесъ синоду, что затѣмъ ѣдетъ обозрѣвать свою епархію, т. е. слишкомъ черезъ два года послѣ своего рукоположенія въ епископскій санъ онъ освободился отъ исключительныхъ дѣлъ и могъ заняться обычными дѣлами управленія. Въ эти два года многое сдѣлано было въ Украинѣ, что приготовило Виктору опять исключительное положеніе, исключительныя дѣла, которыя Викторъ еще болѣе увеличивалъ своими дѣйствіями и которыя довели его до мученичества.

Намъ извѣстно, что Смогоржевскій считалъ подлежащими возвращенію въ унію всѣхъ, когда либо перешедшихъ изъ нея въ православіе, распространяя это на самыя церкви. Желаніе русскаго правительства опредѣлить statu quo въ Украинѣ, заявленное вновь (1785 г.) при назначеніи въ Польшу новаго епископа, побудило Смогоржевскаго поторопиться осуществить его взглядъ на такъ называемыхъ имъ апостатовъ и возстановить свое statu quo безъ участія смѣшанной коммиссіи, безъ помѣхи со стороны Виктора. Это и было главнѣйшею причиною, почему уніаты боялись смѣшанной коммисіи и по-

---

[1] Арх. ун. м., №993,—письма Левинскаго, отъ 14 августа и 4 сентября 1787 г.; Послѣд. год. рѣч. посп. польск. Н. И. Костомарова, стр. 152—3. Пущенъ даже былъ слухъ, что одинъ изъ великихъ князей (сыновей Павла Петровича) будетъ отданъ на воспитаніе Нарушевичу; Арх. ун. м., № 1003,—письмо Ростоцкаго отъ 22 іюля 1787 г.

[2] Въ письмахъ Левинскаго за 1787 г. не разъ говорится объ этомъ.

[3] Свиданіе Екатерины съ польскимъ королемъ въ Каневѣ происходило 25 апрѣля. Русск. Арх. 1864 г., стр. 518.

[4] Кіевск. епарх. вѣд. за 1861 г., ч. неоффиц., стр. 87—89.

чему имъ желательно было протянуть по дольше дѣло о признанiи Виктора епископомъ Польши. Во все это время Смогоржевскiй сидѣлъ въ своемъ Радомыслѣ и работалъ черезъ своихъ подчиненныхъ духовныхъ и друзей изъ пановъ. Боязливость польскаго правительства передъ русскимъ правительствомъ и страхъ самого Смогоржевскаго за свою личную безопасность побудили его дѣйствовать тайно, посредствомъ частныхъ сношенiй, поэтому многiя изъ его дѣйствiй остались неизвѣстными; но нѣкоторыя изъ нихъ вышли наружу и даютъ возможность понять планы его и средства къ ихъ осуществленiю. Еще 1783 г. въ переяславскую консисторiю доставлены были нѣкоторыя секретныя распоряженiя унiатскихъ властей. Въ числѣ этихъ бумагъ было распоряженiе кальницкаго визитатора, чтобы унiаты собирали въ православныхъ приходахъ подписки на унiю, хотя бы то отъ 20 человѣкъ, и привозили съ ними хотя бы трехъ человѣкъ. При этомъ приложенъ былъ образецъ, какъ заявлять свое желанiе принять унiю; наконецъ приложено было и одно письмо Смогоржевскаго къ грановскому губернатору, въ которомъ Смогоржевскiй убѣждаетъ губернатора изгонять чиншовыхъ священниковъ и, чтобы сильнѣе подѣйствовать на него, представлялъ ему, что, разъ допустивъ къ приходу православнаго священника, трудно уже будетъ сдвинуть его, что за него будетъ вступаться иностранное государство и помѣщику не будетъ житья, тогда какъ онъ, Смогоржевскiй, охотно будетъ разбирать всѣ претензiи пана къ унiатскому священнику [1]. Дѣйствiя этихъ меньшихъ пановъ-управителей громадныхъ имѣнiй польской знати становятся особенно замѣтны въ 1784 г. въ то время, когда еще въ Петербургѣ рѣшался вопросъ о назначенiи Виктора [2]. Управители, конечно, дѣйствовали не безъ внушенiя своихъ господъ. Мы знаемъ, что сношенiя Смогоржевскаго съ этими знатными господами Малороссiи внушали страхъ примасу королевства. Кромѣ того, Смогоржевскiй, по примѣру своего предшественника Володковича, вызвалъ на защиту унiи польскую военную силу,

---

[1] Арх. ун. м., № 990,—приложенiе къ письму Левинскаго, отъ 29 января.

[2] Кн. 72, №№ 17 и 18.

которая, вѣроятно, воспользовалась приказомъ не впускать въ Польшу людей, избранныхъ въ Россіи, и стала угнетать пограничное православное духовенство въ чигиринской области, потому что уже въ началѣ 1766 г. оттуда раздавались жалобы, вызвавшія на заступничество даже Штакельберга [1]. Наконецъ, Смогоржевскій вызвалъ на своеволіе свое собственное духовенство. Онъ, по свидѣтельству Виктора, объявлялъ имъ: «дѣлайте, что хотите, только меня не вмѣшивайте, я на все буду смотрѣть сквозь пальцы»[2]. Своеволіе это вызывало сильныя жалобы православныхъ Украины[3]. Не довольствуясь этимъ, Смогоржевскій, по обычной своей страсти къ широкой постановкѣ дѣла, сталъ собирать свѣдѣнія обо всѣхъ церквахъ Украины, когда либо бывшихъ въ уніи или заявлявшихъ желаніе быть въ ней. Этотъ большой трудъ составляетъ цѣлую книгу[4], и, вѣроятно, онъ то приводилъ Виктора еще въ 1786 г. къ убѣжденію, что Смогоржевскій хочетъ всю его паству отторгнуть отъ православія, хотя въ это время, трудъ Смогоржевскаго далеко еще не былъ конченъ. Трудъ этотъ нуженъ былъ для времени нѣсколько позднѣе. Въ 1787 г., ко времени пріѣзда короля въ Украину, русскія войска вышли изъ нея. Дворянство кіевскаго воеводства собралось благодарить за это короля. Смогоржевскій принималъ въ этомъ дѣятельное участіе[5]. Онъ занималъ положеніе руководителя этого дворянства и старался еще больше закрѣпить его. Въ началѣ октября того же 1787 г., когда началась война Россіи съ Турціей, онъ писалъ Левинскому, что желалъ бы имѣть изъ Вар-

---

[1] Аппеха, стр. 248.

[2] Тамъ же, стр. 363.

[3] Тамъ же, стр. 253—4.

[4] Арх. ун. м., кн. К. XI.

[5] Арх. ун. м., № 993,—письмо Левинскаго, отъ 6 марта 1787 г. Какую сильную поддержку украинскому православію оказывали пребывавшія тамъ русскія войска, даже и тогда, когда не имѣли намѣренія сдерживать уніатовъ, можно судить по слѣдующему случаю. Оффиціалъ Меленевскій писалъ Смогоржевскому 9 мая 1784 г.: «по словесному донесенію житомірскаго благочиннаго, полковникъ, стоящій въ Красномъ, въ отвѣтъ на ваше письмо къ нему сказалъ лишь: а солдаты гдѣ будутъ молиться»? Очевидно, уніаты хотѣли отнять въ Красномъ православную церковь, а русскій полковникъ не дозволилъ этого, чтобы его солдатамъ было гдѣ молиться. Арх. ун. м., кн. 72, № 11.

шавы извѣстія, что бы посылать къ панамъ въ родѣ газеты и просвѣщать ихъ, какъ это онъ всегда дѣлалъ въ Полоцкѣ [1]. Унія отъ этого должна была выиграть существеннымъ образомъ. При содѣйствіи пановъ и безъ помѣхи со стороны русскихъ войскъ удобно можно было устроить statu quo, какого всегда желалъ Смогоржевскій, т. е. обратить въ унію всѣхъ такъ называемыхъ имъ апостатовъ. Къ этому дѣлу, нужно думать, много уже было подготовлено въ 1787 г., когда само польское правительство пожелало составить смѣшанную коммисію[2]. 3 сентября (24 августа) холмскій епископъ Ростоцкій, тогда еще мало знакомый съ дѣлами Смогоржевскаго, писалъ къ нему: «что бы изъ этой коммиссіи извлечь пользу, нужно имѣть на готовѣ свѣдѣнія, когда какая церковь основана и когда приступила къ уніи, а также нужно между членами коммисіи имѣть друзей» [3]. Въ томъ же 1787 г. была даже мысль призвать въ Радомысль на судъ митрополита всѣхъ такъ называемыхъ апостатовъ, т. е. православныхъ священниковъ, перешедшихъ изъ уніи [4]. Но Смогоржевскій какъ будто ужъ такъ былъ созданъ, что бы задумывать широкіе планы и постоянно испытывать неудачи. Неудачи преслѣдовали его и теперь.

Тотъ же самый Ростоцкій, который предлагалъ такъ лукаво воспользоваться смѣшанною коммиссіею и нанести жестокій ударъ украинскому православію, доносилъ Смогоржевскому, что въ Литвѣ уніаты вопіютъ отъ латинскихъ преслѣдованій и умоляютъ спасти ихъ и что въ западной Малороссіи вездѣ хотятъ чистаго восточнаго обряда [5]. Смогоржевскій, выписывавшій изъ Варшавы струны для своей уніатской капел-

---

1 Арх. ун. м., № 993,—приложеніе къ письму Левинскаго отъ 25 сентября 1787 г.

2 Послѣдн. годы рѣч. посп. Польск. Н. И. Костомарова, стр. 153.

3 Арх. ун. м., № 1003,—указанное письмо Ростоцкаго.

4 Мысль эта высказана каневскимъ базиліаниномъ Тчиневичемъ въ письмѣ къ Смогоржевскому отъ 9 февр. 1787 г. (№ 1000). Тчиневичъ предлагалъ объяснить въ запискѣ русской императрицѣ, что тутъ не было бы обиды для Россіи.

5 Мнѣніе объ этомъ Ростоцкаго имѣетъ большой вѣсъ. Онъ былъ назначенъ визитаторомъ въ Литву и объѣзжалъ много мѣстъ. Особенно ясно онъ его высказалъ въ письмѣ къ Смогоржевскому отъ 12 іюня 1787 г. (Арх. ун. м., № 1000).

лы въ Радомыслѣ, долженъ былъ видѣть, что, ревнуя объ уніи въ Малороссіи, онъ строитъ зданіе на пескѣ. Въ этомъ его постоянно убѣждали малороссы.

Въ 1784 году, одномъ изъ весьма тяжкихъ годовъ для украинскаго православія, уніаты постоянно тревожились, что православіе поднимается. Такъ оффиціалъ Меленевскій доносилъ Смогоржевскому: «о злоумышленіяхъ апостатовъ я ничего не могъ узнать изъ донесеній благочинныхъ и визитаторовъ, какъ только то, что они побуждаютъ другъ друга къ терпѣнію и утѣшаютъ себя надеждою на какое-то улучшеніе своихъ дѣлъ въ ближайшее время, не далѣе наступающаго сейма»[1]. Православные, по всей вѣроятности, тогда уже ожидали назначенія имъ мѣстнаго епископа. Когда Викторъ былъ назначенъ и рукоположенъ, то православные украинцы, безхитростно обрадовавшись этому событію, стали направлять къ Виктору ставленниковъ. Викторъ, тоже въ свою очередь, не зная дѣлъ Малороссіи, сталъ рукополагать ихъ. Вышло большое затрудненіе. Множество священниковъ оставалось безъ мѣстъ, отнятыхъ у нихъ уніатами, и Смогоржевскій вооружалъ пановъ противъ этихъ изгнанниковъ, а Викторъ ставилъ новыхъ священниковъ. Кіевскій митрополитъ Самуилъ, которому дѣла Малороссіи были знакомы ближе, два раза дѣлалъ за это Виктору внушенія[2]. Православные украинцы не задавались мыслію устранять отъ себя старыхъ священниковъ, но когда не получали отъ нихъ заявленій занять приходъ, то добывали себѣ священника, какъ находили лучше, оберегая лишь свое вѣковое право избирать приходскихъ священниковъ. Это право они теперь стали съ особенною настойчивостію заявлять, какъ и прежде, въ южной части Украины. Въ 1786 г. въ одной такой мѣстности разыгралась сцена, которая показала и неодолимую силу украинцевъ и неистощимый ихъ юморъ. Въ село Бабичи мошенскаго округа пріѣхалъ новый уніатскій священникъ и поселился въ церковномъ домѣ. Прихожане пришли къ нему съ музыкой, объявили: «ты не нашъ, а мы не твои», выбросили изъ дому его вещи, велѣли укладываться, и когда священникъ и его жена стали пла-

---

[1] Арх. ун. м., кн. 72, № 11.

[2] Аппеха, стр. 272.

кать, громада крикнула музыкантамъ: «грай с. . . попади и попови». Въ довершеніе поруганія прихожане вынесли изъ дому священника даже «заткало» [1] и привѣсили на верху повозки надъ будкой. Глумленіе это, впрочемъ, сейчасъ же уступило мѣсто сожалѣнію. Когда священникъ сталъ просить, чтобы дозволили ему хотя въ пустомъ какомъ либо строеніи побыть, пока онъ найдетъ себѣ помѣщеніе, то громада согласилась. Но уніатскій священникъ обманулъ громаду. Онъ поѣхалъ не отыскивать помѣщеніе, а жаловаться своему благочинному, который сейчасъ же съ другимъ уніатомъ пріѣхалъ въ Бабичи. Въ домѣ священника онъ нашелъ почетнѣйшее лицо прихода—ктитора (старосту), который красилъ комнату для новаго священника, вызывавшаго на особенное вниманіе, потому что это былъ не простой священникъ, а протопопъ Алексѣй Андреевскій, перезванный бабичанами изъ с. Сѣнявки. Ктиторъ такъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, что на распросы уніатскаго благочиннаго, какъ бы ему видѣться съ протопопомъ, не удостоилъ его ни однимъ словомъ. Между тѣмъ, жители узнали о пріѣздѣ уніатовъ, сбѣжались къ церкви и обступили ее кругомъ. Уніатскій благочинный испугался, не пошелъ къ церкви, попросилъ бабичанъ къ священническому дому, ласково сталъ попрекать ихъ, зачѣмъ они дѣлаютъ такое своеволіе и заявилъ, что дастъ имъ священника по ихъ мысли, такого, что онъ имъ понравится и они будутъ его любить. Бабичане отвѣтили коротко: «никакого уніата не хотимъ». Когда благочинный все таки не отдавалъ имъ переданныхъ ему священникомъ церковныхъ ключей и говорилъ: «дамъ вамъ священника», бабичане съ великою злостію сказали ему: «нехай тоби ч . . . зъ нымъ, везы соби, куды хочь, а до насъ не везы, бо намъ его не треба». Когда уніаты тронулись въ путь, бабичане кинулись на колокольню и ударили во всѣ колокола. Изумленные уніаты и пріѣхавшій на эту сцену управитель спросили ихъ, что это значитъ, за чѣмъ они звонятъ? Бабичане отвѣчали: «на радощцяхъ, що унія зъ села выѣхала.» Мошенскій уніатскій благочинный, описавши все это съ такими драгоцѣнными подробностями въ

[1] Которымъ, вмѣсто вьюшки, затыкаютъ трубу, когда печка истопится.

своемъ донесеніи мѣстному своему оффиціалу, съ грустію присовокупилъ, что и другой приходъ Пекары думаетъ тоже сдѣлать и что губернаторъ, прибывшій въ Бабичи, не оказалъ ему, благочинному, никакого содѣйствія, а отдѣлывался пустыми вѣжливостями и улыбался выходкамъ хлоповъ. «Какъ царство раздѣлившееся на ся, по слову Евангелія, падаетъ, такъ и его благочиніе не перестаетъ дѣлиться и падать», говоритъ тотъ же благочинный [1]. Это происходило въ имѣніи извѣстнаго намъ Ксаверія Любомірскаго, который въ томъ же году продалъ свою громадную Смилянщину Потемкину. «Правда ли это спрашиваетъ Левинскій Смогоржевскаго? Если правда, то конецъ нашей уніи» [2]. Смогоржевскій зналъ не только то, что это правда, но и то, что дѣйствительно унія тамъ погибаетъ еще больше прежняго, что даже управители имѣній отнимаютъ у уніатовъ церкви [3]. Въ отчаяніи онъ рѣшился на крайнюю мѣру. Онъ тоже понялъ обаяніе Виктора для народа и чтобы противодѣйствовать этому, задумалъ послать туда своего уніатскаго архіерея и написалъ объ этомъ одному изъ своихъ коадъюторовъ—Ростоцкому. Ростоцкій испугался этой поѣздки и въ отвѣтѣ Смогоржевскому сдѣлалъ замѣчательное признаніе. «Вы не ясно высказали вашу мысль касательно того, что въ тѣхъ странахъ нужна митра (присутствіе архіерея),—нужно ли это въ имѣніяхъ князя Потемкина или въ другихъ мѣстахъ и при томъ, нужно ли сдѣлать тамъ визиту или только нужно быть на какомъ либо торжественномъ праздникѣ? Если ѣхать въ имѣнія князя Потемкина, то тамъ эта представительность напрасна и не безопасна, потому что тамъ народъ преисполненъ предубѣжденій, выгубилъ уніатовъ довольно давно, еще при Любомірскомъ, мало тамъ осталось уніатскихъ церквей, притомъ не отъ народа зависитъ, а отъ князя и его подчиненныхъ возвратить отнятыя (церковныя) земли» [4]. Къ большему огорченію Смогоржевскаго, Потемкинъ покупалъ имѣнія и въ другихъ мѣстахъ, въ

---

[1] Арх. ун. м., связка 451,—письмо отъ 4/15 іюня.

[2] Тамъ же, № (общ. нумер.) 993,—письмо Левинскаго отъ 2 января 1787 г.; русск. Арх. 1867 г., стр. 1570.

[3] См. цитату ниже.

[4] Арх. ун. м., № 1003,—письмо Ростоцкаго отъ 3 сентября 1787 г.

кіевскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ [1], и въ числѣ ихъ оказалось какое-то спорное имѣніе самого Смогоржевскаго [2]. Смогоржевскій надѣялся возобновить старыя связи съ Потемкинымъ и воспользовался было уже сношеніями съ нимъ короля, которому сталъ пересылать докладныя записки [3]; но вскорѣ пришло извѣстіе о тяжкой болѣзни Потемкина [4], а затѣмъ болѣе и болѣе тревожныя для Смогоржевскаго извѣстія о турецкой войнѣ. По его извѣстіямъ съ двухъ сторонъ должны были вступить въ западную Малороссію непріятели: съ юга—Турки въ отмщеніе Польшѣ за близость съ Россіей [5], и еще прежде ихъ и болѣе опасные враги съ востока—русскіе [6]. Польскія пани, съ которыми Смогоржевскій былъ въ большой дружбѣ, встревожились за его безопасность въ Радомыслѣ и совѣтовали ему удалиться. Одной изъ нихъ Смогоржевскій отвѣчалъ чрезъ Левинскаго: «благодарю за дружескій совѣтъ— удалиться отсюда заблаговременно, хотя на Волынь, въ виду военныхъ смутъ у сосѣдей. Къ этимъ смутамъ я внимательно прислушиваюсь, но пока не могу уходить отсюда. Здоровье не выноситъ ѣзды, въ замѣнъ которой я устрояю итальянскія носилки, которые въ крайней нуждѣ могли бы мнѣ пригодиться» [7]. Но куда бѣжать отъ военныхъ невзгодъ? Изъ Польши доходили тоже тревожные слухи, не легче военныхъ невзгодъ. Поднимала голову оппозиція противъ короля, которая, хотя не менѣе Смогоржевскаго не навидѣла Россію и все русское и православное, но прикрывала все это либеральными идеями. Смогоржевскій узналъ, что готовится чрезвычайный сеймъ и на немъ предполагается усвоить въ дѣлахъ вѣры взглядъ Ксаверія Любомірскаго,—предоставить каждому вѣрить, какъ кто хочетъ [8]. Еще болѣе настойчивыя извѣщенія получалъ Смогоржевскій о замыслахъ поляковъ покончить съ уніей и

1 Тамъ же, № 993—письмо Левинскаго, отъ 30 января 1787 г.

2 Тамъ же,—письмо отъ 27 февраля 1787 г.

3 Тамъ же,—письмо отъ 14 августа 1787 г., а также для поясненія дѣла,—письмо отъ 4 сентября.

4 Тамъ же,—письмо отъ 25 сентября.

5 Тамъ же,—письма Левинскаго, отъ 20 и 27 ноября 1787 г.

6 Тамъ же.

7 Тамъ же,—письмо Смогоржевскаго, отъ 16 окт. 1787 г.

8 № 1003—письмо Ростоцкаго, отъ 10 сент. 1787 г.

обратить уніатовъ въ латинство [1]. Свѣдѣнія эти оказались кратковременными и крайне преувеличенными. Сеймъ не установилъ свободы совѣсти, не уничтожилъ уніи и въ первое время сдавилъ православныхъ такъ, какъ не удавалось сдавить никогда самому Смогоржевскому; но этотъ неутомимый ратоборецъ за унію, какъ средство къ спасенію Польши, не дожилъ до этого времени. Онъ умеръ въ томъ же 1788 году.

Викторъ не могъ не понимать Смогоржевскаго. Сохранилось одно письмо Виктора къ нему, изъ котораго видно, что фанатизмъ Смогоржевскаго къ православнымъ и его коварство хорошо были знакомы Виктору [2]; но нѣтъ никакого основанія думать, чтобы Викторъ понималъ всю широту плановъ Смогоржевскаго, а тѣмъ болѣе, чтобы онъ понималъ направленіе польскихъ дѣлъ [3]. Онъ съ поразительною вѣрностью исполнялъ заданную ему задачу—наблюдать statu quo, не задумываясь надъ затрудненіями выполнить его, и держалъ дружбу съ панами, не проникая въ ихъ замыслы. Онъ не принималъ уніатовъ въ православіе [4] и боялся назначать священниковъ безъ соизволенія пановъ [5]. Съ такою же вѣрностію онъ хотѣлъ сдѣлать свою паству вѣрноподданною польскому королю. Собираясь обозрѣвать свою паству, послѣ принесенія присяги польскому королю, Викторъ предписалъ духовенству сдѣлать весьма важную перемѣну,—поминать польскаго короля прежде русской императрицы [6]. Странное положеніе Виктора нѣкоторые украинскіе священники, можно думать, давно уже стали разгадывать, и еще въ 1786 г. обращались въ своихъ нуждахъ не къ нему, а къ кіевскому ми-

[1] Тамъ же,—письма Ростоцкаго отъ 18 января, 30 марта, 5 мая и 11 августа 1788 г.

[2] Annexa, стр. 361—4.

[3] Въ одномъ письмѣ Викторъ говорилъ, что онъ ожидалъ встрѣтить затрудненія съ противной (уніатской, польской) стороны, но почти не встрѣчаетъ ихъ. Тамъ же, стр. 373.

[4] Тамъ же, стр. 309. Священникъ Фурсевичъ, желавшій присоединиться, долженъ былъ ѣхать въ Могилевъ къ Георгію Конисскому. Викторъ боялся даже выдать ему паспортъ на проѣздъ. «Я не осмѣлился сдѣлать этого по политическимъ причинамъ», объяснялъ Викторъ въ письмѣ къ Георгію Конисскому.

[5] Тамъ же, стр. 203—6.

[6] Арх. св. с., д. 1785, № 98, л. 457; Annexa, стр. 366—7 и 367—8.

трополиту [1]. Призывъ къ поминанію польскаго короля встрѣченъ былъ съ негодованіемъ и нѣкоторые, какъ выражается Викторъ, «поупрямились было возносить его королевскаго величества имя въ церковныхъ, гдѣ надлежитъ, священнодѣйствіяхъ» [2]. Но украинскіе священники узнали отъ Виктора и другія новшества, до тѣхъ поръ никѣмъ не усвояемыя изъ православныхъ западной Россіи. 2 октября 1786 г. Викторъ на просьбу какого-то пана, желавшаго въ заселенной слободѣ имѣть особую церковь и посылавшаго къ Виктору кандидата на священство, съ неохотою согласился на основаніе новаго прихода, но отвергъ присланнаго кандидата, какъ неспособнаго, и послалъ своего, который, по словамъ Виктора, лучше съумѣетъ удержать хлопство въ вѣрности и повиновеніи пану [3]. 10 декабря того же года Викторъ въ письмѣ,—вѣроятно къ какому-то князю,—проситъ его предложить своимъ управляющимъ, чтобы они ловили бродящихъ монаховъ, и если монастыри не примутъ ихъ, то чтобы снимали съ нихъ иноческую одежду, брили имъ бороды и обращали въ работу. «Не нужно при этомъ бояться какихъ либо непріятныхъ послѣдствій, писалъ Викторъ. Я дѣлаю это, какъ пастырь, какъ обыватель страны, уполномоченный на исполненіе моихъ обязанностей привилегіей самаго свѣтлѣйшаго короля, моего милостиваго государя. Нужно еще и то имѣть въ виду, что между такими монахами больше всего бываетъ иноземцовъ изъ Валахіи и Греціи; могутъ подъ иноческою рясой скрываться и запорожцы, а этого сброда нужно бояться особенно теперь, во время войны» [4].

Съ этими взглядами на украинское духовенство, Викторъ сталъ объѣзжать свою украинскую паству въ августѣ 1787 года и пробылъ въ ней до октября слѣдующаго года, т. е. слишкомъ годъ. Путешествіе это не разъ прерывалось болѣзнями глазъ, ногъ Виктора, но еще болѣе оно затруднялось нравственными его страданіями. Въ свою паству Викторъ вступалъ съ такими воззрѣніями, которыя украинцы не легко могли отличать отъ польскихъ воззрѣній. Онъ забылъ, что

---

[1] Арх. св. с., д. 98, л. 302, Annexa, стр. 252, 272.
[2] Арх. св. с., д. 98, л. 457.
[3] Annexa, стр. 365.
[4] Annexa, стр. 369.

его украинская паства слишкомъ 70 лѣтъ оставалась безъ мѣстнаго пастыря, подвергалась страшнымъ религіознымъ и гражданскимъ переворотамъ, слишкомъ мало имѣла внѣшняго порядка и стройности въ управленіи, и много людей, выдвинутыхъ бурями смутъ и не желавшихъ знать никакихъ порядковъ и никакой стройности. Той нравственной силы, которая скрывалась въ Украинѣ подъ внѣшнею нестройностію ея церковныхъ дѣлъ и спасла русскую ея народность и православную вѣру, Викторъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть, а все свое вниманіе, всю свою власть обратилъ на безчинія. Въ монастыряхъ онъ находилъ лишь послѣднее раззорѣніе [1]; въ числѣ иноковъ главное его вниманіе обратили на себя бродяжные иноки [2]; въ бѣломъ духовенствѣ онъ увидѣлъ зло въ устройствѣ духовныхъ правленій [3], а въ протопопахъ—сообщниковъ уніатовъ и грабителей духовенства [4]. О народѣ украинскомъ мы не нашли упоминанія въ донесеніяхъ и письмахъ Виктора, за исключеніемъ одного вопроса: Виктора поразило, что изъ среды богатыхъ крестьянъ выходили ставленники [5].

Нѣтъ сомнѣнія, что Викторъ, занявшись благоустройствомъ

---

[1] Арх. св. с., д. 1785, № 98, л. 308.

[2] «Нашелъ я въ нихъ (въ монашествующихъ обоего пола) застарѣлое бродяжество, самовольное по лѣсамъ, по пасѣкамъ и по селамъ въ мірскихъ домахъ ночеваніе»... Тамъ же, донесеніе Виктора, л. 457.

[3] «Православное сего края священство, бывъ въ одномъ почти протопоповъ наблюденіи, пришло въ такое неустройство, что поправленіе онаго требовало моего здѣсь немаловременнаго бытія». Тамъ же. Викторъ, какъ увидимъ, и впослѣдствіи держался предубѣжденія противъ протопоповъ и не хотѣлъ знать духовныхъ правленій.

[4] Викторъ подробно разсказывалъ, какъ извѣстный намъ смилянскій протопопъ Радзимовскій ѣздилъ съ уніатами и взыскивалъ королевскую подать, оставляя часть ея въ свою пользу, какъ онъ отъ имени Ксаверія Любомірскаго продавалъ презенты (право на занятіе прихода), какъ онъ не защищалъ своего духовенства отъ панскихъ и уніатскихъ обидъ. Викторъ въ своемъ донесеніи привелъ даже дошедшія до него слова жены Радзимовскаго, сказанныя ею въ отвѣтъ на просьбу одного православнаго священника защитить его отъ грабительствъ уніатскихъ: «если священникамъ бѣда, то намъ хорошо, а если имъ хорошо, то намъ худо». Радзимовскій былъ удаленъ отъ должности. О заслугахъ его нѣтъ въ донесеніи ни слова. Тамъ же, л. 456.

[5] Тамъ же, л. 452.

своей украинской паствы, встрѣтилъ дѣйствительныя злоупотребленія и облегчалъ положеніе многихъ, страдавшихъ отъ этого. Такъ, онъ увидѣлъ страшное зло панскихъ презентъ, которыя часто продавались, какъ бы съ аукціона, и за которыя священники тогда должны были платить вновь не только при перемѣнѣ помѣщика, но даже и при перемѣнѣ его управителей, и при этой уплатѣ бѣдные священники подвергались истязаніямъ,— ихъ водили на веревкахъ, на нихъ верхомъ ѣздили сборщики этой новоизобрѣтенной подати [1]. Викторъ обратилъ также вниманіе на бѣдственное положеніе вдовъ и сиротъ умершихъ священниковъ, которыя, при обычаѣ народа избирать себѣ священниковъ, весьма часто оставались безъ всякой помощи и сыновья священниковъ обращались въ хлопство. Викторъ покровительствовалъ извѣстному и въ Украинѣ, но несильному тамъ обычаю пристроивать дочерей умершихъ священниковъ выдачей ихъ за мужъ за кандидатовъ, ищущихъ священническихъ мѣстъ. Кромѣ того, онъ заботился о заведеніи училищъ для образованія дѣтей священническихъ, чтобы этимъ спасти ихъ отъ закрѣпощенія и приготовить къ поступленію въ слуцкую семинарію [2]. Нельзя также не принять во вниманіе, что на Виктора перваго пала не легкая обязанность благоустроять по принятымъ образцамъ епархію, мало знакомую съ этими образцами. Подобный, хотя гораздо меньшій трудъ не легко доставался и Георгію Конисскому въ могилевской епархіи [3]. Нѣтъ основанія не вѣрить словамъ Виктора въ одномъ его письмѣ, что требованіе его на Украинѣ—бичь для злодѣевъ, а для людей честныхъ, несправедливо страдающимъ—облегченіе и оживленіе [4]. Но нѣтъ сомнѣнія, что Викторъ больше думалъ о бичѣ, чѣмъ о той кротости, которую ему совѣтывалъ дальновидный Георгій Конисскій, что онъ вооружилъ противъ себя большинство украинскаго духовенства и самъ дошелъ до явно несправедливаго мнѣнія объ немъ. «Воротившись отъ воротъ

---

[1] Тамъ же, л. 452—3.

[2] Тамъ же.

[3] Если вѣрить уніатскому извѣстію, бѣлоруссы-монахи очень тяготились властію надъ ними пріѣхавшихъ съ Георгіемъ малороссовъ, которые расправлялись съ ними по-казацки. См. выше, стр. 11, примѣч. 3.

[4] Annexa, стр. 377.

смерти, писалъ Викторъ 13 января 1788 г. къ кому-то изъ духовныхъ, боюсь, чтобы не пришлось попасть на ту же дорогу, особенно отъ этого необузданнаго и совершенно испорченнаго здѣшняго духовенства» [1]. «На будущее время, не извольте, пишетъ Викторъ къ другу своему Левандѣ, вѣрить ни просьбамъ, ни слезамъ украинскаго духовенства. Я рѣдко въ немъ вижу честнаго человѣка» [2].

Польское правительство и польское общество оказались самыми дурными цѣнителями польской вѣрноподданности и дружелюбія Виктора. Въ ихъ головахъ никакъ не вмѣщалось, чтобы онъ, русскій, православный епископъ, не стоялъ за русское народное дѣло въ западной Россіи, какъ они его понимали, чтобы онъ не былъ орудіемъ русскаго правительства и не подготовлялъ народнаго бунта. Іерархическія сношенія Виктора съ св. синодомъ и особенно получаемые имъ указы, въ числѣ которыхъ были и такіе, которые призывали православныхъ, напримѣръ, торжествовать побѣды надъ турками, совершенно сбивали съ толку поляковъ [3]. Кромѣ того, съ начала (1787 г.) турецкой войны русское правительство заготовляло провіантъ въ Малороссіи и закупало его у поляковъ. Поляки составили свои коммиссіи и назначали, особенно на Волыни, крайне высокія цѣны [4]. Русскіе военачальники были раздражены этимъ и высказывали угрозы, которыя сейчасъ же навели страхъ на поляковъ, страхъ особенно за то, чтобы съ русскими не сталъ за одно народъ. Наплывъ въ Малороссію русскихъ торговцевъ, вращавшихся между народомъ и уніатскимъ духовенствомъ, еще болѣе увеличилъ этотъ страхъ. Польскій сеймъ назначилъ для изслѣдованія бунта коммиссію, которая стала страшно тиранить народъ и уніатское духовенство на Волыни [5]. Полякамъ казалось рѣшительно невѣроятнымъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ не участвовалъ Викторъ. Викторъ

---

[1] Annexa, стр. 373.
[2] Тамъ же, стр. 372.
[3] Annexa, стр. 309, 332—6, 420—1.
[4] Собр. закон., № 17044.
[5] Вся эта исторія разсказана и подтверждена документами уніатскимъ архипресвитеромъ Бродовичемъ въ сочиненіи: Widok przemocy. Львовъ 1861 г.

какъ мы уже упоминали, давно былъ подъ наблюденіемъ уніатовъ. Послѣ выѣзда его изъ Варшавы (осенью 1786 г.) онъ былъ окруженъ цѣпью зорко слѣдившихъ за нимъ наблюдателей. Къ этому дѣлу призваны были всѣ монастыри базиліанскаго ордена [1]. Одни ли уніаты наблюдали за Викторомъ и что оказывалось по этимъ наблюденіямъ, не знаемъ, но извѣстно, что въ то время, когда восторжествовавшая въ Польшѣ и увлекшая за собою короля польская либеральная партія составляла проекты новой польской конституціи, рѣшено было арестовать Виктора, какъ крайне опаснаго человѣка, виновнаго въ государственномъ преступленіи—измѣнѣ Польшѣ и возмущеніи народа.

Возвратившись съ объѣзда по епархіи 7 или 8 октября 1788 г., [2]. Викторъ занялся дѣлами консисторіи. Какія-то дурныя дѣла секретаря, вѣроятно, Сухозанета [3], причиняли ему большое горе [4], а болѣзнь глазъ и, вѣроятно, утомленіе дѣлали его не аккуратнымъ въ перепискѣ даже съ близкими людьми, такъ что Викторъ за это получилъ выговоры, напримѣръ, отъ кіевскаго митрополита Самуила [5]. Съ самаго возвращенія въ Слуцкъ надъ нимъ стала собираться гроза польскаго фанатизма. «На сеймовой сессіи 21 апрѣля (1789 г.) доложено было чинамъ сейма, писалось въ варшавской газетѣ Czas, что поступившія донесенія извѣщаютъ объ усиливающихся подущеніяхъ народа къ бунту, дѣлаемыхъ дизунитскими попами и русскими маркитантами и что дизуницкій слуцкій епископъ приказалъ всѣмъ своимъ чернцамъ и попамъ присягать на вѣрность русской императрицѣ, а попы приводили хлоповъ къ присягѣ не только на вѣрность императрицѣ, но и на то, чтобы вырѣзать ляховъ, т. е. шляхту. По этому маршалы конфе-

[1] Арх. ун. м., № 1000,—письмо изъ Почаева генеральнаго викарія Іероѳея Корчинскаго отъ 28 окт. 1786 г.; тамъ же, письмо неизвѣстнаго изъ Чернобыля отъ 17 декабря того же года.

[2] Викторъ самъ различно показывалъ день своего возвращенія. Арх. св. с., д. 1785, № 98, л. 466; д. 1789 г., № 112, л. 176.

[3] Онуфрій Сухозанетъ, офицеръ князя Радивила. Опредѣленъ былъ Викторомъ, получилъ чинъ и бросилъ секретарство, д. 98, л. 344—5, 394; Annexa, стр. 409.

[4] Annexa, стр. 399.

[5] Annexa, стр. 422—3; Арх. сбор. т. 5, стр. 243.

дераціи приказали строго наблюдать за упомянутымъ слуцкимъ дизунитскимъ епископомъ, чтобы, когда понадобится, доставить его въ Варшаву для объясненія» [1]. Наблюденія и приготовленія къ аресту Виктора начались гораздо раньше. «Какъ только поворотился онъ, преосвященный Викторъ, изъ Украины», доносили кіевскому митрополиту Самуилу бѣжавшіе изъ Слуцка каѳедральный казначей іеромонахъ Протасій и префектъ семинаріи Пантелеймонъ Иллекевичъ [2], «что вдругъ начали поляки проговаривать секретно, безъ всякой причины, якобы намѣренъ преосвященный бунтъ здѣлать и вырѣзать всѣхъ католиковъ, что̀, день со дня увеличиваясь поговорками ложными поляковъ, донесено было, хотя не скоро, преосвященному, но преосвященный, будучи въ совѣсти своей чистъ, не уважалъ ни мало сего и ни за что ставилъ. Потомъ, спустя они нѣсколько времени, еще больше начали проговаривать и пріѣздили къ преосвященному совѣтовать, чтобы письменно отозвался къ его сіятельству князю Радзивиллу о той произнесенной лжѣ, на что преосвященный отвѣтствовалъ имъ: какъ де я чистъ отъ сего, такъ не буду и писать. Потомъ опять еще паче сіе разглашалось; ибо они вездѣ гласили, что непремѣнно либо на праздникъ свѣтлый ихъ, либо нашъ будутъ вырѣзаны всѣ поляки отъ людей нашей религіи, но по прошествіи какъ ихъ, такъ и нашего (праздника), хотя они узнали, что то ложь, однако скрытно таили въ себѣ коварство свое; ибо пріѣзжали съ поздравленіемъ праздникомъ къ преосвященному, хотя и стыдно имъ было за такую произнесенную ложь на преосвященнаго, а паче тѣмъ, что преосвященный, какъ ни въ чемъ не виноватъ, то за сіе выговоръ дѣлалъ имъ. Наконецъ, а именно 17 апрѣля, пріѣхали они къ преосвященному совѣтовать, чтобы ѣхалъ въ Варшаву къ его сіятельству князю Радзивиллу, предлагая (говоря), якобы онъ просилъ преосвященнаго туда, чему преосвященный, не получивъ письма отъ него, не повѣрилъ, и потому не хотѣлъ и поѣхать, а выѣхалъ тогожъ самаго дня (17 апрѣля) въ грозовскій монастырь, отстоя-

[1] Арх. св. с., д. 1789, № 112, л. 56. Какія еще мѣры приняли маршалы, увидимъ ниже.

[2] Донесеніе Протасія и Пантелеймона Иллекевича объ арестѣ Виктора самое подробное. Кромѣ его мы знаемъ донесеніе самого Виктора и донесеніе Варлаама (Шишацкаго). Всѣ они въ дѣлѣ св. с. 1789 г., № 112.

щій отъ каѳедры за три мили (21 верст.), что они послыхавъ, вдругъ побѣгли догонять, чтобы арестовать преосвященнаго на дорогѣ, но не удалось имъ, ибо прежде поспѣлъ въѣхать преосвященный въ монастырь, сіижъ самые поляки, чтобъ совершить непремѣнно свое злоумышленіе, стояли въ мѣстечкѣ тамошнемъ при монастырѣ мало не сутки, дожидаясь, пока выѣдетъ преосвященный оттуда, и по выѣздѣ преосвященнаго изъ онаго монастыря (18 апрѣля), отпустивъ они преосвященнаго проѣхать какъ бы милю (7 верстъ), и напавъ съ казаками вооруженными и съ подданными (крестьянами) своими, взяли въ арестъ и повезли въ городъ Несвижъ, гдѣ, какъ говорятъ они, долженъ находиться преосвященный до тѣхъ поръ, пока не получено будетъ повелѣніе отъ князя Радзивила или отъ рѣчи посполитой, чтобы ѣхать въ Варшаву» [1]. Тогда же были арестованы: настоятель братскаго монастыря Кипріанъ Островскій, консисторскій писарь священникъ Стефанъ Симоновичъ, священникъ Иродіонъ Аблонскій, консисторскіе подканцеляристы—Иванъ Скуловскій и Павелъ Баршевскій, дворецкій Алексѣй Чернявскій и келейникъ Лука Копастинскій [2]. Въ Несвижѣ Виктора заключили въ крѣпость и заставили его издать окружное посланіе, въ которомъ онъ призывалъ духовенство и народъ своей епархіи совершать въ праздники молебны о здравіи и благоденствіи короля и сеймовыхъ чиновъ и объ успѣхѣ ихъ дѣйствій, предписывалъ духовенству внушать народу быть вѣрнымъ панамъ и не замышлять ничего противъ нихъ, предавалъ проклятію всякаго, кто бы изъ духовенства осмѣлился подговаривать народъ къ бунту и приводить къ какой либо присягѣ, и приказывалъ доносить о таковыхъ панамъ; наконецъ приказывалъ всѣмъ—духовнымъ и свѣтскимъ своей паствы—быть вѣрными *не кому другому*, а рѣчи посполитой и ея панамъ. Грамоту эту Викторъ приказывалъ читать въ церквахъ предъ народомъ, объяснять ее ему, и въ церквахъ, и вездѣ, гдѣ только представится случай, и донести ему безъ замедленія объ исполненіи этихъ приказаній [3]. Грамота подписана Викторомъ 25 апрѣля.

[1] Арх. св. с., д. 1789, № 112, л. 73—4.
[2] Тамъ же, л. 177.
[3] Аппеха, стр. 426—431. Поступокъ этотъ объясняется и, можетъ

Торжественное засвидѣтельствованіе Викторомъ своего польскаго гражданства и косвенное отреченіе отъ Россіи не спасли его однако отъ подозрѣній польскаго правительства. Въ началѣ мая онъ потребованъ былъ въ Варшаву. 27 (16) мая въ варшавской газетѣ Czas такъ описывался его въѣздъ или вшествіе въ Варшаву: «въ прошедшій понедѣльникъ (9 мая) къ вечеру слуцкій дизуницкій епископъ вмѣстѣ съ своимъ оффиціаломъ и другими пятью лицами приведенъ въ Варшаву подъ карауломъ солдатъ рѣчи посполитой, при огромномъ стеченіи народа по улицамъ.» Эта фанатическая польская торжественность неожиданно прервана была другою совершенно противоположною ей. Когда пришлось разводить этихъ необычайныхъ преступниковъ и Виктора отдѣляли отъ его свиты, то онъ осѣнилъ ее архіерейскимъ благословеніемъ и она пропѣла ему εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα [1]. «Епископъ и его оффиціалъ, говорилось далѣе въ газетѣ, помѣщены въ здѣшнемъ домѣ рѣчи посполитой, называемомъ домомъ Красинскаго, а другія лица заключены въ цейхгаузъ. Еще прежде привели сюда нѣсколько другихъ поповъ и козака и всѣхъ ихъ держатъ подъ стражей» [2]. Въ Варшавѣ Викторъ содержался до 12 числа іюня 1792 года [3]. Къ Виктору рѣдко кого изъ духовныхъ допускали, даже не всегда дозволяли ему имѣть іеромонаха для отправленія всенощныхъ и обѣденныхъ молитвословій въ его заключеніи, а когда дозволяли и пропускали къ нему кого либо съ церковными книгами, то запрещали говорить иначе, какъ по польски и громко, и по листамъ пересматривали церковныя книги [4].

Поляки представляли Виктора страшнымъ преступникомъ, вождемъ громаднаго мятежнаго войска (всего западно-русскаго народа), приготовившагося вырѣзать всѣхъ поляковъ. Они не

быть, нѣсколько ослабляется его важность тѣмъ, что еще 7/18 апрѣля, какъ увидимъ ниже, маршалы конфедераціи издали универсалъ, которымъ, между прочимъ, запрещали поминать въ церквахъ чужихъ царственныхъ особъ, приказывали поминать лишь польскаго короля и приносить присягу на вѣрность ему и рѣчи посполитой.

[1] Кіевск. епарх. вѣд., за 1861 г., ч. неоф., стр. 141, преданіе.

[2] Арх. св. с., д. 1789, № 112, л. 56.

[3] Тамъ же, донесеніе Виктора.

[4] Арх. сборн., т. 2, стр. 142.

только розыскивали и захватывали его бумаги, но искали въ Слуцкѣ приготовленнаго будто бы оружія. «24 апрѣля (1789 г.) говорится въ донесеніи Протасія и Пантелеймона, приходили тѣ же самые поляки отъ двора князя Радзивила, которые бумаги взяли, а имянно: городскіе начальники и офицеры, искать въ каѳедрѣ, нѣтъ ли какихъ орудій, пріуготовленныхъ къ бунту, чего вездѣ, даже и въ церквѣ искали, что дѣлали и по другимъ монастырямъ, какъ то: въ грозовскихъ, въ виленскомъ и въ минскомъ» [1]. Въ послѣднихъ двухъ монастыряхъ обыски дѣлались съ необычайною тщательностію. «Когда начали въ Польшѣ носиться слухи, доносилъ Георгію Конисскому Варлаамъ, якобы греконеунитскіе духовные единовѣрной имъ народъ подговариваютъ къ бунтамъ и якобы на тотъ конецъ имѣютъ пріуготовленные у себя ножи и другія злодѣйскія орудія (то), стали....наши духовные быть притѣсняемы и преслѣдуемы, ибо по поводу тѣхъ непріязненныхъ разглашеній прошедшаго апрѣля (1789 г.) среднихъ числъ въ виленскомъ свято-духовскомъ и подвѣдомомъ оному минскомъ, петропавловскомъ монастыряхъ чинены были по повелѣнію правительства толь строгіе обыски, что даже и самые мертвыхъ вскрываемы были гробы» [2].

Вмѣстѣ съ этими мѣрами польское правительство приняло и другія, которыя касались уже всѣхъ православныхъ и ставили имъ роковой вопросъ: быть или не быть поляками. Передъ тѣмъ засѣданіемъ сейма, когда маршалы объявили, что должны предписать наблюдать за Викторомъ, они издали $^{7}/_{18}$ апрѣля универсалъ, предписывавшій всѣмъ выходцамъ изъ Россіи,—такъ называемымъ филипонамъ (торговцамъ, раскольникамъ) и странствующимъ монахамъ удалиться изъ предѣловъ Польши въ теченіе двухъ недѣль, подъ страхомъ подвергнуться заключенію въ крѣпостяхъ, а всѣ мѣстные духовные должны принести присягу на вѣрность польскому королю и польской рѣчи посполитой и впредь не поминать на богослуженіи царскихъ особъ иноземныхъ [3]. Слуцкая консисто-

---

1 Арх. св. с., д. 1789, № 112, л. 74.

2 Тамъ же, л. 2—3.

3 Арх. св. с., д. 1789, № 112, л. 102; Арх. ун. м., кн. 110, № 3; Angeberg, стр. 208—210.

рія, перепуганная арестомъ своего епископа и своихъ членовъ и представляемая лишь каѳедральнымъ намѣстникомъ игуменомъ Порфиріемъ и канцеляристомъ Иваномъ Когодовскимъ, рѣшила 20 апрѣля 1789 г. «разослать этотъ универсалъ и приказать объявить его въ монастыряхъ и церквахъ въ первый воскресный или праздничный день по литургіи при народномъ собраніи, совершить благодарственное молебствіе о здравіи короля и благоденствіи рѣчи посполитой, нигдѣ не поминать впредь ея императорскаго величества, ихъ императорскихъ величествъ, прибить къ церковнымъ дверямъ копіи съ универсала и всѣмъ немедля присягать на вѣрность королю и рѣчи посполитой, ловить и представлять властямъ волочащихся купцовъ, звощиковъ (извощиковъ) и пилипоновъ, также монаховъ и монахинь, не имѣющихъ свидѣтельствъ» [1]. Польскія власти не довольствовались однако ни этимъ распоряженіемъ, ни посланіемъ Виктора, а сами взялись за дѣло и вносили въ него изобрѣтенія своего усердія и фанатизма, не рѣдко напоминавшія западной Россіи самыя лютыя времена. Минскій гродской судъ, получивъ универсалъ маршаловъ, самъ приводилъ къ присягѣ иноковъ петропавловскаго монастыря и объявилъ виленскому игумену Варлааму, который отказался отъ этой присяги, «какъ присяжный и природный Россіи подданный», «выѣхать изъ Польши, или ожидать неминуемыя нарушителямъ узаконеній опредѣленныя казни» [2]. Въ Украинѣ главнымъ мѣстомъ, куда должны были собираться православные, а также и уніатскіе духовные и приносить присягу, былъ Житоміръ [3]. Кромѣ того собирали духовенство и въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ Брацлавѣ, Смилѣ [4]. Наконецъ, поляки сами разъѣзжали по разнымъ мѣстамъ, сами приводили къ присягѣ не только духовенство, но и народъ, при чемъ самый обрядъ присяги обставляли иногда возмутительными особенностями. Вотъ какъ, напримѣръ, происходила присяга въ Шполѣ. «Какой-то полковникъ изъ от-

---

[1] Арх. св. с., д. 1789, № 112, л. 4—5.

[2] Тамъ же, л. 2—3.

[3] Кіевск. епарх. вѣд., за 1861 г., ч. неоф. стр. 144.

[4] Арх. ун. м., связка 441, письмо изъ Канева отъ 20 іюля 1790 г.; Кіевск. епарх, вѣд. Тамъ же, стр. 222.

ряда генерала Ердича, доносилъ синоду кіевскій митрополитъ Самуилъ, ввелъ ихъ (игуменовъ и протопоповъ) въ корчму, гдѣ для видѣнія и слышанія оной присяги собрана была вся шполянская громада, то есть, тамошніе обыватели, и тамо въ корчмѣ, то есть, въ питейномъ домѣ, положа на столъ евангеліе и крестъ, къ присягѣ ихъ приводилъ....потомъ подписывались, незная на что и стало всѣхъ брать сомнѣніе»..... «Вездѣ по городамъ и селамъ десятники устроены и всѣ громады, то есть обыватели, невѣдомо на что крестами подписывались.....и тамъ нынѣ въ народѣ не малое смущеніе происходитъ и вездѣ рѣчи произносятся, что точно они на унію присягали» [1]. Въ Украинѣ, впрочемъ, поляки сначала стѣснялись задѣвать прямо народъ. Они сочли даже нужнымъ объяснять, для чего приводятъ къ присягѣ. «Какъ прежде сего была въ Польшѣ рѣзанина, говорили они, единственно съ поводу монаховъ и поповъ, то дабы и нынѣ того не послѣдовало, предупредили привесть къ присягѣ» [2]. Но тамъ гдѣ народъ былъ слабѣе, забитѣе, гдѣ меньше можно бояться возстанія, тамъ поляки давали полную волю своей изобрѣтательности и своему фанатизму. Представителемъ этого направленія въ полномъ его развитіи можетъ служить порутчикъ князя Радивила и управляющій грозовскими имѣніями новогородскаго кастелянича Михаила Незабитовскаго—Викентій Моравскій. Онъ далъ себѣ право изобрѣсть свою форму присяги и изобрѣлъ такую чудовищную, что отъ нея съ ужасомъ должны

---

[1] Арх. св. с., д. 1789, № 112, л. 26—27. Форма присяги священниковъ была слѣдующая: я N N присягаю Господу Богу вседержителю, въ Троицѣ святой единому въ томъ, что его величеству королю польскому Станиславу Августу и свѣтлѣйшей республикѣ польской хочу быть вѣрнымъ, преклоннымъ, обязаннымъ и послушнымъ; всѣ обстоятельства, которыя бы краю республики польской, государству и подданнымъ ихъ вредить имѣли и мнѣ были извѣстны, открою и вѣрно объявлю. При томъ всемѣрно всякое зло предупредить, и прихожанъ своихъ въ благомысліи, согласномъ съ доброю совѣстью и приверженностію къ своимъ владѣльцамъ наставлять буду, и ничего противнаго и вреднаго республикѣ и всѣмъ ближнимъ такъ самъ чрезъ себя, какъ и чрезъ подговоренныя особы не сдѣлаю. Такъ мнѣ Господи Боже помози и невинное страданіе сына его. Аминь. Тамъ же, л. 37. Польскій текстъ, Кіевск. епарх. вѣд., за 1861 г., ч. неоф., стр. 221—2.

[2] Тамъ же, д., № 112, л. 35.

чинается. «Мы духовенство греческое не унитское въ великомъ княжествѣ литовскомъ, а особливо въ воеводствѣ новогородскомъ, по поводу произшедшихъ на Украинѣ нѣкототорыхъ возмущеній, неправедно подозрѣваемые въ ужасномъ преступленіи возбужденія нами на исповѣдяхъ у насъ простого народа къ бунтамъ противъ верховной и сущей нашей власти, и по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ лишившись преосвященнаго епископа переяславскаго и бориспольскаго, коадъютора кіевской митрополіи и слуцкаго архимандрита Виктора Садковскаго взятого для объясненія, не упуская пристойныхъ средствъ искать за обиды при взятіи преосвященнаго епископа и весьма недавно въ разныхъ мѣстахъ и отъ разныхъ персонъ противъ справедливости и общаго права причиненнныя, за нужно разсудили торжественнѣйше протестовать предъ Богомъ и всѣмъ свѣтомъ, что мы вовсе не повинны толь страшному злодѣянію. Религія наша равно, какъ и всѣ христіанскія, строжайше повелѣваетъ хранить нелицемѣрную вѣрность къ своему государю и государству, гнушаясь всячески непослушаніемъ власти, тѣмъ паче ужаснѣйшимъ злодѣйствомъ измѣны любезному отечеству. Хотя мы въ томъ неизобличены, но уже чувствуемъ тѣ угнетенія и пораженія, кои едва бы и по доказательствамъ вины послѣдовать могли» [1]. Смѣлость Петелькевича заявить публично о дѣлахъ Моравскаго показываетъ, что и среди жестокаго разложенія въ православномъ обществѣ, произведеннаго дѣлами Виктора и поляковъ, были люди, которые свято исполняли свой долгъ [2]. Такъ, кромѣ Петелькевича, игуменъ виленскаго монастыря Варлаамъ отказался принести присягу на вѣрность Польшѣ и спасая свое русское подданство, поѣхалъ въ Могилевъ, подвергая свою жизнь опасности и бросивъ все свое имущество и, между прочимъ, свою, какъ видно, большую библіотеку, о которой потомъ вспоминалъ съ великимъ опа-

---

[1] Тамъ же, л. 140.

[2] Петелькевичъ, рѣшившійся взять на себя полномочіе принести жалобу, долженъ былъ обладать большою смѣлостію, потому что въ Слуцкѣ и оставшіеся члены консисторіи были на сторонѣ поляковъ, и слуцкій бургомистръ Непрецкій подписывалъ вмѣстѣ съ Моравскимъ присяжные листы (тамъ же, л. 140).

сеніемъ за ея судьбу [1]. Еще большее самоотверженіе показали иноки медвѣдовскаго монастыря (на Украинѣ).

Когда польская команда предъявила имъ универсалъ маршаловъ и предписаніе мотренинскаго игумена Иринарха присягать Польшѣ, то они, «видя ихъ ухищренное умышленіе, что не только къ пользѣ монастырской не дѣлается, но и къ душевредству и вѣроломству, принять сего, росписаться и присягу учинить, безъ повелѣнія своего пастыря, не похотѣли», доносили медвѣдевскіе иноки кіевскому митрополиту Самуилу, «почему тогожъ мая 8 дня, когда началъ собираться народъ къ храмовому празднику, то конфедератскіе команды, вокругъ монастыря обступили и народъ разогнали, и, на самый день святителя христова Николая, священнослуженіе въ медвѣдовскомъ монастырѣ было подъ арестомъ, окруженное войскомъ, [2] а 11 числа пріѣхалъ ротмистръ оной конфедераціи, созвалъ всѣхъ вообще монашествующихъ и приводилъ къ томужъ злоухищренному своему дѣлу, и какъ они единодушно того принять не похотѣли, то взявъ медвѣдовскаго монастыря игумена Виссаріона подъ арестъ, невѣдомо гдѣ повезли къ отвѣту и къ принужденію къ злоумышленію ихъ, и что съ нимъ здѣлается, Богъ вѣсть, [3] монастырь же командами атакованъ такъ, что ни въ монастырь, ни изъ монастыря и за крайнею необходимостію никому вытти нельзя». [4] Многіе другіе иноки и священники бѣжали въ Россію отъ этихъ новыхъ бѣдствій и размѣщались въ кіевской и переяславской епархіяхъ. [5] Православное населеніе польскаго государства приведено было въ страшное броженіе, и трудно было предвидѣть конецъ этому броженію, потому что сверху, изъ

---

[1] Тамъ же, л. 2—3; Археогр. сборн. т. 5, стр. 244—5. Это тотъ самый Варлаамъ Шишацкій, который потомъ былъ викарнымъ Виктора, затѣмъ могилевскимъ архіеписк. и въ 1812 году принесъ присягу Наполеону. На свой отказъ отъ польской присяги ссылался самъ Варлаамъ. См. Арх. сборн. т. 2, стр. XCIV, объясненіе Варлаама.

[2] И въ это время, конечно, поминалось на службѣ имя Екатерины.

[3] Виссаріонъ доставленъ былъ въ Варшаву. Арх. св. с., д., № 112, л. 177.

[4] Тамъ же, л. 71—2.

[5] Арх. ун. м., связка 441, письма изъ Канева отъ 20 іюля и 10 августа 1790 г.; Кіевск. епарх. вѣд. за 1861 г., ч. неофф., стр. 144.

правительственной среды постоянно прибавлялись новыя и новыя мѣры, усилившія его. Изслѣдованіе этихъ новыхъ мѣръ можетъ, по нашему мнѣнію, хотя нѣсколько пролить свѣтъ на эти, повидимому, совершенно темныя и совершенно невѣроятныя дѣла польскихъ людей.

Послѣ смерти Смогоржевскаго, на уніатскую митрополичью каѳедру выдвинутъ былъ не ближайшій къ нему человѣкъ и любимецъ короля [1], администраторъ луцкой епископіи и коадъюторъ митрополита, извѣстый намъ Левинскій, а младшій коадъюторъ Смогоржевскаго, холмскій епископъ Ѳеодосій Ростоцкій. Ростоцкій происходилъ изъ слонимской шляхты, которая такъ крѣпко стояла за него, что даже помѣстила въ посольскую инструкцію своихъ пословъ на сеймъ порученіе—заявить радость, что изъ ея среды вышелъ епископъ, и позаботиться объ улучшеніи его матеріальнаго положенія на бѣдной холмской каѳедрѣ [2]. Ростоцкій гораздо больше, чѣмъ Смогоржевскій и Левинскій, стоялъ за унію. Онъ не связывалъ ея такъ тѣсно, какъ Смогоржевскій и Левинскій съ интересами короля и его партіи. Онъ больше ихъ смотрѣлъ на нее, какъ на вѣроисповѣданіе, и даже думалъ о защитѣ ея отъ латинства и о возстановленіи ея восточныхъ обрядовъ [3], но онъ еще больше, чѣмъ Смогоржевскій и Левинскій былъ далекъ отъ дѣйствительныхъ интересовъ уніи и народа уніатскаго. Онъ былъ базиліанинъ и папистъ несравненно больше ихъ, и выдвинутъ былъ партіей польскихъ папистовъ,—составлявшихъ оппозицію короля, и около 1790 г. соединившихся съ польскими либералами для пріобрѣтенія полнаго господства въ Польшѣ. Ростоцкій такъ былъ цѣнимъ этою партіей, что въ 1790 году она ввела его въ сенатъ и такихъ образомъ онъ—послѣдній изъ уніатскихъ митрополитовъ временъ Польши—первый вошелъ въ это заманчивое для всѣхъ уніатскихъ митрополитовъ, но никому изъ нихъ недоступное собраніе высшихъ поль-

---

[1] Науков. сборн. галицко-русск. матицы за 1866 г. вып. III и IV, стр. 280.

[2] Арх. ун. м., № 992, приложеніе къ письму Левинскаго отъ 3 окт. 1786 г. Назначенъ Ростоцкій холмскимъ епископомъ 1784 г.; тамъ же, № 1003, письмо Ростоцкаго отъ 15 іюля 1784 г.

[3] Арх. ун. м., № 1003, письма его отъ 8 марта 1786 г.; № 1000, отъ 12 іюня 1787; № 1003, отъ 30 марта, 5 мая 1788 г.

скихъ сановниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Это было такъ необычайно и Ростоцкій такъ боялся за прочность своего сенаторскаго кресла, что взялъ отъ короннаго маршала оффиціальное удостовѣреніе въ томъ, что засѣдалъ въ сенатѣ. [1] Таинственностію облечена дѣятельность Ростоцкаго и эта таинственность еще усилена тѣмъ, что памятники того времени, какъ и тогдашніе люди, испытали много невзгодъ отъ тогдашнихъ переворотовъ; но почти неоспоримое холодное безучастіе Ростоцкаго къ страданіямъ хорошо ему знакомаго Виктора и, еще болѣе, его безучастіе къ страданіямъ уніатовъ епархіи нелюбившаго базиліанъ и нелюбимаго ими Левинскаго [2] слишкомъ краснорѣчиво. Кромѣ того, уцѣлѣли нѣкоторыя отрывочныя донесенія и проекты малороссійскихъ базиліанъ и оффиціаловъ, имѣющіе въ настоящемъ случаѣ чрезвычайную важность.

На сколько можно судить по сохранившимся памятникамъ, уніаты епископскихъ епархій не принимали участія въ тогдашнемъ гоненіи православныхъ. Напротивъ извѣстно, что въ луцкой епископіи они во время страданій отъ поляковъ сблизились съ православными и это сближеніе ясно выразилъ въ своихъ запискахъ Бродовичъ. Только въ митрополичей епархіи, въ Украинѣ, мы видимъ, что рядомъ съ фанатиками-поляками стоятъ уніаты. Въ этомъ союзѣ съ польскими свѣтскими фанатиками прежде всѣхъ выступилъ представитель уніи въ томъ пунктѣ Украины, который, какъ мы знаемъ, давно предназначался противодѣйствовать вліянію на украинскій народъ Кіева,—выступилъ каневскій базиліанскій архимандритъ (opat) [3], имѣвшій, какъ видно по сохранившимся отрывкамъ, постоянную переписку съ Ростоцкимъ. 15 (4) сентября 1789

---

[1] Арх. ун. м., связка 441, подлинное удостовѣреніе великаго короннаго маршала Михаила Мнишка, подписанное 15 (4) сентября 1790 г. Въ этомъ удостовѣреніи говорится, что оно выдано по желанію Ростоцкаго и что онъ Ростоцкій засѣдаетъ на настоящемъ сеймѣ in plena auctoritate и исполняетъ сенаторскія обязанности.

[2] Арх. ун. м., № 991, письмо Левинск. отъ 12 апрѣля 1785 г.; № 1005, письмо Оренцкаго къ Смогорж. отъ 20 августа 1783 г.; № 988, письмо Левинскаго отъ 4 апрѣля 1782 г.

[3] Монастыри, гдѣ были opaty, а не superiory, были въ непосредственной зависимости отъ мѣстнаго архіерея, а не отъ базиліанскаго ордена.

года онъ предложилъ обратить вниманіе польскихъ коммиссій, приводившихъ къ присягѣ жителей Украины, что многіе православные священники не принесли присяги и однако живутъ въ предѣлахъ Польши, что теперь, когда запрещены сношенія съ Россіей, хорошо бы призвать на судъ (митрополичій) православныхъ священниковъ, какъ апостатовъ отъ уніи, и наконецъ, что теперь пора бы вспомнить о мотренинскомъ монастырѣ, который управляется навязаннымъ Россіей архимандритомъ и отъ котораго началась уманская рѣзня. [1] Въ 1790 г. когда каневскій архимандритъ узналъ, что Ростоцкій засѣдаетъ въ сенатѣ, то написалъ, что теперь самая лучшая пора отнимать на унію церкви въ Смилянщинѣ и наказать мотренинскій монастырь за уманскую рѣзню. [2] Эти желанія каневскій архимандритъ имѣлъ возможность сообщить раньше этого времени уніатскимъ властямъ на мѣстѣ, въ самой Украинѣ, или, вѣрнѣе всего, онъ и приходилъ къ этимъ желаніямъ на совѣщаніяхъ съ ними. Уніатскія мѣстныя власти имѣютъ тѣ же желанія и въ тоже время стараются осуществить ихъ. Пользуясь присутствіемъ польскихъ военныхъ командъ, онѣ забрались въ Смилянщину, въ черкасскій, мошенскій и даже чигиринскій округъ, и собрались было составлять списки уніатскихъ церквей. Въ Смилянщинѣ управители Потемкина дали имъ рѣшительной отпоръ и увлекли за собою другихъ владѣльцевъ: уніатамъ управители ни гдѣ не дали составлять списковъ уніатскихъ церквей, сказавъ, что сами составятъ эти списки, чего однако не дѣлали. [3] Вѣроятно, эти неудачи заставили каневскаго базиліанскаго архимандрита и украинскихъ уніатскихъ оффиціаловъ тѣснѣе примкнуть къ военнымъ польскимъ коммисіямъ и внушить имъ дѣйствовать въ ихъ интересахъ. Двѣ изъ этихъ коммисій,—брацлавская и звенигородская вошли въ половинѣ 1790 года въ прямыя сношенія съ митрополитомъ Рос-

Названіе этого архимнадрита не означено. Вѣроятно, это былъ Тчиневичъ, переписывавшійся еще съ Смогоржевскимъ въ 1787 г. Арх. ун. м., № 1000, письмо отъ 7 февр.

[1] Арх. ун. м., связка 441, указанное письмо.

[2] Тамъ же, письмо отъ 22 (11) сентября.

[3] Тамъ же, выдержка изъ писемъ Трохлинскаго отъ 8 окт. и 23 декабр.; Сушицкаго отъ 26 окт. и 16 декабр. 1789 г.

тоцкимъ. Онѣ просили его похлопотать, чтобы чины сейма уяснили нѣкоторыя обязанности ихъ и расширили ихъ власть. Онѣ просили, чтобы пунктъ маршальскаго универсала о высылкѣ странствующихъ иноковъ былъ распространенъ на живущихъ по монастырямъ. Особенное ихъ вниманіе, какъ и каневскаго базиліанина, обращалъ мотренинскій монастырь. Онѣ просили разрѣшенія чиновъ сейма разрушить этотъ монастырь. Затѣмъ онѣ просили разъясненія касательно безмѣстныхъ православныхъ священниковъ, живущихъ по деревнямъ на чиншовой землѣ. Онѣ предлагали обратить этихъ священниковъ въ крѣпостное состояніе. [1] Отъ этихъ мѣръ, вѣроятно, ожидалось совершенное истребленіе православія. Между украинскими уніатскими властями шла рѣчь, какъ бы обратить въ унію всѣхъ схизматиковъ. Трохлинскій доносилъ Ростоцкому, что на этотъ вопросъ, заданный ему его оффиціаломъ (какимъ, не знаемъ) онъ отвѣтилъ, что для этого помѣщики должны обезпечить уніатское приходское духовенство землей, не брать ничего за презенты, не требовать никакихъ условленныхъ поборовъ и обращаться съ ними учтиво. [2] Военныя польскія коммиссіи поняли это дѣло глубже и шире. Онѣ предлагали сейму черезъ Ростоцкаго и сами дѣлали распоряженія на мѣстахъ, «чтобы помѣщики не такъ поступали съ народомъ, какъ до сихъ поръ, а священники чтобы просвѣщали народъ поученіями и хорошими примѣрами жизни, т. е. прежде всего объясняли ему, чѣмъ онъ обязанъ Богу, отечеству и панамъ, что крестьянство должно быть удерживаемо въ страхѣ божіемъ, добросовѣстности, трезвости и постоянствѣ; ему должно быть объясняемо, что каждый лѣнтяй есть бремя для общества, и должно быть внушаемо работать и хорошо воспитывать своихъ дѣтей; прислужники помѣщиковъ и жиды-арендаторы не должны глумиться надъ народомъ, не грабить его, не оскорблять его словами, противными доброй нравственности и человѣколюбію. Тогда мы, говорятъ эти коммисіи, имѣющіе не мало враговъ нашего отечества, не будемъ ихъ имѣть, по

---

[1] Тамъ же, донесеніе брацлавской и звенигородской коммисій отъ 23 іюля 1790 г.

[2] Тамъ же, содержаніе донесенія Трохлинскаго отъ 29 апрѣля 1790 г.

крайней мѣрѣ, среди себя, а напротивъ умножимъ число рукъ для защиты отечества общими силами» [1]. Словомъ, жестокосердіе и человѣколюбіе совмѣщались во всѣхъ этихъ планахъ поразительнымъ образомъ. То же соединеніе непримиримыхъ началъ и неожиданный переходъ отъ жестокости къ человѣколюбію представляетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и непрерывный конфедераціонный польскій сеймъ того времени.

Въ апрѣлѣ 1790 года польскій сеймъ преложилъ свой гнѣвъ по отношенію къ русскому народу на милость. Къ этому времени сеймовая коммиссія, назначенная для изслѣдованія дѣла о бунтахъ, окончила свой трудъ, и послѣдніе дни марта 1790 года употреблены были сеймомъ на чтеніе и обсужденіе донесенія этой коммиссіи. Коммиссія и сеймовые ораторы пришли къ убѣжденію, что Викторъ виновенъ въ государственномъ преступленіи и требовали суда надъ нимъ [2]. Судъ этотъ былъ назначенъ, поляки вздохнули свободно, и 13 (2) апрѣля сеймовые маршалы универсаломъ пригласили всѣхъ жителей Польши принести Богу благодареніе за избавленіе Польши отъ угрожавшаго ей бѣдствія—бунта крестьянъ. При этомъ маршалы объявили, что король и чины сейма признаютъ права иновѣрцевъ и желаютъ устроить ихъ духовныя дѣла. Маршалы высказали при этомъ и основное воззрѣніе, которымъ будутъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ чины сейма и обозначили путь, которымъ думаютъ идти. «Его величество король и сконфедерованные чины рѣчи посполитой желаютъ, чтобы всѣ жители польской страны спокойно пользовались своими правами подъ защитою правительства, но рѣчь посполитая желаетъ также, чтобы эти права и привилегіи признавали всѣ ея благодѣяніемъ, словомъ, она не позволитъ никому дѣлить съ нею ни власти, ни покровительства надъ ея подданными. По этому намъ, маршаламъ, поручено увѣрить диссидентовъ и грековосточныхъ дизунитовъ, что всякія ихъ вольности остают-

[1] Тамъ же, общее заключеніе донесеній коммисій—брацлавской и звенигородской

[2] Relacya deputacyi do examinowamia sprawy o bunty oskarzonych. Мнѣніе ораторовъ сейма приложены въ концѣ донесенія; особенно важно мнѣніе главнаго лица, заправлявшаго дѣломъ обвиненія Виктора, Бутримовича, стр. LXI—LXX.

ся въ силѣ, заохотить ихъ къ защитѣ отечества и призвать лицъ изъ этихъ исповѣданій для установленія надлежащаго духовнаго управленія, нужныхъ имъ правилъ и прянятія мѣръ, которыя упрочили бы у нихъ порядокъ и связь духовной власти съ свѣтскою» [1]. Обѣщаніе это маршалы исполнили 9 октября (29 сентября) того же 1790 года, впрочемъ, нѣсколько въ иномъ видѣ, доказывающемъ, что поляки не совсѣмъ довѣряли представителямъ православія. Этого числа они издали новый универсалъ, объявлявшій, что они, исполняя обѣщанія, высказанныя въ прежнемъ универсалѣ, по опредѣленію сейма, назначаютъ изъ представителей великой, малой Польши и литовскаго княжества, изъ сената и рыцарства членовъ коммисіи, которая должна собраться 1 декарбя 1790 г., снестись съ лицами изъ диссидентскихъ исповѣданійи, на основаніи ихъ заявленій о необходимыхъ имъ перемѣнахъ и улучшеніяхъ составить проектъ духовныхъ преобразованій и черезъ три мѣсяца представить его на утвержденіе короля и чиновъ сейма [2]. Проектъ этотъ, впрочемъ, давно уже былъ составленъ, переведенъ на руссій языкъ и разосланъ по областямъ [3]. Наскоро собраны были представители православія изъ ближайшихъ мѣстъ, т. е. изъ Подлѣсья, Пинска и Вильны [4]., и, разсмотрѣвъ этотъ проектъ вмѣстѣ съ членами сеймовой коммисіи, представили сейму 2 марта 1791 г. просьбу дать ходъ этому дѣлу и созвать православную конгрегацію для разсмо-

---

[1] Арх. сборн. т. 5, стр. 245—7.

[2] Тамъ же, стр. 248—9.

[3] Арх. ун. м., связка 441—письмо Сушицкаго отъ 16 (5) декабря 1789 г. Вѣроятно, это тотъ самый проектъ, о которомъ авторъ статьи—Состояніе православной церкви въ Польшѣ по взятіи преосвященнаго Виктора подъ арестъ въ Варшаву—говоритъ, что нашелъ его въ остаткахъ дѣлъ трипольской протопопіи. Кіевск. епарх. вѣд. 1861 г., ч. неофф., стр. 376. Сущность его мы излагаемъ ниже.

[4] Принимали участіе въ трудахъ этой коммисіи: игуменъ бѣльско-подлѣсскій Савва Пальмовскій, игуменъ дятловицкій Мелетій Бугайло-Лѣсницкій, управлявшій архимандріей виленскою Сильвестръ Бутлай, слуцкій священникъ Даніилъ Петелькевичъ, песочинскій—Симонъ Солонѣвичъ; отъ сословія дворянъ—высокородный Пантелеймонъ Илликевичъ-Корбутъ; благородные: Федоръ Ленѣвичъ, лавникъ города Вильны, Николай Даданій и Георгій Земковичъ—изъ городскаго сословія. Кіевск. еп. вѣд. 1861 г., ч. неофф., стр. 377.

трѣнія этого проекта и установленія временнаго духовнаго управленія по дѣламъ православной западно-русской церкви [1]. Сеймъ поручилъ маршаламъ созвать эту конгрегацію въ Пинскѣ на 15 4 мая 1791 г., [2], а представитель православныхъ бѣльскій игуменъ Савва Пальмовскій окружнымъ посланіемъ отъ 31 марта 1791 г. пригласилъ православныхъ принести Богу благодарственное молебствіе за короля и чиновъ рѣчи посполитой, дарующихъ имъ права, и выслать депутатовъ на пинскую конгрегацію [3]; но по какимъ то важнымъ причинамъ этотъ срокъ былъ измѣненъ и назначено 15 іюня [4]. Первые дни послѣ объявленія извѣстной майской конституціи (объявлена 3 мая) дѣйствительно были неудобны для созванія этой конгрегаціи.

Пинская конгрегація составлена была изъ самыхъ разнородныхъ лицъ. На ней присутствовали уполномоченные отъ православныхъ монастырей, протопопій, благочиній, городовъ, братствъ. Въ числѣ ихъ было 24 монашествующихъ (архимандритъ, игумены, іеромонахи и іеродіакона), 20 изъ бѣлаго духовенства (протопопы, священники) и 39 свѣтскихъ людей (дворяне и мѣщане) [5]. Идея соборности въ самомъ широкомъ смыслѣ лежала въ основѣ распоряженія, которымъ приглашались члены пинской конгрегаціи. Но на этомъ дѣло не остановилось. Къ пинской конгрегаціи примкнули и иновѣрцы-поляки: представители короля, сейма, военныхъ коммисій, коммисіи, составлявшей проектъ конгрегаціи, слѣдственной по дѣлу о бунтахъ и, между прочимъ, Бутримовичъ [6]. Наконецъ, на этотъ необычайный съѣздъ съѣхалось не мало дворянъ пинской области и другихъ [7].

16 (5) іюня 1791 года конгрегація эта была открыта въ пинской богоявленской церкви коммисаромъ польскаго пра-

---

[1] Истр. пад. Польши Солов., стр. 247; Кіевск. еп. вѣд. 1861 г., ч. неоф., стр. 376—7.

[2] Арх. сборн., т. 5, стр. 250.

[3] Кіевск. еп. вѣд. 1861 г., ч. неофф., стр. 377—8.

[4] Арх. сборн., т. 5, стр. 250.

[5] Кіевск. еп. вѣд. 1861 г., ч. неофф., стр. 379—383—документы того времени.

[6] Тамъ же, стр. 378; Relacya, первая страница послѣ заглавія—списокъ членовъ слѣдственной коммисіи; Арх. сборн. т. 5, стр. 249.

вительства Михаиломъ Корвиномъ - Кохановскимъ. Затѣмъ выбраны были лица для веденія дѣлъ: предсѣдатель, члены, секретари, экзекуторы; публичное засѣданіе назначено на 29 іюня, а до того времени должны были происходить частныя засѣданія для разсмотрѣнія проектовъ и представленія ихъ на рѣшеніе въ публичномъ засѣданіи [1]. Совѣтъ этотъ состоялъ изъ православныхъ, но имѣлъ представителей тоже разнообразныхъ направленій. Здѣсь были и извѣстные ревнители православія, какъ протопопы украинскіе: Лука Романовскій и Іоаннъ Радзимовскій, и соперникъ Виктора Садковскаго—при избраніи его въ слуцкіе архимандриты—дятловицкій игуменъ Бугайло, и врагъ его, бывшій секретарь консисторіи, поручикъ Сухозанетъ, и человѣкъ тоже имѣвшій недоразумѣнія съ Викторомъ, но совершенно одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій по вопросу о миролюбіи съ поляками и потому пользовавшійся дурною славою у украинцевъ, Иринархъ Балановскій, архимандритъ мотренинскаго монастыря. Иринархъ былъ и предсѣдателемъ этой конгрегаціи. Православныхъ представителей этихъ разнообразныхъ направленій объединяло прежде всего забвеніе по отношенію къ своему епископу. Не сохранилось ни малѣйшаго слѣда, чтобы кто либо изъ нихъ вспомнилъ объ немъ, хотя на этой конгрегаціи былъ извѣстный намъ слуцкій священникъ Даніилъ Петелькевичъ, упоминавшій въ своемъ протестѣ о Викторѣ и даже обѣщавшій возобновить свой протестъ [2]. По всей вѣроятности, это забвеніе не было въ дѣйствительности такъ велико и многіе члены пинской конгрегаціи не говорили о Викторѣ потому лишь, что боялись навлечь на себя и свой народъ новыя бѣдствія. Этою же боязнію и вмѣшательствомъ въ дѣла православія представителей Польши, вѣроятно, нужно объяснять и то, что православные члены пинской конгрегаціи допустили въ свою среду иновѣрцевъ, послѣдовали примѣру поляковъ составлять въ храмахъ публичныя собранія подобнаго состава и наконецъ, что они, какъ увидимъ, допустили и другія особенности, напоминавшія латинскіе и уніатскіе порядки церковнаго управленія, польскія воз-

---

[1] Кіевск. епар. вѣд. 1861 г., ч. неофф., стр. 378 и 382.

[2] Смотр. выше, стр. 336.

зрѣнія и въ числѣ ихъ даже прямо противныя православному ученію.

На публичное засѣданіе, которое состоялось не 29 іюня, а 1 іюля, собралось еще больше разнородныхъ людей. Кромѣ пановъ явились уніаты: епископъ пинскій Горбацкій, его викарій Булгакъ и, между прочимъ, даже извѣстный намъ украинскій оффиціалъ Сушицкій; явились также и латинскіе ксендзы. На этомъ засѣданіи были прочитаны и приняты положенія новаго устройства православной церкви въ предѣлахъ Польши. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ:

1. Объявлялась національная церковь въ Польшѣ, зависимая по духовнымъ дѣламъ отъ константинопольскаго патріарха, но не имѣющая права, даже и по духовнымъ дѣламъ, сноситься съ какою-либо другою церковію. Высшая іерархія этой церкви должна была состоять изъ архіепископа и трехъ епископовъ, которые будутъ управлять, кромѣ консисторіи, посредствомъ національнаго собора, собирающагося при архіепископѣ, и конгрегацій при епископахъ.

2. До приведенія этого въ исполненіе установляется особенное церковное управленіе надъ всѣми православными въ королевствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ.

Въ слѣдующихъ затѣмъ положеніяхъ излагаются однако прежде всего не правила для временнаго управленія дѣлами, какъ бы требовалъ второй пунктъ положеній, а организація постояннаго управленія, которая, очевидно, не подлежала измѣненію и послѣ избранія архіепископа и епископовъ.

Низшею единицей церковнаго управленія назначался деканатъ или протопопія, во главѣ которой долженъ быть пожизненный протопопъ, и при немъ избранные на четыре года: намѣстникъ и два члена изъ духовенства и ассесоръ и писарь изъ свѣтскихъ свободныхъ людей. Черезъ каждые четыре года въ протопопіи собирается конгрегація, составляющаяся, кромѣ членовъ протопопскаго правленія, изъ всѣхъ священниковъ протопопіи и членовъ городскихъ обществъ и братствъ. Этой конгрегаціи принадлежитъ контроль надъ дѣлами правленія протопопіи, выборъ новыхъ членовъ его, даже и протопопа, если онъ заслуживаетъ отставки, и заявленіе разнаго рода желаній, нуждъ. Монастыри тоже должны имѣть свои

конгрегаціи для выбора въ помощь къ пожизненному игумену старшихъ членовъ монастыря. Протопопія высылаетъ протопопа, старшаго братчика и писаря на епархіальную конгрегацію, которая составляется, кромѣ этихъ представителей и игуменовъ монастырей, изъ членовъ епархіальной консисторіи и собирается подъ предсѣдательствомъ епископа или его намѣстника. Конгрегація эта разсматриваетъ донесенія изъ протопопій, контролируетъ дѣла консисторіи, избираетъ членовъ ея новыхъ или оставляетъ старыхъ, а также рѣшаетъ другія дѣла или приготовляетъ ихъ на главную конгрегацію, въ которую выбираетъ 8 членовъ (2 изъ бѣлаго духовенства, 2 изъ монашествующихъ и 4 свѣтскихъ.)

Главная или генеральная конгрегація созывается тоже каждые четыре года и составляется изъ архіепископа, трехъ епископовъ, старшихъ архимандритовъ и ассесоровъ главной (архіепископской) консисторіи и депутатовъ епархіальныхъ конгрегацій. Конгрегація эта составляетъ національный соборъ и будетъ имѣть право избирать архіепископа, епископовъ, архимандритовъ, посвящать ихъ и быть высшимъ судебнымъ и апелляціоннымъ мѣстомъ. Дѣла, касающіяся вѣры и обрядовъ, должны въ ней рѣшаться одними духовными лицами [1].

Пинская конгрегація признала нужнымъ открыть теперь же главную консисторію въ Пинскѣ и избрала членовъ ея [2], а изъ епархіальныхъ консисторій предложила открыть пока одну въ Богуславѣ [3].

Преобразованіе духовныхъ дѣлъ западно-русскаго православія возбудило большое негодованіе и тревогу въ латинской партіи, къ которой принадлежалъ и Ростоцкій. Папа прислалъ возраженіе противъ предоставленія диссидентамъ правъ, и его нунцій въ Польшѣ получилъ наставленіе дѣйствовать въ этомъ смыслѣ [4]. Папа и его нунцій, конечно, узнали и вели это

---

[1] Актъ пинской конгрегаціи—Арх. ун. м., № 124; содержаніе его—Кіевск. епар. вѣд. 1861 г., ч. неофф., стр. 416—425; Послѣд. годы рѣчи посп. польск. Костом., стр. 440—1, примѣчаніе.

[2] 12 членовъ,—3 монашествующихъ, 3 изъ бѣлаго духов., 3 изъ дворянства и 3 изъ городск. сословій.

[3] Актъ конгрегаціи, тамъ же, Арх. ун. м. и Кіевск. епар. вѣд.

[4] Содержаніе грамоты папы и наказа у Солов. Истр. пад. Польши, стр. 248—9.

дѣло не безъ участія своихъ усердныхъ слугъ въ Польшѣ. Тревога была и въ уніатской средѣ. Когда уніаты въ Украинѣ узнали (1789), что предполагается возстановить права православныхъ и устроить имъ независимое управленіе, и что проектъ этого устройства разсылается повсюду, то они пришли въ великое изумленіе. «Нужно было бы написать отвѣтъ на этотъ проектъ и перевесть на руссій языкъ», писалъ Сушицкій Ростоцкому въ концѣ 1789 г. [1]. Отвѣтъ едвали ли послѣдовалъ. Событія показали всю запоздалость пожеланій и латинской партіи, и уніатовъ и, какъ мы видѣли, увлекли въ Пинскъ даже самого Сушицкаго и заставляли его дружелюбно смотрѣть на такихъ людей, какъ протопопы Романовскій, Радзимовскій. Можно, впрочемъ, думать, что дальновидные изъ уніатовъ находили себѣ и утѣшеніе, смотря на это неожиданное миролюбіе и уваженіе поляковъ по отношенію къ православнымъ, выразившееся такъ ясно на пинской конгрегаціи. Пинская гонгрегація грѣшила подобными недостатками, какъ и предшествовавшая ей и стольже неожиданная майская конституція польскаго государства. Какъ майская конституція, при всѣхъ видимыхъ признакахъ либеральности и гуманности, утверждалась на религіозномъ фанатизмѣ, не допустившемъ свободы совѣсти, и на соціальномъ финатизмѣ, не допустившемъ честнаго, открытаго признанія свободы хлопства, такъ этими же недостатками, только еще въ большей степени, грѣшила и пинская конгрегація. Объявляя свободу и независимость церковнаго православнаго управленія въ Польшѣ, она въ тоже время ограничивала ихъ въ самомъ существенномъ пунктѣ, съ нарушеніемъ православныхъ церковныхъ законовъ и обычаевъ,—ограничивала общеніе западно-русской церкви съ восточно-русскою. Это не могло не смущать совѣсти членовъ этой конгрегаціи и, безъ сомнѣнія, многіе передали это смущѣніе своимъ братьямъ по вѣрѣ. Кромѣ того, эта конгрегація призывала къ полноправію духовенство, дворянство, даже мѣщанство, но о народѣ она не говорила ни слова. Громады и ея представители—атаманы, сельскія братства и ихъ представители—ктиторы—слова, незнакомыя пинскому положенію. Положеніе это не

[1] Арх. ун. м., связка 441—письмо отъ 16 (5) декабря.

только было призывомъ къ разрыву религіознаго и народнаго единенія западной Россіи съ восточной, но и къ разрыву послѣднихъ остатковъ православной западно-русской интеллигенціи съ ея народомъ. Наступившая тогда же политическая смута заслонила передъ потомствомъ дѣйствительное сознаніе православныхъ членовъ пинской конгрегаціи и пониманіе русскимъ народомъ ея дѣйствій. Памятники за то время поразительно оскудѣваютъ въ количествѣ и содержаніи. Но едвали можно сомнѣваться въ томъ, что значительная часть православныхъ членовъ пинской конгрегаціи грѣшила тогда слабодушіемъ или вѣрнѣе лицемѣріемъ, а не искреннимъ убѣжденіемъ въ истинности дѣла этой конгрегаціи. Самый тяжкій грѣхъ за это дѣло падаетъ на тѣхъ православныхъ, которые приняли на себя званіе членовъ временной главной консисторіи въ Пинскѣ и принесли присягу на исполненіе своихъ обязанностей [1]. Православные члены пинской конгрегаціи, изъ которыхъ нѣкоторые были изъ дальней Украины, не могли не знать, что противъ майской конституціи поднимается оппозиція и что во главѣ ея стоитъ одинъ изъ украинскихъ магнатовъ Феликсъ Потоцкій [2]. Они не могли также не знать, что русскія войска бьютъ турокъ и что близокъ миръ Россіи съ Турціей [3]. Папскій нунцій въ Польшѣ, еще во время засѣданій пинской конгрегаціи, говорилъ польскому королю, что рѣшительно не вѣритъ въ искренность православныхъ депутатовъ ея и въ прочность всего этого дѣла. «По моему мнѣнію, говорилъ нунцій, дѣло невозможное отчудить грековъ (западно-русскихъ православныхъ) отъ Россіи, потому что между

[1] Это были: 1) бѣльскій игуменъ Савва Пальмовскій; 2) управлявшій виленской архимандріей Сильвестръ Бутлай; 3 казначей слуцкой архимандріи Протасій Невяровскій; 4) туровскій священникъ Григорій Лойко; 5) черкасскій протопопъ Θеодоръ Бетулинскій; 6) волвицкій священникъ Θедоръ Юзефовичъ; 7) поручикъ милиціи князя Радивила—Онуфрій Сухозанетъ; 8) Пантелеймонъ Корбутъ-Илликевичъ; 9) земскій регентовичь пинскаго повѣта Александръ Стояновичъ; 10) президентъ г. Пинска Θеодоръ Теодоровичъ; 11) королевскій секретарь, писарь г. Мозыря Θеодоръ Кондратовичъ, и 12) писарь г. Пинска Иванъ Теодоровичъ. См. актъ пинской конгрегаціи.

[2] Angeberg, стр. 230—236.

[3] Трактатъ (ясскій) Россіи съ Турціей подписанъ 29 декабря 1791 г., (Собр. зак., 17008), утвержденъ 29 января 1792 (тамъ же).

ними связь самая крѣпкая, связь религіозная. Они теперь даютъ обѣщанія и клятвы для того только, чтобъ получить извѣстныя выгоды» [1]. Ближайшія событія показали, что нунцій говорилъ правду. Что касается простаго русскаго народа западной Россіи, то на счетъ его не было никакихъ сомнѣній. Поляки прямо заявляли сейчасъ же послѣ пинской конгрегаціи, когда русское правительство приступило къ расплатѣ съ ними за всѣ неправды, что самая большая имъ опасность отъ русскаго народа, что Екатерина всегда можетъ поднять его [2]. Въ отчаяніи они заговорили даже о дарованіи ему свободы, а всегдашній ихъ врагъ—сильное вооруженіе—нарисовало имъ картину, что посредствомъ русскаго народа не только можно спасти Польшу, но даже погубить Россію, возмутивъ противъ Россіи и собственныхъ ея крестьянъ, для чего печатались уже прокламаціи [3]. Но, благодаря тому же сильному воображенію, старыя сильныя впечатлѣнія не уступали своего мѣста новымъ и потому-то, съ этимъ новымъ польскимъ благодушіемъ къ русскимъ крестьянамъ, совмѣщалась необъяснимая жестокость къ совершенно безвинному, съ польской, здравомысленной точки зрѣнія, и способному быть полякамъ очень полезнымъ въ настоящее время еписк. Виктору.

Въ 1792 году собиралась опять коммисія, разбиравшая его дѣла, превратившаяся теперь въ судную, дѣлала ему допросы и, не смотря на увѣренность членовъ ея въ его невиновности [4], Викторъ не былъ оправданъ и, мало того, былъ даже сосланъ въ новое и болѣе тяжкое мѣсто заточенія—въ ченстоховскую крѣпость, гдѣ онъ былъ содержанъ «въ несносномъ смрадѣ и еле живъ остался» [5]. Но это тяжкое заточеніе продолжалось не долго. Къ началу іюля 1792 г. русскія войска дали перевѣсъ образовавшейся конфедераціи поборниковъ старопольскихъ формъ правленія, и король и многіе члены

---

[1] Изъ донесенія Булгакова у Солов. Истр. пад. Польши, стр. 248.

[2] Тамъ же, стр. 268. Тоже думалъ и Потемкинъ. Русск. Арх. 1865 г., стр. 730.

[3] Истр. пад. Польши, стр. 267.

[4] Тамъ же, стр. 265, 269, 272.

[5] Арх. св. с., д. 1789 г., № 112—донесеніе Виктора отъ 4 августа 1792 г.

либеральной партіи преклонились передъ этой конфедераціей или вѣрнѣе передъ Россіей. По ходатайству русскаго посла Булгакова, Викторъ 22 іюля былъ освобожденъ, 25 іюля былъ уже въ Варшавѣ въ домѣ русскаго посла [1], 4 сентября польское правительство признало его оправданнымъ и 14 числа онъ получилъ объ этомъ письменное удостовѣреніе новыхъ маршаловъ конфедераціи, Феликса Потоцкаго и Александра Сапѣги [2]. «Какъ мнѣ и гдѣ оставаться и входить ли мнѣ въ отправленіе епархіальныхъ моихъ дѣлъ, или ни?» [3], спрашиваетъ у синода Викторъ, вспомнившій, вѣроятно, при этомъ многія изъ своихъ дѣлъ, вызывавшихъ естественно на этотъ вопросъ, и прежде всего вспомнившій, конечно, свою окружную грамоту, изданную изъ несвижской крѣпости. Впрочемъ, были и ближайшія и чисто внѣшнія причины, вызывавшія въ немъ эти недоумѣнія. Его и теперь преслѣдовало разнаго рода неустройство его дѣлъ. Его консисторія не существовала; его бумаги, вѣдомости были въ рукахъ поляковъ; онъ былъ безъ средствъ, а новые польскіе маршалы обѣщали ему золотыя горы [4]. Викторъ остался въ Варшавѣ устроять свои дѣла, пробылъ въ ней по 5 марта 1793 г., убѣдился въ тщетѣ польскихъ обѣщаній, не получилъ бумагъ, и безъ средствъ, даже безъ охраны прибылъ въ Слуцкъ 20 марта [5]. Прибылъ Викторъ теперь уже не въ польское, а въ русское государство. И Слуцкъ со всею почти минскою областію, и Украина, и Волынь уже были русскими областями [6].

---

1 Тамъ же.

2 Тамъ же, л. 191.

3 Тамъ же, л. 177.

4 Тамъ же, л. 177.

5 Тамъ же, л. 217.

6 Фактически эти области были русскими еще съ половины 1792 г. Распоряженіе о раздѣленіи ихъ на губерніи сдѣлано 8 дек. 1792 г., Собр. зак., № 17,090, а манифестъ о присоединеніи ихъ къ Россіи данъ, для обнародованія его въ этихъ областяхъ, 27 марта 1793 г.—тамъ же, № 17,108. Указъ объ этомъ сенату данъ 23 апрѣля—тамъ же, № 17,112. Трактатъ подписанъ 11/22 іюля—тамъ же № 17, 140.

ГЛАВА X.

Новый взглядъ русскаго правительства на дѣла Польши. Церковное устройство областей, присоединенныхъ къ Россіи по второму раздѣлу Польши. Просьбы уніатовъ о присоединеніи ихъ къ православію. Повелѣніе Екатерины объ изданіи пастырской грамоты къ уніатамъ. Рескриптъ Тутолмину. Распоряженія о вызовѣ духовныхъ лицъ на помощь Виктору. Пастырская грамота Виктора. Ея дѣйствіе. Число присоединившихся къ православію. Осужденіе Викторомъ покушенія къ насилію по отношенію къ уніатамъ. Польское возстаніе 1794 г. не производитъ вліянія на ходъ возсоединенія. Затрудненія. Заботы Виктора о формальностяхъ. Затрудненія по дѣлу вызванныхъ изъ другихъ епархій священниковъ. Новыя мѣры къ устройству церковныхъ дѣлъ въ присоединенныхъ областяхъ. Новыя православныя епископіи. Закрытіе уніатскихъ епископій. Затрудненія по возсоединенію на Волыни и въ минской области. Положеніе Бѣлоруссіи. Смерть Георгія Конисскаго. Затруднительное положеніе Аѳанасія могилевскаго. Тягостное положеніе бѣлорусскихъ уніатовъ русскаго направленія. Взглядъ Павла на дѣло возсоединенія. Желаніе его возстановить права совѣсти. Затрудненія въ минской области. Торжество уніи въ Бѣлоруссіи. Донесеніе новаго могилевскаго архіепископа Анастасія. Послѣдствія его. Рѣшительныя мѣры Павла къ устраненію православнаго духовенства отъ дѣла возсоединенія. Послѣдствія ихъ. Возстановленіе уніатскихъ епископій. Видимое оживленіе уніатской церкви. Суровыя мѣры по отношенію къ уніатамъ. Латинская пропаганда въ средѣ уніатовъ. Приговоръ Павла надъ уніей. Заключеніе.

Дѣла поляковъ передъ вторымъ раздѣломъ Польши произвели на русское правительсво сильное впечатлѣніе и измѣнили многое въ его отношеніяхъ къ Польшѣ. Страшныя неистовства поляковъ надъ русскимъ народомъ, и православнымъ, и уніатскимъ, беззаконныя дѣйствія ихъ по отношенію къ русскимъ подданнымъ и къ православному епископу Виктору, затѣмъ старанія ихъ оторвать совершенно отъ Россіи русскій народъ польскаго государства, привлечь его къ себѣ и поднять его у себя и даже народъ въ самой Россіи противъ русскаго правительства уничтожили всѣ благожелательныя намѣренія Екатерины къ Польшѣ и привели ее къ убѣжденію, что нужно разрѣшить въ основѣ русско-польскую тяжбу,— избавить отъ польскаго ига русскій народъ этой страны. Въ рескриптѣ новому послу въ Польшѣ, Сиверсу, данномъ 22 декабря 1792 г. и рѣшавшемъ судьбу Польши, Екатерина,

исчисливъ дѣла поляковъ того времени, такъ заключила свою рѣчь: «сіи и многія другія уваженія рѣшили насъ на дѣло, которому началомъ и концомъ предполагаемъ избавить земли и грады, нѣкогда Россіи принадлежавшіе, единоплеменниками ея населенные и созданные и единую вѣру съ нами исповѣдующіе отъ соблазна и угнетенія, имъ угрожающихъ» [1]. Въ слѣдующемъ 1793 г. 13 апрѣля, т. е. еще до утвержденія польскимъ сеймомъ втораго раздѣла [2], Екатерина издала указъ, которымъ устроялись церковныя дѣла новоприсоединенныхъ областей. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, отошедшихъ къ полоцкой, могилевской, черниговской, кіевской и екатеринославской губерніямъ [3], вся страна, взятая тогда Россіей у Польши и раздѣленная на три губерніи: минскую, изяславскую и брацлавскую, должна была составлять по прежнему одну епархію, подъ новымъ названіемъ—минской, и поручалась по прежнему Виктору, который при этомъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа [4].

На первыхъ же порахъ новой пастырской дѣятельности Виктора, нужно думать, еще въ 1793 году, къ нему обратились съ просьбой о присоединеніи два базиліанскихъ монаха и два уніатскихъ священника съ приходами. Руководствуясь, вѣроятно, рескриптомъ 2 іюля 1780 г. Викторъ отказался присоединять священниковъ съ приходами, а по старой боязливости нарушить statu quo, задумался было присоединять этихъ священниковъ и монаховъ даже лично; но наконецъ рѣшился на это и написалъ къ петербургскому митрополиту Гавріилу, между прочимъ, слѣдующее: «думая, что чрезъ присоединеніе четырехъ только человѣкъ въ политическихъ интересахъ не послѣдуетъ никакой помѣхи, вѣдая притомъ, что ежели бы имъ по желанію ихъ не сдѣлать, то бы отъ своихъ или смерти были преданы, или по меньшей мѣрѣ въ преисподнюю до конца жизни заключены, во избѣжаніе чего и

---

1 Истор. паден. Польши, Солов., стр. 304; то же, Собр. зак., № 17108, манифестъ о присоединеніи областей по второму раздѣлу, отъ 27 марта 1793 г.

2 Утвержденіе послѣдовало 11 іюля 1793 г.

3 Собр. зак., №№ 17090, 17300.

4 Тамъ же, № 17113.

прежде, сколько мнѣ извѣстно, когда какіе униты или римляне съ симъ желаніемъ открывались въ Россіи, а не въ Польшѣ, имъ удовлетворяли: посему я помянутыя четыре особы и присоединилъ, въ чемъ архипастырски меня извинить и защитить прошу всепокорнѣйше» [1]. Но прежде чѣмъ Викторъ могъ получить извиненіе и защищеніе за это малое и совершенно законное дѣло, передъ нимъ стояла громада людей, желавшихъ присоединенія, изъ которыхъ иные побывали уже и у губернаторовъ и встрѣтили сочувствіе. Викторъ написалъ въ св. синодъ донесеніе, въ которомъ просилъ дозволить ему пріѣхать въ Петербургъ [2], и—новое письмо къ митрополиту Гавріилу съ просьбой исходатайствовать это разрѣшеніе [3]. 8 марта 1794 года Викторъ имѣлъ уже это разрѣшеніе [4]. Его нерѣшительность, боязливость изчезли. Викторъ заговорилъ, какъ настоящій русскій человѣкъ и вѣрный пастырь. «Сего края народъ», писалъ онъ 18 марта того же 1794 года къ митрополиту Гавріилу, «какой по благочестіи исполненъ ревности, ваше высокопреосвященство совершенно извѣстны. Подъ скипетромъ великія Екатерины, бывъ крѣпко надеждою питаемъ, что всѣ гоненія и бѣдствія, человѣчество превосходящія, пресѣкутся, и по прежнему на лонѣ святыя восточныя грекороссійскія церкве успокоеваясь, въ возлюбленныя имъ селенія Господня путемъ спасенія съ миромъ отойдетъ, двадцать деревень съ горячайшимъ открылись по уздамъ желаніямъ о возвращеніи ихъ на оное, после чрезъ духовное правленіе, и мнѣ» [5]. Отъ генералъ-губернатора Тутолмина Викторъ тоже получилъ прошеніе о присоединеніи жителей одной деревни. «А поелику я, продолжаетъ Викторъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, безъ вѣдома святѣйшаго синода, довлетвореніемъ отвѣчать имъ не въ силахъ, то какъ въ семъ съ ними,

---

[1] Арх. св. с., д. 1794 г., № 265, л. 23. Когда писано это письмо, не показано. По всей вѣроятности оно писано въ концѣ 1793 или въ самомъ началѣ 1794 г.

[2] Арх. св. с., д. 1794 г., № 92, л. 1.

[3] Письма этого мы не нашли, но на него Викторъ указываетъ въ нижеприведенномъ письмѣ, въ которомъ благодаритъ митрополита Гавріила за исходатайствованіе разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ.

[4] Арх. св. с., д. 1794 г., № 92, л. 6.

[5] Тамъ же, № 265, л. 21—22.

да и впредь безъ сомнѣнія съ таковымъ же духомъ отозватись могущими поступить милостивѣйшей испрашиваю нижайше резолюціи.... Когда мы за Польшею были, касательно гоненій не иное что слѣдовало дѣлать, какъ только внѣдривать въ души ихъ, что терпѣнія имамы потребу. Нынѣ отъ такъ долгаго времени, что терпѣливо желали, и въ мысляхъ яко они отродились и совсѣмъ новою стали тварью, когда слышатъ тоже самое, что надобно еще потерпѣть, боюсь, чтобы въ отчаяніе не впали» [1].

Стремленіе къ православію, вызвавшее Виктора на заявленіе такого глубокаго сочувствія къ народу, обнаружилось въ старыхъ, извѣстныхъ намъ мѣстностяхъ: звинигородскомъ [2], богуславскомъ [3] и бѣлоцерковскомъ [4] уѣздахъ. Викторъ представилъ синоду самыя прошенія желавщихъ присоединиться, и эти прошенія не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что просители дѣйствительно желаютъ присоединенія и что опасно не исполнить ихъ желанія. Въ прошеніяхъ этихъ подробно разсказывается, что приходъ насильно былъ обращенъ въ унію тому назадъ лѣтъ 10, 15, или болѣе, указываются совратители, разсказываются бѣдствія священниковъ, прихожанъ. Все это заключается заявленіемъ рѣшительнаго намѣренія возстановить у себя православіе и, что̀ особенно замѣчательно, всѣ эти прошенія или писаны были на мѣстахъ или содержаніе ихъ было разсказываемо самимъ народомъ и записываемо съ большою точностію, даже съ удержаніемъ нѣкоторыхъ особенностей въ понятіяхъ и языкѣ просителей [5].

---

1 Тамъ же.

2 Мѣстечекъ: Звинигородки, Туріи; селъ: Мокрыболотъ, Ерокъ, Юрковки, Искриной, Залежнячки, Кримонъ, Росоховатки, Терешекъ, Богачовки. Прошенія подписаны 258 чел. и на каждомъ прошеніи замѣчено послѣ подписей: со всею громадою. Тамъ же, л. 40—58.

3 Селъ: Мурчинецъ, Неморожи, Шестеринецъ и Верещагъ. Прошенія подписаны 85 чел. и на каждомъ прошеніи замѣчено: со всею громадою. Тамъ же, стр. 63—69.

4 Селъ: Винограда, Камянаго-броду, Рѣпокъ, Водяниковъ, Федюковки. Прошенія подписаны 93 чел. и на каждомъ послѣ надписей замѣчено: со всею громадою. Тамъ же, л. 71—80.

5 Выписываемъ нѣкоторыя изъ этихъ прошеній: Прошеніе жителей м. Туріи: «Мы будучи при самыхъ россійскихъ границахъ подъ

22 апрѣля 1794 года оберъ прокуроръ св. синода Мусинъ-Пушкинъ объявилъ синоду слѣдующее высочайшее повелѣ-

державою польской короны, какъ сущіе грекороссійскаго закона исповѣдники, на основаніи торжественно постановленныхъ съ Польшею Россійской Имперіи трактатовъ, пользуясь многіе годы въ Польшѣ православно-грекороссійскимъ исповѣданіемъ, ни отъ кого не возбраненно, но по зависти гонителей (уніатовъ) въ семъ нашемъ (мѣстечкѣ) православная церковь Вознесенія Господня болѣе уже тому годовъ пятнадцати, за пособіемъ дворскихъ правителей и протчіихъ военнослужащихъ, исповѣдниковъ римскихъ, отъ нашего православнаго священника Іоанна Татарки уніатами отобрана, къ томужъ выгнали его священника съ его собственнаго двора, и отъ разныхъ ихъ единомысленниковъ будучи многими побоями увѣченъ, съ приключившейся болѣзни въ гоненіи и умре, и хотя мы противоборствовали и не соглашалися, но насъ и нехотящихъ принужденно (принудили), а противящихся тому и нехотящихъ приклонитися уніи войсковыми жолнерами зъ домовъ гоними (гонили), и разными строгостиими побоями для слушанія уніатскаго отправленія ходити въ церковь изневоленіи (приневолены). Но какъ мы, хотя и по простотѣ нашей, однакожъ доходимъ (понимаемъ) и признаемъ сущой расколъ и умствованія (уніатовъ) противу догматовъ святыя церкви, уніатскія несогласія съ восточнымъ православнымъ исповѣданіемъ (то), всѣ онаго уніатскаго инославія изрѣкаемся, и по природѣ предковъ нашихъ будучи малороссійскіе уроженцы, вѣры православнаго исповѣданія на вѣчныя времена съ потомствомъ быти желаемъ».... Тамъ же, л. 42—3.

Жители села Юрковки писали, что церковь ихъ въ 1766 г. возобновлена и освящена Гервасіемъ епископ. переяславскимъ и былъ священникъ Павелъ Золенскій, а «въ 1779 г. старостина (жена старосты) звинигородска Солтыкова, по одному на православіе гоненію уніатовъ, прописаннаго священника Павла изъ дома его собственнаго выгнала и, церковь отобравши на унію, опредѣлила намъ», пишутъ юрковцы, «надъ волю и желаніе наше уніата и принудила насъ къ уніи, въ коей донынѣ съ немалымъ неудовольствіемъ находилось, и понеже высочайшимъ ея императорскаго величества указомъ всѣмъ и всякаго рода въ присоединенномъ отъ рѣчи посполитой польской къ Россіи на вичныя времена краи регилянтамъ (исповѣдникамъ) вѣры содержаніе позволено быть свободно, кто какъ пожелаетъ, но (то?) какъ мы отъ природы съ предковъ своихъ православнаго грековосточныя православно-россійскія церкви исповѣдники, чувствуя въ содержаніи уніатскаго приневолительнаго содержанія (исповѣданія?) погрѣшность, а нѣкоторые чрезъ всѣ мимошедшія времена, не устрашаясь ни грозныхъ притѣсненій, ни денежныхъ за не согласіе къ уніи взятковъ, ни приключаемыхъ отъ двора княжны Солтыковой боевъ, равно снося отъ уніата ругательство, донынѣ къ уніату ни съ какими требами не принадлежатъ, а пользуются душеспасительнымъ наставленіемъ отъ благочестивыхъ монастырей и право-

ніе, которое произвело коренную перемѣну въ дѣйствіяхъ русскаго правительства по отношенію къ уніатскому вопросу. «Ея императорское величество», объявлялъ синоду Мусинъ-Пушкинъ, «увѣдомиться, что жители губерній: брацлавской, изяславской и минской, которыхъ предки, а иные и сами исповѣдывали православную греческую восточную вѣру, но потомъ лестію и притѣсненіемъ во время польскаго владѣнія обращены были на унію съ римлянами, изъявляютъ нынѣ усердное ихъ желаніе возвратиться къ истинной ихъ матери церкви благочестивой, высочайше повелѣть изволила опредѣленному въ тѣхъ губерніяхъ въ должность генерала губернатора господину генералу порудчику и сенатору Тимоѳею Ивановичу Тутолмину въ исполненіе такого святого намѣренія вѣрныхъ ея подданныхъ преподавать въ чемъ надлежитъ отъ свѣтскаго начальства защиту и пособіе; а святѣйшему правительствующему синоду предоставляетъ препоручить преосвященному архіепископу минскому, изяславскому и брацлавскому, чтобы онъ обнародовалъ свою пастырскую грамоту, вызывая обитающихъ въ епархіи его къ возвращенію въ благочестіе, которому издревле предки ихъ, а иные и сами послѣдовали, о чемъ снабдить помянутаго преосвященнаго архіепископа потребными наставленіями» [1] Грамота отъ имени Виктора, о которой здѣсь говорится, была уже тогда со-

---

славнаго духовенства и сообщаются божественныхъ таинъ въ православныхъ церквахъ, уніата же вовсе изреклись, и хотя публикуетъ уніатъ въ народѣ, что по прежнему Россія отдастъ Польшѣ край, и за противность несогласія нашего къ уніи смертію караны будемъ, однако, не страшась грозныхъ похвалокъ, всѣ готовы за вѣру жизнь окончить, толькобъ намъ по вѣрѣ нашей православной исповѣданіе позволено». Тамъ же, л. 47—48.

Въ прошеніи жителей Виногродки, между прочимъ, говорится, что уніаты православнаго ихъ священника Луку Кислецкаго согнали съ прихода, что уніатъ священникъ Яковъ Домановичъ разныя ему досады дѣлалъ, (другому правосл. священнику) отцу Стефану Кохановскому лошадь своеручно задавилъ, а когда «умеръ священникъ, отецъ Лука, не повелѣлъ звонить, наже коло церкви ховать (хоронить), но ниже близъ ограды церковной, и такъ принужденна его священника жена вывесть за 50 верстъ въ село Бараное-поле безъ всякаго христіанскаго порядка и въ томъ селѣ похоронили». Тамъ же, л. 70—78.

[1] Арх. св. с., д. 1794 г., № 265, л. 1.

ставлена и напечатана [1]. Она приложена была къ рескрипту, данному того же 22 апрѣля генералъ-губернатору Тутолмину. Въ рескриптѣ этомъ высказаны совершенно новыя, въ сравненіи съ прежними взглядами русскаго правительства, мысли. Въ немъ прямо говорится объ искорененіи уніи, объявляется, что возсоединеніе есть надежнѣйшее средство къ утвержденію народа въ единомысліи и спокойствіи и что противодѣйствіе возсоединенію со стороны латинянъ и уніатовъ будетъ принято за уголовное преступленіе, подлежащее суду и влекущее за собою секвестръ имѣнія. «Для поспѣшества», говорится въ этомъ рескриптѣ, «такому благому намѣренію (заявленію желанія присоединиться) тамошнихъ нашихъ подданныхъ и къ удобнѣйшему искорененію уніи, указали мы синоду обнародовать отъ имени помянутаго (минскаго) архіепископа пастырскую грамоту его съ ободреніемъ и увѣщаніемъ обитателей епархіи его возвратиться ко благочестію, которой списокъ при семъ слѣдуетъ для свѣдѣнія вашего. Обнародованіе сей грамоты долженствуетъ произведено быть по всѣмъ городамъ и селеніямъ губерній вамъ ввѣренныхъ, съ пособіемъ управляющихъ земскою полиціей, причемъ вы приложите стараніе ваше въ таковомъ богоугодномъ дѣлѣ оказывать все возможное пособіе и тѣмъ паче, что сіе есть самое надежное средство къ утвержденію нерода тамошняго въ единомысліи и спокойствѣ. И не оставьте имѣть прилежное наблюденіе, дабы всякій непорядокъ и безпокойство отвращены были и чтобы никто изъ помѣщиковъ, временныхъ владѣльцовъ и чиновниковъ духовныхъ и мірскихъ римскаго и уніатскаго закона не осмѣлился дѣлать ни малѣйшаго въ томъ препятствія обращающимся въ благочестіе, притѣсненія и обидъ. Всякое подобное покушеніе, яко противу господствующей вѣры обращенное и означающее преслушаніе воли нашей долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе, суду подлежащее и влекущее секвестръ имѣнія до окончанія дѣла» [2]. Въ этомъ же рескриптѣ предписывалось Тутолмину

[1] На рукописи этой грамоты написано рукой Мусина-Пушкина: «*набирать* въ листъ церковными буквами, *какъ можно скорѣе*», и подписано: «Ал. Мусинъ-Пушкинъ». Тамъ же, л. 8.

[2] Тамъ же, л. 90; Собр. закон., № 17199.

не заводить по дѣламъ о возсоединеніи переписки съ уніатскимъ митрополитомъ Ростоцкимъ, какъ это дѣлалъ Тутолминъ до сихъ поръ [1], а направлять желающихъ принять православіе къ Виктору и только давать знать Ростоцкому.

16 мая Мусинъ-Пушкинъ объявилъ синоду новое высочайшее повелѣніе, въ которомъ говорилось: «какъ въ новоучрежденныхъ минской, изяславской и брацлавской губерніяхъ жители изъ унитовъ во многомъ количествѣ объявляютъ желаніе свое присоединиться къ православной нашей церквѣ и потому при первомъ случаѣ не только въ томъ присоединеніи желающихъ, но и во обращеніи къ тому другихъ посредствомъ проповѣди слова божія необходимо надобно снабдить минскаго архіепископа, для удобнѣйшаго въ семъ богоугодномъ дѣлѣ успѣха, способными къ тому духовными особами, которыя въ той епархіи и къ мѣстамъ по своимъ чинамъ могутъ быть опредѣлены; для того синоду, избравъ изъ ученыхъ и качествъ сему соотвѣтствующихъ одного архимандрита и священниковъ потребное количество изъ другихъ епархій по разсмотрѣнію своему, велѣть отправить къ оному архіепископу безъ замедленія» [2]. Синодъ постановилъ: назначить въ помощь Виктору архимандрита Варлаама (бывшаго виленскимъ архимандритомъ и удалившагося оттуда въ 1789 г.); предоставить Виктору опредѣлить, сколько ему нужно священниковъ, и увѣдомлять преосвященныхъ: кіевскаго, могилевскаго, смоленскаго, черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго, «а симъ преосвященнымъ по полученіи того увѣдомленія, безъ замедленія избрать требуемое число во первыхъ изъ ученыхъ священниковъ, а есть-ли оныхъ недостаточно будетъ, то изъ семинаристовъ, есть ли же кто пожелаетъ, и изъ учителей, а буде и сими требуемое количество не наполнится, то изъ діаконовъ и церковнослужителей, достойныхъ и

---

[1] Тутолминъ велъ эту переписку по поводу прошенія о присоединеніи жителей села Стебнаго. Арх. св. с., д. 1794 г., № 265, л. 24.

[2] Арх. св. с., д. 1794 г., № 265, л. 89. Вмѣстѣ съ тѣмъ данъ былъ указъ «кому слѣдуетъ» объ отпускѣ въ совмѣстное распоряженіе Виктора и Тутолмина на это дѣло 20,000 р.; пожалована была особая сумма Виктору на разъѣзды и 1,000 р. имѣющему быть назначеннымъ архимандриту. Тамъ же.

безпрепятственныхъ къ посвященію во священники, наблюдая, чтобы они, при прочихъ соотвѣтствующихъ сему чину качествахъ, были жизни трезвой, поведенія безпорочнаго и особливо знающіе сколько нибудь польскій языкъ, ученые же изъ нихъ были бы способны и къ проповѣди слова божія, поелику сіе въ тамошнемъ народѣ весьма нужно» [1]. Этимъ на первое время ограничились распоряженія высшей церковной и гражданской власти. Оставалось приводить ихъ въ исполненіе. Замѣтимъ, что когда эти акты составлялись, началось уже польское возстаніе, предшествовавшее послѣднему раздѣлу Польши, и что въ это-то смутное время приходилось Виктору и его духовенству вести дѣло возсоединенія.

Въ маѣ и ближайшихъ мѣсяцахъ 1794 г. обнародована была отъ имени Виктора грамота, приглашавшая уніатовъ западной Россіи принимать православіе. Въ этой грамотѣ Викторъ, сказавъ нѣсколько словъ о томъ, что унія введена и распространена посредствомъ насилій, что теперь положенъ конецъ бѣдствію русскаго народа, что онъ возвращенъ подъ скипетръ истиннаго своего государя и что императрица Екатерина, промышляющая и о вѣчномъ благѣ этого народа, установила священноначаліе и призвала его — Виктора къ этому служенію, продолжаетъ: «исполняя долгъ пастыря, коему о спасеніи душъ человѣческихъ ввѣрено неутомимое попеченіе, и совершая волю помазанницы господней, приглашаемъ мы гласомъ евангельскимъ всѣхъ и каждаго пола и возраста, въ паствѣ нашей обитающихъ, которыхъ праотцы, отцы или и сами они лестію и страхомъ отъ благочестія совращены въ унію съ латинами, возвратиться безбоязненно въ объятія православной восточной церкви». Успокоивъ затѣмъ уніатовъ и сказавъ, чтобы они не вѣрили угрозамъ и разглашеніямъ, будто страна эта опять возвратится подъ власть Польши, что никакая сила не въ состояніи будетъ оторвать ихъ отъ соединенія съ прочими вѣрноподданными Екатерины и что Екатерина не допуститъ, чтобы присоединяющіеся къ православію подвергались за это какимъ либо обидамъ или угнетенію, Викторъ заключаетъ свое посланіе: «возникните чада церкви, насладитеся свободно православнаго исповѣданія. Имъ вооду-

[1] Тамъ же, л. 85—88.

шевлены были предки ваши и сами изъ васъ многіе. Гоненіе исчезло, престали обуреванія. Прибѣгните во объятія церкви матери вашей, да насладитеся тишиною совѣсти, да шествуете путемъ истинны, ведущимъ васъ къ состоянію благодати и славы, и да исполняетъ каждый изъ васъ, при исповѣданіи истинъ православныя вѣры, обязательства вѣрности къ государю и государству его, тщательно проходя званіе свое» [1].

Дѣйствіе этой грамоты выразилось въ слѣдующихъ фактахъ. 27 октября того же 1794 года, Викторъ доносилъ, что съ конца августа и до первыхъ чиселъ октября, т. е. въ теченіе съ небольшимъ одного мѣсяца, присоединилось къ православію 333,093 ч. Присоединившіеся составляли 721 приходъ и съ ними присоединилось 463 священника [2]. На сколько этотъ краснорѣчивый фактъ былъ естественнымъ дѣломъ и происходили ли при этомъ какія либо насилія надъ уніатами, можно судить по слѣдующему оригинальному дѣлу, возникшему въ это же время. Когда грамота Виктора была разослана по его обширной епархіи, то одинъ благочинный задумался надъ выраженіемъ грамоты—«приглашаемъ васъ». Это, вѣроятно, былъ одинъ изъ современниковъ Перевскаго, Зражевскаго, и помнилъ, какъ они и другіе украинскіе протопопы, получивъ рескриптъ Екатерины Румянцеву о защитѣ военною силою православныхъ украинцевъ, сзывали посредствомъ ордеровъ уніатовъ своихъ протопопій заявлять, что они принимаютъ православіе. Онъ, вѣроятно, увлекся этимъ при-

[1] Арх. св. с., д. 1794 г., № 265, л. 7; Истор. ун., Бант. Каменск., стр. 249—251; Арх. сборн., т. 2, стр. LXXII.

[2] Арх. св. с., д. 1794 г., № 265, л. 313—316. Донесеніе это не было получено синодомъ въ свое время. Викторъ послалъ его вторично 30 іюня 1795 г. Тамъ же, л. 312. Поэтому въ дѣлахъ св. синода того времени, напр. д. 1795 г., № 35, л. 5, число присоединившихся меньше дѣйствительнаго числа. Кромѣ того, въ самой вѣдомости 27 октября 1794 г., часто замѣчается, что изъ такихъ-то мѣстъ свѣдѣнія не доставлены. Такъ напримѣръ, о дашевскомъ округѣ замѣчается: «того округа благочинный воспоминаетъ въ рапортѣ, что еще о тридцати девяти церквахъ и священникахъ съ прихожанами присоединенныхъ, отпущена сентября 6 вѣдомость, но въ полученіи оной доселѣ нѣтъ. Дѣло № 265, л. 315, на оборотѣ. Такихъ помѣтокъ не мало. Вошли ли недостававшія свѣдѣнія въ другія, позднѣйшія вѣдомости, нельзя рѣшить, потому что въ этой вѣдомости приходы не поименованы.

мѣромъ, и пригласилъ уніатскихъ священниковъ являться къ нему и заявлять, желаютъ ли они присоединиться, а одного изъ нихъ за дерзкія рѣчи даже приказалъ арестовать. Викторъ, узнавшій объ этомъ, такъ писалъ въ окружномъ наставленіи благочиннымъ: «одинъ изъ благочинныхъ, протоіерей, прибывъ въ округъ и заведъ... мнимое духовное правленіе, посылалъ изъ онаго къ уніатскому духовенству ордера о явки (явкѣ) въ духовное правленіе для отобранія желанія, хотятъ ли изъ уніи присоединиться на благочестіе, каковъ поступокъ не довольно (не только) инструкціи на основаніи святѣйшаго правительствующаго синода указа сочиненной вовся противенъ, но и съ здравымъ разумомъ, существо дѣла понимать могущимъ, весьма не сходственъ, яко желанія прямо добровольны быть должны, а потому и ожидать оныхъ по одному обнародованію грамотъ, безъ всякаго особаго письменнаго приглашенія, надлежитъ» [1].

Это спокойное отношеніе къ дѣлу и это осужденіе поползновенія къ насилію представится намъ еще болѣе замѣчательнымъ, если мы вспомнимъ, что это именно время уже было очень богато крайне тяжолыми для русскаго человѣка дѣлами поляковъ, вѣроломно избившихъ не малое число русскихъ въ Варшавѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ [2]. Самому

---

[1] Арх. св. с., д. 1794 г., № 265, л. 137, параграфъ 4. Писано Викторомъ 30 октября 1794 г. Объ арестѣ уніатскаго священника говорится тамъ же, въ параграфѣ 5.

[2] Вотъ, какъ описываетъ свое положеніе въ тѣ времена игуменъ Гавріилъ, преемникъ Виктора при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ. «По указу изъ св. синода 1793 г. состоявшемуся о томъ, чтобы я нижайшій выѣхалъ въ Кіевъ, выѣхать мнѣ не случилось; я удержанъ совѣтомъ и милостію полномощнаго россійскаго посла его превосходительства Сѣверса (Сиверса), и какъ къ моему нещастію его скоро отозванно въ Россію, 6-гожъ апрѣля прошлаго 794 (1794) года взорвалась въ Варшавѣ страшная революція, то я бѣдный монахъ, въ одномъ кафтанѣ съ ужаснымъ крикомъ безчисленнаго народа съ обнаженными шпагами выволоченъ изъ келіи, заведенъ въ неволю въ арсеналъ, церковь и домъ мой разграблены, все у мене до одного гроша взято, и содержано мене 7 мѣсяцей крайне бѣдно, новый всякаго дня страхъ смертію мнѣ грозилъ, прусское войско, обложивши городъ, здѣлало въ немъ голодъ; ревъ пушекъ съ обоихъ сторонъ между муромъ (въ стѣнахъ) ужасно шумѣлъ днемъ и ночью, бывалъ пожаръ въ городѣ; ужасная тревога, тѣснота народа и войска, вопль бѣдныхъ людей по улицамъ отъ голоду дѣлали намъ чрез-

Виктору, тогда очень нездоровому, угрожало великое бѣдствіе, вторичное нападеніе поляковъ. Болѣзнь и, вѣроятно, опасеніе за свою жизнь побудили его, 20 ноября 1794 г., сдать управленіе дѣлами своему помощнику, архимандриту Варлааму [1], а самому съ консисторіей и ея архивомъ поспѣшить въ крѣпость Бобруйскъ [2]. Но и эта тревога не имѣла вліянія на ходъ возсоединенія уніатовъ. По вѣдомости отъ 28 февраля 1795 г. къ православію присоединилось вновь 1,009,290 ч., составлявшихъ 1,607 приходовъ, и вмѣстѣ съ ними присоединились 1,032 священника, а также 2 монастыря съ 45 монахами [3]. По неполной вѣдомости отъ 13 марта 1795 г. и дополнительной къ ней за прежнее время съ 28 февраля, присоединилось: прихожанъ 140,728 человѣкъ, составлявшихъ 275 приходовъ и съ ними 57 священниковъ [4]., т. е. въ полгода съ

вычайную скуку, пока Богъ послалъ ангела своего графа Суворова спасти всѣхъ. Въ тожъ время, какъ былъ я въ неволѣ, давано мнѣ хотя бѣдной виктъ (victum—пропитаніе) для жизни, а какъ уволено, ту еще тяжелѣе было мнѣ спасти жизнь, потому (что) въ городѣ былъ великій голодъ; яжъ безъ одѣянія и обуви, ни избы для пристанища, ни денегъ, величайшую терпѣлъ бѣду. Жалованья цѣлый годъ не было, почему я тамъ же, гдѣ содержанъ въ неволѣ, мало не цѣлый жилъ ноябрь, холодомъ, голодомъ и бѣдностію томимъ....» Арх. св. с., д. 1795 г., № 35, л. 601.

[1] Арх. св. с., д. 1794 г., № 265, л. 140.

[2] Объ этомъ бѣдствіи разсказывалъ самъ Викторъ въ 1796 г., когда его перевели въ Черниговъ и требовали отчета въ употребленіи денегъ. «Да и въ Слуцкѣ еще живучи, что я, на смертномъ одрѣ бывъ, утерпѣлъ, когда мятежникъ Грабовскій за первый предметъ меня, сколько отъ достовѣрныхъ особъ получилъ я извѣстія, подхватить имѣвшій, не только уѣздный городъ Слуцкъ, но и губернскій Минскъ, и резиденцію его высокопревосходительства господина генералъ-губернатора Несвижъ, да и всю минскую губернію нечаяннымъ своимъ между Минска и Слуцка впаденіемъ сильно потрясъ и въ чрезвычайное привелъ уныніе, изъ самыхъ духовной консисторіи (слуцкой) членовъ суть свидѣтели».... Въ другомъ мѣстѣ Викторъ говоритъ: «я первѣе секретнымъ бѣгствомъ хотѣлъ спастись, чуть въ городѣ Глускѣ въ руки его (Грабовскаго) не попалъ, въ два или три дни потомъ, полумертвъ нагло (быстро) въ крѣпость перевезенъ».... Арх. св. с., д. 1796, № 128.

[3] Тамъ же, д. 1794 г., № 265, л. 142—149, 319—327; съ присоединившимися въ 1794 г. это составитъ: 1,342,383 прихожанина, 2,328 церквей и 1,495 священниковъ.

[4] Тамъ же, л. 198—207 и 212. Съ прежними это составитъ: 1,483,111 прихожанъ, 2,603 церкви и 1,552 священника.

небольшимъ присоединилось къ православію, во время польскаго возстанія, обхватывавшаго и эти области, почти полтора милліона уніатовъ. Такого факта нельзя добыть никакими хитростями и никакими насиліями, тѣмъ болѣе, что эти присоединенные были почти всѣ малороссы, которые, какъ намъ извѣстно, не легко поддавались ни хитростямъ, ни даже насилію. Само собою, конечно, понятно, что эти громадныя волны православнаго оживленія Малороссіи не могли не захватить многихъ уніатовъ противъ ихъ воли и мы увидимъ, что невольные православные скажутся въ послѣдствіи и надѣлаютъ не мало хлопотъ; но теперь они совершенно были подавлены православною народною силою и не представляли собою никакого затрудненія. Затрудненія по возсоединенію возникли совершенно съ другой стороны.

Такое громадное дѣло, какъ присоединеніе къ православію, въ теченіе полугода съ небольшимъ, почти полутора милліона людей, само собою разумѣется, требовало необыкновенной дѣятельности всѣхъ лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе. У Виктора между тѣмъ къ обычной его недѣятельности присоединились недуги и нужда бѣжать отъ мятежника Грабовскаго съ консисторіей и архивомъ еще дальше отъ центра этой кипучей дѣятельности—Малороссіи. Только 3 марта 1795 г. онъ доносилъ синоду, что отправляется въ Украину [1]. Кромѣ того, онъ повелъ дѣло такъ, что неизбѣжно живая дѣятельность должна была падать и превращаться въ суетню изъ-за соблюденія формальностей. Вѣчно неаккуратный самъ, Викторъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ соблюденія всѣхъ формальностей, составлявшихъ притомъ для нихъ непревычную новость. Рядомъ съ важными требованіями, какъ то: чтобы показывалось въ вѣдомостяхъ, есть ли священникъ на приходѣ и кто онъ, имѣетъ ли ставленную грамоту и какую, Викторъ требовалъ отъ непривычныхъ къ формальностямъ малороссовъ и такого совершеннаго механизма въ веденіи дѣлъ, какой и теперь не вездѣ бываетъ. «На всѣхъ до послѣдней бумажки приходящихъ дѣлахъ», писалъ Викторъ своимъ благочиннымъ, «помѣчать годъ, мѣсяцъ и число, и, записавъ, что слѣдуетъ въ прихожій журналъ подъ нумеръ, таковъ же и

[1] Тамъ же, л. 152.

на оныхъ полагать. Дѣла содержать по годамъ, мѣсяцамъ и числамъ въ связкахъ, сообщенные и сшитые, что къ чему слѣдуетъ, дабы въ замѣшательство, паче же пропасть или по меньшей мѣрѣ портиться не могли» [1]. Отъ этихъ требованій приходили въ замѣшательство даже лучшіе люди изъ малороссійскаго духовенства, и Викторъ самъ освѣщалъ съ существенной стороны это замѣшательство своими поясненіями. Оправдываясь передъ синодомъ въ неисправномъ составленіи и доставленіи вѣдомостей, онъ однажды писалъ, что особенно неисправны тѣ благочинные, «кои изъ присоединившихся протоіереевъ и іереевъ въ сіе званіе опредѣлены, ибо хотя оные столько для прочіихъ послужили примѣромъ, что даже и надхненныхъ (напоенныхъ) нѣкіимъ еще страннымъ отъ своей власти (уніатской) и католиковъ мнѣніемъ побудили къ здравому разуму, но въ писменныхъ дѣлахъ отвѣчать не въ состояніи» [2]. Какъ ни важны были формальности по составленію вѣдомостей и вообще веденію дѣлъ, но такая постановка этихъ формальностей, безъ всякаго сомнѣнія, убивала во многихъ пастырскую дѣятельность, столь настоятельно необходимую въ тѣ времена.

Замѣшательство, и еще болѣе важное, произошло и отъ другой причины. Намъ извѣстно, что правительство предположило вызвать изъ сосѣднихъ епархій лучшихъ людей для достойнаго содѣйствія мѣстнымъ духовнымъ въ столь великомъ дѣлѣ, какимъ оказалось возсоединеніе уніатовъ. Но мѣра эта

---

[1] Тамъ же, л. 136.

[2] Тамъ же, л. 318. Вина ихъ состояла въ томъ, что они не прислали новыхъ вѣдомостей въ замѣнъ возвращенныхъ имъ назадъ неисправныхъ вѣдомостей. Эти неисправности такъ раздражали Виктора, что онъ вспоминалъ свое старое мнѣніе о малороссійскомъ духовенствѣ и даже обозвалъ украинскихъ благочиныхъ поляками. Оправдываясь передъ синодомъ, что долго не писалъ донесеній, Викторъ говорилъ: «тому причиною неисправность благочинныхъ, коихъ хотя въ украинскихъ губерніяхъ означено 23, но изъ нихъ, яко россійскихъ, четыре или пять сыщется достаточныхъ, всѣ же прочіе, поелику поляки и къ россійскимъ распоряженіямъ вовсе не пріобыкшіе и предписанія съ трудностію понимающіе, присылаютъ репорты и вѣдомости весьма неисправные, а затѣмъ принужденнымъ я былъ для исправленія оныхъ не только личные, но и генеральные велѣть консисторіи моей посылать указы». Тамъ же, л. 134.

встрѣчена была съ большимъ несочувствіемъ и въ тѣхъ епархіяхъ, откуда вызывались священники, и въ западной Россіи. Многіе изъ назначаемыхъ отказывались ѣхать и просили совсѣмъ отставить ихъ отъ приходовъ [1]. Викторъ тоже не сочувствовалъ этой мѣрѣ и, хотя исполнилъ приказаніе, потребовалъ священниковъ, но донося объ этомъ, прибавилъ: «но по моему скудоумію ни одного іерея съ другихъ епархій спровожать сюда не слѣдовало бы [2]». Мнѣніе Виктора, о которомъ никакъ нельзя сказать, чтобы онъ возвышалъ свое мѣстное духовенство, было вѣрнымъ предсказаніемъ неудачи этой мѣры и, вѣроятно, было также отголоскомъ мнѣнія этого духовенства. Духовные—малороссы, привыкшіе до сихъ поръ сами справляться съ своими дѣлами и занимать первенствующее положеніе, какъ руководители народа, встрѣтили такъ дурно своихъ великорусскихъ братьевъ, ѣхавшихъ сдвигать ихъ съ этого положенія, хотя безъ намѣренія и рѣдко по доброй волѣ, что тѣ рады были поскорѣе возвратиться назадъ. Вопли обиженныхъ раздавались всюду, быстро дошли до Петербурга и надѣлали много бѣды. Уже 19 февраля 1795 г. оберъ-прокуроръ синода Мусинъ-Пушкинъ обратилъ вниманіе, что многіе изъ присоединившихся приходовъ остаются безъ священниковъ, и предложилъ синоду уяснить это дѣло, при чемъ указывалъ вновь на необходимость вызвать изъ другихъ епархій священниковъ [3]. Къ половинѣ этого года въ синодѣ получены были свѣдѣнія, вызвавшія великое негодованіе: «Святѣйшій Правительствующій Синодъ», говорится въ указѣ отъ 23 іюля 1795 г., «по дошедшему свѣдѣнію, что отправленные въ силу имянного ея императорскаго величества высочайшаго указа... изъ смѣжныхъ епархій въ минскую для опредѣленія къ тамошнимъ обращеннымъ изъ уніи въ православіе церквамъ священники, вмѣсто того помѣщенія ихъ къ мѣстамъ, многіе съ данными имъ отъ тамошнихъ благочинныхъ билетами возвращаются въ прежнія епархіи, объявляя, что они тамъ оставлены безъ всякого о нихъ разсмотрѣнія и распоряженія, безъ пропита-

[1] Тамъ же, л. 270.

[2] Тамъ же, л. 135. То же впослѣдствіи писалъ и преемникъ Виктора—Іовъ. Тамъ же, л. 524.

[3] Тамъ же, л. 162.

нія и безъ должности, отъ чего, продавъ свое имѣніе, въ прежнихъ епархіяхъ бывшее, а въ минской не получа ничего, пришли въ крайнее раззореніе, приказали»: потребовать у Виктора объясненія, которое онъ долженъ прислать съ первою отходящею почтою, и приказать ему: «никого изъ нихъ (присланныхъ священниковъ) ни подъ какимъ видомъ и даже по собственнымъ ихъ просьбамъ, не донеся св. синоду и не получа на то указа, въ прежнія епархіи не отпускать» [1]. Викторъ въ это время находился въ Винницѣ. Онъ отвѣчалъ, что «во всю его бытность въ изяславской и бряцлавской губерніяхъ о таковомъ поступкѣ благочинныхъ не только ни откуда не имѣлъ извѣстія, но ниже слыхалъ» [2]. Наведши однако справки, онъ узналъ, что одинъ присланный священникъ высланъ обратно изъ ровенскаго округа исправляющимъ благочинническія дѣла Саввою Собковскимъ, котораго за это Викторъ призвалъ въ консисторію, а всѣмъ благочиннымъ далъ указъ, чтобы не смѣли этого дѣлать [3]. Когда Викторъ писалъ это донесеніе (21 августа), въ синодъ послано было донесеніе отъ черниговскаго архіепископа Іероѳея (отъ 19 августа 1795 г.), изъ котораго оказывалось, что не одного священника отправили назадъ, что изъ 57 священниковъ, отправленныхъ, по требованію Виктора, 6 возвратились назадъ съ билетами, въ которыхъ было сказано, что они не нужны, что нѣтъ праздныхъ мѣстъ [4]. Вскорѣ однако стали получаться и такія извѣстія, которыя должны были утишить поднятую бурю. Изъ брацлавской губерніи получено было донесеніе, что въ числѣ вызванныхъ священниковъ пріѣхалъ одинъ совершенно недужный и неспособный къ исполненію обязанностей, котораго даже прихожане просили взять отъ нихъ [5].

[1] Тамъ же, д. 1794 г., № 265, л. 207.

[2] Тамъ же, л. 377.

[3] Тамъ же.

[4] Тамъ же, л. 370.

[5] Это—священникъ изъ черниговской епархіи Стефанъ Квитницкій. Онъ былъ назначенъ въ подольскую область въ м. Минковцы, «но поелику онъ Квитницкій по болѣзни своей, имѣя отъ всегдашняго и несноснаго кашля и отъ опухоли въ груди кровавую съ гнилостію флягму (мокроту) и по нынѣ не могъ священнодѣйствовать, то по просьбѣ помянутаго мѣстечка Минковецъ приходскихъ людей опредѣленъ въ оное другой священникъ, и потому онъ Квитницкій оставался по сіе время

Онъ очевидно ѣхалъ не для пастырства, а для поправленія здоровья въ прекрасномъ климатѣ южной Малороссіи. Были также присланы и совершенно немощные старики [1]. Судя потому, что въ ближайшее время новый минскій архіепископъ Іовъ сильно настаивалъ, чтобы дозволено было вызванныхъ священниковъ увольнять назадъ, можно думать, что нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали и не съ одними тѣлесными недугами [2]. Буря эта, впрочемъ, должна была улечься и независимо отъ этихъ извѣстій. Въ это время приняты уже были правительствомъ новыя мѣры, обѣщавшія бòльшее благоустройство въ дѣлѣ возсоединенія.

Еще въ началѣ 1795 г. Викторъ доносилъ св. синоду, что ему трудно самому справиться съ дѣломъ возсоединенія уніатовъ [3]. Обсужденіе мѣръ къ облегченію Виктора и къ благоустройству самого дѣла возсоединенія поручено было м. Гавріилу, канцлеру Безбородкѣ и генералъ-губернатору новоприсоединенныхъ областей Тутолмину. Безбородко и Тутолминъ подали мнѣніе вмѣстѣ. Оно состояло въ томъ, чтобы послать въ эти области даромъ церковныя книги, чтобы, если

безъ мѣста и пропитанія».... доносилъ св. синоду новоназначенный епископъ брацлавскій Іоанникій 10 декабря 1795 г. Тамъ же, л. 468.

[1] «Священники Іоаннъ Соколовъ и Петръ Оглоблинъ прошлаго 1795 г. въ минскую изъ смоленской епархіи присланные, поданными мнѣ прошеніями», доносилъ впослѣдствіи новый минскій архіепископъ Іовъ, «представляя старость лѣтъ своихъ и болѣзненные припадки, по которымъ не могутъ исправлять священнослуженія, просятъ уволить ихъ обратно въ смоленскую епархію для докончанія жизни при дѣтяхъ своихъ». Одному было 63 г., а другому 61. Тамъ же, л. 536.

[2] Тамъ же, л. 524. Вызовъ священниковъ изъ сосѣднихъ епархій не остался, конечно, и безъ благотворныхъ послѣдствій. Нѣкоторые изъ нихъ навсегда остались въ западной Россіи и оживляли здѣсь русскую жизнь. Во время нашего путешествія по западной Россіи въ 1862 г. мы видѣли на югѣ минской губерніи одного достойнѣйшаго потомка изъ среды вызванныхъ при Екатеринѣ священниковъ. Мы нашли въ его домѣ во всей чистотѣ русскую рѣчь и особенности великорусскаго быта. Пріѣхавшая въ это же время замужняя дочь этого священника дала намъ возможность еще яснѣе видѣть силу русской народности въ этой семьѣ. Дочь, жена священника бѣлорусса, говорила по русски не только со мною и съ отцомъ своимъ, но и съ матерью, когда еще не знала, что въ домѣ есть посторонній человѣкъ.

[3] Упоминается въ нижеуказываемомъ указѣ св. синода.

не опредѣлять новыхъ архіереевъ, то послать на время викарія кіевскаго митрополита, и чтобы основать въ каждой изъ новыхъ губерній—минской, изяславской и брацлавской по одному мужескому и одному женскому монастырю. Митрополитъ Гавріилъ находилъ, что книги можно послать по сбавленной цѣнѣ, что же касается посылки кіевскаго викарія, то это неудобно, а лучше назначить Виктору викарнаго архіерея; касательно монастырей Митрополитъ Гавріилъ соглашался съ мнѣніемъ Безбородки и Тутолмина. Мнѣнія эти оберъ-прокуроръ Мусинъ-Пушкинъ какъ видно, представлялъ императрицѣ и, вѣроятно, по указанію ея дѣлалъ помѣтки, какъ сдѣлать [1]. Рѣшено: книги послать по сбавленной цѣнѣ только на первый разъ; назначить особаго епископа — брацлавскаго и кромѣ того—викарнаго житомірскаго въ пособіе Виктору; мнѣніе о монастыряхъ принять [2]. 2 апрѣля св. синодъ составилъ объ этомъ докладъ и представилъ кандидатовъ,—на епископство брацлавское архимандрита московскаго донскаго монастыря Іоанникія и на житомірское викаріатство, — помощника Виктора, архимандрита старчицкаго монастыря, Варлаама [3]. 12 апрѣля послѣдовало утвержденіе [4] и того же

---

1 Въ концѣ своихъ помѣтокъ Мусинъ-Пушкинъ написалъ: «по симъ высочайшимъ резолюціямъ заготовить отъ синода докладъ какъ можно скорѣе». Арх. св. с., д. 1795 г., № 35, л. 2—3.

2 Тамъ же. Когда все это происходило, въ дѣлѣ не показано. На бумагѣ, заключающей въ себѣ мнѣніе Безбородки и Тутолмина, замѣчанія м. Гавріила и рѣшенія, писанныя рукою Мусина-Пушкина, число не выставлено. Крайніе предѣлы времени январь и 2 апрѣля 1795 г.

3 Арх. св. с., д. 1795 г., № 35, л. 5—10; Собр. зак. № 17318. Свѣдѣнія объ Іоанникіѣ: изъ кіевскаго мѣщанства, учился въ кіевской академіи, былъ учителемъ въ Смоленскѣ, Тамбовѣ, въ Петерб. въ артиллерійск. корпусѣ, былъ игуменомъ во множествѣ монастырей. Свѣдѣнія о Варлаамѣ Шишацкомъ: званія поселянскаго, учился языкамъ греч., лат., нѣмецк., знаетъ польскій (гдѣ учился не показано), постриженъ 1776 г., былъ учителемъ, префектомъ и ректоромъ въ Переяславлѣ, 1780 г. игуменомъ въ мошногорскомъ монастырѣ, 1785 г. ректоромъ Новгородъ-Сѣверской семинаріи, 1787 назначенъ архимандритомъ виленск. монастырей, 1789 г. бѣжалъ въ Россію, какъ намъ извѣстно, потому что не желалъ принести присяги на вѣрность Польшѣ; пребывалъ въ Петербургѣ и въ новгородской епархіи; въ 1794 г. назначенъ въ помощь Виктору. Арх. св. с., д. 1795 г., № 35, л. 9—10.

4 Тамъ же, л. 11.

числа Мусинъ-Пушкинъ и Тутолминъ составили соображенія касательно мѣстопребыванія этихъ архіереевъ и открытія новыхъ монастырей [1]. Варлаамъ былъ рукоположенъ въ Кіевѣ 3 мая, а Іоанникій въ Москвѣ 13 мая [2] и осенью оба были на мѣстахъ [3]. При этихъ назначеніяхъ имѣлось въ виду избрать людей, знающихъ страну; даже прямо обозначалось, что избранный знаетъ польскій языкъ. Тоже имѣлось въ виду и при выборѣ архимандритовъ въ новооткрываемые монастыри. Подъ вліяніемъ этой мысли пробудились старыя малороссійскія преданія и изъ Новгородъ-Сѣверска, отъ Иларіона представленъ былъ первымъ кандидатомъ знакомый намъ Мельхиседекъ Яворскій, бывшій тогда петропавловскимъ глуховскимъ архимандритомъ. Иларіонъ далъ объ немъ такой отзывъ: «первый изъ нихъ (кандидатовъ, именно Мельхиседекъ) хотя лѣтенъ, но есть еще при всей крѣпости, учился разнымъ языкамъ и по бытности его въ благочестивомъ мотренинскомъ, въ одной изъ тѣхъ новыхъ губерній, состоящемъ монастырѣ монахомъ и игуменомъ многые годы, пріобрѣлъ довольное знаніе обращенія и языка польскаго, а сверхъ того къ разнымъ послушаніямъ и по управленію консисторіею весьма благонадеженъ» [4]. Но это слабое признаніе дѣятельности Мельхиседека оказалось слишкомъ ужъ сильнымъ для того времени. Назначены были другіе архимандриты.

Въ то время, когда дѣлались всѣ эти распоряженія, польскаго государства уже не существовало даже въ томъ маломъ видѣ, какой оно имѣло послѣ второго раздѣла [5]. Одновременно

1 Тамъ же, л. 40—41. Виктору минскому назначено пребываніе въ Минскѣ и для этого отдавались два уніатскіе монастыри, мужской и женскій, одинъ для помѣщенія Виктора, другой для помѣщенія иноковъ петропавловскаго монастыря. Въ брацлавской губерніи рѣшено назначить мѣстопребываніе архіерея въ Каменцѣ въ упраздненномъ францисканскомъ монастырѣ, а монастырь открыть въ Шаргородѣ. Житомірскому викарію назначить пребываніе въ г. Острогѣ и тамъ же открыть монастырь.

2 Тамъ же, л. 136.

3 Тамъ же, л. 546, 562, 657; Іоанникій не могъ поселиться въ Каменцѣ, потому что назначенный монастырь былъ въ жалкомъ видѣ, неудобномъ для жительства, и поселился въ Шаргородѣ. Тамъ же, л. 565.

4 Тамъ же, л. 602.

5 24 окт. 1794 г. взята была Прага, 31 окт. занята Варшава; въ началѣ

съ раздѣломъ Польши устранена была отъ дѣлъ и та уніатская іерархія, которая связала свои судьбы съ Польшей и папой. Глава ея—митрополитъ Ростоцкій безразсуднымъ образомъ вооружалъ противъ себя Екатерину. Еще послѣ второго раздѣла онъ поминалъ ее въ богослуженіи не благочестивѣйшею, а всемилостивѣйшею и внушалъ своему духовенству поминать такъ, явно стараясь обратить на это вниманіе русскихъ [1]. Кромѣ того, 18 февраля 1795 г. Викторъ жаловался св. синоду, что Ростоцкій «разсѣваетъ вѣсти, что все будетъ по старому» [2]. Послѣ третьяго раздѣла Польши Ростоцкій отказался приносить присягу русскому правительству [3]. Русское правительство приняло рѣшительныя мѣры противъ такого образа дѣйствій уніатовъ; но къ лицамъ уніатской іерархіи, даже къ самому Ростоцкому, отнеслось человѣколюбиво. Уніатская митрополичья каѳедра и всѣ уніатскіе епископіи въ русскихъ областяхъ, перешедшихъ подъ власть Россіи по второму и третьему раздѣлу, были закрыты; уніатскимъ іерархамъ предоставлено выбрать мѣстопребываніе внѣ предѣловъ западной Россіи и назначена пенсія; пенсія же назначалась и всѣмъ уніатскимъ священникамъ, оставшимся безъ приходовъ послѣ перехода ихъ прихожанъ въ православіе; всѣ уніаты подчинялись бѣлорусскому уніатскому архіепископу Лисовскому, но при этомъ было заявлено, что это подчиненіе—лишь временное и не должно мѣшать возсоединенію [4].

Правительство, очевидно, держалось прежней мысли уничтожить унію во всей западной Россіи. Это желаніе на самомъ югѣ этой страны—въ епархіи Іоанникія, исполнилось въ самое короткое время и безъ всякихъ затрудненій. 14 января 1796 г. Іоанникій доносилъ св. синоду: «за помощію Божіею по брацлавской губерніи церкви всѣ числомъ 1090 истекшаго 1795 г. декабря въ послѣднихъ числахъ къ православію

1795 г. утвержденъ первый актъ раздѣла Польши (между Россіей и Австріей). Акты, Angeberg стр. 394—403. Новыя русскія области, такъ называемыя литовскія, увеличили собою минскую епархію.

[1] Арх. св. с., д. 1794, № 265, л. 25—6.

[2] Тамъ же, л. 135.

[3] Собр. закон., № 17384.

[4] Собр. закон., № 17384 и 17391.

присоединеніемъ окончены» [1], т. е. въ три или даже въ два мѣсяца присоединилось вновь къ православію больше полумилліона уніатовъ [2]. О затрудненіяхъ при возсоединеніи въ брацлавской губерніи — не было и рѣчи. Извѣстенъ напротивъ случай, что польскій помѣщикъ показалъ кажущееся содѣйствіе успѣху православія, желая въ дѣйствительности воспользоваться церковною землею. Помѣщикъ бывшаго зенковскаго уѣзда, Игнатій Дульскій задумалъ соединить семь приходовъ своего имѣнія въ одинъ, выстроить одну каменную церковь въ м. Шаровкѣ, а всѣ деревенскія церкви закрыть и разобрать. Дульскій подговорилъ шаровскаго священника Іоакима Бинѣцкаго помочь ему въ этомъ и приступилъ къ закрытію упомянутыхъ приходовъ, — сталъ вывозить изъ нихъ священниковъ, разбирать церкви, свозить ихъ въ Шаровку и изъ этого матеріала началъ строить деревянную церковь вмѣсто обѣщанной каменной. «По таковымъ обстоятельствамъ заключительно», писалъ Іоанникій, «что онъ Дульскій подъ предлогомъ пользы церковной расположился принадлежащія къ онымъ разоренньмъ церквамъ земли присвоить въ свои выгоды» [1].

Труднѣе было дѣло въ изяславской губерніи — на Волыни, гдѣ унія пустила корни глубже. Здѣсь и польскіе паны были фанатичнѣе, и народъ легче поддавался уніатскимъ кознямъ. Еще въ 1794 г., когда Викторъ разослалъ свою грамоту и проповѣдниковъ православія, волынскіе паны не только дѣлали «препятствія жителямъ въ обращеніи ихъ къ православной греко-россійской церкви, но поношеніе и даже побои проповѣдующимъ истинное слово Божіе» [4]. Волынскіе помѣщики подняли даже старую свою теорію, что православіе подрываетъ ихъ власть надъ крестьянами и между ними ходили слухи, что у нихъ будутъ отняты крестьяне [5]. Боязнь за

[1] Арх. св. с., д. 1794 г., № 265, л. 483.

[2] Точно высчитать, сколько именно присоединилось въ это время, мы не нашли возможнымъ, потому что вѣдомости того времени не полны и границы губерній измѣнялись. Полагаемъ для 1090 церквей около 500 прихожанъ на каждую.

[3] Арх. св. с., д. 1796 г., № 435, л. 1—3.

[4] Собр. закон., № 17290.

[5] Тамъ же.

власть помѣщичью была тогда на Волыни такъ велика, что даже русскія власти стали затруднять возсоединеніе въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ не присоединялись священники и не изъявляли согласія на возсоединеніе помѣщики [1]. Строгое напоминаніе Екатерины объ исполненіи указа касательно возсоединенія и о конфискаціи имѣній за противодѣйствіе этому дѣлу и приказаніе предать суду виновныхъ въ этомъ помѣщиковъ Гижицкихъ [2], сдержали на время панскую ревность. Въ изяславской губерніи въ 1795—6 г. было присоединено лишь около 100 тысячь [3].

Еще труднѣе было дѣло въ минской епархіи. Не смотря на то, что эта епархія увеличена была новыми, литовскими областями, Викторъ въ это время успѣлъ присоединить къ православію лишь около 80,000 [4]. Въ ближайшее время оказалось, что изъ числа этихъ присоединенныхъ цѣлыя деревни не принимали никакихъ православныхъ требъ [5]. Вѣроятно, въ виду этихъ печальныхъ явленій Викторъ самъ пріостановился съ возсоединеніемъ [6]. Въ 1796 г, 8 апрѣля дѣятельность Виктора по присоединенію была остановлена и по другой причинѣ. Онъ былъ переведенъ въ Черниговъ [7] и съ трудомъ очищалъ денежные счеты по своему злощастному управленію слуцкой, а потомъ минской епархіей [8].

И въ волынской области, и особенно въ минской множество уніатскихъ священниковъ отказались отъ присоединенія. Одни прямо это заявляли [9], другіе отсутствовали, когда пріѣзжали проповѣдники православія, и объ нихъ говорилось, что одинъ уѣхалъ къ своему архіерею, другой—за покупкой хлѣба [10]; объ иныхъ наконецъ говорится въ вѣдомости Виктора,

---

1 Тамъ же.

2 Тамъ же.

3 Арх. св. с., д. 1794, № 265, л. 502.

4 Тамъ же, л. 331 и 447—478.

5 Тамъ же, д. 1798 г., № 538, л. 36.

6 Тамъ же, д. 1794 г., № 265, л. 446.

7 Арх. св. с., д. 1796 г., № 127, л. 1.

8 Тамъ же, д. 1796 г., № 128.

9 Такихъ особенно много было въ минской области. Арх. св. с., д. 1794 г., № 265, л. 447—477.

10 Тамъ же, л. 459, на 1 и 2 стр.

что «остается съ желаніемъ присоединиться на размышленіи» [1]. Замѣчательно, что дьячки чаще всего и оказывались на лицо, и присоединялись къ православію вмѣстѣ съ прихожанами [2].

Наконецъ, самое большее затрудненіе встрѣтилось въ Бѣлоруссіи. Мѣропріятія правительства по дѣлу возсоединенія уніатовъ въ Малороссіи сначала не касались Бѣлоруссіи. Георгій Конисскій къ 1795 г. сильно ослабѣлъ [3]. Въ его небольшой епархіи, обнимавшей лишь могилевскую губернію, возсоединеніе шло незамѣтно. 10 января 1795 г. послѣдовалъ указъ присоединить къ могилевской епархіи полоцкую губернію и объявить въ обѣихъ губерніяхъ грамоту, приглашающую къ возсоединенію [4]. Но Георгій уже не могъ воспользоваться этимъ расширеніемъ его епархіи и новыми средствами къ возсоединенію. Онъ скончался 13 февраля 1795 г. [5]. На мѣсто его назначенъ былъ 5 марта того же года викарій новгородской епархіи, старорусскій епископъ Аѳанасій [6], который въ маѣ издалъ пригласительную грамоту [7].

Многочисленныя затрудненія встрѣтили Аѳанасія на первыхъ же порахъ его пастырской дѣятельности. Онъ былъ новый человѣкъ въ Бѣлоруссіи. Люди, воспитанные Георгіемъ Конисскимъ, не успѣли, да и не могли, какъ увидимъ, сблизиться съ Аѳанасіемъ и дать ему опоры въ своей опытности, которая особенно нужна была теперь, когда возсоединеніе уніатовъ принимало такое рѣшительное направленіе и когда къ могилевской епархіи присоединялась полоцкая область. Не имѣя подлѣ себя общественной православной силы, какою

---

[1] Тамъ же, л. 463, на оборотѣ и л. 464.

[2] Тамъ же, во многихъ мѣстахъ вѣдомости Виктора, л. 447—477.

[3] 10 іюня 1794 г. Георгій подписался на одномъ донесеніи св. синоду до такой степени дрожащею рукою, что трудно узнать въ этой подписи его четкій, твердый почеркъ. Арх. св. с., д. 1794 г., № 265, л. 113.

[4] Собр. закон., № 17289 и 17333.

[5] Собр. соч. Георг. Кон. ч. 1, стр. XLV.

[6] Собр. зак., № 17333.

[7] Истор. ун. Бант. Кам., стр. 351. Объ обнародованіи этой грамоты, а также грамоты Виктора св. синодъ давалъ, по свидѣтельству игумена Ореста, автора записокъ о Могилевѣ, указы 18 мая и 19 и 26 іюня того же 1795 г. Арх. сбор., т. 2, стр. LXXII. Тутъ же помѣщены также и обѣ грамоты, стр. LXXII—LXXIV.

окруженъ былъ Георгій, Аѳанасій естественно долженъ былъ гораздо больше, чѣмъ Георгій, опираться на поддержку мѣстной администраціи. Администрація эта, какъ намъ уже извѣстно, еще при Георгіѣ была вызвана принимать участіе въ дѣлѣ возсоединенія, — она должна была свидѣтельствовать, дѣйствительно ли заявлявшіе желаніе присоединиться къ православію дѣлали такія заявленія добровольно, безъ принужденія. Въ настоящее время чиновники должны были принимать значительно иное участіе. Они должны были содѣйствовать объявленію пригласительной грамоты и разбирать, кому должна принадлежать церковь, если къ православію присоединялась только часть прихода, а въ Бѣлоруссіи такихъ случаевъ было гораздо больше, чѣмъ въ Малороссіи. Далѣе, изъ нижеприводимыхъ фактовъ мы увидимъ, что чиновники сопровождали по приходамъ проповѣдниковъ православія и сами принимали участіе въ этой проповѣди. Наконецъ, извѣстенъ крупный случай совершенно самостоятельной въ этомъ отношеніи дѣятельности мѣстной администраціи, даже безъ всякихъ сношеній съ духовною властію. Это, именно было въ новоприсоединенной къ могилевской епархіи полоцкой области. Такъ какъ въ этой области, послѣ отдѣленія ея отъ псковской губерніи, не было мѣстнаго православнаго епископа, то, вѣроятно, это обстоятельство привело полоцкаго губернатора Лопатина къ мысли, что онъ самъ долженъ взяться за возсоединеніе уніатовъ. Онъ еще до обнародованія пригласительной грамоты, не сносясь съ духовною православною властію, предположилъ созвать въ Полоцкъ уніатскихъ священниковъ и предложить имъ принять православіе, на что просилъ уніатскаго архіепископа Лисовскаго благословить уніатовъ. За это Лопатинъ получилъ отъ генералъ-губернатора Пассека выговоръ, по которому можно заключать, что дѣло устроялось изъ ревности къ православію и во-время было остановлено [1];

[1] Вотъ этотъ замѣчательный выговоръ: «Изъ донесенія вашего превосходительства отъ 7 іюня усматривая, что вы для скорѣйшаго успѣха въ присоединеніи священствующихъ уніатской религіи къ грековосточной церквѣ предположили созвать оныхъ къ себѣ въ Полоцкъ и представить имъ о семъ каждому порознь убѣдительные совѣты, а между тѣмъ относились къ ихъ архіепископу Лисовскому, прося его своимъ священствующимъ благословенія. И хотя вашъ сей поступокъ означаетъ под-

но свидѣтельство преемника Аѳанасія, Анастасія даетъ совсѣмъ другой видъ этому дѣлу. «Сіе высокое благоволеніе (объявленіе Екатерины, что уніаты могутъ свободно принимать православіе) отъ стороны бѣлорусскаго духовнаго правительства было чрезъ грамоту возвѣщено; но свѣтское правительство предварительно успѣло призвать уніатскихъ поповъ и подъ видомъ убѣжденія къ принятію православія увѣрить, что они могутъ оставаться уніатами. Каковую неосторожность бывшій бѣлорусскій генералъ-губернаторъ господинъ Пассекъ хотя и замѣтилъ рескриптомъ своимъ къ бывшему господину полоцкому губернатору Лопатину; но обращеніе уніатовъ, въ самомъ началѣ будучи испорчено, таковымъ осталось и въ продолженіи» [1]. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы опредѣлить, какъ дѣло было въ дѣйствительности, но имѣемъ основаніе утверждать, что общая характеристика положенія дѣла возсоединенія, сдѣланная Анастасіемъ, для перваго времени нѣсколько преувеличена, а для послѣдующаго не полна.

Рескрипты Екатерины о возсоединеніи и примѣръ Малороссіи въ первое время воодушевили многихъ бѣлорусскихъ чиновниковъ ревностію къ православію, а на польское и уніатское общество произвели подавляющее дѣйствіе. Многіе уніатскіе приходы обращены были въ православіе безъ малѣйшей помѣхи. Подавленные силою новаго направленія паны, уніатскіе священники и нѣкоторыя приходскія братства заняли положеніе скромныхъ просителей и подавали прошенія о возвращеніи въ унію отнятыхъ церквей [2]. Какого рода об-

вигъ въ исполненіи высочайшей ея императорскаго величества воли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вашу неосторожность; ибо призывъ вообще всѣхъ священниковъ можетъ быть препятствіемъ къ скорѣйшему обращенію ихъ въ благочестіе, а гораздо лучше, чтобъ ваше превосходительство призывать изволили по малому числу и то изъ умнѣйшихъ и просвѣщенныхъ, тогда бы о семъ слыша другіе порознь, гораздо бы легче приступить могли къ обращенію, нежели вообще всѣ созванные въ одно мѣсто, и сіе обращеніе въ благочестіе могли бы дѣлать обще съ полоцкимъ богоявленскимъ игуменомъ, сообщая о семъ къ епископу греческаго исповѣданія полоцкому и могилевскому». Арх. св. с., д. 1798 г., № 538, л. 35.

[1] Тамъ же, л. 1—2.

[2] Арх. св. с., д. 1795 г., №№ 289 и 290; д. 1796 г., № 339.

стоятельства вызывали подобныя прошенія, можно судить по слѣдующему случаю. Засѣдатель чаусовскаго уѣзднаго суда, ротмистръ Павелъ Матушевичъ просилъ св. синодъ возвратить въ унію обращенную въ православіе церковь его имѣнія въ с. Мокриднѣ. Основанія этой просьбы, съ точки зрѣнія Матушевича, были весьма сильны. Хотя эта церковь была уніатская, но въ ней былъ латинскій придѣлъ для монахинь маріавитокъ; кромѣ того, въ эту церковь ежегодно пріѣзжали служить радомльскіе монахи — кармелиты. Принадлежавшіе къ этой церкви уніатскіе прихожане—крестьяне Матушевича отказались принимать православіе, не смотря на то, писалъ Матушевичъ, что пріѣхавшій вмѣстѣ съ православнымъ священникомъ стряпчій дѣлалъ имъ угрозы; но кромѣ этихъ прихожанъ къ этой церкви принадлежали крестьяне другихъ помѣщиковъ, которые (крестьяне) приняли православіе, и такъ какъ они составляли большинство, то мокридскую церковь слѣдовало обратить въ православную. Матушевичъ, какъ видно изъ его прошенія, считалъ эту церковь своею и хранилъ у себя ключи отъ нея. Православный священникъ, по-видимому, признавалъ тоже, что церковь принадлежитъ Матушевичу, и попросилъ лишь дозволенія посмотрѣть ее; но войдя въ церковь, освятилъ ее. Св. синодъ, какъ видно изъ рѣшенія его, былъ недоволенъ такимъ образомъ дѣйствій православнаго священника; но, для избѣжанія «еще большаго соблазна и смущенія» въ средѣ возсоединенныхъ, отказалъ просителю и оставилъ церковь православною [1].

Рядомъ съ этими случаями обращенія къ законной власти для разрѣшенія затрудненій, было не мало случаевъ открытаго противодѣйствія возсоединенію, напоминавшихъ собою времена Польши. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣ того, какъ уніатскія церкви отданы были православнымъ, уніаты и ихъ покровители—паны не допускали православныхъ священниковъ освящать эти церкви. Въ невельскомъ уѣздѣ въ погостѣ Кубкахъ помѣщики не допустили (1795 г.) освятить церкви, не смотря на то, что церковь отдана была православнымъ гражданскою властію, на основаніи донесенія, что народъ же-

[1] Тамъ же, д. № 290.

лалъ принять православіе [1]. Въ томъ же году и въ томъ же уѣздѣ въ погостѣ Рикшинѣ шляхтичи подъ предводительствомъ титулярнаго совѣтника Дементія Гласки сами распечатали закрытую до освященія уніатскую церковь, и уніатскій священникъ Захарій Щенсновичъ отслужилъ обѣдню [2]. Въ бабиновицкомъ уѣздѣ, въ м. Микулинѣ во время пріѣзда туда православныхъ священниковъ, «съ командированными отъ стороны свѣтской чиновниками, для склоненія уніатовъ въ православіе послѣдовалъ бунтъ черезъ иновѣрцовъ, и бунтовщиками не допущено, какъ пожелавшихъ благочестія присоединить, такъ и церковь освятить» [3]. «Прихожане кулешевской церкви климовицкаго благочинія, когда имъ объявленъ былъ высочайшій рескриптъ и архипастырская грамота о присоединеніи къ православію, то они согласились быть православными; но когда климовицкій благочинный Пономаревъ прибылъ къ нимъ, чтобы освятить церковь, то нѣкоторые изъ прихожанъ не допустили къ освященію, хотя предъ тѣмъ сами же объ освященіи церкви прошеніемъ его преосвященнаго (Аѳанасія) просили, каковое отвращеніе съ причины, какъ стороною свидѣтельствуется, наказанія нѣкоторыхъ крестьянъ отъ помѣщика полковника Голынскаго за страхъ послѣдовало» [4]. Въ бѣлицкомъ уѣздѣ, въ радугскомъ приходѣ, священникъ Яковъ Галицкій, принявшій православіе, ночью былъ избитъ толпою слугъ рѣчицкаго хорунжаго и кавалера Халѣцкаго [5]. Былъ даже случай явнаго преслѣдованія православія. «Въ 1795 г. оршанскаго округа мѣстечка Любовичь мѣщане по обращеніи уже къ благочестію, по наущенію бывшаго тамъ уніатскаго попа и суррогата Калиновскаго, до такой степени простерли свою дерзость, что во время отправ-

[1] Арх. св. с., д. 1798 г., № 538, л. 6—7. Это и нижеслѣдующія свѣдѣнія о затрудненіяхъ при возсоединеніи мы беремъ изъ донесенія синоду преемника Аѳанасія, Анастасія, донесенія, которое заключаетъ въ себѣ драгоцѣнныя извѣстія о возсоединеніи въ Бѣлоруссіи за время 1795—1798 г.

[2] Тамъ же, л. 21 на оборотѣ.

[3] Тамъ же. Руководителями бунта были уніатскій священникъ Околовичъ и какой-то поповичъ Тамогла.

[4] Тамъ же, л. 7—8. Было это въ мартѣ 1796 г.

[5] Тамъ же, л. 5—6. Дѣло это было въ первой половинѣ 1796 г.

ленія въ тамошней церквѣ благочестивымъ священникомъ утренняго пѣнія, собравшись въ церковь, вшедъ въ алтарь съ страшными угрозами, первѣе выгнали его вонъ изъ церкви, похваляясь въ случаѣ сопротивленія разорвать его въ куски, а потомъ вошедъ въ оную помянутый Калиновскій для отправленія своего служенія, увидя на престолѣ лежащій святый антиминсъ, приказалъ тѣмъ мѣщанамъ возвратить священника, котораго притащивъ въ церковь насильно и поставя у престола съ распростертыми руками крестообразно, взяли сами съ престола антиминсъ и положили ему за пазуху» [1].

Изъ этихъ случаевъ противодѣйствія возсоединенію мы видимъ, что простой народъ — крестьянство Бѣлоруссіи занимаетъ страдательное положеніе. Вліяніе русскихъ людей вызываетъ его на присоединеніе, вліяніе пановъ заставляетъ его противодѣйствовать даже послѣ заявленія желанія быть православнымъ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи, — противодѣйствіи возсоединенію, оказывались замѣтно болѣе энергичными панскіе слуги—дворовые, еще энергичнѣе и самостоятельнѣе ополяченные мѣщане, шляхта, воодушевляемые и поддерживаемые панами. Главнѣйшій узелъ этой латино-польской силы и противодѣйствія возсоединенію скрывался въ мѣстной административной средѣ. Среда эта и тогда уже наполнена была польскою интеллигенціей и вліяніе ея на дѣла съ самаго начала возсоединенія сказалось въ томъ замѣчательномъ фактѣ, что почти всѣ указанные нами случаи открытаго противодѣйствія возсоединенію оставались не рѣшенными многіе годы [2].

Въ той уніатской средѣ, которая не была въ такой зависимости отъ пановъ, какъ бѣлорусское крестьянство и не была такъ ополячена, какъ указанные нами мѣщане м. Микулина и Любовичь, а держалась русскаго направленія и по указанію своего уніатскаго архіепископа Лисовскаго очищала унію отъ латинства и полонизма, рескрипты Екатерины и грамоты Аѳанасія о прямомъ присоединеніи уніатовъ къ православію произвели жестокое разложеніе. Паства миролюбиваго, располо-

---

[1] Тамъ же, л. 46.

[2] Анастасій, перебирая эти случаи, каждый разъ замѣчаетъ въ своемъ донесеніи, кончено ли дѣло или нѣтъ. Тамъ же, д. № 538.

женнаго къ православнымъ и особенно къ Георгію Конисскому Лисовскаго наполнилась безмѣстными, озлобленными уніатскими священниками изъ Волыни, Минска и разныхъ мѣстъ самой Бѣлоруссіи. Всѣ эти люди естественно примыкали къ панамъ, ксендзамъ и усиливали собою фанатическую среду уніатовъ. Они явно и тайно жили по приходамъ, панскимъ дворамъ и дѣлали бѣлорусскому православію туже бѣду, какую дѣлали уніи въ Малороссіи безмѣстные православные священники, сидѣвшіе на чиншѣ или проживавшіе по хуторамъ, мельницамъ. Такимъ образомъ, то возсоединеніе уніатовъ къ православію (прямое, непосредственное), какое труднѣе всего могло подвигаться въ Бѣлоруссіи, было обставлено несчастно, а то возсоединеніе, какое обѣщало самый большій успѣхъ (постепенное, путемъ преобразованій уніатской церкви въ смыслѣ сближенія ея съ православіемъ) было подавлено.

Правительство Екатерины, обладавшее такою большою, многолѣтнею опытностію въ разрѣшеніи русско-польскаго вопроса, нашло бы, вѣроятно, дѣйствительныя средства ослабить и эти затрудненія; но Екатерина умерла въ самомъ началѣ этихъ затрудненій (умерла 6 ноября 1796 г.), а при преемникѣ ея, Павлѣ Петровичѣ, такъ пошли дѣла, что существовавшія затрудненія пріобрѣли необычайную упругость и создались новыя.

Дѣйствія Павла Петровича поражаютъ своею неожиданностію и противоположностію выражавшихся въ нихъ началъ. По отношенію однако къ западной Россіи въ нихъ до нѣкоторой степени можно уловить послѣдовательность. 18 марта 1797 г. Павелъ издалъ манифестъ, въ которомъ высказалъ основныя свои воззрѣнія на дѣла вѣры въ западной Россіи. Павла Петровича возмущало противодѣйствіе польскихъ пановъ и духовенства успѣхамъ православія, и онъ давалъ имъ строгое запрещеніе препятствовать возсоединенію уніатовъ и увлекать возсоединенныхъ въ унію [1]; но въ то же время Павла Петровича возмущало и насиліе по отношенію къ иновѣрцамъ и онъ приказывалъ никого не преслѣдовать за вѣру [2].

---

[1] Собр. закон., № 17879.

[2] Тамъ же, а также указъ отъ 3 апрѣля 1797 г. губернаторамъ всѣхъ

Издавая такіе указы, Павелъ Петровичъ руководствовался, какъ самъ говорилъ въ этихъ указахъ, возвышеннымъ началомъ свободы совѣсти. Во всей широтѣ Павелъ старался приложить это начало въ минской области. 17 мая 1797 г. онъ приказалъ минскому губернатору Карнѣеву «объѣхать всѣ тѣ селенія, въ которыхъ уніятскія церкви превращены въ благочестивыя, но жители въ тѣ церкви ходить и священныя требы получать уклоняются, и буде онъ, господинъ губернаторъ найдетъ, что жители добровольнаго желанія къ присоединенію къ церквѣ нашей не объявили и всегда желали оставаться въ уніи, тамъ имъ ни препятствія, ниже принужденія никакого чинить не позволять, однимъ словомъ стараться возстановить спокойствіе каждаго въ его совѣсти и отвратить раздоръ и ссоры» [1]. Губернаторъ, объѣздивши указанныя поселенія пришелъ однако къ убѣжденію, что зло происходитъ не только отъ того, что уніаты противъ воли были обращаемы въ православіе, но и отъ того, что уніатскіе священники всякими неправдами включали возсоединенныхъ въ списки своихъ прихожанъ. По совѣщаніи съ новымъ минскимъ православнымъ архіепископомъ Іовомъ онъ предположилъ для удержанія statu quo между православными и уніатами ввѣрить Іову наблюденіе за метрическими книгами, какъ православными, такъ и уніатскими и обязать уніатское духовенство доставлять ему эти книги. Эта мѣра утверждена была Павломъ Петровичемъ и, по увѣренію Іова, дѣйствительно обезпечивала на нѣкоторое время миръ въ средѣ православной и уніатской [2], хотя нельзя не признать, что мѣра эта была въ противорѣчіи съ заявленнымъ началомъ свободы совѣсти и вела къ подчиненію всѣхъ уніатовъ православному епископу, какъ и понимали это дѣло сами уніаты [3]. Еще труднѣе было приложить начало свободы совѣсти въ Бѣлоруссіи. Положеніе православной

западныхъ губерній. Выписки изъ собранія узаконеній, относящихся къ управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, изд. 1818 г., стр. 588.

[1] Арх. св. с., д. 1798 г., № 538, л. 36.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же. Уніаты, «считая себя подчиненными мнѣ, всячески остерегались дѣлать въ присоединенныхъ приходахъ развращенія народу», писалъ Іовъ въ 1799 г.

паствы въ Бѣлоруссіи въ это время было весьма бѣдственное. Аѳанасій своими строгостями, доходившими до неприличія, своимъ неуваженіемъ мѣстныхъ православныхъ обычаевъ и людей вооружилъ противъ себя и духовныхъ и свѣтскихъ православныхъ лицъ Бѣлоруссіи [1]. Напряженныя отношенія между нимъ и его паствою дошли до того, что Аѳанасій былъ уволенъ на покой 27 августа 1797 г. [2] и могилевская каѳедра, кажется, слишкомъ три мѣсяца оставалась безъ пастыря, такъ какъ преемникъ Аѳанасія Иларіонъ новгородъ-сѣверскій отказался отъ этого назначенія [3] и только 24 октября назначенъ былъ новый епископъ Анастасій (Братановскій) [4]. Уніаты здѣсь въ это время торжествовали. Вотъ, факты, которые могутъ дать достаточное понятіе о томъ, какъ бѣлорусскіе уніаты воспользовались на первыхъ же порахъ призывомъ Павла Петровича къ уваженію правъ совѣсти. «Прошлаго 1797 г. генваря 17, говорится въ донесеніи Анастасія, опредѣленный къ сей (микулинской) церкви священникъ Максимъ Сахаревичъ... прошеніемъ представлялъ разные чинимые ему и товарищу его унитскими священниками, изъ мѣстечка Микулина еще не удаленными, наругательства и порицанія, паче же возмущеніи (возмущенія) между приходомъ и ослушность прихожанъ въ объявленіи именъ своихъ для записанія въ метричныи книги, сдѣланную чрезъ проговореніе въ церкви ихъ словъ: мы де не слушаемся вашихъ приказовъ, поелику де государыня матушка умерла, то и всѣ ея указы пропали, а пусть государь новый, Павелъ Петровичъ, пришлетъ намъ новый свой указъ и до церкви (къ дверямъ церкви) прибьетъ, то въ ту пору не повинится ли (не покорится ли) кто изъ насъ?» 1 марта микулинцы озадачили Сахаревича новымъ фактомъ: «въ микулинскомъ бернардинскомъ костелѣ публикованъ былъ, неизвѣстно, или отъ кого вымышленный, или, какъ говорятъ, состоявшійся отъ унитскаго архіепископа Лисовскаго указъ о

---

[1] Дѣйствія Аѳанасія описаны въ запискахъ игумена Ореста. Арх. сбор., т. 2, стр. LXXIV—LXXVI.

[2] Арх. св. с., д. 1797 г., № 157, л. 1.

[3] Тамъ же, д. 1797 г., № 594, л. 1—6. Отказался по болѣзни.

[4] Тамъ же, л. 10. Анастасій былъ передъ тѣмъ новоспасскимъ архимандритомъ въ Москвѣ.

дозволеніи всѣмъ унитскимъ попамъ литургисать въ римскихъ костелахъ и желающимъ присоединеннымъ изъ уніи къ благочестію прихожанамъ преподавать христіанскія требы, съ поводу чего унитскіе попы и ксендзы стараются всячески, лестнымъ образомъ прихожанъ его (Сахаревича) совращать паки въ унію, а отъ того всѣ присоединенные нынѣ возмутились и слышно, якобы уже по увѣщанію оныхъ ксендзовъ и унитскихъ поповъ большая часть прихожанъ подписались принять по прежнему — одни римскій, а другіе унитскій законы, а въ церковь благочестивую не только не ходятъ на богомоленіе, но нѣкоторые и требъ приходскихъ у православнѣхъ священниковъ получать не желаютъ.» Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года микулинцы еще болѣе были утверждены въ своемъ рѣшеніи не знать православія. «Ксендзы бернардины и бывшій . . . . унитскій протопопъ Пертъ Перлашевичъ высочайшій манифестъ о привлеканіи желающихъ православія въ другія исповѣданія (т. е. запрещающій это дѣлать) изданный толковали противно въ римскомъ костелѣ съ объявленіемъ какого-то особаго письма отъ римскаго архіепископа, дозволяющаго якобы пріемъ людей за прихожанъ къ костелу даже чрезъ унитскаго попа, и потому исправляютъ уже ксендзы и помянутый унитскій попъ Перлашевичъ всякія требы тамошнимъ прихожанамъ явно со отвращеніемъ оныхъ отъ православія» [1]. Въ дризенскомъ уѣздѣ, въ слободѣ дисенской, помѣщица Сулистровская, въ 1798 г. не смотря на то, что въ православіе обратилось 1229 душъ этого прихода, а въ уніи осталось съ небольшимъ 600, не допустила освятить церкви на православіе, «нарядя крестьянъ своихъ караулить оную съ дубинами, а начальникомъ всему тому былъ и ими повелѣвалъ унитскій попъ Цитовичъ» [2]. Въ томъ же году, «любовицкій базиліанинъ, прозывающійся Смыкъ, съ толпою любовицкихъ жителей — мѣщанъ и поляковъ и съ прочими, бывшими въ Бабиновичахъ подъ стражею и наказанными за прежній ихъ бунтъ, ѣздитъ по деревнямъ и возмущаетъ прихожанъ» [3].

---

[1] Тамъ же, д. № 538, л. 12—13.
[2] Тамъ же, л. 47.
[3] Тамъ же, л. 20.

Во время этихъ объѣздовъ ревнители уніи объявляли народу, что унія опять будетъ возстановлена [1]. Въ быховскомъ уѣздѣ уніатскій священникъ Щелица объявлялъ народу, что имѣетъ указъ, дозволяющій ему всѣхъ принимать въ свою паству, кто ни пожелаетъ [2]. Священникъ церкви бѣлорусской (Бѣлорусцы) Симеонъ Бруевичъ доносилъ, что тамошняя помѣщица Гайкова чинитъ прихожанамъ ея (церкви) въ исповѣданіи православной вѣры разнообразныя препятствія и самое совращеніе чрезъ постройку тамо каплицы и содержаніе при оной ксендза базиліанина съ побужденіемъ прихожанъ получать отъ того ксендза требы» [3]. Уніаты заѣзжали совершать требы даже въ казенныя имѣнія [4], въ которыхъ обыкновенно православіе держалось крѣпче. Православная и уніатская паствы смѣшивались, перепутывались интересы священниковъ, распалялась взаимная вражда и доходила до того, что однажды сынъ доносилъ на роднаго отца съ поразительнымъ упорствомъ и безстыдствомъ [5]. Правительственныя мѣста забрасывались жалобами; слѣдствіе слѣдовало за слѣдствіемъ, тяжбы затягивались на многіе годы.

Нельзя не признать, что свѣтскому правительству, каково бы оно ни было, крайне трудно было разрѣшать многія изъ этихъ дѣлъ. Трудно, напримѣръ, было поддерживать охоту сына обличать дѣла отца—и не только общественныя, но семейныя; трудно было разбирать, почему такіе-то крестьяне не ходятъ въ церковь, не обращаются къ священнику за требами; трудно было разбирать, зачѣмъ уніатскіе священники переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, когда у нихъ оказывались законные виды и предписанія ихъ начальства. Но неоспоримо, что мѣстная администрація и мѣстные суды въ Бѣлоруссіи меньше всего заботились о правдѣ, если дѣло показывало, что страдаютъ православные. Изъ часто упоминаемаго нами донесенія Анастасія видно, что дѣла намѣренно затягивались и что даже явныя насилія оставлялись безъ послѣдствій, какъ напримѣръ насиліе помѣщицы Сулистровской. Представители православія

[1] Тамъ же, л. 19.
[2] Тамъ же, л. 22.
[3] Тамъ же, л. 24—5.
[4] Тамъ же, л. 29—30.
[5] Тамъ же, л. 26—28.

глубоко сознавали, что они опутаны интригами и не имѣютъ силы выпутаться изъ нихъ. «Унія въ бѣлорусской губерніи, писалъ св. синоду Анастасій, 3 августа 1798 г., имѣетъ свой престолъ и онаго подпору не меньше отъ владѣльцовъ, какъ свѣтскихъ судовъ, гдѣ присутствуютъ римско-католики, и отъ духовнаго своего правительства. Въ россійской державѣ никакая благочестивая церковь не претерпѣвала отъ исповѣдниковъ уніи столько презрѣнія, ругательства, насилія, обидъ, какъ церковъ бѣлорусская. Ея жертвенники, ея олтари, ея святое, людское кровавыми орошены слезами, испрашивая защиту отъ Бога и помазанниковъ его. Свидѣтели тому многократныя рекламаціи покойнаго преосвященнаго Георгія. Самодержавному, всероссійскому скипетру принадлежащее достояніе паки возвращено (т. е. Польшѣ или папѣ).... Что нѣкоторые приходы обратились отъ уніи ко благочестію; то сіи приходы суть или таковые, въ коихъ помѣщики не римскаго исповѣданія, или прихожане не были расположены къ своимъ унитскимъ попамъ, или въ коихъ паны сами возжелали оставить уніатство; словомъ, тѣ паче церкви обратились, кои поближе были къ нашему духовному правительству, а подалѣ (подалѣе) отъ унитскія катедры. Почему въ бывшей полоцкой губерніи, что̀ сѣдалище уніатства, высочайшій манифестъ и рескриптъ и не возымѣли своего дѣйствія. Но при обращеніи и малаго количества церквей не поступлено въ силу указовъ. Уніатское духовное правительство не удалило отъ обращенныхъ приходовъ необратившихся поповъ. Сіи-то попы, роспыхаясь сердцемъ, что приходы уже болѣе не въ ихъ рукахъ, какихъ не употребляли и нынѣ (не) употребляютъ срествъ, дабы благочестивыхъ прихожанъ паки совратить въ уніатство! Недовольно того, что шептомъ говорятъ къ уху единомышленниковъ, дерзаютъ даже явно говорить все, что служитъ къ возвышенію уніатства, а къ презрѣнію господствующаго благочестія, опорочивая его священные обряды и праздники и внушая простолюдинамъ, что въ благочестіи нѣтъ ни поминовеній по усопшимъ, ни спасенія.. Свѣтское правительство, а паче нижніе земскіе и повѣтовые суды не внемлютъ губернскимъ (губернаторскимъ?) предписаніямъ: посему злоупотребленія не пресѣчены; обра-

щенные изъ уніи приходы въ горшее приходятъ разстройство, и какъ прихожане, такъ и священники, въ тѣхъ приходахъ находящіись, претерпѣваютъ угнетеніе и насильство, и многіе нижніе земскіе и повѣтовые суды, въ коихъ судьи суть римско-католицкаго закона, чрезъ долгое время предписаній своего начальства не выполняютъ, виновные унитскіе священники и ксендзы и прочіе участники ихъ, коихъ велѣно предавать сужденію и поступать съ ними по законамъ, освобождены отъ истязанія и тѣмъ поданъ имъ поводъ еще большія дѣлать возмущенія въ приходахъ и развраты. Таковыи священники и ксендзы, будучи не удалены отъ оныхъ приходовъ, по своей необузданности и своевольству отправляя служеніе то въ домовыхъ римско-католицкаго закона помѣщиковъ костелахъ, то въ приписныхъ къ приходскимъ церквамъ состоящихъ еще въ уніи каплицахъ или часовняхъ, именуемыхъ ими филіями, преподаютъ прихожанамъ, даже обратившимся въ благочестіе, всякія требы, отъ чего многіе совратились и нынѣ совращаются, а благочестивыи священники остаются со стыдомъ безъ пропитанія....» [1]. «Помѣщикъ римской вѣры Гаврила Кобылинскій всѣмъ прихожанамъ подъ наказаніемъ запретилъ быть у (православнаго) священника (Цытовича) за требами, почему они страха ради ни за какими требами къ нему не являются» [2]. «Нѣкоторые изъ унитовъ и нынѣ отзываются съ желаніемъ присоединиться православной церквѣ; но съ приведеніемъ таковаго желанія въ дѣйство то разными прельщеніями иновѣрцовъ, то внушеніемъ, что даже тѣ, кои присоединились, паки обращены будутъ въ унію, то страхомъ будучи объяты по отзывамъ тѣхъ же иновѣрцевъ, что за присоединеніе немало зла потерпятъ, что во многихъ мѣстахъ и на опытѣ было, (но сіе дѣло свѣтскаго правительства) удерживаются» [3].

Факты эти приводили Анастасія къ самымъ безотраднымъ выводамъ. Этотъ замѣчательный іерархъ, пріобрѣтшій славу тѣмъ, что умѣлъ дѣйствовать на общество силою слова и будить въ немъ христіанскія и русскія чувства, сознавалъ себя

[1] Арх. св. с., д. 1798 г., № 538, л. 1—5.
[2] Тамъ же, л. 8—10.
[3] Тамъ же, л. 1—5.

совершенно безсильнымъ въ Бѣлоруссіи, не усматривалъ возможности опереться на общественныя, народныя русскія силы страны, какъ дѣлалъ Георгій Конисскій, а видѣлъ все спасеніе въ правительственной поддержкѣ [1]. Анастасій даже выработалъ цѣлый планъ правительственной сдержки уніатовъ. Анастасій предлагалъ: 1) объявить всѣхъ уніатовъ пра-

[1] Общественную безпомощность православія въ Бѣлоруссіи чувствовалъ не одинъ Анастасій. Выраженіе подобнаго же чувства мы имѣемъ отъ лица, стоявшаго внѣ волненій изъ-за возсоединенія уніатовъ, отъ гарнизоннаго священника г. Витебска Іоанна Сирохнова, который еще раньше Анастасія скорбѣлъ объ униженіи православія въ г. Витебскѣ. Эту скорбь онъ высказалъ предшественнику Анастасія, Аѳанасію, которому писалъ 17 іюля 1797 г. «Истинно приверженный христіанинъ къ вѣрѣ православной греческой, съ какимъ душевнымъ прискорбіемъ долженъ видѣть отправляемое здѣсь въ городѣ Витебскѣ духовенствомъ и разнаго званія жителями богослуженіе римской и находящихся съ нею въ уніи церквей! Сообразивъ, что древній градъ сей, принадлежащій отъ вѣковъ Россіи, исповѣдывалъ всегда вѣру благочестивую греческую, но по нещастному жребію доставшійся во владѣніе бывшаго королевства польскаго, разными образами, а особенно наиболѣе подвизавшійся тогда полоцкій архіепископъ уніатъ Іосафатъ Кунцевичъ рачительно старался обратить благочестивыхъ въ унію съ римлянами, но истинную и непорочную вѣру греческой церкви исповѣдающіе граждане Витебска не только отвергли его усильныя стараніи, но ревнуя ко благочестію, публично въ 1623 году лишили его жизни за таковую противную благочестивой церкви проповѣдь. Сей случай былъ тогда елеемъ къ погашенію пламени, ибо съ того времени всѣ безъ изъятія страхомъ, насиліемъ и лестію отторгнуты отъ греческой и присоединены къ римской церкви. Но когда всеблагій Богъ распростеръ милосердую свою десницу, насъ сынами имперіи россійской (содѣлалъ?), и когда прежнее достояніе Россіи обращено въ нѣдро ея, тогда обстоятельства и нужда позволили многимъ разнаго званія благочестивымъ христіанамъ имѣть свое неисходное пребываніе въ городѣ Витебскѣ, въ коемъ довольное время съ прискорбіемъ живя, претерпѣвали отъ жителей укоризны будучи лишены надежнѣйшаго пристанища, не имѣя въ городѣ молитвеннаго храма, единаго въ нуждахъ своихъ утѣшенія». Этотъ скорбный голосъ тѣмъ знаменательнѣе, что Сирохновъ самъ былъ общественнымъ труженикомъ. При содѣйствіи коменданта графа Миниха и гарнизонной команды онъ устроилъ въ Витебскѣ деревянную, Николаевскую церковь; но и Сирохновъ не видѣлъ возможности опереться на одни общественныя силы даже всего губернскаго русскаго общества, когда задумалъ устроить въ Витебскѣ каменную православную церковь. Онъ сталъ просить участія въ этомъ дѣлѣ правительства и предлагалъ взять у базиліанъ церковь и обратить въ православный соборъ. Арх. св. с., д. 1797 г., № 436.

вославными, или 2) по крайней мѣрѣ ограничить уніатскую церковь опредѣленнымъ числомъ церквей; 3) всѣ тѣ приходы, въ которыхъ одна часть приняла православіе, а другая осталась въ уніи, объявить всецѣло православными; 4) запретить вновь строить уніатскія церкви и каплицы, особливо въ тѣхъ приходахъ, гдѣ хотя часть уніатскаго прихода обратилась въ православіе; 5) удалить совсѣмъ изъ такихъ приходовъ уніатскихъ священниковъ; 6) запретить римско-католикамъ принимать къ себѣ уніатовъ; 7) не рукополагать вновь уніатскихъ священниковъ, пока оставшіеся безъ мѣстъ не будутъ распредѣлены по мѣстамъ; 8) приказать присутственнымъ мѣстамъ исполнять въ точности, безъ замедленія и послабленія и въ присутствіи православнаго депутата, предписанія начальства касательно уніатовъ; 9) подчинить уніатскую консисторію начальству католическаго правленія (Сестренцевича?); 10) вновь объявить уніатамъ черезъ православныхъ священниковъ, въ присутствіи надежныхъ чиновниковъ, что они могутъ свободно принимать православіе [1].

Св. синодъ не принялъ на себя обязанности составлять, на основаніи донесенія Анастасія, какого либо новаго плана дѣйствій по отношенію къ уніатамъ. Св. синодъ сдѣлалъ лишь историческій очеркъ дѣйствій правительства по этому вопросу, указалъ на крупные факты уніатскихъ насилій и передалъ все дѣло на обсужденіе сената [2]. Правительству Павла, какъ и правительству Екатерины первыхъ годовъ, западная Россія задала такимъ образомъ трудную задачу примѣнить возвышенныя, отвлеченныя начала къ дѣйствительнымъ потребностямъ русскаго, православнаго населенія. Павелъ Петровичъ рѣшилъ эту трудную задачу скоро и легко, ставъ для этого, повидимому, на еще болѣе возвышенную и отвлеченную точку зрѣнія, а въ дѣйствительности, поддавшись самой черствой латино-польской интригѣ. Надобно думать, что изъ сената послѣдовалъ докладъ Павлу Петровичу о представленіи св. синода. 8 октября 1798 г. генералъ-прокуроръ Петръ Лопухинъ написалъ, по порученію Павла Петровича, къ петербургскому митрополиту Гавріилу слѣдующее письмо:

[1] Арх. св. с., д. 1798 г., № 538, л. 1—5.
[2] Тамъ же, л. 44—56.

«До высочайшаго его императорскаго величества свѣдѣнія дошло, что перешедшіе добровольно изъ уніи въ православную греческую вѣру жители новоприсоединенныхъ отъ Польши областей отступаютъ отъ греческой церкви и удаляются отъ всѣхъ церковныхъ требъ по случаю недобропорядочнаго поведенія россійскихъ священниковъ. О чемъ извѣщая ваше высокопреосвященство, долгомъ себѣ поставляю сообщить, не угодно ли будетъ вамъ, милостивый государь, находящимся въ тѣхъ мѣстахъ персонамъ приказать здѣлать по сему случаю надлежащее наставленіе и поученіе, дабы они обывателей уніатскаго закона къ принятію греческой вѣры никакими средствами не принуждали, а возбуждали въ нихъ добровольное желаніе вступать въ оную добродѣтельнымъ своимъ житіемъ, пристойнымъ сану ихъ поведеніемъ и благонравіемъ, кои суть вѣрнѣйшіе способы къ обращенію заблуждшихъ на путь истинный и къ собственному лица ихъ уваженію» [1]. Лопухинъ послалъ подобное же письмо къ бѣлорусскому губернатору [2].

Письмо Лопухина доложено было св. синоду, который постановилъ «предписать кіевскому митрополиту Іероѳею, минскому архіепископу Іову, бѣлорусскому епископу Анастасію, брацлавскому Иннокентію и Викарію минской епархіи Варлааму житомірскому строжайше подтвердить своимъ духовнымъ съ подписками, чтобы они, препровождая добродѣтельное и непостыдное для православной церкви житіе, отнюдь не дерзали дѣлать въ обращеніи къ благочестію (православію)

[1] Арх. св. с., д. 1798 г., № 539, л. 1.

[2] Арх. канц. об.—прок. св. с., разрядъ 19, № 1, по каталогу дѣлъ съ 1797 по 1836 г. Вотъ это письмо—печатная копія: «По дошедшему къ его императорскому величеству свѣдѣнію, что перешедшіе добровольно изъ уніи въ православную греческую вѣру жители бѣлорусской губерніи отступаютъ отъ греческой церкви по случаю недобропорядочнаго поведенія священниковъ, его величество высочайше мнѣ повелѣть соизволилъ: отписать къ вашему превосходительству, чтобы обывателей уніатскаго закона къ принятію греческой вѣры никакими средствами не принуждать, а принимать ихъ возбужденныхъ добровольнымъ желаніемъ вступить въ оную, къ чему привлекать можетъ добродѣтельное житіе, благонравіе и добропорядочное поведеніе россійскихъ духовныхъ особъ, коимъ все сіе должно начальство внушить, исполняя высокомонаршую волю».

состоящимъ въ уніи жителямъ никакого насилія, подъ опасеніемъ осужденія по строгости законовъ и лишенія чиновъ своихъ, поступая въ семъ благочестивомъ подвигѣ со всякою христіанскою кротостію по апостольскому ученію, имѣя за правило высочайшій его императорскаго величества манифестъ (1797 г. 18 марта).... и посланные изъ свят. синода.... указы» [1].

Какое дѣйствіе произвели въ западной Россіи эти бумаги, это обнаружилось скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Архіепископъ минскій, донося 30 октября св. синоду о полученіи вышеприведеннаго указа, не удержался, чтобы не высказать своего взгляда на это дѣло, и прибавилъ къ своему извѣстію: «а притомъ доношу, что хотя до вступленія моего въ управленіе минскою епархіею нѣкоторыхъ церквей прихожане чрезъ наущеніе безмѣстныхъ уніатскихъ ксендзовъ и были развращенными, но нынѣ все то чрезъ посредство духовнаго и гражданскаго правительства пресѣчено и успокоено. Обращеніе жъ вновь церквей и народа теперь происходитъ не такъ, какъ было прежде, ибо нынѣ при всякомъ присоединеніи по отношенію моему къ господину минскому губернатору отряжается со стороны гражданской чиновникъ исповѣданія римскаго, который съ желающихъ присоединиться отбирая своеручныя подписки, самъ отсылаетъ оныя въ губернское правленіе, почему и уповаю я, что впредь присоединенные изъ уніи къ благочестію люди не будутъ развращаемы и совращаемы съ пути истиннаго» [2]. Анастасій могилевскій еще яснѣе раскрылъ и свое впечатлѣніе отъ бумагъ Лопухина, и послѣдствія ихъ въ западной Россіи. 30 ноября онъ доносилъ св. синоду: «Его императорскаго величества указъ по секрету относительно къ совращающимся паки въ унію по причинѣ недобропорядочнаго поведенія священниковъ, а потому и о непринужденіи обитателей унитскаго закона къ принятію греческой вѣры, наконецъ къ крайнему безпокойствію и затрудненіямъ нашея церкви здѣлался не секретомъ. Рескриптъ его превосходительства господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника генералъ-прокурора и кавалера, по предло-

[1] Арх. св. с., д. 1798 г., № 539, л. 2.
[2] Тамъ же, л. 8.

женію бѣлорусскаго господина губернатора, губернское правленіе печатными, то промеморіями, то сообщеніями, то указами, по всей губерніи опубликовало, чему во свидѣтельство прилагаю при семъ и въ мою консисторію присланную печатную промеморію, какъ бы не довольно было того, что господинъ губернаторъ съ приложеніемъ копіи рескрипта отнесся ко мнѣ по секрету, или какъ бы предполагая, что высшее грекороссійскаго исповѣданія правительство, святѣйшій синодъ, по таковому секрету не благоволилъ учинить приказанія; ибо губернское правленіе, хотя учтивымъ выраженіемъ, однако повелѣваетъ консисторіи, дабы поступать тако [1]. И какъ въ рескриптѣ отъ господина генералъ-прокурора къ господину губернатору бѣлорусскому, именно изображено, что въ бѣлорусской губерніи совращаются паки въ унію по причинѣ порочнаго священства: то я по долгу моему не преминулъ розыскать, гдѣ бы такое было совращеніе, и нашелъ оное въ селѣ владѣемомъ отъ митрополита римскихъ церквей; ибо изъ сего села еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ проѣздѣ моемъ по епархіи подано прошеніе, на которомъ предписалъ я изслѣдовать, что и изслѣдывается: убо предъзаятіе столь же интересное для личности, какъ и для нашея церкви невыгодное. О чемъ, яко и по признанію благонамѣренныхъ католиковъ, возмутительномъ для господствующей религіи опубликованіи, симъ всепочтенно репортую» [2]. Оберъ-прокуроръ св. синода, князь

---

[1] Арх. св. с., д. 1798 г., № 539, л. 12. Упоминаемая промеморія бѣлорусскаго губернскаго правленія въ духовную бѣлорусскую консисторію была слѣдующая: «При предложеніи господинъ губернаторъ и кавалеръ препроводилъ копію съ отношенія полученнаго имъ отъ его высокопревосходительства господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника генералъ-прокурора и кавалера Петра Васильевича Лопухина отъ 7 октября послѣдовавшаго по высочайшей государя императора воли, чтобъ обывателей уніатскаго закона къ принятію греческой вѣры никакими средствами не принуждать, а принимать ихъ возбужденныхъ добровольнымъ желаніемъ вступить въ оную и о протчемъ. Вслѣдствіе чего въ семъ правленіи опредѣлено: съ копіею отношенія господина генералъ-прокурора и кавалера, бѣлорусской духовной консисторіи послать промеморію: дабы благоволила поступать по точнымъ словамъ высочайшаго его императорскаго величества соизволенія; а для должнаго свѣдѣнія господамъ комендантамъ, городничимъ, повѣтовымъ и нижнимъ земскимъ судамъ дать знать сообщеніями и указами. Ноября 5 дня, 1798 года». Подлинная за подписаніемъ

Хованскій представилъ это донесеніе Лопухину. Лопухинъ передалъ его на разсмотрѣніе сената. Сенатъ призналъ, что бѣлорусское губернское правленіе сдѣлало дурно, опубликовавъ секретный рескриптъ бѣлорусскому губернатору Жегулину, и постановилъ: «бѣлорусскому губернскому правленію предписать, дабы впредь въ постановленіи подобныхъ сему случиться могущихъ опредѣленій поступало по изданнымъ на таковые случаи узаконеніямъ, дѣлая оные со всякою осторожностію» [1].

Такимъ образомъ, православное духовенство западной Россіи не только устранено было отъ мірскихъ средствъ въ дѣлѣ возсоединенія, но устранено было также и отъ чисто духовнаго дѣла,—сознательнаго вліянія на уніатовъ, напримѣръ, проповѣдью имъ православной истины. Оно вызвано было лишь дѣйствовать на уніатовъ примѣромъ своей доброй жизни, но и это вліяніе затруднено было тѣмъ страшнымъ позоромъ, какому подвергало его обнародованіе письма Лопухина къ бѣлорусскому губернатору. Все это неизбѣжно должно было остановить движеніе возсоединенія. Оно теперь могло лишь выражаться въ частныхъ, единичныхъ присоединеніяхъ къ православію, но такое присоединеніе, возможное и естественное въ средѣ свободныхъ, развитыхъ людей, было, какъ мы знаемъ, весьма трудно въ западной Россіи, даже въ средѣ шляхетства и мѣщанства, а въ средѣ крестьянъ, гдѣ такъ легко было задавить православное движеніе даже цѣлыхъ деревень и приходовъ, оно было почти невозможно. Здѣсь всякій, лично принимавшій православіе, вѣрнѣйшимъ образомъ обрекалъ себя на погибель. Наконецъ это пріостановленіе возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ послѣдовало въ такое время, когда уніатская церковь получила новыя средства къ заявленію своей исторической жизни.

Павелъ Петровичъ, собиравшій во-едино русскія силы съ большою послѣдовательностію и напряженными усиліями, держался по отношенію къ окраинамъ Россіи совершенно противоположной политики. Онъ старался исправить не-

---

барона Вонъ-Ляра-Лярска. За скрѣпою экспедитора Ивана Добровольскаго. Тамъ же, л. 13.

[1] Арх. св. с., д. 1798 г., № 539, л. 17—18.

правды, по его мнѣнію, Екатерины и возстановлялъ автономію этихъ окраинъ. Онъ возвратилъ изъ ссылки поляковъ, осужденныхъ за смуту 1794—5 г.[1], на всемъ пространствѣ присоединенныхъ областей далъ силу литовско-польскому законодательству и даже дозволилъ собирать сеймики для выбора, вмѣсто предводителей дворянства, маршаловъ и другихъ чиновныхъ людей [2]. Подъ эту систему дѣйствій естественно подходили и уніаты, какъ мѣстная западно-русская сила. Мы видѣли какъ много надѣялись уніаты въ Бѣлоруссіи на перемѣну дѣлъ при Павлѣ. Эти надежды не одни они питали. Бывшій уніатскій митрополитъ Ростоцкій, жившій въ Петербургѣ, привѣтствовалъ вступленіе на престолъ Павла Петровича восторженною рѣчью, въ которой называлъ себя возстановленнымъ въ своихъ правахъ уніатскимъ митрополитомъ [3]. Надежды эти подкрѣпилъ папскій нунцій Литта, который на пути въ Петербургъ (1797 г.) собиралъ жалобы уніатовъ на насильственное обращеніе ихъ въ православіе [4], и по пріѣздѣ въ Петербургъ занялся упроченіемъ дѣлъ папы въ Россіи [5]. Ожиданія уніатовъ въ значительной степени исполнились. Ростоцкій, правда, не былъ призванъ занять вновь митрополичью каѳедру, но для уніи всетаки сдѣлано было очень много. 28 февраля 1798 г. Павелъ Петровичъ издалъ указъ, которымъ вновь утверждалась власть полоцкаго уніатскаго архіепископа надъ бѣлорусскими уніатами и возстановлялись: брестская епископія для управленія уніатами минской и литовской областей и луцкая для уніатовъ Малороссіи [6]. Въ уніатской средѣ этихъ областей началась кипучая дѣятельность. Въ дубенскомъ уѣздѣ (принадлежавшемъ тогда къ брацлавской епархіи) «многія церкви насильно отобраны

---

[1] Собр. зак., № 17585; слич. № 18248.
[2] Тамъ же, № 17789.
[3] Изъ уніатскихъ бумагъ свящ. І. Котовича.
[4] Изъ тѣхъ же бумагъ.
[5] Іезуиты въ Россіи, свящ. Морошкина, т. 1, періодъ 2, гл. 1 и 2.
[6] Собр. зак., № 18503. Назначены въ эти епархіи прежніе епископы: брестскимъ—Арсеній Глоневскій, луцкимъ—Стефанъ Левинскій. Митрополиту Ростоцкому пенсія признана пожизненною; пенсія же назначена и пинскому викарію Булгаку.

были на унію»[1]. Варлаамъ житомірскій прислалъ въ св. синодъ заразъ два донесенія. «Села Бѣлостока», говорится въ одномъ изъ этихъ донесеній, «жители бывъ благочестивыми третій уже годъ, во всѣхъ христіанскихъ требахъ относились къ православнымъ своимъ священникамъ и были во всемъ спокойны; а сего года марта 15 дня (1798 г.) (по поводу событій въ дубенскомъ уѣздѣ), а болѣе еще потому, что бѣлостоцкіе базиліане устроивъ въ своемъ монастырѣ каплицу, публично со всѣмъ своимъ собраніемъ отправляютъ богослуженіе, и тѣ бѣлостоцкіе прихожане на оное стекаются, и предпринявъ намѣреніе быть паки уніатами, отобрали самоправно отъ приходской церкви ключи, и по многократнымъ требованіямъ доселѣ оныхъ не отдаютъ, почему луцкій нижній земскій судъ принужденъ велѣть слесарю церковь отпереть, которая 18 минувшаго апрѣля и отперта и поручена приходскому той церкви священнику, который хотя и производитъ въ оной богослуженіе, но прихожане въ оную не ходятъ, а ходятъ въ базиліанскую каплицу и во святую четыредесятницу ни одна душа у исповѣди не была и единогласно мужья и жены кричали, что они готовы на всякое наказаніе, а благочестивыми не будутъ»[2]. Въ эту же четыредесятницу ревнители уніи подготовили народъ, незабывшій уніи, и въ другомъ мѣстѣ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. «Сего мая 2 дня», говорится въ другомъ донесеніи Варлаама, «изъ луцкаго духовнаго правленія репортомъ мнѣ представлено, что въ день свѣтлаго праздника Воскресенія Христова, села Оздѣнежа жители съ латинскимъ ксендзомъ, бывшимъ приходскимъ ихъ уніатскимъ попомъ, Нарушевичемъ, того села церковь благочестивую обратили на унію»[3]. Мѣстныя власти отнеслись къ этимъ дѣламъ совсѣмъ не такъ, какъ естественно было ожидать уніатамъ въ виду новаго направленія религіозныхъ дѣлъ въ западной Россіи. Генералъ-губернаторъ Гудовичъ приказалъ забрать всѣхъ зачинщиковъ этихъ волненій и предать ихъ суду. Эти дѣйствія понравились Павлу Петровичу и онъ написалъ ему слѣдующій рескриптъ: «Получилъ я донесеніе

---

[1] Арх. св. с., д. 1798 г., № 538, л. 38.
[2] Тамъ же.
[3] Тамъ же.

ваше отъ 29 сентября, похваляю всѣ ваши исполнѣніи когда узнали, что нѣкоторыя селенія волынской губерніи, остава православную грекороссійскую вѣру, отошли къ уніи, и очень хорошо здѣлали предавъ всѣхъ совратителей законному сужденію, для отвращенія жъ сего впредь употребляйте все возможное стараніе, чтобы узнавать о подобныхъ соблазнителяхъ, дабы поступать съ ними по законамъ, касательно жъ тѣхъ, которые приняли унію и не выходятъ изъ заблужденія, повелѣваю вамъ недѣлавъ никакого притѣсненія, поступать съ ними въ силу изданнаго мною манифеста въ 18 день марта 1797 г.»[1].

Въ минской области уніатская интеллегентная сила выступила еще явственнѣе, обнаружила даже въ себѣ сильную способность къ организаціи и вызвало мѣстное правительство на столь же рѣшительныя мѣры. Минскій архіепископъ Іовъ доносилъ, что уніаты отказались доставлять ему свои вѣдомости, что «унитскіе священники опять зачали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отвлекать людей» и что вновь назначенный брестскій епископъ Іосафатъ Булгакъ[2], (бывшій викарнымъ пинской епископіи до закрытія ея) «въ городѣ Пинскѣ учредилъ свою викарную консисторію, въ которую опредѣлилъ, какъ суррогата, Гречку, который имѣлъ приходъ въ городѣ Пинскѣ, да и прочихъ ему въ помощь священниковъ, кои имѣли приходы въ Пинскѣ жъ или въ близости онаго, но присоединиться не пожелали, да притомъ, какъ въ городѣ Пинскѣ, такъ и въ округѣ его нѣтъ ни одной уніатской церкви, но всѣ присоединенныя, почему безмѣстные уніатскіе священники, а равно имѣющіе приходы, переѣзжая чрезъ помянутые присоединенные приходы въ Пинскъ въ свою консисторію, имѣютъ способъ отвлекать народъ»[3]. По поводу такихъ событій устроено было совѣщаніе между православнымъ архіепископомъ Іовомъ, уніатскимъ епископомъ Булгакомъ и губернаторомъ Карнѣевымъ. Результатомъ этого совѣщанія

---

[1] Арх. св. с., д. 1799 г., № 520.

[2] Арх. ун. м., № 407 и 408; Арх. греко-ун. коллегіи, д. 1809 г., № 4, о возстановленіи ун. митрополіи въ Вильнѣ. Булгакъ назначенъ 1798 г. 29 іюля.

[3] Арх. св. с., д. 1798 г., № 538, л. 36.

были такія постановленія, которыя ставили уніатовъ, какъ бы, въ осадное положеніе. Всякій уніатъ, живущій въ православномъ приходѣ, долженъ былъ имѣть объ этомъ записку отъ православнаго священника. Уніатскій священникъ не имѣлъ права въѣзжать въ православный приходъ; если же настояла въ этомъ необходимость, то онъ долженъ совершать требу въ присутствіи православнаго священника или по запискѣ отъ него [1].

Такимъ образомъ, отстраненіе православнаго духовенства отъ прямаго участія въ дѣлѣ возсоединенія, вызванное, повидимому, болѣе возвышеннымъ воззрѣніемъ на дѣло, нежели какого держалось это духовенство, повело къ усиленію уніатскихъ интригъ и насилій и затѣмъ къ такимъ мѣрамъ русской администраціи, которыя были очень далеки отъ высокихъ началъ жизни и не могли создать ничего прочнаго. Но, что̀ еще страннѣе и печальнѣе: изъ этой борьбы между православіемъ и уніей не выходило ничего прочнаго не только для православія, но и для уніи. Плоды отъ этой борьбы пожинали посторонніе люди—латиняне, поляки. На Волыни жители Оздѣнежа отнимаютъ православную церковь, повидимому, съ тѣмъ, чтобы возстановить унію, но въ дѣйствительности оказывается, что бывшій у нихъ прежде уніатскій священникъ и затѣмъ перешедшій къ латинянамъ, тянетъ и ихъ въ латинство, и они принимаютъ не унію, а латинство [2]. Дѣла въ минской области объяснили, почему уніатскимъ священникамъ такъ легко было переходить самимъ и вести за собою народъ въ латинство. Іовъ въ письмѣ къ митрополиту Гавріилу жаловался, между прочимъ, на то, что жены и дѣти даже нѣкоторыхъ изъ возсоединившихся священниковъ остаются въ римско-католическомъ исповѣданіи [3]. Въ Бѣлоруссіи унія еще болѣе теряла смыслъ, какъ особое, прочное вѣроисповѣданіе, и здѣсь поляки—латиняне со всею безцеремонностію показывали, что и всякое оживленіе уніи, и всякое стѣсненіе ея со стороны русскихъ равно должны вести къ совращенію уніатовъ въ латинство. «Римско-котолицкая конси-

[1] Арх. св. с., д. 1798 г., № 538, л. 44.
[2] Тамъ же, л. 39.
[3] Тамъ же, л. 36.

сторія, говорится въ сообщеніи св. синода сенату (1798 г.), дозволила унитскимъ попамъ исправлять священнослуженіе въ римскихъ костелахъ съ тѣмъ единственно, какъ то изъ послѣдствія открывается, дабы, приласкавъ къ себѣ унитскихъ поповъ, привлечь чрезъ то въ римскую религію и прихожанъ ихъ унитовъ» [1]. Не довольствуясь объединеніемъ уніатовъ и латинянъ въ костелахъ, латинскіе и уніатскіе священники, какъ мы уже видѣли и выше, вмѣстѣ объѣзжали приходы и совращали народъ, въ какую вѣру? не всегда можно было разобрать. Такъ, въ сеннинскомъ уѣздѣ такіе союзники, бернардинъ и уніатскій священникъ, совратили 500 домовъ [2]. Но нерѣдко дѣло дѣлалось начистоту. «Въ бѣлорусской губерніи, говорится въ томъ же сообщеніи св. синода сенату, не только изъ унитовъ, но изъ присоединившихся къ благочестію, въ римскую религію совращены цѣлые приходы въ немаломъ числѣ душъ состоящіе» [3]. Св. синодъ былъ тогда, на сколько намъ извѣстно, единственнымъ учрежденіемъ, гдѣ эти факты освѣщались настоящимъ свѣтомъ. Свѣтская администрація вызвана была иначе смотрѣть на это дѣло. Павелъ Петровичъ, за исключеніемъ мимолетныхъ увлеченій въ пользу уніатовъ, смотрѣлъ на нихъ очень дурно. Онъ признавалъ ихъ подлежащими уничтоженію и иногда даже воображалъ, что они уже не существуютъ. Утверждая въ 1799 г. слѣдствіе, произведенное Гудовичемъ о совращеніяхъ на Волыни въ латинство православныхъ и уніатовъ и приказывая отсылать совращенныхъ изъ православія на увѣщаніе въ духовное православное вѣдомство, Павелъ приказалъ въ то же время оставить въ покоѣ уніатовъ, совращенныхъ въ латинство [1]. Возстановляя уніатскія епископіи, Павелъ не далъ уніатамъ ни митрополита, ни самостоятельнаго управленія, а подчинилъ ихъ управленію устроенной тогда римско-католической коллегіи [1]. Этимъ рѣшались два вопроса великой важности для

[1] Арх. св. с., д. 1798 г., № 538, л. 47.
[2] Тамъ же, л. 14.
[3] Тамъ же, л. 54.
[4] Собр. зак., № 18503. Этимъ указомъ собственно распространены на уніатовъ русскія узаконенія касательно латинянъ; но это имѣло еще болѣе важное значеніе, чѣмъ простое подчиненіе ихъ римско-католической коллегіи, потому что этимъ закрѣплялось кромѣ подчиненія уніатовъ

уніатовъ. Они теряли бывшую у нихъ до того времени значительную іерархическую независимость и отъ папы и отъ латинской іерархіи. Даже заштатный митрополитъ Ростоцкій счелъ себя обязаннымъ напомнить правительству Павла, что уніатская церковь до того времени занимала иное положеніе [1]. Напоминаніе это оказалось злощастнымъ потому, безъ сомнѣнія, что не чуждо было своекорыстныхъ цѣлей для Ростоцкаго [2]. Павелъ Петровичъ не только не уважилъ указаній Ростоцкаго на значеніе митрополичьей власти въ уніатской западно-русской церкви, но не допустилъ никого изъ уніатовъ въ центральное управленіе, которому подчинены были уніаты,—въ римско-католическую коллегію. 29 декабря 1800 г., по поводу вышеупомянутаго представленія Ростоцкаго, Павелъ собственноручно написалъ: «уніаты, такъ какъ они присоединены или къ намъ или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ (въ р. католич-коллегіи) не могутъ имѣть» [3]. Этимъ рѣшеніемъ остававшіеся уніаты не только отдавались во власть латинянъ, но и осуждались на переходъ въ латинство, что̀, какъ мы уже видѣли, приводилось латинянами въ исполненіе, и какъ надѣемся показать въ другомъ трудѣ, достигло въ ближайшее затѣмъ время громадныхъ размѣровъ [4].

Такимъ образомъ, къ началу настоящаго столѣтія задержанъ былъ ростъ чисто русской православной силы въ западной Россіи, остановлено было русское оживленіе въ уніатской

и внутреннее объединеніе ихъ съ латинянами. Во главѣ римско-католической коллегіи или, какъ тогда называли, римско-католическаго департамента, поставленъ былъ латинскій митрополитъ Сестренцевичъ. Собр. зак., № 18345.

[1] Собр. узакон., относящ. къ управленію духовн. дѣлъ иностр. исповѣд., стр. 266—267.

[2] Ростоцкій предлагалъ возстановить его въ правахъ митрополита. Тамъ же.

[3] Собр. зак., № 19684; слич. Собр. узакон., стр. 266—267.

[4] Сохранилось извѣстіе, что еще до вышеприведеннаго рѣшенія Павла, именно еще въ 1799 г., было предположеніе перевесть въ латинство всѣхъ уніатовъ, и что въ этомъ году Ростоцкій посылалъ въ Вѣну базиліанина Хробровицкаго хлопотать о заступничествѣ за русскихъ уніатовъ и о противодѣйствіи Сестренцевичу, выхлопотавшему разрѣшеніе на переходъ всѣхъ уніатовъ въ латинство. Отрывки изъ лѣтописныхъ замѣтокъ, составленныхъ въ тороканскомъ монастырѣ. Изъ уніатскихъ бумагъ, сообщенныхъ свящ. І. Котовичемъ.

средѣ, и первая задержка незамѣтно, а вторая явно направлена была къ интересамъ латинянъ въ Россіи.

Этотъ исходъ исторіи возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ, при первомъ взглядѣ на него, можетъ представляться неожиданнымъ, и можно думать, что онъ всею своею тяжестію падаетъ на время Павла Петровича. Такое заключеніе было бы невѣрно. Исходъ этотъ давно подготовлялся, и времени Павла Петровича принадлежитъ лишь, строго говоря, послѣдовательное отношеніе къ нему. Мы знаемъ, что мысль объ уничтоженіи уніи не принадлежитъ, какъ новость, ни времени Павла, ни времени Екатерины. Она носилась надъ уніей во все время ея историческаго развитія и, можно сказать, родилась вмѣстѣ съ уніей. Въ какую сторону направится это уничтоженіе,—въ русскую ли, православную, или польскую, латинскую, это зависило всегда отъ преобладанія въ данное время русской или польской силы,—народной въ исключительныхъ случаяхъ и интеллигентной въ обычныя времена. Въ разсматриваемыя нами времена, пока возсоединеніе уніатовъ сосредоточивалось въ Малороссіи, гдѣ народъ неудержимо стремился къ возстановленію у себя русской и православной жизни, гдѣ его интеллигенція доставляла русскому правительству богатѣйшія свѣдѣнія и поддержку, гдѣ, словомъ, была богатая почва для прямого, непосредственнаго перехода уніатовъ въ православіе, унія уничтожалась въ пользу православія; но когда возсоединеніе стало сосредоточиваться въ Бѣлоруссіи, въ которой унія и полонизмъ пустили глубокіе корни, въ которой мы не видимъ ни народной громады, ни такой сильной русской интеллигенціи, какую представляло собою малороссійское духовенство, прямое присоединеніе имѣло небольшой размѣръ, постепенное возстановленіе въ уніи православія возникло само собою, но надъ тѣмъ и другимъ направленіемъ господствовало притяженіе уніатовъ къ латинству, и не одно время Павла Петровича давало ему силу. Задержка возсоединенія въ Бѣлоруссіи, послѣ перваго раздѣла Польши, сохраненіе іезуитовъ, попытки Сестренцевича подчинить себѣ уніатовъ, разрѣшеніе уніатскимъ священникамъ размѣщаться по латинскимъ приходамъ [1],—все

[1] Собр. зак., 17384 и 17391.

это было до Павла Петровича и все это выражало одну и ту же мысль,—что въ Бѣлоруссіи преобладаніе принадлежитъ латинской, польской силѣ, а не русской, православной. Постепенное усиленіе этаго явленія было тѣмъ естественнѣе, что съ послѣдующими раздѣлами Польши въ Россіи оказывалось большее и большее число польскихъ, интеллигентныхъ людей, съ которыми труднѣе и труднѣе было бороться русскимъ, интеллигентнымъ силамъ. Это естественное, но въ высшей степени несправедливое, по отношенію къ русскому народу, направленіе измѣнено было, благодаря присутствію въ русскомъ народѣ—и восточной и западной Россіи—большой строительной, исторической силы. Въ то самое время, когда въ Бѣлоруссіи, повидимому, такъ рѣшительно и безповоротно остановились, въ пользу латинства и полонизма, и распространеніе православія, и православное оживленіе уніи, бѣлорусскіе уніаты сами стали вновь вырываться изъ рукъ латинянъ—поляковъ и стремиться къ сближенію съ православнымъ, русскимъ народомъ; возникло вновь и прямое, и постепенное возсоединеніе уніатовъ и выработалось то великое событіе, которое извѣстно подъ именемъ возсоединенія уніатовъ въ 1839 г.

КОНЕЦЪ.

BX 323 .K62 C.1
Istoriia vozsoedineniia zapadn
Stanford University Libraries
3 6105 036 615 917

DATE DUE

